Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр Российской академии наук
Южный федеральный университет
Северо-Кавказский федеральный университет

Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура

Материалы XIII Международного форума
историков-кавказоведов

Ставрополь–Пятигорск, 12–13 октября 2026 г.

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2026

УДК 94(470.6)``17/20``(063)
ББК 63.3(235.7)512+63.3(235.7)64 я431
Н30

Напечатано при финансовой поддержке
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета

Главный редактор
академик *Г.Г. Матишов*

Редакционная коллегия:
канд. соц. наук *А.В. Бедрик*, д-р ист. наук *М.Е. Колесникова*,
д-р ист. наук *Е.Ф. Кринко*, канд. филос. наук *И.В. Пащенко*

Н30 **Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура** : материалы XIII Международного форума историков-кавказоведов (г. Ставрополь–Пятигорск, 12–13 октября 2026 г.) / гл. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2026. – 540 с.

ISBN 978-5-9275-5297-9

В сборнике представлены материалы исследований истории, политики и культуры Кавказского региона в XVIII–XXI вв. В предлагаемых читателю статьях рассматриваются актуальные проблемы современного кавказоведения, эволюция институтов власти и государственное строительство, демографическое и социально-экономическое развитие, традиционные институты и повседневные практики, культурная и религиозная политика, войны и вооруженные конфликты, межэтнические и международные отношения, идентичность, этнокультурное взаимодействие и проблемы сохранения историко-культурного наследия.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех заинтересованных читателей.

Редколлегия не несет ответственности за достоверность приводимой авторами информации. Ответственность за нарушение интеллектуальных прав третьих лиц несут авторы либо лица, их представляющие.

ISBN 978-5-9275-5297-9
УДК 94(470.6)``17/20``(063)
ББК 63.3(235.7)512+63.3(235.7)64 я431

© ЮНЦ РАН, 2026
© ЮФУ, 2026
© СКФУ, 2026

Содержание

Предисловие **11**

Раздел 1. Современное кавказоведение: проблемы методологии, источниковедения, историографии **14**

Колесникова М.Е.
225-летие издания Манифеста о присоединении к России Восточной Грузии (1801 г.): историография проблемы 14

Бобровников В.О.
Долгое становление исламоведения на российском Кавказе XIX–XXI вв... 21

Герман Р.Э.
Теория аккультурации как методология исследования истории Северного Кавказа в составе Российской империи 27

Бабенко В.А.
К вопросу о названиях городов на месте городищ Нижний Джулат и Верхний Джулат на Верхнем Тереке (по документам XVI–XVIII вв.) 32

Кидирниязов Д.С., Аракчиев Д.З.
Ногайцы Кавказа и соседствующие с ними народы в описании Жана-Батиста Тавернье: новые данные по истории и этнографии XVII в. 36

СултанбековР.М.
Государственно-политические структуры Дагестана в трудах представителей российской военно-исторической школы (первая половина XIX в.) 42

Коровин Н.А.
Дневники и мемуары православного духовенства как источник по истории Кавказа в XIX – начале XX вв. 47

Журтова А.А.
Политика России на Северо-Восточном Кавказе в 1830-х – 1860-х гг. в отражении дореволюционной периодической печати (по материалам журнала «Русская старина») 51

Текеев И.Р.
Роль российских военных топографов в географическом исследовании Северного Кавказа в XIX веке 57

Колосовская Т.А.
Военные фотографы «открывают» Кавказ: к вопросу о визуализации кавказской этнографии 61

Ткаченко Д.С.
Штаб Кавказского военного округа в изучении сопредельных земель в начале XX в. (по материалам М.А. Ардатова и К.Н. Смирнова) 66

Манышев С.Б.
Знание и власть на периферии: институционализация советского кавказоведения в 1920–1930-е гг. 71

Самохин М.М.
Изучение христианизации Кавказа в советский период 76

Салакая С.Ш., Салакая Е.С., Казанба И.О.
История образования ССР Абхазии (1921 г.) в абхазской советской исторической науке 80

Муха М.Д.
Советская историография абречества
и концепция социального бандитизма 84
Сулаберидзе Ю.С.
Проблемы Кавказа в научном творчестве И.Г.Антелавы....89
Бугаев А.М., Гапуров Ш.А., Магамадов С.С.
Реабилитация репрессированных народов Северного Кавказа:
историографические и источниковедческие аспекты....94
Фоменко В.А.,Тубаев М.А.
О научных связях археологов Северного Кавказа и Грузии
в 1960–1980-х гг. 99
Бегуев С.А., Нуридова А.Х.
Проблематика исторического развития Чечни
в современной историографии....103

Раздел 2. Эволюция институтов власти и государственное строительство на Кавказе (XVIII–XXI вв.) 109

Абазов А.Х.
Устойчивые и адаптивные институты российской государственности
на Центральном Кавказе в последней трети XVIII – начале XX века 109
Муханов В.М.
Д.А. Милютин на Кавказе: основные вехи 113
Апанащенко О.В.
Женщины во власти на Кавказе: гендерные стереотипы
и реальность в элитарных структурах (XVIII–XXI вв.) 117
Николаенко Н.Д.
Служебная деятельность остзейского дворянина
Константина Борисовича Рихтера на Северном Кавказе 120
Анищенко Е.А.
Организационно-структурные основы продовольственной политики
Российской империи на Центральном Кавказе в последней трети
XIX – начале XX в. на примере Нальчикского округа Терской области 125
Лиджиева И.В.
О печати бакши донских калмыков:
попытка институциональных изменений в начале XX в. 128
Исмаилова Ж.М.
Влияние русской революции 1905–1907 гг.
на социально-политическую активность губерний Южного Кавказа 132
Матиев Т.Х.
Соотношение локальных и общероссийких факторов в становлении
горского национального движения (весна–лето 1917 г.) 136
Дириванкина М.С.
Советизация Кубано-Черноморской области
на начальном этапе новой экономической политики....140
Булыгина Т.А.
Становление советской системы управления регионами
Северного Кавказа в контексте эволюции политики
советской власти в 1920–1930-е годы: постановка проблемы 145

Труфанова В.М.
Советизация южнороссийской провинции в 1920-е гг.: рабоче-крестьянская инспекция и повседневность ставропольских жителей 149
Панарин А.А., Панарина Е.В.
Характер взаимоотношений между властью и сельским населением на Кубани в 1925–1927 гг. 154
Кратова Н.В.
Отражение государственной конфессиональной политики во второй половине 1950-х годов в региональных средствах массовой информации: на примере газеты «Ленинское знамя» («Советская Черкесия») 159
Дудайти А.К., ШавлоховГ.К.
Традиционные общественные институты и современное государственное строительство в Южной Осетии и Абхазии 164
Терещенко Е.А.
Конституционная основа соотношения частных и публичных интересов в вопросах регулирования собственности на церковные культовые ценности (на примере законодательства России и Республики Южная Осетия)....168
Хуако М.А.
Практики НКО по работе с пожилыми людьми в сельской местности: опыт Республики Адыгея 172

Раздел 3. Социально-экономическое развитие и повседневные практики 178

Аббаслы Х.И.
Налоговая реформа шаха Солтана Хусейна на кавказских территориях и ее последствия....178
Багаева Е.М.
Становление торгового предпринимательства на Кубани в 1860–1870-х гг. (на примере ярмарочной торговли)....180
Рева И.Н.
История одного «буйства»: о некоторых аспектах перехода российских однодворцев и государственных крестьян в казачье сословие на Северном Кавказе в 30-е г. XIX в. (на материалах Новотроицкой станицы) 185
Скорик А.П., Федина И.М.
О наследственном деле в Ставрополе донского торгового казака Григория Харсеева в середине XIX века 190
Рыкун Г.Н., Карташева О.А.
Основные проекты устройства Кавказских Минеральных Вод в конце XVIII – первой половине XIX вв. 195
Киут А.О.
Адаптация абхазского общества к промышленному развитию в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX вв.) 199
Прокопенко Ю.А., Харитонов И.М.
О специфике организации досуга населением крепостей и редутов Азово-Моздокской линии 201

Григорян Г.А.
Жизненный путь и коммерческая деятельность
Ивана Федоровича Капланова 206
Состин Д.И.
Особенности казачьей экономики Дона и Кубани в контексте
общественно-политических факторов начала XX века 208
Аккиева С.И.
Влияние советской модернизации на поселенческую структуру
балкарцев (1920–1944 гг.): административные механизмы
и локальные трансформации.....212
Ламосова Н.В., Леусян О.А.
К вопросу о роли дореволюционной инженерно-технической
интеллигенции в индустриализации Абхазской ССР
в 1920–1930-е гг. (на примере деятельности Е.М. Юшкина).....216
Костин К.Д., Туаева Б.В.
Модернизация транспортных коммуникаций в Северной Осетии советского
периода: особенности преодоления географического фактора 220
Оборский Е.Ю.
Пятигорск и Ставрополь в 1930-е гг.: влияние «столичного»
статуса на развитие городского пространства.....224
Хубулова С.А.
Участие автономных областей Северного Кавказа
во всероссийской сельскохозяйственной
и кустарно-промышленной выставке 1923 года 228
Эльбуздукаева Т.У.
Техническая интеллигенция города Грозного: социальный портрет
и профессиональная динамика в 1920–1930-е годы 233
Овсепян А.С.
Социальное поведение студенчества в 1930-е гг.
(на примере Ставропольского пединститута).....237
Мусаева С.И.
Актуальные проблемы развития промышленности Дагестана
в послевоенный период 241
Хашба А.Ш.
Современная сельская семья Республики Абхазия:
теоретико-методологическое исследование.....246
Фаузер В.В., Жеребцов И.Л., Фаузер Г.Н., Гончарова Т.Е.
Брачное поведение титульных этносов
в республиках Северного Кавказа 252

Раздел 4. Традиционные институты, культурная и религиозная политика на Кавказе 258

Башмаков И.С.
Смыслы и ценности российской цивилизации на Северном Кавказе:
проблемы и потенциал формирования.....258
Красовицкая Т.Ю.
Кавказ между традицией и модерностью: новые практики
этнических элит конца XIX – начала XX вв. 261

Озова Ф.А.
Институт покровительства (канако): политико-правовое измерение.....267
Гучетль З.Х., Кускарова О.И.
Этнокультурные особенности института аталычества
у адыгов в традиционном и современном измерении 271
Киенко В.Р.
Свадебный обряд казаков-некрасовцев и терских казаков
в сравнительно-исторической перспективе 276
Соловьева Н.Г.
Традиционная семья в структуре казачьего общества: новый взгляд
на историко-этнологическую и культурную проблему 280
Клычников Ю.Ю., Рябиков А.Н.
«Снискал любовь и уважение своей паствы...»:
оценка деятельности православных священников (по материалам
Государственного архива Ставропольского края) 285
Курмансеитова А.Х.
Прошение караногайцев «идти сухим путем»
на богомолье в Мекку в 1860 году 289
Базиль Д.В.
Развитие церковного самоуправления
в Ставропольской епархии в 1906–1907 гг. 293
Дворцова Т.А.
Формирование традиций празднования 8 марта в 1920-е гг.
(на материалах Терского округа) 298
Акопян В.З., Акопян З.В.
Репертуар кинотеатров города-курорта Пятигорска в 1920-х гг. 302
Чекалов П.К.
Первые творческие объединения Карачаево-Черкесии
и литературный процесс 1920–1930-х годов 308
Печалова Л.В., Печалов А.К.
Роль женщин Северного Кавказа в развитии
кооперативного образования и культуры в XX – начале XXI вв. 313
Лепилкина О.И.
Региональное телевидение на Северном Кавказе
как пространство диалога культур 317
Шурдумов А.А.
Популяризация национальных культур Кабардино-Балкарии
в передачах телеканала «1 КБР» 320
Матвеева Н.С.
«Лик Кавказа» (1998–2026): об одном издательском феномене 322

Раздел 5. Кавказ в войнах и вооруженных конфликтах XIX–XXI веков 327

Эфендиева А.С.
Присоединение Картли-Кахетинского царства
к Российской империи и его геополитические последствия
для Южного Гавказа в трудах П.Г. Буткова 327
Хатуев И.З.
Начальный этап военных действий на Кавказе в период Крымской войны 332

Венков А.В., Мамсиров Х.Б.
Боевые действия на Северном Кавказе
как прокси-фактор русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 336
Ефремов Ю.В.
Воздухоплавательные части в вооруженных конфликтах на Кавказе 340
Джумагулова А.Т.
О социокультурных факторах консолидации кочевых обществ
Ставропольской губернии в условиях Гражданской войны.....344
Линец С.И., Тоноян Е.Н.
Особенности формирования и деятельности
истребительных батальонов на Ставрополье в первый год
Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1942 гг.) 349
Эмирханов И.А.
Власть и общество в борьбе с дезертирством и бандитизмом
в Дагестанской АССР в годы Великой Отечественной войны.....354
Чотчаев Д.Д., Текеева Л.К.
Горцы Карачая и Черкесии в партизанском движении на территории
Барановичской области Белорусской ССР в 1941–1944 гг.....358
Кузьминов П.А., Хатухов А.М., Махов И.Р.
Эвакуация работников ТГОК через перевал Бечо в августе 1942 г. 363
Медвенский Н.И.
Военные преступления немецких горных егерей
в ходе битвы за Кавказ 1942–1943 гг. 367
Кринко Е.Ф.
Нацистские преступления на Северном Кавказе в годы
Великой Отечественной войны: формирование
источниковой базы и ее возможности.....373
Стрекалова Е.Н.
Научное и общественное значение изучения преступлений
гитлеровских нацистских войск
на территории Ставрополья в 1942–1943 гг. 378
Татаринов И.Е.
«Я вас не подвёл, товарищи...»: подвиг пулемётчика
723-го стрелкового полка 395-й стрелковой дивизии
Николая Примака в боях за освобождение Кубани (июль 1943 г.).....382
Клочков О.Б., Кулик П.А.
История г. Славянска-на-Кубани и Славянского района
в годы Великой Отечественной войны на страницах
местной периодической историко-краеведческой печати 387
Гречкина Ж.В.
Ставропольцы – герои специальной военной операции 392

Раздел 6. Кавказ в системе межэтнических и международных отношений..... 397

Крючков И.В., Шебзухова Т.А.
Экономические связи России с Южным Азербайджаном
в конце XIX – начале XX вв. в донесениях российских дипломатов
(по материалам «Сборников консульских донесений») 397
Вартумян А.А.
Мирная колонизация Кавказа: участие немецких колонистов
в социально-экономических преобразованиях в Азербайджане в XIX в. 404

Птицын А.Н.
Австро-венгерские рабочие на Кавказе на рубеже XIX–XX вв.....407
Вирт Н.Ф.
Динамика численности мигрантов из Австро-Венгрии
на территории Ставропольской губернии в конце XIX – начале XX вв. 412
Боголюбов А.А.
Поляки в Ставрополе: история и современность 415
Матвеев В.А.
Межэтнические конфликты на Северном Кавказе
в первой половине 1920-х гг.: причины и подходы к устранению 417
Степанян Х.Р.
Взаимоотношения Армении и диаспоры в 1918-1920 гг.....422
Аганов А.А.
Переселение молокан из Закавказья в Сальский округ
в 1926 г.: особенности и взаимодействие с властью
(по материалам Государственного архива Ростовской области) 427
Исмаилзаде А.Х.
Вопросы энергоресурсов Азербайджана в исторической литературе.....431
Адыгезалова М.З.
Ближневосточная политика США
в современных исследованиях ученых Кавказского региона 435
Тарханова Ж.Д.
Этнополитические конфликты на Южном Кавказе
в контексте угроз терроризма и региональной безопасности 438
Амбарцумян К.Р.
Северокавказская диаспора: влияние истории
на публичную дипломатию современной России 442
Тумов А.А.
Институциональный кризис трансграничных связей
черкесской диаспоры и северокавказских республик в 2022–2025 гг. 447
Горюшина Е.М.
От территориального к инфраструктурному измерению конфликта:
TRIPP в системе региональной безопасности Южного Кавказа 450
Сихарулидзе А.Т., Скворцова Н.А.
Дилемма Грузии между западным и тюркским мирами:
декларируемая европейская интеграция
и фактическая регионализация курса 455
Терещенко Н.В.
К вопросу о статусе русского языка
в отдельных странах Южного Кавказа.....460

Раздел 7. Идентичность, этнокультурное взаимодействие и проблемы сохранения историко-культурного наследия..... 462

Оздоев Д.Э.
Роль куначества в истории взаимоотношений
вайнахских народов и терского казачества 462
Абдусаламов М.-П.Б., Багаутдинов С.М.
Кумыкский язык как lingua franka в межнациональной
коммуникации на Северном Кавказе: исторический аспект 466

Сундуков Д.Д.
Социально-экономические условия формирования патриотического сознания казачества на Северном Кавказе (XVIII–XXI вв.).....470
Моисеенко А.Ю.
Проблемы административной и социокультурной интеграции Кавказа в оценках российских военных деятелей XIX в. 473
Осмаев А.Д.
Кавказская война и чеченцы в книге «Куринцы в Чечне и Дагестане» 478
Еремеева А.Н.
Дачи ученых на Черноморском побережье Кавказа: историко-культурная и мемориальная ценность 482
Баранов А.В.
Военная служба в территориальных частях Красной армии (1925–1929 гг.) в общественном мнении и активности казачества на Юге РСФСР.....487
Богунова Е.С.
Этнический фактор в повседневной жизни населения Северного Кавказа в годы перестройки: опыт анализа биографических интервью.....492
Чакветадзе Г.В.
Взаимодействие культур Абхазии и Кавказа 495
Маслова Т.Ф.
Интеграция вынужденных переселенцев в местное сообщество Ставропольского края на рубеже XX–XXI вв.: культурно-коммуникативный аспект 500
Ракачев В.Н., Ракачева Я.В.
Между Арменией и Россией: лиминальность этнической идентичности армянских мигрантов.....503
Касландзия Н.В., ГучетльЗ.Х.
Взаимные представления и историко-культурные образы в сознании абхазской и адыгской молодежи (на материалах социологического исследования).....508
Бредихин С.Н.
Вторичная аккультурация синтонных аксиологем патриотизма при трансляции в русскоязычной сетевой коммуникации полиэтничного Северного Кавказа 513
Авдеев Е.А., Воробьев С.М.
Архетип современного подвига в структуре российского патриотического сознания северокавказской молодежи: образы героев СВО 517
Марченко Т.В.
Политика памяти и осмысление языкового многообразия Кавказа в оптике мифологем «Вавилонская башня» и «Общий дом» 523
Гриценко Г.Д.
Культурное взаимодействие – пространство для межнациональной консолидации полиэтничного общества 528
Наши авторы..... 531

Предисловие

В силу своего культурно-антропологического своеобразия Кавказский регион издревле воспринимался как своего рода *terra incognita* – непознанная территория. Тем не менее попытки научно осмыслить и описать этот уникальный край предпринимались еще с античной эпохи. Образно и прозорливо связав образ «прикованного Прометея» с Кавказом, Гомер, по сути, заложил первые основания кавказоведения.

Однако систематическое научное исследование кавказских культур началось лишь в конце XVIII в. Именно в этот период Петербургской академией наук была разработана специальная многоуровневая программа по изучению и освоению Кавказа, заложившая прочный фундамент отечественного кавказоведения. Яркой приметой XIX в. стало вхождение в науку представителей коренных народов региона – первых просветителей. Будучи энциклопедистами по складу мышления, они занимались разработкой национальных алфавитов, сбором фольклора, публикацией просветительских трудов и открытием первых светских школ.

С середины XIX в., особенно на фоне подготовки и проведения Великих реформ 1860–1870-х гг., предметом интереса российских исследователей становится изучение социальной структуры и обычного права обществ Северного Кавказа. Накопление этнографического материала и профессионализация исследовательской сферы способствовали превращению кавказоведения в интегральную часть академической науки.

В советский период доминирующим стал марксистский социоисторизм. Если в 1920-е гг. превалировала установка на культурно-историческую унификацию, то впоследствии развился подход, нацеленный не только на подведение социальных форм Северного Кавказа под общие формационные категории, но и на выявление их специфических черт. Однако к концу 1960х гг. накопление конкретно-научных результатов стало сочетаться с концептуальным застоем. Логика ортодоксального подхода придавала статус первичной реальности категориям формационной теории, из-за чего локальное общество оказывалось вторичным, а его историческая самобытность нередко трактовалась как внешняя, «маскирующая» подлинную формационную сущность.

Сложность процессов российской модернизации на Северном Кавказе и трудности адаптации традиционного общества к условиям индустриальной цивилизации получили осмысление в трудах северокавказской просветительской интеллигенции. В этих работах пореформенный период предстает как ситуация «встречи» традиционного общества с европейской цивилизацией и включения аграрного региона в мировой процесс развития через российский рынок. Важнейшую роль в этом процессе сыграли научно-исследовательские институты, созданные в субъектах Юга России, а также плеяда русских педагогов, работавших в отдаленных поселках и способствовавших становлению национальной интеллигенции.

Кризис 1990-х гг. обозначил новые вызовы. В общественном и экспертном дискурсе, во многом под влиянием медиа, начал доминировать нарратив о Кавказе как о перманентной «зоне нестабильности», что вело к демонизации образа региона. Осознание этой проблемы, а также мировоззренческий кризис исторического знания стимулировали поиск новых парадигмальных оснований в 1990–2000-е годы. На смену гиперболизированному этноцентризму и «войне историографий» пришли попытки цивилизационного осмысления специфики Северного Кавказа.

Современное кавказоведение XXI века отличается взвешенностью позиций и стремлением к объективности в оценке сложных геополитических и этнокультурных процессов. Методологическим принципом современного этапа становится понимание культурно-исторической специфики региона в ее относительности и динамике. Исследовательский фокус смещается с поиска статичного «принципа порядка» (исконной самобытности) на выявление «принципа развития» – специфических механизмов социокультурной динамики, воплощающих взаимодействие эндогенных и экзогенных факторов. Искомый результат такого подхода – реляционно-динамическая модель представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа, позволяющая целостно синтезировать прошлое, настоящее и будущее региона.

Реализация этого подхода требует консолидации научного сообщества. К началу XXI в. историческое кавказоведение на постсоветском пространстве столкнулось с риском фрагментации по «национальным квартирам». С целью предотвращения этих негативных тенденций и налаживания конструктивного диалога с 2013 г. регулярно проводятся международные форумы историков-кавказове-

дов. Этот научно-организационный формат доказал свою эффективность, позволяя снизить накал идеологического противостояния и перевести дискуссию в русло профессионального поиска.

Важнейшую координирующую роль в этом процессе играют учреждения Российской академии наук (РАН), включая Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН (ЮНЦ РАН), а также научно-исследовательские институты в республиках Северного Кавказа и ведущие вузы, такие как Южный федеральный университет (ЮФУ) и Северо-Кавказский федеральный университет (СКФУ). В Ставрополе основы научного кавказоведения были заложены профессором В.П. Невской. Сегодня в СКФУ успешно функционируют научная школа и образовательные программы, формирующие новое поколение специалистов-кавказоведов.

Благодаря этому стало возможным проведение в 2026 г. XIII Международного форума историков-кавказоведов в Ставрополе. В современных геополитических условиях он приобретает особую не только научную, но и общественную актуальность.

Настоящий сборник представляет собой материалы XIII Международного форума историков-кавказоведов. В него вошли 117 статей 148 авторов – как признанных ученых, так и начинающих исследователей из 16 регионов России (включая Москву, Санкт-Петербург, республики Северного Кавказа, Крым, Краснодарский и Ставропольский края, Ростовскую, Вологодскую области и другие), а также из Грузии, Армении, Азербайджана и Абхазии.

Мы надеемся, что публикация сборника материалов форума предоставит профессиональному сообществу возможность не только сформулировать актуальные задачи развития современного кавказоведения в меняющемся мире, но и найти научно обоснованные ответы на вызовы времени, укрепляя традиции созидательного межкультурного диалога.

Заместитель президента РАН,
научный руководитель ЮНЦ РАН,
академик ***Г.Г. Матишов***

Раздел 1. Современное кавказоведение: проблемы методологии, источниковедения, историографии

М.Е. Колесникова

225-летие издания Манифеста о присоединении к России Восточной Грузии (1801 г.): историография проблемы

История русско-грузинских отношений имеет обширную историографическую традицию, в которой одно из ключевых направлений представляет рассмотрение длительного процесса сближения грузинских царств с Россией, завершившегося заключением Георгиевского трактата (1783 г.) и изданием Манифеста о присоединении к России Восточной Грузии (1801 г.). Накопленный опыт изучения проблемы заключен в разнообразной по жанру и характеру литературе, с разной степенью освещающей историю взаимоотношений России и Грузии в отдельные периоды. В историографии проблемы условно можно выделить дореволюционный, советский, постсоветский и современный периоды.

В дореволюционной отечественной историографии преобладала точка зрения о «цивилизирующей миссии» царизма в преобразовании «отсталого Кавказа». Именно с этих позиций военные историки (С.Д. Бурнашев, П.Г. Бутков, С.М. Броневский, Н.Ф. Дубровин, В.А. Потто, С.С. Эсадзе, Д.И. Романовский и др.) рассматривали Георгиевский трактат и Манифест о присоединении к России Восточной Грузии, как акты, вызванные исключительно интересами Грузии, но при этом отмечая, что они изменили задачи Русского государства и дали ему возможность утвердиться на всем Кавказе. Особое место среди сочинений XIX в. занимают работы П.Г. Буткова, подробно рассмотревшего обстоятельства заключения Георгиевского трактата и издание Манифеста [4], и Н.Ф. Дубровина [11, 12], детально описавшего предшествующие и последующие события, раскрывшего цели кавказской политики России, а также задачи, стоявшие перед царем Картли-Кахетии – объединение страны и прекращение междоусобиц.

Уже в дореволюционный период в работах историков видна различная интерпретация документов и последствий присоединения к России Восточной Грузии. Либеральные грузинские историки (З.Д. Авалов (Авалишвили), А.С. Хаханов (Хаханашвили), М.В. Хелтуплишвили, А.А. Цагарели и др.) считали, что присоединение Грузии произошло по желанию грузинского народа, но условия самого процесса не соответствовали его интересам. При этом З.Д. Авалов отмечал, что это стало политическим событием первостепенной важности [1: 8].

В грузинской дореволюционной историографии существовала точка зрения, согласно которой грузинская дипломатия не была на должной высоте в тот период, не учитывала сделанных прежде ошибок (З.Д. Авалов). С этим не согласился позднее советский историк Г. Пайчадзе, который утверждал, что грузинские правители «хорошо разбирались в тонкостях русско-турецких отношениях», «говорить о какой-либо наивности грузинских политиков и непонимании ими обстановки и возможностей Русского государства нет никаких оснований» [25: 34]. Работы историков, посвященные 100-летию присоединения Грузии к Российской империи, были отмечены апологией самодержавия (Б.С. Эсадзе, В.Н. Романовский, Г.Г. Вешапели, З.Д. Авалов, М.В. Хелтуплишвили, Н. Волков, К. Садзагелов и др.).

Основоположник грузинской исторической школы И.А. Джавахишвили отмечал, что грузинская сторона являлась не подданным, а союзником России. Анализируя ситуацию рубежа XVIII–XIX вв., он писал о том, что грузинские патриоты пытались получить от Российской империи юридическую гарантию защиты и сохранения грузинской государственности, обеспечения безопасности страны от нашествий внешних врагов. Оценивая значение Георгиевского трактата и Манифеста для Российской империи, он отмечал, что она добилась крупной победы в Закавказье и получила возможность «перевалить» за Кавказский хребет без военных столкновений, обрести выгодный плацдарм. Вместе с тем, его общая оценка значения Георгиевского трактата и Манифеста включает и негативные характеристики. По мнению И.А. Джавахишвили, трактат принес новые проблемы во взаимоотношениях с соседями и не позволил отразить агрессию Ирана. Историк считал, что Александр I Манифестом от 12 сентября 1801 г. грубо нарушил статью 12 Георгиевского трактата, так как изменения и дополнения в него могли приниматься только по обоюдному согласию [9].

В дореволюционный период началась разработка источниковой базы по истории взаимоотношений России и Грузии. С.М. Броневским были выявлены соответствующие документы в Архиве коллегии министерства иностранных дел [2]. Во второй половине XIX в. разбором и изданием письменных источников занималась Кавказская археографическая комиссия. Среди опубликованных ею материалов есть и те, которые показывают отношение в начале XIX в. грузинских аристократов и политиков к процессу присоединения. В 1861 г. М.И. Броссе опубликовал исторический обзор дипломатических сношений между российскими государями и грузинскими царями и владетелями [3]. Публикацию документов по вопросам взаимоотношений России, Грузии и Турции в XVIII в. подготовил А.А. Цагарели [8].

Советский период историографии характеризуется появлением первых обобщающих трудов по истории Грузии, а также специальных работ по истории русско-грузинских взаимоотношений XVIII–XIX вв., в том числе и исследований по присоединению к России Восточной Грузии. Преобладающей стала точка зрения о том, что народы Закавказья тяготели к России, отдавая ей предпочтение перед Турцией и Персией. Положительно оценивая присоединение к России Восточной Грузии, советские историки рассматривали политику царизма как реакционную, отражавшую интересы, прежде всего, дворянства, и противостоявшую, по их мнению, интересам народов, оказавшихся в составе России.

Развитие исторической науки было ограничено идеологией, что нашло отражение в категориальном аппарате («колониализм», «экспансия царизма», «покорение Кавказа»), а также в тематике и содержании исследований. В историографии 1920–1930-х гг. зародились дискуссии о колониальном режиме, в той или иной мере продолжавшиеся до конца 1960-х гг. При этом до середины 1980-х гг. господствовала идея о плодотворном хозяйственном и культурном взаимовлиянии соседних народов, дружбе народов, совместно боровшихся против эксплуататорских классов.

В изучении темы значительный вклад внес М.А. Полиевктов [28]. Он поставил вопрос о Кавказе в общем построении внешней политики России в историческом развитии, рассуждал о мотивации покорения Кавказа, делая упор на экономических, торговых, военно-политических, стратегических интересах России, а также внутренних запросах феодальных правящих кругов Кавказа [18].

Представитель марксистской исторической науки М.Н. Покровский и его «школа» рассматривали присоединение Грузии к России как захват и колониальный грабеж в интересах царизма, которому нужен был плацдарм для борьбы с Турцией [27: 179; 30: 492]. О.П. Маркова отмечала, что представители «школы» М.Н. Покровского отрицали историческую неизбежность присоединения Грузии к России, а их общая методологическая ошибка заключалась в противопоставлении Грузии, как единого народа, российскому самодержавию, как агрессору. Но в рассматриваемый период не было «единой Грузии» в политическом плане [19: 64]. По мнению О.П. Марковой, наиболее объективной была точка зрения грузинских историков-марксистов Ф.Е. Махарадзе и Г.В. Хачапуридзе, которые писали, что «для тогдашней Грузии иного пути, кроме присоединения к России, не существовало; без этого ее ожидало лишь физическое вырождение» [21: 1]. Упор делался на диалектичности исторического процесса, в силу которого присоединение Грузии к России было «концом или, во всяком случае, началом конца общественно-правового и экономического строя Грузии», но имело для Грузии положительные последствия [20: 9–10].

В историографии 1930–1950-х гг. оценка процесса присоединения Грузии к Российской империи трансформировалась в концепцию «наименьшего зла». Термин «наименьшее зло» был введен в 1934 г., в связи с замечаниями советского правительства на школьные учебники истории при характеристике присоединения отдельных территорий к России. Согласно этой концепции, вхождение в состав царской России имело для народов менее негативные последствия, чем пребывание в составе других держав (Османской империи, Персии). Концепция «наименьшего зла» стала порождением долгое время господствовавшей в советской исторической науке идеи о Российской империи как о самодержавно-крепостнической деспотии и реакции, «тюрьме народов» и т.п. Эта формула была исчерпывающей в советской историографии для рассмотрения и объяснения внутренней политики Российской империи в отношении всех ее народов. При этом она успешно сочеталась с концепцией образования многонационального Российского государства, которое обеспечивало безопасность и развитие народов в его составе. Так, в учебнике «Истории Грузии» (1950 г.) говорилось о положи-

тельном историческом значении перехода Картли-Кахетинского царства под протекторат России перед перспективой быть поглощенной Персией и Турцией: «Россия являлась единственной прогрессивной силой, способной объединить все грузинские земли и обеспечить условия для развития производительных сил страны. В истории Грузии началась новая эпоха, и ...она окончательно встала на путь европейского развития» [16: 434, 448–449].

В постсоветский период теория «наименьшего зла» получила вторую жизнь, но с обратным знаком: вхождение в состав России стало считаться «большим злом». Подверглась сомнению и роль России в избавлении народов Закавказья от турецкого и персидского владычества. Историю российско-грузинских контактов XVI–XVIII вв. изображали как искреннее стремление грузинских царств к дружбе и поиску ими союзников в борьбе с соседними мусульманскими государствами, в то время как Россия якобы видела в них лишь плацдарм для дальнейших завоеваний на Кавказе. Подобный подход разительно отличается от прежних интерпретаций событий второй половины XVIII – начала XIX в., взглядов на российско-грузинские отношения и на сам Манифест 1801 г., которые расценивались в том числе и грузинскими историками советского периода, как важнейшая и позитивная веха в истории Грузии, как избавление грузинского народа от иноземных посягательств и гарантия его мирного развития в составе могущественной державы. При этом отмечалось значение этого события не только для грузинского народа, но и для судеб народов всего Закавказья (В.С. Шадури, Г.В. Бебутов, Я.З. Цинцадзе, А.И. Брегвадзе и др.).

Концепция «наименьшего зла» не отражала истинного содержания присоединения к России Восточной Грузии. В грузинской советской историографии существовала и другая концепция, изложенная академиком Н.А. Бердзенишвили. В частности, он отмечал, что в существовавших тогда условиях присоединения Грузии к России «являлось наилучшим выходом, который единственный мог повести страну к новой жизни по пути прогресса» [29: 6]. Рассуждая о достижениях грузинской советской историографии по вопросу российско-грузинских взаимоотношений XVIII–XIX вв. и присоединения Грузии к России, в выступлении на Всесоюзной научно-практической конференции в 1976 г. тогда первый секретарь ЦК Компартии Грузии Э.А. Шеварнадзе подверг критике концепцию «наименьшего зла». Он, в частности, отмечал: «Те ученые и деятели, которые пустили научный оборот термин “меньшее зло”, видимо, нашли не лучший термин, лучшие слова для выражения всех аспектов исторического смысла присоединения Грузии к России. Речь идет о том, что к истории и дружбы русского и грузинского народов не подходит слово “зло”...С освещения вопроса истории присоединения Грузии к России надо сдернуть шелуху т.н. “меньшего зла”, и должна благословить его своим огнем история, которая развивается по законам диалектики, образно говоря, по восходящей диалектической спирали добра. Это единственный правильный подход к проблеме» [29: 6]. Перед советской историографией была поставлена задача объективно осветить и проанализировать весь процесс присоединения Грузии к России.

Прогрессивное значение присоединения Грузии к России грузинская советская историография всегда оценивала положительно [29: 6]. В изуче-

нии вопросов русско-грузинских отношений многое было сделано Л.А. Алексидзе, Г.Г. Пайчадзе, В.Г. Мачарадзе, А.Н. Сургуладзе и другими историками. Ученые отмечали, что переход под покровительство России сильнейшего и влиятельнейшего из государств Закавказья означал коренную ломку традиционных политических отношений в регионе, имел глубокие последствия для судеб народов Кавказа и их дальнейшего сближения с русским народом [24: 59]. Важное значение для всестороннего освещения политической ситуации в регионе, предшествующей подписанию Георгиевского трактата и Манифеста 1801 г. имеют труды советских историков, посвященные вопросам истории внешней политики России на Ближнем и Среднем Востоке, на Кавказе (Е.А. Дружининой, О.П. Марковой, Н.С. Киняпиной, М.М. Блиева, В.В. Дегоева и др.)

Распад СССР привел к кардинальному пересмотру прежних историографических концепций. Начался процесс фальсификации истории российско-грузинских отношений, меняется в противоположную сторону оценка Георгиевского трактата и Манифеста 1801 г. В работах представителей теперь уже зарубежной историографии все чаще анализируются причины нарушения Российской империей Георгиевского трактата, даются негативные оценки манифеста Павла I о присоединении Восточной Грузии к России (обнародован 18(30) января 1801 г.) и Манифеста Александра I от 12 сентября 1801 г. «К грузинскому народу».

Следует отметить, что в российской историографии также шел процесс переосмысления имперского прошлого России. В 1997 г. издана коллективная монография «Национальная политика в имперской России. Цивилизованные окраины Финляндия, Польша, Прибалтика, Бессарабия, Украина, Закавказье, Средняя Азия». Ее авторы постарались рассмотреть сложный процесс формирования Российской империи сквозь призму социокультурных интеграционных процессов. В 1992 г. вышел сборник архивных документов «Под стягом России», в котором был опубликован ряд писем из бумаг императрицы Екатерины II. Из них видно, что правитель Грузии Ираклий II еще до подписания трактата старался наладить контакты с российскими дипломатами, помогал им собирать актуальную военно-политическую информацию. Документы свидетельствуют, что его обращение в сторону России объяснялось серьезными угрозами, которые ставили Грузию на грань выживания. Присоединение к России давало возможность грузинскому народу жить мирной жизнью.

Проблемой российско-грузинских отношений занимались и представители кавказоведческой школы Северо-Кавказского федерального университета (Т.А. Невская, И.М. Назарова, А.В. Найденко, Т.Н. Плохотнюк, И.В. Крючков, М.Е. Колесникова, Д.С. Ткаченко, Т.А. Колосовская, О.И. Шафранова). Так, А.В. Найденко рассматривает процесс сближения Картли-Кахетии, Имеретии с Российской империей в контексте отношений России с Турцией, Крымским ханством и Ираном, а также Англией [23].

В современной российской историографии наметился системный переход от политизированных подходов 1990-х гг. Ведущие ученые отказались как от радикального пересмотра творческого наследия советской историографии, так и от некритического отношения к многочисленным трудам до-

революционных ученых. Своеобразный научный объективизм позволил не только сформировать идеологически нейтральные подходы к комплексной оценке имперской инкорпорации Большого Кавказа, но и представить адекватные характеристики связанных с ним исторических событий и явлений. В контексте указанных обстоятельств Манифест о присоединении к России Восточной Грузии (1801 г.) избавился от комплементарных и деструктивных оценок, предложенных в предшествующей историографической традиции, получил рациональную оценку, определяемую интегрированным восприятием комплекса синхронных источников и исследовательских концепций.

Л.С. Гатагова и В.В. Трепавлов отмечают объективную преемственность российско-грузинских связей с конца XVI в., интеграционные тенденции в двухстороннем взаимодействии, определявшиеся не только общим православным вероисповеданием и последовательным сближением границ, но и реликтами средневекового менталитета, в рамках которого ослабленное государство всегда стремится к целенаправленному поиску сильного сюзерена. Кроме того, исторический выбор грузинской элиты определялся существенными различиями имперских образований, претендовавших на абсолютную гегемонию в кавказском пространстве. Российская империя выглядела как более могущественное и динамично развивавшееся государство, существенно отличавшееся от утрачивавших прежнее могущество Ирана и Турции [7]. Близких подходов придерживаются В.М. Муханов, С.А. Волхонский, С.Б. Панин [6; 22; 26].

Процесс обсуждения и принятия решения о присоединении Восточной Грузии к Российской империи анализирует А.Т. Урушадзе [34]. Автор подробно рассматривает дискуссию в Государственном совете, мнения сторонников присоединения и приверженцев внутренних реформ, показывая, как геополитические соображения преодолели сомнения Александра I. В других его статьях рассматривается процесс административно-политической интеграции грузинских территорий в пространство Российской империи после 1801 г. [33]; истоки и особенности складывания образа Грузии и грузин в представлениях российского общества первой половины XIX в. [31].

Следует отметить определенное влияние на историографическую традицию и своеобразного «неоимперского» направления, ориентированного на системное продвижение безальтернативной версии российско-грузинского сближения. В трудах Б.В. Виноградова, А.К. Дудайти и других авторов Георгиевский трактат и Манифест о присоединении к России Восточной Грузии выступают правовой основой единственно возможного политического решения, обеспечивавшего сохранение Грузии как этнической общности и государственного образования [4; 10; 13; 35]. Историческое решение грузинской элиты трактуется не как неизбежный выбор «меньшего зла», а как исключительно позитивный шаг, способствовавший последующему процветанию родственной православной страны.

Проблема присоединения к России Восточной Грузии и сегодня продолжает оставаться дискуссионной [14; 17; 32 и др.]. Но законы действия «исторической дистанции» дают возможность отказаться от сложившихся догм и стереотипов. Во многом этому способствует рассекречивание и

введение в научный оборот новых документов, позволяющих объективно взглянуть на события конца XVIII – начала XIX вв. и оценить тот исторический выбор, который сделала Грузия в отношении России [15]. Источники показывают, что Российская империя представлялась современникам отнюдь не «темным царством». В глазах ее подданных и многих соседей она зачастую выглядела носительницей более свободного и справедливого правления, чем окрестные владения. Вот почему так важно сотрудничество российских и грузинских историков, возможность вести научный диалог в рамках строго научных дискуссий с опорой на документальные источники, руководствуясь принципами историзма, всесторонности и комплексности при рассмотрении исторических фактов и событий при конструировании прошлого.

Источники и литература

1. *Авалов З.Д.* Присоединение Грузии к России. Изд. 2-е. СПб., 1906.
2. *Броневский С.М.* Исторические выписки о сношениях России с Персиею, Грузиею и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича доныне. СПб., 1996.
3. *Броссе М.И.* Переписка, на иностранных языках грузинских царей с российскими государями, от 1639 по 1770 год. СПб., 1861.
4. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб., 1869.
5. *Виноградов Б.В.* Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Славянск-на-Кубани, 2005.
6. *Волхонский М.А.* Завоевание или добровольное присоединение? Политический процесс инкорпорации Картли-Кахетинского царства в состав Российской империи. 1796–1801 гг. // Международная аналитика. 2017. № 4. С. 72-83.
7. *Гатагова Л.С., Трепавлов В.В.* «Перед толпою соплеменных гор». Проблемные вопросы истории политики России на Кавказе (XVIII–XIX вв.). М., 2019.
8. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. В 2 т. СПб., 1891–1902.
9. *Джавахишвили И.А.* История грузинского народа: в 4 т. Тифлис (Тбилиси), 1908–1949.
10. *Джахиева Э.Г.* Историко-правовые аспекты внешнеполитической деятельности Картли-Кахетии: от Георгиевска 1783 г. до турецко-картлийского договора 1786 г. // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. Т. 21. 2017. № 1. С. 12–15.
11. *Дубровин Н.Ф.* Георгий XII, последний царь Грузии и присоединение ее к России. 2-е изд. СПб., 1897.
12. *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1886. Т. 2.
13. *Дудайти А.К.* Место Грузии в «восточной» политике России периода нового времени // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 22. Вып. 28. С. 79-86.
14. *Журтова А.А., Максимчик А.Н.* Историография русско-кавказских отношений XVI–XVIII веков: две концепции к осмыслению проблемы. Владикавказ, 2017.
15. Из истории российско-грузинских отношений к 230-летию заключения Георгиевского трактата: сборник документов. М., 2014.
16. История Грузии. С древнейших времен до начала XIX в. Ч. 1. 2-е изд. Тбилиси, 1950.
17. *Клычников Ю.Ю.* «Всероссийская империя служила защитою, помощью и убежищем»: Георгиевский трактат в истории русско-грузинских отношений. Пятигорск, 2023.

18. *Максимчик А.Н.* Рукопись проф. М.А. Полиевктова «Россия и Кавказ, как проблема истории русской внешней политики» (1924) // Кавказский сборник. 2014. Т. 8 (40). С. 260–276.
19. *Маркова О.П.* Присоединение Грузии к России в 1801 году // Историк-марксист. 1940. № 3 (079). С. 57-91.
20. *Махарадзе Ф.Е.* Грузия в XIX столетии. Краткий исторический очерк. [Тифлис], 1933.
21. *Махарадзе Ф.Е., Хачапуридзе Г.Е.* Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии. М., 1932.
22. *Муханов В.М.* Спорные темы и вопросы совместной российско-грузинской истории в современном политическом контексте // В поисках путей нормализации российско-грузинских отношений. Тбилиси, 2014. С. 89–93.
23. *Найденко А.* В. Присоединение Грузии и Осетии к России в конце XVIII – начале XIX вв. (К 225-летию Георгиевского трактата и к анализу современной ситуации). Ставрополь, 2008.
24. *Новосельцев А.П.* Георгиевский трактат 1783 года и его историческое значение (К 200-летию Георгиевского трактата) // История СССР. 1983. № 4. С. 51–60.
25. *Пайчадзе Г.Г.* Георгиевский трактат. Тбилиси, 1983.
26. *Панин С.Б.* Россия и Грузия: различия в оценках совместной истории // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2012. № 1. С. 43–51.
27. *Покровский М.П.* Завоевание Кавказа // Покровский М.П. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сборник статей. М., 1923. С. 179–215.
28. *Сулаберидзе Ю.С.* М.А. Полиевктов – у истоков русского научного кавказоведения // Петербургский исторический журнал. 2020. №2 (26). С. 236–249.
29. *Сургуладзе А.* Прогрессивные последствия присоединения Грузии к России. Тбилиси, 1982.
30. Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 1. М., 1930.
31. *Урушадзе А.Т.* Свои или чужие? Грузия и грузины глазами российских офицеров и чиновников (первая половина XIX в.) // Уральский исторический вестник. 2015. № 3 (48). С. 116–122.
32. *Урушадзе А., Щербаков В.* Грузинское общество в XIX веке: особенности интегра-ции в пространство Российской империи // Quaestio Rossica. Vol. 9. 2021. № 1. P. 381–389.
33. *Урушадзе А.Т.* Грузинские территории в системе государственного управления Российской империи, 1801–1812 гг.: поиск оптимальной модели // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 537–544.
34. *Урушадзе А.Т.* Присоединение Восточной Грузии (1801 г.) в правительственных дискуссиях: между волей монарха и коллегиальностью // Новое прошлое / The New Past. 2025. № 3. С. 127–142.
35. *Шишов А.В.* Схватка за Кавказ. XVI–XXI века. М., 2007.

В.О. Бобровников

Долгое становление исламоведения на российском Кавказе XIX–XXI вв.

За последние полвека история науки стала в гуманитарных дисциплинах особо актуальной после так называемого рефлексивного поворота. С середины 1980-х гг. историки и этнографы все больше внимания уделяют не только источникам, исторической эпохе и региону, но также представи-

телям и предмету своей науки как субъектам истории, научным методам и исследовательскому языку, подвергая их переосмыслению и самоанализу [21]. Одни научные дисциплины обошли в этом движении к самопознанию другие. Среди отстающих в рефлексивном повороте на Северном Кавказе оказалось исламоведение. Несмотря на то, что первые обзоры по истории востоковедения и арабистики на Кавказе написаны еще классиками В.В. Бартольдом и И.Ю. Крачковским в первой половине XX в. [1; 7], а в XXI в. появились оригинальные исследования М. Кемпера, В.А. Тольц, Т.А. Колосовской и Д.С. Ткаченко о вкладе кавказоведов в ориенталистский дискурс Российской империи и Советского Союза [6; 9; 13; 16; 20], исламоведение как отрасль отечественного кавказоведения остается за рамками рефлексивного поворота. Только в последнее время среди отечественных исламоведов появляется все больше исключений [15; 19].

Цель данной работы – начать закрывать этот пробел, проследив становление исламоведения и его метаморфозы на Северном Кавказе XIX–XXI вв. Меня интересуют взаимоотношения исламоведения, кавказоведения и краеведения; эпистемология первого из них в Российской империи, СССР и постсоветской России и причины его позднего появления на свет; влияние на формировании этой научной дисциплины государственной культурной политики, межрегиональных и международных образовательных и научных сетей; связь исламоведения с (пост)колониальным научным дискурсом ориентализма в его отечественных вариациях [6; 9; 17].

Прежде всего, о предмете исследования. Сейчас исламоведение понимается как междисциплинарное исследование не только священных, обрядовых, религиозно-правовых и прочих текстов ислама, но и мусульманских сообществ, в которых они циркулировали. Но в конце XIX – начале XX в. исламоведы Западной Европы в основном занимались текстологией религии на восточных языках, преимущественно арабском и фарси, реже – тюркских. На Северном Кавказе исламоведы прошли тот же путь к социализации научного знания об исламе, только здесь они крайне поздно, на рубеже XXI в. обратились к оригинальным местным восточным текстам, уже с учетом их исторического дискурсивного значения. До конца XX в. они представляли себе кавказских мусульман исключительно по вторичным, главным образом русскоязычным внешним источникам, нередко враждебным к горцам-мусульманам.

Исламоведение выросло из восточной филологии и всегда относилось к востоковедению, а потому в мире его подход в колониальную эпоху определял международный дискурс ориентализма [17: 300–301]. Так же обстояло дело и на имперском Кавказе [6: 40]. Стимул к его появлению задало присоединение к Российской империи сначала Кабарды и Закавказья, а затем Дагестана с Чечней и остального Северного Кавказа. В роли Другого, экзотического и опасного Востока (Orient) здесь представал воображенный по сочинениям античных и средневековых авторов Кавказ, связанный для немецких и отчасти французских ученых на российской службе, а со второй трети XIX в. все умножавшихся русских востоковедов, с образом горцев.

Как характерных жителей Востока (Orientals), последних рисовали отсталыми и кровожадными «дикарями», «хищниками», «умиротворением»

которых оправдывали завоевание Северного Кавказа [2: 16–25]. Это не мешало романтикам, включая плодовитого военного беллетриста А.А. Бестужева-Марлинского, опоэтизировать воображенную ими горскую вольницу. Одним из ложных ориенталистких стереотипов стал тезис о том, что они – плохие, поверхностно исламизированные мусульмане. Его разделяли даже знатоки края, как один из создателей кавказской лингвистики генерал-майор П.К. Услар (1816–1875), который вслед за православными миссионерами из «Общества восстановления православного христианства в горах», по программе которого он работал, верил, что «просветив» горцев, удастся вернуть их в лоно православия, которое они исповедовали до принятия ислама [10: 2].

Подобно ориенталистике, колониальное исламоведение до 1917 г. распадалось на три разных направления. Уже пример Услара показывает, что среди них преобладали представители научно-практического знания: православные миссионеры, изучавшие Кавказ с целью его христианизации, и военные переводчики Кавказской армии с арабского и тюркских языков, реже – фарси, выполнявших здесь до первой четверти XX в. роль lingua franca [5; 7: 137–138]. В отличие от Казани как центра православного миссионерства XIX в. власти Кавказского наместничества (1844–1881, 1905–1917) не поддержали миссионеров. Распространение православия упомянутым Обществом, с которым сотрудничал Услар, было ограничено, а его училища и переводы богослужебных текстов получали мало субсидий [4: 110].

Третьего направления – собственной академической и университетской ориенталистики – в Кавказском крае до 1920-х гг. не было. Оно, образно говоря, оставалось эмбрионом до второй половины XX в. Для создания научной школы нужны университеты, а их на Кавказе не было, даже в Тифлисе [7: 135]. Не возникло здесь ничего подобно ни Лазаревскому институту переводчиков (1815–1920) в Москве, ни Восточному факультету (с 1855 г.) в Санкт-Петербургском университете, ни Противомагометанского отделения Казанской духовной академии (1852–1921). Школа требует еще и научной среды. Ни среды, ни научно-исследовательских учреждений вроде Азиатского музея (1818–1930) в Санкт-Петербурге ни в Тифлисе, ни в других городах региона до 1917 г. не было. Не выпускалось тут и научной исламоведческой периодики.

Исламоведы из Петербурга и Казани, переводчики из Москвы на Кавказ порой приезжали, но не задерживались здесь. Редким исключением из правила был А.П. Берже (1828–1886) родом из Санкт-Петербурга, первый председатель Кавказской археографической комиссии, проведший в регионе 35 лет и издавший 10 из 13 ее томов с переводами восточных источников по истории присоединения Кавказа к России. Но он не специализировался на исламоведении. Бывший шиит Мирза Мухаммед Казем-бек (1802–1870), первый декан Восточного факультета в Санкт-Петербурге родом из Решта в Иране, проведший юность в Астрахани, представлял и университетское, и прикладное востоковедение, поскольку служил экспертом по исламу в курировавшем его департаменте министерства внутренних дел.

Сложившаяся ситуация отразилась на дореволюционных публикациях. С 1851 г. в Тифлисе работал Кавказский отдел Императорского русского географического общества (далее – ИРГО). Это был ведущий академический

центр в регионе, объединявший энтузиастов изучения горцев-мусульман. Он издавал много научно-популярной и краеведческой периодики, карт и книг [6: 138–141]. Имперские власти не добивались от Кавказского отдела ИРГО и других научных обществ проведения глубоких научных изысканий, ограничиваясь сбором и систематизацией с помощью его членов сведений о регионе и популяризацией науки [6: 145].

Все по исламоведению, опубликованное в регионе до 1917 г., относится к разряду источников. Научной литературы среди этих изданий практически нет. Как правило, это травелоги, статистика и документы, генеалогии, хроники об исламизации областей Кавказа и присоединении к Российской империи. Из последних это введенные в научный оборот уже в советское время «Та'рих [ислам фи] Дагистан», приписываемая Мухаммеду Рафи' (XVII в.), «Гюлистани-Ирам» Аббаса-Кули-ага Бакиханова, «Асар-и Дагистан» Хасана-эфенди Алкадари, хроника о происхождении и переселениях черкесов Шоры Ногмова, «Барикат ас-суйуф ал-джабалийа фи ба'д ал-газават аш-шамилийа» Мухаммеда-Тахира ал-Карахи, «Сказание очевидца о Шамиле» ал-Хаджж-'Али ал-Чухи, др. Научное издание Казем-беком хроники «Дербент-наме» вышло в 1855 г. на английском языке не на Кавказе, а в Санкт-Петербурге.

Многое переменилось в XX в. С начала 1920-х гг. на Кавказе появились вузы и научно-исследовательские институты, куда устроились работать отдельные исламоведы из вузов Петрограда-Ленинграда, Казани, Харькова и Москвы, в частности, бывший православный миссионер родом из Палестины П.К. Жузе (ал-Джаузи, 1870–1942) и исламовед-иранист И.П. Петрушевский (1898–1977), обосновавшиеся в 1920-е гг. в Баку и Тбилиси [8: 2. 139–140]. Появились и свои молодые кадры. Были среди них выпускники медресе – ранние советские улемы – в Дагестане – знаменитый историк Али Каяев (1878–1943) [3], а также его ученик М.-С.Д. Саидов (1902–1985), один из создателей академической ориенталистики в крае [19].

Оформлению исламоведения как научной дисциплины в советскую эпоху мешали агрессивно атеистическая государственная политика и периодически повторявшиеся гонения на верующих. По всей стране изучение любой религии разрешалось только на условии ее поношения даже в академических публикациях. Это привело к появлению атеистического религиоведения, сначала в рамках «Союза воинствующих безбожников» (1925–1947), а после войны – «научно-атеистической» социологии ислама, крупнейшими представителями которой для Кавказа были Л.И. Климович, Г.М. Керимов и И.А. Макатов [8: 1. 614–615, 634–635; 2. 13]. Пропагандистский характер и грубые ошибки, дихотомии лишают порой их оригинальные публикации научного значения.

Судя по недавним исследованиям, ориенталистский дискурс перешел и в советские публикации об исламе. Все догматы ориентализма в СССР (и США с западным блоком) времен холодной войны налицо [13; 16]. Только уровень знаний об исламе упал, восточные языки российских мусульман уже не использовались, появились социологические опросы. Православных миссионеров заменили сначала воинствующие безбожники, а в 1960-е гг. – научные атеисты [11: 257–262]. К ним идейно близка столь же прикладная школа западных советологов времен холодной войны во главе с А. Беннига-

сеном (1913–1988) [18: 11–15], искавшая в истории «мусульманского сопротивления» России по сомнительным свидетельствам научных атеистов средств подрыва советской «империи зла». Ориентализм военных переводчиков и дипломатов в XX в. не имел продолжения.

Третье, академическое, направление исламоведения, наконец, начало складываться в регионе во второй трети XX в., но до 1990-х гг. так и не выделилось полностью среди других отраслей ориенталистики [13]. Традиционно важные для исламоведения темы исламского права, догматики, коранической экзегетики и предания-сунны, исламского мистицизма, не говоря про вводимое сегодня в научный оборот оккультное знание были негласно закрыты для изучения. Историки вынуждены были ограничиться историей долгой исламизации региона, восточной эпиграфикой и археографией в источниковедении. Публикации советских востоковедов об исламе немало пострадали от жесткой научной цензуры и навязанной ею ученым марксистко-ленинской схоластики с мертвой формационной схемой.

Долгожданному рождению академического исламоведения помогло расширение сетей между Ленинградом, Тбилиси и новыми университетскими и академическими центрами в столицах союзных республик и автономий РСФСР на Северном Кавказе, случившееся в первые послевоенные десятилетия. Кадры для этой научной дисциплины дало слияние выпускников дореволюционных и раннесоветских медресе и более молодого поколения студентов и аспирантов Восточного факультета Ленинградского университета с сильной историко-филологической школой арабистики, устроившимися на работу в сеть институтов союзных Академий наук. Еще в межвоенном СССР на Кавказе заработали восточные отделения в университетах Тбилиси, Баку и Еревана, а с ними и филиалы Академии наук СССР, научные издательства и периодика [13].

Короткий, но впечатляющий расцвет исламоведения произошел в регионе после распада СССР и «архивной революции» 1990-х гг. Он был, с одной стороны, напрямую связан с советским академическим наследием. Ведь «архивная революция» не возможна без самих архивов. Между тем, многотысячные рукописные собрания на арабском, фарси, тюркских и кавказских языках появились в столицах республик Закавказья и отдельных советских автономий Северного Кавказа в раннее послевоенное время – в 1950 г. Республиканский рукописный фонд (ныне Институт рукописей Академии наук Азербайджанской Республики) в Баку, 1958 г. – Институт рукописей в Тбилиси, позже получивший имя К. Кекелидзе. В 1963 г. появился Фонд восточных рукописей в нынешнем Институте истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук в Махачкале.

Из исламоведческих школ раннего постсоветского времени стоит упомянуть созданную в Баку после Великой Отечественной войны З.М. Буниятовым (1923–1997) и единственную востоковедную школу арабистов Северного Кавказа в Махачкале, которую с 1980-х гг. до своей смерти в 2018 г. возглавлял А.Р. Шихсаидов, специалист по исламизации и источниковедению ислама на Восточном Кавказе. Школа Буниятова подробно разобрана С. Кромбах [12] и выходит на тему исторической политики, далекую

для данной статьи. Школа Шихсаидова, к которой относит себя автор этих строк, смогла переключиться с исторической арабистики на исламоведение, выйти на международный уровень и в лице Ш.Ш. Шихалиева участвовать в рефлексивном повороте [19] благодаря двум десятилетиям открытого общества без границ, серии международных грантов и сети внеинститутских связей с крупными зарубежными исламоведами, включая Ш. Райхмута, его ученика М. Кемпера, М. Гаммера и К. Сидорко [14].

Источники и литература

1. *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России. СПб., 1911.
2. *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие (Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана). М., 2002.
3. *Бобровников В.О., Каяев М.И.* ʻАли ал-Гумуки (Каяев) как историк мусульманских народов Кавказа // Ислам в современном мире. 2020. Т. 16. № 3. С. 119–143.
4. *Волхонский М.А.* Общество восстановления православного христианства на Кавказе: между миссионерством и цивилизаторством (1860–1885) // Российская история. 2019. № 6. С. 105–126.
5. *Колосовская Т.А.,* Ткаченко Д.С. Военные востоковеды Российской империи. Биобиблиографический словарь. Ставрополь, 2021.
6. *Колосовская Т.А.,* Ткаченко Д.С. Российский ориентализм: взаимодействие власти и знания на Северном Кавказе в XIX – начале XX в. Ставрополь, 2025.
7. *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. V. М., Л., 1958.
8. *Милибанд С.Д.* Востоковеды России: биобиблиографический словарь. XX – начало XXI века. В 2 кн. М., 2008.
9. *Тольц В.* «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М., 2013.
10. *[Услар] П.К.* О распространении грамотности между горцами // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. III. Отд. IV. С. 1–30.
11. *Bobrovnikov V.* Applied Oriental Studies of Russia's Own Islam: From Orthodox Missionaries to Militant Godless and Wahhabis // Insight Turkey. 2018. Vol. 20. No. 4. P. 249–270.
12. *Crombach S.* Myth-Making and Nation-Building. Ziia Buniiatov and the Construction of the Azerbaijani Past. Amsterdam, 2023.
13. The Heritage of Soviet Oriental Studies / Ed. by M. Kemper, St. Conermann. London, New York, 2011.
14. Muslim Culture in Russia and Central Asia / Ed. by M. Kemper, A. von Kügelgen, A.J. Frank et al. In 4 vol. Berlin, 1996–2004.
15. Muslim Subjectivity in Soviet Russia. The Memoirs of ʻAbd al-Majid al-Qadiri / Ed. by A. Bustanov, V. Usmanov. Shöningh, 2022.
16. Reassessing Orientalism/ Interlocking Orientologies during the Cold War / Ed. by M. Kemper, A. Kalimovsky. London, New York, 2015.
17. *Said E.W.* Orientalism. New York, London, 2003.
18. *Saroyan M.* Minorities, Mullahs and Modernity: Reshaping Community in the Former Soviet Union. Berkeley, 1997.
19. *Shikhaliev Sh.Sh.* Portrait of a Soviet Islamicist: Muhammad-Said Saidov (1902–1985). Vienna, 2026.
20. *Tolz V.* Russia's Own Orient. The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods. New York, 2011.
21. *Writing Culture:* The Poetics and Politics of Ethnography / Ed. by J. Clifford, J. Marcus. Oakland, 1986.

Р.Э. Герман

Теория аккультурации как методология исследования истории Северного Кавказа в составе Российской империи

Современный этап развития отечественной исторической науки характеризуется отчетливым стремлением к методологическому обновлению и расширению инструментария исследовательской работы. Уход от жестко детерминированных схем открыл возможности для продуктивного диалога с антропологическими, социологическими и культурологическими концепциями, разработанными в рамках мировой гуманитарной мысли. Одной из таких концепций, обладающей значительным эвристическим потенциалом для изучения истории полиэтничных государственных образований, является теория аккультурации.

Само понятие «аккультурация» вошло в научный оборот в конце XIX – начале XX в. благодаря работам американских антропологов, однако классическое определение оно получило в известном меморандуме Р. Редфилда, Р. Линтона и М. Херсковица 1936 г. Аккультурация определялась здесь как «совокупность явлений, возникающих в результате того, что группы индивидов, обладающие разными культурами, вступают в непосредственный и продолжительный контакт, следствием чего являются изменения в первоначальных культурных моделях одной или обеих групп» [16: 149]. Это определение, при всей его внешней простоте, заключает в себе важнейший методологический принцип: культурное взаимодействие рассматривается не как односторонний процесс «поглощения» одной культуры другой, а как сложное многовекторное явление, в которое в той или иной степени оказываются вовлечены все стороны контакта.

В отечественной историографии и этнологии теоретическое осмысление процессов межкультурного взаимодействия было развито в трудах Ю.В. Бромлея [4: 173–178], С.А. Арутюнова [1: 56–62] и других исследователей, обосновавших значимость различения собственно аккультурации, ассимиляции и интеграции как разнопорядковых явлений этнокультурной динамики. В последние десятилетия теория аккультурации активно используется в работах по истории фронтиров, империй и пограничных культурных зон, что делает ее особенно востребованной для изучения такой исторически сложной области, как Северный Кавказ.

Применительно к историческим исследованиям аккультурация должна пониматься шире, чем просто заимствование внешних культурных форм. Речь идет о совокупности длительных процессов, в ходе которых при устойчивом взаимодействии различных культурных и социальных систем возникают новые формы хозяйственной деятельности, бытового уклада, правовых норм, мировоззренческих установок, языковой практики. Эти изменения могут носить как селективный, так и системный характер, затрагивая глубинные пласты культуры – религиозные представления, семейно-родственные отношения, формы политической организации.

Принципиально важно, что аккультурация не тождественна ассимиляции. Ассимиляция предполагает растворение одной этнокультурной общности в другой с утратой первоначальной идентичности, тогда как аккультурация может протекать при сохранении основных параметров этнической самобытности группы. Более того, как показывают исследования, в ходе аккультурационных процессов нередко происходит укрепление этнического самосознания, формирование новых форм культурной идентичности на основе синтеза «своего» и «заимствованного» [12: 18–24].

Эвристические возможности данного подхода для исторической науки заключаются в том, что он позволяет: во-первых, отойти от устаревших оценочных схем («колонизация – сопротивление», «прогресс – отсталость»); во-вторых, рассматривать культурное взаимодействие как двусторонний и многосторонний процесс; в-третьих, выявлять конкретные механизмы и каналы межкультурного контакта; в-четвертых, фиксировать как явные, так и скрытые, отсроченные результаты взаимовлияния. Особую ценность данная методология приобретает при изучении полиэтничных империй, где взаимодействие центра и окраин, государствообразующего народа и многочисленных этнокультурных общностей составляло саму ткань исторического процесса.

Северный Кавказ представляет собой уникальный объект для применения аккультурационной методологии. Регион характеризуется чрезвычайной этнической, конфессиональной, хозяйственно-культурной пестротой. Здесь на относительно небольшом пространстве сосуществовали народы, относящиеся к различным языковым семьям, исповедовавшие ислам суннитского и шиитского толка, христианство, сохранявшие традиционные верования. Вхождение Северного Кавказа в состав Российской империи представляло собой длительный, многоэтапный и неоднородный процесс, охватывающий период с XVI до второй половины XIX в. [13: 27–35].

Принципиально важным методологическим основанием при изучении этого процесса является признание того, что российское присутствие на Северном Кавказе не сводилось к военно-административному контролю. Уже с конца XVI в. устанавливаются устойчивые торговые, дипломатические, родственные связи между российскими властями и кавказской элитой; кабардинские князья присягают московскому государю, кумыкские шамхалы вступают в сложные отношения с русской администрацией. Эти контакты создавали предпосылки для постепенного формирования общего культурно-политического пространства задолго до окончательного включения региона в состав империи [6: 41–48].

С точки зрения теории аккультурации, особый интерес представляет тот факт, что культурное взаимодействие на Северном Кавказе имело отчетливо двусторонний характер. С одной стороны, в горские общества проникали элементы российской административной, правовой, образовательной, военной культуры. С другой стороны, кавказское культурное влияние ощутимо сказывалось на быте, военной практике, отчасти на художественной культуре российского населения пограничных областей, прежде всего казачества. Знаменитый феномен терского и кубанского казачества, в значительной мере усвоившего элементы горской материальной культуры

(одежда, вооружение, верховая езда, отдельные элементы быта), является классическим примером встречной аккультурации [5: 112–119].

Применение теории аккультурации позволяет существенно углубить понимание ряда ключевых сюжетов истории Северного Кавказа имперского периода.

Административно-правовая сфера. Российская власть, в отличие от ряда западноевропейских колониальных держав, не стремилась к полному и единовременному вытеснению местных правовых институтов. На протяжении большей части XIX в. на Северном Кавказе действовала сложная многоуровневая правовая система, в которой имперское законодательство сосуществовало с адатным (обычным) правом и шариатом. Создание словесных судов, горских словесных судов, последующая выработка специальных «Положений об управлении» отдельными округами демонстрируют осторожную, постепенную политику правовой интеграции, учитывавшую местные традиции [2: 134–151]. Аккультурационный подход позволяет рассматривать эту систему как продуманный механизм постепенного сближения правовых культур.

Образование и просвещение. Деятельность российской власти в сфере просвещения горских народов представляет особенно показательный пример аккультурационных процессов. Открытие в 1820-е гг. горских школ, учреждение в 1848 г. Ставропольской гимназии с особым отделением для воспитанников из горцев, последующее формирование сети начальных и средних учебных заведений создавали каналы культурной трансляции, через которые формировалась горская интеллигенция нового типа [7: 87–94]. Деятельность таких просветителей, как Ш.Б. Ногмов, С.-А.И. Урусбиев, К.Л. Хетагуров, А.-Г.К. Кешев, П.К. Услар, демонстрирует тот синтез национальной культурной традиции и российского образования, который стал важнейшим результатом аккультурационных процессов на Северном Кавказе.

Конфессиональная сфера. Применение аккультурационной методологии в этой области требует особой методологической аккуратности. Российская власть проводила в отношении мусульманского населения Северного Кавказа политику, ориентированную преимущественно на сохранение религиозного статус-кво при одновременном создании институтов государственного контроля над духовенством. Изучение трансформации мусульманских правовых и образовательных институтов в условиях имперской системы – мектебов, медресе, кадиатов – дает богатейший материал для анализа аккультурационных процессов в религиозной сфере [10: 218–243].

Хозяйственно-экономическая сфера. Включение Северного Кавказа в общеимперский экономический организм сопровождалось глубокой трансформацией традиционных хозяйственных укладов. Развитие торговли, появление новых сельскохозяйственных культур, постепенное втягивание горских хозяйств в товарно-денежные отношения, освоение отходничества, формирование местной промышленности – все эти процессы могут быть продуктивно изучены с позиций аккультурационной методологии, фиксирующей как заимствования, так и трансформацию исходных хозяйственных моделей [14: 64–72].

Языковая и культурно-бытовая сфера. Распространение русского языка как языка межнационального общения, делопроизводства, образования стало одним из важнейших аккультурационных процессов. Параллельно происходило формирование национальных литературных языков, создание письменности для бесписьменных народов региона, причём решающую роль в этом процессе сыграли труды российских учёных-кавказоведов, прежде всего П.К. Услара [15: 156–164].

Сложнейшим и наиболее дискуссионным аспектом истории Северного Кавказа XIX в. остается проблема военно-политического противостояния, связанного с Кавказской войной. Аккультурационный подход не отменяет необходимости изучения этого конфликта, но позволяет выйти за рамки упрощённой бинарной оптики. Даже в условиях военных действий продолжали действовать многочисленные каналы культурного взаимодействия: торговля, дипломатические контакты, переход части горской элиты на российскую службу, обучение горских юношей в российских учебных заведениях [8: 312–328].

Завершение военных действий и установление общероссийского административного порядка во второй половине XIX в. открыло принципиально новый этап аккультурационных процессов. Реформы 1860–1870-х гг. – освобождение зависимых сословий, аграрные преобразования, введение элементов самоуправления – создавали предпосылки для глубокой социальной трансформации горских обществ. Изучение этих процессов с позиций аккультурационной методологии позволяет увидеть, как складывались новые социальные группы – горская интеллигенция, чиновничество, офицерский корпус, торговая буржуазия, – выступавшие проводниками культурно-политической интеграции региона [9: 198–215].

Принципиально важно подчеркнуть, что российская имперская модель отличалась от западноевропейских колониальных моделей именно тем, что не предполагала жёсткого разграничения «метрополии» и «колонии». Северокавказские элиты получали реальные возможности интеграции в общеимперскую социальную структуру, военную, гражданскую службу, придворную жизнь. Многочисленные представители кабардинской, осетинской, дагестанской, чеченской, ингушской знати достигали высоких чинов в российской армии и гражданской службе, что само по себе является результатом и одновременно фактором глубоких аккультурационных процессов [3: 76–89].

Таким образом, теория аккультурации представляет собой продуктивный методологический инструмент для исследования истории Северного Кавказа в составе Российской империи. Ее эвристическая ценность определяется прежде всего тем, что она позволяет преодолеть односторонние и идеологически нагруженные интерпретации, рассматривать культурное взаимодействие как многосторонний и взаимный процесс, фиксировать как очевидные, так и скрытые механизмы трансформации.

Применение данного подхода дает возможность системно изучать различные сферы исторического процесса – административно-правовую, образовательную, конфессиональную, хозяйственную, языковую – в их взаимосвязи и в едином концептуальном поле. При этом аккультурационная

методология не вытесняет, а дополняет традиционные историко-политические и социально-экономические подходы.

История Северного Кавказа в составе Российской империи предстает при таком ракурсе рассмотрения как длительный, сложный, противоречивый, но в целом продуктивный процесс культурно-политической интеграции, в ходе которого формировалось общее пространство государственно-культурного единства [11]. Этот процесс имел свои издержки и трагические страницы, однако его исторический результат – формирование устойчивых связей между народами Северного Кавказа и Россией, складывание целого слоя выдающихся деятелей российской культуры и государственности кавказского происхождения, превращение региона в неотъемлемую часть единого государства – представляется бесспорным.

Дальнейшие исследования с применением аккультурационной методологии, опирающиеся на широкий круг архивных источников, материалов делопроизводства, мемуарной литературы, этнографических данных, способны существенно обогатить наши представления о механизмах и результатах культурно-исторического взаимодействия народов России на ее южных рубежах.

Источники и литература

1. *Арутюнов С.А.* Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989.
2. *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа. Обычай. Право. Насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002.
3. *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999.
4. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983.
5. *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001.
6. *Виноградов В.Б.* Россия и Северный Кавказ: обзор литературы за 1976–1985 гг.: итоги и перспективы изучения // Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова: (к 70-летию со дня рождения) / отв. ред. С.Л. Дударев. Армавир, 2008. С. 173–182.
7. *Гатагова Л.С.* Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М., 1993.
8. *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2003.
9. *Карпов Ю.Ю.* Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб., 2007.
10. *Кемпер М.* Суфии и учёные в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством. Казань, 2008.
11. *Клычников Ю.Ю.* Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002.
12. *Лурье С.В.* Историческая этнология: Учебное пособие для вузов. М., 1997.
13. *Матвеев В.А.* Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). Ростов-на-Дону, 2006.
14. Очерки истории Кубани с древнейших времён до 1920 г. / Под ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1996.
15. *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. В 4 т. Т. 1. Тифлис, 188–1896.
16. *Redfield R., Linton R., Herskovits M.J.* Memorandum for the Study of Acculturation // American Anthropologist. 1936. Vol. 38. № 1. P. 149–152.

В.А. Бабенко

К вопросу о названиях городов на месте городищ Нижний Джулат и Верхний Джулат на Верхнем Тереке (по документам XVII-XVIII вв.)

В последнее время в связи с выходом работ В.А. Кузнецова [9], И.М. Чеченова, Э.Д. Зиливинской [11] и С.Н. Савенко [16] активизировался интерес к изучению крупнейших золотоордынских городов на Северном Кавказе – Маджара, Джулата, Татартупа и их сельских округ. Особое внимание в данных работах уделяется локализации области Джулат средневековых письменных источников и ее крупнейших городов Джулата и Татартупа. Они основаны на комплексном анализе имеющихся археологических и письменных источников и продолжают традиции, заложенные в отечественной историографии XVIII–XX вв.

Е.И. Нарожный оспаривает основные положения данной версии и предлагает локализацию области Джулат на Нижнем Тереке [13: 323]. Выход в 2022 г. статей с участием автора, посвященных истории экспедиций, организованных астраханским губернатором В.Н. Татищевым на Северный Кавказ в 1742 и 1744 гг. [2] и проблеме локализации области Джулат средневековых письменных источников [1] вызвал реакцию Е.И. Нарожного, далекую от норм научной этики [3: 167, прим. 6; 13; 14]. В связи с этим считаю необходимым вернуться к рассмотрению указанной проблемы с учетом новых аспектов, связанных с топонимией данной области.

Область Джулат впервые упоминается в трудах персидских авторов в связи с событиями, связанными с вторжением армии Тамерлана на Северный Кавказ весной 1395 г. Согласно сведениям персидских авторов Низам-ад-дина Шами и Шереф-ад-Дина Йезди, после переправы через реки Самур, Сулак и Сунжу армия Тамерлана подошла к Тереку. Переправившись на левый берег Терека, она вошла в «область Джулат» [17: 175].

Уточнению локализации области Джулат могут помочь сведения немецкого дворянина Иоганна Шильтбергера, оказавшегося в плену у Тамерлана в начале XV в. В его записках область Джулат упомянута как «гористая страна Джулад» [15: 31] и как «страна Бештамак (bestan), весьма гористая, с главным городом Джулад» [15: 56]. Связь указанной области с урочищем Бештамак, впервые отмеченная Ф.К. Бруном, дает бесспорные основания для ее традиционной локализации на Верхнем и Среднем Тереке. Область Джулат и ее города упоминаются и в более поздних источниках.

В одном из списков анонимной хроники «Таварих-и Гузида – Нусрат-наме» («Избранные истории книги побед»), созданной в начале XVI в. в Самарканде при дворе шибанидского правителя Мухаммеда Шейбани-хана в «Дастане о Бату-хане по прозвищу Саин» содержится упоминание этой области. «Тумены, данные Шибан-хану [Батыем, таковы]: в горах Джулат Черкес, в степи – Кара Улак, в Крыму – Кырк йер <…>» [12: 231]. Двойное наименование этой области свидетельствует о сохранении ею в XVI в. в своем названии первоначальной основы «Джулат» и проживании предков кабардинцев на территории Кабардинской равнины в начале XVI в.

Под наименованием Джулат и Татартуп города в верхнем и среднем течении Терека упоминаются в «Тарихи Дербенд-Наме»: «Нуширван воздвиг <…> укрепления <…> Кичи-Маджар, Уллу-Маджар и другие незначительные укрепления в пределах Дагестана <…> Уллу-Маджар и Кичи-Маджар называются теперь Джулад и Татар; последнее название происходит от того, что после разрушения города, большую часть его обитателей составили татары, выходцы из Крыма <…>» [18: 28–29]. В.А. Кузнецов отмечал, что данные сведения о Джулате и Татартупе кажутся верными, хотя и требующими проработки [9: 7].

Важнейшим источником по локализации городов Джулат и Татартуп являются материалы экспедиций 1742 и 1744 гг., организованных астраханским губернатором В.Н. Татищевым. В «Истории Российской», ссылаясь на подготовленную геодезистами С. Чичаговым и С. Щелковым карту, он перечислил города Маджар, Татартуп и Юлат. Описание двух последних городов дано с опорой на местные ориентиры: «2) Другой град на реке Терке, от Изляря в 200 верст, Тартупь имянуем, имеет стены каменные и внутри церковь з башнею высокою круглою и развалины бывших неколиких полат. 3) На чертеже Юлат. 4) Выше онаго в Большой Кабарде в горах, в котором церковь христианская стоит цела и замкнута, в ней сказывают, что много книг греческих находится, токмо в оную под смертию входить запресчено, а книги, сказывают, что чрез окна видеть можно. Я охотно желал чрез посланных удостовериться, токмо и в город оной близживусчие не пустили» [19: 278].

В историографии сложилась традиция связывать Юлат с церковью в горах Большой Кабарды. Данную версию последовательно отстаивает Е.И. Нарожный [1: 185, 187]. Сторонники данной версии не учитывают, что у В.Н. Татищева города Татартуп и Юлат, расположенные в Малой Кабарде, упомянуты отдельно от церкви, стоящей в горах Большой Кабарды. На Тартупе (Татартупе) в тексте В.Н. Татищева упомянут узнаваемый ориентир – Татартупский минарет (высокая круглая «башня»). Архитектурные сооружения на Юлате не упомянуты, но карты, созданные в 1744 г. и позднее, позволяют локализовать его на городище Нижний Джулат.

На российских картах Большой и Малой Кабарды, созданных в 1744 г. и позднее, обозначены «запустелые города» Маджар и Елат/Юлат. Город Елат/Юлат отмечен на месте городища Нижний Джулат [2: 81–82]. На карте И.Ф. Трускотта 1783 г. показаны «запустелые» города Маджар и Юлат [6]. Отсутствие на опубликованных картах 1744 г. и 1783 г. Татартупа нуждается в объяснении. Судя по тексту В.Н. Татищева, он использовал карту, на которой Татартуп не был обозначен. Возможно, он уступал по площади Джулату и не всегда наносился на карты.

На карте второй половины XVIII в., охватывающей районы Малой Кабарды, Осетии, части Ингушетии и Чечни, помещенной на вклейке в монографии Н.Г. Волковой, обозначены Джулат и Татартуп [4: вклейка]. Оба города обозначены на местах своей традиционной локализации.

Ю. Клапрот посещал в 1808 г. руины Джулата [7: 6] и впервые связал городище Нижний Джулат с городом Джулат персидских авторов и «Дербенд-наме» [11: 109–110; 16: 246]. Это предположение определило направ-

ление дальнейших исследований XIX–XXI вв. Основания для его пересмотра отсутствуют.

Нуждается в уточнении название города на месте городища Нижний Джулат в российских документах XVII–XVIII в. Е.Н. Кушевой еще на рубеже 1950-х – 1960-х гг. эта проблема была решена на основе письменных источников XVII в. В архивных документах приводятся сведения о планируемом возведении персидским шахом Сефи I «города» на Елецком городище [5: 152, 185, 189, 214]. Е.Н. Кушева приводит в своей монографии факты использования названия «Елецкое городище» применительно к объекту на Тереке. В 1630 г. кумыкский правитель Айдемир, сын Султан-Магомеда, сообщал о планах племянника Шемахинского наместника: «Шан-Гирей пойдет с кызылбашскими людьми на Елецкое городище ставить город». Е.Н. Кушева предположила, что речь идет о городище Джулат на правом берегу Терека [10: 310, прим. 37]. В другом месте она приводит сведения о намерении персидского шаха ставить крепости на Сунже, на «Елецком городище» и на Татартупе («Терских вершинах»), связав данные пункты с путем к Дарьялу [10: 313].

Отмеченное в источниках намерение персидского шаха Сефи I ставить крепости на месте запустевших золотоордынских городищ Нижний Джулат и Верхний Джулат (Татартуп) является еще одним доказательством их большого стратегического значения как в эпоху Золотой Орды, так и в Новое время. Обращает на себя внимание разделение этих памятников в источнике. Джулат и Татартуп здесь упомянуты отдельно.

Е.И. Нарожный выразил сомнения в аргументации Е.Н. Кушевой и предположил связь между Елецким городищем источников XVII в. и городом Елец на основании внешнего сходства упомянутых названий. Он предположил появление переселенцев из Ельца на Тереке и освоение ими Нижнего Джулата [13: 131, прим. 6].

Топоним «Елецкое городище» зафиксирован в источниках XVII в. и как верно заметил Е.И. Нарожный, «в документах, связанных с деятельностью посланцев В.Н. Татищева на Северный Кавказ, названия «Елецкого городища» мы не находим» [13: 131]. Более того, в «Книге Большому чертежу», в которой отражены итоги работ «посланцев В.Н. Татищева» С. Щелкова и С. Чичагова, упоминания городов Маджар, Джулат и Татартуп также отсутствуют. Это «несоответствие» текста «Книги…» картам нуждается в объяснении. Можно предположить, что в «Книге…» основное внимание уделено речной сети, магистральным дорогам и коммуникациям Северного Кавказа. В ней на территории региона упомянуты только российские пункты: острог в устье Сунжи [8: 91] и «город Тюменскои» на реке Тюменке – Терский городок [8: 91]. В бассейне Терека другие объекты не упоминаются. В Среднем и Нижнем Прикумье упоминаются несколько мечетей в округе Маджара с привязкой к острогу в устье р. Сунжи [8: 91]. Возможно, отмеченные в «Книге…» объекты могли играть роль ориентиров на местности.

Вероятно, русские люди, обосновавшись на Тереке, трансформировали в XVII в. название Джулат в Юлат/Елат, что зафиксировали «посланцы В.Н. Татищева» и российские картографы в конце XVIII в. Можно предположить, что Юлатское/Елатское городище в повседневном обиходе стало «Елецким (Елетским? – В.Б.) городищем». Вероятно, к середине XVIII в. то-

поним «Елецкое городище» вышел из широкого употребления. Отсутствие единообразия в названиях этого пункта на картах середины – второй половины XVIII в. подтверждает это предположение. На мой взгляд, разрешить эту загадку могли бы специалисты-филологи.

Таким образом, правомерность локализации городов Джулат и Татартуп на Верхнем Тереке подтверждается как археологическими материалами, так и письменными источниками эпох Средневековья – Нового времени.

Источники и литература:

1. *Бабенко В.А.* «Гористая страна Джулад» средневековых письменных источников: проблемы локализации и выделения административного центра // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5 т. Алматы – Туркестан, 2022. Т. 3. С. 181–191.

2. *Бабенко В.А., Колесникова М.Е.* В.Н. Татищев и золотоордынские памятники Северного Кавказа // Oriental Studies. Т. 15. № 1. 2022. С. 74–85.

3. *Березин Я.Б., Нарожный Е.И.* Калиновские курганы Наурского района Чечни. Материалы охранно-спасательных раскопок 1989 года. М., 2025.

4. *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974.

5. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. XVI–XVII вв. М., 1957.

6. Карта, представляющая Кубань. [СПб.], 1783.

7. *Клапрот Ю.* Описание поездки по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик, 2008.

8. Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950.

9. *Кузнецов В.А.* Верхний Джулат. К истории золотоордынских городов Северного Кавказа. Нальчик, 2014.

10. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М., 1963.

11. Маджар и Нижний Джулат. Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа. Нальчик, 2015.

12. *Мустакимов И.А.* Сведения «Таварих-и Гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых Джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011. С. 228–248.

13. *Нарожный Е.И.* «Область Джулат» и одноименные городища на Тереке (проблемы локализации – современные заблуждения и перспективы изучения проблемы) // Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX – первой четверти XXI века. Материалы международной научной конференции по археологии Северного Кавказа «XXXIII Крупновские чтения», посвященной 120-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. М., 2024. С. 322–323.

14. *Нарожный Е.И.* Вновь об оценке роли астраханского губернатора В.Н. Татищева в организации научного изучения Северного Кавказа // Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов. Вып. 31. Барнаул, 2022. С. 124–134.

15. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год. Одесса, 1866.

16. *Савенко С.Н.* К исторической топографии Нижнего и Верхнего Джулатов золотоордынского времени (историографические аспекты) // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань – Ялта – Кишинев, 2016. С. 246–253.

17. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л., 1941.
18. Тарихи Дербенд-наме. Баку, 2011.
19. *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. История Российская. Т. 1. Ч. 1. М., 1994.

Д.С. Кидирниязов, Д.З. Аракчиев

Ногайцы Кавказа и соседствующие с ними народы в описании Жана-Батиста Таверньe: новые данные по истории и этнографии XVII в.

В XVII в. Северный Кавказ являлся одним из наиболее интересных и малоизученных регионов Евразии. Расположенный на стыке интересов Московского государства, Османской империи, Персии и Крымского ханства, включавший многочисленные местные политические объединения, он представлял собой важнейшее звено международных торговых коммуникаций между Востоком и Западом. Именно поэтому Кавказ постепенно оказался в центре внимания европейских дипломатов, миссионеров, купцов и путешественников.

В XVII в. довольно много авторов лично посетили Кавказ и его сопредельные территории, оставив об этом свои труды, зачастую, отличающиеся по степени достоверности друг от друга. Однако именно они заложили основу европейских представлений о народах Северного Кавказа. Наиболее известными памятниками подобного рода традиционно считаются сочинения Адама Олеария, Яна Янсена Стрейса, Эвлии Челеби, Николаса Витсена и ряда других авторов. Их труды неоднократно переиздавались и переводились на различные языки. На этом фоне, на наш взгляд значительно меньше внимания уделялось запискам французского путешественника Жана-Батиста Тавернье, впервые опубликованным в Париже в 1676 г. под названием “Les Six Voyages de Jean-Baptiste Tavernier”.

В исторической литературе, по крайней мере, в отечественном кавказоведении, данное произведение до настоящего времени практически не становилось предметом источниковедческого исследования. Между тем, по объему опубликованного материала, разнообразию наблюдений и вниманию к деталям сочинение Тавернье не только не уступает большинству европейских описаний своего времени, но по ряду аспектов превосходит их. Особенно это касается характеристик повседневной жизни народов, проживающих на Северном Кавказе, таких, как ногайцы, черкесы и кумыки. Для того чтобы понять степень достоверности приводимых сведений, следует учитывать специфику личности самого автора. В отличие от большинства европейских путешественников XVII в., Тавернье не являлся дипломатом, военным или миссионером. Его многочисленные поездки были обусловлены прежде всего торговой деятельностью. Подобное положение обеспечивало ему значительно большую свободу передвижения и общения с

представителями различных социальных групп. Тавернье мог подолгу находиться среди купцов, караванщиков, проводников и местной знати, собирая сведения непосредственно в процессе путешествий. Поэтому его сведения заслуживают высокой степени доверия, хотя, как и любой источник, требуют сопоставления с другими письменными свидетельствами эпохи.

Отдельные сообщения Тавернье пока не находят прямых аналогов в известных европейских источниках XVII в. и потому заслуживают особого внимания исследователей. К их числу относится прежде всего подробное описание специфической шестнадцатидневной подготовки лошадей у ногайцев или сведения о знаменах ногайских родов. Именно эти сведения представляются для нас наиболее ценными, поскольку позволяют существенно дополнить существующие представления об этнографии ногайцев, проживших на территории Северного Кавказа в XVII в. Французский путешественник относил их к числу «малых татар» (*Petits Tartares*), оговаривая, что турки и персы называют их ногайцами.

Центральное место в повествовании Тавернье занимает описание степной лошади, которую ногайцы разводили и очень ценили. Уже первые строки демонстрируют неподдельное удивление автора исключительной выносливостью этих животных: «Эти кони могут при нужде обходиться в течение четырех-пяти дней горстью травы, выдаваемой каждые восемь или десять часов, и небольшим количеством воды раз в сутки» [4: 423].

Сам факт столь высокой выносливости не вызывает сомнений, ведь эти данные имеют прямое подтверждение в фундаментальном исследовании И.В. Зайцева, посвященном военному делу Ногайской Орды [2]. Автор подчеркивает, что феноменальная способность степных лошадей совершать длительные переходы в любое время года, обходясь исключительно подножным кормом и эффективно добывая его в процессе тебеневки даже в условиях зимней гололедицы, обеспечивала стратегическое преимущество кочевой коннице [4: 423].

Однако именно Тавернье впервые оставил столь подробное описание методов достижения подобной выносливости, связанной с тем, что лошадей приучали к ней с самого раннего возраста. Данная подготовка лошадей свидетельствует о существовании сложной и хорошо разработанной системы воспитания животного у ногайцев, основанной на многолетнем практическом опыте. Очень важно, что Тавернье описывает не отдельные приемы ухода за лошадью, а завершенную систему. Все элементы подготовки взаимосвязаны и направлены на достижение одной цели – формирования максимально выносливого верхового животного, способного переносить многодневные переходы при минимальном количестве корма и воды.

Согласно описанию Тавернье, первые восемь дней подготовки сопровождались постепенным увеличением нагрузки. На спину лошади ежедневно укладывали мешок с песком, масса которого последовательно возрастала, достигая веса двух взрослых людей. Одновременно животному сокращали количество корма и воды, а подпругу затягивали настолько туго, чтобы максимально ограничить естественное расширение грудной клетки и брюшной полости во время движения. Следующие восемь суток представляли собой своеобразную обратную фазу подготовки. Нагрузка постепенно уменьша-

лась, однако режим кормления оставался крайне ограниченным. По завершении цикла, как отмечает французский путешественник, лошадь практически полностью лишалась пищи, после чего подвергалась последнему испытанию: разгоряченное после длительной скачки животное немедленно освобождали от седла и обильно обливали холодной водой [4: 423–424].

Такое описание можно сопоставить с позднейшими этнографическими данными о практике *байга* (*байге*) у ногайцев, *баптау* у казахов и ряда других тюркских народов. Во всех случаях речь идет о специальной подготовке коня перед длительным походом, чаще скачками, включавшей строгую систему кормления, физических нагрузок и режима отдыха. Однако ни один из позднейших источников не воспроизводит столь детально описанное обучение, как это делает Тавернье.

В более широком контексте описанная Тавернье система подготовки позволяет по-новому взглянуть на причины высокой мобильности ногайской конницы. Получается, ее эффективность определялась не только природными качествами степной лошади, но и существованием развитой культуры коневодства, предусматривавшей целенаправленную адаптацию животного к экстремальным условиям в походной жизни. Следовательно, превосходство ногайской конницы в скорости и дальности переходов было обусловлено не случайным сочетанием природных факторов, а результатом сознательной и многолетней селекционно-тренировочной практики, передававшейся из поколения в поколение.

Вследствие этого, ногайские лошади высоко ценились и соседними народами, становясь одним из наиболее желанных трофеев во время военных столкновений. На это указывает Тавернье, отмечая: «Те, кто ведет с ними войну, не могут рассчитывать на более ценную добычу, чем их лошади; однако захватить их крайне трудно, поскольку стоит такой лошади увидеть своего хозяина убитым, как она тотчас убегает от преследующих ее. К тому же, будучи вывезенными в другие страны, эти лошади обычно теряют свои качества менее чем за месяц и уже не обладают тем пылом, который умеют развить в них малые татары» [4: 424]. Высокая ценность ногайских лошадей подтверждается различными источниками XVII в. Они пользовались устойчивым спросом далеко за пределами ногайской степи. Показательно, что даже для нужд царской охоты Московского государства лошади регулярно закупались именно у ногайцев. Так, Н.И. Кутепов, опираясь на документы XVII в., отмечал: «Как и в XV веке, эти лошади приходили из ногайских степей и покупались у ногайцев и татар. В XVII веке каждое новое поступление ногайских лошадей в Москву считалось знаменательным событием…» [3: 11].

Продолжая описание лошади ногайцев, Ж.-Б. Тавернье обращает внимание на особенность строения копыт степной лошади и отсутствии необходимости в использовании подков. Он пишет: «Копытный рог у этой породы коней столь тверд, что их никогда не подковывают; след копыта виден на земле и на льду так, словно они подкованы» [4: 424]. Вероятно, это обусловлено тем, что степные породы лошадей сформировались в условиях круглогодичного табунного содержания, что в итоге и повлияло на укрепление копытного рога. Возможно, отказ от подков имел стратегическое значение. Ведь подковы могли стать серьезным препятствием во время дальних

переходов, поскольку требовали наличия кузнецов и постоянного обслуживания. А отсутствие подков значительно облегчало мобильность кочевого войска, что на наш взгляд стало одним из важнейших факторов военного превосходства ногайской конницы.

Наряду с описанием воспитания ногайских лошадей, Ж.-Б. Тавернье приводит довольно важное сведение, касающееся символической культуры ногайцев. Несмотря на сравнительную краткость этого фрагмента, он содержит наблюдение, которое дает возможность по-новому взглянуть на систему визуальной идентификации ногайцев. Известно, что ногайцы делятся на орды, племена и на рода, как и большинство кочевников, где каждый род имеет свой характерный «знак» отличия или тамгу (тавро). Нахождение родовой тамги на могиле или другом памятнике может доказать, что там некогда кочевал такой-то род: «Тамга накладывается преимущественно на лошадях и верблюдах, притом с левой стороны (с которой садятся на лошадь). Часть тела, где выжигается тамга разнствует у различных родов» [1: 141–142]. Однако особый интерес представляет сообщение о знамёнах ногайцев, которые использовались в походах. Описывая отличительную атрибутику ногайцев, Тавернье отмечает: «Каждое племя или род имеет своего вождя из числа местных дворян, а знаменем им служит конский хвост, прикрепленный к концу пики и окрашенный в цвет племени» [4: 426]

Издавна использование конских хвостов в качестве военных знаков – тугов или бунчуков – широко известно по письменным источникам, начиная со средневековья. Подобные символы играли важную роль в военно-политической культуре тюркских и монгольских народов, выступая одновременно знаком власти. Поэтому сообщение Тавернье специально подчеркивает, что конский хвост, который окрашивался в определенный цвет, по всей вероятности соответствовал конкретному племени (tribu). Можно предположить, что у ногайцев существовала развитая система цветовой идентификации родоплеменных объединений. Подобная система могла бы значительно облегчать распознавание своих отрядов и организацию управления ими во время кочевок или военного похода.

Наряду с подробным описанием ногайцев, Тавернье оставил ценные наблюдения о других народах Центрального Кавказа, прежде всего черкесах и кумыках. В отличие от повествования о ногайцах, где внимание автора сосредоточено на описании подготовки лошадей и хозяйственной деятельности, описание соседних обществ затрагивает преимущественно вопросы организации поселений, повседневного уклада и религиозной жизни. Несмотря на сравнительно небольшой объем этих свидетельств, они позволяют реконструировать ряд особенностей культурного развития региона во второй половине XVII в.

Одной из интересных деталей является описание планировки черкесских аулов. По наблюдениям Тавернье, большинство поселений строилось по единому принципу: жилища располагались по окружности, образуя замкнутый круг, внутри которого находилась просторная площадь [4: 419]. На этой площади проводились различные церемонии и обряды для жителей деревни. Один из таких обрядов занимает большую часть в описании культа грома и молнии. Автор сообщает, что после удара молнии в жилище вся об-

щина воспринимала произошедшее как особое знамение. Семья пострадавших переходила под коллективное попечение односельчан и освобождалась от всякой работы на целый год, кроме пения и танцев. Все члены этой семьи вместе со своими родственниками ходили из деревни в деревню, однако не входили в селения, а оставались снаружи, где пели и танцевали, а жители приносили им пищу и все необходимое для пропитания. Тотчас же по всей стране посылали искать самого большого белого козла, какого только можно было найти. Этого козла содержали жители той деревни, куда ударила молния, окружали его большим почитанием до тех пор, пока молния не поразила какое-нибудь другое место. Затем они вешали этому козлу на шею сыр величиной и формы обычного пармезанского сыра, и вели его в селение главного князя провинции. Не входя в деревню, ожидали, пока князь вместе со всеми жителями выйдет им навстречу. Затем все вместе преклонялись перед козлом. После нескольких молитв сыр снимали с его шеи и тотчас заменяли новым. Снятый сыр разрезали на маленькие кусочки и раздавали всем присутствующим. Затем собравшихся обильно угощали и подавали им многочисленные милостыни, после чего они продолжали обходить деревни по всей стране, собирая богатые подаяния.

Вообще, по наблюдениям автора относительно религиозной жизни черкесов, он отмечал, что население региона не являлось «в строгом смысле ни христианами, ни мусульманами» [4: 420], а исповедовало своеобразную систему верований, сочетающую элементы различных религиозных традиций. Подобная характеристика в целом согласуется с современными представлениями об эпохе XVII в., как переходном периоде, когда процесс исламизации Северо-Западного Кавказа еще не был завершен, тогда как многие элементы древней христианской и дохристианской традиции продолжали сохраняться в народной культуре.

Особенно ярко этот синкретизм проявляется в описании обряда, связанного с использованием священной книги, находившейся в распоряжении одного из старшин сельской общины, но не упоминается, из какого писания была эта книга. По словам Тавернье, во время тяжелой болезни старейшина приносил эту книгу в дом больного, прикладывал ее к груди и голове человека, открывал страницы, читал непонятный для присутствующих текст, затем дул на книгу и вновь возлагал ее на больного, после чего заставлял многократно целовать переплет.

Схожий ритуал над больными совершали и ногайцы. Тавернье пишет: «Эти самые татары исповедуют магометанскую религию. Среди них нет врачей, однако они умеют пользоваться известными им лекарственными растениями. Когда больной находится при смерти, приглашают муллу, который приходит с Кораном. Он трижды открывает и закрывает книгу, подносит ее к лицу больного и произносит несколько молитв. Если больной по счастливой случайности выздоравливает, выздоровление приписывают Корану, после чего мулла получает в дар барана или козу. Если же больной умирает, собираются все родственники и с великими проявлениями скорби предают его земле, непрестанно восклицая: Алла! Алла!» [4: 422–423].

Наряду с описанием обрядов со священной книгой Тавернье приводит сведения и о народных способах лечения ран у ногайцев и черкесов. Осо-

бый интерес представляют способы народного врачевания. Так, открытые ранения, по всей вероятности полученные в бою, лечились весьма своеобразным способом. Автор описывает этот процесс так: «При ранениях они не используют никаких мазей, кроме горячего вареного мяса, которое прикладывают непосредственно к ране. Если рана глубока, в нее помещают кусок жира настолько горячий, насколько раненый способен выдержать. Если же человек достаточно богат, чтобы заколоть лошадь, выздоровление наступает быстрее, поскольку мясо и жир лошади считаются значительно более целебными и обладают большей силой, чем мясо и жир других животных». Насколько подобная практика была распространена среди других народов Кавказа, требует дальнейшего сопоставления с этнографическими и медицинскими источниками. Тавернье описал еще один необычный способ лечения головной боли у черкесов: «…если кто-либо испытывает сильную головную боль, то для ее лечения они не знают иного средства, кроме обращения к человеку, который их бреет. Тот наносит бритвой на больном месте два разреза крест-накрест, доходящие до самой кости, после чего накладывает немного мази, чтобы закрыть рану. Эти люди убеждены, что головная боль происходит исключительно от ветра, заключенного между костью и плотью, и что, сделав такие два разреза, этому ветру дают выход наружу, после чего болезнь уже никогда не возвращается» [4: 421–422].

Интересные сведения Тавернье приводит и о кумыках. Французский путешественник отмечает их особое положение в системе политических отношений Восточного Кавказа. По его словам, персидский шах оказывал кумыкам покровительство, поскольку именно они охраняли прикаспийские проходы и защищали побережье от нападений неприятелей Персии [4: 424]. Это наблюдение хорошо отражает стратегическое значение кумыкских владений, контролировавших важные коммуникации между Северным Кавказом, Дагестаном и Закавказьем.

Не менее любопытны и этнографические детали. По наблюдениям Тавернье, кумыки одевались практически так же, как и «малые татары», то есть ногайцы, что свидетельствует о близости их материальной культуры. Данное сообщение представляет интерес для изучения истории кавказского костюма XVII в. Вместе с тем автор отмечает, что кумыки получали из Персии холсты и шелковые ткани, что указывает на их активное участие в международной торговле и тесные экономические связи с Сефевидским государством [4: 424–425].

Проведенный анализ свидетельств Жана-Батиста Тавернье позволяет рассматривать его сочинение как один из наиболее информативных европейских источников по истории и этнографии Северного Кавказа второй половины XVII в. Наибольший исследовательский интерес представляют сведения о ногайцах. В отличие от большинства европейских путешественников своего времени, Тавернье фактически описал не отдельные стороны кочевого быта, а привел ценные факты, которые, на наш взгляд, стоит ввести в научный оборот. В целом, сведения Жана-Батиста Тавернье существенно расширяют источниковую базу для дальнейших исследований, прежде всего по истории ногайцев. Комплексное использование описания в сочетании с восточными, русскими и западноевропейскими письменными памят-

никами открывает новые возможности для реконструкции материальной культуры, хозяйственного уклада и религиозных представлений населения региона в эпоху раннего Нового времени.

Источники и литература

1. *Гродеков Н.И.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1889.
2. *Зайцев И.В.* Военное дело Ногайской Орды. М., 2006.
3. *Кутепов Н.И.* Царская охота на Руси царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. XVII век. СПб., 1898.
4. *Tavernier J.-B.* Les Six Voyages de Jean-Baptiste Tavernier, Ecuyer Baron d'Aubonne, en Turquie, en Perse, et aux Indes. Paris, 1676. Vol. I.

Р.М. Султанбеков

Государственно-политические структуры Дагестана в трудах представителей российской военно-исторической школы (первая половина XIX в.)

Данный период отмечен активизацией внешнеполитического курса России на Кавказе. Изучением региона занимались преимущественно офицеры Генерального штаба, военные историки и администраторы, перед которыми стояла прикладная задача – сбор данных для эффективного управления краем. При этом военная школа накопила обширный эмпирический материал, не утративший источниковой ценности и сегодня.

Первым заметным представителем этого направления следует назвать Алексея Петровича Ермолова (1777–1861), командовавшего Отдельным Кавказским корпусом в 1816–1827 гг. В его личности сочетались дар полководца, дипломата и администратора, однако для горцев он остался символом жестокости. В историографии оценка его деятельности неоднозначна. А.П. Ермолов внес определенный вклад в освещение вопросов социально-политической истории дагестанских государственных образований. В его записках, охватывающих 1798–1826 гг., изданных в 1860х гг., содержатся сведения о характере политической власти в дагестанских владениях. Он дал характеристику политического устройства горских обществ с позиций имперской администрации, описал механизмы власти в Аварском и Мехтулинском ханствах, систему вассалитета и данничества, зафиксировал практику переговоров с шамхалом Тарковским, аварским ханом и уцмием Кайтага в 1816–1827 гг. Им была предложена классификация владений по степени лояльности России: лояльные, колеблющиеся, враждебные [5]. Однако суждения А.П. Ермолова требуют критического анализа: они крайне субъективны, политически ангажированы и направлены на оправдание собственных действий. Как и другие представители дореволюционной историографии, он негативно оценивал политические структуры горцев, характеризуя их как «анархию», «безначалие», «дикость» и «хищничество», что соответствует имперскому дискурсу «цивилизаторской

миссии». Ермолов невысоко ставил местное население и неоднократно писал о необходимости «пресечь дерзости и наглости» диких народов [4]. Автор не проявляет интереса к внутренним механизмам власти горских обществ, сосредотачиваясь на военно-политических отношениях с Россией. Тем не менее труд Ермолова остается ценным источником по истории российско-дагестанских отношений первой четверти XIX в., хотя при реконструкции собственно дагестанских политических структур он тенденциозен и нуждается в перекрестной проверке с местными источниками.

Другим ярким представителем военно-исторической школы был Николай Фёдорович Дубровин (1837–1904) – русский историк, академик, генерал-лейтенант, участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Его труды, созданные во второй половине XIX в., до сих пор остаются базовыми для исследователей дагестанского общества. Главный труд Дубровина – «История войны и владычества русских на Кавказе» в 6 томах (1871–1888 гг.) [3] – содержит обширный фактический материал. В первом томе подробно рассматриваются вопросы управления Дагестана и Чечни, введенного Шамилем, разделение этих территорий на наибства, военная система имамата. Н.Ф. Дубровин отмечал этническое разнообразие Дагестана и связывал особенности поведения горцев, в том числе в военных конфликтах, с их бытом. По его мнению, незнание чиновниками этого быта часто вело к политическим ошибкам и волнениям. Он провел колоссальную работу по систематизации разрозненных архивных документов о функционировании дагестанских «вольных обществ» (джамаатов) и ханств. В отличие от предшественников, Н.Ф. Дубровин одним из первых начал системно описывать сложную систему сдержек и противовесов, веками существовавшую в горах. Он полагал, что специфика политической структуры Дагестана заключалась не в отсутствии власти, а в особой форме демократии: решения принимались на сельских сходах, а авторитет основывался на адатах (обычном праве) и шариате. Н.Ф. Дубровин подчеркивал, что народ предпочитал адат шариату. Его анализ этих институтов помогает современным историкам понять, почему попытки унифицировать управление Дагестаном извне встречали сопротивление. Наиболее ценный вклад Н.Ф. Дубровина – детальное описание политического устройства дагестанских союзов сельских общин. Он разбирал работу советов старейшин, распределение полномочий между выборными лицами и механизмы сохранения автономии под внешним давлением. Кроме того, он приводит данные о составе союзов сельских общин. Для своего времени это было настоящим прорывом: он увидел в горцах не просто «воинственных соседей», а народ, живущий в рамках четко выстроенной правовой и политической системы. Он также представил наиболее полный для своей эпохи свод сведений о дагестанских владениях – шамхальстве Тарковском, Аварском, Казикумухском и Кюринском ханствах, уцмийстве Кайтагском. Впервые ввел в научный оборот многие шертовальные грамоты, договоры и дипломатическую переписку, описал структуру власти в ханствах.

Будучи человеком своей эпохи и представителем имперской науки, Н.Ф. Дубровин тем не менее демонстрирует искреннее уважение к предмету изучения. Он не подгонял дагестанскую реальность под европейские стандарты, а фиксировал сложную, многоуровневую систему управления, идеально приспособленную к суровым условиям гор. Вместе с тем его методология

остается имперской: Дагестан рассматривается исключительно как объект российской политики, недостаточное внимание уделяется внутренним механизмам власти – суду, налогам, престолонаследию. Существенным упущением является игнорирование местных арабо- и тюркоязычных источников, что ограничивает полноту картины и глубину анализа. Вклад Н.Ф. Дубровина заключается в том, что он легитимизировал изучение дагестанской государственности. Он доказал: политическая культура Дагестана – это сложная, укорененная в традициях система управления. Его фундаментальный труд сохраняет значение как источниковая база, на которой строится современное понимание дагестанской политической идентичности.

Василий Александрович Потто (1836–1911) – выдающийся военный историк, генерал-лейтенант, летописец Кавказской войны. Его главный труд «Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях» [8] до сих пор остается одним из самых цитируемых источников по истории региона XIX в. Несмотря на имперскую позицию, его работы содержат богатейший материал о социально-политическом устройстве Дагестана. В.А. Потто значительное внимание уделяет дуализму дагестанской политической системы. Он четко разграничивает две формы организации горского общества. Первая – феодальные владения (шамхальство, ханства). Он описывает их как иерархические структуры, подробно анализирует роль шамхала Тарковского, Мехтулинского и Аварского ханов в событиях конца XVIII – первой четверти XIX вв. В его описании власть этих правителей была ограничена влиянием российской администрации, внутренними адатами и духовенством. Он подчеркивает хрупкость такой власти, зависящей от личного авторитета правителя и его умения лавировать между интересами империи и горских общин. Вторая форма – «вольные общества» (джамааты), которым В.А. Потто уделяет особое внимание. Он с удивлением и уважением описывает демократические начала в управлении аварских, даргинских и лезгинских обществ, отмечая, что власть там принадлежала народным собраниям (съездам), а управление осуществляли выборные старшины. Для имперского историка такая организация казалась «диковинной», однако он признавал ее высокую эффективность в вопросах самообороны и поддержания внутреннего порядка. Анализируя государственные структуры Дагестана, В.А. Потто неизбежно обращается к вопросу об их трансформации под влиянием России. Он рассматривает российское управление как процесс «упорядочивания» и описывает переход от военно-народного управления к гражданским институтам как неизбежный этап развития. При этом в его текстах сквозит понимание того, что традиционные структуры, особенно джамааты, обладали колоссальной устойчивостью. В.А. Потто признает: российская администрация часто вынуждена была считаться с местными обычаями, поскольку прямое насаждение имперских порядков вызывало сопротивление. К недостаткам трудов В.А. Потто следует отнести литературно-публицистический стиль, снижающий научную строгость; акцент на военных событиях в ущерб анализу политических институтов; имперскую идеологическую рамку с воспеванием завоевания Кавказа. Автор нередко изображал участников событий в исключительно положительном свете. Например, признавая заслуги А.П. Ермолова, он не анализировал негативные последствия его жесткой политики и преувеличивал

некомпетентность его преемников, в частности И.Ф. Паскевича. Несмотря на недостатки, труды Потто ценны тем, что фиксировали детали быта, управления и социальных отношений, которые могли быть утрачены. Он запечатлел момент столкновения двух миров – традиционного горского самоуправления и имперской бюрократии. Современные исследователи дают его работам неоднозначную, но в целом взвешенную оценку.

Другим авторам военно-исторической школы также свойственны тенденциозность и идеализация политики России на Кавказе, но в источниковедческом плане их труды представляют несомненный интерес. Среди них Платон Павлович Зубов (1796–1857) – русский военный историк, писатель-беллетрист, офицер, участник Отечественной войны 1812 г., Русско-персидской 1828–1829 гг. и Русско-турецкой 1826–1828 гг. войн. Его основной труд «Картина Кавказского края» [6], изданный в 1834–1835 гг., является важным источником по социально-политической истории народов Дагестана. В работе содержатся сведения о политическом устройстве дагестанских владений, системе управления и порядке формирования органов власти. О жителях федерации Акуша-Дарго Зубов сообщал, что они повинуются только своим старейшинам. Зубов провел значительную работу по систематизации военных архивов, опираясь на рапорты офицеров кавказской администрации и материалы Генерального штаба. Благодаря этому сведения о государственно-политическом устройстве Дагестана стали упорядоченными и доступными для широкого круга исследователей.

Иван Фёдорович Бларамберг (1800–1878) – генерал-лейтенант, директор военно-топографического депо (1856–1863), начальник корпуса военных топографов (1866–1867). Военную службу начал в Отдельном Кавказском корпусе в апреле 1830 г. в чине штабс-капитана, участвовал в Кавказской войне, был награжден орденом св. Владимира и золотой шпагой за храбрость. По возвращении с Кавказа в 1836 г. написал первое историческое сочинение «Топографическое и статистическое описание Кавказа». В том же году участвовал в экспедиции Г.С. Карелина по изучению берегов Каспийского моря, где производил съемки и астрономические наблюдения. В 1850 г. в издании Русского географического общества были напечатаны «Журнал, веденный во время экспедиции для обозрения восточных берегов Каспийского моря в 1836 году» [1] и «Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюб-Караган» [2]. Часть работы, касающаяся Дагестана, была опубликована в сборнике архивных материалов «История, география, этнография Дагестана XVIII–XIX вв.» под редакцией М.О. Косвена и Х.М. Хашаева в 1958 г. [7].

И.Ф. Бларамберг отличался редкой эрудицией. Фундаментальное образование, полученное в Институте инженеров путей сообщения, в сочетании с доступом к уникальным картам и отчетам Генерального штаба сделали его одним из самых осведомленных экспертов по Кавказу. Он не просто изучал географию региона, но умело сопоставлял сухие статистические выкладки с реалиями жизни горцев, что позволяло ему делать глубокие выводы об общественном устройстве народов Северного Кавказа. Емкие характеристики И.Ф. Бларамберга позволяют увидеть роль традиционных социальных институтов народов Кавказа, проследить изменения в государ-

ственном и экономическом устройстве, в семье. Его наблюдения тем более значимы, что процесс трансформации устоявшегося уклада он наблюдал лично в ходе Кавказской войны. В частности, он указывает на наследственный характер власти в даргинских союзах сельских общин Акуша-Дарго и Сюрга в лице духовного лидера – кадия. Знакомство с топографическими картами, составленными в ходе военных действий, позволило И.Ф. Бларамбергу впервые дать детальную характеристику границ владений, населенных пунктов, численности населения и военных сил дагестанских владений и союзов сельских общин. К уязвимым местам его работы стоит отнести излишний крен в сторону военной статистики: автор чрезмерно фокусируется на цифрах и тактических деталях, оставляя без должного внимания социально-политические институты, определявшие контекст событий.

Несмотря на то, что труды офицеров-историков были пронизаны духом имперского доминирования, их вклад в сохранение исторической памяти Дагестана трудно переоценить. Они зафиксировали не только структуру власти, но и систему легитимации правителей, механизмы разрешения конфликтов и принципы распределения ресурсов, характерные для аграрного Дагестана. Современная историография, критически переосмысливая наследие этой школы, отмечает, что именно благодаря военно-исторической школе мы сегодня обладаем детальными сведениями о переходном периоде в истории региона. Их работы остаются важным свидетельством того, как столкновение двух цивилизационных моделей – имперской бюрократической и горской общинной – привело к рождению новых форм политической реальности, определивших облик Кавказа на десятилетия вперед.

Таким образом, военно-историческая школа первой половины XIX в. выполнила двойную задачу: она обеспечила империю необходимым инструментарием для проведения колониально-административной политики и одновременно создала фундамент для научного познания Дагестана, заложив основы для последующих поколений этнографов, историков и востоковедов.

Источники и литература

1. *Бларамберг И.Ф.* Журнал, веденный во время экспедиции для обозрения восточных берегов Каспийского моря в 1836 году // Записки Русского Географического общества. Кн. IV. СПб., 1850. С. 1–48.

2. *Бларамберг И.Ф.* Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюб-Караган // Записки Русского Географического общества. Кн. IV. СПб., 1850. С. 49–120.

3. *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1-6. СПб., 1871–1888.

4. *Ермолов А.П.* Кавказские письма. 1816–1860. СПб., 2014.

5. Записки Алексея Петровича Ермолова. С приложениями. Ч. 2. 1816–1827 гг. М., 1868.

6. *Зубов П.П.* Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. Ч. 1–4. СПб., 1834–1835.

7. История, география, этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: архивные материалы / под ред. М.О. Косвена и Х.М. Хашаева. М., 1958.

8. *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: в 5 т. СПб, 1887–1889.

Н.А. Коровин

Дневники и мемуары православного духовенства как источник по истории Кавказа в XIX – начале XX вв.

Если понимать тему строго, то для Кавказа в XIX – начале XX вв. мы имеем не столько массив классических мемуаров, сколько более широкий комплекс личных документов духовенства: дневники, путевые записки, автобиографические заметки, паломнические очерки и ретроспективные исторические записки. Именно эта жанровая размытость и есть важная источниковедческая особенность материала. Священнослужители фиксировали опыт движения по труднодоступному пространству, проповеди перед многоязычной аудиторией, состояние древних храмов, результаты миссии, отношение местного населения к православию и реакции администрации. Для историка Кавказа это не недостаток, а преимущество: текст рождается в непосредственном контакте с местностью, приходом, общиной и маршрутом.

Корпус дневников, путевых записок и мемуарных текстов православного духовенства по истории Кавказа XIX – начала XX вв. сравнительно невелик, но исключительно ценен. Его ядро составляют тексты архиереев и миссионеров, действовавших в зонах интенсивного церковно-политического и этноконфессионального взаимодействия: в Абхазии, Самурзакани, Сванетии, на Северо-Западном Кавказе, на Военно-Грузинской дороге, в Тифлисе, Батуме, Сухуме и кавказских монастырских центрах. Наиболее репрезентативны для исследовательской работы путевые записки святителя Гавриила (Кикодзе), епископа Имеретинского, публикации епископа Владимира о Северном Кавказе, кавказские фрагменты дневника митрополита Арсения (Стадницкого), а также паломнические записки священника Алексея Воскресенского. Для церковно-политического контекста начала XX в. важна историческая записка священника Каллистрата Цинцадзе об автокефалии Грузинской Церкви [1; 2: 664–682; 3: 634–640; 9: 44–48; 14: 6–16].

Главная сила этих источников – в соединении нескольких планов наблюдения: повседневности, религиозной практики, этнографического описания, административной оптики и личной реакции автора. Именно поэтому они дают материал сразу по политике, межнациональным отношениям, религиозной жизни, быту, языковому посредничеству, образованию, миссионерству и хозяйству церковных институтов. Но их нельзя читать буквально: тексты часто печатались в церковной периодике, имели назидательную функцию, были ориентированы на имперскую интеграцию окраины и могли редактироваться перед публикацией. Следовательно, их ценность максимальна в сопоставлении с официальными отчетами Общества восстановления православного христианства на Кавказе, синодальными публикациями, архивными делами Российского государственного исторического архива и Государственного архива Российской Федерации, местной прессой и локальными нерусскими источниками [4; 9: 44–48; 12: 443; 13: 212–216]. То, что Н.П. Матханова показала на сибирском материале, в полной мере применимо и здесь: записки духовенства ценны не только сведениями «географиче-

ского, этнографического, статистического, лингвистического и исторического характера», но и как ключ к самоощущению самого автора [8: 28–29].

В кавказском материале отчетливо выделяются три группы источников. Во-первых, миссионерские путевые записки архиереев второй половины XIX века, прежде всего епископа Гавриила (Кикодзе) [4] и архиепископа Владимира (Петрова) [2: 664–682]. Во-вторых, паломнические и монастырские очерки начала XX в., где кавказское пространство осмысляется уже не только как «край миссии», но и как сакральный ландшафт империи; здесь особенно заметен священник Алексей Воскресенский [3: 634–640]. В-третьих, дневниковые и полемико-мемуарные тексты начала XX в., связанные с кризисом имперской церковной модели на Кавказе. Это, с одной стороны, дневник Арсения (Стадницкого) [1], с другой – грузинская автокефальная публицистика духовенства, включая Каллистрата Цинцадзе [14: 6–16].

Особое место занимает святитель Гавриил (Кикодзе), епископ Имеретинский. Статья И.Е. Мельниковой и Д.А. Туголукова, основанная на его публикациях, позволяет уверенно установить, что в «Православном обозрении» печатались его путевые записки о миссионерских поездках по Западной Грузии, а также извлечь точные ссылки на часть первоначальных публикаций. Например, это заметки в «Православном обозрении» за 1867 г. и публикации, связанные с Самурзаканью и Абхазией [9: 44–48].

Не менее важен труд епископа Владимира. Его «Путевые заметки» за 1886 год в поздней публикации «Русского архива» дают концентрированный материал по Карачаю, Зеленчукским храмам, Теберде, Кубани и местным христианским древностям [2: 664–682; 6]. Особый интерес представляют наблюдения епископа за религиозной жизнью горских евреев: во время посещения Джегонасского поселка в 1886 г. он осмотрел местную синагогу и оставил ее описание [2: 671; 10: 116]. Именно этот текст устойчиво цитируется современной кавказоведческой литературой как один из источников по религиозной и этноконфессиональной жизни региона конца XIX в.

Для политической истории эти тексты важны прежде всего тем, что показывают не «внешний», административный Кавказ, а то, как его видел церковный посредник между империей и местными обществами. Уже в проповеди святителя Гавриила 1860 г. православный дискурс прямо связывает утверждение веры с политическим завершением войны: православие должно «довершить покорение Кавказа». Эта формула ценна не только сама по себе; она позволяет читать миссионерские записки как компонент имперского проекта, а не как нейтральную религиозную хронику [5].

Вместе с тем путевые записки дают плотный материал по межнациональным отношениям. В «Обозрении абхазских и самурзаканских приходов» епископ Гавриил описывает совместное присутствие новокрещенных, мусульман и местной знати, фиксирует разделение слушателей во время бесед, указывает на необходимость перевода проповеди и даже оценивает качество переводчика. Это важнейшая деталь: историк получает доступ не только к идеологическому посланию, но и к самой коммуникационной ситуации – кто говорил, на каком языке, через кого, кому и с каким эффектом. Особенно показательны места, где автор признает неудачу: после обращения к человцам он прямо пишет, что слушатели истолковали его речь иначе,

чем он рассчитывал. Такие фрагменты разрушают иллюзию «гладкой» миссии и делают источник необычайно ценным для истории восприятия власти и веры на местном уровне [4].

Религиозная жизнь в этих текстах предстает не как отвлеченная догматика, а как набор практик, навыков и инфраструктур. Гавриил постоянно связывает прочность православия с наличием церкви, священника, школы, переводных катехизических текстов и регулярного наставления. В этом отношении его записи особенно хорошо коррелируют с официальными отчетами Общества восстановления православного христианства на Кавказе: последние позволяют проверять данные о числе снабженных церквей, о приходских школах и миссионерских успехах, тогда как дневниковые и путевые тексты показывают, как эти меры воспринимались и зачем, по мысли духовенства, они были нужны [9: 46–48; 11: 350; 12: 443; 13: 212–216].

Именно здесь открывается и тема быта. Для «большой» политической истории она кажется второстепенной, но для истории Кавказа как пространства освоения она принципиальна. Все это дает реконструкцию повседневной стороны церковного присутствия на Кавказе. Поздний дневник епископа Арсения добавляет к этому уже иную, рубежную оптику начала XX в.: маршрут по Военно-Грузинской дороге, оценку Тифлиса и Батума, впечатление от Сухума и Нового Афона, то есть опыт кавказского пространства как одновременно периферии и курортно-паломнической зоны империи [1].

Для социально-экономической истории особенно важны тексты, связанные с монастырями и паломничеством. Паломнические записки священника Алексея Воскресенского о Владикавказском Троицком монастыре, Георгиевском женском монастыре на Куре, Тебердинской обители и других монастырях Кубанской области, а также записки епископа Владимира рассматриваются современной историографией именно как источники по хозяйству, земельным угодьям, структуре обители, благотворительности и повседневной жизни монастырей. Это не самый ранний и не самый политический слой корпуса, но он незаменим для изучения церковной экономики и монастырского пространства Северного Кавказа [3: 634–640; 7: 45–46].

Для истории образования и миссии кавказские записки духовенства вообще являются одним из наиболее продуктивных жанров. Уже сама статья Мельниковой и Туголукова демонстрирует, что путевые тексты Гавриила тесно связаны с миссионерской и просветительской работой на территориях, где формально крещение значительной части населения было завершено, но требовалась длительная школьная и катехизическая работа. Это важное уточнение: дневники и записки духовенства показывают, что успех миссии в имперской церковной логике равнялся не одномоментному акту обращения, а переходу к устойчивой приходской и школьной системе [9: 45–48].

Главная методологическая трудность – предвзятость, причем не только индивидуальная, но и институциональная. Автор – епископ или священник почти никогда не скрывает своей нормативной позиции. Он пишет не просто о Кавказе, а о «правильном» устройстве веры, нравов и власти. Поэтому историк должен отделять наблюдение от оценки: фиксация разрушенного храма или отсутствия школы обычно достоверна; вывод о «лености», «неве-

жестве» или «легкости обращения» местного населения – уже часть авторской программы [4; 5].

Вторая проблема – жанровая. Перед нами не административный отчет и не свободный частный дневник в современном смысле, а публикации, рассчитанные на чтение церковной и образованной публикой. Даже когда текст возникает из дорожных записей, в печати он превращается в назидательное повествование. Отсюда композиционная селекция материала: автор подробнее говорит о значимых для него эпизодах – беседах с населением, древних храмах, успехах миссии, благочестии и упадке, – и кратко проходит мимо того, что не вписывается в религиозно-историческую рамку. Матханова справедливо подчеркивает, что такие записки нужно использовать одновременно как источник по описываемому краю и как источник по миру представлений их автора [8: 28–29].

Третья проблема – память и ретроспекция. Для собственно мемуаров это очевидно, но и в путевых записках, опубликованных позже поездки, действует логика воспоминания. Пример епископа Владимира особенно показателен: его заметки 1886 г. были напечатаны в 1904 г. в «Русском архиве». Следовательно, между событием и публикацией лежит временной зазор, а вместе с ним – возможность редакторской правки, контекстуализации и изменения авторского акцента [2: 664–682].

Четвертая проблема – язык, перевод и редактура. Кавказские тексты духовенства почти всегда многоязычны по факту и одноязычны по печатной форме. Гавриил несколько раз специально фиксирует, кто именно переводил его речь и насколько адекватен был перевод. Для историка это исключительно важный момент: православное наставление, дошедшее до нас на русском или грузинском, на месте звучало через посредника и могло восприниматься принципиально иначе. Иными словами, запись фиксирует не столько непосредственный контакт, сколько цепочку коммуникации [4].

Дневники, путевые записки и мемуары православного духовенства – это не вспомогательный, а один из базовых источников по истории Кавказа XIX – начала XX вв. Их особая ценность состоит в том, что они связывают «верхний» уровень церковно-имперской политики с «нижним» уровнем приходской практики, перевода, дороги, разговора, школы и храма. Они позволяют видеть Кавказ как пространство непрерывного посредничества: между центром и окраиной, русским и местными языками, крещением и воцерковлением, древней святыней и современной административной задачей. Но ровно по этой же причине они не могут использоваться без критики. Такие источники гораздо лучше освещают зоны церковного напряжения, чем «нормальную» приходскую жизнь. Поэтому методически правильно рассматривать дневники и мемуары духовенства как эго-документ конфессионального института, а не как непосредственную стенограмму кавказской реальности.

Источники и литература

1. *Арсений (Стадницкий),* митр. Дневник: Т. 2. 1902–1903. М., 2012.

2. *Владимир (Петров),* архиеп. Казанский и Свияжский. Из путевых заметок епископа Владимира о Северном Кавказе. 1886 // Русский архив. 1904. Вып. 4. С. 664–682.

3. *Воскресенский, А.,* свящ. Владикавказский Троицкий мужской монастырь: из путевых заметок паломника // Владикавказские епархиальные ведомости. 1908. № 35. С. 634–640.

4. *Гавриил (Кикодзе),* святитель. Обозрение абхазских и самурзаканских приходов. М., 1869.

5. *Гавриил (Кикодзе),* святитель. Слово на день рождения Государя Императора, и по случаю покорения Кавказа // Православное обозрение. 1860. Т. 2. С. 469–473.

6. Карачаево-Черкесия // Православная энциклопедия: электронный энциклопедический ресурс. [Электронный ресурс] URL: https://www.pravenc.ru/text/1681005.html (дата обращения: 18.07.2026).

7. *Колесов В.* Горские евреи, урымы, черкесогаи: типология немусульманских групп Северо-Западного Кавказа середины XIX века // Иудаика славика. 2020. № 2(4). С. 33–59.

8. *Матханова Н.П.* Записки православных священников об изучении и освоении Севера Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 3. С. 25–29.

9. *Мельникова И.Е., Туголуков Д.А.* Из дневника миссионерского путешествия Преосвященного Гавриила (Кикодзе), епископа Имеретинского // XVIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2010. С. 44–48.

10. *Норкина Е.С., Колесов В.И.* Проблемы религиозной жизни горских евреев Северного Кавказа во второй половине XIX в. // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29. № 2. С. 111–124.

11. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1864 год // Православное обозрение. 1866. № 1–4. С. 350.

12. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1865 год // Православное обозрение. 1866. № 9–12. С. 443.

13. Отчеты Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1862 и 1863 годы // Православное обозрение. 1866. № 1–4. С. 212–216.

14. *Цинцадзе К.,* свящ. Историческая справка по вопросу об автокефальности Грузинской Церкви // Духовный вестник Грузинского экзархата. 1906. № 4. С. 6–16.

А.А. Журтова

Политика России на Северо-Восточном Кавказе в 1830-х – 1860-х гг. в отражении дореволюционной периодической печати (по материалам журнала «Русская старина»)

Официальные печатные издания в имперской России на протяжении всего периода ее существования являлись выразителем государственной идеологии и важнейшим инструментом легитимации политического курса. Внешне- и внутриполитическую повестку дня России XIX в. во многом определяла кавказская проблематика, связанная со сложным процессом интеграции региона в состав Российского государства. Актуальность данного вопроса определила помимо прочего тематику периодических изданий указанного периода. На страницах газет и журналов появляются работы, посвященные проблемам развития кавказских обществ, призванные сформи-

ровать системное и объективное представление о регионе [6]. Периодическая печать выражала и в то же время формировала общественное мнение о Кавказе, а также служила теоретической базой для выработки стратегии российско-кавказских отношений и дальнейшей модернизации региона.

Журнал «Русская старина» является одним из первых исторических журналов дореволюционной России. Его основателем и редактором в 1870–1892 гг. был известный в стране историк, журналист, общественный деятель М.И. Семевский. Издание выходило ежемесячно в Санкт-Петербурге в течение 1870–1918 гг. За этот период было опубликовано более 170 томов журнала. Его содержание отличается большим жанровым разнообразием. Основная масса опубликованных материалов связана с историей России имперского периода и представлена историческими, литературными, эпистолярными текстами, а также корпусом официальной и делопроизводственной документации.

Целый комплекс исторических и историографических источников, представленных на страницах «Русской старины», посвящен событиям и героям Кавказской войны. Наибольший интерес в рамках данного исследования представляют материалы по истории покорения Россией Северо-Восточного Кавказа. Среди представленных в журнале работ можно выделить исторические исследования, архивные источники, включающие в себя делопроизводственную документацию, письма, воспоминания, а также рецензии и комментарии к опубликованным работам.

Одним из первых исследований, опубликованных в «Русской старине», является работа И.А. Гржегоржевского [3; 4; 5; 20], посвященная истории жизни и военно-политической деятельности генерала Ф.К. Клюки-фон-Клугенау. Годы его службы в Чечне и Дагестане (1818–1850) совпали с периодом распространения мюридизма в регионе и борьбой с Шамилем. В силу большого объема документов, редакторы журнала разместили их частями в четырех томах. Клугенау выступил одновременно информатором и редактором данных материалов. Главная ценность его публикаций, на наш взгляд, заключается в том, что они демонстрируют непрерывный поиск кавказской администрацией, наиболее эффективных способов и механизмов интеграции народов Северного Кавказа в состав России [23].

Большинство биографических исследований, опубликованных в журнале, посвящено политике князя А.И. Барятинского. В частности, в работе Д.И. Романовского рассматривается деятельность наместника в контексте Кавказской войны и борьбы с Шамилем. Автор подробно описывает, как Барятинский разрабатывал и реализовывал план покорения Восточного Кавказа. Главная его идея относительно скорейшего «умиротворения» Кавказа заключалась, по выражению исследователя, «в решительном наступлении против восточных горцев со стороны Чечни, и в одновременном с тем стеснении существовавшей около них блокадной линии» [20: 310]. Романовский убежден, что основная заслуга в завоевании Восточного Кавказа принадлежит исключительно наместнику, в своей работе он неоднократно это подчеркивает, чем вызывает дискуссию на страницах «Русской старины».

Первым в нее вступает И.Ф. Золотарев, который утверждает, что план Кавказской войны, столь «блистательно оконченной Барятинским», был

ему озвучен князем М.С. Воронцовым незадолго до его отъезда с Кавказа, и реализовать который он не успел в силу болезни. Автор сообщает, как в 1860 г. лично услышал от Барятинского, что ему «досталась жатва Воронцовского посева» [10].

Данный комментарий не был оставлен без внимания Д.И. Романовским, который подчеркнул «слишком широкий и произвольный» характер толкования Золотаревым слов Барятинского и пояснил, что сам был свидетелем постепенной многолетней работы над планом покорения Кавказа и его реализацией. Более того, Барятинский, находясь под начальством Воронцова, не всегда, как утверждает автор, разделял его взгляды на Кавказскую войну и проводимые наместником мероприятия [21: 910].

Наиболее подробно политика А.И. Барятинского в регионе рассмотрена в материалах М.Я. Ольшевского [12; 13; 14; 15; 16; 17], в которых масштабные исторические описания сочетаются с личными воспоминаниями и оценками автора. Его исследования опубликованы в восьми томах «Русской старины» с 1879 по 1895 гг. Последние статьи были изданы в год его смерти. Будучи свидетелем и участником описываемых событий, он ставил перед собой задачу рассказать «без малейших прикрас» о том, что было «на самом деле». В его работах описываются военные действия на Кавказской линии в 1840-х – 1860-х гг., в Чечне, Дагестане, Закубанье и на Черноморской береговой линии. Особое внимание автор уделяет деятельности князя А.И. Барятинского, его борьбе с Шамилем, подчеркивает ведущую роль наместника в утверждении России на Северо-Восточном Кавказе. По мнению Ольшевского, князь был примером не только в военном деле и гражданском управлении, но и во взаимодействии с подчиненными. Кроме того, автором опубликованы приказы главнокомандующего, его письма, в том числе переписка с Шамилем, отрывки воспоминаний и др., а также этнографические материалы о народах Чечни и Дагестана.

На страницах «Русской старины» представлено также первое и наиболее обширное биографическое исследование, посвященное генералу Н.И. Евдокимову. Оно принадлежит историку И.И. Ореусу и остается наиболее популярным источником о жизни и служебной деятельности генерала [18]. В течение 40 лет, с 1863 г., автор занимал должность начальника Военно-исторического и топографического архива (с 1866 г. – Военно-ученый архив) и успел проработать целый корпус источников по военной истории России. Его историко-биографический очерк напечатан в журнале в 9 частях в номерах с 1888 по 1890 гг. В работе описываются происхождение Н.И. Евдокимова, его служба на Кавказе, проводимые им в регионе мероприятия и т.д. Ореус высоко оценивает тактику генерала «не идти вперед, не обеспечив тыл», которая в борьбе с горцами максимально оправдала себя. В данном исследовании Евдокимов предстает как один из главных сторонников выселения горцев в Османскую империю и командующий, внесший равноценный, наряду с князем А.И. Барятинским, вклад в окончательное завоевание Северного Кавказа.

М.Я. Ольшевский высказал иную точку зрения и оценку личности Евдокимова, чем спровоцировал очередную дискуссию на страницах журнала. В частности, не отрицая высокую эффективность завоевательной политики

генерала, Ольшевский подчеркивает его «темное происхождение» и воспитание «на медный грош», и в ряде сюжетов обвиняет его в «страсти к приобретению» [16: 301–302].

В полемику с ним вступает А.Л. Зиссерман, который указывает на необходимость исправить ошибки и неточности столь «авторитетного» и «талантливого» исследователя [9: 876]. Он активно защищает Евдокимова, который, как неоднократно подчеркивает автор, «не щадил» ни себя, ни солдат, если вопрос касался интересов государства, что могут подтвердить не только слова, но и многочисленные ранения генерала. Зиссерман убежден, что наместник А.И. Барятинский не смог бы добиться столь громких успехов на Кавказе без опоры на Евдокимова [9: 877].

В контексте данной проблемы вызывает интерес исторический очерк барона А.П. Николаи [11], посвященный событиям на Северо-Восточном Кавказе на завершающем этапе его покорения. В работе описывается тяжелая ситуация, в какой оказалась Российская империя в 1850-х гг., связанная с Восточной войной и боевыми действиями на Кавказе. В этих условиях император принимает решение освободить от должности наместника Н.Н. Муравьева и назначить А.И. Барятинского, на которого были возложены большие надежды. От нового наместника в этой ситуации ожидали, если не завершения Кавказской войны, то как минимум заключения временного перемирия с Шамилем «на условиях, для его самолюбия выгодных» [11: 255]. Далее сообщается о служебной переписке по данному вопросу и попытках вести переговоры с имамом для «побуждения его к покорности» [11: 255].

Отдельный корпус материалов журнала «Русская старина» составляют письма и воспоминания известных участников Кавказской войны. К числу основных публикаций можно отнести документы под редакцией А.П. Берже [1; 7]. В частности, он вводит в научный оборот переписку А.П. Ермолова с В.О. Бебутовым [1], соратником главнокомандующего, служившим под его началом с 1816 г. и ставшим впоследствии начальником Армянской области и управляющим гражданскими делами на Кавказе. Письма охватывают период с 1835 по 1857 год. В них отражен московский этап жизни Ермолова после его ухода с активной кавказской службы, высказываются независимые, порой критические суждения бывшего главнокомандующего о военно-политической ситуации в регионе, предпринимаемых мерах в борьбе с распространением мюридизма, оценивается деятельность Н.Н. Муравьева и М.С. Воронцова, и др.

Также А.П. Берже издал «Записку о Кавказе» Александра II 1860 г., в которой император дал высокую оценку деятельности князя А.И. Барятинского, отмечая его стратегию управления регионом и военные успехи, приведшие к завершению Кавказской войны. В документе Александр II подчеркивает свое доверие к наместнику и поручает разработать план сокращения финансирования и численности кавказских войск в регионе.

В одном из выпусков журнала его главный редактор М.И. Семевский опубликовал «Записку» Николая I о военных действиях на Кавказе 1845 г. [8]. В ней отражены директивы императора князю М.С. Воронцову о начале Даргинской экспедиции для разгрома имама Шамиля. Данный документ, содержащий требование резкого перехода к наступлению, предшествовал

кампании, закончившейся известными потерями для России и вызвавший критику действий Воронцова на посту наместника.

Ценным источником по истории указанной экспедиции являются воспоминания графа К.К. Бенкендорфа [2], изданные в разных выпусках «Русской старины» в 1910–1911 гг. под редакцией Б.М. Колюбакина. Граф описывает свои личные переживания и опыт участия в грандиозном, но тяжелом и во многом неудачном походе в Андию и Ичкерию летом 1845 г. и разделяет мнение многих современников о неэффективности масштабных экспедиций на Кавказе. В его воспоминаниях нашли отражение тяжелые условия горной войны, недостаток продовольствия, постоянные стычки с отрядами Шамиля и огромные потери русских войск при отступлении. Бенкендорф описывает повседневную боевую службу, характер взаимоотношений между офицерами и солдатами, общую атмосферу в войсковых частях и т.п.

Уникальные материалы содержатся также в документально-историческом очерке А.Л. Зиссермана, посвященном жизни и деятельности знаменитого аварского наиба Хаджи-Мурата [22]. Работа начинается со вступительной статьи историка, содержит «Записку», составленную из рассказов и показаний Хаджи-Мурата гвардии ротмистром М.Т. Лорис-Меликовым по указанию М.С. Воронцова, а также письма наместника князю А.И. Чернышеву, управляющему военным министерством князю В.А. Долгорукову и др. Источники позволяют сформировать представление об обстоятельствах ухода Хаджи-Мурата от Шамиля к русским в 1851 г., причины вражды с имамом, которые в конечном итоге привели к трагической гибели наиба.

Таким образом, в журнале «Русская старина» представлен обширный материал, посвященный российской политике на Северо-Восточном Кавказе в 1830-х – 1860-х гг. На его страницах регулярно публиковались исторические и историографические источники, официальные документы, воспоминания и рецензии непосредственных участников событий на Северном Кавказе в указанный период, призванные обеспечить теоретическое обоснование российской политики в регионе, сформировать системное представление о местных народах и влиять на общественное мнение. Журнал не только оперативно реагировал на социальные запросы и государственную повестку дня, но и внес значительный вклад в развитие отечественного кавказоведения, создавая площадку для научных обсуждений и дискуссий.

Источники и литература

1. Алексей Петрович Ермолов: письма его к кн. Бебутову 1835–1857 гг. / Сост. А.П. Берже // Русская старина. Т. V. 1872. Вып. 1–6. С. 431–456.

2. Воспоминания графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 г. / Сост. Б.М. Колюбакин // Русская старина. Т. CXLII. 1910. Вып. 4–6. С. 185–201, 291–306. Т. CXLIV. Вып. 10–12. С. 79–94, 273–288, 518–532. Т. CXLV. 1911. Вып. 1–3. С. 97–112, 270–284, 457–470.

3. *Гржегоржевский И.А.* Генерал-лейтенант Клюки-фон-Клугенау. Очерк военных действий и событий на Кавказе, 1818–1850 гг., время с 1818 по 1832 г. // Русская старина. Т. XI. 1874. Вып. 9–12. С. 131–152, 497–515;

4. *Гржегоржевский И.А.* Генерал-лейтенант Клюки-фон-Клугенау. Очерк военных действий и событий на Кавказе, 1818–1850 гг., время с 1833 по 1835 гг. // Русская старина. Т. XII. 1875. Вып. 1–4. С. 545–554.

5. *Гржегоржевский И.А.* Генерал-лейтенант Клюки-фон-Клугенау. Очерк военных действий и событий на Кавказе, 1818–1850 гг., время с 1836 по 1850 гг. // Русская старина. Т. XV. 1876. Вып. 1–4. С. 144–162, 377–387, 645–658.

6. *Журтова А.А.* Кавказская проблематика в исследованиях Адольфа Петровича Берже (по материалам журнала «Русская старина») // Электронный журнал «Кавказология». 2025. № 2. С. 140–158.

7. Записка Императора Александра II о Кавказе, 1860 г. / Сост. А.П. Берже // Русская старина. Т. XXXVI. 1882. Вып. 10–12. С. 283–285.

8. Записка императора Николая I о военных действиях на Кавказе, 1845 г. / Сост. М.И. Семевский // Русская старина. Т. XLVIII. 1885. Вып. 10–12. С. 209–212.

9. *Зиссерман А.Л.* Два слова к истории покорения Кавказа. 1856–1859 // Русская старина. Т. XXVII. 1880. Вып. 1–4. С. 876–878.

10. *Золотарев И.Ф.* Князь М.С. Воронцов. 16 февр. 1881 г. // Русская старина. Т. XXX. 1881. Вып. 1–4. С. 680.

11. *Николаи А.П.* Эпизод из истории Кавказской войны, 1855–1857 гг. // Русская старина. Т. XXXVI. 1882. Вып. 10–12. С. 253–282.

12. *Ольшевский М.* Я. Кавказ с 1841 по 1866 год // Русская старина. Т. LXXVIII. 1893. Вып. 4–6. С. 573–610. Вып. 7–9. С. 89–124, 563–589; 1894. Вып. 1–3. С. 133–181; Вып. 4–6. С. 63–94; Вып. 7–9. С. 22–43; Т. LXXXII. С. 44–108; Вып. 10–12. С. 163–197, 215–240. Т. LXXXIII. 1895. Вып. 1–3. С. 167–175; Вып. 4–6. С. 171–184, 179–189; Вып. 7–9. С. 105–117; Вып. 10–12. С. 129–166.

13. *Ольшевский М.Я.* К истории покорения Кавказа: к характеристике кн. А.И. Барятинского. Заметки // Русская старина. Т. XXVIII. 1880. Вып. 5–8. С. 156-158, 605

14. *Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год. Цесаревич Александр Николаевич на Кавказе с 12 сентября по 28 октября 1850 г. (Памяти Государя Императора Александра Николаевича) // Русская старина. Т. XLIII. 1884. Вып. 7–9. С. 576–588.

15. *Ольшевский М.Я.* Князь А. И. Барятинский на левом фланге Кавказской линии с 1851 по 1853 год» // Русская старина. Т. XXV. 1879. Вып. 5–8. С. 307–332, 415–436.

16. *Ольшевский М.Я.* Князь А. И. Барятинский. 1856–1861 // Русская старина. Т. XXVII. 1880. Вып. 1–4. С. 289–318.

17. *Ольшевский М.Я.* Князь Александр Иванович Барятинский на Кавказе в 1859 и 1863 гг.: письма, поздравительные и правительственные ему адреса и стихотворения // Русская старина. Т. XXIX. 1880. Вып. 9–12. С. 97–108.

18. *Ореус И.И.* Граф Николай Иванович Евдокимов, 1804–1873 гг. Историко-биографический очерк по бумагам фамильного его архива и прочим материалам // Русская старина. Т. LVIII. 1888. Вып. 4–6, Ч. I. С. 143–162; Т. LX. Вып. 10–12, Ч. II. С. 169–202; Т. LXI–LXII. 1889. Вып. 1–4, Ч.III. С. 479–506; Т. LXII–LXIII. Вып. 5–8, Ч. IV. С. 357–387; Ч. V. С. 641–660; Ч. VI. С. 81–109; Ч. VII. С. 387–420; Т. LXIII–LXIV. Вып. 9–12. Ч. VIII. С. 379–411; Т. LXV. 1890. Вып. 1–3. Ч. IX. С. 462–496.

19. Очерк военных действий и событий на Кавказе, 1818-1850 гг., по биографии Ф. К. Клюки-фон-Клугенау, написанной И. Гржегоржевским / Сост. И.И. Ореус. Главы XV–XVI // Русская старина. Т. XVI. 1876. Вып. 5–8. С. 351–382.

20. *Романовский Д.И.* Генерал-фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский и Кавказская война. 1815–1879 гг. // Русская старина. Т. XXX. 1881. Вып. 1–4. С. 247–318.

21. *Романовский Д.И.* Кн. М. С. Воронцов и Кн. А. И. Барятинский. По поводу заметки И.Ф. Золотарева // Русская старина. Т. XXX. 1881. Вып. 1–4. С. 908–911.

22. Хаджи-Мурат / Сост. А. Зиссерман // Русская старина. Т. XXX. 1881. Вып. 1–4. С. 655–679.

23. *Zhurtova A.A., Kuzminov P.A., Gaunova L.R., Soblirova Z.H.* Military and Political Activities of F.K. Kluki von Klugenau in the North-Eastern Caucasus in 1818–1850 (based on Materials from the «Russkaya Starina») // Былые годы. 2025. № 20(1). С. 82–90.

И.Р. Текеев

Роль российских военных топографов в географическом исследовании Северного Кавказа в XIX веке[1]

В XIX в. Кавказ в силу своего географического положения, близости Османской империи и Ирана, являлся стратегическим регионом в контексте внутренней и внешней политики Российской империи. При этом сложный, разнообразный рельеф Кавказа актуализировал вопрос сбора точных географических сведений. Еще в начале XIX в. Российское государство ощущало нехватку этих сведений, особенно характерна она была для пограничных регионов, охваченных боевыми действиями, каким и являлся Северный Кавказ [11: 206]. В рамках статьи предпринимается попытка реконструкции основных направлений деятельности российских военных топографов на Северном Кавказе в XIX в., а также дается оценка их вклада в формирование географических представлений о регионе.

Ввиду того, что к XIX в. опыт проведения отдельных, несистематических академических экспедиций и маршрутных съемок уже не мог покрыть растущие нужды российской администрации, основная нагрузка по географическому изучению Кавказа была возложена на военное ведомство. Главная роль в этом процессе была закреплена за Корпусом военных топографов. В условиях Кавказской войны создание карт было теснейшим образом связано с планированием военных операций и организацией укрепленных линий, к тому же военные топографы привлекались администрацией для проведения границ, межевания земель и строительства инфраструктуры, вместе с тем полученные топографами в ходе съемок сведения становились частью научного оборота [4].

Появление в России военно-топографической службы связано с созданием сначала Военно-топографического депо в 1812 г., а затем утверждением 28 января 1822 г. «Положения о Корпусе военных топографов» [2: 85]. Первые топографические исследования охватили северо-западные регионы России. Вплоть до 1830-х гг. географическое изучение Кавказского региона было сосредоточено главным образом в пределах Закавказья, так как Северный Кавказ являлся зоной непрерывных военных действий. Систематическая деятельность топографов на Северном Кавказе была инициирована лишь в 1832 г., когда при Отдельном Кавказском корпусе учредили специальную роту топографов, состоящую из 48 чел., при этом 14 из них были переведены из Оренбургского корпуса. [2: 354]. Уже в 1832–1834 гг. были подготовлены подробные карты отдельных территорий Черноморского и Линейного казачьих войск, побережья Черного моря и земель за Кубанью. В 1834 г. Генеральный штаб составил сводную карту Кавказского региона в масштабе 60 верст в дюйме [11: 215–216].

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Кавказский центр российского военно-разведывательного изучения Востока в XIX начале XX в.», проект № 25-28-00152 (https://rscf.ru/project/25-28-00152/).

В условиях военного времени первоочередной задачей топографов стала съемка территорий, непосредственно прилегавших к «немирным» горцам. Особенно важно было изучить «сухую границу», значительное пространство, расположенное между верхними течениями рек Кубани и Малки. Отсутствие на данном участке естественных гидрографических преград облегчало набеги горцев на сопредельные населенные пункты: «О местности этой необходимо было тогда иметь точное понятие, чтобы удобно было проследить все скрытые места, по которым горцы обыкновенно пробирались к Минеральным Водам. В упомянутом пространстве была начата штабс-капитаном Калмбергом первая инструментальная съемка Пятигорского округа, которая продолжалась до 1835 года» [2: 354]. Некоторые подробности о ходе съемки 1833 г. позволяют выяснить воспоминания российского офицера Г.И. Филипсона, который отправился на Кавказ по собственному желанию по окончании двухгодичного курса в Военной академии, где он был определен в Генеральный штаб и получил чин капитана [12: 159–160]. По прибытии в начале апреля 1833 г. в ставропольское управление Генерального штаба, Филипсон столкнулся с крайне напряженной военно-политической обстановкой, царившей в приграничных районах. Донесения командующему сообщали о набеге русских на чеченский аул, в других местах горцы убили нескольких мирных жителей, под Пятигорском взяли в плен одного жителя, которого «увлекли за Кубань» [12: 163].

В 1836 г. поручик Колоколов систематизировал накопленные разведывательные сведения и составил карту российских владений за Кавказом, она охватывала Закавказье и значительную часть Северного Кавказа до устья Кубани [3]. На карте были отражены физические границы и территория расселения различных этнических групп, что свидетельствует о расширении задач топографической службы за пределы чисто военной съемки. В 1836–1837 гг. производились съемочные работы в Черномории и на части земель Ставропольского уезда Кавказской губернии [2: 355].

Начиная с 1840-х гг., география деятельности российских военных топографов была значительно расширена, выйдя за рамки укрепленной Кавказской линии. Особой сложностью отличались экспедиции в Закубанье. Штабс-капитан Петухов выполнял съемку в масштабе двух верст в дюйме, при этом работы проводились в условиях постоянной опасности, съемочные группы сопровождались значительной охраной [2: 356]. Создание сверхточной карты приграничного фронтира диктовалось суровой военно-политической необходимостью, регион представлял собой арену непрерывной «малой» войны, где знание каждой тропы, каждого источника воды и каждого укрытия имело критическое значение.

Параллельно с этим деятельность военных топографов охватила степные пространства Предкавказья. В частности, в 1846 г. поручик Афанасьев был направлен для «производства рекогносцировки в Калмыцкой степи в Кавказкой области, занимаемой под кочевьем Больше-Дербетова и Мало-Дербетова улусов» [1: 1]. В ходе выполнения задач офицер столкнулся с перекочевкой сюда из Астраханской губернии «трухменских народов», в связи с чем запросил у руководства области направить «одного из чинов за депутата при производстве полевых действий, переводчика и двух прово-

дников для указания мест и объяснений, равно и конвой, для предосторожности в местах опасных» [1: 1об.].

Одним из важнейших достижений российской военно-топографической службы на Кавказе стало внедрение триангуляционного метода, что позволяло согласовать результаты различных съемок и создать математическую основу для картографирования больших территорий. Инициатором и руководителем кавказских триангуляционных работ выступил И.И. Ходзько. Первые попытки реализации проекта относятся к 1842 г., однако из-за организационных и военно-политических обстоятельств работы были приостановлены. Возобновление проекта стало возможным после утверждения нового плана, рассчитанного на несколько лет и начатого в 1847 г.

Полевые измерения продолжались с 1847 г. до осени 1853 г. За это время были оборудованы 12 тригонометрических станций на участке протяженностью около 700 верст, от горы Оштен до горы Базардюзю. Дополнительные пункты наблюдений создавались в южных районах Закавказья. Характеризуя специфику кавказских экспедиций, Ходзько писал, что осенью первого года проведения работ тропа к вершине горы Аглаган оказалась полностью заблокирована глубокими снежными заносами. Для достижения вершины отряду пришлось прорубать в замершем снеге узкий проход протяженностью 200 м, при этом с собой приходилось брать тяжелые вьюки с хрупкими геодезическими приборами [13: 237].

В 1853 г. при штабе Отдельного Кавказского корпуса был учрежден Военно-топографический отдел, который возглавил О.И. Ходзько. Начало русско-турецкой войны приостановило выполнение триангуляционных работ, но накопленные результаты стали основой для дальнейшего картографирования региона. Окончание триангуляционных работ в 1868 г. было высоко оценено научным сообществом, О.И. Ходзько получил Константиновскую медаль Русского географического общества [8: 175].

По окончании Кавказской войны в 1864 г. характер деятельности военно-топографической службы начал изменяться. Если в период боевых действий главными задачами были рекогносцировка, подготовка маршрутов и съемка районов военных операций, то в пореформенный период усилилась потребность в системном картографировании всего региона.

В 1866 г. были утверждены новые «Положения и штаты Корпуса военных топографов». Корпус предназначался для проведения военно-топографических съемок, обозрений, геодезических и картографических работ как в военное, так и в мирное время [6: 496–498], что расширяло временные рамки деятельности специалистов и закрепляло их участие в постоянном изучении территории.

Главным результатом деятельности топографов на данном этапе стало создание серии детальных карт, среди которых особое место занимала пятиверстная карта Кавказа масштаба 1:210 000. Ее подготовка требовала сплошной инструментальной съемки и опоры на пункты триангуляции высших классов. На карту наносились горы, реки и населенные пункты, а также объекты мосты и дороги, поэтому она могла использоваться одновременно штабами и гражданской администрацией [2: 363]. Материалы кавказских съемок включались и в общероссийские карты. В частности, данные топографов Кавказского корпуса использовались при подготовке «Специальной

карты Европейской России», состоявшей из 178 листов в масштабе 10 верст в дюйме [9], что включало работу топографов в общеимперский контекст.

Существенную роль в распространении географических сведений сыграл Кавказский отдел Императорского Русского географического общества, созданный в Тифлисе в 1850 г. [7: 1]. Публикация материалов в «Записках» и «Известиях», издаваемых обществом, переводила часть закрытой ведомственной информации в научную сферу. В результате сформировалась особая группа военных кавказоведов. Они обладали профессиональными навыками топографической и геодезической съемки, знали особенности местности и одновременно участвовали в научной деятельности. Их отчеты могли использоваться для решения военных задач, но также содержали сведения по географии, климатологии, гидрографии, этнографии и естественной истории.

К концу XIX в. военно-топографическая служба выполняла широкий комплекс задач, связанных с управлением Кавказом, работа военных топографов в регионе соединяла потребности армии, задачи государственного управления и интересы научного изучения региона [2: 360]. В 1874 г. топографы приняли участие в экспедиции, направленной в г. Тегеран. Возглавлял экспедицию начальник Военно-топографического отдела И. И. Стебницкий, ее задачей выступало астрономическое наблюдение прохождения Венеры по диску Солнца. В ходе следования в иранскую столицу участники группы посетили ряд населенных пунктов, сведения о которых были зафиксированы в итоговом отчете в форме кратких характеристик их географического положения и специфических особенностей [10: 5].

Вскоре после начала войны с Турцией, в апреле 1877 г. при кавказском действующем корпусе был сформирован отряд топографов под руководством Стебницкого. Полевые работы отряда были развернуты на территории Александрополя, Карса и Эрзурума, итогом изысканий стало точное определение географических координат приграничных османских владений [5: 1]. Как видим, военные топографы не только принимали непосредственное участие в подготовке военных действий и предварительной разведке, но и в ходе самой войны участвовали в сборе информации о противнике непосредственно на театре военных действий.

Таким образом, деятельность российских военных топографов на Кавказе в XIX в. способствовала появлению достоверных географических сведений о до того почти неизвестном регионе, в тоже время она являлась частью имперской политики, направленной на административное включение, хозяйственное освоение и символическое присвоение пространства. Поэтому военных топографов следует рассматривать как участников масштабного процесса формирования научного знания о Кавказе в Российской империи.

Источники и литература

1. *Государственный архив* Ставропольского края. Ф. 408. Оп. 32. Д. 1376.

2. *Исторический очерк* деятельности Корпуса военных топографов, 1822–1872 гг. СПб., 1872.

3. *Карта российских* владений за Кавказом, составленная Корпуса топографов поручиком Колоколовым в 1836 г. Тифлис, 1836. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_009653811/ (Дата обращения: 15.07.2026).

4. *Колосовская Т.А.* Роль российских военных типографов в основании и географическом изучении Кавказа периода Кавказской войны // Армия и общество. 2014. №3 (40). С. 34–40.

5. *Кульберг П.А.* Астрономические определения пунктов в пограничных с Кавказом областях Азиатской Турции, исполненные генерал-майором Стебницким и полковником Кульбергом в 1878 году. СПб, 1882.

6. *Полное собрание* законов Российской империи. Собрание 2. Т. 41. СПб., 1868.

7. *Положение о* Кавказском отделе Императорского Русского географического общества, высочайше утвержденное 27-го июля 1850 года // Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. 1852. Кн. 1. С. 1–4.

8. *Пятидесятилетний юбилей* И.И. Ходзько // Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества. 1894. Т. I. 2-е изд. С. 174–179.

9. *Специальная карта* Европейской России (М 1:420 000). URL: https://geoportal.rgo.ru/catalog/topograficheskie-karty/specialnaya-karta-evropeyskoy-rossii-m-1420-000 (дата обращения: 28.07.2026 г.).

10. *Стебницкий И.И.* Отчет начальника Военно-топографического отдела Кавказского военного округа Генерального штаба генерал-майора Стебницкого об Экспедиции для наблюдения прохождения Венеры перед диском Солнца 26 ноября (8 декабря) 1874 г. в г. Тегеране. СПб., 1878.

11. *Ткаченко Д.С.,* Колосовская Т.А. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти…» Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников). Ставрополь, 2011.

12. *Филипсон Г.И.* Воспоминания // Русский архив. 1883. Вып. 5. С. 73–201.

13. *Ходзько И.И.* Общий взгляд на орографию Кавказа // Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. 1864. Кн. VI. С. 233–286.

Т.А. Колосовская

Военные фотографы «открывают» Кавказ: к вопросу о визуализации кавказской этнографии[1]

Кавказ являлся одной из окраин Российской империи, которая в общественном сознании воспринималась в качестве «своего Востока», а местные жители были окружены ореолом экзотики. Вплоть до середины XIX в. главными источниками формирования представлений о регионе оставались произведения писателей, поэтов и художников, которые обладали своего рода монополией на его презентацию. В 1860-х гг. у литературы, публицистики и живописи появился конкурент в виде фотографии. Сделанные с натуры оригинальные снимки отличались документальной точностью и не только существенно расширяли границы познания местной жизни, но и существенно изменяли качество представляемых о ней сведений.

Проблема визуализации Кавказа с помощью фотоискусства пока разработана недостаточно. В современной историографии можно встретить

[1] Статья выполнена при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 25-28-00152 «Кавказский центр российского военно-разведывательного изучения Востока в XIX – начале XX вв.» (https://rscf.ru/project/25-28-00152/).

работы, показывающие первые шаги в развитии местной «светописи» и участие в этом процессе специалистов Военно-топографического отдела Кавказского военного округа [4; 5]. Тем не менее, в условиях переживаемого исторической наукой визуального поворота [3], вопросы конструирования образа Кавказа и его жителей с помощью фотографии заслуживают продолжения разработки.

В рамках настоящего исследования сосредоточимся на выявлении роли военных фотографов в формировании представлений об этнических особенностях Кавказа, покажем какое влияние результаты их творческой деятельности оказали на развитие этнографического направления отечественного кавказоведения. Источниками для достижения поставленных задач послужат отложившиеся в архивах делопроизводственные документы, а также опубликованные материалы фотографического отдела Первой российской этнографической выставки, прошедшей в Москве в 1867 г.

Начало развития фотодела на Кавказе приходится на рубеж 1850–1860-х гг. Большую роль в этом сыграло военное ведомство. Фотография расценивалась как средство, весьма полезное для технических нужд армии и прежде всего для картографии и топографии. В официальных документах подчеркивалась необходимость иметь при штабах офицеров, знакомых с «фотографическим искусством», деятельность которых позволяла «быстро снабжать все отдельные части войск картами и планами в произвольном масштабе и количестве» [7: 7]. Поэтому первые фотографические отделения открывались при Военно-топографических подразделениях.

Инициатива создания такого учреждения на Кавказе принадлежит военному министру Д.А. Милютину, который в то время был еще начальником Главного штаба Кавказской армии. В октябре 1860 г. по его распоряжению в Петербург, в Военно-топографическое депо Главного штаба направили 5 молодых топографов для обучения основам фотодела. В марте 1862 г. они вернулись в Тифлис и привезли с собой необходимое оборудование [8: 94]. При Военно-топографическом отделе штаба Кавказской армии (впоследствии – Кавказского военного округа) было создано фотографическое отделение. Спустя четыре года Военно-топографический отдел Главного штаба выступил с предложением распространить опыт устройства военной фотографии на Кавказе на другие подразделения Русской императорской армии [7: 16].

В обязанности Кавказского фотографического отделения входило не только создание копий различных карт и планов, но и съемка местности, древностей, костюмов и типажей местных жителей. Военные фотографы готовили городские пейзажи для кавказского наместника, осуществляли первые опыты фотолитографии, для павильонных съемок рисовали декорации [7: 16]. В соответствии с предписаниями руководства они направлялись для съемок «видов» и «народных типов» в различные части Кавказа [8: 103].

Об особенностях репрезентации военными фотографами Кавказа и его жителей можно судить по фотографиям, представленным на Первой российской этнографической выставке в Москве в 1867 г. Их анализ позволяет оценить вклад военной фотографии в визуализацию этнокультурного многообразия кавказской окраины империи. Выставка задумывалась по образцам европейских и стала важным событием культурной и научной

жизни Российского государства эпохи Великих реформ Александра II. Ее гигантская экспозиция, развернутая в здании Манежа, визуализировала этнографическую карту России и стала витриной империи. Основу экспозиции составили антропологические фигуры-манекены, которые представляли отдельные народы. Они объединялись в особые группы и отражали какую-нибудь характерную сцену из повседневной жизни [1].

По первоначальному замыслу, фотография предназначалась художникам и должна была помочь им точно передать черты конкретного этноса при изготовлении манекенов. Организаторы предлагали прислать с мест как можно больше фотографий портретного типа, поскольку даже в одной этнической группе «встречаются видоизменения не только по полу, возрасту и образу жизни, но и в одном и том же поле и возрасте» [2: 16]. Фотографии должны были быть выполнены в фас и в профиль, как в головных уборах, так и без них. На каждом экземпляре следовало обозначить: «местообитание, племя и возраст особи» [2: 17].

В 1860-е гг. этнографическая фотография только начинала развиваться. Тем не менее, отправленные на выставку снимки отличались обильностью и качеством исполнения, что позволило экспонировать их самостоятельно, в специальном разделе общего этнографического отдела. На нем было представлено около 1500 работ, из них Кавказу посвящалось более 200. При этом большая часть кавказской серии стала результатом деятельности военных фотографов [11: 137–146].

Анализ указателя выставки показывает, что автором 40 фотографий был П.Ф. Симоненко, который в начале 1860-х гг. занимал должность младшего фотографа Главного штаба Кавказской армии [4: 278]. Подготовленная им галерея портретов представителей различных этносов Кавказа включала грузин, гурийцев, имеретин, мегрелов, хевсуров, лезгин, ахчипсуховцев, цебельдинцев, черкесов, кистин, курдов [6: 230–240]. Это были в основном мужские одиночные или групповые портреты в национальных костюмах, с предметами военного или хозяйственного быта, орудиями труда и охоты, ритуальной атрибутикой. Исключение составил групповой снимок армянок в парадных одеждах и украшениях [6: 210]. Выполненный в традициях портретного жанра, он аккумулировал признаки, характеризующие эту этническую группу жителей Закавказья: в чертах лица, элементах одежды и украшений. Тем самым, создавался обобщенный образ местного женского населения, предназначенный для восприятия его жителями европейской части страны.

Интересно, что на фотографиях Симоненко были показаны не только жители российского Кавказа, но и прилегающих к нему территорий: от обывателей до элиты. В их числе портреты наследника персидского престола принца Мозафереддина и его отца шаха Насреддина [6: 242–244].

Еще одна фотография Симоненко экспонировалась в разделе, посвященном татарскому населению Российской империи. Со снимка под номером 290 и заголовком «Дагестанские татары» на посетителей выставки смотрела семейная пара в традиционной для Кавказа одежде. При этом женщина, в отличие от мужчины, отличалась негроидными чертами лица [6: 74]. Не исключено, что эта фотография была сделана Симоненко в 1864 г. на Черноморском побережье Кавказа, когда военные топографы участвова-

ли в документальной съемке парада российских войск в урочище Кбаада, в ознаменование завершения Кавказской войны. Неправильно указанный этноним в названии свидетельствует о том, что научное изучение этнографии народов Кавказа в то время только начинало формироваться.

Значительную часть кавказской серии в фотоэкспозиции выставки представляли работы с печатью на паспарту «Военно-топографический отдел Главного штаба Кавказского военного округа». В середине 1860-х гг. начальником его фотографического подразделения был поручик Е.И. Кондратенко [7: 6], скорее всего, являвшийся автором этих фотографий.

В дальнейшем Кондратенко оставил военную службу, работал в Кавказском статистическом комитете, редактировал «Кавказский календарь» и был членом Кавказского отдела Русского географического общества. Его высокий профессионализм на поприще изучения местной этнографии и владения фотоделом подчеркивали современники. Так, начальник Кавказского статистического комитета Н.К. Зейдлиц характеризовал его как специалиста, обучавшегося фотоделу за границей и составившего несколько альбомов видов и типов во время заведывания военной фотографией на Кавказе в 1863–1866 гг. [9: 8].

На снимках Военно-топографического отдела запечатлены жители как Северо-Западного, так и Северо-Восточного Кавказа. На фотографиях присутствовали краткие подписи, при этом каких-либо подробностей о представляемых на них этнических группах не давалось. Не всегда точно указывалось на место происхождения материала. Под номером 1223 экспонировалась фотография «Черкесы, джигиты Закубанской области» [6: 246]. В ее названии была допущена опечатка. По мнению современных исследователей она была сделана военными фотографами Кавказской армии в ходе военной операции на Западном Кавказе в 1864 г. и отражала представителей этнической группы джигетов (один из субэтносов абхазов) [5: 637]. Обращают на себя внимание персонифицированные фотографии кавказских горцев на русской службе, например, хана Мехтулинского с супругой и депутата народного суда в с. Игали [6: 247, 253].

Особенностью фотографий Военно-топографического отдела было стремление представить жителей Кавказа в их повседневной обстановке, что существенно повышало этнографическую информативность такого фотоматериала. Распространенным сюжетом стала фиксация населения Дагестана на фоне своих домов и сельских пейзажей. Портретные изображения местных жителей соседствовали со снимками поселений и ландшафтами, их окружающими. Отдельное место среди работ Военно-топографического отдела занимали женские образы Кавказа, представленные жанровыми фотографиями. Примером может служить фотография жительницы с. Хунзах в полный рост, в повседневной одежде и с огромным вьюком сена за спиной [6: 251]. Созданные с натуры такие фотографии отличались документальной точностью.

Для анализа фотографий важно учитывать конечную цель, которой руководствовался автор при создании материала. Как считают современные исследователи, именно целеполагание, в конечном итоге, определяет его содержание, «способствует выбору сюжета и съемке его в том или ином ракурсе» [10: 38]. Обзор выполненных военными специалистами фотогра-

фий показывает, что они создавались не по инструкции, разработанной организаторами этнографической выставки. Возможно, они вовсе не предназначались для экспонирования и были отправлены в Москву, поскольку запрашиваемый фотоматериал подготовить не успевали, а иного на Кавказе попросту не было.

Очевидно, что фотографии военных создавались не в ходе специально организуемых этнографических экспедиций, поэтому их нельзя рассматривать как предназначенные для научного изучения. Они были скорее сопутствующим материалом, но содержащим интересную для науки этнографическую информацию. Как считает современная исследовательница проблемы Е.Б. Толмачева, имея этнографический сюжет, такие материалы зачастую были вырваны из культурного контекста и «отражали не конкретную культуру, а то представление о ней, которое имел фотограф, ярко демонстрируя стереотипы в репрезентации различных культур» [10: 38].

Действительно, этнографическая фотография, ориентированная на цели и задачи науки и обычно связанная с экспедициями, зарождается не ранее 1870–1880-х гг. В связи с этим, нельзя ожидать от фотографий военных того, что в них не могло быть априори. Тем не менее, важно подчеркнуть их высокую степень достоверности и информативности. Уже упоминавшийся выше начальник Кавказского статистического комитета Н.К. Зейдлиц подчеркивал, что бурное развитие фотографии на Кавказе в то время позволяло весьма легко собрать ту или другую коллекцию типов. Однако, поскольку фото делалось «преимущественно с промышленной целью и притом людьми, не имеющими никакой научной подготовки, то нередко случалось наткнуться при покупке, например, типа лезгина, на портрет француза, переодетого в лезгинское платье» [9: 9]. Все фотографии военных были выполнены с натуры и сомнений в аутентичности представленных на них героев не вызывали.

Таким образом, военные фотографы внесли существенный вклад в формирование образа Кавказа как поликультурного региона в глазах российского общества второй половины XIX в. Благодаря их усилиям был создан комплекс визуальных источников для изучения местной этнографии. Конечно, можно говорить об относительной документальности фотоматериала. Представленные на выставке фотографии являлись документами, отражающими восприятие носителями европейской культуры жителей Кавказа как «своего Востока». Тем не менее, при всей субъективности, фотографии как новый источник информации о регионе, наглядно демонстрировал специфику его природы и жителей.

Фотографии, вместе с другими предметами выставки, после ее закрытия поступили в распоряжение ученых и положили начало формированию той эмпирической базы, на основе которой стало развиваться этнографическое направление отечественного кавказоведения.

Источники и литература

1. Всероссийская этнографическая выставка 1867 г. М., 1867.
2. Инструкции собирания предметов для русской этнографической выставки и русского музея в Москве. М., 1865.

3. *Мазур Л.Н.* Визуальный поворот в исторической науке: от текста к образу // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей. М., 2019. С. 52–62.
4. *Махмудова З.У.* Фотографы и топографы: становление и развитие военной «светописи» на Кавказе в середине XIX в. // Кавказский сборник: Т. 13 (45). М., 2021. С. 258–281.
5. *Махмудова З.У., Черненкова А.Н.* 21 мая 1864 г. в объективе фотографов Главного штаба Кавказской армии (Альбом генерал-майора А.Я. Гудима из собрания Государственного исторического музея) // Ориенталистика. 2024. № 7 (3). С. 631–652.
6. Образы Империи. Фотография на Всероссийской этнографической выставке 1867 года. СПб., 2022.
7. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 404. Оп. 7. Д. 11.
8. РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 62.
9. Российский государственный исторический архив. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 228.
10. *Толмачева Е.Б.* Методология изучения фотографии с этнографическим содержанием // Фотография. Изображение. Документ. 2010. Вып. 1 (1). С. 38–42.
11. Указатель Русской этнографической выставки, устроенной Обществом любителей естествознания, состоящим при императорском Московском университете. М., 1867.

Д.С. Ткаченко

Штаб Кавказского военного округа в изучении сопредельных земель в начале XX в. (по материалам М.А. Ардатова и К.Н. Смирнова)[1]

К концу XIX в. регионы внутреннего Кавказа оказались открытыми для гражданских исследователей, а разведывательная деятельность военного ведомства сместилась к внешним границам Российского Кавказа. Это накладывало отпечаток на сбор информации о соседях, которая переходила из рук частных путешественников к подготовленным военным исследователям.

К этому времени в России существовали четкие правила составления военно-статистических описаний как управляемых территорий [2], так и потенциальных театров военных действий [3]. Однако, работа на сопредельных землях требовала реорганизации института военных разведчиков и пересмотра системы их подготовки. От разведчиков требовался уже не только энтузиазм, но и серьезные знания в области восточных языков, обычаев и культуры.

Для этого штабы приграничных военных округов создавали специальные подразделения. Таковыми в штабе Кавказского военного округа (КВО) стало Отчетное, а затем сменившее его – Разведывательное отделение. Одновременно, и часть функций квартирмейстеров была передана так называемым «воен-

[1] Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 25-28-00152, «Кавказский центр российского военно-разведывательного изучения Востока в XIX – начале XX вв.» https://rscf.ru/project/25-28-00152/

ным агентам», находившимся за рубежом, которые назначались из числа подготовленных офицеров – желательно, работников Генерального штаба.

Один из военных разведчиков – К.Н. Смирнов – в своих мемуарах описывал порядок назначения военных агентов. «Делалось это так: в "Инвалиде" можно было прочесть, что такой-то подполковник переименовывается в надворные советники. Через несколько лет можно было прочесть в том же "Русском Инвалиде", что такой-то надворный советник переименовывается в подполковники по Генеральному штабу и затем шел приказ о производстве этого подполковника в полковники с назначением его на должность по генштабу или в войска» [9: 198–199].

Военный агент за границей обычно занимал пост второго секретаря в консульстве, носил штатскую одежду или форму дипломатического чиновника и получал личную неприкосновенность, а также привилегию вести дипломатическую переписку [12: 6]. Он не порывал связей со штабом военного округа и должен был собирать «возможно более точные и положительные сведения» о вооруженных силах, крепостях, фортификационных сооружениях, военных новшествах и маневрах соседа [7: 34]. Этот порядок не был тайной, и современники отмечали, что в Турции часто возникала комическая ситуация, когда при приезде официально малозначащего второго секретаря российского консульства, турки «выставляли ему почетный караул, так как знали, что он офицер Генерального штаба» [8: 199].

Для офицеров, используемых в разведывательной деятельности, была организована особая подготовка в научных заведениях империи, связанных с востоковедением. Курсы подготовки разведчиков были открыты при учебном отделении восточных языков Азиатского департамента Министерства иностранных дел (далее – УОВЯ АД МИД) и Восточном институте во Владивостоке, а также на курсах восточных языков в Ташкенте и позднее в Тифлисе. Лица, успешно закончившие трехгодичную программу, получали статус «офицера-восточника» [6: 2]. Положение офицеров-восточников в военной иерархии было строго прописано в специальных, «не подлежащих оглашению» правилах [6: 2-6об.]. Они могли зачисляться на должности военных агентов за границу, получали право «преимущественного назначения» на должности переводчиков восточных языков в штабах (в том числе КВО) и привлекались «к работам по сбору и обработке сведений о сопредельных странах» [6: 2].

Положение об офицерах-восточниках устанавливало четкий порядок прохождения самих курсов подготовки. Кандидатов из числа наиболее грамотных офицеров отбирало начальство окружного штаба. Офицер причислялся к Генеральному штабу, а по окончанию обучения, «для освежения познаний их по восточным языкам», офицеры-восточники могли командироваться «за границу, на сроки по усмотрению названных учреждений. Расходы на означенные командировки относятся на отпускаемые последним деньги на ведение разведки» [6: 5]. Заинтересованное в качественной подготовке кадров, командование следило за успеваемостью, а наиболее талантливые ученики могли посылаться за границу, даже не закончив полного курса обучения.

Одним из таких офицеров-восточников стал прикомандированный от Михайловского крепостного батальона к Генеральному штабу штабс-капитан Михаил Андреевич Ардатов, обучавшийся на курсах УОВЯ АД МИД.

Отлично сдав в 1905 г. переводной экзамен, он в качестве поощрения был отправлен «во время предстоящего каникулярного времени» в поездку в Турцию [4: 1]. Языковую стажировку М.А. Ардатов должен был совмещать с отработкой навыков ведения разведки, собирая при этом интересующие штаб КВО сведения. «Наиболее соответствующим для означенной командировки пунктом представлялся бы г. Синоп, на который, как наиболее подходящее для командирования слушателей курса восточных языков место, указывает и наш военный агент в Константинополе», – говорилось в официальном предписании Азиатского отдела Главного штаба [4: 1]. В Синоп офицер должен был отправиться из Константинополя, куда ему следовало прибыть из Одессы под видом гражданского путешественника. Возвращаться в Тифлис разведчик собирался через Трабзон, Эрзерум и Кагызман, проделав большую часть пути пешком через горный хребет [4: 4].

Ардатов с энтузиазмом отнесся к миссии. Он не только попросил выдать ему из Военно-топографического управления необходимые инструменты для ведения топографической съемки, но и разработал особый маршрут движения, предлагая во избежание подозрения со стороны турецких властей пересылать громоздкие приборы дипломатической почтой от одного консульства к другому [4: 19].

По возвращении из командировки Ардатов составил официальный отчет, представлявший из себя военно-географический очерк Самсуна и его окрестностей [4: 61]. В дополнение офицер составил яркий травелог, описывающий путешествие по Турции. Отчет был обильно пересыпан зарисовками повседневной жизни соседей [4: 19–60об.] и читался как художественное произведение. Так, например, офицер описал нравы столицы Турции, критикуя при этом не столько этнических турок-мусульман, сколько христианские сообщества армян и греков. Он сочувствовал положению женщин на Востоке, вынужденных вести затворнический образ жизни и скрываться от посторонних даже на тесном корабле, идущего в Самсун. Автор в ярких красках описывал обряды мусульманских «вертящихся дервишей», которые наблюдал в Константинополе.

Творчество офицера-восточника показывало не только его наблюдательность, но и явный литературный талант, что натолкнуло кавказское начальство на мысль опубликовать отчеты Ардатова для знакомства широкой аудитории [4: 62]. Однако, по требованию начальника Азиатского отдела Главного штаба, переданные в издательство материалы были срочно изъяты военной цензурой из опасения разгласить сведения о методах ведения русской военной разведки в Турции [4: 64]. В результате изо всех созданных офицером-восточником произведений лишь сухое военно-географическое описание Самсуна было опубликовано в специфическом военном издании [1]. Сам же Ардатов, даже став в последующем редактором газет «Кавказский военный переводчик» и «Вестник Ближнего Востока», не возвращался к мысли опубликовать свое произведение.

Еще одним известным офицером-восточником, чья деятельность была тесно связанна со штабом Кавказского военного округа стал Константин Николаевич Смирнов. Уроженец Темир-Хан-Шуры, он служил в 30-й артиллерийской бригаде, откуда в начале XX в. по собственному желанию был направлен на курсы восточных языков [8: 259]. Успешно их закончив в 1903 г.,

К.Н. Смирнов был зачислен в штаб КВО. После краткосрочной командировки в Турцию, где он выполнял роль переводчика в миссии полковника В. Лях-ова и тесно сошелся с М. Ардатовым, был назначен помощником начальника разведывательного отделения при окружном штабе [8: 260].

Важной вехой в судьбе офицера стал 1907 г., когда правитель Персии Мохаммад Али-шах обратился в МИД с просьбой назначить для наследного принца (Валиахда) Солтана Ахмад-мирзы военного воспитателя. Штаб КВО из 10 предложенных кандидатур выбрал К.Н. Смирнова [5: 11]. Предлагались и другие известные военные востоковеды, работавшие в штабе: А.Г. Туманский, Б.А. Шелковников и А.А. Давлетшин. Несмотря на то, что более подходящими считались офицеры, имевшие большой опыт ведения разведывательной работы на Востоке, предпочтение было оказано молодому штабс-капитану. В пользу Смирнова говорили его знания, помимо турецкого и фарси, также азербайджанского языка, на котором говорили в семье шаха [5: 19об.].

Сдав свой пост Ардатову [8: 253], Смирнов был переведен с действительной службы в запас «с сохранением получаемого им содержания и с правом вернуться на службу, не теряя старшинства» [5: 134]. Как гражданский чиновник он был предоставлен в распоряжение российского посольства. «В Тегеран я приехал штатским человеком и все время носил там штатское платье, одевая военную форму в официальных случаях. Я состоял на персидской службе по контракту и в то же время на русской службе в распоряжении Посланника, который был моим непосредственным начальником», – вспоминал позднее офицер [9: 36].

Смирнов оставил воспоминания о своей преподавательской практике: «Утром мне подавали лошадь с красным хвостом, что означало принадлежность лошади к шахской конюшне. До Ниаверана было около часу пути. Там мне был отведен один из домиков бывшего эндеруна. Зачастую приходилось несколько раз посылать в эндерун с напоминанием, что час начала занятий давно уже прошел. Наконец, за деревьями раздавался звонкий голосок Валиахда, который с недетской степенно-ленивой походкой направлялся в сопровождении многочисленной свиты. Оставшись со мной без свиты, Валиахд сбрасывал свою напущенную ритуальную важность и обращался в премилого ребенка, доверчиво обо всем расспрашивавшего своего учителя» [9: 47].

В Персии Смирнов, помимо прямых обязанностей, занимался наблюдениями за политической жизнью шахского двора и управлением государством. Он регулярно слал отчеты в штаб КВО, а по возвращении в Тифлис написал обстоятельные мемуары о пребывании при шахском дворе и политической жизни Персии [9]. С началом Первой мировой войны офицер счел долгом перевестись в штаб главнокомандующего Кавказской армией, полагая, что не в тыловой Персии, а «на Кавказской границе особо нужны были бы знающие восточные языки офицеры» [5: 143об.].

Помимо мемуаров, Смирнов составил обстоятельный труд о жителях персидского государства и их нравах. Первый том работы, посвященный религиозной жизни Персии, был написан автором в 1914 г. и опубликован в типографии штаба КВО в начале 1916 г. [10]. В своей работе, помимо общего очерка истории Персии и характеристики ее религий от верований огнепоклонников до современных автору шиитских сект дервишей, он представил любопытное

описание бытовых привычек жителей страны [10: 113–141]. Продолжением этой работы стал второй том, посвященный этнографии Персии [11]. Он задумывался как составляющая часть общей работы, но, по мнению автора, мог выступать и самостоятельным пособием «для лиц, которым приходится иметь дело с персами» [11: II]. Свою работу Смирнов закончил к концу 1916 г. и благодаря сочувственному отношению к исследованию начальника штаба Кавказской армии генерала Л.М. Болховитинова [11: II], также занимавшегося историко-культурными исследованиями Востока, рукопись не была утеряна и опубликована уже после Февральской революции 1917 г.

Последовавшая за революцией Гражданская война не только поставила точку на деятельности структур имперской военной разведки на Востоке, но и развела бывших соратников по разные стороны баррикад. М.А. Ардатов, по отзыву современников, сочувствовал революционному движению, но будучи женат на княжне А.Д. Чавчавадзе, выбрал сторону белых. В годы Первой мировой войны он находился в Севастополе, где координировал действия флота и сухопутных сил Кавказской армии. В правительстве Юга России он занял один из руководящих постов во флоте белых, а после их разгрома был вынужден эвакуироваться с семьей. По оценке сослуживцев, Ардатов, «ничего общего с аристократизмом не имел, всегда щепетильно восставал против всего, что казалось ему похожим на аристократизм и, в конце концов, должен был ехать за море с аристократами» [8: 255]. Бывший офицер-восточник умер от тифа в июне 1921 г. на «кладбище врангелевского флота» в алжирском городе Бизерте.

К.Н. Смирнов пережил своего коллегу. Не участвуя в Гражданской войне и даже иронизируя над теми, кто оказался на территории белых в «Доброволии» [8: 202], он вместе с бывшим писарем Военно-исторического отдела штаба КВО А.Г. Мугуевым сначала работал в Тифлисском архиве, а с 1919 по 1921 гг. служил «без жалования только для защиты, в Персидском консульстве в Батуме» [8: 261]. После установления советской власти в Грузии Смирнов работал в штабе Красной армии как переводчик и специалист по языковой подготовки командного состава. С 1933 г. он перешел на гражданскую службу в Грузинский филиал Института языка, истории и материальной культуры Академии наук СССР.

В середине 1930-х гг., вдохновившись примером английского штабного офицера А. Вильсона, написавшего мемуары о деятелях Британской военной разведки в Месопотамии [13], бывший офицер-восточник решил, что «надо теперь же написать мемуары, пока память совсем не ослабела и выполнить этим долг в отношении коллег» [8: 261], работавших в Разведывательном отделении штаба КВО на Кавказе. Так появилась рукопись «“Интеллидженс” Кавказского фронта в период 1878–1918 годов», посвященная биографиям людей, с которыми сталкивался автор во время своей службы.

Смирнов не скрывал, что, живя в Советской России он, как полковник старой армии, продолжал интересоваться судьбой сослуживцев, отправившихся в белую эмиграцию и, по мере сил, пытался поддерживать с ними связи. Не удивительно, что как один из «бывших» он вскоре попал в сферу внимания Наркомата внутренних дел СССР. Указанная рукопись оказалось для автора посмертным произведением: он успел его закончить за несколько месяцев до ареста – в августе 1937 г. В январе 1938 г. К.Н. Смирнов без

предъявления обвинений был заключен под стражу, а в апреле семья узнала о гибели бывшего офицера-восточника [12: 12].

В целом, М.А. Ардатов и К.Н. Смирнов являлись хоть и типичными, но лишь одними из многих представителей кавказского центра имперского военного востоковедения, материалы которого в архивах и библиотеках страны все еще ждут своих исследователей.

Источники и литература

1. *Ардатов М.А.* Самсун и его окрестности в Азиатской Турции. Военно-географический очерк с приложением статистических сведений// Известия Штаба Кавказского военного округа. 1906. № 17–18. С. 1–40.

2. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. Т. XVI. Ч.1. Ставропольская губерния. СПб., 1851.

3. *Нейдгарт А.И.* Руководство для офицеров Генерального штаба, при войсках состоящих // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ)Ф. 68. Оп. 1. Д. 49.

4. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 400. Оп.1. Д. 3318.

5. РГВИА. Ф. 400. Оп.1. Д. 3583.

6. РГВИА. Ф. 400. Оп.1. Д. 3963.

7. *Сергеев Е.Ю., Улунян Ар.А.* Военные агенты Российской империи в Европе. М., 1999.

8. *Смирнов К.Н.* «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов // Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен, 2015. С. 198–199.

9. *Смирнов К.Н.* Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 годы. Тель-Авив, 2002.

10. *Смирнов К.Н.* Персы. Очерк религий Персии. Тифлис, 1916.

11. *Смирнов К.Н.* Персы. Этнографический очерк Персии. Тифлис, 1917.

12. *Тер-Оганов Н.К.* Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен, 2015.

13. *Wilson A.* Loyalties. Mesopotamia. 1914–1917. London, 1930.

С.Б. Манышев

Знание и власть на периферии: институционализация советского кавказоведения в 1920–1930-е гг.[1]

Изучение истории формирования кавказоведения как самостоятельного направления научного знания невозможно без анализа процессов его институционализации. В первые десятилетия советской власти исследовательская деятельность на Северном Кавказе претерпела значительные

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ № 26–18–00200 (рук. В.А. Шнирельман). Организация, осуществлявшая финансирование – Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН).

изменения. Этот процесс происходил в условиях масштабных административных преобразований, формирования национально-территориальных автономий и изменения приоритетов государственной политики в области науки и культуры.

Первые попытки институционализации кавказоведения относятся к 1920 г., когда во Владикавказе был создан Северо-Кавказский институт краеведения. Перед новым учреждением ставились задачи «планомерного и систематического» изучения региона, а также практического применения полученных научных результатов в деятельности государственных органов. В состав института первоначально вошли геофизический, естественно-антропогеографический и промышленно-экономический отделы. Кроме того, при нем действовали музей, библиотека, мастерские по изготовлению наглядных пособий и другие вспомогательные подразделения [2: 1].

В первые годы работы в институте числилось около 70 сотрудников, однако вскоре штат значительно сократился – до 12 человек. Одной из главных проблем оставалось хроническое недофинансирование, которое не позволяло организовать полноценную издательскую деятельность. Несмотря на это, сотрудники учреждения активно публиковали результаты своих исследований в местной периодике [16: 18]. Многие специалисты одновременно преподавали в местном педагогическом институте, что способствовало разработке первых учебных планов и программ по кавказоведению [14].

Деятельность Северо-Кавказского института краеведения завершилась в 1924 г. после проведения нового административного районирования и ликвидации Горской АССР [3: 16]. Закрытие института имело двойственное значение. С одной стороны, оно стало причиной создания нового краеведческого центра в Ростове-на-Дону, а с другой – стимулировало появление самостоятельных научно-исследовательских учреждений в отдельных автономиях Северного Кавказа.

В том же году во Владикавказе был учрежден Осетинский центральный научно-исследовательский институт краеведения, подчинявшийся областному отделу народного образования. В его структуру входили три основных отдела: естественно-исторический, экономический и общественно-исторический. К марту 1926 г. здесь работали 44 человека [9: 189, 191].

Практически одновременно, в 1924 г., в Махачкале начал работу Дагестанский научно-исследовательский институт. При нем были организованы библиографический, этнолого-лингвистический, историко-археологический, естественно-научный и экономический разряды [8: 189]. На первом этапе институт занимался организационной поддержкой экспедиций, направлявшихся в различные районы республики [7: 78–80]. В дальнейшем его деятельность сосредоточилась главным образом на трех направлениях: изучении истории, языков и литературы народов Дагестана [13: 3].

По замыслу директора института Д.М. Павлова создание целостной истории Дагестана должно было стать результатом продолжительной исследовательской работы, основанной на привлечении как археологических, так и архивных источников. Одновременно ставилась задача подготовки популярных исторических трудов – краткого очерка истории Дагестана, био-

графий имама Шамиля и наиба Хаджи-Мурата, а также исследования революционного движения [7: 116–117].

Летом 1928 г. Дагестанский научно-исследовательский институт был преобразован в Институт дагестанской культуры при Совете народных комиссаров ДАССР. Реорганизация была связана с расширением задач учреждения: теперь оно должно было не только заниматься исследовательской работой, но и участвовать вместе с Госпланом в подготовке пятилетнего плана научных исследований в республике [17: 82].

В декабре 1926 г. во Владикавказе начал работу Ингушский научно-исследовательский институт краеведения. Руководителем учреждения стал заведующий областным отделом народного образования О.С. Ахриев, его заместителем – экономист Г.К. Мартиросиан. В состав правления вошел также историк и этнограф Л.П. Семенов. Под их руководством был разработан устав института и составлен перспективный план работы, в котором основное внимание уделялось проведению экспедиций в различные районы области [6: 439–440, 442–443]. При этом на начальном этапе кадровый состав института оставался достаточно ограниченным. Профессиональные историки практически отсутствовали: единственным специалистом исторического профиля был Л.П. Семенов, который числился сотрудником по археологии и истории литературы.

Деятельность Научно-исследовательского института краеведения имени 10-летия Советской власти в Грозном изначально была ориентирована прежде всего на решение практических задач социалистического строительства. В центре внимания находились вопросы экономического развития, хозяйственного освоения территории и рационального использования природных ресурсов. Исследования в области истории, литературы и культуры занимали второстепенное положение [10: 170–171].

Однако такая модель работы просуществовала недолго. Впоследствии институт был преобразован в Научно-исследовательский институт национальной культуры, в структуре которого появились отделы истории, языка, литературы и искусства. Чеченский обком партии сформулировал главную задачу нового учреждения как подготовку и публикацию научных трудов, направленных на поддержку культурного строительства в республике и реализацию «ленинской национальной политики» [4: 184–185].

Объединение Чеченской и Ингушской автономных областей в 1934 г. повлекло за собой и слияние их научных организаций. В результате был создан Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт языка, истории, литературы и искусства. Одним из главных направлений его деятельности стало изучение истории новой автономной области, прежде всего революционного движения и материальной культуры населения [4: 167].

Параллельно с развитием автономных научных учреждений в 1926 г. в Ростове-на-Дону был создан Северо-Кавказский краевой горский научно-исследовательский институт краеведения. Его деятельность была направлена на изучение национальных культур и этнических особенностей народов региона, развитие краеведческой работы на местах, подготовку исследовательских кадров и распространение научных знаний среди населения. Для публикации результатов исследований институт выпускал собственные издания – «Бюллетень» и «Записки» [15: 48].

Уже в первый год существования учреждения исследователи определили круг приоритетных тем. Особое внимание предполагалось уделить народам, изученным в меньшей степени, в частности карачаевцам. В программу входили сбор и анализ опубликованных материалов, исследование преданий о происхождении народа и его историческом прошлом, изучение пережитков родовых отношений, религиозных представлений и особенностей современного быта. Кроме того, планировалось исследовать расселение народов Северного Кавказа начиная с середины XIX в. [12: 50, 51].

К концу 1920-х гг. в ростовском институте произошли кадровые изменения: часть сотрудников была уволена. В 1934 г. учреждение подверглось очередной реорганизации и стало Северо-Кавказским горским историко-лингвистическим научно-исследовательским институтом. Одновременно изменилась и исследовательская программа: основное внимание теперь уделялось проблемам социального, экономического и культурного строительства. Кроме того, институт получил статус ведущего научного центра для всех исследовательских организаций Северо-Кавказского края [11: 18].

В этот же период происходило развитие системы высшего образования на Северном Кавказе. В регионе были открыты высшие учебные заведения: во Владикавказе в 1920 г., в Махачкале в 1931 г., в Нальчике в 1932 г. и в Грозном в 1938 г. Одновременно создавались педагогические и учительские институты, где преподавали специалисты по истории и этнографии региона [11: 18].

Так, в Дагестанском педагогическом институте на объединенной кафедре всеобщей истории и истории народов СССР работали профессор С.В. Юшков, известный специалист по истории права, и преподаватель М. Добрянская. Однако обеспечить весь объем учебной работы силами только двух преподавателей было практически невозможно [5]. В Чечено-Ингушском педагогическом институте преподавали выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета А.А. Герке и молодой специалист М.А. Абазатов, окончивший педагогический институт во Владикавказе [1: 83].

В целом роль университетских кафедр в развитии региональных исторических и этнографических исследований в этот период оставалась ограниченной. Их основная функция заключалась в подготовке педагогических кадров для местных школ, а не в организации самостоятельной научной работы. Кроме того, многие преподаватели одновременно участвовали в деятельности научно-исследовательских учреждений, именно там реализуя свои исследовательские проекты [11: 18].

К середине 1930-х гг. на Северном Кавказе сложилась система специализированных учреждений, в которой региональное изучение постепенно выходило за пределы традиционного краеведения и приобретало черты профессиональной научной деятельности. Несмотря на постоянные проблемы – нехватку финансирования, недостаток подготовленных специалистов и частые административные преобразования, – в регионе была создана сеть научных учреждений, занимавшихся изучением истории, культуры, языков и экономики народов Кавказа.

Эти организации выполняли не только исследовательские, но и идеологические задачи, поскольку их деятельность была тесно связана с по-

литикой социалистического строительства и реализацией советской национальной политики. Постепенное расширение функций институтов, их реорганизация и усиление координации свидетельствовали о стремлении государства сформировать централизованную систему изучения региона.

Одновременно сама структура научной работы отражала переходный характер советской науки этого периода: традиционные формы академического исследования сочетались с практической направленностью и идеологическими установками. Именно в эти годы были заложены организационные и методологические основы отечественного кавказоведения, во многом определившие его дальнейшее развитие.

Источники и литература

1. *Виноградов Б.С.* Как начинался наш вуз в городе Грозном. (Воспоминания) // Вопросы северокавказской истории. Вып. 6. Ч. II. Армавир, 2001. С. 77–85.

2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. А-2306. Оп. 19. Д. 178.

3. ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 15. Д. 15.

4. *Джамбулатова З.К.* Культурное строительство в Советской Чечено-Ингушетии (1920–1940 годы). Грозный, 1974.

5. *Добрянская М.* Кафедра истории ДПИ // За ленинские нац. кадры: Орган партийных, комсомольских и профессиональных организаций Вузгородка. 1934. № 12. С. 3.

6. Ингушский научно-исследовательский институт краеведения. (Краткий отчет за 1926/27 академический год) // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Вып. I. Владикавказ, 1928. С. 438–444.

7. Институт истории, археологии и этнографии, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 1924–2014 гг. К 90-летию со дня основания. Документы и материалы. Махачкала, 2014.

8. Культурное строительство в Дагестанской АССР. Сборник документов. Т. I: 1918–1941 гг. Махачкала, 1980.

9. Культурное строительство в Северной Осетии. Сборник документов и материалов. Т. I: 1917–1941 гг. Орджоникидзе, 1974.

10. Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (1920 – июнь 1941 г.). Сборник документов и материалов. Грозный, 1979.

11. *Манышев С.Б.* Советское кавказоведение 1920–1930-х годов: от краеведения к научно-исследовательским институтам // Этнография. 2026. № 1. С. 6–29.

12. Операционный план отдела культуры на 1926–27 г. // Бюллетень [Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института краеведения]. 1927. № 1. С. 50–52.

13. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 458. Карт. 10. Д. 9.

14. ОР РГБ. Ф. 820. Карт. 3. Д. 8.

15. Положение о Северо-Кавказском краевом горском научно-исследовательском институте краеведения // Бюллетень [Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института краеведения]. 1927. № 1. С. 48–50.

16. Северо-Кавказский институт краеведения // Краеведение на Кавказе: Общекавказский научно-информационный журнал. 1924. № 1. С. 15–21.

17. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. Р-168. Оп. 8. Д. 5.

М.М. Самохин

Изучение христианизации Кавказа в советский период

Изучение памятников процесса христианизации Северного Кавказа в советский период отечественной историографии развивалось почти исключительно внутри таких дисциплин как: археология, история материальной культуры и этнография. Религиозная проблематика никогда не становилась самостоятельным предметом исследования, однако это означало прекращения работы с христианскими памятниками средневековья.

Именно в 1930–1980-е гг. были накоплены фундаментальные по своему значению полевые археологические материалы, даны максимально возможно точные датировки возведения ряда храмов, сформированы региональные археологические, этнографические школы, исследованы и введены в научный оборот комплексы памятников древности, без которых последовательная и систематическая реконструкция средневековой церковной истории региона была бы невозможна. Ключевой характеристикой периода стало несоответствие между фундаментальным масштабом полевой работы и ограниченным ее отражением в освещении собственно конфессиональной истории.

Одним из исследователей, в значительной степени определивших развитие северокавказской археологии в советское время, стал Е.И. Крупнов. Его труды охватили обширную фундаментальную проблематику древней и средневековой истории региона, а изучение христианских древностей ученый включил в целостную реконструкцию материальной культуры и комплексное описание этнокультурных процессов. Ярким примером, относящимся к нашей теме, можно назвать глубокий научный интерес Е.И. Крупнова к храму Тхаба-Ерды. Исследование этого памятника, начатое ученым в довоенный период и опубликованное после Великой Отечественной войны, системно поставило вопрос о датировке строительства храма, его месте в широких культурных связях региона с Закавказьем. Предложил исследователь и варианты решения поставленных проблем. [2: 123–125]. Собственно, основное значение работ Крупнова, как и других советских археологов, определилось не фактом датировки тех или иных памятников и комплексов, но системным научным подходом, нацеленностью на комплексное археологическое обследование каждого памятника в его широком региональном окружении.

Для изучения Западной Алании похожее значение имели труды Т.М. Минаевой. Раскопки в верховьях Кубани, начатые в 1939–1940 гг. и продолженные после Великой Отечественной войны, значительно пополнили и расширили археологический фундамент знаний о христианстве на Верхней Кубани. Минаева обобщила и систематизировала данные своих предшественников, сопоставила полученное с личными наблюдениями и выводами, исследовала христианские памятники также системно, как часть обширного ареала аланских древностей [6: 211–236]. Такой подход в целом характерен для советской археологии: история христианизации выявлялась и фиксировалась через описание руинированных храмов, поклонных и надгробных крестов, погребальных комплексов, архитектурных особенностей и планировки поселений, а не через целенаправленное изучение деятельности церковных институтов.

В 1960–1970-е гг. значительно расширилась активность как в проведении исследований, так и в публикации их результатов. Пожалуй, главную роль в этом сыграли региональные гуманитарные институты, позднее преобразованные в научные центры РАН в Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Чечено-Ингушетии. Они выпускали специализированные сборники по археологии и древней истории. И уже в данных изданиях тема религиозных памятников затрагивалась как существенная составная часть исследований средневековой культуры народов Кавказа.

Главным итогом данной работы стало накопление локальных массивов данных по Нижнему Архызу, Верхнему Джулату, Тхаба-Ерды, Дагестану и другим районам размещения христианских древностей. Одновременно это создало определенную фрагментарность: отдельные памятники изучались достаточно профессионально и глубоко, но результаты никогда не соединялись в общую модель процесса христианизации Северного Кавказа.

Особое место в советском изучении средневековой Алании заняли труды В.А. Кузнецова. Его исследования опирались на археологические материалы и позволили систематизировать сведения о храмовом строительстве, поселениях и культурных связях аланского мира. Для истории христианизации региона принципиально важным оказался переход от описания отдельных церковных сооружений к рассмотрению архитектуры как значимого источника сведений о политических и культурных контактах. В работе о зодчестве средневековой Алании Кузнецов выделил зону грузинского архитектурного воздействия на северокавказские памятники [4: 34]. В то же время, в последующих интерпретациях он значительно осторожнее оценивал масштаб грузинского участия в христианизации Западной Алании, подчеркивая собственно византийский фактор [3: 59–61]. Выводы Кузнецова соответствуют данным нарративных источников.

Одна из основных проблем советского кавказоведения состояла в том, что археологические данные допускают несколько равно вероятных моделей интерпретации культурного влияния. Материальное сходство памятников могло с равной аргументацией обосновываться как результат непосредственной миссии, как следствие политических связей, как заимствование архитектурной традиции либо как сочетание нескольких из перечисленных факторов. В условиях крайне редкого обращения к нарративным церковным источникам археология оставалась единственным основанием исторической реконструкции процесса христианизации. Отсюда резко возрастала значимость качества датировки памятников: хронология каждого из них могла непосредственно влиять на выводы о времени и направлениях распространения христианства.

Это особенно заметно в вопросе о начале христианизации Алании. В.А. Кузнецов в своем обобщающем труде связал устойчивое распространение христианства прежде всего с X в. [5: 202]. Такая датировка хорошо согласовывалась с наиболее известными архитектурными комплексами и письменными свидетельствами о византийской миссии. Однако сам археологический материал оставлял возможность для обсуждения более ранних контактов. Нарративные и этнографические источники также свидетельствуют о широкой заинтересованности в христианизации Кавказа

еще императора Юстиниана (482-565) и следах памяти о нем в фольклоре кавказских народов. К сожалению, советская модель, при ее фундаментальной системности, не устранила проблему соотнесения периода первых свидетельств о христианском присутствии и времени институционального оформления новой религии. В более поздней историографии именно это различие стало одним из ключевых направлений пересмотра прежних хронологических схем.

Важной чертой советского этапа исследования христианизации можно назвать сохранение региональной вариативности в интерпретации истории христианских древностей. В Северной Осетии и Карачаево-Черкесии в распоряжении исследователей был сравнительно богатый архитектурный и погребальный материал. В Ингушетии внимание ученых сосредоточилось на средневековых святилищах и храмах, в особенности, на Тхаба-Ерды. В Дагестане христианская проблематика рассматривалась в связи с храмами Северо-Восточного Кавказа (Дербент) и взаимодействием местных культур с Закавказьем. Сложившаяся регионализация, с одной стороны, обеспечила детальность полевых исследований; с другой стороны, закрепила разобщенность историографических традиций, ускорила формирование замкнутых школ.

Площадками профессиональной научной коммуникации в указанный период стали сборники трудов и материалы конференций, в которых публиковались результаты экспедиций, в дискуссиях уточнялись датировки и активно обсуждалась этнокультурная принадлежность христианских памятников. К концу 1970-х гг. в регионе появились первые историографические работы, посвященные фиксации процесса исследования Кавказа. Такая научная рефлексия позволяла взглянуть на процесс как на систему усилий, а не как на отдельные разнонаправленные работы энтузиастов. К большому сожалению, христианизация, по-прежнему, рассматривалась учеными исключительно внутри других смежных обширных тем – этногенеза, архитектуры, культурных связей, истории поселений, бытования погребального обряда.

Идеологический контекст советской исторической науки кардинально повлиял на постановку вопросов и существенно ограничил допустимые варианты ответов на них. Исследование религии допускалось исключительно как изучение отжившего исторического явления, фактора формирования памятников материальной культуры древности или элементов традиционного мировоззрения, сложившихся в глубокой древности.

С одной стороны, христианские храмы и артефакты религиозной культуры могли подробно фиксироваться и датироваться. С другой стороны, история церковной организации, миссионерская стратегия, богослужебная практика и религиозная идентичность населения были искусственно изгнаны из поля зрения исследователей.

Научная достоверность не позволяет нам характеризовать советский период как время отсутствия исследований истории христианства на Северном Кавказе. Правильнее говорить об искаженной, усеченной дисциплинарной форме, посредством которой религиозная тема была подчинена археологической и социально-исторической проблематике. Также эта искусственная подчиненность очень отчетливо проявилась в этнографических исследованиях. Христианские многовековые основы традиционной куль-

туры народов Северного Кавказа изучались исключительно в контексте суеверий, практического двоеверия, синкретизма, бытовых пережитков и трансформации дохристианских верований. С одной стороны, такой ракурс изучения темы позволил собрать ценный материал о долговременном бытовании отдельных христианских по смыслу и происхождению обрядов, использовании имен святых, совершении культовых практик и почитании сакральных объектов, а с другой стороны идеологически обосновал схему, в которой глубокое по воздействию на народную культуру церковное содержание могло интерпретироваться только и исключительно как вторичное по отношению к более древним формам религиозности.

Христианство по влиянию на народы Кавказа не могло быть оценено выше народных верований. Особенно очевидным это было в исследованиях осетинской этнической традиции, где археологические и этнографические данные позволили прослеживать длительное сосуществование нескольких пластов религиозной культуры. При этом интерпретация в советский период играла ключевую роль.

К концу 1980-х гг. положение постепенно изменилось. Издания региональных научных учреждений стали чаще включать материалы, прямо связанные с исследованиями христианских древностей. Переломным историческим моментом стало празднование тысячелетия Крещения Руси, на фоне которого в Карачаево-Черкесии были опубликованы научные работы о средневековой археологии и христианских памятниках. Это создало условия для открытого обсуждения христианской религиозной составляющей средневековой культуры народов Кавказа.

Оценивая наследие советского периода необходимо учитывать, что многие дискуссии продолжились и даже обострились уже после 1991 г. Вопрос о соотношении византийского и грузинского влияния на храмовую архитектуру Алании получил развитие в исследованиях Л.А. Перфильевой, рассмотревшей архитектурный материал в контексте широкой системы культурных связей [7: 180–201]. Ретроспективный обзор Е.П. Алексеевой также показал, в какой степени фундамент современных представлений о Карачаево-Черкесии основан на полевых исследованиях и публикациях советских археологов [1: 20]. Можно смело полагать, что последующая критика отдельных интерпретаций не отменяет фундаментального значения собранной в советский период источниковой базы.

Таким образом, советский период изучения истории христианизации Кавказа можно оценить как период кропотливого накопления и систематизации археологического материала при полной несамостоятельности религиозно-исторической проблематики. Основными достижениями периода стоит назвать исследование ключевых храмовых комплексов, создание и развитие региональных археологических и этнографических научных школ, формирование научно обоснованных хронологических схем и введение в научный оборот значительного массива материальных свидетельств христианской культуры. Основным ограничителем периода стала установка на рассмотрение христианства, преимущественно, как элемента материальной культуры, этногенеза или идеологизированной политической истории. Сочетание высокой профессиональной эмпирической результативности и узо-

сти идеологически заданной интерпретационной рамки определило место советской историографии в изучении христианского прошлого Северного Кавказа.

Источники и литература

1. *Алексеева Е.П.* Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М., 1992.
2. *Крупнов Е.И.* Грузинский храм «Тхаба Ерды» на Северном Кавказе // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1947. Вып. XV. С. 123–125.
3. *Кузнецов В.А.* Алания и Византия // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985. С. 59–61.
4. *Кузнецов В.А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977.
5. *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
6. *Минаева Т.М.* Из истории археологических обследований верховьев р. Кубани // Ученые записки Ставропольского государственного педагогического института. Ставрополь, 1951. Т. VII. С. 211–236.
7. *Перфильева Л.А.* К вопросу о византийском влиянии на культовую архитектуру Северо-Западного Кавказа в X–XI вв. // Аланы. Западная Европа и Византия. Владикавказ, 1992. С. 180–201.

С.Ш. Салакая, Е.С. Салакая, И.О. Казанба

История образования ССР Абхазии (1921 г.) в абхазской советской исторической науке

Вопросы политической истории Советской Абхазии, как и все вопросы советской истории, стали фактически разрабатываться в абхазской исторической науке во второй половине XX в. Большое внимание уделялось создание и развитию советской государственности в Абхазии.

Крупнейшим специалистом в области национально-государственного строительства Абхазии советского периода являлся доктор исторических наук, профессор, академик Академии наук Абхазии Б.Е. Сагария (1926–2005). Хотя Б.Е. Сагария относительно поздно начал свою научную деятельность, его перу принадлежит много работ, в первую очередь связанных с национально-государственным строительством. Этой же теме посвящены его кандидатская (1965) и докторская (1983) диссертации.

В 1970 г. вышла монография Б.Е. Сагарии «Национально-государственное строительство Абхазии (1921–1931 гг.)» [7]. Работа содержит большой фактический материал, относящийся к установлению советской власти, провозглашению Социалистической Советской Республики (далее – ССР) Абхазии, взаимоотношениям Абхазии и Грузии, созданию органов государственной власти, принятию законодательных актов, конституций Абхазии 1925 и 1927 гг. и т.д. Автор пишет, что Москва и Тифлис настаивали на том, чтобы Абхазия получила статус автономной республики в составе Грузинской ССР, но ревком Абхазии, использовав в качестве предлога репрессивную шовинистическую политику властей Грузинской Демократической Республики при оккупации Абхазии (1918–1921), провозгласил ССР Абхазия

[7: 25–27]. Большое внимание уделяется декларации ревкома Грузии «О независимости Социалистической Советской Республики Абхазии» от 21 мая 1921 г., разоблачавшей националистическую политику меньшевиков, которые подавляли любое проявление революционной самодеятельности национальных меньшинств, создавали антагонизм между отдельными национальностями [7: 29]. При этом Б.Е. Сагария вынужден был повторить тезис о прогрессивности и исторической неотвратимости включения Абхазии в состав Грузии, а преобразование ССР Абхазии в автономную республику в 1931 г. назвал торжеством советской национальной политики [7: 146].

В целом, говоря о национально-государственном строительстве в Абхазии, можно согласится с ученым в том, что в 1921 г. произошло полноценное восстановление абхазской государственности. Конечно, никто из ее новых руководителей не рассчитывал, да и не хотел независимости Абхазии, но они надеялись, что молодая республика станет равноправным субъектом советской федерации. Мощное давление вынудило абхазских руководителей пойти на реалистичный и прагматичный шаг в той внутри- и внешнеполитической ситуации – заключить союзный договор с Грузинской ССР. Затем последовало включение Абхазии в качестве автономной республики в состав Грузинской ССР. Но нельзя согласиться с господствовавшим в советской историографии тезисом о прогрессивности этого процесса [12: 69–70]. Несмотря на это, большой фактический материал, архивные документы, многие из которых ныне утрачены, делают монографию «Национально-государственное строительство Абхазии (1921–1931 гг.)» ценной для воссоздания истории национально-государственного строительства Абхазии в первое десятилетие советской власти.

В 1979 г. вышла книга Е.Б. Сагарии «Образование Абхазской АССР – торжество ленинской национальной политики КПСС» [10]. В рамках существовавшей исторической концепции в ней обосновывался тезис о том, что заключение союзного договора между ССР Абхазией и ССР Грузией, а затем преобразование ССР Абхазии в Автономную ССР (далее – АССР) Абхазии в составе Грузинской ССР являлись прогрессивными шагами, улучшившими положение Абхазии.

В 1981 г. вышла одна из главных работ Б.Е. Сагарии «Образование и укрепление советской национальной государственности в Абхазии. 1921–1938 гг.» [11]. В ней автор подробно рассмотрел ряд ключевых вопросов политической и этнической истории Абхазии в 1920–1930-е гг.: установление советской власти, образование ССР Абхазии, сложные политические процессы, связанные с заключением союзного договора Абхазии с Грузией и формирование органов государственного управления. Развернуто описаны подготовка и провозглашение ССР Абхазия. Обращаясь к договору от 16 декабря 1921 г., а затем преобразованию Абхазии в автономную республику, Б.Е. Сагария писал, что если в начальный период советской власти его заключение было продиктовано объективными условиями и отвечало интересам обеих республик, то в конце 1920-х гг., когда трудящиеся Абхазии и Грузии уже в основном изжили недоверие друг к другу, договорные отношения между ними стали ненужными [11: 224]. Автор отмечает, что VI Съезд Советов Абхазии 11 февраля 1931 г. одобрил решение о преобразо-

вании договорной ССР Абхазии в АССР Абхазия и решил ввести ее в состав ССР Грузии на автономных началах [11: 225]. При этом в монографии вообще не говорится о Дурипшском сходе (массовом крестьянском выступлении в феврале 1931 г.), ни как о возможной реакции на это решение, ни как об антиколхозном выступлении.

В 1983 г. вышла книга «История Абхазской АССР (1917–1937)» [3], написанная коллективом историков Абхазского института языка, литературы и истории имени Д.И. Гулиа (далее – АИЯЛИ) Академии наук Грузинской ССР. Книга задумывалась как первый том истории Абхазской АССР, однако продолжения не последовало. Написанная на пике т.н. «застоя», «История Абхазской АССР» имеет целый ряд существенных недостатков, значительно снижающих научное и практическое значение труда. В первую очередь, это относится к чрезмерной заидеологизированности, что вообще характерно для сочинений, написанных в конце 1970-х – первой половине 1980-х гг. В книге довольно подробно описываются борьба за установление советской власти, но решение об образовании ССР Абхазии преподносится как заранее согласованное совместное решение руководителей Абхазии и Грузии, ничего не говорится о противодействии с грузинской стороны [3: 101–102]. Правда, ниже говорится о том, что решение национального вопроса проходило в острой борьбе, но связывалось это с наследием меньшевиков и деятельностью «национал-уклонистов» (как стали называть председателя ревкома Грузии П.К. Мдивани и его сторонников). Довольно подробно говорится о заключении союзного договора с Грузией. В частности, сказано о попытке непосредственного вхождения в Закавказскую Федерацию, минуя Грузию, что не нашло поддержки в Кавказском бюро ЦК РКП(б), потребовавшим от Е. Эшба окончательного заключения о вхождении Абхазии в состав Грузии на договорных началах или на началах автономной области в РСФСР [3: 105]. При этом сам факт заключения соглашения трактуется как «вхождение Абхазии на договорных началах в состав Советской Грузии» [3: 106]. Дальнейшее содержание книги практически не отличается от содержания предыдущих работ Б.Е. Сагария, который был автором этой части «Истории Абхазской АССР».

Несмотря на то, что в работе неоднократно сделаны критические замечания, отмечен ряд недостатков и даже ошибок в работах Б.Е. Сагарии, надо сказать, что они содержат много положительных сторон, которые с лихвой покрывают указанные огрехи. Во-первых, в них содержится огромный фактический материал, который позволяет чуть ли не по дням воссоздать происходившие события. Во-вторых, это очень широкое использование архивных документов, часто впервые введенных в научный оборот, справочной и иной литературы, значительная часть из которой ныне библиографическая редкость, что в сегодняшних условиях многократно увеличивает значимость этих работ. Наконец, сделанные выводы в поддержку официальных взглядов и реверансы в стороны партии позволяли пройти через цензуру документам и фактам, им противоречащим.

Необходимо отметить, что как только появилась возможность писать без идеологического давления, Б.Е. Сагария этим воспользовался, чтобы донести правду до читателя. В принципе, все это можно отнести и к работам большинства абхазских историков, изучавших новейшую историю Абхазии.

Напряженная обстановка в Абхазии в конце 1980-х гг., вызванная резким обострением межнациональных, в первую очередь абхазо-грузинских отношений, привела в том числе к острой полемике ученых, творческих и общественных деятелей по различным вопросам истории и культуры Абхазии. С подачи грузинских ультрарадикальных националистов в прессе, в том числе в научных изданиях, стали появляться материалы об исключительном праве грузин на всю территорию Грузинской ССР, включая и Абхазию. Однако, благодаря ослаблению идеологического пресса, абхазские исследователи смогли дать достойный отпор оппонентам из Грузии.

Среди работ по интересующему нас хронологическому периоду особое место занимает книга С.З. Лакобы «Очерки политической истории Абхазии» [6]. Несмотря на относительно небольшой объем, она произвела настоящий переворот в изучении истории Абхазии XIX–XX вв. В ней получили освещение многие закрытые ранее темы, а ряд известных событий и фактов – новую, часто диаметрально противоположную трактовку. Так, С.З. Лакоба полагал, что относительно легкая победа большевиков и восстановление советской власти в 1921 г. во многом произошли потому, что местные большевики, учтя свои ошибки 1918 г., объявили о восстановлении самостоятельного Абхазского государства. Это нашло горячий отклик не только у абхазского народа, но и у других народов, живших в Абхазии. Немаловажную роль играли невыносимые условия, в которые попало население Абхазии после грузинской оккупации. Кроме того, ученый обращает внимание на миссию Е. Эшба и Н. Лакоба в Турцию в конце 1920 – начале 1921 гг., в том числе благодаря которой руководители ревкома Абхазии добились права провозглашения ССР.

В 1991 г. вышло в свет учебное пособие «История Абхазии» [2], подготовленное группой сотрудников АИЯЛИ во главе с С.З. Лакобой. Написанная в очень острый политический момент, «История Абхазии» стала книгой огромного не только научного, но и общественно-политического значения, знаковым событием в научной и общественной жизни Абхазии того времени.

В разделе, посвященном советскому времени, Б.Е. Сагария впервые в таком объкме в учебной литературе писал о создании советской государственности, своеобразном статусе Абхазии в 1921–1931 гг., о давлении со стороны И.В. Сталина и Л.П. Берии на государственность Абхазии, ее включении в состав Грузии, репрессиях, переселенческой политике, грубых искажениях национальной политики и попытке ассимиляции абхазов, происходивших в 1930–1950-х гг. При этом Б.Е. Сагария во многом отказался от своих прежних положений, предложив более объективный взгляд на острейшие вопросы истории Абхазии советского периода.

В постсоветское время изучение истории Абхазии советской эпохи продолжается весьма активно, хотя надо сказать, что наблюдается крен в сторону политической истории. Имеются работы по истории культуры и практически нет исследований социальной и, особенно, экономической истории советского времени. Среди исследователей политической истории означенного периода, несомненно, выделяется С.З. Лакоба, который фактически стал автором современной концепции истории Абхазии нового и новейшего времени. В многочисленных монографиях, книгах, учебниках пересмотрены

целый ряд, казалось бы, незыблемых в исторической науке положений, переосмыслены и уточнены как целые периоды, так и отдельные факты сыгравшие важную роль в истории Абхазии [1; 4; 5; 8; 9].

Источники и литература

1. *Бгажба О.Х., Лакоба С.З.* История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум, 2007.
2. История Абхазии. Учебное пособие. Сухуми, 1991.
3. История Абхазской АССР. 1917–1937 гг. Сухуми, 1983.
4. *Лакоба С.З.* Абхазия после двух империй. XIX–XXI вв. Саппоро – М., 2004.
5. *Лакоба С.З.* Ответ историкам из Тбилиси (документы и факты). Сухум, 2001.
6. *Лакоба С.З.* Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990.
7. *Сагария Б.Е.* Национально-государственное строительство Абхазии (1921–1931 гг.). Сухуми, 1970.
8. *Сагария Б.Е.* О «белых» и «черных» пятнах в истории Абхазии. Гагра, 1993.
9. *Сагария Б.Е.* О трагических страницах в истории Абхазии. Сухум, 1995.
10. *Сагария Б.Е.* Образование Абхазской АССР – торжество ленинской национальной политики КПСС. Сухуми, 1979.
11. *Сагария Б.Е.* Образование и укрепление советской национальной государственности в Абхазии. 1921–1938 гг. Сухуми, 1981.
12. *Салакая Е.С., Салакая С.Ш.* ССР Абхазия: идея, реализация, ликвидация // Этнополитические конфликты на Кавказе и Ближнем Востоке и механизмы их урегулирования: история и современность: материалы международной научно-практической конференции (Ставрополь, 21–22 октября 2022 г.). Ростов-на-Дону; Таганрог, 2022. С. 65–70.

М.Д. Муха

Советская историография абречества и концепция социального бандитизма

Кавказские разбойники – абреки – привлекали внимание историков, этнографов и публицистов еще с XIX в. Советская эпоха радикально переосмыслила это явление, абречество из разбоя превратилось в форму революционного и антиколониального протеста. Схожие теоретические построения о крестьянском сопротивлении возникли в западной историографии независимо и практически одновременно – прежде всего в концепции социального бандитизма Э. Хобсбаума, которая на протяжении десятилетий оставалась недоступной советскому и российскому читателю.

Концепция социального бандитизма была выработана Хобсбаумом в “Primitive Rebels” (1959) и развита в книге «Бандиты» (Bandits, 1969), переведенной на русский язык лишь в 2020 г. [14]. Этот труд положил начало новому исследовательскому полю bandit studies, тесно связанному с традицией peasant studies, дав импульс сравнительному изучению фигуры разбойника в позднеимперских обществах Европы, Азии и Латинской Америки. Социальный бандитизм трактуется как форма протеста, характерная для доиндустриальных аграрных обществ, центральной фигурой которой вы-

ступает «благородный разбойник» – английский Робин Гуд, австралийский бушрейнджер Нед Келли, болгарский гайдук Панайот Хитов, бразильский кангасейро Лампиао и другие [14]. Однако вопрос о применимости концепции к исламскому миру оставался открытым. Д. Харт, обратившийся к крестьянскому бандитизму в Марокко, Алжире и Северо-Западном Пакистане, критиковал Хобсбаума за то, что единственным убедительным примером мусульманского «социального бандита» у него оказался разбойник-эшкия из романа турецкого писателя Я. Кемаля «Тощий Мемед» – персонаж вымышленный и потому представлявший собой «очень близкое приближение к идеальному типу Хобсбаума» [19: 1]. Иными словами, этот пример подтверждал теорию именно потому, что никогда не существовал.

Социальный бандит укоренен в крестьянском обществе и воспринимается им как герой, защитник, мститель и поборник справедливости, порой даже как вождь освободительного движения, «во всяком случае – как объект восхищения, помощи и поддержки» [14: 33], тогда как власти неизменно видят в нем обычного преступника. Социальный бандитизм тяготеет к обществам, переживающим слом порядка – как правило, переход от аграрного уклада к индустриальному, что в полной мере приложимо к кавказским абрекам рубежа XIX–XX вв. Ряд исследователей указал на преувеличение социально-конфликтного измерения бандитизма: модель, по их мнению, намеренно или невольно затушевывает связи разбойников с устоявшимися элитами, обеспечивавшие первым защиту и расширение возможностей [17; 20; 22]. Оспаривалась и претензия на универсальность: реальные исторические бандиты в большинстве своем лишь в малой мере соответствовали выработанному архетипу [23]. Стоит отметить, что в «Бандитах» упоминается и самый известный абрек – Зелимхан Гушмазукаев из Харачоя.

Анализ абречества сквозь призму хобсбаумовской модели предпринят в работах В.О. Бобровникова [2], Р. Гулд [18] и Й. Перовича [21]. Перович показал, насколько случай Зелимхана расходится с предложенным архетипом: поведение знаменитого абрека определялось в первую очередь логикой кровной мести и стремлением к добыче, жертвы его нападений нередко оказывались случайными, а народная поддержка объяснялась скорее страхом перед кровной местью и пассивным уклонением от государственного контроля, нежели подлинной солидарностью. Ключевым в хобсбаумовской концепции можно считать не соответствие реальных биографий теоретическому образцу, а сам бандитский миф, наличие которого определяет, может ли тот или иной разбойник быть причислен к «социальным». Об этом красноречиво свидетельствует место, которое Зелимхан и другие абреки занимают в культурной памяти – в беллетристике, кинематографе, цифровом пространстве и даже в названиях колхозов.

Советская историография абречества прошла путь, который в ряде ключевых моментов оказался концептуально схожим хобсбаумовской модели – и это сходство было обусловлено общей логикой работы с феноменом крестьянского протеста в доиндустриальном аграрном обществе и методологическими корнями. Советские историки, как и Хобсбаум, работали в рамках марксистской парадигмы. Реабилитация абречества как политически прогрессивного явления была частью радикального переустройства совет-

ской исторической науки в 1920-е гг. Абрек оказывался тем, кто продолжал сопротивление царскому империализму после завоевания Кавказа [13: 198].

Конструкторами нового нарратива об абречестве стали не профессиональные историки, а революционные публицисты из самих горцев. Первым текстом, реабилитировавшим абречество, стала работа чеченского революционера А. Шерипова, изданная в 1918 г. Шерипов первым провел разграничение между доколониальными «абреками старого времени» и антироссийскими абреками второй половины XIX – начала XX вв., считавшимися «продолжателями дела Шамиля и мюридов» [15: 151]. Он противопоставил антиколониальную направленность абречества уголовному бандитизму: «Простых воров и разбойников чеченцы зовут презрительным словом – "воришка" и т.д. Но "абрек" стало почетным именем – и этим именем народ награждал не всякого» [15: 152]. Бинарная оппозиция «политическое абречество vs. уголовный бандитизм» воспроизводилась авторами раннесоветского периода.

Абхазский революционер Е. Эшба, первый биограф А. Шерипова, выстроил генеалогию абречества как последнего предреволюционного движения на Кавказе, за которым, как кульминация «торжества освобождения горского пролетариата», следовала революция. Эшба писал, что «почетная обязанность – мстить угнетателям» в межвосстанческие периоды перешла к абрекам, чьи «партизанские отряды» приобретали «характер политических террористических организаций, боровшихся против царского режима в горах» [16: 65–66].

Осетинский писатель Д. Гатуев придал этой конструкции развернутое историческое обоснование. В предисловии к первому изданию, исчезнувшем из последующих советских переизданий, он называл абреков «разбойниками-революционерами», встраивая абречество в общую генеалогию кавказского сопротивления: «Абречество – тот же мюридизм, но мюридизм в индивидуальности» [4: 13]. Использование фольклорного материала позволяло Гатуеву представить антиколониальность абречества укорененной в живой народной традиции. То, что предисловие было проигнорировано в дальнейшем, вероятно, вызвано несоответствием политической конъюнктуре второй половины 1930х гг., когда антиколониальная риторика стала политически вредной [13: 208].

Чеченский писатель и публицист Х. Ошаев определял абречество как вынужденную форму сопротивления, порожденную невозможностью массового протеста [12: 6]. Среди всех раннесоветских авторов он включал абречество в логику марксистских формаций наиболее полно. Горское общество пореформенного периода выводилось здесь уже не из «первобытного хищничества», а со стадии феодализма, делая антиколониальное сопротивление исторически закономерным.

А. Авторханов провел структурную аналогию между деятельностью абреков и русским народническим движением 1870–1880-х гг., выделив в качестве общих черт крестьянскую социальную базу, индивидуально-групповой метод действия, беззаветный героизм и разветвленные конспиративные сети [1: 33]. Разграничение политического абречества и уголовного бандитизма Авторханов возводил к народному чеченскому сознанию [1: 36].

Г.К. Мартиросиан, следуя общей для раннесоветской историографии логике, выводил причину возникновения абречества из аграрного кризиса [8: 88]. «Революционное абречество» во главе с Зелимханом трактовалось как общее чеченско-ингушское движение [8: 313–314].

Все раннесоветские авторы воспроизводили характерную для хобсбаумовской модели фигуру «благородного разбойника», который перераспределяет отнятое в пользу бедных и пользуется поддержкой крестьянских масс. Большевик А.Ф. Носов в воспоминаниях о революционных событиях в Терской области воспроизводил этот классический миф, подчеркивая, что Зелимхан «все экспроприированные им деньги и имущество распределял среди бедных» [10: 14]. Схожим образом участник революционных событий на Тереке Д.З. Коренев объяснял неуловимость Зелимхана тем, что «во многих своих проявлениях абречество имело политическую основу и было связано с широкими массами» [6: 20]. А.М. Газдиев в очерке об А. Шерипове (1941) писал, что «представителей политического абречества трудящиеся любили, берегли и принимали, как дорогих гостей» [3: 27–28].

Послевоенный период характеризуется историографической паузой в изучении абречества, связанной с депортацией чеченцев и ингушей и упразднением Чечено-Ингушской АССР. В 1967 г. вышли «Очерки истории Чечено-Ингушской АССР». Авторы, признавая роль абречества в народно-освободительной борьбе против царского гнета, уже не давали ему прежней положительной оценки: «При всем героизме абреков их бунтарские действия, часто носившие характер разбоя, террор в отношении отдельных представителей царской власти и ее прислужников не могли причинить существенного вреда царизму. Абречество не было связано с широким революционным движением масс. Оно было бесперспективно» [11: 218]. Именно здесь обнаруживается концептуальная параллель с Хобсбаумом, писавшим, что «сам по себе бандитизм не является социальным движением» [14: 43], а социальные бандиты суть «активисты, а не идеологи и пророки, от которых можно было бы ожидать нового видения или проектов социальной и политической организации» [14: 42].

Л.Н. Колосов вступил в полемику с историком А.А. Саламовым, сводившим народное сопротивление в Терской области к «анархическим действиям абреческих групп». Колосов зафиксировал целый ряд массовых крестьянских столкновений, оставшихся в тени у предшественников, и критиковал тех царских историков, которые «не прочь были выпятить только фигуру Зелимхана, свести дело к ней, а народ в целом изобразить покорным» [7: 126]. По существу, Колосов воспроизводил логику, которую Хобсбаум сформулировал теоретически. Это разграничение фигуры бандита и более широкого крестьянского движения, симптомом которого бандит является, но которое он не может ни возглавить, ни заменить.

Историк И.Ф. Мужев предложил стадиальную классификацию абречества, выделив три его исторических типа: абрека-изгнанника доколониальной эпохи, абрека времен Кавказской войны и абрека эпохи империализма как выразителя классового и антиколониального протеста [9: 117]. Такая стадиальность соответствует хобсбаумовской логике появления социального бандита как реакции на конфликт с центральной властью в переходных

обществах. Мужев пришел к заключению, что «недостатком абреческого движения было то, что оно не было связано с рабочим движением и являлось изолированным выступлением» [9: 120] – вывод, концептуально близкий к тезису Хобсбаума об ограниченности социального бандита в роли политического актора. Подобной точки зрения придерживался и Н.П. Гриценко, давший в своей работе о классовой борьбе в Терской области в канун революции наиболее полный анализ абречества и обобщивший искания предшественников [5].

Таким образом, советская историография абречества прошла путь, определявшийся рамками идеологических установок, который можно назвать типичным для интерпретаций явлений кавказской истории. В 1920-е – начале 1930-х гг. революционные публицисты и историки выстроили нарратив об абречестве как антиколониальном и прогрессивном движении. Послевоенный поворот к историописанию Кавказа в рамках концепций «добровольного присоединения», «меньшего зла» и «вечной дружбы народов» трансформировал риторику об абречестве, сохранив его антиколониальный характер, но отказав ему в революционности. В 1960-е гг. абречество было «понижено в ранге» из-за недостатка классового сознания и изолированности от масс. Именно здесь советская историческая мысль вплотную подошла к тем выводам, которые Хобсбаум формулировал независимо и теоретически: социальный бандит симптоматически отражает кризис аграрного общества, но сам по себе не является движущей силой революционного преобразования.

Хобсбаум и его концепция социального бандитизма не были известны в СССР, однако советские историки почти в то же самое время, пусть из идеологических соображений, пришли к подобным выводам. Это параллельное движение показывает, что конструкция «благородного разбойника» с неизбежным вопросом о связи с широким народным движением не является ни специфически марксистским, ни специфически западным интеллектуальным продуктом, но представляет собой устойчивую аналитическую рамку, к которой обращаются исследователи крестьянского вооруженного протеста при самых разных теоретических предпосылках.

Источники и литература

1. *Авторханов А.Г.* К основным вопросам истории Чечни: (к десятилетию советской Чечни). Грозный, 1930.

2. *Бобровников В.О.* Стал ли абрек социальным бандитом на позднем имперском Северном Кавказе? // Территория: журнал исторических исследований. 2025. Т. 1. № 3. С. 199–235.

3. *Газдиев А.М.* Асланбек Шерипов в революционном движении Чечено-Ингушетии. Грозный, 1941.

4. *Гатуев К.А.* Зелимхан: из истории национально-освободительных движений на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону; Краснодар, 1926.

5. *Гриценко Н.П.* Классовая и антиколониальная борьба крестьян Чечено-Ингушетии на рубеже XIX–XX веков. Грозный, 1971.

6. *Коренев Д.З.* Революция на Тереке. 1917–1918 гг. Орджоникидзе, 1967.

7. *Колосов Л.Н.* Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября (1907–1917 гг.). Грозный, 1968.

8. *Мартиросиан Г.К.* История Ингушии: материалы. Орджоникидзе, 1933.
9. *Мужев И.Ф.* Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа (1900–1914 гг.). Нальчик, 1965.
10. *Носов А.Ф.* Октябрьская революция в Грозном и в горах Чечено-Ингушетии. Грозный, 1961.
11. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный, 1967.
12. *Ошаев Х.Д.* Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный, 1928.
13. *Тихонов В.В.* «Деколонизация» истории народов СССР в советской историографии (1920–1930) // Quaestio Rossica. 2024. Т. 12. № 1. С. 193–208.
14. *Хобсбаум Э.* Бандиты. М., 2020.
15. *Шерипов А.* Статьи и речи. Грозный, 1990.
16. *Эшба Е.* Асланбек Шерипов. 2-е изд., испр. и доп. Грозный, 1929.
17. *Blok A.* The peasant and the brigand: Social banditry reconsidered // Comparative Studies in Society and History. 1972. Vol. 14. № 4. P. 494–503.
18. *Gould R.* Writers and Rebels. The Literature of Insurgency in the Caucasus. New Haven; London, 2016.
19. *Hart D.* Banditry in Islam: Case studies from Morocco, Algeria and the Pakistan North West Frontier. Wisbech, 1987.
20. *O'Malley P.* Social bandits, modern capitalism and the traditional peasantry: A critique of Hobsbawm // The Journal of Peasant Studies. 1979. Vol. 6. № 4. P. 489–501.
21. *Perović J.* Caucasian Banditry in Late Imperial Russia: The Case of Abrek Zelimkhan // Age of Rogues: Rebels, Revolutionaries, and Racketeers at the Frontiers of Empires. Edinburgh, 2021. P. 83–119.
22. *Shaw B.D.* Bandits in the Roman Empire // Past and Present. 1984. № 105. P. 3–52.
23. *Slatta R.W. Eric J.* Hobsbawm's social bandit: A critique and revision // A Contracorriente. 2004. Vol. 1. № 2. P. 22–30.

Ю.С. Сулаберидзе

Проблемы Кавказа в научном творчестве И.Г.Антелавы

Научное творчество видного советского грузинского ученого Ираклия Георгиевича Антелавы (1912–1978) многогранно. Оно нашло отражение в грузинской историографии. Но, к сожалению, до сих пор не стало предметом специального монографического исследования, если не считать отдельных статей, рецензий, связанных с работами ученого.

Работы И.Г. Антелавы заняли достойное место в исследовании социально-экономических проблем истории Грузии XIX в. До сих пор не потеряла научного значения его фундаментальная работа в двух томах «Государственные крестьяне Грузии XIX века», защищенная в качестве докторской диссертации в 1954 г. И.Г. Антелава доказал, что в дореформенный период в Грузии появился капиталистический уклад. С именем ученого связаны и крупные достижения в области исследования общественно-политического движения и мысли Грузии. Этому автор посвятил специальный курс лекций, читавшийся в Тбилисском государственном университете им. Ив. Джавахишвили и Тбилисском педагогическом институте им. А.С. Пушкина. Ученый также работал в Сухумском педагогическом институте им. А.М. Горького. С Сухуми связано начало активной творческой деятельности и защита

в 1941 г. в кандидатской диссертации «Очерки по истории Абхазии в XVII–XVIII веках» (опубликована в Сухуми в 1949 г.).

И.Г. Антелава относится к неординарным творческим личностям. Уроженец Мегрелии, после завершения местной школы он в 1928 г. поступил в Тбилисский университет, а завершил учебу на историческом отделении в 1931 г. в педагогическом институте им. А.С. Пушкина. В 1932 г. поступил в Ленинградский финансово-экономический институт и окончил его в 1936 г. Приобретение знаний в области экономики и финансов содействовало впоследствии глубине изучения социально-экономических проблем Грузии XIX в. Разносторонность дарований ученого отразилось и в изучении темы участия грузин в Отечественной войне 1812 г. Этой тематике И.Г.Антелава посвятил свою докторскую диссертацию, защищенную в Москве в 1947 г. Но она не была утверждена Высшей аттестационной комиссией. Тем не менее, яркий и талантливый ученый не пал духом. И.Г.Антелаве не откажешь в твердости и принципиальности в отстаивании научных и моральных принципов. В 1929–1931 гг. он был дважды исключен из вуза за поддержку своего учителя, выдающегося грузинского ученого И.А. Джавахишвили, подвергнутого гонениям. Некоторые моменты жизни и научной деятельности ученого нашли отражение в посмертном сборнике соратников и учеников, вышедшем в 1979 г. В нем показано, как в стенах Тбилисского университета проходил процесс формирования научных взглядов, усвоения методологии под руководством И. Джавахишвили, С. Джанашия, Н. Бердзенишвили, А. Шанидзе, С. Каухчишвили, Г. Натадзе и других видных ученых, создававших грузинскую историческую науку [61]. К сожалению, у авторов сборника выпала фамилия М.А. Полиевктова, преподававшего историю России, историю народов СССР, хотя о нем упоминает сам И.Г. Антелава в черновой работе, озаглавленной «Краткий разбор сильных и слабых сторон очерков “Грузинская советская историография”».

Многосторонняя научная деятельность И.Г. Антелаы нуждается в глубоком изучении. Это отчасти сделано авторами (Г. Читая, Г. Маргиани, А. Бендианишвили, Э. Орджоникидзе, Н. Родоная, И. Папава, О. Жордания) упомянутого сборника. Они выделяют следующую периодизацию жизни и научного творчества ученого: первый период, с 1938 г. по 1956 г., определен как сухумский, второй протекал в Тбилиси с 1956 г. по 1978 г. Научная деятельность И.Г. Антелавы была насыщена и плодотворна, что отмечено в грузинской историографии. Но некоторые темы требуют дальнейшего исследования, что позволяют архивные материалы ученого, отложившиеся в фонде 2102 Центрального исторического архива Грузии (далее – ЦИАГ).

Задача статьи – осветить только один аспект творчества И.Г. Антелавы, связанный с его кавказоведческими работами. Это сделать не так легко: работы ученого отличаются объемностью поставленных задач. В них исследуются проблемы истории Грузии: социально-экономического развития, развития общественно-политического движения и общественной мысли XIX в., участия грузин в войнах России. Но они изучаются в контексте развития всего Кавказа. Это проявляется в лекционном курсе истории народов СССР, в том числе в темах таких лекций, как «Албания в III–VII веках» [14], «Кавказ на рубеже XVIII и XIX веков» [16], «Народы Кавказа во второй чет-

верти XIX века» [17], а также в «Кратком курсе отношений народов России и Кабарды» [15], «Кратком обозрении истории Армении» [153]. Автор неизменно затрагивает вопросы взаимоотношений Кавказа с Россией. Они были на протяжении веков весьма неравнозначны.

И.Г. Антелава, как специалист по истории Грузии, ставит вопросы о закономерности проникновения России на Кавказ. Говоря о достижениях грузинской советской исторической науки, И.Г. Антелава подчеркивает, что одной из центральных проблем грузинской историографии, если не главной, в 1960–1970 гг. продолжал оставаться дискуссионный вопрос: Грузия добровольно присоединилась к России или силой? Каким термином определить этот процесс – «захват», «добровольное вхождение», «присоединение»? В работе «Из истории общественной мысли Грузии в первой половине XIX века» ученый ставил вопрос: «Исследовать сложный круг вопросов, связанный с проблемой присоединения к России» [3: 1].

Этот вопрос был в центре внимания не только грузинских ученых, но и кавказоведов всей страны. Как следует из материалов подготовки фундаментального четырехтомного издания «История народов Закавказья с древнейших времен до наших дней», этот вопрос являлся камнем преткновения для редколлегии. В 1976 г. был издан «Проспект» для обсуждения [8]. К сожалению, издание так и не состоялось в силу разных причин, хотя его очень ждала ученая общественность. Речь шла о подготовке обобщающего труда по метарегиону, об обосновании общих закономерностей и особенностей эволюции различных народов, живущих в нем на протяжении длительных этапов их развития. Видимо, расхождения в трактовках тех или иных исторических событий помешали завершить работу.

И.Г. Антелава являлся редактором 2 тома «Россия и народы Закавказья в первой трети XIX века», подготовив ряд параграфов, в частности, параграф 2, посвященный анализу процесса присоединения Картли-Кахети к России. Он отмечает, что Россия нарушила статьи Георгиевского трактата. После 1783 г. Картли-Кахетинское царство оказалось в изоляции, в мусульманском окружении. Ей изменили бывшие вассалы в лице ханов Гянджи и Еревана. Ираклию II пришлось в одиночку восстанавливать свое влияние в регионе. Потом последовала Крцанисская трагедия 1795 г., запоздалый поход Зубова 1796 г., смерть Екатерины II. При слабом царе Георгии XII готовились условия для поглощения Грузии. Тем не менее, ученый делает такое заключение: «Утрата государственной независимости, установление тяжелого колониального режима (а с ним грузинский народ вел неустанную борьбу), несмотря на это, пакт 1801 года заслуживает положительной оценки. После присоединения Грузии к России создались сравнительно нормальные условия для развития экономики и культуры страны, а победоносные восточные войны России, в которой так энергично действовал грузинский народ, позволил объединить грузинские земли в своих исторических границах. Сближение грузинского и русского народов сделали более успешной справедливую борьбу против царизма» [12: 6].

Эта тема также звучала в специальной статье под названием: «Присоединение Грузии к России и его историческое значение» [4]. Автор преподносит историю взаимоотношений Грузии с Россией, начиная с XVI в., пока-

зывает всю сложность положения грузинских земель после распада единого грузинского государства. Находясь в кольце агрессивных мусульманских государств Османской империи и Сефевидского Ирана, разделивших по Амасийскому соглашению 1555 г. Кавказ на две сферы влияния, грузинские цари были вассалами их правителей. Поэтому искали покровителя и нашли его в лице единоверной России. Не только религия сближали Грузию и Россию, но и и общие торгово-экономические интересы, военно-политические цели. Россия нуждалась также в продвижении на Кавказ. И.Г.Антелава отмечает, что первоначальное отношение грузин к манифесту 12 сентября 1801 г. было позитивным, его принятие «воспринято народом единодушно, как одобрение» [4: 9]. Благодаря этому удалось «воссоединить месхетские земли, взять Ахалцихе». Ученый приводит позитивные последствия присоединения: население Грузии выросло с 413 тыс. чел. в начале XIX в. до 2 435 тыс. в 1897 г. [4: 14]. Даются данные о росте экономики, развитии промышленности и сельского хозяйства. Развивалась и грузинская культура под влиянием русской передовой культуры [4: 17].

И.Г. Антелава прекрасно осознавал сложность и противоречивость процесса модернизационного взаимодействия. Поэтому сюжеты о колониальной политике царизма не являются отражением противоречий во взглядах ученого. В советской историографии это идеологема была центральной. Вся политика советской власти была направлена на искоренение последствий колониальной политики царизма и критики ее научных адептов в лице Н. Дубровина, В. Потто, которые воспринимались марксистской историографией, как апологеты колониализма на Кавказе. Идеологизация исторического процесса на основе классового подхода сужала возможности системного анализа всего комплекса исторических фактов.

И.Г. Антелава был вынужден следовать марксистским догмам, однако старался оставаться принципиальным и объективным в анализе исторических событий. Об этом с свидетельствует работа ученого «Колониальная политика царизма в Грузии и освободительная борьба грузинского народа в 1830–1857 годах» [11]. Она была опубликована в 5 томе академического издания «История СССР с древнейших времен до наших дней» в 1967 г. [9] и в 5 томе «Очерков истории Грузии» [10]. И.Г. Антелава раскрывает цели политики царизма на Кавказе, стремившегося связать его с Россией «гражданскими и политическими узами». Эта цель конкретизируется в отношении Грузии: «Превратить Грузию в уголок, политически надежный, а экономически максимально выгодный» [11: 1]. Одним из основных методов стала колонизация края. В Грузии с 1837 по 1860 г. было создано 10 военных поселений в Цалка, Манглиси, Коджори, Ахалкалакском уезде, шло активное заселение русскими сектантами-духоборами, молоканами, скопцами, субботниками. Все это создавало военную силу для подавления возможных выступлений против колониального режима и возможности освоения земель, которые отбирались у местного населения. Значительную роль сыграли немецкие поселенцы, которым предоставлялись привилегированные условия для жилья и занятия сельским хозяйством. Процесс переселения немецких колонистов в Грузию начался с 1817–1818 гг. Они приносили навыки и промышленного производства. Хотя, как показывают проекты Е.Ф. Канкрина и

И.Ф. Паскевича, царизм не был заинтересован в развитии промышленного производства на Кавказе, который рассматривался, как сырьевой придаток, колониальная окраина империи. В этом состояла суть экономической политики колониализма. От местных жителей требовалось производство шелка, хлопка и другой сельскохозяйственной продукции для промышленности центра империи. И.Г. Антелава, глубоко занимавшийся экономическими вопросами колонизации Кавказа, отметил, что «наряду с этими реакционными проектами, обрекавшими Грузию на отсталость, выдвигались проекты, предусматривавшие всестороннее, в том числе, и промышленное развитие края» [11: 7–8]. К числу таковых он относил проект А.С. Грибоедова и П.Г. Завилейского о создании «Российско-Закавказской компании» (1828) и «Краткий исторический очерк Грузии и ее положение с 1801 по 1831 год» А.Г. Чавчавадзе (1831). В этих проектах предлагалось развитие промышленности, сельского хозяйства, развитие портов, торговых отношений, которые бы теснее связали Кавказ с центральными губерниями России [7: 12–14]. Как подчеркивает И.Г. Антелава, этим проектам не суждено было осуществиться, так как «царизм не хотел отказываться от старых привилегий, смотрел на Грузию как на источник сырья для русской промышленности» [11: 7–8]. Ученый подробно характеризует и организацию системы управления, предполагавшую «исключение местного элемента». Автор подробно описывает реформы, подготовленные П.Ф. Ганом на основе предложений сенаторов Е.И. Мечникова и П.И. Кутайсова [11: 9–10].

Исторический процесс взаимоотношений России с Кавказом был сложным и неоднозначным, население Грузии в них принимало активное участие. Это в особенности проявилось в войнах России XIX в. Ученый старался подчеркнуть, что народы Кавказа принимали в них активное. И.Г. Антелава показал, что только в Отечественной войне 1812 г. героически проявили себя 12 генералов-грузин: братья Петр и Роман Багратионы, Леван и Владимир Яшвили, Иван и Семен Панчулидзе, Иван, Семен и Филипп Джавахишвили, Павел Бибилури (Лашкарев), Семен Гангеблидзе (Гангеблов), Антон Шаликашвили (Шаликов) [1]. Грузины прославились и в военных баталиях русско-иранской (1826–1828 гг.) и русско-турецкой (1828–1829 гг.) войн. И.Г. Антелава посвятил этому отдельные работы, опубликованные в Сухуми в 1951–1952 гг. [2; 5].

Ряд лекций И.Г. Антелава был посвящен народам Северного Кавказа, истории Абхазии. В личном фонде ученого отложились архивные материалы, черновые наброски лекций о Кавказе на рубеже XVIII–XIX вв., где автор дает подробную характеристику социально-экономического строя Дагестана, подробно описывает особенности Чечни, структуры тейпов, тухумов [11: 20]. И.Г. Антелава также изучал народы Кавказа во второй четверти XIX в., борьбу горцев под руководством Шамиля, отмечая, что он «заслужил беспредельный авторитет горцев» [17: 19–20].

Таким образом, кавказская проблематика занимала весомое место в научном творчестве И.Г. Антелавы, найдя отражение в обобщающих и специальных работах, статьях, рецензиях и лекциях. Его труды внесли определенный вклад в грузинское кавказоведение середины XX в., повлияв на тенденции его дальнейшего развития.

Источники и литература

1. *Антелава И.Г.* Грузия в Отечественной войне 1812 года. Тбилиси, 1962 (на груз. яз.).
2. *Антелава И.Г.* Грузия и русско-турецкая война 1828–1829 гг. // Труды Сухумского педагогического института. Т. 7. Сухуми, 1952. С. 26–52.
3. *Антелава И.Г.* Из истории общественной мысли Грузии в первой половине XIX века // Мнатоби. 1960. №9 (на груз. яз.).
4. *Антелава И.Г.* Присоединение Грузии к России // Грузинская детская энциклопедия. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
5. *Антелава И.Г.* Русско-иранская война 1826–1828 гг. и Грузия // Труды Абхазского института языка, литературы и истории (ТАИ). Т. XXIV. Сухуми, 1951. С. 139–171.
6. *Антелава И.Г.:* жизнь и творчество. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).
7. *Гоголадзе Д.А.* Капиталистические предприятия в сельском хозяйстве и промышленности дореформенной Грузии. Тбилиси, 1959.
8. История народов Закавказья с древнейших времен до наших дней. Проспект. В 4 т. Проект для обсуждения. Т. 2: XIX – начало XX вв. М., 1976.
9. История СССР: С древнейших времен до наших дней: в 12 т. Т. 5. М., 1968.
10. Очерки истории Грузии. Т. V. Тбилиси, 1990.
11. Центральный исторический архив Грузии (далее – ЦИАГ). Ф. 2102. Оп. 1. Д. 107.
12. ЦИАГ. Ф. 2102. Оп. 1. Д. 129.
13. ЦИАГ. Ф. 2102. Оп. 1. Д. 153.
14. ЦИАГ. Ф. 2102. Оп. 1. Д. 157.
15. ЦИАГ. Ф. 2102. Оп. 1. Д. 159.
16. ЦИАГ. Ф. 2102. Оп. 1. Д. 195.
17. ЦИАГ. Ф. 2102. Оп. 1. Д. 205.

А.М. Бугаев, Ш.А. Гапуров, С.С. Магамадов

Реабилитация репрессированных народов Северного Кавказа: историографические и источниковедческие аспекты

2026 год для народов Северного Кавказа, в частности балкарского, ингушского, карачаевского и чеченского, в годы войны с фашистскими захватчиками обвиненных в предательстве и принудительно высланных в чужие края, бесспорно, является знаменательным, в определенном смысле – юбилейным. В феврале 1956 г., то есть 70 лет назад, состоялся XX съезд КПСС, на котором с докладом «О культе личности и его последствиях» выступил первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущёв. Столько же времени прошло со дня принятия – 24 ноября 1956 г. – Постановления ЦК КПСС «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского балкарского, чеченского и ингушского народов». Правомерно и обоснованно принято считать, что именно эти исторические решения дали старт многогранному процессу реабилитации репрессированных народов.

В 1980-е гг., в условиях перестройки советского общества, реабилитация жертв сталинского режима, особенно политическая, обрела новые импульсы. Были приняты основополагающие законодательные акты: Указ Президиума Верховного Совета СССР «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в

период 30–40-х и начала 50-х годов» (16 января 1989 г.), Декларация Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» (14 ноября 1989 г.), Указ Президента СССР «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов» (13 августа 1990 г.), Постановление Верховного Совета СССР «Об отмене законодательных актов в связи с декларацией Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года "О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав"» (7 марта 1991 г.). 26 апреля 1991 г., 35 лет назад, российские народные депутаты приняли Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов».

Реабилитация – это не помилование и не амнистия. Реабилитация – это оправдание того, кого безвинно осудили или покарали без суда и следствия. Постсталинская реабилитация – это многогранный процесс официального – законодательного – восстановления конституционных прав и свобод граждан и целых народов, наказанных в 1920-е – в начале 1950-х гг. В ситуации, которая складывалась в высших эшелонах власти СССР весной-летом 1953 г., восстановление законности и исторической справедливости являлось задачей государственной важности. Однако процесс реабилитации народов в официальной повестке дня органов власти появился не столь скоро, как того ожидали спецпоселенцы. Новые лидеры страны не планировали, во всяком случае, в первоочередном порядке, решать вопросы их реабилитации. Даже на июльском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС, участники которого осудили преступную деятельность Л.П. Берии, лишь в заключительной части итогового постановления имелась формальная констатация необходимости ликвидировать последствия его «вредительских действий» в области национальных отношений [15: 372; 21: 53].

11 июля 1953 г. заявление Председателю Совета Министров СССР Г.М. Маленкову о преступных действиях Л.П. Берии в дни выселения чеченского и ингушского народов отправил спецпереселенец Д.Г. Мальсагов, в 1937–1944 г. занимавший пост заместителя наркома юстиции Чечено-Ингушской АССР [22: 112–114]. Через неделю, 18 июля, Г.М. Маленкову и Председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову было направлено заявление группы ингушей-спецпереселенцев [23: 34–35]. Однако лишь 15 января 1954 г. Президиум ЦК КПСС обсудил вопрос «Об освобождении от спецпоселения отдельных категорий спецпоселенцев и снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев». Для подготовки в месячный срок проекта постановления по данному вопросу была утверждена комиссия, которую возглавил К.Е. Ворошилов [23: 390].

Таким образом с января 1954 г. начался этап юридической реабилитации репрессированных народов, который продолжался вплоть до принятия 24 ноября постановления Президиума ЦК КПСС «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов» [24: 199–203]. Президиум ЦК КПСС констатировал, что партийные органы, правительство страны «за последнее время осуществили ряд мер по реабилитации выселенных народов». В частности, что все лица,

репрессированные по этническому признаку, были «сняты с режима спецпоселения» [24: 200]. Вместе с тем лидеры партии признали, что эти меры не были достаточными: «Во-первых, как сказано в постановлении, они не решают задачи *полной реабилитации необоснованно выселенных народов* (курсив наш – авт.) и восстановления их равноправия среди других наций Советского Союза. Во-вторых, при большой территориальной разобщенности и отсутствии автономных объединений не создается необходимых условий для всемерного развития этих наций, их экономики и культуры, а, напротив, возникает опасность захирения национальной культуры. В-третьих, нельзя не учитывать и того факта, что в последнее время, особенно после XX-го съезда КПСС и снятия калмыков, карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей со спецпоселения, среди них все более усиливаются стремления к возвращению в свои родные места и восстановлению национальной автономии» [24: 200].

С принятием данного постановления начался этап политической реабилитации народов, подвергшихся принудительному выселению с мест постоянного проживания. С формальной точки зрения данный этап завершился с принятием 26 апреля 1991 г. Закона «О реабилитации репрессированных народов» [25: 546–548]. Бесспорно, до сих пор остаются нерешенными ряд важных вопросов, в частности, связанные с территориальной реабилитацией.

Отечественная историография накопила солидный опыт исследования этих многогранных процессов. Но в советскую – пост-сталинскую – эпоху, во всяком случае до конца 1980-х – начала 1990-х гг. всестороннее исследование темы депортации и реабилитации народов было табуировано партийными установками, главным образом негласными. Несмотря на эти барьеры, обозначенная тематика нашла свое отражение в трудах отдельных исследователей. Об этом достаточно информативно (во всяком случае, для своего времени) написал А.М. Некрич в своей книге «Наказанные народы» [19]. Автор предпринял попытку реконструировать драматические эпизоды депортации отдельных народов СССР, а также процесс их реабилитации после XX съезда КПСС. Как вклад в изучение этих важных научных проблем он отметил труды отдельных советских авторов. Особое внимание А.М. Некрич справедливо уделил диссертационным работам чеченского исследователя А.Х. Дудаева [12] и балкарского ученого Х.И. Хутуева [29], как первым опытам академической актуализации многогранной темы выселения отдельных народов Северного Кавказа.

Юрист А.Х. Дудаев и историк Х.И. Хутуев в период перехода от хрущевской оттепели к брежневской эпохе (1964–1965 гг.) подготовили и успешно защитили кандидатские диссертации, посвященные анализу различных аспектов истории советской национальной государственности чеченского, ингушского и балкарского народов. Именно они перевели тему принудительной ссылки из плоскости замалчивания в поле публичных научных дискуссий, достаточно четко обозначив научно-теоретические ориентиры для последующих исследований, в том числе междисциплинарных, истории репрессированных народов Кавказа.

Однако с середины 1960-х гг., после прихода к руководству КПСС и Советского государства Л.И. Брежнева и утверждения в его команде

М.А. Суслова в качестве главного координатора идеологической сферы, в гуманитарных науках, в том числе исторических, утвердилась монополия марксистско-ленинской методологии, господствующими принципами которой являлись партийность и классовый подход. Конъюнктурная оценка исторических фактов превратилась в непреодолимое условие академического дискурса. В этих условиях объективное исследование депортационной политики, наметившихся процессов преодоления ее последствий практически было невозможно.

Перелом наметился лишь во второй половине 1980-х гг., когда в стране начались перестроечные процессы. В 1987 г. в Институте истории СССР Академии наук СССР была успешно защищена кандидатская диссертация по теме: «Развитие Чечено-Ингушетии как советской автономии. 1957–1978 гг.» А.М. Бугаева [2]. 20–21 февраля 1989 г. редакция журнала «Вопросы истории» провела «круглый стол» на тему «Национальный вопрос и межнациональные отношения в СССР: история и современность». В его работе приняли участие ученые из союзных и автономных республик, а также Москвы, Ленинграда и Владивостока. В ходе содержательных выступлений ученые уделили внимание и вопросам депортации отдельных народов СССР (А.А. Магометов (Северо-Осетинская АССР), А.К. Текуев (Кабардино-Балкарская АССР), А.М. Бугаев (Чечено-Ингушская АССР), А-Г.С. Гаджиев (Дагестанская АССР)). Качественно новый этап во всестороннем исследовании проблем депортации народов и их реабилитации обозначился после принятия народными депутатами СССР в 1989 г. основополагающих законодательных актов, направленных на последовательное восстановление исторической справедливости.

С 16 мая по 22 июня 1990 г. в Москве состоялся первый съезд народных депутатов РСФСР. Народные депутаты РСФСР от Чечено-Ингушской АССР Б.Б. Богатырёв (23 мая 1990 г.) и А.А. Аслаханов (22 июня 1990 г.) в своих выступлениях достаточно остро поставили вопрос о незаконности выселения в годы войны СССР против фашистских агрессоров двух братских народов – чеченского и ингушского [20: 343–344]. И на общественном уровне, и на уровне официального дискурса складываются благоприятные условия для корректировки научного подхода к анализу этих сложных и серьезных проблем общегосударственного значения.

В 1989 и 1990 гг. в ведущих научных журналах страны были опубликованы первые академические статьи Н.Ф. Бугая, посвященные депортации отдельных народов СССР [4; 5]. Публикация указанных статей на страницах печатных изданий такого высокого рейтинга дала старт новому этапу в активизации исследований репрессивной политики сталинского режима [6–8]. Импульсом для качественной трансформации историографических нарративов явился Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», утвержденный российским парламентом 26 апреля 1991 г. С принятием данного законодательного акта связана и активизация публикации документальных источников с начала 1990-х гг.

Источниковедческий анализ опубликованных материалов, изданных не только федеральными инстанциями, но и в российских регионах – задача специального фундаментального исследования. Мы привлекаем внимание лишь к тем сборникам, которые по всем основным критериям источнико-

ведения являются материалами репрезентативными. К таковым относятся 3томное издание «Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы», а также ряд других сборников [23; 24; 25 и др.]. Необходимо подчеркнуть, что эти и другие документальные источники, как опубликованные, так и хранящиеся в федеральных и региональных архивах, широко использованы в научных трудах А.Х. Дудаева, Х.И. Хутуева, Н.Ф. Бугая, С.И. Аккиевой, Х-М.А. Сабанчиева, Мусы М. Ибрагимова, В.Ю. Муртазалиева, А.М. Гонова, С.С. Цуцулаевой и многих других авторов [1; 6–11; 13–14; 16–18; 26–28; 30–31]. Вместе с тем, исследование процессов депортации народов, их полной реабилитации необходимо продолжить, широко используя методы междисциплинарного (комплексного) анализа, расширяя источниковедческую базу, углубляя понимание причинно-следственных связей, приведших к известным трагическим последствиям – к тотальной депортации целых народов.

Источники и литература

1. *Агиев Р.С.* Трагедия чеченского и ингушского народов в 30–50-х гг. XX века: депортация, спецпоселения, реабилитация: дис... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2003

2. *Бугаев А.М.* Развитие Чечено-Ингушетии как советской автономии: 1957–1978 гг.: дис... канд. ист. наук. М., 1987.

3. *Бугаев А.М.* Политико-правовая реабилитация репрессированных народов Северного Кавказа. Грозный, 2024.

4. *Бугай Н.Ф.* К вопросу о депортации народов СССР в 30-40-х годах // История СССР. 1989. № 6. С. 135–144.

5. *Бугай Н.Ф.* «Правда о депортации чеченского и ингушского народов» // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 32–44.

6. *Бугай Н.Ф.* Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века): Книга-мониторинг. М., 2006.

7. *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее…». М., 2011.

8. *Бугай Н.Ф.* Проблемы репрессий и реабилитации граждан: история и историография (XX в. – начало XXI в.). М., 2012.

9. Восстановление Чечено-Ингушской АССР (1953–1962). Сборник документов и материалов. Нальчик, 2013. Т. 1.

10. *Гонов А.М.* Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа, 20–90 годы XX века: дис… д-ра ист. наук. Нальчик, 1997.

11. *Дешериев Ю.* Жизнь во мгле и борьбе. О трагедии репрессированных народов. М., 1995.

12. *Дудаев А.Х.* Возникновение и основные этапы становления чечено-ингушской национальной советской государственности: дис... канд. юрид. наук. М., 1964.

13. *Ибрагимов Муса М.* Чеченцы: выселение, выживание, возвращение. Грозный, 2015.

14. *Кузнецова А.Б.* Этнополитические процессы в Чечено-Ингушской АССР в 1957–1990 гг.: последствия депортации и основные аспекты реабилитации чеченцев и ингушей: дис... канд. ист. наук. М., 2005.

15. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999.

16. *Локаев Г.* Спецпереселенцы. Магас, 2003.

17. *Муртазалиев В.Ю.* Конституционно-правовая реабилитация репрессированных народов Северного Кавказа: дис... канд. юрид. наук. Махачкала, 2005.

18. *Наумова Е.Н.* Реабилитация и возвращение ингушского народа на историческую родину: 1953–1961 гг.: дис... канд. ист. наук. М., 2008.
19. *Некрич А.* Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978.
20. Первый съезд народных депутатов РСФСР, 16 мая – 22 июня 1990 года. Стенографический отчёт. Т. 1. М., 1992.
21. Политбюро и дело Берия. Сборник документов. М., 2012.
22. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 171. Д. 480.
23. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3 т. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956. М., 2000.
24. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. II. Февраль 1956 – начало 1980-х годов. М., 2003.
25. Реабилитация: как это было. Документы Политбюро ЦК КПСС, стенограммы заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х гг., и другие материалы. Т. III. Середина 80-х годов – 1991. М., 2004.
26. Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши: Документы, факты, комментарии. М., 1994.
27. *Сабанчиев Х-М.А.* Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа: 1940-е – начало XXI в.: дис... д-ра ист. наук. Ростов-на-Дону, 2007.
28. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993.
29. *Хутуев Х.И.* Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период: Восстановление автономии балкарского народа: дис... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1965.
30. *Цуцулаева С.С.* Репрессированные народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: проблемы историографии: дис... канд. ист. наук. Элиста, 2001.
31. *Шнайдер В.Г.* Советская национальная политика и народы Северного Кавказа в 1940–1950-е гг. Армавир, 2009.

В.А. Фоменко, М.А. Тубаев

О научных связях археологов Северного Кавказа и Грузии в 1960–1980-х гг.

В работе рассматриваются научные контакты между археологами Северного Кавказа и Грузии в 1960–1980-х гг. Этот перечень не претендует на полноту, основан на доступной литературе и сведениях, сохранившихся в памяти одного из авторов. Вместе с тем, избранная тема обладает актуальностью, так как межрегиональные научные связи советского времени на Кавказе слабо изучены и почти не освещены в современной историографии.

Традиции северокавказско-грузинских научных связей начали формироваться не позднее последней четверти XIX в., когда важнейший административный центр Кавказа находился в Тифлисе (в настоящее время – Тбилиси). Там же находился Кавказский музей, собиравший археологические коллекции. Единственный на Кавказе V Археологический съезд проводился

в Тифлисе. В досоветскую эпоху местных археологов было немного. Можно вспомнить, в качестве примера, жившего в Кубанской области Е.Д. Фелицына [2: 9–26]. В его деятельности прослеживаются связи с центром администрации Кавказа.

С приходом советской власти изменилось административное устройство юга нашей страны. Автономии и другие административные субъекты на Северном Кавказе стали более самостоятельными. Но часть тем остались для местных и грузинских археологов общими. Например: изучение дольменов, древностей кобанской культуры, истории православного христианства, строительства храмов и других научных археологических проблем.

В составе Грузинской ССР были абхазская и южно-осетинская автономии, что делало связи с грузинскими научными центрами особенно важными для исследователей древней и средневековой истории адыгов (части абхазо-адыгского этнического массива), а также алано-осетинской проблематики.

Важно также отметить, что кавказоведческие центры Грузии были более оснащенными опытными кадрами по гуманитарным специальностям, особенно по кавказской филологии. На Северном Кавказе дело обстояло несколько хуже (не везде одинаково).

Так, в Кабардино-Балкарии и в довоенные, и в послевоенные годы археологические исследования проводились силами приезжих полевиков. Но следует отметить значительную роль в изучении и помощь в обучении местных археологов уроженца южной Грузии, грека-урума по национальности, Панаита Георгиевича Акритаса. Он с 1940-х гг. жил в Пятигорске и с 1946 по 1961 гг. помогал организовывать и проводить разведки и раскопки в соседней Кабардино-Балкарии [28: 8–9].

Большую помощь региону оказывал столичный археолог, видный кавказовед Евгений Игнатьевич Крупнов (1904–1970). Благодаря ему в местном научно-исследовательском институте к концу 1960-х гг. сформировался собственный коллектив ученых-археологов. Четверо из них – И.М. Мизиев, В.М. Батчаев, А.Х. Нагоев, Б.М. Керефов – учились в аспирантуре в Москве, а Р.Ж. Бетрозов обучался в Институте истории, археологии и этнографии имени академика И.А. Джавахишвили Академии наук Грузинской СССР [1]. Важно отметить, что Е.И. Крупнова, в послевоенные годы фактически возглавлявшего северокавказскую археологию [29], интересовали вопросы изучения кобанских памятников (в том числе на территории Южной Осетии), древнейшего общекавказского культурного единства [10; 11: 76–299], а также вторжений киммерийцев и скифов в Закавказье, в том числе на территорию Абхазии и Грузии [12].

Изучение этих вопросов было продолжено учениками и последователями Е.И. Крупнова. Вопрос древнейшего общекавказского единства, например, интересовал кавказоведа Р.М. Мунчаева [20: 409–414]. В развитии северокавказско-закавказской проблематики большое значение имели и имеют Крупновские чтения, основанные в 1971 г. Это научная конференция и одновременно научно-общественная организация. Она способствует развитию археологических исследований на Северном Кавказе и имеет межрегиональный и международный статус [29: 408].

В 1960–1980-х гг. ученые продолжали исследовать древние культуры, ареалы которых охватывают и Предкавказье, и Закавказье, прежде всего дольменную [15; 18; 19]. В.Л. Ростунов изучал памятники куро-аракской культуры и значительно увеличил число ее открытых и частично опубликованных памятников в Притеречье [24; 25]. Исследовались также памятники энеолитической (предмайкопской) культуры, известной ныне как дарквети-мешоковская [30: 34, 35]. Значительный вклад в исследование памятников кобанской культуры внес известный исследователь Б.В. Техов [27; 26; 31], работавший большую часть жизни в Южной Осетии.

Колхидо-кобанские древности на территории Абхазии и сопредельных областей изучали археологи Ю.Н. Воронов [4; 5] и Л.Н. Панцхава [22]. Лейла Николаевна Панцхава, сотрудник Государственного музея Грузии, в конце 1980-х гг. приезжала в Пятигорск и работала в фондах здешнего краеведче-ского музея с материалами из местных кобанских могильников.

О связях племен Северного Кавказа с населением Центрального Закавказья и цивилизациями Древнего Востока в конце II – начале I тысячелетия до н. э. по материалам находок предметов южного облика написала и защитила диссертацию в 1988 г. Т.Н. Нераденко [21].

Ученик Е.И. Крупнова археолог В.А. Кузнецов неоднократно писал об отношениях алан со странами Закавказья, о проникновении в эпоху раннего средневековья христианства, в том числе, храмового строительства из Грузии и Абхазии на Северный Кавказ [13: 26–170; 14: 197–217]. Историк из Южной Осетии Ю.С. Гаглойти посвятил монографию связи алан с этногенезом осетин [6]. О грузинских храмовых постройкам в северокавказских регионах писали также краевед М.Н. Ложкин [17].

В Тбилиси в 1982 г. археолог Н.Г. Ловпаче защитил кандидатскую диссертацию на тему «Художественная керамика Средневековой Адыгеи». В 1995 г. он выпустил книгу с тем же названием, но с серьезно дополненным новыми материалами содержанием [16].

В.Б. Виноградов и его научная школа развивали изучение северокавказско-грузинских связей эпохи древности и средневековья с началом планирования, а затем осуществления широкомасштабных дорожно-строительных работ по прокладке Кавказской перевальной железной дороги в 1980-е гг. через горные районы тогдашней Чечено-Ингушской АССР [3]. Это научное направление о связях в данной школе продолжилось и в постсоветское время [7].

В 1984 г. состоялась крупная научная конференция в г. Душети в Грузии. Там рассматривались проблемы взаимоотношений между горными и равнинными регионами [8]. Участвовал ряд археологов, специалистов, работавших на Северном Кавказе (В.Г. Петренко, И.М. Чеченов, М.Н. Ложкин и др.). В исследуемый период археологи С.А. Есаян, М.Н. Погребова, Д.С. Раевский изучали следы вторжений скифов в Закавказье и памятники населения, испытавшего влияние кочевников [9; 23: 164–227].

Изложенное выше говорит о том, что северокавказско-грузинские научные связи археологов в позднее советское время довольно разнообразны и иногда носили эпизодический характер. Дальнейшее изучение памятников древности по обе стороны Кавказского хребта, продолжившееся в постсо-

ветское время, убеждают, что едиными (и закавказскими, и предкавказскими) были дарквети-мешоковская, дольменная, куро-аракская и некоторые другие культурами. Необходимо целенаправленное изучение транскавказских контактов местного населения и кочевников, проникавших через перевалы. Разработка многих общекавказских вопросов социально-экономического и культурно-этнического развития населения невозможна без обмена данными и совместного обсуждения результатов археологических исследований учеными.

Источники и литература

1. *Бетрозов Р.Ж.* Культура племен Центрального Предкавказья в эпоху раннего металла: дис. … канд. ист. наук. Тбилиси, 1972.

2. *Бойчук С.Г.* Общественно-просветительская и научная деятельность Е.Д. Фелицына. Краснодар, 2010.

3. *Виноградов В.Б.* Новостроечные раскопки – требование времени и первоочередная задача археологов // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990. С. 101–103.

4. *Воронов Ю.Н.* О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 200–218.

5. *Воронов Ю.Н.* Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979.

6. *Гаглойти Ю.С.* Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966.

7. Грузинский и русский народы, вы – братья! (к 200-летию присоединения Грузии в России). Материалы аспирантско-преподавательских семинаров. Армавир, 2001. Вып. 4.

8. Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами. Аннотации. Тбилиси, 1984.

9. *Есаян С.А., Погребова М.Н.* Скифские памятники Закавказья. М., 1985.

10. *Крупнов Е.И.* Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа) // Советская археология. М., 1964. №1. С. 27–43.

11. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

12. *Крупнов Е.И.* Киммерийцы на Северном Кавказе // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1958. С. 176–195.

13. *Кузнецов В.А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977.

14. *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.

15. *Лавров Л.И.* Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды Абхазского ИЯЛИ им. Д.И. Гулиа. Сухуми, 1960. Вып. XXXI. С. 101–178.

16. *Ловпаче Н.Г.* Художественная керамика средневековой Адыгеи. Майкоп, 1995.

17. *Ложкин М.Н.* Средневековые памятники грузинской архитектуры в Краснодарском крае // Дзеглис мегобари. Тбилиси, 1981. № 57. С. 47–50 (на груз. яз.).

18. *Марковин В.И.* Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974.

19. *Марковин В.И.* Дольмены Запасного Кавказа. М. 1978.

20. *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1976.

21. *Нераденко Т.Н.* Связи племен Северного Кавказа с населением Центрального Закавказья и цивилизаций Древнего Востока в конце II – начале I тысячелетия до н.э.: дис. … канд. ист. наук. Киев, 1988.

22. *Панцхава Л.Н.* К истории художественного ремесла колхидской и кобанской культур: дис. … канд. ист. наук. Тбилиси, 1975.

23. *Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Ранние скифы и Древний Восток. К истории становления скифской культуры. М., 1992.

24. *Ростунов В.Л.* Куро-аракская культура на Центральном Кавказе (к вопросу об истоках и путях миграции) // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. С. 91–130.
25. *Ростунов В.Л.* Куро-аракская культура на Центральном Кавказе (хронология и историко-археологические аспекты миграции) // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. С. 3–42.
26. *Техов Б.В.* Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н.э. (по материалам Тлийского могильника). М., 1980.
27. *Техов Б.В.* Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М., 1977.
28. *Фоменко В.А.* Кавказовед Панаит Георгиевич Акритас // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Нальчик, 2016. Вып. 2 (29). С. 7–12.
29. *Фоменко В.А.* Евгений Игнатьевич Крупнов – организатор археологического изучения Кабардино-Балкарии (1946–1970 гг.) // Краткие сообщения Института археологии РАН. М., 2025. Вып. 279. С. 405–410.
30. *Черленок Е.А.* Археология Кавказа (мезолит, неолит, энеолит). СПб., 2013.
31. *Чшиев В.Т.* Вспоминая профессора Б.В. Техова // Вестник Владикавказского научного центра. Владикавказ, 2018. Вып. 18. № 3. С. 73–79.

С.А. Бегуев, А.Х. Нуридова

Проблематика исторического развития Чечни в современной историографии

История Чечни на протяжении последних десятилетий вызывает устойчивый исследовательский и общественный интерес. Формирование современной концепции отечественной истории невозможно без органического включения в нее истории регионов и народов России, в том числе истории чеченского народа. Драматизм его исторического пути, сопряженный с длительной борьбой за самосохранение, вхождением в состав Российского государства, трагедией депортации и постсоветскими военно-политическими потрясениями, обусловил особую остроту и полемичность в историографии. Изучение того, как менялись научные подходы к прошлому Чечни, позволяет отделить достоверное научное знание от идеологических конструкций и пропагандистских спекуляций, которыми была насыщена литература о крае в конце XX – начале XXI в. [10]. Чеченцы, будучи автохтонами Кавказа, прошли в своем историческом, политическом и культурном развитии длительный и сложный путь. Между тем в исторических, этнологических и политологических исследованиях до сих пор остается немало нерешенных вопросов, а сама историческая наука Чечни, хотя и зародилась еще в начале 1870-х гг. с публикацией очерка У. Лаудаева «Чеченское племя», остается сравнительно молодой [14: 4].

Степень научной разработанности темы определяется наличием широкого круга историографических работ, однако обобщающих исследований, посвященных историографии развития Чечни в целом, по-прежнему недостаточно. Чаще всего исследователи обращаются к историографии отдель-

ных сюжетов – Кавказской войны, вхождения в состав России, депортации 1944 г., а комплексный обзор всего поля научных представлений о прошлом края остается задачей, требующей дальнейшей разработки. Настоящая статья призвана в определенной мере восполнить этот пробел.

В развитии историографии Чечни принято выделять несколько этапов, отличающихся источниковой базой, методологией и идейной направленностью. Дореволюционная официальная историография, представленная преимущественно трудами военных чиновников и офицеров русской армии, отражала государственную точку зрения на события Кавказской войны, зачастую оправдывая насильственное покорение народов Кавказа с позиций великодержавного шовинизма [15: 253]. Вместе с тем именно в кавказоведческих сборниках и обобщающих трудах этого периода был накоплен значительный фактический материал, сохраняющий источниковедческую ценность и в настоящее время.

Советская историческая наука прошла сложную эволюцию. Первоначально исследование прошлого нахских народов, начатое в 1920–1930-е гг. усилиями лингвистов, археологов и этнографов (Г.К. Мартиросиан, Е.И. Крупнов, Б.К. Далгат, Д.К. Мальсагов и др.), было прервано почти на два десятилетия Великой Отечественной войной и депортацией чеченцев и ингушей 1944 г. [5: 34]. Восстановление Чечено-Ингушской АССР в 1957 г. привело к возобновлению исследований: в 1967 г. вышел первый том «Очерков истории Чечено-Ингушской АССР», в 1960–1970е гг. появились работы Е.Н. Кушевой, Н.Г. Волковой, Ф.В. Тотоева, Г.Д. Тогошвили и других ученых по этнической и социально-экономической истории народов Северного Кавказа [5: 41]. Своеобразным итогом развития советской историографии стал коллективный труд «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.», уделивший известное место и народам единой тогда Чечено-Ингушетии [12]. Однако в советский период господствовал классово-партийный принцип, прошлое чеченцев освещалось «крайне скупо, пристрастно», в русле концепции «добровольного вхождения» Чечено-Ингушетии в состав России [10].

Переосмысление советского научного наследия остается одной из важных задач современной историографии. С одной стороны, советская историческая наука накопила значительный фактический материал по археологии, этнографии и социально-экономической истории народов Северного Кавказа, сохраняющий свою ценность. С другой стороны, идеологические установки, определявшие интерпретацию этого материала, требуют критического пересмотра. Современная наука стремится отказаться от телеологических схем и оценочных клише, навязанных идеологией классовой борьбы [5: 34].

Качественно новый этап связан с институциональным оформлением исторической науки Чечни в постсоветский период. Важнейшую роль здесь сыграли создание Академии наук Чеченской Республики (далее – АН ЧР) и деятельность научных школ, сложившихся в Чеченском государственном университете им. А.А. Кадырова (далее – ЧГУ). Формирование научных школ выступает важнейшим условием перехода от разрозненных исследований к системному, обобщающему изучению истории края, о чем свидетельствует появление капитальных коллективных трудов по истории чеченского народа [4: 15].

Одной из центральных проблем современной историографии является вопрос об этногенезе чеченского народа. Фундаментальное значение здесь имеют труды Я.З. Ахмадова, в которых обоснован концептуальный вывод об особом значении XVI–XVIII вв. в истории Чечни как периоде, когда произошло становление чеченской нации с единым языком и этническим типом, единой религией и обществом с наличием основных черт национального самосознания [5: 4]. В монографии «Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках» автор показал, что формирование чеченского народа на базе единого нахского этномассива носило длительный многовековой характер [5: 5]. Дальнейшее углубление этой проблематики представлено в коллективном труде «История нахов Передней Азии, Кавказа и Чечни с древнейших времен до конца XV века» [6], раздвигающем хронологические рамки изучения этнической истории нахов. Концепция Я.З. Ахмадова получила развернутое обоснование в целой серии его работ, в том числе в монографии «История Чечни с древнейших времен по XVIII в.» [4: 15]. Важным направлением остается изучение социально-политического строя чеченского общества XVIII – начала XIX в., обстоятельно рассмотренного в работах Ш.Б. Ахмадова, который обосновал тезис о сложной социальной структуре и активных процессах государствообразования у чеченцев накануне и в начальный период Кавказской войны [3: 3].

Особое место в современной историографии занимает проблема глубинных истоков нахской этнической общности [6]. Именно эта проблематика стала одной из центральных на I Международном нахском научном конгрессе, где обсуждались вопросы связи нахских языков с древними языками Передней Азии и проблемы становления ранних государственных образований на Кавказе. В то же время часть исследователей предостерегает от удревнения этнической истории и от прямого отождествления современных народов с древними этнополитическими образованиями, подчеркивая дискуссионный характер ряда гипотез. Дискуссионным остается и вопрос о времени завершения процесса формирования чеченского народа, соотношении понятий «нахи», «вайнахи» и «чеченцы». Концепция Я.З. Ахмадова связывает завершение этноконсолидации с XVI–XVIII вв. и процессами миграций с гор на плоскость, распространением единого языка и ислама как факторов культурного единства [5: 4]. В современной историографии эта позиция в целом принята, хотя отдельные авторы относят окончательное оформление чеченской этнической общности к XIX в., что отражает сложность и постепенность этногенетических процессов.

Проблема периодизации истории Чечни занимает в современной историографии особое место. Если в советский период периодизация строилась преимущественно на формационной основе, то современные исследователи учитывают этнокультурную и политическую специфику развития края, выделяя такие рубежные этапы, как завершение формирования чеченского народа в XVI–XVIII вв., вхождение в состав России, советскую модернизацию, депортацию и последующее возрождение. Такая периодизация отражает стремление науки соединить общероссийский исторический контекст с региональной спецификой [7].

Наиболее полемичным полем историографии остается Кавказская война и связанный с ней процесс вхождения Чечни в состав России. В трудах

дореволюционных, советских и российских авторов оценки характера движения горцев кардинально различаются: от отрицания его народно-освободительного характера в официальной литературе до признания национально-освободительной борьбы горцев Чечни и Дагестана [15: 254]. Особое место в осмыслении этих сюжетов занимает монография В.Х. Акаева «Феномен Кавказской войны», сопоставившего разные концепции – великодержавно-шовинистическую, буржуазно-демократическую, марксистскую, либерально-демократическую, включая постмодернистскую интерпретацию, выявившего их методологические изъяны и достоинства [2].

Сравнительный анализ оценок Кавказской войны показывает, что в современной историографии сложилось несколько исследовательских подходов к определению ее причин, характера и хронологических рамок. Фундаментальным вкладом в изучение этого сюжета стала монография Ш.А. Гапурова «Чечня в период Кавказской войны (1818–1859 гг.)», в которой на широкой архивной основе проанализированы политика царской администрации на Северном Кавказе и ход военных действий на территории Чечни. Автор рассматривает движение горцев как сложное социально-политическое явление, не сводимое ни к чисто религиозному, ни к исключительно стихийному протесту [8: 12]. Ш.А. Гапуров обосновывает многофакторную природу конфликта, в котором переплелись социальные, политические, религиозные и внешнеполитические факторы. Он показывает, что политика царской администрации на Северном Кавказе нередко сама становилась фактором эскалации вооруженного противостояния [8: 12]. При этом подчеркивается, что военно-политическое противостояние не исчерпывало всего спектра русско-чеченских связей: параллельно развивались торговые, хозяйственные и культурные контакты, что позволяет говорить о сложной и нелинейной динамике взаимоотношений. Историческое развитие взаимоотношений Чечни и России прослеживается в обобщающем труде «История Чечни в XIX–XX веках» [7].

Современная историография стремится рассматривать события на территории Чечни в общекавказском контексте, в тесной связи с историей других народов Северного Кавказа. Такой подход позволяет преодолеть узкорегиональный взгляд и показать, что движение горцев было частью более широких процессов взаимодействия России с народами Кавказа. В то же время в литературе сохраняются дискуссии о терминологии – о правомерности понятий «Кавказская война», «национально-освободительное движение», «мюридизм», – что отражает незавершенность концептуального осмысления этого периода [15: 255].

Статистические и демографические аспекты положения чеченцев в составе Российской империи обстоятельно изучены З.Х. Ибрагимовой, показавшей на основе статистики 1860–1900 гг. динамику численности, хозяйственного уклада и административного устройства чеченского населения в пореформенный период [11]. Такого рода исследования смещают акцент с военно-политической истории на социально-экономическую и повседневную, отражая характерную для современной историографии тенденцию к расширению проблемного поля.

Отдельным крупным направлением стало изучение депортации чеченского и ингушского народов 1944 г. Становление историографии этой темы

приходится на рубеж 1980–1990-х гг., когда началось активное введение в научный оборот новых документов. Диссертация Р.С. Агиева стала первым в отечественной историографии комплексным исследованием проблемы, при этом подчеркивается, что 13 лет депортации (1944–1957 гг.) были «вычеркнуты из истории народа» с тяжелыми политическими, экономическими и социально-культурными последствиями [1: 4]. Автор последовательно изучает режим спецпоселений, а также процесс реабилитации и возвращения народов на родину после 1957 г. Социально-демографические последствия выселения, разрушение традиционного уклада рассматриваются в современной историографии как одно из ключевых событий всей новейшей истории чеченского народа.

Социально-экономическая история чеченского общества XVIII – начала XIX в. стала предметом специального изучения в работах Ш.Б. Ахмадова, который проанализировал формы землевладения, социальную стратификацию и общественно-политическое устройство чеченцев накануне и в начале Кавказской войны [3: 3]. Его выводы о сложной социальной структуре и о процессах государствообразования важны для понимания предпосылок последующих военно-политических событий и показывают, что к началу XIX в. чеченское общество обладало развитыми формами самоуправления и социальной организации.

Изучение истории Чечни новейшего времени осложняется тем, что вследствие двух военных кампаний край оказался в фокусе внимания не столько академической науки, сколько авторов квазинаучных и пропагандистских трудов противоположной направленности [10]. Поэтому современная научная историография акцентирует необходимость преодоления «маргинальной части» литературы, склонной к реанимации тезисов апологетов завоевательной политики или, напротив, к спекулятивным построениям [5: 5]. Комплексное исследование, охватывающее природу, население и новейшую историю края предложил, в частности, А.А. Головлёв [9]. Обобщающий взгляд на ход исторического развития края в XX – начале XXI в. представлен во втором томе коллективного труда «Истории Чечни с древнейших времен до наших дней» [13]. Появление таких трудов свидетельствует о переходе исторической науки Чечни от изучения отдельных сюжетов к попыткам целостного осмысления всего исторического пути чеченского народа как неотъемлемой части истории народов России.

Проведенный обзор позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, современная историография исторического развития Чечни сформировалась в результате длительной эволюции подходов – от идеологизированных дореволюционной и советской концепций к постсоветскому методологическому плюрализму. Во-вторых, ее проблемное поле структурируется вокруг нескольких узловых сюжетов: этногенез и складывание чеченского народа, Кавказская война и вхождение в состав России, депортация 1944 г. и новейшая история. В-третьих, важнейшим достижением последних десятилетий стало создание обобщающих трудов на широкой источниковой базе, прежде всего благодаря научной школе АН Чеченской Республики и научным коллективам ЧГУ. В коллективных обобщающих трудах нашла выражение тенденция к переходу от фрагментарного изучения отдельных сюжетов к

целостному научному осмыслению всей истории края. В-четвертых, в современной историографии произошел отказ от однолинейных идеологических схем в пользу многофакторного объяснения исторических процессов, а проблемное поле расширилось за счет социально-экономической, демографической и культурной истории. В-пятых, вопросы этногенеза, характера Кавказской войны и оценки новейшего периода остаются дискуссионными и требуют дальнейшей разработки. Вместе с тем формирование целостной научной концепции истории Чечни нельзя считать завершенным. Сохраняется потребность в дальнейшем введении в оборот архивных материалов, в критическом преодолении как апологетических, так и националистически ангажированных трактовок, а также в развитии сравнительно-исторических исследований в общекавказском и общероссийском контексте.

Источники и литература

1. *Агиев Р.С.* Трагедия чеченского и ингушского народов в 30–50-х гг. XX века: депортация, спецпоселения, реабилитация: автореф. дис. … канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2000.

2. *Акаев В.Х.* Феномен Кавказской войны: анализ старых и новых концепций. Ростов-на-Дону, 2016.

3. *Ахмадов Ш.Б.* Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века (Очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства). Грозный, 2002.

4. *Ахмадов Я.З.* История Чечни с древнейших времен по XVIII в. М., 2001.

5. *Ахмадов Я.З.* Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. М., 2009.

6. История нахов Передней Азии, Кавказа и Чечни. М., 2019.

7. *Ахмадов Я.З.,* Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX–XX веках. М., 2005.

8. *Гапуров Ш.А.* Чечня в период Кавказской войны (1818–1859 гг.). Грозный, 2016.

9. *Головлёв А.А.* Очерки о Чечне (природа, население, новейшая история). Ульяновск, 2007.

10. *Журтова А.А.* Процесс вхождения народов Центрального Кавказа в состав России в отечественной историографии: дис. … канд. ист. наук. Нальчик, 2013.

11. *Ибрагимова З.Х.* Чеченцы в зеркале царской статистики (1860–1900). М., 2006.

12. История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. М., 1988.

13. История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. II. История Чечни XX и начала XXI веков. Грозный, 2008.

14. *Лаудаев У.* Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 6. Тифлис, 1872. С. 1–62.

15. *Товсултанов Р.А., Галимова Л.Н., Оздамирова Э.М.* К вопросу об историографии Кавказской войны // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 252–258.

Раздел 2. Эволюция институтов власти и государственное строительство на Кавказе (XVIII–XXI вв.)

А.Х. Абазов

Устойчивые и адаптивные институты российской государственности на Центральном Кавказе в последней трети XVIII – начале XX века

Статья представляет собой обобщение ранее полученных нами результатов изучения истории устойчивых и адаптивных учреждений российской государственности на Центральном Кавказе в последней трети XVIII – начале XX в. в рамках исторического институционализма. Анализ вопросов их эволюции позволяет выявить специфику имперского управления полиэтничным и поликонфессиональным регионом. На Центральном Кавказе в имперский период эти процессы имели некоторые особенности по сравнению с другими российскими окраинами, поэтому их исследование позволяет уточнить детали формирования механизма государства в этом регионе в переходные исторические периоды, связанные с вооруженными конфликтами, трансформацией основных сфер жизнедеятельности коренного населения и т.п. Проблематика исследования раскрыта в рамках двух последовательных этапов: с последней трети XVIII в. до конца 1850-х гг. и с начала 1860-х гг. до 1917 г.

В последней трети XVIII в. – конце 1850-х гг. в институциональном формате в административной системе Центрального Кавказа сосуществовали две модели управления: устойчивая, основанная на унифицированной имперской нормативно-правовой базе; и адаптивная, выработанная с целью поиска оптимальных механизмов интеграции порубежных «залинейных» народов в политико-правовое пространство России. К устойчивым учреждениям российской государственности на Центральном Кавказе этого времени условно отнесены крупные военно-административные структуры (например, Штаб войск Кавказской линии и Черномории, штабы войск отдельных дистанций Кавказской линии) и крупные политико-правовые образования (наместнические правления, губернии, области и т.п.), создававшиеся в кавказском регионе с последней трети XVIII в. в качестве институциональной основы для реализации имперской политики в южном направлении и относительно стабильно функционировавшие в течение длительного времени. К адаптивным – локальные временные переходные (иногда, пограничные) учреждения, деятельность которых выстраивалась на сочетании параметров имперской модели управления и традиционной соционормативной

культуры местного населения. В это время к ним относились учреждения локального судебно-административного контроля – приставские управления и временные пограничные суды.

Ключевая точка институционального закрепления устойчивых и адаптивных учреждений на Центральном Кавказе приходится на 1763–1793 гг., когда строительство крепости Моздок (1763), образование Кавказской губернии с центром в Екатериноградe и придание Моздоку статуса уездного города (1785) имплементировали на подконтрольную империи матрицу губернской реформы 1775 г., восходящую к петровским принципам административно-территориальной вертикали «губерния – провинция – уезд». А введение системы приставствского управления (кабардинского в 1769 г.; Калаусо-Саблинского, Калаусо-Джембойлукского, Ачикулак-Джембойлукского и Караногай-Етишкульского в 1793 г.) и временных пограничных судов (Моздокского верхнего пограничного суда и родовых судов и расправ в Большой и Малой Кабарде в 1793 г.) заложили основу для деятельности учреждений локального судебно-административного контроля на всю первую половину XIX в. При этом устойчивые административные структуры, как правило, выступали в качестве вышестоящих инстанций по отношению к адаптивным. В то время как в числе основных тенденций деятельности адаптивных учреждений этого времени были: назначение на должность приставов и председателей судов российских офицеров, включение в их составы представителей коренного населения (в некоторых случаях по результатам выборов на уровне своих общин и этнических сообществ), получение ими жалования из российской казны, возможность продвижения по карьерной лестнице, решение значительной части споров и конфликтов на основе норм обычного и мусульманского права и т.п.

Во второй половине XIX – начале XX в. становление и развитие институтов имперской государственности на Центральном Кавказе протекало в условиях перехода к военно-народному управлению и модернизации практически всех сфер общественной жизни местного населения. В результате административных преобразований конца 1850-х – начала 1860-х гг. была упразднена Кавказская линия, ликвидированы прежние приставства и временные пограничные суды, создана система военно-народных округов и административных участков, встроенная в вертикаль вновь образованной Терской области (1860), что отражало переход от политики косвенного управления к прямой унификации. В это время к числу устойчивых административных учреждений условно относились политико-правовые образования, созданные в рамках имперской модели управления, выступавшие фундаментом имперской политики в южном направлении и относительно стабильно функционировавшие на протяжении длительного времени: межрегиональные структуры управления (казенная палата, акцизное управление, управление земледелия и госимуществ, интендантское управление и др.) и областные профильные учреждения, которым делегировались полномочия по управлению отдельными сферами жизнеобеспечения населения (Терское областное правление, податное присутствие, дирекция народных училищ, областной народный суд и т.п.). Управление Терской областью было организовано по принципу строгой административной иерархии. Во главе

области стоял начальник в звании генерал-майора или генерал-лейтенанта. Округа возглавляли начальники – подполковники или полковники, а участки – майоры или капитаны. В свою очередь, перманентная реорганизация административно-территориального деления и ведомственной сети в Терской области являлась стратегией адаптации имперского ядра, при которой в некоторых случаях на окружном и участковом уровнях функции профильных учреждений (казначейства, полиция) инерционно и асимметрично возлагались на полифункциональные окружные и участковые правления. Все это определяло структуру устойчивых административных институтов на Центрального Кавказе в то время.

Адаптивные административные учреждения (учреждения локального судебно-административного контроля), относившиеся до 1858 г. к подведомственности начальников дистанций Кавказской линии, с переходом к военно-народному управлению составили институциональную основу для устойчивых административных институтов нового порядка: участков и наибств – новых административно-территориальных единиц в составе военно-народных округов. В числе собственно адаптивных в это время рассматриваются локальные структуры, наделенные временными полномочиями по адаптации коренного населения к имперской модели управления, деятельность которых основывалась на сочетании имперских управленческих принципов и институтов традиционной соционормативной культуры местного населения: аульные и межаульные сходы, общественные кассы, локальные судебные учреждения и прочие институты народного правосудия.

Во второй половине XIX – начале XX в. российские власти проводили целенаправленную политику по унификации и централизации адаптивных судебно-административных структур с целью их полной интеграции с политико-правовой системой империи, что характеризует их стремление к укреплению государственного контроля и унификации правового пространства Российской империи на южной ее окраине. Судебные институты эволюционировали от родовых судов к горским словесным судам, встроенным в общеимперскую вертикаль, но удерживавшим неформальные практики обычного и мусульманского права, что обеспечивало легитимацию народных форм решения споров и конфликтов через частичную конгруэнтность местной соционормативной среде. Институциональный изоморфизм выражался в интенсификации нормативной регламентации адаптивных структур (Положение об управлении Терской областью (1862), Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей (1870) и т.п.) с целью их постепенного приспособления к общегосударственным стандартам. Институты низового самоуправления, прежде всего сельские сходы или, например, Съезд доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ в Нальчикском округе Терской области, подверглись инкорпорации в административную вертикаль при сохранении широкой автономии в решении вопросов жизнеобеспечения.

Таким образом, исследование становления и развития устойчивых и адаптивных институтов российской государственности на Центральном Кавказе в последней трети XVIII – начале XX в. в рамках исторического институционализма позволяет выделить два качественных этапа, разли-

чающихся векторами интеграции коренного населения в административно-политическое пространство Российской империи. Для первого (с последней трети XVIII в. до конца 1850-х гг.) характерны: экстенсивная фаза расширения территориальной подведомственности этих органов власти за счет включения в состав империи новых территорий и народов; разработка и внедрение нормативных актов, регламентировавших деятельность учреждений локального судебно-административного контроля; финансово-экономическое обеспечение их деятельности; строительство военных укреплений и поддержание их боеспособности и т.п. В это время адаптивные административные структуры функционировали в большей мере по этническому признаку как институты-посредники с экстерриториальной юрисдикцией, совмещая широкие административно-судебные полномочия с сохранением некоторых институтов традиционной соционормативной культуры и созданием социальных лифтов для местных элит. Тогда как для второго (с начала 1860-х гг. до 1917–1918 гг.) – интенсивное формирование иерархии административно-территориальных единиц, когда в состав крупного политико-правового образования входила совокупность структур дробного порядка, насчитывавшая временами до 5 уровней с четким разграничением полномочий их начальства на каждом иерархическом уровне (для Центрального Кавказа по схеме – наместничество / область / округ или отдел / участок / населенный пункт). На протяжении всего пореформенного периода сохраняется институциональная дихотомия: устойчивый каркас военно-административной иерархии (область – округ – участок) дополняется адаптивными локальными институтами самоуправления и суда, чья легитимация по-прежнему опиралась на синтез имперского законодательства и некоторых институтов соционормативной культуры. Динамика развития областного аппарата демонстрирует асимметричную специализацию, при которой профильные учреждения (казначейства, жандармерия, статистические комитеты и т.п.) возникают на верхних этажах иерархии, в то время как на уровне окружных и участковых начальников сохраняется высокая степень функциональной концентрации власти у окружных и участковых правлений. В итоге институциональная траектория Центрального Кавказа представляла собой последовательную смену моделей управления, где устойчивые структуры задавали рамку формальной иерархии, а адаптивные обеспечивали инклюзию коренных народов, по мере укрепления государственного аппарата постепенно утрачивая свою специфику и территориальную экстерриториальность. Со временем архитектура управления приобретала централизованный характер на уровне нормативно-правового регулирования, однако допускала институциональную конверсию на местах, делегируя принятие специальных инструкций начальникам областей. Постреформенная институциональная среда Терской области представляла собой устойчивую рамку, заданную синтезом централизации устойчивых институтов аппарата государства с адаптивными механизмами, где традиционные акторы и нормы были конвертированы в инструменты имперской государственности в отношении территорий, состоявших на правах «особого управления».

В.М. Муханов

Д.А. Милютин на Кавказе: основные вехи

Крупный государственный и военный деятель империи Д.А. Милютин не нуждается в дополнительном представлении. Он был одним из наиболее известных военных министров России и плодовитым реформатором в эпоху царствования Александра II, инициатором и главным организатором проведения знаменитой военной реформы в России. Он руководил Военным министерством России в крайне непростой, турбулентный период – с начала 1860-х и по начало 1880-х гг., почти 20 лет.

К моменту своего назначения на министерский пост Милютин имел значительный военно-административный опыт, полученный, в первую очередь, на Кавказе. Он являлся видным участником Кавказской войны, за счет чего смог получить неформальный, но авторитетный статус кавказца. Последний ему удалось заработать в результате трех длительных командировок на Кавказ, в самый разгар Кавказской войны – рубеж 1830-х – 1840-х гг., середина 1840-х и вторая половина 1850-х гг. Обозначим три временных периода пребывания Милютина на Кавказе и службы в рядах Кавказского корпуса: 1839–1840 гг. – офицер в квартирмейстерской части штаба войск Кавказской линии и Черномории; 1843–1844 гг. – обер-квартирмейстер войск Кавказской линии и Черномории; 1856–1860 гг. – начальник Главного штаба Кавказского корпуса (с 1857 г. – Кавказской армии) [3: 2–4об]. В 1860 г. Д.А. Милютин покинул Кавказ и важный пост начальника Главного штаба армии и по приглашению императора отправился в столицу, где в 1861 г. возглавил Военное министерство.

Кавказские вояжи Д.А. Милютина крайне важны для его становления как военного деятеля, так и в деле получения разнообразного практического опыта. Командировки на Кавказ стали настоящим трамплином для всей его службы и неоднократно позволяли перезапустить фактически заглохшую в имперской столице карьеру.

Время пребывания Милютина на Кавказе захватило ключевое двадцатилетие в истории войны. Первая поездка молодого поручика совпала с эпохальным событием – экспедицией русских войск на Ахульго в 1839 г. и попыткой захвата имама Шамиля.

Целью экспедиции был объявлен аул Ахульго, бывший тогда резиденцией имама. Однако для того, чтобы обезопасить движение отряда от возможных ударов со стороны наиба Ташев-Хаджи, командующий Чеченским отрядом П.Х. Граббе решил нанести профилактический удар по Ичкерии [2: 1]. Первой целью стало укрепление, построенное горцами в урочище Ахмет-Тала, всего в 30 верстах от Внезапной. Части отряда моментально достигли его и после недолгого ночного боя взяли и уничтожили. Это стало боевым крещением поручика Милютина [1: 423]. В ту ночь в ходе боя за это укрепление Дмитрий Алексеевич получил не просто боевое крещение, но и пулевое ранение [5: 211]. В послужном списке Д.А. Милютина сухо зафиксировано: «В деле при урочище Ахмет-Тала, 10 мая того же 1839 г., ранен ружейной пулей навылет в правое плечо ниже плечевого сустава, с повре-

ждением кости» [3: 2]. Это стало первым и единственным ранением Милютина на Кавказе, полученным в первый день экспедиции в первом же бою с горцами. Впоследствии он признавался, что «этот первый шаг на боевом поприще не обошелся даром; но я почти радовался своей ране, которая не препятствовала мне оставаться в отряде и продолжать участвовать в военных действиях [5: 212].

Милютин особо отмечал, что как для новичка в военном деле «этот кратковременный пролог к предстоящей серьезной кампании был чрезвычайно интересен и назидателен. С первых же дней похода мне уже бросились в глаза многие слабые стороны нашего образа действий против горцев в тактическом отношении. Более всего поразили меня те невыгодные условия, в которых нашим кавказским войскам приходилось вести борьбу. Тут не выказывалось то превосходство, которого следовало бы ожидать от европейского регулярного войска над неустроенными толпами вооруженного населения; напротив того, превосходство было на стороне неприятеля, не только вследствие удобной для обороны местности, но и по инстинктивному умению горцев пользоваться ею, а в особенности по меткости их ружейного огня. Мысль эта еще более во мне утвердилась и развилась по мере дальнейшего участия моего в военных действиях» [5: 216]. Свои наблюдения и предложения он собрал воедино и превратил в отдельную записку под названием «О некоторых недостатках, замеченных в составе и устройстве отрядов, действующих против горцев, и о средствах к исправлению сих недостатков» [4: 61-73]. Она стала первой специальной работой Д.А. Милютина по кавказской тематике.

Молодой поручик, несмотря на ранение, остался в строю и смог поучаствовать в главной экспедиции Чеченского отряда 1839 г. на Ахульго. Последняя стала для Д.А. Милютина настоящей жизненной школой. Он участвовал во всех этапах борьбы за селение, от первого обложения и полной блокады, до захвата Ахульго и возвращения отряда обратно, в крепость Внезапную. Милютин обратил особое внимание на высокую цену, заплаченную русскими войсками за взятие столицы Шамиля: «Ахульго досталось нам дорогою ценою: за все время обложения и осады мы потеряли до 500 убитых и более 2400 раненых и контуженных; одних офицеров 23 убитых и 124 раненых» [5: 263].

В ходе экспедиции Д.А. Милютин вместе с топографом по поручению отрядного обер-квартирмейстера полковника И.И. Норденстама составил «подробный план осады Ахульго, с обозначением всех производимых работ и с объяснительным текстом». Норденстам также подал идею заняться подготовкой «материалов для исторического описания всей экспедиции Чеченского отряда», к чему Милютин, по собственным словам, «с удовольствием приступил» [5: 256]. По итогам первой поездки Д.А. Милютин написал свое первое крупное сочинение, ставшее впоследствии классикой отечественного кавказоведения – «Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане» [7].

После получения в начале 1840 г. известия о производстве в следующий чин – штабс-капитана – и назначения на открывшуюся должность дивизионного квартирмейстера 3-й гвардейской пехотной дивизии он покинул регион и продолжил службу в Петербурге. Главная награда за кавказскую команди-

ровку настигла Милютина уже по пути в столицу: 9 февраля 1840 г. он получил чин капитан [3: 2]. Он признавался, что «эта награда была существенным шагом в моем служебном положении; на целые три года я опередил моих сверстников [5: 289]. Это стало возможным благодаря благосклонному отношению к молодому офицеру корпусного командира – Е.А. Головина.

Вторая командировка Милютина на Кавказ (1843–1844 гг.) пришлась на самое горячее время – эпоху расцвета могущества имама Шамиля первой половины 1840-х гг., когда российское командование было поставлено в тупик новой агрессивной тактикой противника, теряло укрепления и несло большие потери в живой силе. Пребывание на Кавказе Милютина уже в чине подполковника и в должности обер-квартирмейстера войск на Кавказской линии и в Черномории пришлось на время между двумя провальными экспедициями русской армии – Ичкерийской экспедицией генерала П.Х. Граббе 1842 г. и Даргинским походом князя М.С. Воронцова 1845 г.

Сразу после приезда Милютин фиксирует изменение общей тактики действий русских войск на Кавказе: «после неудачных экспедиций 1841 и 1842 годов и вследствие поездки на Кавказ военного министра князя Чернышева, в Петербурге было решено испытать чисто оборонительный образ действий. Кавказскому начальству было предписано никаких наступательных экспедиций против горцев не предпринимать, а заниматься исключительно довершением или усилением обороны на наших линиях». После же первичного ознакомления с текущей ситуации в регионе он приходит к неутешительному выводу: «В течение трех лет со времени моего пребывания на Кавказе положение дел в крае чрезвычайно изменилось – и не к лучшему» [6: 28].

В 1844 г. он участвовал в подготовке и проведении экспедиции Чеченского отряда под командованием генерала В.И. Гурко, после которой уставший обер-квартирмейстер подал рапорт об увольнении с должности. Итогом второй поездки стал еще целый ряд записок и экспертных заключений Милютина. Главным документом того периода, однозначно, является записка с простым названием – «Мысли о различных образах действий на Кавказе», дописанная в Ставрополе в конце 1844 г. [4: 242–275] Этот документ можно оценить как итоговый для Милютина в прямом и переносном смыслах, так как в нем он подвел итог своим мыслям за два периода пребывания на Кавказе в составе Отдельного Кавказского корпуса.

Третья поездка Милютина охватывает время с 1856 по 1860 гг. Судьбоносным стал 1859 год, который завершил фактически 20-летний период знакомства с Кавказом и погружения в реалии Кавказской войны. Именно в указанный год он уже в генеральном чине и на ключевом посту начальника Главного штаба Кавказской армии участвовал в обложении аула Гуниб и пленении имама Шамиля, сыграв значительную роль в завершении войны на Северо-Восточном Кавказе. В конце 1860 г. Милютин поучаствовал в обсуждении и принятии общего плана действий Кавказской армии на Северо-Западном Кавказе, реализация которого закономерно привела к окончанию всей Кавказской войны.

Милютин, бесспорно, является одним из виновников завершения Кавказской войны, успех в которой привел его к вершине карьеры и пику известности. Блистательно проведенная операция по разгрому войск имама

Шамиля, приведшая к его пленению в ауле Гуниб в августе 1859 г., стала в значительной мере и заслугой Д.А. Милютина. Впечатляющая деятельность последнего, его старательность и системность в работе была отмечена его непосредственным начальником – наместником князем А.И. Барятинским, а также замечена и императором Александром II.

Следует признать, что третий этап деятельности Милютина на Кавказе стал настоящим трамплином для его дальнейшей карьеры. Приехав по приглашению князя А.И. Барятинского молодым генерал-майором в 1856 г., он буквально через три года смог праздновать победу над имамом Шамилем, окончание войны на Северо-Восточном Кавказе, получив впечатляющие награды – чин генерал-лейтенанта и весомое звание генерал-адъютанта императора [3: 5, 5об]. Завершение кавказской командировки стало знаковым и судьбоносным: он отправился в столицу, чтобы занять должность товарища военного министра, а фактически готовиться к принятию всего министерства (в августе 1860 г. он был официально назначен на должность товарища министра, в ноябре вступил в должность, а уже через год – в ноябре 1861 г. – занял министерский пост) [3: 5об]. Показательно, что с Кавказа, после крайне успешного периода своей службы он уехал прямо в военное министерство и возглавил его (по сути, стал отвечать за ключевое направление в империи, подчиняясь напрямую императору!).

Стоит подчеркнуть, что детальный разбор поездок Милютина и его богатого эпистолярного наследия представляется крайне важным как для биографии самого героя, так и для изучения истории Кавказской войны. Помимо феерической карьеры и солидного послужного списка, он оставил и богатое эпистолярное наследие, состоящее как из записок и особых мнений, так и разнообразной переписки с самыми различными людьми, начиная от членов императорской фамилии, наместников, командующих и губернаторов, и заканчивая маленькими, незаметными людьми на Кавказе. Богатейший личный фонд Милютина, хранящийся сейчас в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, дает прекрасную возможность ознакомиться с разными документами, вышедшими из под пера этого неординарного деятеля за две эпохи – императора Николая I и его наследника – императора Александра II. Документальной наследие, затрагивающее кавказскую проблематику, охватывает сразу несколько десятилетий, еще до министерской поры Милютина – 1830-е, 1840-е, 1850-е и начало 1860-х гг., и до сих пор ждет своего исследователя.

Источники и литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. IX. Тифлис, 1884.
2. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 169. К. 17. Д. 42.
3. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 169. К. 84. Д. 30.
4. Дмитрий Милютин о Кавказе: рапорты, записки, особые мнения. Сборник документов. М., 2024.
5. *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816–1843. М., 1997.
6. *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843–1856. М., 2000.
7. *Милютин Д.А.* Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. СПб., 1850.

О.В. Апанащенко

Женщины во власти на Кавказе: гендерные стереотипы и реальность в элитарных структурах (XVIII–XXI вв.)

Изучение гендерного измерения власти на Кавказе представляет особый интерес в силу уникального сочетания глубоко укоренившихся традиций, динамичных исторических процессов и современных вызовов. Традиционно являясь ареной сильных патриархальных устоев, регион тем не менее знал периоды, когда женщины играли значимую роль в политической и общественной жизни. Данное исследование ставит своей целью проанализировать устойчивые гендерные стереотипы, формирующие восприятие женского лидерства, и выявить реальные механизмы достижения и осуществления власти женщинами в различные исторические периоды.

В XVIII–XIX вв., в период активного формирования Российской империи и ее влияния на Кавказ, доминирующей моделью оставалось патриархальное устройство общества. Для большинства кавказских народов характерно четкое разделение гендерных ролей, где женщина в первую очередь ассоциировалась с домом, семьей и материнством. Публичная сфера, включая политику и управление, считалась преимущественно мужской территорией.

Тем не менее, даже в пределах этих жестких рамок, существовали исключения и механизмы, позволявшие женщинам оказывать влияние. Так, матери и жены влиятельных правителей, беков, князей или имамов зачастую обладали неформальной властью, выступая в роли советников, посредников или даже фактических регентов во время отсутствия или недееспособности мужчин. Знание обычаев, родственные связи и авторитет, основанный на статусе семьи, позволяли женщинам действовать в рамках «женской сферы влияния», оказывая воздействие на принимаемые решения.

Религиозно-культурный фактор оказывает существенное влияние на формирование гендерной асимметрии в кавказском регионе. В исламской среде исторически закрепилась устойчивая гендерная матрица, демонстрирующая резистентность к вызовам модернизации и глобализации.

Традиционная гендерная система детерминирована комплексом факторов: локальными этнокультурными паттернами, спецификой хозяйственного уклада и климато-географическими условиями.

Социально-экономические условия зачастую диктовали свои правила. В периоды войн, миграций или кризисов женщины могли брать на себя больше ответственности, занимая более активную позицию в управлении домашним хозяйством, земледелием и даже, в исключительных случаях, участвуя в защите своей общины [2]. Это, однако, редко трансформировалось в формальное занятие власти.

Советская эпоха принесла радикальные изменения в положение женщин на Кавказе, как и по всей стране. Идеология равенства полов, декларирование женской эмансипации и массовое вовлечение женщин в общественно полезный труд, включая политическую деятельность, открыли новые перспективы.

Женщины Кавказа активно участвовали в партийных и государственных структурах. Были женщины-депутаты, председатели колхозов, директора предприятий, руководители комсомольских и партийных организаций. Однако, на уровне высших элит, особенно партийных, сохранялся определенный «стеклянный потолок». Женщинам часто отводились роли в «женских» отраслях (здравоохранение, образование, культура) или в секторах, связанных с социальным обеспечением. Продвижение на высшие руководящие посты оставалось для них более сложным, чем для мужчин, во многом из-за инерции традиционных представлений о роли женщины в семье и обществе, а также из-за сохраняющихся в партийной номенклатуре установок.

Традиционные гендерные стереотипы, хоть и были формально отвергнуты, продолжали оказывать косвенное влияние. Общественное мнение, в том числе в национальных республиках, порой неодобрительно относилось к женщинам, слишком уж активно занимающим «мужские» позиции, особенно если это шло в ущерб семейным обязанностям. Это создавало двойную нагрузку для женщин, стремящихся сделать карьеру.

С распадом СССР и началом рыночных реформ на Кавказе произошли значительные перемены. С одной стороны, открылись новые возможности для индивидуальной карьеры, с другой – в некоторых сферах наблюдалось возрождение традиционных ценностей, в том числе в их консервативном проявлении.

В постсоветский период наблюдается феномен ре-исламизации, сопровождающийся возрождением ортодоксальных гендерных практик. Несмотря на трансформацию социально-экономических реалий, происходит ретрадиционализация общественных отношений, что приводит к консервации практик сегрегации и воспроизводству гендерного неравенства [2].

В исламской социокультурной парадигме наблюдается плюрализм мнений относительно роли женщины в публичной сфере. Представители официальных религиозных институтов (духовные управления мусульман, муфтияты) придерживаются эгалитарной концепции, признавая за женщиной право на полноценную общественно-политическую реализацию.

Представители официального духовенства транслируют либеральную интерпретацию гендерных ролей:

1. Муфтий Ростовской области Ф. Арсланов прямо указывает на допустимость политической карьеры для женщин вплоть до высших государственных постов: «Женщине заниматься политикой разрешено... И президентом она может быть» (цит. по: [3: 98]).

2. Ректор Дагестанского теологического института М. Садиков акцентирует внимание на фундаментальном равенстве перед Всевышним, ограничивая запрет лишь сакральной сферой имамата: «Женщина может осуществлять политическое руководство... Одно только женщина не может – быть имамом и муфтием» [3: 98].

3. Представитель Ингушетии Р. Мейриев декларирует принцип универсального равноправия с единственным исключением для высшего государственного поста: «Все человечество... перед Богом равны... Единственный пост, на который женщину не желательно ставить, – быть президентом» [3: 98].

В противовес этому традиционалистское крыло (имамы, шейхи) апеллирует к религиозным преданиям (хадисам), интерпретируя их как ограни-

чение женского доступа к рычагам верховной власти. Данная позиция аргументируется необходимостью защиты женской чести от тяжелого труда и ссылкой на хадис о том, что «потерпит убыток тот народ, который дал власть женщине». Хотя признается возможность участия женщин в социальной работе, доступ к высшему руководству исключается.

Наиболее консервативную позицию занимает А. Гаджимагомедов, полностью отрицающий концепцию гендерного равенства и редуцирующий роль женщины до функции хранительницы домашнего очага. В качестве исторического примера негативных последствий вовлечения женщин в политику приводится библейский сюжет исхода евреев из Египта.

При этом важно отметить, что классический ислам не предполагает тотальной дискриминации. Религия поощряет женское образование, закрепляет имущественные права женщин и регламентирует свободу брачного выбора. Сложившийся стереотип о бесправии часто является следствием не столько религиозной догматики, сколько архаичных патриархальных пережитков («пережитки традиционализма») и феномена радикализации (необоснованное объяснение шахидизма религией).

Положение женщин во власти на Кавказе на протяжении XVIII–XXI вв. демонстрирует сложную и противоречивую картину. От ограниченного, но значимого неформального влияния в традиционных обществах, через формальное расширение возможностей в советский период, к новым вызовам и неоднозначным результатам в постсоветское время. Гендерные стереотипы, укоренившиеся в социокультурном сознании, до сих пор остаются серьезным препятствием для полного и равноправного участия женщин в элитарных структурах Кавказа.

Несмотря на позитивную динамику, проблема эмансипации и гендерной социализации остается остро актуальной. Доминирование традиционного уклада и патерналистских установок в воспитании блокирует у значительной части женщин формирование субъектной позиции и представлений о доступных им социальных ролях. Как констатируют исследователи, фокус внимания женщин смещен в сторону базовых материальных потребностей («проблема пропитания»), а уровень правовой информированности существенно уступает показателям развитых стран. В связи с этим стратегической задачей становится выработка сбалансированной гендерной стратегии. Она должна интегрировать меры по повышению образовательного ценза и защите прав женщин, исключая при этом конфликт с традиционными духовными устоями. Ключевыми инструментами реализации данной стратегии должны стать системные гендерные исследования, программы просвещения и развитие институтов гражданского общества [1].

Тем не менее, реальность такова, что женщины демонстрируют способность к эффективному лидерству, умение справляться с самыми сложными задачами и вносить существенный вклад в политическое и социально-экономическое развитие региона. Преодоление устоявшихся гендерных предубеждений, создание благоприятных условий для профессионального роста и политического участия женщин, а также поддержание баланса между общественной и семейной жизнью – ключевые задачи для формирования действительно представительных и эффективных элит на Кавказе.

Источники и литература

1. *Клименко Л.В.* Современные тенденции динамики гендерных отношений на Северном Кавказе // Журнал по социологии и социальной атнропологии. 2012. № 2. С. 39–56.
2. *Сиражудинова С.В.* Гендерная система мусульманского общества: на примере республик Северного Кавказа // Женщина в российском обществе. 2021. № 1. С. 56–67.
3. *Сиражудинова С.В.* Гражданское общество, традиционализм и ислам на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 2012.
4. *Сланова А.Ю.* Особенности положения женщины в семье и обществе у народов Северного Кавказа в XVIII–XIX вв. // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2019. № 4. С. 60-71.

Н.Д. Николаенко

Служебная деятельность остзейского дворянина Константина Борисовича Рихтера на Северном Кавказе

В отечественной историографии до сих пор нет ни одной работы, которая бы была посвящена рассмотрению служебной деятельности офицера, занимавшего ответственные должности на Северном Кавказе – Константина Борисовича Рихтера. Поэтому автор, поставил перед собой цель, насколько позволяют рамки научной статьи, кратко проанализировать служебную деятельность, с момента поступления К.Б. Рихтера на воинскую службу и вплоть до его смерти, установить какими наградами он был удостоен, а также рассмотреть его происхождение и семейное положение.

Константин Борисович принадлежал к старинному дворянскому роду, который происходил от силезского уроженца Христофора Рихтера, служившего в Польше и возведенного в дворянское достоинство в 1569 г., один из сыновей которого переселился в Лифляндию [33: 822]. К.Б. Рихтер был внуком Лифляндского гражданского губернатора действительного статского советника Христофора Адамовича фон Рихтера [28: 214]. Родился в 1806 г. в семье военного. Его отец, лифляндский дворянин генерал-лейтенант Борис Христофорович Рихтер, занимал различные командные должности в русской императорской армии, участвовал в сражении при Аустерлице, Отечественной войне 1912 г., в Заграничном походе русской армии 1813–1814 гг., удостоен многих наград. 12 мая 1829 г. был назначен генерал-адъютантом к императору Николаю I [18: 534–535]. Матерью была Елизавета Ивановна, урожденная Герман фон Ферзен, дочь генерала от инфантерии, военного картографа Ивана Ивановича Германа фон Ферзена, по плану которого на Северном Кавказе были построены крепости Прочный Окоп, Георгиевск, укрепления по линии между Моздоком и Кизляром [2: 290–291].

У многодетной лютеранской семьи Рихтеров было шестеро детей [14: 307]. Обучение Константин проходил в Императорском Царскосельском лицеи, который успешно окончил в 1823 г. [11: 508]. 3 января 1824 г. по экза-

мену был произведен из воспитанников Царскосельского лицея в прапорщики, с назначением в 5-ю артиллерийскую батарейную роту лейб-гвардии [3: 5]. Началась воинская служба К.Б. Рихтера на территории Царства Польского, в Резервном корпусе войск, под начальством Великого князя Константина Павловича [1: 240].

По прошествии трех лет, 1 февраля 1827 г. прапорщик К.Б. Рихтер был переведен из 5-й артиллерийской батарейной роты лейб-гвардии в 3-ю легкую батарею конной артиллерии лейб-гвардии [19]. 22 августа того же года, за отличие по службе, его произвели из прапорщиков в подпоручики [20]. Весной следующего года принял участие в учениях лейб-гвардии Казачьего полка и гвардейской конной артиллерии. 7 апреля 1828 г. в числе прочих штаб и обер-офицеров, участвующих в учениях, ему было объявлено императором Высочайшее благоволение [21]. В 1829 г. служил в местечке Скерневице на территории Царства Польского, где в тот период времени была размещена его воинская часть [29: 131].

Высочайшим приказом от 4 февраля 1830 г. подпоручик 3-й легкой батареи конной артиллерии лейб-гвардии Рихтер был назначен на должность адъютанта к начальнику главного штаба Великого князя Константина Павловича, генералу от инфантерии графу Дмитрию Дмитриевичу Куруту [22]. Новым местом службы Рихтера стал город Варшава, где был расположен главный штаб Резервного корпуса войск. По-видимому, этому назначению поспособствовал его отец, который в 1829 г. служил в Варшаве на должности начальника Сводной гвардейской и гренадерской дивизии [29: 132].

В связи с началом мятежа в Польше в ноябре 1830 г. К.Б. Рихтер был направлен в состав действующей армии [30: 616]. Принимал непосредственное участие в боевых действиях против польских войск. Отличился, в числе других офицеров, проявивших отвагу на поле боя, был представлен к награде. Как говорится в наградном документе от 22 марта 1831 г., «в воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных ими в делах против Польских мятежников», был удостоен ордена Святой Анны 3-й степени с бантом [23]. Помимо ордена, за участие в боевых действиях был награжден Польским знаком отличия за военное достоинство 4-й степени и серебряной медалью с надписью «За взятие приступом Варшавы 25 и 26 авг. 1831» [12: 331].

По окончании боевых действий продолжил службу в составе той же батареи. Высочайшим приказом по артиллерии от 9 января 1832 г. с формулировкой «за отличие в сражениях против польских мятежников» Рихтера произвели в поручики [24]. Служил в 3-й легкой конноартиллерийской батарее лейб-гвардии до 16 апреля 1833 г. включительно. Высочайшим приказом по артиллерии от 17 апреля 1833 г. поручика Рихтера назначили адъютантом к командиру Отдельного Кавказского корпуса, генералу от инфантерии, генерал-адъютанту барону Григорию Владимировичу Розену [4: 259]. Так началась служба 27-летнего гвардейского артиллерийского поручика К.Б. Рихтера на Кавказе.

Первоначально Рихтер служил в Тифлисе. Приказом по артиллерии 28 января 1834 г. на вакансию был произведен из поручиков в штабс-капитаны [25]. Состоял адъютантом у Г.В. Розена вплоть до его увольнения с должности 30 ноября 1837 г. [5: 220]. Затем находился при Отдельном Кавказском корпусе, ожи-

дая нового назначения. Принимал участие в боевых операциях против горцев. За отличие, проявленное в ходе боевых действий с противником, Высочайшим приказом от 22 апреля 1838 г. император Николай I объявил Рихтеру Высочайшее благоволение [6: 287]. В целом за время службы адъютантом Г.В. Розена К.Б. Рихтер в 1834 г. был награжден иностранным персидским орденом Льва и Солнца 2-й степени с алмазами [31: 182]. 21 апреля 1835 г. за отличие по службе был удостоен ордена Святого Владимира 4-й степени [26]. 16 ноября 1837 г. «В воздаяние отлично-усердной и ревностной службы Всемилостивейше…» был пожалован орденом Святого Станислава 3-й степени [27].

13 февраля 1838 г., за отличие по службе, лейб-гвардии конной артиллерии штабс-капитан Рихтер был произведен в капитаны, с состоянием по кавалерии подполковником, и с назначением командующим 1-м Малороссийским казачьим полком [6: 108]. Направился в станицу Невинномысскую, где в тот период времени был размещен штаб полка. 22 апреля того же года принял полк от прежнего командира – полковника Александра Яковлевича Рашевского [16: 147].

Под командованием К.Б. Рихтера с 18 октября по 7 ноября того же 1838 г. 1-й Малороссийским казачий полк переместился с берегов реки Кубани на реку Терек, где и был расквартирован на постах в районе Военно-Грузинской дороги. Рихтер занимался обустройством малороссийских казаков на новом месте, от крепости Владикавказ, где разместился его штаб, и далее вверх по Тереку до селения Коби, а также в укреплениях Елизаветинском и Константиновском [16: 149–151].

В сентябре следующего года, находясь в Тифлисе, женился на дочери генерал-лейтенанта Петра Клавдиевича Мусин-Пушкина – Лидии Петровне. Граф Д.А. Милютин, приехав в Тифлис 26 сентября 1839 г., вспоминал: «Из числа многих новых лиц, с которыми довелось мне сойтись, особенно памятны мне… командир Малороссийского казачьего полка Рихтер (только что женившийся на красивой девице Пушкиной)…» [13: 275]. В браке у Константина Борисовича и Лидии Петровны родилась дочь, которую назвали Елизавета, крестили ее по православному обряду [32: 93–94].

В 1840 г. Рихтер командовал одним из сводных отрядов, предназначенным для действий против мюридов имама Шамиля на территории Чечни. 12 июля двинулся вверх по реке Ассе и нанес поражение противнику, который укрепился в селениях Шиналук и Гажир-Юрт. На следующий день взял селение Чиль-чихи. Затем прошел с боями через Гехинский лес, Урус-Мартан, Гойтинский лес и прибыл на реку Аргун, откуда через Хан-Калу 2 августа вышел к крепости Грозной, завершив военную операцию. 12 августа, командуя частью сил отряда, выступил из Кур-Юрта по направлению к селению Гажир-Юрт, участвовал в упорном бою с противником. 2 мая следующего 1841 г. был назначен командовать специальным отрядом для охраны и защиты работавших на полях горцев от возможного нападения на них мюридов [17: 204]. За отличие, оказанное в делах против немирных горцев, в Высочайшем приказе от 12 мая 1841 г. император объявил подполковнику Рихтеру Высочайшее благоволение [7]. 1 июля был поставлен во главе «летучего отряда», состоящего из линейных и малороссийских казаков, с целью предотвращения нападения противника на селения, расположенные

по рекам Сунжа и Терек [17: 205]. В следующем году его вновь привлекали для участия в боевых операциях против мюридов [17: 209]. 7 июня 1842 г. за отличие, оказанное К.Б. Рихтером в боях с противником, Николай I объявил ему Высочайшее благоволение [8: 210].

5 октября того же года приказом по кавалерии за отличие, проявленное в ходе боевых действий, состоящий по кавалерии подполковник Рихтер был произведен в полковники со старшинством с 6 августа 1841 г., и с утверждением в должности командира 1-го Малороссийского казачьего полка [9: 138].

В связи с назначением начальника Лабинской линии полковника Егора Егоровича Вильде начальником Кубанской линии было принято решение назначить на его место полковника К.Б. Рихтера. Высочайшим приказом от 22 декабря 1842 г. Рихтер был назначен начальником Лабинской линии, с состоянием по кавалерии [9: 231]. С 12 февраля по 22 февраля 1843 г. сдал дела по управлению полком новому командиру полковнику Михаилу Сергеевичу Ильинскому и выехал к новому месту несения службы [17: 202]. Занимал должность начальника Лабинской линии менее года. 8 ноября 1843 г. в связи с назначением начальника Правого фланга Кавказской линии генерал-майора Сергея Дмитриевича Безобразова состоять при Отдельном Кавказском корпусе, начальник Лабинской линии полковник К.Б. Рихтер был назначен исправляющим должность начальника этого фланга Кавказской линии [10: 169].

Служил в Прочном Окопе, где был расположен его штаб. Занимался обеспечением безопасности вверенного ему участка Кавказской линии, отражал нападения горцев, а также руководил нанесением превентивных ударов по территории противника. Так, 2 февраля 1845 г. он возглавил сводный отряд, состоящий из регулярной пехоты и линейных казаков для нанесения упреждающего удара по противнику, готовившего нападение на аулы и станицы Правого фланга. В результате этой военной операции неприятель был полностью разгромлен. Во второй половине июня и в июле того же года К.Б. Рихтер, командуя сводным отрядом, прикрывал возводимые на Лабинской линии казачьи станицы [15: 105–108]. В целом, в результате его деятельности обстановка на Правом фланге стала более стабильной. Как сказано в документе: «Вообще по благоразумным распоряжениям Полковника Рихтера, положение правого фланга никогда не было столь удовлетворительно как теперь». Дальнейшая служба К.Б. Рихтера во второй половине того же года была прервана в следствие геморрагического инсульта, который привёл в конечном итоге к смерти [15: 109]. Местом его последнего упокоения стало кладбище форштадта крепости, которая была возведена по проекту его деда и которая являлась последним местом его службы – Прочный Окоп. Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба Константина Борисовича, если бы не преждевременная смерть в 39 лет. Возможно, он бы дослужился, как и его отец, до генеральского чина, и далее бы обеспечивал надежную защиту вверенного ему участка Кавказской линии.

Таким образом, выходец из лифляндских дворян К.Б. Рихтер отдал воинской службе 21 год, из них 12 лет службе на Кавказе, прошел путь от прапорщика до полковника, занимал различные должности, зарекомендовал себя исключительно с положительной стороны, участвовал в боевых действиях в Польше и на Кавказе, был неоднократно отмечен императором, удостоен многих наград.

Источники и литература

1. *Висковатов А.В.* Хроника Российской Императорской армии, составленная по Высочайшему повелению. Ч. I: Гвардейские корпуса с состоящими при них войсками. СПб., 1852.
2. Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 7.
3. Высочайшие приказы о чинах военных январской трети 1824 года. СПб., 1825.
4. Высочайшие приказы о чинах военных январской трети 1833 года. СПб., 1833.
5. Высочайшие приказы о чинах военных с 1 июля по 29 декабря 1837 года. СПб., 1837.
6. Высочайшие приказы о чинах военных с 1 января по 30 июня 1838 года. СПб., 1838.
7. Высочайший приказ 12 мая 1841 г. Российская Государственная библиотека. URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007895245?page=172&rotate=0&theme=white (дата обращения: 10.07.2026).
8. Высочайшие приказы о чинах военных с 1 января по 30 июня 1842 года. [Б.м.], 1842.
9. Высочайшие приказы о чинах военных с 1 июля по 31 декабря 1842 года. [Б.м.], 1842.
10. Высочайшие приказы о чинах военных с 1 июля по 31 декабря 1843 года. [Б.м.], 1843.
11. *Кобеко Д.Ф.* Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. 1811–1843. СПб., 1911.
12. Месяцеслов или общий штат Российской империи на 1834. Часть первая. СПб., 1834.
13. *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816–1843. М., 1997.
14. Немцы России: энциклопедия: в 3 т. Т. 3: П-Я. М., 2006.
15. Обзор военных действий на Кавказе в 1845 году. Тифлис, 1846.
16. *Пономарёв Ф.П.* Материалы к истории Терских казаков. Малороссийский казачий полк // Терский сборник. Литературно-научное приложение к «Терскому календарю» 1903 г. Владикавказ, 1903. Вып. 5.
17. *Пономарёв Ф.П.* Материалы по истории Терского казачьего войска. 2-й Малороссийский полк // Терский сборник. Литературно-научное приложение к «Терскому календарю» 1904 г. Владикавказ, 1904. Вып. 6.
18. Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XIX вв.: альманах. Вып. 7. М., 1996.
19. Русский инвалид. 1827. № 31. 4 февраля.
20. Русский инвалид. 1827. № 214. 25 августа.
21. Русский инвалид. 1828. № 108. 28 апреля.
22. Русский инвалид. 1830. № 36. 7 февраля.
23. Русский инвалид. 1831. № 79. 31 марта.
24. Русский инвалид. 1832. № 10. 12 января.
25. Русский инвалид. 1834. № 28. 2 февраля.
26. Санкт-Петербургские Сенатские ведомости. 1835. № 21. 25 мая.
27. Санкт-Петербургские Сенатские ведомости. 1837. №51. 18 декабря.
28. Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб, 1888. Т. 62.
29. Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской армии, с показанием чинов, фамилий и знаков отличия. СПб., 1829.
30. Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской армии, с показанием чинов, фамилий и знаков отличия. СПб., 1831.
31. Список подполковникам по старшинству: исправлено по 17 февраля 1840 года. СПб., 1840.
32. *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Т. 2: Московский университет. Земство и Московская дума. М., 2010.
33. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1899. Т. XXVIA.

Е.А. Анищенко

Организационно-структурные основы продовольственной политики Российской империи на Центральном Кавказе в последней трети XIX – начале XX в. на примере Нальчикского округа Терской области

Статья представляет собой анализ иерархии органов государственной власти, включенных в реализацию продовольственной политики Российской империи на Центральном Кавказе на примере Нальчикского округа Терской области в последней трети XIX – начале XX в. Данные раннее проведенных нами исследований позволяют комплексно рассмотреть систему государственного управления продовольственной политикой на окраинах империи, ее акторов, диапазон их ответственности и полномочий, а также вертикальные и горизонтальные связи внутри нее.

К концу XIX в. в Российской империи была сформирована правовая база осуществления продовольственной политики. Она регулировалась целым блоком нормативно-правовых актов и включала в себя продовольственные уставы (1857 г., 1892 г.) [7, 9] и Временные правила (1900 г.) [4], Устав о питейном сборе 1876 г. [8], Положение о Главном интендантском управлении (1864 г.) [6], Положение о товарных складах (1888 г.) [3], мнение Государственного Совета о предоставлении Государственному Банку производить временно, при посредстве железных дорог, выдачу ссуд под залог хлебных грузов (1888) [1], мнение Государственного Совета о разрешении железным дорогам выдавать ссуды под хлебные грузы из эксплуатационных средств или при посредстве частных банков (1889 г.) [2] и др. Региональные аспекты реализации продовольственной политики были отражены в Указе об учреждении управления Кавказского и Закавказского края (1876 г.) и Учреждении управления Кавказского края (1888 г.) [5]. Эти и другие документы регламентировали деятельность органов государственной власти в сфере продовольствия, а также порядок их взаимодействия друг с другом и локальным населением.

В соответствии с нормативно-правовой базой обозначенное направление государственной политики на местах осуществлялось различными учреждениями власти. В ходе исследования нами была выявлена трехуровневая система со строго иерархичными связями, что отражалось в разнообразной делопроизводственной документации. Она включала в себя надрегиональный, областной и окружной уровни органов государственной власти.

Надрегиональный уровень был представлен такими учреждениями, как: Окружное интендантское управление Кавказского военного округа; Ставропольская губернская контрольная палата; Акцизное управление Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей (в дальнейшем Акцизное управление Терской и Дагестанской областей); Ставропольская казенная палата; Пятигорское и, в дальнейшем, Моздокское отделения казначейств в Терской области.

Областной уровень представляли Начальник Терской области, Терское областное правление и его структуры.

На окружном уровне вопросы продовольственной политики находились в ведении Нальчикского окружного правления, начальников участков округа, сельских и слободских старшин и станичных атаманов, а также локальных органов самоуправления – Съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ, сельских сходов и Кабардинской общественной суммы.

Окружное интендантское управление Кавказского военного округа находилось в подчинении Главного интендантского управления Министерства внутренних дел и отвечало за обеспечение вещевым, денежным, провиантским, фуражным и квартирным довольствием. Для решения задачи по обеспечению армии продовольствием окружное интендантство, с одной стороны, занималось сбором сведений о потребностях войск, расквартированных на Кавказе, а с другой – составляло планы по заготовлению продовольствия для войск и сметы цен, по которым должны были производится закупки. Мониторинг цен и количества продовольствия, которое можно было приобрести для казны, Окружное интендантское управление осуществляло на основании данных, поступавших из Терского областного правления в ответ на регулярные запросы. Как правило, запрашивалась общая информация о размерах посевных площадей, количестве посевов хлеба, о среднем урожае, о количестве хлеба, которое необходимо для обеспечения населения продовольствием, о торговле хлебом, в том числе о количестве торгуемого хлеба, месте и времени его продажи и способах его перевозки, а также прогноз на урожай хлеба, который диффенцировался по видам хлеба (пшеница, рожь, просо, ячмень, овес) и по способам его обработки (зерно, мука, крупы). Еще одну группу запросов составляла финансовая информация: рыночные и местные цены на хлеб и стоимость его перевозки. Результатом анализа полученных в течение года данных становились ежегодно публиковавшиеся планы по заготовке количества провианта и мешков для магазинов и частей войск Терской области.

Ставропольская губернская контрольная палата, как структура Министерства финансов, также запрашивала у Терского областного правления справочные цены на различные товары. На их основе эта структура назначала предельные цены на закупки продовольствия для действующей армии и утверждала подряды на продажу продовольствия для казны.

Ставропольская казенная палата также являлась подведомственным органом Министерства финансов. Она являлась финансово-налоговым органом Терской области и контролировала такие вопросы, как: доходные статьи казны, финансовая отчетность нижестоящих финансовых учреждений, поступления в подведомственных казначействах, своевременное поступление доходов в казну и их взыскание в случае неуплаты.

Основной статьей государственных доходов в рассматриваемый период составляли акцизные сборы, к которым относились сборы с торговли питиями, изделиями из вина и спирта, дрожжей, табака и сахара. За поступление этих налогов в казну отвечало Акцизное управление Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей. В его функции входили такие вопросы, как: учет налогоплательщиков, надзор за своевременным начислением и

уплатой акцизных сборов, взыскание недоимок и штрафов по акцизам; контроль за соответствием производства напитков нормам питейного устава.

Однако ни Ставропольская казенная палата, ни Акцизное управление Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей не получали доходы с питейного, соляного, табачного и сахарного сбора напрямую. Они поступали в местные финансовые учреждения – Пятигорское, а позднее Моздокское казначейства.

Органы государственной власти надрегионального уровня выступали координаторами имперской продовольственной политики в регионе, осуществляя свою деятельность во взаимодействии со структурами областного уровня. Начальник Терской области и Терское областное правление участвовали в этом процессе, организовывая прежде всего сбор и анализ учетных сведений структурных единиц области, в том числе и Нальчикского округа, по вопросам продовольствия для дальнейшего составления годовых отчетов. Эти отчеты освещали различные аспекты хозяйственной жизни округа, например: хлебопашество, скотоводство, пчеловодство, садоводство, огородничество, виноградарство и виноделие. Материалы отчетов позволяли оценивать эффективность принимаемых мер, определять необходимость развития тех или иных направлений хозяйства, а также обеспечивался финансовый контроль, и организовывалось сельскохозяйственное просвещение. Еще одним направлением деятельности Терского областного правления в сфере продовольствия было осуществление мер по полноценному включению населения области в социально-экономическую жизнь государства. Среди таких мер были: изучение силами областных агрономов традиционных способов хозяйствования местного населения, внедрение передовых сельскохозяйственных технологий, закупка для населения семян культурных растений и пород домашнего скота и др. Также Терское областное правление выполняло роль связующего звена между надрегиональными органами власти и непосредственными исполнителями их запросов – правлениями структурных единиц области.

Окружной уровень реализации продовольственной политики рассмотрен нами на примере Нальчикского округа Терской области. На этом уровне осуществлялся контроль за торговыми операциями в сфере продовольствия и учетная деятельность по сбору сведений о состоянии хозяйства в селениях и станицах округа. Регулярная переписка между властями округа и области была посвящена таким вопросам, как: посев и сбор урожая и развития скотоводства для обеспечения продовольствием населения; рост посевов кукурузы, пшеницы, картофеля и технических культур, которые в большинстве своем продавались за пределы округа; развитие новых способов хозяйствования; исполнение предписаний надрегиональных органов власти; погодные условия; нашествие сезонных вредителей сельского хозяйства и др.

Таким образом, реализация продовольственной политики Российской империи на Центральном Кавказе осуществлялась органами власти различного уровня в рамках строгой иерархии документооборота: надрегиональные органы власти направляли предписания и запросы в Терское областное правление, которое, в свою очередь, перенаправляло их низовой администрации. Ответный документооборот осуществлялся по такому же принципу. Рассмо-

трение этого процесса на примере Нальчикского округа Терской области дало нам возможность проследить вертикаль власти от общеимперского уровня, формировавшего политику в сфере продовольствия, до низовой администрации, выступавшей ее непосредственным исполнителем.

Источники и литература

1. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 14 июня 1888 г. «О предоставлении Государственному Банку производить временно, при посредстве железных дорог, выдачу ссуд под залог хлебных грузов» // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ)Собр. 3. Т. VIII. № 5348.

2. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 28 февраля 1889 г. «О разрешении железным дорогам выдавать ссуды под хлебные грузы из эксплуатационных средств или при посредстве частных банков» // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. IX. № 5727.

3. Высочайше утвержденное Положение о товарных складах от 30 марта 1888 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. VIII. № 5099.

4. Высочайше утвержденные Временные Правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей от 12 июня 1900 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XX. № 18855.

5. Между централизмом и регионализмом: административные преобразования на Центральном Кавказе в 70-х гг. XIX – начале XX в.: сборник документов. Владикавказ, 2014.

6. Положение о Главном Интендантском Управлении и Правила о переходе провиантской и комиссариатской частей от ныне существующего устройства к вновь устанавляемому от 12 июня 1864 года // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXIX. Отд. 1-е. СПб., 1867. № 41167.

7. Устав о народном продовольствии // Свод законов Российской империи. Т. XIII. СПб., 1857. С. 1–163.

8. Устав о питейном сборе [Высочайше утвержденный 4 июня 1876 г.]. СПб., 1876.

9. Устав об обеспечении народного продовольствия от 5 мая 1892 года // Свод законов Российской империи. Т. XIII. СПб., 1892. С. 1–42.

И. В. Лиджиева

О печати бакши донских калмыков: попытка институциональных изменений в начале XX в.[1]

В начале XX в. калмыцкое население, насчитывавшее 32 283 чел. [3: 81], компактно проживая в Сальском округе, несло военную службу в составе Донского казачьего войска. Условия расселения выступали одним из фак-

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации гранта, предоставленного Фондом содействия буддийскому образованию и исследованиям по теме: «Буддизм на донской земле: культурное наследие и традиции в XIX – начале XX века», эл. ссылка на грант: https://buddhistfund.ru/image/Победители%20конкурса%20по%20поддержке%20научных%20исследований%20по%20буддологии%20и%20переводов%20буддийских%20текстов%202026-1.pdf

торов сохранения этнической и конфессиональной идентичности. С начала XX в. главой калмыков-буддистов на Дону стал Менко Бакарович Борманжинов, один из авторитетных буддийских иерархов, сыгравший значительную роль в интеграции калмыков в общероссийское пространство, при этом сохраняя этноконфессиональную индивидуальность. С 1902 г. глава калмыцкого духовенства стал именоваться официальным титулом «Лама», вместо «Бакша», и назначаться высочайшей властью, т. е. императором [2: 314]. По утверждению офицера казачьих войск и исследователя буддизма Н.Э. Уланова, термин «лама» у калмыков прилагается только к имени главного священнослужителя [6: 8].

В 1913 г. во время очередной поездки в Санкт-Петербург первоиерарх донских калмыков М.Б. Борманжинов попытался решить ряд организационных вопросов, касающихся положения буддийского духовенства на Дону. Так, он обратился в Министерство внутренних дел, с инициативой об учреждении казенной печати по должности бакши донских калмыков с приложением ее эскиза. По кругу печати располагалось название должности, а в центре – государственный герб и изображение круга-кюрдэ, и бесконечно извивающихся нитей, согласно комментариям М.Б. Борманжинова, олицетворяющих «законченность учения Будды и символ вечности или вечного счастья, даруемого учением Будды» [5: 7–8].

Успешные предварительные переговоры позволили главе буддийского духовенства Дона по приезду домой, 27 июня 1913 г. подать прошение войсковому наказному атаману об учреждении казенной печати бакши (ламы) донских калмыков. Исполнение его должностных обязанностей сопровождалось выдачей официальных документов, например метрических выписей, оформление которых требовало заверение печатью. Согласно правовым нормам § 3 п. 8 временного положения, регулирующего правовой статус духовного главы донских калмыков, в его юрисдикцию входили вопросы, связанные с правоотношениями в сфере семьи и брака, в том числе споры о степени родства, препятствующие бракосочетанию [1: 355].

8 августа 1913 г. областное правление Войска Донского, рассмотрев ходатайство бакши, сочло возможным удовлетворить его, установив печать, с изо-бражением по центру хурула, а по окружности надписи «Бакша (Лама) Донских калмыков» [5: 2]. Копию журнала Областного правления с принятым решением заверил своей подписью старший помощник войскового наказного атамана Войска Донского по гражданской части генерал-майор М. И. Туроверов.

17 августа войсковой наказной атаман генерал-майор В.И. Покотило обратился в Главный штаб с просьбой о содействии в удовлетворении прошения бакши Борманжинова, препроводив копию журнала [5: 1]. В свою очередь 27 августа Военное министерство для получения заключения по данному вопросу, направило копию журнального постановления в Министерство внутренних дел [5: 3]. В ожидании ответа главный штаб трижды обращался в департамент духовных дел иностранных исповеданий: 9 ноября 1913 г., 7 февраля и 30 апреля 1914 г. и только 7 июля 1914 г. за подписью Н.В. Плеве был подготовлен ответ. Выражая одобрение по поводу инициативы духовного главы донских калмыков, Н.В. Плеве предложил решить вопрос в законодательном порядке, ссылаясь на пробел в норматив-

ном правовом акте, регулирующем деятельность бакши донских калмыков. При этом, напомнив о пожеланиях М. Б. Борманжинова относительно эскиза печати, подчеркнул невозможность использования изображения государственного герба для духовного лица инославного исповедания, также, как и эмблемы ламайского культа для должностного лица [5: 8]. Товарищ министра внутренних дел предложил поместить только надпись: «Печать Бакши (ламы)Донских калмыков», без каких-либо изображений, по образцу печати, используемой ламой калмыцкого народа Астраханской губернии. Законодательный способ решения вопроса грозил затянуть его реализацию, так как предполагал длительный период согласования в разных инстанциях.

Данная ситуация демонстрировала двойственность политики имперских органов власти, при которой признание статуса духовного лидера буддистов сопровождалось сохранением административных ограничений. Министерство внутренних дел, отвергая использование и государственного герба, и буддийской символики, предложило максимально нейтральный вариант, что отражает общую установку на признание религиозных практик при одновременном контроле над их публичной репрезентацией.

Используя практику деятельности Министерства внутренних дел в отношении подведомственных ему учреждений, начальник казачьего отдела Военного министерства генерал-майор Е.Г. Гарф в служебной записке, адресованной Военному совету, изложив все обстоятельства дела в хронологической последовательности, при этом указав на «неоднократность повторений» по запросу, привел контраргумент на полученное заключение. Это возможность его разрешения Военным советом, без законодательного рассмотрения, как это было сделано Министерством внутренних дел в 1910 г. для общины духовных христиан хутора Полунина Астраханского казачьего войска, несмотря на то, что закон, устанавливающий порядок образования общины старообрядцев – сектантов, не предусматривает установление печатей.

В октябре 1914 г. канцелярия Военного министерства в лице начальника генерал-лейтенанта А.С. Лукомского дала разъяснения о возможности использования прецедента с печатью для общины хутора Полунина Астраханского казачьего войска – в порядке административной власти военного министра, «пользующегося в отношении области Войска Донского правами министра внутренних дел» [5: 13–13 об.].

В этом случае дальнейшего согласования требовал только эскиз печати, тогда как право пользования ею бакше предоставлялось в силу закона, согласно которому «всякое присутственное место должно иметь печать» [5: 18]. Исходя из указанных доводов, подкрепленных справкой с выдержками из законодательных актов, Е.Г. Гарф подготовил докладную записку на имя военного министра генерала от кавалерии В.А. Сухомлинова на рассмотрение и дальнейшее утверждение прилагаемого образца печати [5: 19]. И уже 12 октября 1914 г. военный министр утвердил прилагаемый образец печати бакши донских калмыков, о чем 15 октября был уведомлен войсковой наказной атаман Войска Донского генерал от кавалерии В.И. Покотило [5: 20, 21–22].

В фондах Новочеркасского музея истории донского казачества сохранилась печать бакши донских калмыков, сделанная из бронзы, высотой 2,9 см и диаметром 3,2 см. [4]. Печать датируется XIX в., что является оши-

бочным, потому как подобное оформление клише появляется только в конце 1914 г. [5: 20].

Однако, утвержденный вариант печати, прошедший многоступенчатый путь межведомственного согласования, не устроил М.Б. Борманжинова, стремившегося к отображению конфессиональной индивидуальности. Утвержденный образец символа имперской власти нивелировал этноконфессиональную специфику. Этот факт побудил М.Б. Борманжинова 5 апреля 1915 г. подать очередное ходатайство, в котором он, проявляя настойчивость, указал на существующую печать с изображением государственного герба у главы буддистов Восточной Сибири. Бакша (лама) донских калмыков стремится отразить буддийскую символику в дизайне своей печати, либо соотнести ее с образцами, принятыми у других буддийских лидеров империи [5: 24–24 об.]. Следует отметить, что по утверждению М.С. Уланова, во время посещения Борманжинова ургинского ламы Джебзун Дамба-хутухту ему был дарован титул Пандито [7: 107].

19 мая из Новочеркасска в Санкт-Петербург было направлено очередное ходатайство генерал-майора В.И. Покотило, о разрешении поместить в центре присвоенной бакше печати изображение государственного герба, или эмблемы ламайского культа, или же герба области Войска Донского. В пакет документов, направленный канцелярией атамана, вошло и упомянутое бакшей М. Б. Борманжиновым удостоверение гелюнга Нарни Николаевича Абушинова, с печатью хамбо-ламы, в центре которой был помещен государственный герб [5: 26].

На этапе согласования, 30 декабря 1915 г. свое одобрение высказало Министерство императорского двора, глава которого В.Б. Фредерикс отметил, что бакша является «должностным лицом, занимающим определенное положение» в имперской вертикали власти [5: 6].

Со стороны Министерства внутренних дел Н.В. Плеве 29 января 1916 г. отметил, что «в настоящее время препятствий не встречается», и счел наиболее «соответственным» выбор рисунка государственного герба на печати [5: 33]. Эволюция дизайна печати от полностью текстового варианта к образцу с государственным гербом демонстрирует компромисс, достигнутый в результате межведомственных согласований.

Окончательное утверждение образец печати состоялось 10 февраля 1916 г., когда военный министр, генерал от инфантерии Д. С. Шуваев наложил свою резолюцию «Утверждаю» на проекте печати. В принятом варианте, взамен утвержденного 12 октября 1914 г. министром В.А. Сухомлиновым, по центру помещалось изображение герба Российской империи в виде двуглавого орла, а по окружности наименование должности на русском языке – «ПЕЧАТЬ БАКШИ (ЛАМЫ) ДОНСКИХЪ КАЛМЫКОВЪ».

К сожалению, на данном этапе выявить документы бакши (ламы) донских калмыков с приложением печати, утвержденной Д.С. Шуваевым, выявить не удалось.

Таким образом, кейс с печатью позволяет увидеть, как на локальном уровне реализовывались общие принципы имперского управления, сочетавшие бюрократическую рационализацию с селективным допущением этноконфессиональной специфики. Ключевым актором рассматриваемо-

го процесса выступил бакша М.Б. Борманжинов, который последовательно отстаивал не только организационно-бюрократические потребности своей должности, но и право на символическое выражение конфессиональной и этнической идентичности.

Разрешение поместить на печати двуглавого орла можно трактовать как очередное признание статуса бакши в качестве должностного лица имперской системы управления, при этом символическая автономия буддийской общины оставалась строго дозированной.

Источники и литература

1. О временном положении о службе бакши (ламы) донских калмыков // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 1 марта 1881–1913 гг. Т. XXXI. Ч. 1. № 35 210. СПб., 1914.

2. *Максимов К.Н.* Калмыки в составе донского казачества (XVII-середина XX в.). Ростов-на-Дону, 2016.

3. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. XII. Область Войска Донского. СПб., 1905.

4. Печать бакши (ламы) донских калмыков // Новочеркасский музей истории донского казачества (НМИДК). Книга поступлений (КП) № 1677.

5. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 6202. Оп. 25. Д. 6202.

6. *Уланов Н.Э.* Буддийско-ламайское духовенство донских калмыков, его современное положение. СПб., 1902.

7. *Уланов М.С.* Андреева А. А. Буддизм и донские калмыки в социокультурном пространстве России // Новые исследования Тувы. 2021. № 2. С. 100–114.

Ж.М. Исмаилова

Влияние русской революции 1905–1907 гг. на социально-политическую активность губерний Южного Кавказа

Революция 1905–1907 гг. стала поворотным моментом для Российской империи и населявших ее народов. Ее влияние ощутимо сказалось и на социально-политической жизни Бакинской и Елизаветпольской губерний. В результате революции здесь произошло национальное пробуждение, активизировалась общественно-политическая жизнь и укрепились национальные идеи.

Изучение национальных традиций имеет ключевое значение для их передачи будущим поколениям. Это важно как с моральной, так и с историко-политической точек зрения. Особую актуальность для азербайджанской государственности представляет анализ событий рубежа XIX–XX вв., связанных с пробуждением национального самосознания и эффективной деятельностью в социально-политической сфере. Политическая активность того периода привела к созданию Азербайджанской Демократической Республики.

Русская революция 1905–1907 гг. стала катализатором для более решительных действий национальной интеллигенции. Эта революция побудила

интеллектуалов к практическим действиям. Изучение ее влияния поэтому приобретает особую важность. Несмотря на то, что тема затрагивалась в научных работах, посвященных национальному движению в Азербайджане, влияние революции 1905–1907 гг. не рассматривалось как самостоятельный предмет исследования. Основная цель данной работы – пролить свет на последствия этой революции для Азербайджана, осветить исторические события того периода и роль в них азербайджанской интеллигенции.

Начало революции и ее влияние на Бакинскую и Елизаветпольскую губернии. Культурные и социально-экономические меры, предпринятые после присоединения Северного Азербайджана к Российской империи, были направлены на объединение вокруг центра, что противоречило развитию национального самосознания населения. Однако со второй половины XIX в. произошло пробуждение национального самосознания, что привело к социально-политической активизации народов России.

В начале XX в. экономическое и социальное положение населения России вызвало недовольство и протесты. Одним из событий, усугубивших экономическую ситуацию, стала русско-японская война 1904–1905 гг. [3: 10]. События, происходившие по всей России, затронули и губернии Южного Кавказа. В декабре 1904 г. произошла крупная забастовка рабочих в Бакую. Эти протесты привели к революционным событиям в 1905 г. [1: 9]. Революция, начавшаяся с «Кровавого воскресенья» 9 января, быстро распространилась на Бакинскую губернию. Эти события стали логическим продолжением забастовок 1904 г. Накопившиеся экономические и социальные проблемы подтолкнули население к активной защите своих национальных интересов и требований [6: 98]. Введенное правительством чрезвычайное положение не смогло предотвратить революционные события, и царское правитель-ство решило смягчить обстановку.

Новый этап национально-освободительного движения. Царь Николай II объявил о создании Думы в августе 1905 г., а манифестом от 17 октября признал гражданские права – свободу слова, печати и совести. Эти решения стали важным этапом активного участия народных масс в общественной и политической жизни. Азербайджанская интеллигенция также воспользовалась смягчением режима. В 1905–1907 гг. народы России повели совместную борьбу за общую цель. В то же время российское правительство стремилось подавить революционные настроения среди мусульман [7: 26]. Когда революционные события достигли своего пика, мусульманские народы проявили солидарность в борьбе за свои права. Ярчайшим свидетельством тому стали решения, принятые на Всероссийском и Кавказском мусульманских съездах. Так, на Первом Всероссийском мусульманском съезде в 1905 г. было положено начало созданию «Мусульманского союза» [7: 84]. Главной идеей съездов было решение вопроса о равных правах с русскими в политических, экономических и религиозных вопросах. Участники заявили о своей поддержке реформ в указанных областях. Созданная организация была переименована в «Союз русских мусульман» и преобразована в политическую партию, а ее председателем был назначен А.М. Топчибашев, но в декабре 1907 г. Сенат отклонил заявку на официальную деятельность этой организации [7: 88]. В Елизаветпольской губернии в 1905 г. была основана партия «Дифаи» под

руководством А. Агаоглу. Она ставила своей целью защиту азербайджанского населения от нападений в период армяно-мусульманского конфликта 1905–1906 гг. и оказание помощи пострадавшим [7: 127].

Деятельность организации «Гуммет», основанной в 1904 г., расширилась после революции [5: 117]. Тесное участие одного из основателей «Гуммета» М.А. Расулзаде в создании Азербайджанской Республики, его жизнь в ссылке после захвата власти большевиками в Азербайджане в 1920 г. и прекращение деятельности «Гуммет» в том же году свидетельствуют о том, что эта организация служила национальным интересам.

В феврале 1905 г. в Гяндже был создан «Тюркский революционный комитет социал-федералистов». Эта организация требовала автономии для мусульманского населения Южного Кавказа. После Февральской революции партия расширила свою деятельность. В том же году была создана партия «Гейрат». «Гейрат» также поддерживал идею автономии и запомнился своими идеями, призывающими к прекращению межэтнических столкновений. Хотя ее деятельность была прекращена в 1908 г., после Февральской революции она была возобновлена как «Тюркская партия децентрализации» [5: 157]. В 1907 г. была основана организация «Оборона» [5: 159], возглавляемая Исмаил-ханом Зиядхановым. Он активно занимался просветительской пропагандой, призывая к пробуждению национального самосознания и борьбе за права народа. Инициаторами подобных партий, как правило, выступали представители интеллигенции и просвещенные деятели, которые вели национально-освободительную борьбу и стремились к созданию независимого государства.

Манифест от 17 октября 1905 г. стал катализатором развития национальной прессы. В этот период активно издавались такие газеты, как «Хаят», «Текамюль» и «Иршад». Знаковым событием стало решение, принятое в апреле 1905 г. по обращению А. Агаоглу, А. Гусейнзаде и А. Топчибашева: газета «Хаят» начала выходить на азербайджанском языке. Первый номер был напечатан 7 июня. При поддержке выдающегося азербайджанского нефтяного магната и мецената Г.З. Тагиева, издание «Хаят» продолжалось до 3 сентября 1906 г. [4: 64]. А. Агаоглу, покинув редакцию газеты «Хаят», основал собственное издание – газету «Иршад», первый номер которой вышел 17 декабря 1905 г. «Иршад» заняла видное место среди печатных органов, активно участвовавших в национальной борьбе. Выходившая до 25 июня 1908 г., газета вызывала обеспокоенность в правящих кругах. Это было связано не только с продвижением национальных идей, но и с пропагандой универсальных ценностей, таких как права человека. Султан Абдулхамид II также препятствовал распространению «Иршад» на территории Османской империи.

Журнал «Фююзат», издававшийся А. Гусейнзаде при финансовой поддержке Г.З. Тагиева, существовал с 1 ноября 1906 по 1907 г. Журнал освещал революции, происходившие в России, Европе и Османской империи, их последствия, а также пропагандировал применение европейских научных достижений при сохранении национальных ценностей. Журнал был закрыт, поскольку освещал национальные проблемы и поддерживал революционные события [4: 78].

Д. Маммадгулузаде и О. Неманзаде смогли получить разрешение на издание журнала «Молла Насреддин» в апреле 1906 г. В этом журнале в са-

тирическом стиле критиковались проблемы, препятствовавшие национальному развитию. Выбор такого стиля для пробуждения народа имел особое и уникальное значение. Журнал был приостановлен в 1912 г., его деятельность возобновилась после Февральской революции 1917 г. [4: 86].

В мае 1906 г. в Елизаветпольской и Бакинской губерниях состоялись выборы в Первую Государственную думу. Ее депутатами были избраны М. Алиев, А. Мурадханов, А. Топчибашев, Х. Бахадуров, И. Зиядханов и А. Хагвердиев [8: 106]. Вместе с представителями других мусульманских народов они объединились в мусульманскую фракцию. Председателем этой фракции был избран А. Топчибашев. Но Дума была распущена царем 9 июня. Вопросы, которые обсуждались в ней, беспокоили правительство, поскольку они отражали позицию народов по национальному вопросу и требовали признания национальных прав. А. Топчибашев и И. Зиядханов, подписавшие «Выборгскую декларацию» в знак протеста против роспуска Думы, были заключены в тюрьму на три месяца и лишены права быть вновь избранными [2: 21].

Вторая Дума функционировала с 20 февраля по 2 июня 1907 г. В ее состав были избраны 6 депутатов от Бакинской и Елизаветпольской губерниях: Ф. Хойский, И. Тагиев, М. Шахтахтинский, М. Махмудов, З. Зейналов. Вторая дума была распущена 3 июня 1907 г. [8: 164]. Х. Хасмаммадов стал единственным азербайджанским депутатом, избранным в Третью Государственную думу, чья работа началась 1 ноября 1907 г. В Четвертой думе, открывшейся 15 ноября 1912 г., интересы мусульман Южного Кавказа представлял М.–Ю. Джафаров [5: 171]. Оба депутата на протяжении своих полномочий активно отстаивали народные интересы, национальные права и выдвигали экономические требования к царскому правительству. Они выступали в защиту не только азербайджанского народа, но и всего мусульманского населения Российской империи. Однако предложения и требования, высказанные в Думе, оказались невыгодными для правительства. Поэтому они были распущены.

Русская революция 1905-1907 гг. стимулировала общественно-политическую активность в Бакинской и Елизаветпольской губерниях Российской империи. Несмотря на попытки правительства подавить протесты, уступки, сделанные под давлением общества, лишь ускорили этот процесс. В результате принятых решений важным этапом стало создание новых органов прессы, политических организаций, представительство народов в Думах и защита ими своих прав. Хотя царское правительство пыталось предотвратить эти изменения, оно не смогло им воспрепятствовать.

Источники и литература

1. *Кострикова Е.Г., Костриков С.П.* Хроника революции 1905–1907 гг. События, факты, свидетельства, комментарии. Ч. 1. 1905 г. Псков, 2010.

2. *Наджафова К.Т.* Участие интеллигенции в Азербайджанском национальном движении (1905–1918-е гг.): автореф. дис. д-ра философии по истории. Баку, 2015.

3. *Сайфутдинова О.Б.* Влияние революционного подъёма в России в начале XX века на национально-освободительные движение народов Центральной Азии // Номаи донишгоҳ = Ученые записки = Scientific Notes. 2018. № 3(56). С. 10–14.

4. *Aşırlı A.A.* Azərbaycan mətbuatı tarixi (1875–920). Bakı, 2009.
5. Azərbaycan tarixi yeddi cilddə, V cild (1900–1920-ci illər). Bakı, 2018.
6. *Baykara H.* Azərbaycanın istiqlal mübarizəsi tarixi. Bakı, 1992.
7. *Məmmədov X.M.* Azərbaycan xalqının milli istiqlal mübarizəsi (XIX yüzilliyin sonları-XX yüzilliyin əvvəlləri). Bakı, 2005.
8. *Məmmədzadə M.B.* Milli Azərbaycan hərəkatı. Bakı, 1992.

Т.Х. Матиев

Соотношение локальных и общероссийских факторов в становлении горского национального движения (весна–лето 1917 г.)

Февральская революция 1917 г в России, которую сегодня принято именовать начальной фазой Великой русской революции 1917 г., стала поистине глобальным фактором, оказавшим радикальное воздействие на развитие ситуации как в стране, так и в мире. Трудно переоценить ее влияние и на развитие общественно-политических процессов на национальных окраинах бывшей Российской империи.

Сделав одним из своих программных лозунгов предоставление нациям права на самоопределение, Февраль не мог не стать толчком к пробуждению национального самосознания многочисленных народов чуть ли не самой многонациональной империи тогдашнего мира. К такому пестрому в национальном и конфессиональном отношении региону как Северный Кавказ это относится в особенной степени.

Северный Кавказ и накануне революции отличался весьма сложной общественно-политической и социально-экономической ситуацией. Относительно недавно в историческом плане (всего чуть более полувека назад) ставший частью Российской империи, регион имел с особое значении в геополитическом, геоэкономическом и политическом смысле. В условиях начавшейся Первой мировой войны это значение еще более выросло. Но обострились и проблемы, которые и в мирное время здесь были острее, нежели в остальной России – прежде всего национальная и аграрная, тесно между собой взаимосвязанные. Как отмечают исследователи, с началом мировой войны хозяйство горцев подверглось таким испытаниям, которые им еще не приходилось переносить [8:26]. Поэтому, несмотря на то что горцы были избавлены от несения обязательной воинской повинности, они с не меньшим нетерпением, чем другие подданные империи, ожидали окончания надоевшей всем изнурительной и опустошительной войны.

Важнейшим общероссийским фактором, отражавшимся в полной мере на всех без исключения национальных окраинах, было безусловно, падение монархии и смена общественно-экономической формации. Это в самом деле было переменой, которая не случалась еще не только в истории малых народов, но и в истории всей страны. При этом мы оставляем за скобками тот факт, тогда еще не известный, что смена формации приобрела характер

не замены одного уже известного общественно-экономического формата другим, (что само по себе стало бы эпохальным явлением), но и поистине глобального значения изменением, выразившимся в переходе буржуазно-демократической в социалистическую революцию. Разумеется, это само по себе новое общественное явление не могло не повлечь за собой, как цепная реакция, аналогичные процессы по всей стране. Крушение прежних властных институтов, всей системы управления, привычного десяткам поколений, стало, наверное, самой важной и достойной упоминания в первую очередь формой изменений, принесенных с собой Февралем.

Этот фактор был тем более важен и действенен, чем разительнее был контраст между наступившим «праздником непослушания» и всем предельно регламентированным, противостоявшим всякому проявлению индивидуальной и групповой свободы укладу, веками господствовавшему в стремительно рушащейся на глазах миллионов ее обитателей империи.

Однако, разумеется, неверно было бы сводить весь фактор свободы – несомненно, ключевой в перечне перемен, принесенных Февральской революцией – к одному только упоению возможностью делать все, что прежде было немыслимо, и говорить все, что ранее было запрещено. И в отношении населения национальных окраин и конкретно Северного Кавказа, это было применимо в не меньшей степени, чем к жителям центральных губерний или, тем паче столиц. Пьянящее ощущение свободы смешивалось с озабоченностью выбора пути дальнейшего развития и даже страхом перед этим неизведанным и непохожим на то, что было привычным на протяжении веков будущим. Люди внезапно оказались лишены привычного щита – хотя одновременно выступавшего веками и в роли ярма – в виде прежних органов государственной власти и старой системы правопорядка. Но никуда не делись и не могли деться проблемы, которые они регулировали – от освещения улиц и сбора налогов до ловли преступников (задачи, в условиях горских областей Северного Кавказа, выражаясь словами В.И. Ленина, архиважной).

Замену – хотя бы временную – общество инстинктивно кинулось искать в лице маломощного еще по всей России, а в горских регионах – особенно, тонкого образованного слоя. Интеллектуалы в массе своей критически относившиеся к царскому режиму, и пребывавшие в предшествовавшие десять лет третьеиюньской монархии в массе своей в более или менее выраженной оппозиции к царизму, теперь представлялись естественными его преемниками как минимум на переходный период – даже не стань они явочным порядком такими преемниками в результате образования Временного комитета Думы, подавляющее большинство в котором заняли представители интеллектуальной элиты [1:43] (пусть попутно значительная часть их представляла и прежние имущие классы вроде дворянства или царской бюрократии). Поэтому не вызывает удивления тот факт, что у кормила власти после обвального крушения прежнего монархического строя, ставшего неожиданностью для тех, кто этого крушения столь долго добивался, стала как раз интеллектуальная элита.

Именно интеллектуалы – отчасти представители творческой интеллигенции, но в гораздо большей мере образованная часть прежнего царского управленского аппарата (юристы Б. Шаханов, Г. Баммат и П. Коцев, агроном В.

Джабагиев, журналист А. Цаликов и др.) составили социальный субстрат новой генерации временных горских властей, на короткий срок пришедшей на смену рухнувшему монархическому режиму [2: 112]. Именно они вошли в состав руководящих органов Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана, фактически ставшего в 1917 г. самой влиятельной политической силой в регионе, пусть и на короткий срок. Его организационное оформление произошло на Первом съезде горских народов Кавказа во Владикавказе 1 мая 1917 г. [7: 14]. Все это были люди высокой культуры, получившие классическое образование в лучших вузах России и Европы (Джабагиев, например, учился в Дерптским и Йенском, Баммат и Коцев – в Санкт-Петербургском, Цаликов – в Московском университетах, Шаханов – в Александровской военно-юридической академии) [6: 76], нередко знавшие по несколько иностранных языков. Их огромный интеллектуальный и творческий потенциал, наверняка, был бы востребован и принес огромные позитивные результаты в развитии их народов, если бы они смогли занять руководящие посты в структурах управления защищенной от потрясений сильной властью и развивающейся по пути поэтапной общественно-политической эволюции страны. Но Россия и тем более Северный Кавказ весны-лета 1917 г. представлял собой совершено иную картину.

Подобно Временному комитету Государственной думы, преобразованному во Временное правительство и быстро столкнувшемуся с полным несоответствием своих прекраснодушных иллюзий с суровыми реалиями разбуженной ими глухой хтонической народной стихии, кавказские интеллектуалы в кратчайшие сроки пришли к неутешительному для себя выводу, что их энтузиазм и эйфория, охватившие и их вместе со всем обществом в послефевральские дни 1917 г., в условиях Северного Кавказа имели еще меньше оснований , нежели в ситуации Центральной России.

Еще одной важной локальной особенностью, которая, опять же на первый взгляд могла считаться с таким же успехом и общероссийской, в условиях горских областей Северного Кавказа выступали аграрная и национальная проблема – вернее, не сами они по себе (как в таковых ни в земельном, ни в национальном вопросах ничего своеобразного не было – они были столь же остры для очень и очень многих других частей бывшей империи), а в их неразрывном и трудноразрешимом сплетении, которое как раз было характерно для горских регионов.

Если в других частях бывшей империи проблема земли состояла в основном в землевладении общины и ее взаимоотношениях с помещиками, то в кавказском варианте особенно важное значение имели отношения горцев и казаков. Именно привилегированное казачье землевладение было наиболее болезненным моментом как в земельном обеспечении горцев, так и в их ощущении своей ущемленности в правовом и политическом смысле. Обеспеченность казаков в станицах землей была на порядок выше, чем горцев в селениях. Все это создавало дополнительное напряжение, даже без учета того факта, что большинство станиц было основано на месте прежде существовавших горских селений и хуторов [5:34].

Криминальная активность, которая была в регионе весьма высока и в мирное время и упорно связывалась реакционной печатью и публицистами с якобы присущей горцами генетической склонностью к грабежам и

разбою, теперь в условиях постреволюционного хаоса и анархии приобрела характер настоящего бедствия. И вновь эта проблема, которая в тот момент была общей для всей России, в местных условиях оказалась тесно связанной с двумя уже названными выше бичами местного бытия – безземельем и национальными распрями. Нехватка земли толкала многих горцев, крестьян по своему происхождению и роду занятий, в ряды абреков, а всякое преступление, совершенное казаком против горца или горцем против казака, которое порой носило вполне бытовой характер, тут же получало национальную окраску и способствовало национальной мобилизации. Таким образом, сами по себе эти три проблемы, будучи каждая по отдельности общей для всей страны или большинства ее регионов, в условиях горской реальности представляли истинное триединство, неразрывно связанное и не могущее быть разрешено каждая по отдельности в отрыве от двух других.

Наконец, весьма важным отличием фона и особенностей формирования национального движения было наличие сразу двух его составляющих в виде светского и религиозного крыла. В принципе неоднородность революционного движения была опять же присуща всей стране – центристы, умеренные, правые и левые боролись за политическое влияние, и эта борьба все больше переходила в вооруженные и силовые формы. Однако, в условиях Северного Кавказа именно религиозный фактор приобрел весьма серьезное политическое значение, что было обусловлено, во-первых, большим влиянием института старейшин, которые одновременно чаще всего были и религиозными авторитетами; во-вторых, отсутствие образования у большей части населения и глубокое проникновение во все сфер горского общества религиозных норм делали его сильно зависимым в своих настроениях и предпочтениях от мнения духовенства.

В результате уже к моменту Второго съезда горских народов в аварском селении Анди в августе 1917 г. религиозные силы почувствовали себя настолько уверенно, что попытались совершись верхушечный переворот и привести к власти в Союзе горцев Северного Кавказа и Дагестана клерикалов под началом Н. Гоцинского [3: 90]. Однако в тот раз эта попытка не увенчалась успехом и фактически привела к срыву съезда, так что религиозные радикалы были вынуждены отыграть назад, заявив о том. что имели в виду только передачу своему ставленнику духовного лидерства среди мусульман региона и не претендовали на светскую власть [4: 210].

Таким образом, можно сделать вывод, что в период, непосредственно последовавший за Февральской революцией, на развитие горского национального движения на Северном Кавказе оказывал воздействие целый ряд факторов, как общероссийского, так и местного характера. При этом нередко местные и общероссийские факторы бывали настолько темно сплетены между собой, что их сложно было разграничить. Важнейшим фактором общероссийского масштаба был сам факт революции и смены общественного строя. Столь же универсальным можно считать невиданный подъем энтузиазма и эйфории как в элитах, так и в массах на фоне столь легкой и быстрой победы над самодержавием. Обстоятельствами, определявшими специфику строительства национального движения в регионе, были самые острые проблемы края, которые им предстояло решать – аграрная и национальная и если пер-

вая из них была общей для всей страны, то вторая, самым тесным образом с ней переплетенная в условиях такого пестрого в этноконфессиональном плане региона как Северный Кавказ, становилась чуть ли не ключевой. На эти два важнейших вопроса общественно-политического и экономического бытия региона накладывалась опять же тесно связанная с ними обеими проблема преступности, рост которой стал общим бичом все регионов России в послефевральский период, но в условиях Северного Кавказа приобретал еще и национальную окраску. Наконец, яркой особенностью местных условий, в которых пришлось возникло и развивалось горское национальное движение, стало наличие в нем мощной религиозной составляющей.

Источники и литература

1. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
2. *Даудов А.Х., Месхидзе Д.И.* Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924). СПб., 2009.
3. *Дзидзоев В.Д.* От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917–1924 гг.). Владикавказ, 2003.
4. *Доного Х.М.* Нажмуддин Гоцинский: общественно-политическая борьба в Дагестане в 1-й четв. XX в. Махачкала, 2005.
5. *Коренев Д.З.* Революция на Тереке. 1917–1918 гг. Орджоникидзе, 1967.
6. *Музаев Т.М.* Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа (1917–март 1918 гг.). М., 2007.
7. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская республика (1918-1920 гг.). Документы и материалы. Махачкала, 2013.
8. *Тусиков М.Л.* Ингушетия. Экономический очерк. Владикавказ, 1926.

М.С. Дириванкина

Советизация Кубано-Черноморской области на начальном этапе новой экономической политики

Советы как форма организации трудящихся впервые была апробирована во время Первой русской революции 1905–1907 гг. После революции 1917 г. и прихода к власти РКП(б) в соответствии с конституционными нормами на территории РСФСР–СССР власть принадлежала Советам. Окончательная победа большевиков в Гражданской войне во многом предопределила политическую судьбу Советов как органов местного самоуправления и средство воздействия РКП(б)–ВКП(б) на общество. Существенные изменения в выборных кампаниях произошли в 1920-х гг.

В начале 1920-х гг., столкнувшись с катастрофическими экономическими и социальными последствиями гражданского противостояния, большевики под воздействием роста повстанческого крестьянского движения вынуждены были изменить содержание своей внутренней политики на X съезде партии. Однако активное продолжение политики военного коммунизма негативно сказалось на электоральной активности населения, в

первую очередь, крестьянства. Это привело к падению авторитета Советов и массовому абсентеизму населения. Изменения произошли лишь с провозглашением нового курса «лицом к деревне». Следовательно, выборные кампании в Советы в этот период характеризовались двумя диаметрально противоположенными тенденциями, где большевики продолжали оказывать свое влияние на содержание выборных кампаний.

Для РКП(б) приоритетным вопросом в начале 1920-х гг. оставался продовольственный, поэтому советское руководство особое внимание уделяло выборам сельских Советов. Свое значение сохраняли сельские сходы, что формировало конфликт двоевластия в доколхозной деревне. Советская избирательная кампания в этот период приобрела свои характерные организационно-правовые признаки. Так, она осуществлялась открытым голосованием на собраниях, на которых могли присутствовать только те, кто имел право голоса и не был ограничен в конституционных правах. Кроме того, Конституция 1918 г. ввела ограничительные меры в отношении «чуждых», классовых врагов, а именно: лиц, использовавших наемный труд и живущих на нетрудовые доходы, торговых работников, служителей церкви и религиозных культов, а также бывших полицейских, жандармов и членов царствовавшей династии [12: 240, 252–257]. Такой ограничительный механизм, по мнению большевиков, обеспечивал им приоритетное представительство в Советах.

Изменения в порядке формирования и деятельности Советов определялись в дальнейшем на советских и партийных съездах. В конце 1920 г. VIII Всероссийский съезд Советов постановил производить регулярные перевыборы Советов на местах и их созывы [16: 1–5]. IX Всероссийский съезд Советов в декабре 1921 г. рассмотрел вопрос о сроках проведения выборов, которые должны были проводиться один раз в год [1: 51–52]. ВЦИК РСФСР перед каждой выборной кампанией 1920-х гг. издавали нормативные акты, которые служили основой для утверждения региональных инструкций местными органами власти [10: 150–153; 13: 344–347; 21: 117–118]. Очередная инструкция ВЦИК «О перевыборах городских и сельских Советов и о созыве волостных, уездных и губернских съездов Советов», утвержденная в августе 1922 г., установила единый срок начала и окончания выборов. Таким образом, в истории Советской России весь период 1920-х гг. запомнился ежегодным выборами и перевыборами в Советы.

Эта практика нашла свое применение на территории Кубани и Черноморья. Однако особенности землепользования, традиции самоуправления, сословный состав населения и высокий уровень товарности казачье-крестьянских хозяйств оказывали существенное влияние на ход и итоги выборных кампаний. Например, инициатива на местах по проведению летом 1920 г. выборов станичных Советов завершилась их отменой [5: 44 об.]. Причина столь радикального решения заключалась в позиции областной партийной организации, которая не желала терять контроль над местными органами власти. С другой стороны, ревкомы как основные органы революционной власти сохраняли свою актуальность. Еще с весны 1920 г. на Кубани действовало 320 волостных и станичных, 199 хуторских и аульных ревкомов [11: 10–11].

Процесс организованной и подконтрольной советизации казачьего региона начался осенью 1920 г. [19: 3] 20 октября 1920 г. Кавказское бюро ЦК

РКП(б) приняло решение о замене ревкомов Советами, что было поддержано I Кубано-Черноморской областной конференцией РКП(б), проходившей 31 октября – 1 ноября 1920 г. Но подготовительная работа велась с весны 1920 г., когда при Кубано-Черноморском комитете РКП(б) был создан отдел по работе в станицах. Активная деятельность была прервана неожиданным врангелевским десантом в конце лета, что вынудило областной комитет РКП(б) пересмотреть сроки проведения кампании по выборам в сельские Советы. После разгрома десанта работа была продолжена. Но надежды на доминирование депутатов-коммунистов в Советах не оправдались, а активность оказалась ниже ожидаемой, что свидетельствовало о переоценке большевиками своего влияния на сельское население Кубано-Черноморской области. Сдержанное признание казаками советской власти весной 1920 г. большевиками было ошибочно воспринято как их окончательная поддержка. Поэтому виновными в провале политической кампании признали местные избирательные комиссии.

По результатам выборной кампании в сельские Советы в депутатском корпусе преобладали беспартийные – 57,9%, но коммунисты ненамного от них отставали – 42,1% [3: 33, 33 об., 34; 20: 3а]. Явка избирателей по итогам кампании составила 36% [2: 38]. Такие результаты были объективными последствиями продолжавшейся политики военного коммунизма во всех сферах хозяйственной деятельности, особенно практики насильственного изъятия продовольствия. Сельское население на это ответило ростом повстанческого движения [22: 6]. Еще одним немаловажным фактом, на который обращали внимание сами большевики, оценивавшие ситуацию как критическую, это провал на выборах бывших членов ревкомов [4: 12].

Однако это не означало, что большевики отказывались от активного вмешательства в выборы, поэтому они продолжили усиливать свое партийное влияние. Советы превратились в один из «рычагов» партии в деле повседневного управления. Поэтому в 1921–1924 гг. функционирование Советов характеризировалось выполнением в основном подчиненных функций в системе партийно-государственного строительства, таких как налоговые и регистрационные.

Очередная выборная кампания в области прошла осенью 1921 г. Она была отмечена ростом активности зажиточной части кубанской станицы, но ее действия ограничивали инструкции ВЦИК и региональных органов власти. Запретительные меры Конституции и инструкций по выборам служили гарантией недопущения «враждебных элементов» в Советы. Выборы проходили в условиях роста повстанческого движения и активного применения частей Красной армии для усмирения станиц и сбора продовольствия. Население негативно реагировало на ход выборов, так как они были следствием реализуемой большевиками экономической политики. Переход к новой модели продовольственной политики весной 1921 г. не означал отказ от приоритетов политики военного коммунизма, которые находили свое практическое применение до 1922 г. Например, в станице Гривенской Тимашевского отдела в выборах приняли участие только 5% жителей. Остальная масса населения продолжала надеяться на возвращение казачь-ей власти и пополняла ряды бело-зеленых [9: 2].

В 1922 г. ВЦИК издал новые положения и инструкции о выборах в Советы [15: 172–177; 14: 1664–1677; 17: 37, 38]. Они существенно повлияли на ход политической кампании. Особенно выделяется расширение ограничительных мер в отношении определенных социальных групп. Действенным инструментом противостояния с «нежелательными элементами» в органах власти была практика проведения перевыборов. Но главным показателем роста доверия со стороны населения к Советской власти был уровень явки на выборные собрания и количество избранных коммунистов-депутатов. По результатам кампании на собрания пришли до 22% сельского населения области. Коммунисты же составили немногим более 6,1% депутатов в сельских Советах [23: 258]. Единые списки большевиков и комсомольцев не получали поддержку сельского населения Кубани и Черноморья.

Именно в ходе выборов 1922 г. наблюдался рост активности первичных структур РКП(б), но они оставались малочисленными и не могли кардинально изменить соотношении сил в кубанской станице. Опора на беднейшую часть сельского населения не обеспечивала политического доминирования большевиков. Многие бедняки и середняки сохраняли экономическую зависимость от зажиточных хозяйств, которые субсидировали их семенным фондом, орудиями труда и т.д.

По итогам избирательных кампаний самым многочисленным слоем населения, представленным в Советах, продолжало оставаться крестьянство – 83% (в 1921 г.) и 78% (в 1922 г.) [6: 22, 23]. Но сохранялась нежелательная для РКП(б) тенденция снижения избирательной активности сельского населения. Так, по Приморско-Ахтарскому району из 15 617 избирателей в выборах приняли участие 3 200 человек [8: 8].

Можно отметить ряд особенностей выборов в Советы 1922 г. Обязательным условием в формировании советских органов выступало наличие в волостных исполкомах, сельских советах и исполкомах членов РКП(б). Выборная кампания была единой по времени проведения на всей территории РСФСР (сентябрь – декабрь 1922 г.). Особое значение при формировании нового состава низового аппарата придавалось классово-пролетарскому подходу, что привело к росту числа лиц, лишенных избирательных прав [18: 66]. Была предпринята попытка предоставить избирательные права бывшим врангелевцам и участникам бело-зеленого движения. Вместе с тем Кубано-Черноморская областная избирательная комиссия 13 октября направила в районы под грифом «секретно» директиву с требованием лишить указанных лиц возможности принимать участие в выборах, тем более – быть избранными в местные Советы.

Существенным фактом, влиявшем на выборы, было сохранявшееся сопротивление бело-зеленых. Однако в 1923 г. основные очаги протестного движения на территории области были подавлены, население смирилось с военным превосходством Советской власти. Большевики более уверенно приступили к подготовке и проведению очередной выборной кампании, где смогли установить и в некоторой степени добиться результатов по явке населения на выборные собрания и процентам депутатов-большевиков. Для этого необходимо было ослабить экономическую зависимость бедняцко-середняцких слоев кубанской станицы от зажиточной части сельского насе-

ления. С этой целью активизировали работу по расширению списков лишенных избирательных прав. Например, в Краснодарском отделе из 279 931 чел., имевших право прийти на выборы, только 40 292 чел. воспользовались этим. Лишили избирательных прав 5 444 чел. По результатам выборов из 1 301 депутата до 40% были представлены коммунистами [7: 10].

Документы партийных органов свидетельствуют, с одной стороны, о постоянном наличии «кулацкой угрозы», с другой – демонстрируют приверженность большинства населения идеалам советской власти. Данная двойственность объясняется в первую очередь тем, что казачье-крестьянское население было недовольно не столько самим фактом наличия коммунистов или бедняков в сельсовете, сколько самой процедурой проведения выборов («твердыми» списками), при которой от сельских жителей ничего не зависело. В результате выборы становились лишь декоративной процедурой.

Партийный диктат усиливался, что сказывалось на методах и средствах проведение выборов. Кризис власти заключался в игнорировании экономических и политических интересов кубанских хлеборобов, которые желали их отстаивать в легальной борьбе в ходе выборов в Советы. Классовые принципы большевиков, используемые в ходе выборов в сельские Советы Кубани и Черноморья, проявлялись в традиционной ограничительной политике, зафиксированной в советском законодательстве. При этом явно выраженной антиказачьей политики в период выборов начала 1920-х гг. в регионе не отмечено.

Источники и литература

1. IX Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет. М., 1922.
2. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 1.
3. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 29.
4. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 173.
5. ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 3.
6. ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 254.
7. ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 500.
8. ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 605.
9. ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 708.
10. Декрет ВЦИК о сельских Советах (Положение) // Сборник декретов и постановлений по Народному комиссариату земледелия. 1917–1920 гг. М., 1922. С. 150–153.
11. *Иванцов И.Г.* Актуальные вопросы истории Кубани в документах комиссий внутрипартийного контроля ВКП(б). 1920-е – начало 1930-х гг. XX века. Краснодар, 2009.
12. *Кукушкин Ю.С.,* Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М., 1987.
13. Положение ВЦИК о волостных исполнительных комитетах. 18 марта 1920 г. // Декреты Советской власти. Т. 7. М., 1975. С. 344–347.
14. Положение о губернских съездах Советов и губернских исполнительных комитетах. 31 октября 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. Отдел первый. М., 1950. Ст. 907. С. 1664–1677.
15. Положение об уездных съездах, Советах и их исполнительных комитетах. 26 января 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. Отдел первый. М., 1950. Ст. 91. С. 172–177.
16. Постановление VIII Всероссийского съезда Советов о советском строительстве. 23 декабря 1920 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1921 г. М., 1944. Ст. 1. С. 1–5.

17. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.17. Оп. 60. Д. 152.
18. *Тютюник М.В.* Феномен советских избирательных кампаний 1921–1924 гг. (опыт Дона и Кубани) // Наука и школа. 2009. № 6. С. 65–66.
19. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 15.
20. ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 156.
21. Циркулярное постановление Президиума ВЦИК об организации городских Советов рабочих и крестьянских депутатов. 17 февраля 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. М., 1944. Ст. 71. С. 117–118.
22. *Яхутль Ю.А.* От военного коммунизма к расширению нэпа: проблемы переходного периода 1921–1924 гг. (на примере Кубани и Черноморья). Краснодар, 2024.
23. *Яхутль Ю.А.* Трансформация взаимоотношений власти с казачеством и крестьянством в Советской России 1921–1929 гг. (на примере Кубани и Дона). Краснодар, 2021.

Т.А. Булыгина

Становление советской системы управления регионами Северного Кавказа в контексте эволюции политики советской власти в 1920–1930-е годы: постановка проблемы

Качественное изменение условий интеграции Северного Кавказа в пространство Российской империи происходило еще в конце XIX – начале XX веков в условиях модернизации и новой волны урбанизации. Эти процессы на Северном Кавказе осложнялись традиционными формами общественно-политической жизни, аграрным характером региона, остротой национального вопроса, его окраинностью. По мнению одной из исследовательниц истории Северного Кавказа обновление управления Кавказским краем диктовалось также подъемом революционного движения [3].

Эти процессы получили неожиданный поворот в результате Первой мировой войны и Российской революции, который сочетал в себе как прагматические задачи строительства нового общества, так и идеологический контекст. Последний отражал смену доктринальных позиций от большевизма к сталинизму. Доставшиеся из прошлого проблемы интеграции Кавказа в живую ткань советской России, с одной стороны, переплетались с проблемами ломки прежних экономических, социокультурных политических устоев, к которым относилось и управление страной и регионами. С другой, одним из важнейших и наиболее действенных инструментов советской модернизации стала идеология, что не могло не сказаться и на формировании управления. Обратимся к определению А.А. Зиновьевым сущности идеологии, которая определяет не только роль идеологии в человеческом обществе, но и помогает понять функцию управления в любой сфере советского общества: ««Идеология не просто формирует и организует сознание людей,

она создает и навязывает людям определенные стереотипы (алгоритмы) сознания, появляющиеся в стереотипах поведения». Ученый тесно связывал идеологию с нуждами социума и считал, что она формирует сознание людей таким, «как это требуется интересами самосохранения общества» [5].

Поиски руководством Советского государства наиболее эффективных управленческих средств в 1920-е – начале 1930-х гг. объяснялись попыткой сочетать реальность и намерения, как форму планируемых властью процессов. На первом этапе создания системы управления на Северном Кавказе в основу был положен тезис большевистской доктрины «право наций на самоопределение», ставший впоследствии одной из основных идеологем советской политики. В начальный период становления советской политической системы, когда позиции советской власти были еще неустойчивыми, особенно на окраинах бывшей империи, эта идеологическая установка способствовала практической задаче большевистского руководства завоевать доверие автохтонных народов Северного Кавказа. Вот что надиктовал В.И. Ленин в заметке «К вопросу о национальностях или об „автономизации“» в 1922 г.: «…ничто так не задерживает развития и упроченности пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки «обиженные» националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства, хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки, к нарушению этого равенства своими товарищами пролетариями. Вот почему в данном случае лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить» [7: 360].

Однако на практике большевистским вождям был известен только опыт взаимоотношений имперского Центра и окраинного Кавказа, который большевики отметали как средство угнетения народов региона. Кроме того, в большинстве своем они не знали специфики Кавказа, абстрактно представляли себе местное традиционное национальное самоуправление. Поэтому конструирование структуры советского управления в 1920-е – начале 1930-х годов представляло собой путь проб и ошибок.

Эта проблема основательно разбирается в современной кавказоведческой историографии, к примеру, в основательной статье по истории формирования национальных автономий на Северо-Западном Кавказе [1]. Авторы подробно осветили не только объективные сложности политического и экономического характера на пути национально-государственного строительства, но и противоречия Центра, региональных властей и национальных элит: «В регионе тесно переплетались долгосрочные и краткосрочные проблемы, усугублявшиеся неумелыми действиями органов управления, представленных неопытными кадрами. В этих условиях советская власть вынуждена была корректировать содержание и формы национальной политики, исходя из ситуации на местах» [1].

Вопрос об идеологии как контексте государственного строительства хорошо просматривается на примере сравнения взглядов В.И. Ленина и И.В. Сталина на национальное строительство советской сраны. Как хорошо известно, накануне принятия Союзного договора о создании СССР план комиссии во главе с ее председателем И.В. Сталиным об автономизации был раскритикован В.И. Лениным. Как показала практика, расхождения в их

взглядах носили скорее тактический характер. Сталин исходил и из ситуации кануна Первой мировой войны, когда областная автономия народов, входивших в Российскую империю, была бы огромным прогрессом для унитарного государства. В.И. Ленин в ряде своих статей определил это положение на основе лозунга права наций на самоопределение вплоть до государственного отделения, одновременно ставя вопрос о его зависимости от конкретной политической и социальной практики в перспективе: «вопрос о праве наций на самоопределение непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации» [8: 59]. Ленин, в отличие от Сталина уловил эту разницу в ситуации, когда ряд наций империи после революции 1917 г. около 5 лет жили как независимые государства. Автономия для них оказалась пройденным этапом и могла вызвать, да и вызывала (пример Грузии) неприятие этой модели, но и объединение было необходимым и для восстановления экономики, и для ведения дипломатических связей с буржуазным миром, и для организации военной защиты советского типа этих государств. Поэтому Ленин и сформулировал тезис о создании Союза независимых советских государств. Сталин же считал, что главной формой объединения остается «областная автономия окраин, отличающихся особым бытом и национальным составом, как единственно целесообразная форма союза между центром и окраинами, автономия, долженствующая связать окраины России с центром узами федеративной связи. То есть, та самая советская автономия, которая была провозглашена Советской властью с первых же дней ее появления на свет, и которая проводится ныне на окраинах в виде административных коммун и автономных советских республик» [6].

Надо заметить еще тот факт, что Сталин не без оснований считал, что такое многонациональное государство на советской основе можно сохранить только при жесткой централизации управления. Поэтому в 1930-е гг., когда власть Сталина укрепилась, в практике управления стали проявляться признаки унитаризма, к примеру, делегирование союзными республиками полномочий ведения международной политики центральной власти. Главной же базой централизации составляющих частей СССР под властью Москвы был принцип сохранения единой коммунистической партии, которая была стержнем государства. Еще Ленин выступал категорически против создания национальных коммунистических партий. Чтобы более убедительно обосновать поворот к утилитарному государству, идеология замолчала о мировой революции, а Сталин объявил идеологему о построении социализма в одной стране, в окружении империалистического мира. Однако это все примеры из истории советской политической системы в целом, но вопрос о соотношении практики и идеологии в поисках и формировании советского управления Северным Кавказом и его частями затронут слабо.

Вторая проблема – комплексность исследования истории управления регионов в единстве его многообразных составляющих. Наиболее хорошо разработана история становления управления Северным Кавказом в целом: первые горские автономии, Юго-Восточная область/Северо-Кавказский край; Северо-Кавказский и Азово-Черноморский края, северокавказские автономии; Орджоникидзевский/Ставропольский и Краснодарский края с областными автономиями и северокавказскими республиками. Менее

разработана история советского управления, начиная с 1920-х гг., на Ставрополье. Этот регион, находящийся на северной окраине макрорегиона, характеризуется серьезными отличиями от Кубани, курортного предгорья и районов компактного расселения горских этносов и требует учета своей специфики при изучении его истории в целом, и истории управления, в особенности. Губерния, округ, районы и город Ставрополь в непосредственном подчинении краевому управлению, наконец, край с двумя областными автономиями – вот пунктир изменений административного управления региона. Рассматривая систему управления отдельных частей северокавказского макрорегиона в 1920-е – 1930-е гг., надо иметь ввиду и такую его часть, как Кавказские Минеральные Воды, история управления которыми начинается с первой половины XIX в. и носят специфический характер. Насколько острой была проблема организации управления Кавминводами, свидетельствует декрет СНК и ВЦИК от 15 сентября 1924 г. «Об урегулировании взаимоотношений Управления Кавказских минеральных вод и Терского окружного исполнительного комитета» [4]. Терский окружной исполком создал комиссию по реализации этого декрета, которая собиралась с 1 ноября 1924 г. по 18 марта 1925 г. [2].

Исходя из подходов новой локальной истории, пространство Северного Кавказа представляет из себя многообразие экономики, социокультурных черт, исторических контекстов и включает в себя множество локальных сообществ. Тем не менее, всем этим сообществам присуща северокавказская идентичность наряду с широкой сеткой идентичностей. Встает вопрос о тесном соседстве этих сообществ, об их взаимодействии, из которого вытекает вопрос о том, насколько проблема многообразия и единства учитывалась при становлении управления макрорегионом и его регионами, т.е. рассмотрение этой истории комплексно с использованием сравнительного анализа, чему и способствует новая локальная история.

Наконец, еще недостаточно изучены вопросы управления Северным Кавказом в 1920-е – 1930-е гг. в контексте исторической антропологии. В этом отношении продуктивно было бы использовать инструментарий биографики и просопографии. Определив группы управленцев: первые секретари крайкома на протяжении 20 лет, председатели крайисполкома, затем руководители краевых ведомств, губернские и окружные руководители и т.п., выявить все возможные архивные данные о них, а затем проанализировать их роль в становлении системы советского управления в макрорегионе. Это огромная работа, требующая применения современных интернет-программ и глубокого аналитического осмысления. Ведь только в Ставропольской губернии в первой половине 1920-х гг. выявлено минимум 9 фамилий первых лиц губернии – председателей ревкома, исполкома и руководителей краевой партийной организации [9].

Таким образом, несмотря на разработанность истории становления советского управления на Северном Кавказе, на периферии исторической науки осталось еще множество проблем, из которых мы выделили вопрос о влиянии идеологии на строительство управленческого аппарата в этом макрорегионе, характер и эволюция взаимодействия центральной региональной и местной управленческой системы в контексте принципов новой

локальной истории и, наконец, разработка антропологического подхода к проблемам управления. Очевидно, что данные вопросы могут успешно исследоваться в междисциплинарном пространстве.

Источники и литература

1. *Баранов А.В., Касьянов В.В., Яхутль Ю.А.* Формирование национальных автономий на Северо-Западном Кавказе в 1920–1924 годах // Научный диалог. 2021. № 11. С. 284–289.

2. Государственный архив Ставропольского края. Ф-Р. 1161. Оп. 1. Д. 1529.

3. *Дарчиева С.В.* Система управления Северным Кавказом в начале XX века: поиск новых методов и старые решения // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 11 (77). Ч. 2. С. 73–78.

4. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров «Об урегулировании взаимоотношений Управления Кавказских минеральных вод и Терского окружного исполнительного комитета». Утвержден 15 сентября 1924 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/358266-dekret-vserossiyskogo-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-i-soveta-narodnyh-komissarov-ob-uregulirovanii-vzaimootnosheniy-upravleniya-kavkazskih-mineralnyh-vod-i-terskogo-okruzhnogo-ispolnitelnogo-komiteta-utverzhden-15-go-sentyabrya-1924-goda#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 01.08.2026).

5. *Зиновьев А.* Идеология партии будущего // Центр гуманитарных технологий. URL: https://gtmarket.ru/library/basis/5623/5624 (дата обращения: 15.02.2010).

6. Из докладной записки Сталина Ленину по вопросу автономизации // Правда. 1920. № 226. 10 октября.

7. *Ленин В.И.* К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 т. 5-е изд. М., 1970. Т. 45. С. 356–362.

8. *Ленин В.И.* Резолюция летнего 1913 года совещания ЦК РСДРП с партийными работниками // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 т. 5-е изд. М., 1973. Т. 24. С. 57–59.

9. Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза. 1898–1991. URL: http://www.knowbysight.info/1_RSFSR/05102.asp (дата обращения: 31.07.2026).

В.М. Труфанова

Советизация южнороссийской провинции в 1920-е гг.: рабоче-крестьянская инспекция и повседневность ставропольских жителей[1]

Одна из главных идей марксизма-ленинизма о пролетарском самоуправлении получила законодательное закрепление уже в декрете Всероссийского центрального исполнительного комитета от 12 апреля 1919 г. «О государственном контроле», где прямо констатировалась новая проблема, стоявшая перед государственным и народным контролем: старый строй

[1] Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (№ 24-18-20073), https://rscf.ru/project/24-18-20073/

разбит, а вот бюрократы остались и распределились по учреждениям, принося за собой «дух косности и канцелярской волокиты, бесхозяйственности и распущенности» [12]. Спустя год идея социалистического контроля начала воплощаться в жизнь через реорганизацию государственного контроля в центре и на местах и создание Рабоче-крестьянской инспекции (далее – РКИ). Данный орган обладал тем же объемом прав и обязанностей, что и народные комиссариаты, что было закреплено декретом ВЦИК от 8 февраля 1920 г. «О рабоче-крестьянской инспекции» [13]. Так ключевая задумка В.И. Ленина о вовлечении пролетариата в реальное управление государством постепенно обретала практические очертания.

Рабочие и крестьяне, не имевшие ранее заинтересованности и практического опыта административной работы, с появлением РКИ обрели возможность участия в руководстве государственными структурами. Принцип такой работы был в том, чтобы предприятия, фабрики или заводы направляли рабочих (имевших право избираться по Конституции РСФСР и не занимавших управляющих или ответственных должностей) на временную работу в РКИ, при этом сохраняя за ними средний заработок и прежние условия труда. Выполнив обязанности инспектора, работник возвращался обратно на фабрику или завод, тем самым уступая место следующему рабочему, чтобы в конечном итоге все рабочие и работницы были вовлечены в работу РКИ [13]. Направленные на работу в РКИ сотрудники подразделялись на несколько категорий: 1) постоянные сотрудники, 2) фактические контролеры, 3) заведующие отделами в центре и на местах, ведущие самостоятельное обследование, 4) практиканты и 5) группы содействия. Таким образом, помимо внутренней структуры инспекции, на каждом предприятии, заводе или фабрике должны были создаваться дополнительные объединения [1: 25], своей деятельностью помогавшие работе РКИ и принимавшие участие в комиссиях [2: 245].

Перед РКИ стояли задачи: привлечение представителей пролетариата к надзору за государственными структурами; борьба с бюрократизмом через «летучие» (или внезапные) ревизии; контроль за исполнением декретов и приказов советской власти; прием и разбор жалоб и заявлений от населения о вопросах злоупотребления должностями; ликвидация ведомств, дублирующих функции друг друга; разработка и выдвижение предложений по упрощению советского госаппарата [13]. Фактически РКИ становилась своеобразным инструментом системного контроля над финансово-хозяйственной деятельностью вверенных ей учреждений, информация о нарушениях в которых могла сразу же передаваться в органы Народного комиссариата юстиции (Наркомюст) для последующих судебных разбирательств [11: 98]. Эти практические решения была направлены на воплощение в жизнь главного ленинского тезиса об управлении страной трудящимися [2: 1об.].

Однако на практике стройная в теории конструкция РКИ столкнулась с постреволюционными реалиями: продолжающейся Гражданской войной и последствиями политики «военного коммунизма». В результате изначальная задумка РКИ как «школы управления для рабочих» превратилась в прагматичную стратегию по получению дополнительных рабочих рук для нужд внутреннего контроля и фактически стала инструментом легитимизация советской власти [14: 133]. Механизм был прост: завоевать доверие

беспартийной части населения путем оказания реальной, пусть и маленькой помощи. Для привлечения внимания населения активно использовались популистские меры, среди которых как само название РКИ, адресованное конкретной социальной группе [14: 133–134], так и публикации в прессе: как гласил № 1 газеты «Известия Ставропольского губернского революционного комитета» от 1 июля 1920 г., «все добро, все хозяйство РСФСР принадлежит трудящимся и лишь рабочие и крестьяне имеют право контролировать свое собственное царство, свое Народное Хозяйство» [2: 1об.].

Ярким отражением этой тенденции служит опыт провинциального города, где изначальные замыслы РКИ вступили в противоречие с реальной практикой с первых месяцев. В городе Ставрополь в 1920 г. работу РКИ ограничивало сразу несколько факторов. Во-первых, остро стояла проблема коммуникации: удаленность от центра и продолжительность ожидания новых приказов, корректировок старых распоряжений и т. п. замедляли работу всех институтов власти на местах. Традиционные способы связи занимали много времени, а телеграф систематически выходил из строя. Помимо обычных технических сбоев в работе телеграфных линий, перед ставропольскими властями стояла и проблема так называемого саботажа со стороны населения. Степень умышленности таких случаев на сегодняшний день остается спорной, но не исключает и намеренной поломки кабелей с целью присвоения таковых для сельскохозяйственных и иных личных нужд [10: 205]. Несмотря на совместные усилия РКИ, милиции и добровольцев, а также жесткие карательные меры – наложение крупных штрафов (стоимость поврежденной части в стократном размере [10: 17]) и угрозы передачи властям причастных к поломке, поймать последних и восстановить телеграфную связь между Москвой и удаленными районами РСФСР удавалось не всегда. Борьба с нарушениями и хищениями телеграфных линий определила приоритеты деятельности губернских исполкомов, правоохранительных органов и РКИ на долгое время.

Во-вторых, местные власти нередко издавали свои распоряжения, идущие вразрез с указами центральной власти, что создавало дополнительную путаницу и усугубляло и без того сложную для рабочих бюрократическую машину. Особенно часто такие расхождения происходили в вопросах тарификации [4: 55]: в то время как советская власть пыталась унифицировать цены и проводить политику таксирования, на местах нередко вводились свои собственные тарифы заработной платы, стоимости продукции, рабочего времени, аренды помещений и прочего, что требовало от РКИ дополнительных усилий на противостояние такой «самодеятельности». Например, в соответствии с приказом ревкома от 10 марта 1920 г. № 14 многие организации должны производить покупки необходимой для работы продукции на крупные суммы строго под присмотром представителя РКИ [7: 8–8об.].

В-третьих, существенным недостатком была малочисленность сотрудников губернской РКИ на фоне колоссального объема возложенных на нее обязанностей. Помимо установленных декретом ВЦИК от 8 февраля 1920 г. «О рабоче-крестьянской инспекции» обязанностей, перед Ставропольской губернской РКИ стояли следующие задачи:

1. Основным видом деятельности оставались четыре вида ревизий: предварительная, летучая, последующая (или фактическая) и комплексная,

каждая из которых требовала непосредственного и часто длительного участия членов РКИ или мобильных групп. Множество трудностей возникало уже от предварительных ревизий (т.е. ревизий до совершения сделки), включавших личное участие представителя РКИ в освидетельствовании коммерческой деятельности предприятий и общественных коммерческих организаций, совершение сделок по реквизиции и передаче предметов или товаров в другие отделы или организации в пользование или хранение [3: 4–5]. Это требовало дополнительного времени ожидания для предприятий и необходимость рассчитывать подобные действия заранее, своевременно оповещая губернскую РКИ о направлении к ним своего представителя [8: 284]. Сложности возникали и со стороны комиссий на самих предприятиях, которые, несмотря на запросы организации и командирование члена РКИ, могли и вовсе не явиться на освидетельствование проводимой деятельности, тем самым тратя «непроизводительно массу служебного времени» как производства, так и без того «ограниченного малочисленностью штата инспекции» [2: 196].

2. Специфика южной провинции обязывала сотрудников РКИ обеспечивать контроль за единством кассы [2: 91], принимать участие в сборе информации и разборе спорных моментов при обмене предприятиями и гражданами аннулированных денежных знаков (деникинских, донских и пр.) [6: 9–16] часто становившихся причиной путаницы и несправедливости решений [2: 125]. Вследствие разбора случаев нецелесообразных трат, запрос средств также стал сопровождаться согласованием с губернской РКИ, которая со своей стороны должна была проверить важность цели запроса и при необходимости утвердить его [2: 94 об.];

3. Рассматривать и реагировать на объемный поток жалоб и заявлений граждан, в числе которых могли поступать и те, которые не относились к компетенциям РКИ. Без учета уездных и сельских заявлений, по городу Ставрополь ежемесячно в среднем поступало около 90 жалоб. Преобладали вопросы реквизиции и конфискаций, продовольственная дискриминация, жилищный вопрос и незаконные действия. Наибольшее число жалоб направлялось в адрес продовольственных органов и жилотделов соответственно.

4. Принимать участие в рейдах по борьбе с «вредителями» и хищениями (в т. ч. ранее упомянутая ситуация с телеграфными линиями) и контролировать направление штрафов в доход государства. Характерным примером такой работы служит распоряжение управляющего губернской РКИ о направлении сотрудника Самоварова в губернский отдел здравоохранения для расследования причин возникновения пожара и определение виновных [9: 38].

5. Исполнение роли агента продразверстки, требовавшего контроля за реквизицией имущества, продовольствия и скота, и направление таковых в государственное владение.

В-четвертых, накладывала негативный опечаток неопытность самих сотрудников РКИ в вопросах, не имевших отношения к их рабочей сфере. Подобный недостаток предполагалось решать запросом соответствующих специалистов из предприятий и фабрик для дальнейшего качественного осуществления поставленной задачи [2: 143]. Но не всегда работодатели удовлетворяли подобные запросы, аргументируя свой отказ отсутствием возможности замены сотрудника и производственной необходимостью.

В-пятых, существенную роль сыграл человеческий фактор на местах. Так называемые «пороки» имперского прошлого, борьба с которыми считалась одной из ключевых целей новой власти при воспитании советского человека, сохранялись и приобретали новые формы, как внутри самой РКИ, так и среди населения города в целом. В новых условиях старые городские элиты приспосабливались и продолжали извлекать выгоду из занимаемого ими положения в обществе и карьере. Так, к примеру, из заявления А. Ниточиева от 14 ноября 1920 г. (по старому стилю) в РКИ становится известно, что льнообделочная фабрика, как и многие другие предприятия, в преддверии новых советских праздников получали «праздничные пайки» на каждого рабочего. По установленной норме, каждый должен был получить по 100 папирос, 2 фунта хлеба и 11 фунтов столь необходимого для жизнедеятельности в 1920-х гг. керосина. На практике же, рабочие столкнулись с манипуляциями начальства, сократившего объемы перечисленной продукции, а где-то и вовсе не выдав даже в сокращенном объеме керосин, оправдываясь тем, то он «вытек» [5: 48–48 об.]. Утверждать о преднамеренном сокращении пайков в личных целях позволяет то же заявление, в котором сообщается, что часть пайков не распределялась среди рабочих, а хранилась на складах предприятия, приходя в негодность. Факт такого сокрытия ресурсов подтвердился устойчивым запахом пропавшего мяса из недораспределенных среди работников пайков [5: 48–48 об.].

Сущность рассмотренной проблемы сводится к противоречивости в деятельности РКИ как в центре, так и в провинции. Как показала практика, попытка создать институт временных контролеров среди рабоче-крестьянских масс столкнулась с имперским прошлым и советским настоящим, создав совершенно новые ментальные установки, направленные на выживание в сложившихся социально-политических условиях. Иными словами, старые практики расхищения ресурсов, кумовство, трата государственного бюджета на личные нужны, пьянство и многое другое успешно приспосабливалось в формировавшемся советском обществе.

Двойственность новой организации проявлялась и в ее восприятии населением губернии. С одной стороны, граждане активно обращались в РКИ для разрешения своих бытовых проблем (в т. ч. в части продовольственной и жилищной дискриминации), с другой – нередко сами становилось причиной дезорганизации работы всех государственных структур, в т. ч. в вопросах ее коммуникации. Все это говорит о сложном процессе столкновения советизации с формированием менталитета «нового человека», где практики выживания переплетались с новыми моральными категориями, создавая уникальный тип горожанина, лояльного политическому режиму, но в некоторых случаях готового использовать этот режим для реализации стратегии выживания в экстремальных условиях первых лет советской власти. На уровне городской повседневности оказалось, что РКИ утвердил советскую власть, но не через воспитание «нового человека», а через трансформацию практик выживания.

Источники и литература

1. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-151. Оп. 1. Д. 17.
2. ГАСК. Ф. Р-151. Оп. 1. Д. 25.

3. ГАСК. Ф. Р-151. Оп. 1. Д. 239.
4. ГАСК. Ф. Р-151. Оп. 1. Д. 246.
5. ГАСК. Ф. Р-151. Оп. 1. Д. 252.
6. ГАСК. Ф. Р-151. Оп. 1. Д. 265.
7. ГАСК. Ф. Р-151. Оп. 1. Д. 307.
8. ГАСК. Ф. Р-151. Оп. 1. Д. 336.
9. ГАСК. Ф. Р-151. Оп. 1. Д. 403.
10. ГАСК. Ф. Р-151. Оп. 1. Д. 408.
11. *Гулько А.Н.* Создание и направления деятельности наркомата рабоче-крестьянской инспекции в борьбе с хозяйственными правонарушениями в начале 1920-х годов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 61. С. 98–102.
12. Декрет ВЦИК № 122 «О государственном контроле» от 12 апреля 1919 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. URL: https://istmat.org/node/35807 (дата обращения:27.07.2026).
13. Декрет ВЦИК № 94 «О рабоче-крестьянской инспекции» от 08.02.1920 г. (Положение) // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. URL: https://istmat.org/node/41210 (дата обращения: 27.07.2026).
14. *Яковлева И.П.* Роль Рабоче-Крестьянской Инспекции в легитимации советской власти (по материалам работы органов РКИ Кубани в 20-х гг. XX в.) // Теория и практика общественного развития. 2013. №3. С. 133–136.

А.А. Панарин, Е.В. Панарина

Характер взаимоотношений между властью и сельским населением на Кубани в 1925–1927 гг.

Середина 1920-х гг. занимает особое место в истории советского общества. В это время были достигнуты заметные позитивные результаты в вопросах конструктивного взаимодействия между властными структурами и обществом, связанные с проведением новой экономической политики. В наибольшей степени это проявилось по отношению к преобладавшему в численности сельскому населению, что было особенно характерно для таких аграрных регионов страны, как Кубань. Выражением нового курса стал лозунг «Лицом к деревне», провозглашенный на октябрьском 1924 г. пленуме ЦК РКП(б). Решения пленума были направлены на усиление роли крестьянства в общественной жизни деревни, активизацию деятельности сельских Советов и вовлечение в их работу широких масс сельского населения [5: 301]. В условиях Кубани большое значение имело улучшение отношения большевистской партии к казачеству. В предшествующие годы казаки выражали острое недовольство действиями партийно-советских органов, что повлекло за собой широкое повстанческое движение.

По мнению Ю.А. Яхутля, его причинами стали «конфликт в решении земельного и продовольственного вопросов, активное продвижение новых форм местного самоуправления – советов, неоправдавшееся ожидание в во-

просе "самостийности", доминирование в советах и ревкомах бывших красноармейцев, вступавших в конфликт с традиционными укладами казачьей повседневности. Больше всего недовольство у казаков вызывала потеря сословных привилегий в землепользовании» [15: 94]. Стремление власти преодолеть былую вражду с казаками проявилось в политическом курсе «Лицом к казачеству», разработанном на апрельском 1925 г. пленуме ЦК РКП(б). Пленум выступил против игнорирования особенностей казачьего быта и применения насилия в борьбе с казачьими традициями. Было решено пересмотреть вопрос о лишении избирательных прав станичных и хуторских атаманов, и писарей, выборных лиц казачества, проявивших лояльность к Советской власти. Казачья интеллигенция должна была шире привлекаться в аппараты местных советских органов [5: 349–351].

В соответствии с решениями пленума, Северо-Кавказский крайисполком в августе 1925 г. принял постановление, в котором отмечалось: «Должно быть не только отброшено огульное недоверие и недоброжелательство ко всему казачеству, а тем более какое-либо ограничение или преследование казачества как такового, но и установлено самое внимательное к нему отношение» [4: 13].

Новые подходы партийного руководства к взаимоотношениям с сельским населением нашли отражение в ходе проведения выборов в местные Советы в 1924–1925 гг. Первый этап выборов, прошедший осенью 1924 г., показал низкую активность избирателей, что свидетельствовало об отсутствии поддержки действующей власти у большинства из них. Так, в Черноморском округе явка на выборы составила 23,5% зарегистрированных избирателей, в Майкопском – 33,2%, в Кубанском – 16,6% [10: 55–61].

Такая же ситуация была характерна для большинства регионов страны. В связи с этим, 29 декабря 1924 г. Президиум ЦИК СССР признал необходимым провести повторные выборы в тех районах, где явка избирателей была ниже 35%. Подчеркивалась также необходимость вовлечения в работу Советов широких масс крестьянства. На Кубани это выразилось в том числе в предоставлении избирательных прав казакам. Со стороны представителей партийной элиты осуществлялся строгий контроль за действиями местных органов в решении этой задачи. Например, в декабре 1924 г. народный комиссар Рабоче-крестьянской инспекции В.В. Куйбышев подверг критике партийно-советские органы Северного Кавказа за невнимательное отношение к вопросам предоставления избирательных прав представителям казачества [7].

С целью исправления ситуации ВЦИК РСФСР 26 января 1925 г. амнистировал репатриантов и до 40% так называемых «лишенцев». В одном только Кубанском округе были восстановлены в правах 8 531 из 16 257 «лишенцев», при этом более 300 из них весной 1925 г. были избраны членами станичных Советов [1: 187–188]. Прошедшие выборы отличались повышением уровня организованности и стремления участвовать в них сельского населения. Под руководством местных партийных органов была организована широкая агитационная кампания, в которой преобладали методы убеждения крестьян и казаков в необходимости участвовать в выборах. Важную роль в этом процессе играла сельская интеллигенция, в особенности учителя, а также представители различных общественных организаций: пар-

тийных, комсомольских, пионерских, женских, кооперативных и других. На страницах периодической печати регулярно публиковались различные агитационные материалы и статьи о ходе подготовки и проведении выборов.

Значение выборной кампании в вопросах усиления взаимодействия власти и сельского населения заключалось в обсуждении на предвыборных собраниях различных проблем, касающихся улучшения хозяйственного дела, развития социальной сферы сельской местности и деятельности местных органов. В ходе обсуждения отчетов сельских Советов крестьяне и казаки давали наказы, реализация которых способствовала социально-экономическому развитию сел и станиц Кубани. Причем наибольшая активизация политической активности произошла у казаков, доля которых среди участников собраний повысилась: в Армавирском округе – с 27,7 до 36,6%, в Кубанском – с 16,6 до 32,1%, в Майкопском – с 32,2 до 42% [1: 189].

Расширение возможностей участия сельского населения в выборах привело к выдвижению в качестве кандидатов многих авторитетных крестьян и казаков, не состоявших в партийных списках. В результаты доля коммунистов в сельсоветах Северо-Кавказского края уменьшилась с 27,2 до 12%, комсомольцев с 5,7 до 2,5%, служащих и представителей интеллигенции с 18,9 до 11%, иногородних крестьян с 72 до 51,9%. Вместе с тем доля беспартийных увеличилась с 67,1 до 85,5%, зажиточных с 0,4 до 6,7%. Доля казаков в сельсоветах Кубанского округа возросла с 32,3 до 52,2%, при этом они стали председателями 27,3% сельсоветов округа [1: 191]. Если в 1924 г. казаки в сельских Советах Северо-Кавказского края составляли до 28% депутатов, то в ходе весенних выборов в 1925 г. – 48,1% [16: 411].

Аналогичные процессы происходили на Кубани во время перевыборов в органы управления кооперацией. Основные задачи этой кампании были сформулированы в письме секретаря ЦК РКП(б) А.А. Андреева в ноябре 1925 г. местным партийным организациям, в том числе была подчеркнута необходимость привлечения к активному участию в выборах широких масс рабочих и крестьян, выдвижения из их числа наиболее способных в руководящие кооперативные органы [13: 8]. Соответствующие указания были даны руководством кооперативных союзов. Так, в письме Кубанского отделения Центросоюза обращалось внимание на безусловное обеспечение свободы выбора для членов ЕПО и недопустимость административного вмешательства при проведении избирательной кампании [11: 13]. Как и перед выборами в Советы, в кооперативных организациях вначале проводились собрания, на которых заслушивались отчеты правлений и проходило обсуждение насущных проблем, в ходе которых члены кооперативов высказывали предложения по совершенствованию организации работы. Заинтересованность членов обществ в улучшении кооперативного дела проявлялась в том, что многие собрания затягивались до полуночи, причем, они привлекали внимание жителей, не состоящих в кооперации, многие из которых затем вступали в ЕПО [2: 8].

В результате выборов, прошедших в конце 1925 – начале 1926 гг., в руководящие органы во многих кооперативах были избраны крестьяне и казаки, являвшиеся примерами образцового ведения хозяйства. В то же время члены кооперативов не оказали поддержки части коммунистов, которые не проявили себя в хозяйственных вопросах. Это привело к сокращению коммунистов

в руководящих органах кооперативов. Так, в Кубанском округе в результате перевыборов правлений потребительских обществ доля коммунистов сократилась с 23% до 19,6%, в ревизионных комиссиях – с 18,5%, до 16,5% [2: 1]. В составе самих кооперативов повысился удельный вес среднего и зажиточного крестьянства, казачества, представители которого ощущали поддержку со стороны органов власти. Так, в Кубанском округе в январе 1926 г. в составе сельхозкооперации середняки составляли 75,8%, зажиточные – 6,8%, а бедняки – 17,4% [6]. Руководство большевистской партии активно поддерживало крестьян и казаков, добившихся высокого уровня ведения культурного хозяйства, их поощряли и пропагандировали используемый ими опыт в ходе проведения конкурсов и выставок, а также на страницах периодической печати.

Ответной реакцией большей части крестьянства и казачества стала поддержка курса партии в деревни, о чем свидетельствуют многочисленные письма сельских жителей в руководящие органы партии и государства, представителям партийной элиты и в редакции различных периодических изданий. Повышение авторитета органов Советской власти проявилось в снижении популярности идеи создания крестьянских союзов. Например, в Армавирском округе на проводимых в 1922–1923 гг. конференциях беспартийных крестьян предложения по созданию таких союзов звучали достаточно часто, а в 1925 г. не были отмечены вообще [12: 170].

Наряду с этим у части сельского населения, в особенности казачества, либерализация проводимой политики стала восприниматься как проявление ослабления власти. В такой ситуации стали распространяться призывы к восстановлению прежнего атаманского правления, казачьего войска и былых привилегий казачества. В числе казаков и крестьян были также недовольные работой местных органов, препятствующих дальнейшему развитию хозяйственной и общественной деятельности сельского населения. Как отмечают Ю.А. Яхутль и В.В. Касьянов, «по мере развития курса "Лицом к деревне" требования зажиточной части крестьянства и казачества возрастали. В них открыто говорилось о неудовлетворительной работе местных органов власти, игнорировавших их интересы, звучали обвинения партийных ячеек в том, что те «часто командуют» [16: 411]. В связи с этим, в ходе предвыборной борьбы происходило составление альтернативных партийным спискам кандидатов и организация агитации в их поддержку. Например, в Темрюкском районе наиболее активные из агитаторов выступали под лозунгами: «советы без коммунистов» и «кооперация без коммунистов [8: 422].

Распространение оппозиционных настроений среди казачества и крестьянства в определенной степени спровоцировало отход руководства большевистской партии от курса либерализации проводимой в деревне политики. Сказалось также влияние в целом неудачных для партии выборов в сельсоветы и кооперацию, что вызвало у партийной элиты опасение ослабления руководящих позиций партии в деревне. Весна 1926 г. стала своеобразным рубежом в проводимой с конца 1924 г. политики «расширения НЭПа». С этого времени начинается ущемление интересов зажиточной части деревни и одновременно применение административных мер по усилению позиций коммунистов и бедноты в выборных сельских органах. Так, в соответствии с решением оргбюро ЦК ВКП(б) от 15 марта 1926 г. был зна-

чительно расширен круг лиц, лишенных избирательных прав. 28 сентября 1926 г. в принятой президиумом ЦИК СССР инструкции о выборах в советы эти ограничения распространялись на лиц, использующих наемный труд, торговцев и живущих на нетрудовые доходы [9].

Применение данных мер привело к существенному сокращению избирателей. В Кубанском округе количество «лишенцев» возросло с 7 819 до 31 238 человек [3: 66]. Отдельные партячейки и сельсоветы допускали откровенный произвол при лишении избирательных прав крестьян и казаков за недостаточную лояльность к действующей власти. Так, в селе Нагоровском Кубанского округа одного из крестьян лишили избирательных прав за критику недостатков в сфере школьного образования [8: 525]. Избирательные комисии также должны были учитывать указания органов ОГПУ, которые составляли списки лиц, подлежавших политической опале.

С учетом малочисленности коммунистов в деревне основной силой в упрочении положения партии здесь являлись активисты из состава организованных в октябре 1925 г. групп бедноты. Применяя различные меры административного давления, местным органам удалось существенно повысить удельный вес коммунистов и бедноты в сельсоветах при выборах в декабре 1926 г. – марте 1927 г. Соответственно сократилась доля казаков в их составе: в Кубанском округе – с 58 до 48,7%, а среди председателей советов – с 27,4 до 21,6%. По подсчетам ОГПУ «контрреволюционный актив» в станичных советах Северо-Кавказского края уменьшился с 1038 до 227 чел. [1: 198]. Подобные изменения произошли и в составе органов управления местной кооперации. Выборная кампания в октябре-декабре 1926 г. показала значительное снижение активности членов кооперации. Так, в сельскохозяйственных товариществах на Кубани посещаемость отчетно-перевыборных собраний пайщиков составила только 28%. В Армавирском сельхозсоюзе этот показатель равнялся 10%, а в Павловском – 14% [14: 72–73]. Несмотря на низкую явку избирателей, выборы были проведены с широким использованием административных мер. В результате в правлениях потребительских обществ Северо-Кавказского края доля коммунистов возросла с 18% до 22,3%, в ревизионных комиссиях с 15,3% до 22%. В правлениях сельхозтовариществ доля коммунистов в среднем составила 19,9% [14: 66–67].

В результате были подорваны наметившиеся основы конструктивного сотрудничества между властью и сельским населением. Проявлением этих негативных тенденций стало, с одной стороны, усиление административного диктата партийно-государственных органов, с другой стороны, нарастание протесных настроений у значительной части крестьянства и казачества. Сложившаяся ситуация во многом предопределила произошедший вскоре переход к утверждению административно-командной системы.

Источники и литература

1. *Баранов А.В.* Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999.

2. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-263. Оп. 1. Д. 445.

3. Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. М., 1989.

4. Казачество России. Историко-правовой аспект: Документы, факты, комментарии. 1917–1940 гг. М., 1999.
5. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). 9 изд., испр. и доп. Т.3. 192–1925 гг. М., 1984.
6. Красное знамя. 1926. 23 марта.
7. Молот. 1924. 23 декабря.
8. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. Т. 2. М., 2000.
9. Трудовой путь. 1926. 10 октября.
10. *Устиновский И.В.* Ленинская аграрная программа и ее осуществление на Северном Кавказе (октябрь 1917–1927 гг.). Ростов-на-Дону, 1989.
11. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 8. Оп. 1. Д. 145.
12. ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 25.
13. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 194.
14. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 600.
15. *Яхутль Ю.А.* Вооруженный протест сельского населения Кубани и Черноморья как фактор регулирования экономической политики большевиков в начале 1920-х годов // Электронный журнал «Кавказология». 2024. № 4. С. 87–99.
16. *Яхутль Ю.А.,* Касьянов В.В. Курс «Лицом к деревне» как проявление противоречий НЭПа в 1924–1926 гг. (по материалам Дона и Кубани) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 403–417.

Н.В. Кратова

Отражение государственной конфессиональной политики во второй половине 1950-х годов в региональных средствах массовой информации: на примере газеты «Ленинское знамя» («Советская Черкесия»)

Характерной чертой советского периода было активное информационное сопровождение действий партийных и советских органов. Будучи официальным рупором, газеты чутко реагировали на изменение политического курса, размещая соответствующие материалы на своих страницах. Поэтому пресса является одним из важнейших источником по истории советского периода. В настоящей статье мы рассмотрим, как освещалась конфессиональная проблематика в главной газете Карачаево-Черкесской автономной области (далее – КЧАО) – «Ленинское знамя» (до 1957 г. – «Советская Черкесия») в 1957–1960 гг.

Религиозный спектр региона был сформирован, прежде всего, мусульманскими и христианскими общинам. На 1957 г. в КЧАО было зарегистрировано 15 мечетей, 8 православных церквей, 5 общин Евангельских христиан баптистов [5: 135–136]. К 1957 г. наметился рост числа верующих [5: 127]. Немаловажным показателем был рост церковных доходов на 80% [22: 25]. Такая ситуация не могла не волновать органы власти, которые предприни-

мали большие усилия, чтобы ограничить влияние духовенства на общество. Рассмотрим основные направления тематики публикаций.

Партийные съезды, конференции, пленумы, выступления официальных лиц. Решения, принятые на партийных мероприятиях различного уровня, определяли направления работы государственных и общественных структур. Газета размещала подробные отчеты. Ключевым событием 1957 г. стал VIII пленум обкома КПСС, на котором обсуждалось состояние и меры улучшения идеологической работы в областной партийной организации. Этому событию в «Ленинском знамени» была посвящена пространная статья [3]. Особое внимание в докладе секретаря обкома КПСС Ф.П. Бурмистрова и последовавшем обсуждении было уделено «оживлению деятельности церковников, одурманивающих сознание тружеников города и села», что связывалось с «ослаблением деятельности культурно-просветительских учреждений».

О недостатках в атеистической работе говорили секретарь Карачаевского райкома партии Кирюхин, преподаватель Черкесского педагогического училища Петижев, председатель колхоза имени С.М. Кирова Ионов. Давались резкие оценки участникам агитационно-пропагандистской работы: «Секция научно-атеистической пропаганды здесь (в Обществе по распространению политических и научных знаний – Авт.) по существу прекратила свою работу, лекции на эти темы почти перестали читать. Почему? Неужели наличие многочисленных проявлений пережитков прошлого не вызывает тревоги? Областные газеты тоже отмалчиваются. В газете "Ленинское знамя" в последнее время редко встретишь теоретическую статью или другой материал на научно-атеистическую тему», – возмущался Петижев. Ему вторил Ионов: «Пользуясь тем, что партийные организации этот важнейший вопрос предали забвению, служители культа активизировали свою деятельность. Они любыми путями и средствами одурманивают сознание простых тружеников, разлагающе действуют на молодежь. Церковники всячески стараются материально обобрать своих прихожан, не гнушаясь при этом откровенным вымогательством. Как можно мириться с таким положением?» Таких резких оценок не звучало с довоенного периода. Хрупкий баланс между церковью и государством стал разрушаться.

Петижев был прав, говоря об инертности областной прессы в борьбе с религией. За весь 1957 г. было опубликовано всего 11 материалов, так или иначе связанных с религиозной проблематикой. При этом две публикации были посвящены партийно-комсомольским мероприятиям – упомянутому пленуму и XVII областной конференции ВЛКСМ [12], шесть из них были декларативные «агитки» вроде: «Улучшить лекционную пропаганду» [15] Остальные представляли из себя просветительские эссе, например: «Существует ли судьба?» [13], «Приметы и суеверия» [7]. Однако после резких заявлений, прозвучавших на пленуме, количество публикаций увеличивается в разы. Так, в 1958 г. вышло уже 40 материалов, так или иначе связанных с государственно-конфессиональными отношениями, в 1959 – 48, а в 1960 – 77 статей! Существенно увеличилось разнообразие тем и жанров антирелигиозных материалов.

«Почему я порвал с религией?» Публикация историй жизни представителей разных конфессий, отказавшихся от веры, стала важным «трендом» последующего трехлетия. Из-за отсутствия местного материала «Ленинское

знамя» вначале перепечатывало материалы из других, весьма далеких регионов. Первой публикацией на эту тему стала перепечатка статьи П.Ф. Дарманского «Почему я порвал с религией», опубликованной в «Киевской правде» 22 февраля 1958 г. Статья была большая и ее печатали в четырех номерах газеты [8]. П.Ф. Дарманский, в будущем видный советский религиовед, искренне рассказывал о своих духовных исканиях. Собственно, его история, история человека, пытающегося найти ответ на онтологические вопросы, наглядно характеризуют весьма непростую эпоху XX в. Однако в контексте агрессивного богоборчества искренние глубокие размышления думающего, сомневающегося человека были низведены до утилитарной «агитки».

В июне была опубликована еще одна перепечатка на аналогичную тему. На этот раз материал был взят из уссурийской газеты «Коммунар» [4]. Здесь о своей судьбе рассказывал бывший баптист И.Н. Глушак. Воцерковился он уже во взрослом возрасте, в 42 года, под влиянием руководителей местной баптистской общины, Причиной выхода из церкви стало, по его словам, осознание, что «заповеди добродетельной жизни сектантов» основаны на ложном основании. Так, отказ от употребления алкоголя и табака обоснован заботой не о здоровье человека, а о чистоте его души. «Таким образом, не человек им дорог, а несуществующая душа», – резюмировал автор. Другое обнаруженное им противоречие заключалось в молитвах за врагов. «Как же так, – думал я, – Значит между мной и каким-нибудь заграничным недругом нашей страны нет разницы? Мы равны перед Христом как братья? Выходит, что и те крупные капиталисты, которые передают через свои радиостанции религиозные проповеди о любви к ближнему и в то же время собираются сбрасывать на нас атомные и водородные бомбы – тоже мои братья?» Такая политизация религиозных переживаний, не характерная для верующих, даже бывших, ставит под сомнение авторство И.Н. Глушака. Очевидно, история человека, вышедшего из общины, скорее всего, вполне реальная, была использована для вброса вполне типичных для советского агитпропа месседжей. Именно такой тип подачи информации о «бывших верующих», больше понятный для заказчика – центральных и местных отделов агитации и пропаганды, чем для объекта агитации – верующего населения, и закрепился в прессе.

К такого рода публикациям можно отнести повествование жительницы Черкесска О. Колбасовой, покинувшей общину пятидесятников [11]. Рассказ о коллаборационизме руководителей общины во время войны, повествование о достижениях народного хозяйства страны из уст простой верующей выглядят неестественно. Конечно же у нее были причины выйти из общины, но, скорее всего, это была другая, менее пафосная история.

В 1959 г. вышло несколько пространных обличающих материалов: перепечатка из «Сталинградской правды» открытого письма бывшего благочинного 3-го округа Сталинградской области Н. Спасского епископу Астраханскому и Сталинградскому Сергию (Ларину) [16], письмо в редакцию «Ставропольской правды» А.А. Ясько из Кисловодска, оставившей общину иеговистов-ильинцев [23], рассказ о бывшем баптисте И.Ф. Ковалеве [14].

1960 год ознаменовался публикацией писем в «Ленинское знамя» бывшего муэдзина хутора Даркина Прикубанского района Т. Токова [19], Б. Хубиева из Теберда, поддержавшего в своем письме Токова [21] и бывшего

эфенди из Марухи Х. Батчаева [2]. Понятно, что после публикации подобных историй на автора обрушивался шквал народного негодования. Об этом писал Токов в своей статье «Мое решение твердое» [18].

Кроме того, отметились адвентисты-реформисты. В «Ленинском знамени» было опубликовано письмо двух братьев Мочаловых, которые, выйдя из общины, обращались к третьему брату, который только увлекся религией. Обычно подобные рассказы заканчивались характерным призывом. «Я чувствую глубокую вину перед верующими за то, что слишком долго оставался священником, убеждал их в том, во что не верю сам, проповедовал то, что не совпадает с моими убеждениями. Но в конце концов я собрался с силами и этой запоздалой исповедью перед обществом хочу хоть в малейшей степени искупить свою вину. Хочу и всему духовенству сказать: прекратите обманывать народ, бросьте неблаговидное дело, переходите к честному благородному труду на пользу общества», – писал Н. Спасский [16]. «Я рад, что понял всю ложность и никчемность религиозных убеждений, и открыто заявляю, что порываю с религией и призываю мусульман сделать то же самое» [2].

Трудно сказать, что двигало людьми, писавшими (или подписывавшими) такие тексты. Схожесть структуры и заложенных месседжей дают основания предполагать наличие как минимум глубокой редактуры. Как бы то ни было, в рассматриваемый период были опубликованы материалы бывших верующих из основных конфессий и деноминаций, действующих в регионе: православных, мусульман, баптистов, адвентистов-реформистов, пятидесятников, иеговистов-ильинцев.

Фельетоны. Другой формой дискредитации религии и представителей духовенства в глазах населения стали фельетоны, по сути – обыкновенные пасквили. Этот жанр активно использовался в 1959 г. Было сделано пять публикаций в таком стиле. Героями ядовитых статей стали священники Усть-Джегуты и Черкесска [6], Исправной [9], и даже ставропольский архиепископ Антоний (Романовский) [10]. В чем только не обвиняли престарелого архиерея авторы статьи Поляков и Карамышев, опубликованной ни много, ни мало в главной газете страны «Правде»: и в запредельном корыстолюбии, дошедшем до выкапывания серебряного креста из могилы умершего священника, и в увлечении женщинами. Даже пространную цитату из частной переписки привели, которая, на трезвый взгляд, говорила о наличии близких, доверительных, но никак не интимных отношений. Собственно, владыке, прошедшему карагандинские лагеря и имевшие огромные заслуги как перед церковью, так и перед государством, эта публикация не смогла навредить. Именно Антонию принадлежит заслуга в налаживании отношений с Грузинской православной церковью, воссоединении обновленцев Северного Кавказа с Русской православной церковью. После публикации он продолжал служение, а в 1962 г. был возведен в митрополиты. Так что кому был нужен такой слив «компромата», да еще на уровне «Правды» не совсем понятно.

Борьба с пережитками. Большое место в антирелигиозной работе занимала публикация материалов о пережитках прошлого. Наверное, это самая большая группа опубликованных в газете антирелигиозных материалов: за 4 года вышло 43 статьи. Даже в «тихий» 1957 г. было сделано 4 публикации. Формально, это была научно-популярная публицистика, затраги-

вающая самый широкий круг вопросов: от калыма до сущности ислама. Как это ни удивительно сейчас звучит, важным аргументом в полемике с верующими стал запуск в космос искусственных спутников. Этому вопросу была посвящена специальная статья в газете [17]. «Спутники и ракеты нигде не обнаружили «небесной обители» бога», – подчеркивал автор статьи.

Новые тенденции. Важно отметить, что в публикациях 1960 г. появились темы, которые получили развитие в следующие годы. Одна из таких тем – вовлечение детей в религиозную деятельность. В отличие от многих других антирелигиозных материалов, в опубликованных в 1960 г. статьях поднимался по-настоящему важный вопрос: отказ от посещения школы по религиозным убеждениям. Мальчику-баптисту, который прекратил посещать школу из-за несогласия с теорией эволюции, был посвящен материал учителя Курджиновской средней школа А. Анищенко [1]. О своей встрече с семьей истинно-православных христиан из станицы Кардоникской, запрещавшей детям не только посещать школу, но и пресекавшей любые контакты с «антихристами» рассказали в своей статье Н. Усаченко и И. Оверченко [20].

Анализ публикаций в газете «Ленинское знамя» в 1957–1960 гг. подтверждает, что во второй половине 1950-х гг. произошло качественное изменение государственного курса в отношении религии. В это время значительно увеличилось количество материалов на антирелигиозные темы, расширилось жанровое разнообразие публикаций, содержание стало не просто негативным, а откровенно тенденциозным.

Источники и литература

1. *Анищенко А.* Паутина разорвана // Ленинское знамя. 1960. № 145. 5 августа.
2. *Батчаев Х.* Не верьте эфенди // Ленинское знамя. 1960. № 110. 3 июня.
3. Восьмой пленум Карачаево-Черкесского обкома КПСС // Ленинское знамя. 1957. № 229. 17 ноября.
4. *Глушак И.Н.* Почему я вышел из секты баптистов // Ленинское знамя. 1958. № 113. 7 июня.
5. Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики. Филиал «Центр документации новейшей истории» (далее – ЦДНИ). Ф. П-1. Оп. 8. Д. 18.
6. Грехи «святых отцов» // Ленинское знамя. 1959. № 154. 2 августа.
7. *Губанов Н.* Приметы и суеверия // Ленинское знамя. 1957. № 173. 1 сентября.
8. *Дарманский П.* Почему я порвал с религией // Ленинское знамя. 1958. № 67, 68, 70, 71. 4, 5, 8, 9 апреля.
9. Деяния отца Николая // Ленинское знамя. 1959. № 138. 11 июля.
10. Житие отца Терентия // Ленинское знамя. 1959. № 96. 13 мая.
11. *Колбасова О.* Почему я порвала с религией // Ленинское знамя. 1958. № 194. 28 сентября.
12. Комсомольскую работу – на уровень новых задач // Ленинское знамя. 1957. № 231. 20 ноября.
13. *Рязанцев Н.* Существует ли судьба? // Ленинское знамя. 1957. № 169. 24 августа.
14. *Ситников Н.* О чем рассказал И.Ф. Ковалев на вечере задушевных бесед // Ленинское знамя. 1958. № 116. 10 июня.
15. *Ситников Н.* Улучшить лекционную пропаганду // Ленинское знамя. 1957. № 7. 9 января.
16. *Спасский Н.Н.* Почему я отрекся от церкви // Ленинское знамя. 1959. № 141. 15 июля.

17. Спутники и религия // Ленинское знамя. 1959. № 232. 19 мая.
18. *Токов Т.* Мое решение твердое // Ленинское знамя. 1960. № 96. 3 июля.
19. *Токов Т.* Почему я порвал с исламом // Ленинское знамя. 1959. № 19. 27 января.
20. *Усаченко Н., Оверченко И.* Вытащите детей из омута // Ленинское знамя. 1960. № 170. 2 октября.
21. *Хубиев Б.* Отрекаюсь! // Ленинское знамя. 1960. № 34. 17 февраля.
22. ЦДНИ. Ф. П-1. Оп.8. Д. 581.
23. *Ясько А.* Почему я ушла из секты // Ленинское знамя. 1959. № 69, 70. 4, 5 апреля.

А.К. Дудайти, Г.К. Шавлохов

Традиционные общественные институты и современное государственное строительство в Южной Осетии и Абхазии

Проблема соотношения традиции и современных форм власти особенно заметна в небольших постконфликтных обществах. В Южной Осетии и Абхазии государственные учреждения создавались в условиях вооруженных конфликтов, ограниченных ресурсов и высокой роли родственных и местных связей. Поэтому государственное строительство здесь нельзя рассматривать только как принятие конституций, законов и образование органов власти. Важным его участником оставалось общество, в котором сохранялись: авторитет старших, взаимная ответственность родственников, посредничество уважаемых людей и традиция обсуждения общих дел на собраниях.

Объектом исследования являются общественные и государственно-политические процессы в Южной Осетии и Абхазии с начала 1990-х гг. до первой половины 2020-х гг. Предмет – взаимодействие традиционных форм самоорганизации с современными органами власти, местным самоуправлением и правовой системой. Нижняя граница исследования связана с распадом СССР, вооруженными конфликтами и началом самостоятельного формирования государственных учреждений. Верхняя граница позволяет проследить результаты этого процесса к середине 2020-х гг. Цель работы состоит в сравнении роли традиционных институтов в двух республиках. Для ее достижения необходимо определить их исторические основы, показать способы приспособления к современным условиям и выявить границы допустимого взаимодействия с государством.

Традиционная организация осетинского общества исследована Е.И. Кобахидзе и А.М. Цалиевым, абхазская правовая культура и семейно-родственные связи – Ф.Г. Камкия, Л.Т. Соловьевой, А.В. Логиновым и Р.Ш. Зельницкой (Шларба). Однако эти вопросы чаще рассматриваются раздельно: либо как история обычного права, либо как часть современной правовой культуры. Сравнение Южной Осетии и Абхазии позволяет поставить другой вопрос: какие элементы традиционной самоорганизации дополняют государственные институты, а какие вступают с ними в противоречие.

Исследовательская гипотеза состоит в том, что традиционные институты в обеих республиках не исчезли, но изменили свои функции. Они утратили право самостоятельно осуществлять власть и правосудие, однако сохранили значение в общественном посредничестве, поддержании доверия и организации местных сообществ. При слабости формальных учреждений такие связи могут не только помогать государству, но и подменять закон групповыми решениями. Научная новизна статьи заключается в сопоставлении двух моделей и в разграничении дополняющего и конкурирующего воздействия традиции на государственное строительство. Проблемно-хронологический метод используется для выявления изменений после 1991 г., сравнительно-исторический – для сопоставления двух республик, а анализ конституций и законов – для определения правовых пределов деятельности неформальных институтов.

В традиционном осетинском обществе сельская община включала родственные и территориальные объединения. Главными институтами общественного управления выступали народное собрание (ныхас), старейшины и посреднический суд (тæрхон). Ныхас решал хозяйственные, распорядительные и правовые вопросы, а многоуровневая система собраний связывала фамильный, сельский и более широкий общественный уровни [5: 179–183]. Авторитет такого решения зависел не от государственного принуждения, а от признания общиной, представлений о чести, ответственности и обязательности данного слова.

Обычное право осетин регулировало отношения внутри семьи и общины, порядок примирения, взаимопомощь, гостеприимство и уважение к старшим. Часть этих норм сохраняет влияние на поведение и сегодня, хотя их содержание меняется вместе с обществом [10: 40–49]. В Южной Осетии речь идет не о прямом сохранении прежнего ныхаса как органа общественного управления, а о продолжении связанных с ним способов обсуждения общих дел. Семейные и местные споры по-прежнему нередко передаются на рассмотрение людей, чей авторитет признают участники конфликта.

В Абхазии сходные функции выполняли фамильные союзы, родственные объединения и сельские сообщества. Их единство поддерживалось не только кровным родством, но также общей памятью, связью с землей и святынями, репутацией фамилии [3: 81–84]. Апсуара задавала принятые представления о достоинстве, старшинстве, взаимных обязанностях и допустимом поведении. Советы старейшин действовали на родовом, сельском, районном и общенародном уровнях, а признание их решений основывалось на обычае и нравственном авторитете участников [4: 175–176]. Обе традиции связывали решение общих вопросов с собранием и посредничеством. Однако в Абхазии совет старейшин сохранился как более заметная и организационно оформленная общественная структура.

После начала самостоятельного государственного строительства Южная Осетия и Абхазия закрепили принципы народовластия, разделения властей, выборности и законности. Конституции обеих республик признают местное самоуправление, но прямо устанавливают, что правосудие осуществляется только судом [6; 7]. Это положение определяет основную границу: совет старейшин, фамильное собрание или посредник могут содействовать

примирению, но не вправе назначать наказание, ограничивать права человека или отменять решение государственного органа.

В Южной Осетии закон о местном самоуправлении связывает решение местных вопросов с интересами населения, его историческими и иными местными традициями. Он предусматривает референдумы, выборы, сходы, территориальное общественное самоуправление и другие формы прямого участия граждан [2]. Тем самым правовая система допускает использование привычной культуры собрания, но переводит ее в установленную законом процедуру. Наследие ныхаса может проявляться в обсуждении местных нужд, общественном контроле и поиске согласия, однако юридическую силу получает не авторитет старшего сам по себе, а решение, принятое компетентным органом или населением в предусмотренной форме.

В Абхазии Конституция также закрепляет прямое волеизъявление граждан и выборные органы местного самоуправления. Закон об управлении в административно-территориальных единицах сочетает местное самоуправление с местным государственным управлением [1; 6]. Советы старейшин и фамильные сходы продолжают участвовать в разборе споров, затрагивающих нормы поведения и повседневные отношения. На таких собраниях обсуждаются условия примирения, ответственность члена фамилии и реакция сообщества на правонарушение [4: 175–177; 8: 90–94]. К ним обращаются потому, что порядок обсуждения понятен участникам, а посредники пользуются их доверием. Однако решение такого собрания не может заменять судебный приговор: придание ему обязательной юридической силы противоречило бы Конституции.

Родственные и территориальные связи играют важную роль не только при урегулировании споров. В небольшом обществе через них быстрее передаются сведения, организуется взаимная помощь, находятся посредники и поддерживается общение между населением и местной властью. В послевоенные годы такие связи помогали восстанавливать жилье, налаживать семейный быт и решать повседневные задачи. Но у этой близости есть и негативный аспект: личное доверие может смешиваться с требованиями публичной должности. К примеру, когда при назначении на должности или решении кадровых вопросов приоритет отдается фамильной солидарности и личной преданности, нивелируется значение равенства граждан, профессиональной компетенции и ответственности перед законом.

Общая черта Южной Осетии и Абхазии состоит в том, что традиция сохранилась прежде всего как нравственный и общественный порядок, а не как самостоятельная система государственной власти. В обоих случаях авторитет старших, родственников и посредников способен дополнять официальные учреждения там, где требуется примирение, разъяснение решения или организация общей работы. Такие механизмы полезны, пока участие остается добровольным, не нарушает достоинство человека и не подменяет суд.

Различия связаны с формой сохранения традиции. В Южной Осетии наиболее важным историческим институтом общественного управления остается ныхас. В современном правовом поле его функции ближе всего к сходу граждан, общественному обсуждению и посредничеству. В Абхазии советы старейшин и фамильные собрания более четко функционируют как

действующие общественные структуры. Здесь сильнее выражено сосуществование писаного права и апсуара, которое Ф.Г. Камкия определяет как правовой плюрализм [4: 172–176]. Поэтому и противоречие между нравственным решением общины и формальным законом в Абхазии проявляется отчетливее.

Модернизация не ведет к простому исчезновению этих институтов. Урбанизация, образование и миграция делают сельские сообщества менее замкнутыми и расширяют возможности личного выбора. Родственные связи при этом не исчезают, а меняют форму. Цифровое общение помогает фамильным и земляческим объединениям сохранять контакты между людьми, живущими в разных местах, но одновременно уменьшает прежнюю зависимость общественного обсуждения от мнения старших. У молодежи становится больше источников информации, поэтому принимаемые решения все чаще требуют открытого объяснения.

Материалы по современной Абхазии показывают двойственный результат таких перемен: традиции приспосабливаются к новой среде, но могут использоваться и для восстановления более жестких норм [9: 82–92]. Сходное сочетание обновления и возврата к прежним ограничениям просматривается и в Южной Осетии. Однако данный тезис требует дальнейшего эмпирического подкрепления специализированными исследованиями, посвященными югоосетинскому обществу.

Чтобы традиционные и государственные институты не подменяли друг друга, их функции должны быть разграничены. Государственные органы отвечают за защиту прав, осуществление правосудия, проведение выборов, управление и соблюдение равенства граждан. Традиционные структуры могут участвовать в примирении, взаимопомощи, сохранении общей памяти и обсуждении местных вопросов. Их решения допустимо учитывать как мнение сообщества, но они не могут становиться обязательными вне установленной законом процедуры. Такое разграничение не устраняет традицию, а определяет сферу, в которой она может действовать без нарушения правовых гарантий.

Опыт Южной Осетии и Абхазии показывает, что после создания современных органов власти традиционные общественные институты не исчезли. Они лишились самостоятельной принудительной силы, но сохранили значение как средства посредничества, взаимопомощи, поддержания доверия и обсуждения общих дел. Формы их присутствия различаются. В Южной Осетии наследие ныхаса чаще проявляется через сходы и иные законные способы участия населения, тогда как в Абхазии советы старейшин и фамильные собрания сохраняют большую самостоятельность.

Польза традиционных связей проявляется там, где они дополняют работу государственных учреждений и помогают мирно урегулировать спор. Проблемы возникают, когда групповая солидарность ставится выше закона, ограничивает личный выбор или используется как средство давления. Поэтому модернизация в двух республиках не требует отказа от традиции. Ее задача состоит в том, чтобы соединить общественный авторитет и опыт примирения с конституционными правами, равенством граждан и исключительным правом суда осуществлять правосудие.

Источники и литература

1. Закон Республики Абхазия «Об управлении в административно-территориальных единицах Республики Абхазия» от 23 октября 1997 г. № 375-с-XIII. URL: https://aizara-sukhum.org/images/ZRA_upravlenie_adm_terr.pdf (дата обращения: 13.07.2026).
2. Закон Республики Южная Осетия «О местном самоуправлении в Республике Южная Осетия» от 18 февраля 2004 г. № 44. URL: https://parliamentrso.org/node/5546 (дата обращения: 13.07.2026).
3. *Зельницкая (Шларба) Р.Ш.* Традиционная социальная иерархия межфамильных связей у абхазов (на материале Абжуйской Абхазии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (78). С. 81–84.
4. *Камкия Ф.Г.* К вопросу об особенностях правовой системы Абхазии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 2. С. 170–185.
5. *Кобахидзе Е.И.* Организация власти и управления в традиционном осетинском обществе в конце XVIII – первой трети XIX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2008. Вып. 2. С. 177–187.
6. Конституция Республики Абхазия. URL: https://parlamentra.org/upload/iblock/0c0/Конституция_Республики_Абхазия_2015_03_31_13_14_23_110.pdf (дата обращения: 13.07.2026).
7. Конституция Республики Южная Осетия. URL: https://parliamentrso.org/node/3567 (дата обращения: 13.07.2026).
8. *Логинов А.В.* Возрождение и развитие народного правосудия в Абхазии // Право и политика. 2019. № 5. С. 89–94.
9. *Соловьева Л.Т.* Судьба традиций в эпоху глобализации: Абхазия в начале XXI века // Кавказ и глобализация. 2007. Т. 1. № 3. С. 82–92.
10. *Цалиев А.М.* Основы традиционной правовой культуры народов Кавказа (на примере правовой культуры осетин) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 40–49.

Е.А. Терещенко

Конституционная основа соотношения частных и публичных интересов в вопросах регулирования собственности на церковные культовые ценности (на примере законодательства России и Республики Южная Осетия)

Правовой режим таких объектов, как культовые здания, земельные участки, религиозная литература, выступает определенной материальной гарантией осуществления свободы вероисповедания, но вместе с тем в отношении данных объектов государство всегда выступает носителем публичных интересов. Решая совокупность общезначимых задач, оно вправе вмешиваться в имущественные отношения, ограничивать права религиозных организаций, контролировать их деятельность и в определённых исключительных случаях изымать имущество. Практика ликвидации религи-

озных организаций по экстремистским и иным основаниям ставит трудные вопросы о судьбе имущества и правопреемстве.

Важнейшей формой взаимодействия религиозных организаций и государства являются имущественные и связанные с ними отношения между указанными субъектами. На первый взгляд, предоставляемый российским государством правовой режим имуществу религиозных организаций в части его приобретения и осуществления прав собственника на него религиозной организацией существенно не отличается от имущественного режима иных юридических лиц, в том числе коммерческих организаций [5: 84]. Следовательно, анализ оснований возникновения и содержания этого права требует комплексного подхода, учитывающего не только гражданско-правовые нормы, но и конституционные гарантии, международные стандарты, а также внутренние установления самих религиозных организаций.

Конституционная основа права собственности религиозных организаций закреплена в нескольких статьях. Ст. 28 Конституции РФ устанавливает, что каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Из этой нормы во взаимосвязи со ст. 30 вытекает легитимность создания религиозных организаций и необходимость обладания ими имуществом. Ст. 14 провозглашает Россию светским государством, в котором никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

Положения ст. 35 и 36 Конституции РФ, гарантирующие право частной собственности, в том числе на земельные участки, в равной мере применяются к религиозным организациям как к субъектам гражданских правоотношений.

Вопрос о форме собственности религиозных организаций остаётся дискуссионным. В литературе присутствует точка зрения, согласно которой собственность религиозных организаций относится к коллективной (корпоративной) форме собственности (В.А. Рыбаков). Другие авторы (К.Я. Ананьева, В.К. Андреев) полагают, что собственность религиозных организаций относится к иным формам собственности, представляя собой «особую» форму собственности [1]. Представляется, что последняя позиция более точно отражает специфику, поскольку ограничения, установленные для такого имущества (иммунитет от взыскания, особый порядок отчуждения), выходят за рамки обычного режима частной собственности и сближают его с публичной собственностью.

В российской юридической науке сложились два основных доктринальных подхода к характеристике правового режима объектов религиозного назначения.

Первый подход акцентирует внимание на двойственной природе данного имущества, которое, с одной стороны, выступает объектом гражданских прав, а с другой – обладает сакральным статусом, обусловливающим ограничения его оборотоспособности. Именно эта дуалистическая природа порождает коллизии в правоприменении, связанные с определением гра-

ниц допустимого использования и отчуждения такого имущества (М.А. Кулагин [4], В.В. Баган [2]).

Второй подход исходит из приоритета канонической составляющей и внутренних церковных установлений, которые определяют специфику правового режима церковного имущества. Согласно данной позиции, гражданско-правовое регулирование должно учитывать каноны и внутренние правила религиозных организаций, поскольку именно они формируют подлинное содержание отношений собственности в религиозной сфере. Значительная часть норм канонического права, применяемых в Русской православной церкви, находит свое отражение и гарантируется положениями современного светского законодательства. Данная корреляция проявляется в нескольких аспектах.

Во-первых, признак сакральной значимости культовых объектов подтверждается установлением специальных ограничений их оборотоспособности: недвижимое имущество богослужебного назначения не может использоваться вне целей, предусмотренных учредительными документами религиозной организации.

Во-вторых, канонический запрет на отчуждение церковного имущества без согласия вышестоящей церковной власти, восходящий к 12 правилу VII Вселенского Собора, получил прямое закрепление в п. 1 ст. 21.1 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Указанная норма устанавливает, что сделки по распоряжению недвижимым имуществом религиозной организации (включая его отчуждение, передачу в аренду или безвозмездное пользование, а также заключение договоров займа и кредитных договоров) требуют письменного согласия уполномоченного уставом вышестоящего органа централизованной религиозной организации. Совершение подобной сделки без такого согласия влечет ее ничтожность, причем правом требования признания сделки недействительной наделены как контрагент по сделке, так и соответствующая централизованная религиозная организация.

Таким образом, светское законодательство фактически обеспечивает юридическую силу отдельным каноническим предписаниям, интегрируя их в систему гражданско-правового регулирования.

Передача имущества государством регламентирована Федеральным законом от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности». Этот закон стал результатом многолетней работы по созданию механизма возврата имущества, изъятого в советский период. Передача осуществляется безвозмездно, но с сохранением за религиозной организацией бремени содержания имущества, что создаёт сложности для небольших приходов. Важно, что передаваемое имущество должно иметь статус «имущества религиозного назначения» в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ. В судебной практике возникали споры о том, можно ли отнести к такому имуществу здания, которые исторически использовались для религиозных целей, но в советский период были переоборудованы под жильё или административные нужды [6].

Однако Конституционный Суд РФ исходит из позиции: государство не может возводить внутренние правила религиозных организаций в ранг закона, но обязано обеспечить их уважение в пределах, не противоречащих публичному порядку [7].

Своеобразно складывается правоприменение в отношении культовых объектов в Республике Южная Осетия. Немалое влияние оказала история формирования религиозной идентичности. «Считается, что южные осетины (туальцы) переняли христианство из западной Грузии (Лазики) в IV в. В 562 г. по мирному договору византийского императора Юстиниана I с персами грузинское царство отошло к римлянам; произошел возврат к языческим верованиям, образовалось синкретическое этнорелигиозное единство» [3: 77].

В соответствии с ч. 2 ст. 33 Конституции Республики Южная Осетия «православие и традиционные осетинские верования являются одной из основ национального самосознания осетинского народа».

В 1992 г. Православная церковь республики была принята в Русскую православную церковь заграницей (РПЦЗ), было создано Благочиние, и его возглавлял на тот момент игумен Георгий (Пухатэ). В дальнейшем в 2001 г. в самой РПЦЗ произошел раскол, и Благочинию Южной Осетии Синодом Церкви истинно-православных христиан Греции присвоен статус Аланской (Юго-Осетинской) епархии. В 2003 г. между Аланской епархией и Республикой Южная Осетия было заключено соглашение (Конкордат). Основная часть приходов в республике принадлежит Аланской епархии, неканонической церковной организации. Большая часть церковной недвижимости в республике, ранее принадлежавшая Грузинской православной церкви (далее ГПЦ), передана Аланской епархии. Кафедральным собором является храм Пресвятой Богородицы в центре Цхинвала 1718 г. постройки.

Грузинская патриархия рассматривает Цхинвальский регион как часть своей Цхинвальской епархии. Однако официальных структур Грузинской патриархии в республике официально не существует. В поселке Ленингор, где проживает грузинское население, без официальной регистрации есть приход Рождества Богородицы, службы проводятся в старом здании церкви. В 2016 г. в том же Ленингоре построена новая церковь Аланской епархии, также освященная в честь Рождества Богородицы.

В самом Цхинвале, в центре города, в 2018 г. Фондом Андрея Первозванного построен собор святой Троицы в древнеаланском стиле, и здесь действует клирик Русской православной церкви вне официальной юрисдикции Московского патриархата. Фактически единственной зарегистрированной религиозной организацией на территории республики по данным СМИ является Аланская епархия.

Религиозная организация в соответствии с Гражданским кодексом Республики Южной Осетии (ст. 120), законом Республики Южной Осетии «О некоммерческих организациях» является юридическим лицом, некоммерческой организацией и представляет собой добровольное объединение граждан, в установленном законом порядке объединившихся на основе общности интересов для удовлетворения духовных или иных нематериальных потребностей.

Соотношение между частными интересами религиозных организаций и публичным интересом государства является одной из сложных и нераз-

работанных проблем современного права. Отсутствие легального определения имущества богослужебного назначения, утвержденного перечня, порождает правовую неопределенность, открытым остается вопрос о форме собственности религиозных организаций: следует ли ее рассматривать как разновидность частной собственности или как особую форму с публично-правовыми элементами?

Представляется, что публичные интересы республики в имущественной сфере религиозных организаций должны реализовываться через комплексный механизм правового регулирования, включающий превентивные меры (плановые проверки, предупреждения, мониторинг финансирования), контрольные процедуры (надзор за соответствием деятельности уставным целям, налоговый контроль) и санкционные механизмы (ликвидация организации, конфискация имущества, признание сделок недействительными).

Источники и литература

1. *Ананьева К.Я., Хлыстов М.В.* К вопросу о форме собственности религиозных организаций // Юридическая наука. 2017. № 2. С. 15–19.

2. *Баган В.В.* Имущество религиозного назначения: гражданско-правовой взгляд. М., 2017.

3. *Гатикоева Н.П.* Культурная идентичность как основа государственной идентичности народа (на примере Южной Осетии) // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 3 (46). С.77–79.

4. *Кулагин М.А.* Вещные права религиозных организаций: дис... канд. юрид. наук. М., 2013.

5. *Максуров А.А.* Религиозные организации как субъекты гражданского права в России, Франции и Италии. М., 2025.

6. Обзор судебной практики по спорам о передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 ноября 2022 г. // Верховный Суд Российской Федерации: [официальный сайт]. URL: http://www.vsrf.ru (дата обращения: 23.07.2026).

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2020 г. № 47-П // «Консультант Плюс»: [справочная правовая система]. URL: http://base.consultant.ru/ (дата обращения: 20.07.2026).

М.А. Хуако

Практики НКО по работе с пожилыми людьми в сельской местности: опыт Республики Адыгея

В условиях прогрессирующего старения населения и устойчивой депопуляции сельских территорий проблема социального обеспечения и поддержания качества жизни пожилых людей в сельской местности приобретает особую остроту. Особенно значимой эта проблема становится в национальных республиках Северного Кавказа, где традиционно высока доля сельского населения и сохраняется сильное влияние кланово-родственных связей и общинных ценностей. Кавказ нередко воспринимают как регион с молодым населе-

нием. Действительно, в ряде республик доля людей старше трудоспособного возраста пока относительно невелика. Так, в Дагестане и Ингушетии она составляет примерно 9,4–13,6%. Однако процесс старения в современном мире носит универсальный характер, хотя его темпы могут заметно различаться в зависимости от региона. Соответственно, в ряде других субъектов РФ на Северном Кавказе (Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии) доля пожилых уже заметно выше и продолжается ее дальнейший рост [7]. Эти различия зависят от многих факторов. Если в Чечне, Дагестане и Ингушетии сохраняется относительно высокая рождаемость и положительный естественный прирост, то в большинстве других субъектов Северного Кавказа, естественная убыль в комплексе с миграционным оттоком молодежи и лиц трудоспособных возрастов в другие регионы РФ ведет к росту доли лиц старших возрастов. В этой связи актуализируется задача реализации социальной субъектности лиц старшего возраста в данных социодемографических условиях. В социологическом дискурсе под социальной субъектностью понимается способность пожилого человека сохранять социальную активность, актуализировать имеющиеся ресурсы (жизненный опыт, профессиональные и бытовые навыки), взаимодействовать с социальными институтами и оказывать влияние на качество собственной жизни и социальное окружение [6].

При этом необходимо учитывать, что в традиционной культуре народов Кавказа исторически укоренены нормативные установки, предполагающие высокое уважение к старшему поколению. Лица старшего возраста традиционно занимают значимое положение в семейной и общественной иерархии: их авторитет признается, а роль в трансляции социокультурного опыта высоко ценится, что формирует благоприятный контекст для реализации их социальной субъектности. Тем не менее, на эмпирическом уровне выявляется ряд барьеров, препятствующих полноценной социальной интеграции. К ним относятся: ухудшение состояния здоровья и ограничение мобильности, дефицит доступа к цифровым сервисам, а также территориальная удаленность от центров социального обслуживания в сельской местности, что совокупно снижает потенциал активной жизнедеятельности данной демографической группы. Дополнительно усугубляют ситуацию социокультурные стереотипы, редуцирующие роль пожилого человека исключительно до пассивного объекта патерналистской опеки и нивелирующие его потенциал как активного субъекта общественной жизни.

Республика Адыгея выступает репрезентативным примером синтеза современных социально-демографических тенденций и глубоких историко-культурных традиций. С одной стороны, регион подвержен общероссийским вызовам: старению населения, дефициту инфраструктуры социального обслуживания на сельских территориях и нехватке квалифицированных медицинских кадров. С другой стороны, в республике сохраняются эффективные механизмы взаимопомощи и социальной солидарности, укорененные в традиционной этике адыгского народа. Данный синтез современных организационных форм социальной работы и исторически сложившихся этнокультурных практик представляет значительный научно-практический интерес.

Эффективность функционирования государственной системы социального обеспечения в сельской местности лимитирована рядом объективных

факторов: высокой дисперсностью расселения, хроническим недофинансированием и дефицитом квалифицированных кадров. В данных условиях некоммерческие организации (НКО) и институты гражданского самоорганизации трансформируются в ключевые субъекты, способные оперативно адаптироваться к локальным потребностям и эффективно мобилизовать эндогенные ресурсы территорий. Деятельность данных акторов базируется на принципах субсидиарности, территориальной близости и глубокого учета социокультурной специфики локальных сообществ.

Цель настоящего исследования – раскрыть содержание и основные направления деятельности некоммерческих организаций и самоорганизующихся сообществ Республики Адыгея в сфере поддержки пожилых людей в сельской местности. Результаты данного анализа могут стать основой для разработки региональных программ поддержки гражданских инициатив, оптимизации взаимодействия между государственными и общественными структурами, а также для тиражирования успешных практик в других регионах.

По данным Росстата, в России пожилые люди (65 лет и старше) составляют 16,8% населения (24,4 млн чел.), около 75% пожилых живут в городах и 25% в сельской местности [7]. В Республике Адыгея около 22% жителей составляют люди в возрасте старше 60 лет, и более половины из них – сельские жители [5]. Наличие у пожилых людей определенных проблем обуславливает необходимость их социальной поддержки, в связи с чем в Республике Адыгея реализуются различные программы и проекты.

В 2025 г. в рамках федеральных и региональных инициатив был реализован ряд проектов. Так, в рамках федерального проекта «Старшее поколение» нацпроекта «Семья» в каждом муниципалитете Адыгеи при комплексных центрах социального обслуживания населения действуют отделения дневного пребывания для пожилых граждан и инвалидов. В 2025 г. такими отделениями было охвачено 470 жителей пожилого возраста, у которых проходят занятия по тренировке для которых проводятся занятия по тренировке ума и памяти (программы по профилактике деменции), упражнения на развитие мелкой моторики, творческие мастерские (рисование, рукоделие), оздоровительная гимнастика, а также индивидуальные и групповые занятия с психологами. Также организуются выходы в музеи, парки, на культурные события, групповые тренинги, чаепития и праздники. С подопечными работают квалифицированные специалисты: психологи, реабилитологи и социальные работники. По данным Министерства труда и социального развития Республики Адыгея, в районах, где уже работают такие отделения, пожилые люди с удовольствием посещают занятия, заводят новых друзей и выражают благодарность за предоставленную возможность интересно и с пользой проводить время.

В рамках программы «Активное долголетие» национального проекта «Семья» и партийных инициатив «Единой России» в Адыгее создаются пространства для досуга и общения пожилых людей – «Точки общения». В апреле 2026 г. в Майкопе открылась 35-я такая площадка, и только за этот год в «Точках общения» проведено 110 мероприятий, которые посетили более 600 пожилых людей. Такие пространства помогают людям старшего возраста поддерживать активный образ жизни, расширять круг общения и проводить досуг в удобной обстановке.

Программа «Активное долголетие в Республике Адыгея на 2025–2030 гг.» реализует также проект «Школа активного долголетия» Майкопского государственного технологического университета (МГТУ). В мае 2025 г. делегация лечебного факультета МГТУ встретилась с пожилыми людьми хутора Чернышев. Участники получили информацию о здоровом образе жизни, профилактике сердечно-сосудистых заболеваний и сахарного диабета. Студентки МГТУ провели медицинские измерения и рассказали о принципах здорового питания. Такие мероприятия способствуют более ответственному отношению пожилых людей к своему здоровью и продлению их активной жизни. Для получения более подробной информации о конкретных программах и услугах пожилые люди могут обратиться в комплексные центры социального обслуживания населения по месту жительства.

Значительную работу по организации социальной инфраструктуры для старшего поколения проводит Социальный фонд России (СФР), который продолжает работу по развитию пилотного проекта, направленного на создание Центров общения старшего поколения (ЦОСП). В развитии этого интересного начинания активно участвуют и отделения СФР в субъектах России. Уже в двух районах Адыгеи региональным отделением фонда созданы и действуют такие центры [1; 2]. Создание ЦОСП является стратегическим направлением, формирующим точки притяжения для пожилых людей, где они могут получить не только социальные услуги, но и возможность общения, обучения новым навыкам (например, компьютерной грамотности) и организации досуга. Для сельских районов Адыгеи, характеризующихся значительной удаленностью многих населенных пунктов от районных центров, создание таких организаций является жизненно важным, так как они становятся ключевым элементом социального ландшафта.

Ярким примером интеграции профессиональных социальных услуг с практиками, направленными на всестороннюю поддержку пожилых людей (от решения бытовых и медицинских вопросов до обеспечения психологического комфорта, интеллектуальной активности и социальной включенности), является Комплексный центр социального обслуживания населения Тахтамукайского района. Одним из значимых направлений деятельности Центра является работа «Школы родственного ухода». В рамках этой инициативы специалисты бесплатно обучают родственников и социальных работников современным методам ухода за маломобильными и немобильными гражданами, правильному использованию технических средств реабилитации, проводя как теоретические, так и практические занятия. Параллельно с этим, в отделении дневного пребывания граждан пожилого возраста и инвалидов Центра реализуются программы, направленные на поддержание когнитивного здоровья и социальную активизацию. Так, специалист по социальной работе проводит с подопечными регулярные упражнения для тренировки памяти, включая решение задач и головоломок, а также участие в играх, что способствует улучшению концентрации внимания и общих мыслительных процессов.

С 1 января 2025 г. ведется работа по внедрению долговременного ухода в рамках федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Семья». Это ориентированный на граждан пожилого возраста и инвалидов скоординированный подход к предоставлению необходимой им помощи,

позволяющий поддерживать их здоровье, функциональность, социальные связи, интерес к жизни. Одним из важных направлений в деятельности учреждения является работа по вовлечению жителей района в волонтерскую деятельность. В 2025 г. проведено 175 волонтерских мероприятий, привлечены 1408 волонтеров (в 2024 г. – 785), в том числе 71 человек «серебряного» возраста. В населенных пунктах Тахтамукайского района действуют волонтерские группы, помогающие фронту добрыми делами, такими как плетение камуфляжных сетей, сбор и отправка гуманитарной помощи, изготовление сухого армейского душа и окопных свечей, вязание шерстяных носков и т. д. Активными членами этих групп являются социальные работники и подопечные центра. На базе ГБУ РА «Тахтамукайский КЦСОН» в отделениях обслуживания пожилых людей на дому функционируют «Клубы по интересам», «Точки общения», в спортивных комплексах проводятся физкультурно-оздоровительные занятия, в библиотеках и домах культуры – культурно-досуговые мероприятия. С людьми пожилого возраста ведется работа по обучению их компьютерной и финансовой грамотности (прошли обучение 173 чел.) [4]. Важным направлением является организация творческого досуга, который служит инструментом эмоциональной разгрузки и интеллектуального развития. Например, мастер-классы по созданию динамических игрушек-оригами, такие, как «Танцующая балерина», не только формируют эстетическое восприятие и мелкую моторику, но и способствуют развитию коммуникативных навыков у участников. Дополнительным направлением деятельности Центра является систематическая интеграция подопечных в общественную жизнь, что находит отражение в реализации таких проектов, как производство и распространение видеоматериалов «Вместе мы – сила», приуроченных к Дню народного единства и ориентированных на консолидацию гражданской идентичности и укрепление межнациональной солидарности.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что проблема социальной поддержки лиц старшего возраста на сельских территориях Республики Адыгея, аналогично общероссийской тенденции, носит многомерный и полиструктурный характер. Специфика сельских территорий, и в частности сельских районов Адыгеи, определяется их периферийным положением, низкой транспортной доступностью и дефицитом объектов социальной инфраструктуры. В данных условиях традиционная государственная система социального обеспечения, оптимизированная преимущественно для городских условий, зачастую не способна обеспечить полноценное и оперативное удовлетворение социальных потребностей пожилых жителей сельской местности. Решение обозначенных проблем требует привлечения некоммерческих организаций и институтов гражданского самоорганизации, деятельность которых учитывает специфику локального контекста и эндогенный потенциал территорий [3]. Опыт Республики Адыгеи в этом вопросе демонстрирует, что НКО способны эффективно решать проблемы социальной поддержки пожилых людей в сельской местности, особенно в условиях ограниченных ресурсов. Успешные модели НКО основаны на сочетании традиционных ценностей взаимопомощи и современных социальных технологий. Практики Адыгеи имеют значительный потенциал для масштабирования в других регионах Северного Кавказа и России в целом при условии их адаптации к местной специфике.

Источники и литература

1. АНО «Рука помощи» в 2024 году помогла 80 пожилым жителям Адыгеи профилактировать когнитивные изменения // Советская Адыгея. 2025. 22 января. URL: https://sovetskaya-adygeya.ru/2025/01/22/ano-ruka-pomoshhi-v-2024-godu-pomogla-80-pozhilym-zhitelyam-adygei-socialno-adaptirovatsya/ (дата обращения: 25.05.2025).

2. В двух районах Адыгеи появились Центры общения старшего поколения // Информационное агентство «Адыгея Сегодня». 2023. 30 августа. URL: https://adigeatoday.ru/article/47748.html (дата обращения: 23.05.2024).

3. *Возмилкина Е.Н.* Роль социально ориентированных некоммерческих организаций в решении социальных проблем молодежи // Новая наука: теоретический и практический взгляд: Международное научное периодическое издание по итогам Международной научно-практической конференции (14 ноября 2015 г., г. Стерлитамак). В 3 ч. Ч. 3. Стерлитамак, 2015. С. 108–110.

4. ГБУ РА «Тахтамукайский комплексный центр социального обслуживания населения». URL: https://kcson-ta.ru/ (дата обращения: 25.05.2024).

5. Население Республики Адыгея URL: https://rgex.ru/naselenie/respublika-adygeya/?ysclid=mt96rb5k7t851968467 (дата обращения: 25.05.2025).

6. *Старикова М.М.* Практики реализации социальной субъектности пожилых россиян // Социология в системе научного управления обществом: материалы IV Всероссийского социологического конгресса (Москва, 2-4 февраля 2012 года). Москва, 2012. URL: http://www.isras.ru/VSK_IV_partion.html?section=34 (дата обращения: 20.06.2026).

7. *Щербакова Е.* Старшие поколения россиян, 2025 // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01079/barom01.php (дата обращения: 25.05.2026).

Раздел 3. Социально-экономическое развитие и повседневные практики

Х.И. Аббаслы

Налоговая реформа шаха Солтана Хусейна на кавказских территориях и ее последствия

Период конца XVII – начала XVIII в. характеризуется как эпоха глубокого политического и экономического кризиса в истории государства Сефевидов. Многие исследователи видят основную причину этого кризиса в изменении направления традиционных торговых путей, соединяющих страны Востока и Запада [3:48; 4: 64–68]. Упадок торговых и ремесленных центров привел к резкому сокращению объемов внешней и транзитной торговли. Увеличение налогов государством и крупными феодалами на население в несколько раз, чтобы восполнить потерянные доходы, еще более усугубило экономический кризис [5: 56–63; 10: 77].

Экономический спад, наблюдавшийся в этот период в государстве Сефевидов, углублялся по ряду объективных причин. К числу этих причин можно отнести, прежде всего, деятельность шаха Солтана Хусейна, стоявшего во главе государства Сефевидов в конце XVII – начале XVIII в. Из сведений русского дипломата А.П. Волынского ясно, что шах Солтан Хусейн, проводивший большую часть своего времени в мечети и гареме, полностью оставил управление государством на усмотрение главного визиря [8: 665]. Польский миссионер Ж.Т. Крушинский также характеризует шаха Солтана Хусейна как правителя, который полностью держался в стороне от дел управления государством, проводя большую часть своего времени в гареме [9: 20].

В 1699–1702 гг. по всей стране была проведена перепись населения. Свидетель и участник событий, произошедших в изучаемый период, Е. Хасан Джалалян описал реальную картину переписи населения в Гянджа-Карабахском бейлербействе. Из его слов известно, что по приказу шаха Солтана Хусейна для переписи всего населения старше 15 лет были мобилизованы огромные силы чиновников, секретарей и мирз [8: 20]. Перепись населения проводилась жестокими методами. По указу шаха, тому, кто сообщал местонахождение прятавшегося от регистрации государственными чиновниками, обещали его имущество, а уклонявшегося должны были обезглавить. Власти использовали различные методы, чтобы обнаружить уклонявшихся. Списки жителей сел составлялись разными чиновниками, затем сравнивались. Чиновников, предоставивших дезинформацию, жестоко наказывали. Провинившихся избивали, оштрафовывали на суммы, в десять раз превышавшие обычные [8: 19].

В 1702 г. процесс переписи населения, сопровождавшийся огромным насилием, был завершен. Помимо утроения ранее собранных налогов, были установлены три новых налога – «абикуран», «княжеский экспорт» и «шеш-динар». Как только этот процесс был завершен, армия была распределена по провинциям и деревням, включенным в список. Работу по сбору налогов на территории Карабаха возглавлял великий визирь Тебризского бейлербейства Мирза Тахир. Члены его военного отряда численностью в 1100 человек собирали столько налогов, сколько хотели, причиняя населению неимоверные страдания. По словам Е. Хасана-Джалаляна, из больших деревень собирали по 150–100 туманов, а маленькие деревни платили по 20–30 туманов. Налоги собирались также с торговцев и всех ремесленников [8 : 9].

Разбор полученных данных показывает, что главной причиной политической анархии, которая царила как на Кавказе, так и на других территориях государства Сефевидов в изучаемый период, была тяжесть налогов и произвол чиновников. Это привело к тому, что население восстало, полностью отказавшись платить налоги. Паралич государственной власти привел к увеличению числа бандитских группировок. О таких грабительских набегах сообщает турецкий автор Алибек Бадреддинзаде. Он пишет, что люди по имени Кровавый Шабан и Молла Абдулла, собравшие отряды в 2 тыс. человек из четырех сел Джарской провинции, в течение трех лет совершали крупные разрушения и грабежи в западной части Гянджа-Карабахского бейлербейства. Они осуществляли неоднократные ночные нападения на Тбилисскую и Гянджинскую области, поджигали дома, насильно забирали из монастырей ценные украшения, уводили в плен женщин и детей, избивали и убивали высокопоставленных лиц. Ситуация усугубилась настолько, что даже грузинский правитель Вахтанг не смог предотвратить нападения Кровавого Шабана и Муллы Абдуллы [7: 71]. Источники передают, что отказ населения платить налоги приводил к столкновениям с правительственными силами. В некоторых случаях повстанцы захватывали и сжигали налоговые книги, чтобы избавиться от налоговых долгов, накопленных за многие годы [2: 53].

В 1719 г. в Гяндже и прилегающих к ней районах произошло мощное народное восстание. Хотя повстанцам удалось изгнать сборщиков налогов и других правительственных чиновников, они не смогли закрепить этот успех. Местным властям с трудом удалось подавить восстание [8: 21–23]. В первой половине XVIII в. одним из главных центров борьбы с произволом Сефевидов был Ширван. Ширванские повстанцы во главе с Хаджи Давудом и Сурхай-ханом в 1721 г. взяли под свой контроль весь регион [1].

Ход событий показывает, что вожди Ширванского восстания стремились распространить свою власть и на соседние территории. Об этом свидетельствуют и организованные ими походы. Е. Хасан-Джалалян подробно рассказывает об одном из таких походов, который состоялся в апреле 1721 г. Из предоставленной им информации становится ясно, что повстанцы, вторгшиеся в Карабах со стороны Баргушада, нанесли значительные разрушения в провинциях Дизак, Варанда и Хачин. Районы между реками Гаргар и Тертер подверглись еще большему разрушению. Захватив много пленных местных жителей, повстанцы также захватили значительное количество крупного рогатого скота, овец и лошадей [8: 29–30].

Налоговая реформа, проведенная шахом Солтаном Хусейном, не только не улучшила финансовое положение государства, но, напротив, еще больше ускорила падение государства Сефевидов. Произвол чиновников и непомерные налоги довели положение средних и беднейших слоев населения до невыносимых пределов. В результате народные выступления и восстания охватили всю страну. Военно-административная система государства Сефевидов, не имевшая сил подавить эти выступления, была полностью парализована.

Источники и литература

1. *Алиев Ф.М.* Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку, 1975.
2. Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Сборник документов. Т. 2. Ч. 1. Ереван, 1964.
3. *Бартольд В.В.* История Туркестана. Ташкент, 1922.
4. *Гейдаров М.Х.* Города и городское ремесло Азербайджана XIII–XVII вв.: Ремесло и ремесленные центры. Баку, 1982.
5. *Гейдаров М.Х.* О системе и количестве торгово-пошлинного сбора в Азербайджане XVII в. // Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Серия общественных наук. 1968. № 1. С. 56–63.
6. *Мамедов Г.М.* «Каиме» Бедреддинзаде Али бея // Azərb. SSR EA Xəbərləri. Tarix, fəlsəfə və huquq ser. 1988. № 3. С. 67–79.
7. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. IX. Т. XVIII. М., 1963.
8. *Хасан-Джалалян Е.* Краткая история страны Албанской (1702–1722). Баку, 1989.
9. *Kruşinski Y.T.* Xristian səyyahının tarixi (farscadan tərcümə edəni Ş. Fərzəliyev). Bakı, 1993.
10. *Məmmədli Ş.* XVII–XVIII əsrlərdə Azərbaycan-Hindistan ticarət əlaqələri. Bakı, 2011.

Е.М. Багаева

Становление торгового предпринимательства на Кубани в 1860–1870-х гг. (на примере ярмарочной торговли)

Изучение истории предпринимательства в России, его форм, характера и масштабов, а также роли непосредственных участников данного процесса занимает важное место в современной исторической науке. Торговое предпринимательство на Кубани имеет богатые традиции. Их изучение помогает проанализировать и объяснить те явления и процессы, которые определяют экономическое развитие региона на современном этапе.

Кубанская область как новая административно-территориальная единица в составе Кавказского края, занимавшая первое место среди других его областей и губерний (8 620 589 десятин) была образована 8 февраля 1860 г. Она включала в себя земли Кубанского казачьего войска: ныне это территории Краснодарского края, Республики Адыгея и предгорной части Карачаево-Черкесской Республики.

1860–1870-е гг. – период зарождения и становления торгового предпринимательства на Кубани. В своих отчетах за 1860-е гг. начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска, характери-

зуя состояние торговой деятельности в крае, отмечал: «Торговля в войске находится в самом начальном положении. Процветание ее в казачьем быту невозможно» [1: 74]. Военная служба ограничивала возможности казака заниматься торговлей, да и сам он, в силу своего «воинственного характера» игнорировал такие занятия. Кроме того, отсутствие удобных путей сообщения, которые находились здесь в «естественном состоянии», также следует отнести к причинам, тормозившим развитие данного вида экономической деятельности в исследуемом регионе.

Великие либерально-буржуазные реформы 1860–1870-х гг., окончание Кавказской войны в 1864 г., начало железнодорожного строительства, гражданская (в основном, крестьянская) колонизация казачьего края, открытие судоходства – все это послужило мощным стимулом для формирования товарно-денежных отношений в Кубанской области.

Одной из форм внутренней торговли, получившей широкое распространение на Кубани в 1860–1870-х гг., стали ярмарки. Они, как правило, устраивались в дни религиозных праздников с таким интервалом, чтобы торговцы с одного торга могли успеть со своими товарами на ярмарку в соседний округ (с 1869 г. – уезд). Основными предметами ярмарочной торговли в исследуемый период были хлеб, виноград, разного рода рыба, сало, мясо, рогатый скот, сырые кожи, овечья шерсть, чай и т.д.

В Кубанской области наиболее значительными были четыре ярмарки, учрежденные в городе Екатеринодаре (в настоящее время – г. Краснодар) еще в 1794 г.: 25 марта (на Благовещение), в июне (на Троицу), 6 августа (на Преображение), 1 октября (на Покров Пресвятой Богородицы). Анализ архивных материалов показал, что общая сумма привозимых на них товаров превышала 3,5 млн руб. [2: 8–11]. На Благовещенскую ярмарку в марте 1870 г. из внутренних губерний Российской империи, а также из ближних и дальних кубанских станиц прибыло до 9,5 тыс. торговцев с различными товарами на сумму 1204,6 тыс. руб.: привезено красного товара (дешевой мануфактуры) на 560 тыс., суконного – на 75 тыс., галантерейного – на 185 тыс., бакалейного – на 85 тыс., кожевенного – на 42,5 тыс., железного – на 50 тыс., скобяного – на 40 тыс., колес и повозок простых – на 5 тыс. руб. и т.д. Вся сумма привоза составила 1 372 850 руб., а продано было на 538,7 тыс. руб. [3: 2-4]. Троицкая ярмарка, организованная в мае 1873 г., привлекла до 40 тыс. человек. Данное событие широко освещалось в периодической печати: «…привезено товаров и продуктов почти на миллион рублей, пригнано более 10 тыс. голов скота, лошадей и овец. Торговые пошлины в пользу города взысканы на сумму более 5 тысяч рублей» [13]. В октябре 1875 г. в столице Кубанского казачьего войска прошла Покровская ярмарка. В ее работе приняли участие до 45 тыс. человек, а торговый оборот составил около 1 млн руб. [14].

Но ярмарочная торговля в Екатеринодаре имела и негативную сторону. Так, например, санитарный врач города Екатеринодара В. Абдессаломов в своей статье, опубликованной в местной газете, сравнил базарную площадь с «громаднейшим котлом, в котором совершается кипение всех гниющих и разлагающихся веществ», а также он отметил кучи мусора, протухшей рыбы и «объедков с обжорного ряда» [15]. Данный факт говорит об отсутствии порядка на торжище в то время: «Обыкновенно все продукты как-то пере-

мешаны вместе, если не в лавочках, то в небольшом пространстве земли проходной улицы, где и располагаются прямо на земле. Где продается мясо, там же зелень и рядом зачастую бочка с дегтем» [15].

Ярким событием в экономической жизни Екатеринодара стало открытие 3 ноября 1876 г. Нового рынка (ныне – Кооперативный рынок г. Краснодара), для устройства которого у частных лиц был выкуплен земельный участок, оцененный в 7650 руб. Половину этой суммы собрали по подписке, а остальное доплатила городская казна. Место расположения оказалось весьма удачным, и вскоре Новый рынок стал конкурентом Старого базара, расположенного в квартале между улицами Екатерининской (Мира), Базарной (Орджоникидзе), Рашпилевской и Посполитакинской (Октябрьская). Вначале он был предназначен для торговли лесом, досками, сеном, скотом и т. д., и только лишь 21 февраля 1879 г. городская дума разрешила здесь продажу всех привозимых продуктов, а в 1883 г. приняла решение о замощении Нового рынка кирпичом, что обошлось городу в 80 тыс. руб. [16: 19–20].

В 1860-х гг. ярмарочная деятельность развивалась и в станицах, расположенных на территории военно-казачьих поселений, которые просуществовали здесь до 1869 г. Но эта форма внутренней торговли не приносила высоких доходов. Вся прибыль, в основном, шла в войсковую казну. Так, во 2-й бригаде Кубанского казачьего войска (военное управление бригады находилось в станице Прочноокопской) в 1868 г. были учреждены 9 ярмарок, важнейшими из которых были 2: в станицах Прочноокопской и Кавказской. Здесь главными предметами торга являлись хлеб, рогатый скот, рыба, сало, мясо, сырые кожи, овечья шерсть, чай, мануфактурные и бакалейные товары. Торговый оборот в этом регионе составлял 125 831 руб. серебром [4: 266–266 об.].

Известностью пользовались ярмарки в станицах Александровской и Баталпашинской (ныне – г. Черкесск), расположенные на территории 4-й бригады (военное управление – в Баталпашинской). На них продавали скот, лошадей, сырую кожу, сукна, мануфактурные и бакалейные товары. В районе Адагумского конного полка (военное управление – в г. Анапе) в 1868 г. существовало 4 ярмарки, из них самая значительная находилась в станице Гостагаевской (ежегодно организовывалась 9 мая), которая считалась лучшей по торговым оборотам. Здесь главным предметом торга являлся рогатый скот.

В целом, к концу 1860-х гг. в Кубанской области произошло расширение внутренней торговли за счет учреждения новых ярмарок: в 1869 г. их насчитывалось 66 [5: 51об.]. Данное обстоятельство явилось следствием формирования товарно-денежных отношений в исследуемом регионе, что способствовало повышению благосостояния местных жителей.

В 1870-х гг. происходило дальнейшее развитие торговой деятельности на Кубани, что выразилось, прежде всего, в открытии новых рынков и ярмарок. Начальник Кубанской области в своих отчетах отмечал, что «внутренняя торговля в области ограничивается сбытом местных продуктов» [6: 474–474 об.]. Данный вид предпринимательства находился в тесной зависимости от сельского хозяйства: скотоводства и хлебопашества. Основными предметами продажи оставались, по-прежнему, хлеб, лошади, рогатый скот, овцы, рыба, кожа, шерсть, сало и шерсть.

Анализ источников помог составить общее представление об уровне развития торговли в различных регионах Кубанской области в те годы. В г. Темрюке в 1870-х гг. существовало 2 четырехдневные ярмарки: Николаевская и Казанская, торговый оборот которых в 1871 г. равнялся 300 тыс. руб. [6: 264 об.] В Темрюкском уезде наиболее важными в экономическом отношении были станицы Таманская и Крымская (ныне – г. Крымск). Сбыт товаров местного производства в населенных пунктах Таманского полуострова происходил через Тамань в Керчь. Станица Крымская в то время стала центром торговой деятельности жителей закубанских поселений уезда. Они привозили сюда «свои естественные произведения» и здесь же покупали все необходимое для ведения хозяйства. В 1874 г. в Крымской были учреж-дены 2 ярмарки, торговый оборот которых составил до 20 тыс. руб. [7: 132–132 об.], а 1876 г. – 160 тыс. руб. [8: 15]

В портовом городе Ейске действовали две ярмарки, торговля на которых была незначительной. Особой популярностью пользовалась Николаевская ярмарка, которая ежегодно устраивалась 9 мая. Главными предметами торга здесь являлись хлеб, шерсть, лесные и кожевенные материалы. В Ейском уезде популярностью пользовались ярмарки, находившиеся в станицах Старощербиновской (Петровская, с 29 июня) и Кущевской (с 11 по 23 апреля), а размеры доходов на них зависели от «благосостояния хозяйств местного населения» [8: 61].

В г. Майкопе в 1870-х гг. существовало две ежегодные ярмарки: 9 марта и 26 августа. Но их деятельность была незначительной [6: 209]. Торговым центром Майкопского уезда была станица Лабинская (ныне – г. Лабинск), ставшая центром мануфактурной торговли для всей нагорной полосы, которая ограничивалась продажей самых необходимых в хозяйстве казака товаров. В уезде в 1872 г. существовало 20 ярмарок: по 2 в станицах Лабинской (25 марта – Благовещенская, 14 сентября – Крестовоздвиженская), Воздвиженской (1 апреля и 22 октября), Белореченской (17 марта и 26 октября, ныне – г. Белореченск), Ханской (1 марта и 1 октября), Гиагинской (после Пасхи и 15 августа), а также в Губской, Царской (ныне – Новосвободная), Тенгинской, Пшехской и Хадыженской. Ярмарочные обороты в этих поселениях выражались следующими цифрами: станицы Лабинская – 350 770 руб., Воздвиженская – 32 тыс. руб., Белореченская – 20 070 руб., Ханская – 8,7 тыс. руб., Пшехская – 1,5 тыс. руб., Вознесенская – 1114 руб. [6: 100–103об.]

По данным за 1874 г., в Майкопском уезде открылось еще несколько ярмарок: по две в станицах Михайловской и Темиргоевской (в каждой учреждались 1 марта и 1 октября), торговый оборот которых соответственно составил 4 тыс. руб. и 18,1 тыс. руб. [9: 269–269 об.] Развитие данного вида предпринимательства в станицах Царской, Хадыженской, Губской и отчасти Пшехской было затруднено весьма неблагоприятными условиями для подвоза и сбыта продукции. Некоторая торговая деятельность наблюдалась в станице Бжедуховской, в которой происходила реализация мануфактурных и бакалейных изделий.

Во второй половине 1870-х гг. по объемам торговых оборотов выделился Кавказский уезд. В 1876 г. здесь насчитывалось 28 ярмарок, размер торговли на которых составил 382 928 руб. серебром [8: 170]. В 1877 г. их

уже было 29 с торговым товарооборотом до 552 050 руб. [10: 145]. В этом районе, в основном, продавали и покупали скот и хлеб. Следует отметить, что Кавказский уезд в то время являлся одним из самых развитых торгово-промышленных регионов Кубанской области.

Строительство Ростово-Владикавказской железной дороги способствовало оживлению экономики Кубанской области, дальнейшему развитию здесь товарно-денежных отношений. Кратковременные и эпизодические формы торговых связей (ярмарки) становились все более устойчивыми и постоянными, что, прежде всего, проявлялось в расширении стационарной торговой сети и ее оборотов. Даже продажа скота, перегон которого был наименее затруднителен, чем доставка других товаров, постепенно сосредоточивалась на стационарных рынках.

Некоторому оживлению внутренней и внешней торговли способствовало судоходство. Самая большая и единственная судоходная водная артерия края – река Кубань удобно соединяла основные хлебные районы Кубанской области с Темрюком и Ейском, откуда товары поступали в Керчь и Ростов-на-Дону. Следует отметить, что первые попытки создания водного транспорта на территории Кубанского казачьего войска были предприняты еще в конце 1850-х гг. генералом от инфантерии, наказным атаманом Черноморского казачьего войска Г.И. Филипсоном, но тогда они не увенчались особым успехом [11: 90]. Лишь в 1873 г. здесь открылась своя пароходная компания с 26 судами.

Изученные архивные материалы показывают, что в Кубанской области в 1876 г. насчитывалось 110 ярмарок, годовой оборот которых равнялся 2 037 842 руб. 60 коп., а в 1883 г. – 149 (2 877 279 руб.) [8: 170] Так, в Темрюкском уезде в 1876 г. их насчитывалось 13 [8: 15], в 1879 г. – 16 с товарооборотом до 212 480 руб., в 1880 г. – 19 (230 764 руб.), в 1881 г. – 21 (583 812 руб. 77 коп.) [12: 101об.]. Анализ данных наглядно показывает, что рассматриваемая форма торговли получила дальнейшее распространение в крае.

Таким образом, 1860–1870-е гг. – это период зарождения торгового предпринимательства на Кубани. Аграрная направленность исследуемого региона наложила отпечаток на его характер, формы и масштабы. Основной формой внутренней торговли, получившей распространение в Кубанской области, были ярмарки. Главными предметами торга являлась сельскохозяйственная продукция. Особое распространение на территории Кубанского казачьего войска получила хлебная торговля: хлеб и зерно являлись основным предметом внутренней и внешней торговли.

Становление ярмарочной торговли происходило за счет пришлого населения. Среди местного населения этот вид занятия не получил широкого распространения, что объяснялось занятостью казака на военной службе.

В целом, торговая деятельность на территории Кубанской области в исследуемых период, несмотря на благоприятные природно-климатические условия, плодородие черноземной земли, находилась на низком уровне своего развития. Данный факт обусловлен рядом причин: плохим состоянием путей сообщения, отсутствием предприимчивости и необходимых знаний среди местного населения. Тем не менее, уже в то время Кубанскую область

стали рассматривать не только как стратегически важный казачий регион, на жителей которого была возложена задача охраны южных границ государства, но и как на один из главнейших сельскохозяйственных регионов Российской империи.

Источники и литература:

1. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 670. Оп. 1. Д. 25.
2. ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 14.
3. ГАКК. Ф. 452. Оп. 1. Д. 3644.
4. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 2113.
5. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 2243.
6. ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 101.
7. ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 437 (Т.1).
8. ГАКК. Ф. 460. Оп.1. Д.196.
9. ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 437. Т. 1.
10. ГАКК. Ф. 454. Оп.7. Д. 1126.
11. ГАКК. Ф. 574. Оп.1. Д. 129.
12. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 28.
13. Кубанские областные ведомости (Екатеринодар). 1874. 15 июня.
14. Кубанские областные ведомости (Екатеринодар). 1876. 24 января.
15. Кубанские областные ведомости (Екатеринодар). 1874. 1 ноября.
16. *Собриевский А.С.* Екатеринодарские городские базары (К истории города Екатеринодара). Екатеринодар, 1897.

И.Н. Рева

История одного «буйства»: о некоторых аспектах перехода российских однодворцев и государственных крестьян в казачье сословие на Северном Кавказе в 30-е г. XIX в. (на материалах Новотроицкой станицы)

На протяжении XVIII в. Российская империя доказала великим державам эффективность своей государственной, экономической и военной системы, что вылилось в ряд феерических побед русского оружия, а также в значительные земельные приобретения. В это время вырисовываются более ясно черты одного из основных направлений движения русской цивилизации – южное. После преодоления «дикого поля» и подчинения кочевых народов Предкавказья к последней трети XVIII в. Российское государство вступает в борьбу за Кавказ с сильными соперниками – Оттоманской империей и шахским Ираном. Державы стремятся расширить свое присутствие в регионе, превращая Кавказ в поле сфокусированного стратегического интереса [17: 10].

Процесс формирования российского фронтира (контактной зоны между различными цивилизациями и культурами) на Северном Кавказе неразрывно связан с историей казачества. Государственная территориальная политика России приобрела ярко выраженную тенденцию к закреплению приобретенных земель путем создания на них мощных опорных пунктов, крепостей

и укрепленных линий. Одновременно со строительством кавказских оборонительных линей правительство организовало кампанию по переселению казаков со всей страны. У этой политики было довольно рациональное начало – ведь казачья колонизация региона сокращала непомерно огромные военные расходы империи по охране ее кавказских рубежей [14: 74]. В этой связи, хотелось бы процитировать слова В.А. Потто, кочующие из одной научной работы в другую, довольно точно определяющие ценность казачьих поселений на русско-кавказском фронтире: «Укрепление – это камень, брошенный в поле: дождь и ветер снесут его; станица – это растение, которое впивается в землю корнями и понемногу застилает и охватывает все поле» [10: 96]. Начинается планомерное заселение края казачеством, поскольку военно-казачья колонизация была испытанным средством, применявшимся российским правительством при занятии и освоении новых территорий.

Потребность в казачьих войсках на линии была настолько ощутимой, что российская администрация на Кавказе не раз пыталась пополнить их за счет горского населения, военнопленных, отставных солдат. Однако эти меры едва ли покрывали неизбежную убыль от непрекращающихся боевых действий на линии – так называемой «малой войны». Для прикрытия и обороны казачьих поселений одних поселенных казачьих войск было недостаточно, поэтому на укрепленных линиях постоянно находилось довольно значительное число войск регулярной пехоты и донских казаков.

Ситуация значительно ухудшилась к 1830-м гг., когда «малая война» на Линии приобрела масштабный характер. Жители Кавказской области столкнулись с серьезной эскалацией – цикличность «хищнических» набегов горцев значительно увеличилась. 2 декабря 1832 г. вышел указ Николая I о причислении к Кавказскому линейному казачьему войску, для усиления охраны кордона, жителей ряда сел государственных крестьян и однодворцев. Среди 31 поселения была и будущая станица Новотроицкая.

Цель данной статьи в пределах «местной истории» рассмотреть переход русских поселенцев на Кавказской линии в казачье сословие и обозначить трудности, с которыми столкнулись государственные крестьяне и однодворцы в условиях нового положения. Источниковедческой базой исследования являются делопроизводственные документы Государственного архива Ставропольского края (далее – ГАСК) и Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА).

Историография проблемы на современном этапе представлена рядом работ. Фундаментальным трудом в рамках данного предметного поля является исследование В.А. Колесникова «Однодворцы-казаки» [9]. Историк подробно рассматривает вопросы, связанные с переселением однодворцев на Северный Кавказ, расселением и обустройством на новом месте, социальной и экономической эволюции данного сословия. Один из главных тезисов исследования, заключается в том, что к 1850 г. численный перевес казаков однодворческого происхождения в казачьих полках правого фланга становится очевидным. Вопрос «оказачивания» разрабатывали в своих трудах такие исследователи, как Л.В. Бурыкина [1], С.А. Голованова [3], Д.С. Ткаченко [15], И.Х. Тхамокова [16], Ю.Ю. Клычников [8], которые на основе архивных источников восстановили масштабы, механизмы и социальный состав этого

процесса. Главный вывод: однодворцы южнорусских губерний стали основой формирующегося линейного казачества на Северном Кавказе, при этом государство целенаправленно проводило политику перевода гражданского населения в военно-служилое казачье сословие для укрепления границ. Наименее изученными остаются микро-исторические аспекты: как конкретные семьи однодворцев и крестьян адаптировались к казачьей жизни, как менялась их повседневность, идентичность и система ценностей. Дальнейшие исследования в этом направлении могли бы углубить наше понимание социальной истории региона.

Селение Новотроицкое было основано однодворцами, выходцами из Курской губернии в 1797 г. [9: 192]. Хотя переселение курян на Кавказ осуществлялось небольшими партиями, уже к 1802 г. в селении насчитывалось 320 дворов и проживало 1 298 мужчин [13: 487]. Данная местность сильно отличалась от прежних территорий проживания. Отсутствие леса, негодная к употреблению вода, иссушающая жара в летние месяцы, – все это представляло известные испытания для переселенцев. Однако на новом месте жительства были обширные степные пространства, позволявшие содержать большие стада овец и скота, а самое главное, прекрасного качества черноземная почва. Предприимчивые однодворцы с умом воспользовались всеми плюсами региона и с особым энтузиазмом начали хозяйственное освоение. Обширные степные пространства вокруг Новотроицкого как нельзя лучше подходили для развития скотоводства, об успехах которого говорит большое количество хуторов (9) вокруг селения. Наряду со скотоводством, жители умело развивали хлебопашество. Об этом свидетельствует тот факт, что в сравнении со своими егорлыцкими соседями, новотроицкие однодворцы высеивали гораздо больше хлебов. Другим благоприятным обстоятельством было расположение Новотроицкой на Черноморском тракте, соединявшем Ставрополь с Кубанской линией. Этот фактор напрямую влиял на развитие торговли, что вылилось в открытии с 1815 г. 2 ежегодных ярмарок. Вышеописанное подтверждает тот тезис, что в начале 1830-х гг. селение Новотроицкое считалось одним из самых зажиточных в Ставропольском округе, и его жители не без прибыли занимались торговлей, скотоводством, земледелием.

При этом селяне испытывали на себе все тяжести фронтирной жизни, так как проживали на близком расстоянии от границы (около 40 км). Нападений больших скопищ закубанцев селению удалось избежать, однако случаи одиночных нападений были постоянным явлением. В самый разгар «малой войны» на Линии однодворцы Новотроицкой выставляли 164 вооруженных всадника для помощи на кордоне [9: 216].

Переход в новое положение для однодворцев и государственных крестьян требовал больших материальных и временных затрат. Командующий правым флангом с 1816 по 1826 гг. И.Л. Дебу разделял казачью службу на три вида: «отдаленную», станичную и кордонную [7: 283]. К «отдаленной» службе можно отнести такие военные мероприятия, как горные экспедиции или военные походы. К ним привлекались наиболее боеспособные казачьи полки. Одной из структур казачьей повседневности можно считать кордонную службу, на которой линейцы проводили большую часть жизни. В нее входили: служба на приграничных и внутренних постах, разъезды по

дистанциям кордона, наряды в пикетах и секретах и т.д. Станичная служба включала в себя караул на вышках, укреплениях и воротах, фуражирование для нужд станичного общества и «исправление» других различных поручений станичного правления.

Весной 1833 г. новотроевцы стали осваивать начала казачьей линейной службы, приобретать необходимое оружие и обмундирование. Первые три года «новые» казаки несли службу только на ближайших кордонных постах в сочетании с военным обучением. Но уже в это время добавлялись внутренние обязанности. Линейная казачья служба, охватив поголовно все мужское население, прилично сократила занятие собственными хозяйствами. Неоспоримо, что земельный надел линейного казака, установленный в 30 десятин, вдвое превышал надел государственного крестьянина или однодворца, но у последних было время для его обихаживания, между тем как казак, обязанный отдать государству 25 лет службы, был напрочь лишен порой даже малейшей возможности навести порядок на своем участке [9: 221]. В области самоуправления права линейцев также были весьма сужены. Те же казенные поселяне Кавказской области могли свободно выбирать собственных должностных лиц, в то время как в линейные станицы начальники определялись согласно приказам командования полка.

В рапорте от 26 февраля 1834 г. командир Кубанского казачьего полка майор Рот докладывал, что при приводе к присяге казаков в станице Новотроицкой произошло «буйство» [11: 8]. 40 стариков, отделившись от общества, стали запрещать своим сыновьям присягать на верность службе под предлогом того, что государь-император вернул их в «первобытное однодворческое звание». Видя такое неповиновение, майор зачинщиков посадил под караул и произвел следствие. В ходе дознания были выявлены наиболее активные зачинщики бунта, служащие казаки Никифор Потапов и Гаврила Сорокин, не служащие местные жители Карп Жидков, Семён Панков, Фёдор Масалов, Андрей Черкашин, Пётр Симонов, которых публично подвергли наказанию. В присутствии служащих казаков Новотроицкой каждый из «смутьянов» получил по 300 розог, после чего все они под строгим конвоем были отправлены в Ставрополь.

Следствием было выявлено, что упомянутые казаки с прочими товарищами захотели вернуться в «первобытное состояние однодворцев». С этой целью они нашли в городе Ставрополе писаря, рядового Кавказского линейного 3-го батальона Ивана Захарова, который составил им обращение на имя военного министра за вознаграждение в 18 руб. серебром. Захаров дал показания, в которых и скрывается основная причина данного бунта: «…действительно писал черновое прошение Господину Военному Министру от имени Жидкова и Симонова, обращении их по-прежнему в крестьянское звание, а в случае не возможности сделать сего, то дать им по неурожаю хлеба на несколько времени льготы, или по крайней мере помощи» [11: 11].

Справедливости ради, также нужно обозначить, что желание вернуться к гражданской жизни во многом усилили засуха и голод 1833 г. О масштабах природного катаклизма свидетельствуют документы ГАСК, в которых имеются поименные списки нуждающихся в помощи от правительства [4; 5; 6]. Ухудшившееся хозяйственное положение привело к тому, что некоторые

местные жители оказались без всяких средств к существованию. Майор Рот в своем рапорте писал, что подобные прошения весьма часто встречались.

Нам удалось найти некоторых «смутьянов» в переписи населения 1837 г., которая проводилась при подготовке проекта положения об устройстве Кавказского линейного казачьего войска. Так, глава семьи из 11 человек Семён Панков имел хозяйство: 15 свиней, 70 овец, 7 телят, 15 коров, 8 волов, 6 лошадей [12: 93]. Андрей Черкашин с семьей из 8 человек имел: 7 свиней, 30 овец, 3 теленка, 10 коров, 6 волов, 2 лошади [12: 122]. Такое, достаточно большое хозяйство по меркам кавказского фронтира, требовало постоянного внимания хозяев, в условиях отсутствия свободных рабочих рук.

Все вышеупомянутые факты, а также совпавший по времени с этим сложный переход в казачье сословие могли вызвать у вчерашних однодворцев недовольство: «Наконец, поступив на службу, новый казак вздыхает только о том, что ему остается мало времени для занятия хозяйством; что при большей свободе времени он бы разбогател как купец. Через два или три года молодого мужика, поступившего на службу, уже не узнаешь от лихого казака-наездника, – такова русская натура» [2].

Источники и литература

1. *Бурыкина Л.В.* Расширение военно-казачьей колонизации на Кавказской линии в 90-е г. XVIII – 60-е г. XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. Вып. 2. С. 20–24.

2. В.Л. Поездка на Правый фланг Кавказской линии и в Черноморию // Кавказ. 1850. № 56. 19 июля.

3. *Голованова С.А.* Государственная политика России по регулированию численности казаков Терека и Кубани в XVIII-XIX вв.: этнодемографический аспект. Армавир, 2014.

4. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 79. Оп. 1. Д. 1684.

5. ГАСК. Ф. 145. Оп. 1. Д. 37.

6. ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 420.

7. *Дебу И.О.* О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах, собранные действительным статским советником и кавалером Иосифом Дебу с 1816 по 1826 год. СПб., 1829.

8. *Клычников Ю.Ю., Скиба К.В.* «Подтянулись мужики, из мужланов вышли бравые казаки...»: К вопросу о формировании частей Кавказского линейного казачьего войска // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы Тринадцатой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции. Армавир, 2022. С. 16–19.

9. *Колесников В.А.* Однодворцы-казаки. К 200-летию со дня основания Рождественской, Каменнобродской, Сенгилеевской и Новотроицкой станиц. СПб., 2000.

10. *Потто В.А.* Кавказская война: В 5 т. Т. 1: С древнейших времен до Ермолова. Ставрополь, 1994.

11. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 13 454. Оп. 5. Д. 1210.

12. РГВИА. Ф. 15 044. Оп. 1. Д. 25. Т. 4.

13. *Ровинский И.* Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. По гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству. СПб., 1809.

14. Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007.
15. *Ткаченко Д.С.* Историческая действительность жизни Кавказской области в первой половине XIX в. по материалам местного делопроизводства // Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа. Материалы 19-й всероссийской научно-практической конференции. Армавир, 2013. С. 99-103.
16. *Тхамокова И.Х.* Терское казачество в этнокультурном пространстве Северного Кавказа (XVI – начало XX в.). Нальчик, 2017.
17. *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т.* Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов-на-Дону, 2012.

А.П. Скорик, И.М. Федина

О наследственном деле в Ставрополе донского торгового казака Григория Харсеева в середине XIX века

Сложился устойчивый социальный миф о донском казачестве исключительно как о военно-служилом сословии, окончательно оформившемся в этом знаковом общероссийском статусе с принятием «Положения об управлении Войском Донским» 26 мая 1835 г. Подписанный императором Николаем I нормативно-правовой акт (1000-страничный документ) четко зафиксировал систему войскового управления; в нем предметно регламентировались права и обязанности донского казачества как особого военизированного сословия Российской империи. Однако в самом донском казачестве существовали различные внутрисословные группы и не только военные по характеру своего предназначения и функционирования, историческая реконструкция повседневности которых нередко позволяет создавать прелюбопытные варианты историописания. В этом отношении добротное основание и прекрасную пищу для разносторонних размышлений профессиональным историкам предоставляют сохранившиеся архивные коллекции документов. Одна из таких небольших коллекций привлекла наше внимание, ибо отложилась в Государственном архиве Ставропольского края (далее – ГАСК), а по территориальным масштабам заложенного содержания охватила не только Ставрополье, но и Дон, а еще и Кубань. Такой архивной коллекцией оказалось наследственное дело донского казака Григория Григорьевича Харсеева, точнее микроистория о том, как претенденты на наследство попытались неправомерно использовать его исключительно в своих меркантильных интересах.

Казак Войска Донского Григорий Григорьевич Харсеев относился к внутрисословной группе донских торговых казаков. Ее существование закреплялось именным Высочайшим указом российского императора Александра I, датированным 12 сентября 1804 г., когда по инициативе атамана М.И. Платова на Дону удалось учредить «Общество донских торговых казаков». Нормативно права донских казаков на торговлю оформляются к 1835 г., с выходом «Положения об управлении Войском Донским» [2: 40–41].

Судя по оставленному наследству, Григорий Харсеев являлся состоятельным предпринимателем и содержал две торговые лавки, одна из которых находилась в губернском кавказском городе Ставрополе, а вторая располагалась в селении Воронцовка (в данном случае в архивном документе использовано обиходное наименование населенного пункта). Под Воронцовкой, скорее всего, если фиксировать официально, подразумевалось в Ставропольской губернии село Александровское (в 1850 г. имело поселенческий статус станицы), считавшееся в 1873–1924 гг. центром крупного уезда. В городской лавке Ставрополя на момент открытия наследства скопилось товаров на общую сумму 4262 руб. серебром. В станичной лавке станицы Александровской совокупная стоимость находившихся там товаров оценивалась также довольно приличной суммой 3120 руб. серебром [1: 4].

Заметим, серебряный рубль чеканки Санкт-Петербургского монетного двора 1850 г. физически содержал около 17,7 г чистого серебра (868-й пробы) и, как правило, приравнивался в торговых операциях к 4 руб. бумажными ассигнациями, поэтому в те годы обязательно подчеркивали, какой именно рубль имеется в виду в данном случае. За 50 коп. серебром (а то и меньше) можно было нанять крепостного крестьянина на целый день (что считалось приличной сделкой), или же купить на 1 руб. серебром 1,5 кг (а то и больше, в зависимости от того, как сторговаться) отменного свежего чебака (леща) на Дону.

Однако казак Григорий Харсеев занимался торговлей кожевенными товарами, и, как мы полагаем, речь шла о полуфабрикатах в виде уже выделанных кож домашних животных (быков, телков, овец, коз и др.), а также о широком ассортименте готовых изделий из кожи, например, добротной мужской, женской и детской обуви разных размеров (сапоги, башмаки и др.), о галантерейных бытовых вещах (кошельки, перчатки, бумажники). С учетом приграничной специфики Ставропольской губернии и активного освоения территории региона в лавках активно предлагали покупателям различные шорно-седельные изделия, в частности, наборы и отдельные элементы конской упряжи. Упоминание о наличии в лавке г. Ставрополя на момент открытия наследства 20 пудов соленой перепелки [1: 4] наводит нас на мысль, что казак Григорий Харсеев приторговывал также выделанными кожами (а, соответственно, и изделиями из кожи) диких животных. Заметим, соленые перепелки считаются деликатесом традиционной русской кухни, и его подавали, прежде всего, к праздничному столу. Очевидно, предприимчивый казак хорошо знал, чем завлечь покупателей в свои торговые лавки, чтобы не только заработать капитал, но и доказать свою купеческую состоятельность, достойно продемонстрировать свое имя в торговых сделках.

Душеприказчиком (исполнителем завещания) казак Григорий Харсеев выбрал казака Волошина, но сущность завещания в изученных нами архивных документах не излагается. Зато известно, что два родных брата ушедшего в мир иной предпринимателя Иван Харсеев и Гаврила (это разговорная форма церковного имени Гавриил) Харсеев боролись за духовное завещание. Возникла судебная тяжба между братьями Харсеевыми, а душеприказчик, казак Волошин хотел лишь выполнить волю умершего. Была начата процедура передачи всего наследственного имущественного комплекса под опекунское управление.

Казак Иван Харсеев вместе с сыном, не дожидаясь завершения юридических процедур по оформлению наследства, явочным порядком захватил обе торговые лавки, принадлежавшие Григорию Харсееву. Согласно уведомлению Ставропольского губернского правления, направленному в Черкасское окружное судное начальство [1: 1], Иван Харсеев, ссылаясь на дозволение Ставропольского полицейского управления, сбил замки в торговой лавке, находившейся в г. Ставрополе, самовольно изъял значительную часть наличествовавших в торговом заведении товаров «и отправил для распродажи в разные селения губернии» [1: 1]. Виновным в допущенном самоуправстве Ставропольское губернское правление считало Ставропольский городской сиротский суд, не обеспечивший сохранность имущества Григория Харсеева до исполнения его завещания, ибо этот вопрос находился в его юрисдикции. Поэтому Ставропольское губернское правление «распорядилось произвести следствие через особого чиновника, отыскать всё захваченное Харсеевым и привести в гласность для передачи в опекунское управление» [1: 1].

Другой брат наследодателя, казак Войска Донского Гаврила Харсеев обратился за поддержкой в справедливом разрешении сложившейся ситуации к наказному атаману Войска Донского генерал-лейтенанту М.Г. Хомутову, которому пожаловался «на самоуправное распоряжение брата его Ивана Харсеева и растрату имения умершего брата их Григория Харсеева, оставшегося в г. Ставрополь, в коем он Иван не должен был иметь участие и о котором производится ещё дело в Черкасском суде» [1: 3]. Судя по всему, какая-то часть наследства Гавриле Харсееву могла принадлежать, и он сумел добиться поддержки не только наказного атамана Войска Донского генерал-лейтенанта М.Г. Хомутова в запутанном наследственном деле, но и нашел понимание в двух судебно-исполнительных инстанциях: в Черкасской окружной опеке и в Черкасском окружном судном начальстве с целью добиться опекунского управления над наследственным имущественным комплексом своего брата Гаврилы Харсеева. Особенно наследополучателя волновало товарное состояние 20 пудов соленых перепелок в торговой лавке в г. Ставрополе [1: 3], в связи с наступлением весны и заметным ростом температуры воздуха, когда такой ценнейший продовольственный товар мог испортиться при его ориентировочной цене 48 руб. за пуд, или примерно на общую сумму около 1 тыс. руб.

После личного обращения наказного атамана Войска Донского генерал-лейтенанта М.Г. Хомутова 15 марта 1850 г. к исправляющему должность Ставропольского гражданского губернатора, вице-губернатору (1847–1855) статскому советнику А.А. Борзенко Ставропольское губернское правление, также с учетом поданного в эту же инстанцию прошения донским казаком Гаврилой Харсеевым, активно вмешалось в сложившуюся ситуацию. Тем более что еще до получения этих бумаг, в Ставропольское губернское правление обратился с жалобой душеприказчик Григория Харсеева казак Волошин, знавший о нахождении казака Ивана Харсеева в г. Ставрополе. На основании постановления Ставропольского губернского правления от 20 марта 1850 г., было решено отобрать все захваченное самоуправным порядком имущество из двух торговых лавок в самом Ставрополе и в селении Воронцовка. Городская полиция отыскала и заставила правонарушителя дать подписку о невыезде из Ставрополя и об отказе от реализации и сбережении всего захва-

ченного из двух торговых лавок «кожевенного товара, за который он данной подпиской обязался ответствовать за оный во всей означенной суммы» [1: 4] в размере 7382 руб. Однако выдержать навязчивое искушение заработать приличные деньги донской казак Иван Харсеев не смог, и он вместе со своим сыном (его имя в архивных документах не обозначается. – авт.) и товарищем по житейским делам Панковым отправились с захваченным в двух лавках и не принадлежащим ему товаром на ярмарку в г. Екатеринодар, где рассчитывали оперативно и с большой прибылью реализовать все это имущество. Так подельники оказались 25 марта 1850 г. на большой ярмарке в г. Екатеринодар, где быстро сбыли, по существу, краденый товар.

Ставропольское губернское правление после получения обоснованного прошения в порядке наследования имущества своего брата от донского казака Гаврилы Харсеева и обращения наказного атамана Войска Донского генерал-лейтенанта М.Г. Хомутова принялось разыскивать подельников и 28 марта 1850 г. от лица Ставропольского гражданского губернатора решило прибегнуть к помощи исправляющего должность наказного атамана Черноморского казачьего войска генерал-лейтенанта Г.А. Рашпиля. Ставропольское губернское правление просило наложить арест на весь товар, если донской казак Иван Харсеев попытается реализовать его на ярмарке в г. Екатеринодар на срок вплоть до получения распоряжения Черкасской окружной опеки, а самого Ивана Харсеева с сыном под надлежащим конвоем отправить для дальнейшего разбирательства обратно в Ставропольское губернское правление из-под чьего надзора тот сбежал [1: 4–4об]. При этом весь описанный ранее товар, принадлежавший умершему донскому казаку Григорию Харсееву, находился в официальном распоряжении Ставропольского сиротского суда [1: 5].

О предпринятых Ставропольским губернским правлением действиях исправляющий должность Ставропольского гражданского губернатора, вице-губернатор статский советник А.А. Борзенко информировал наказного атамана Войска Донского генерал-лейтенанта М.Г. Хомутова в двух сюжетах.

Первый: «Милостивый государь Михаил Григорьевич!

О приведении в известность имение, оставшееся в г. Ставрополе после умершего казака Григория Харсеева, Ставропольское губернское правление, вследствии вступивших в оное жалоб от душеприказчика Харсеева казака Волошина сделало должное распоряжение и товары, находившиеся в ведении родного брата умершего Григория Харсеева Ивана, дозволившего себе самовольно разбить в оной лавке замки, в известность приведены» [1: 6].

Второй: «По показанию другого брата Харсеева Гавриила, доставившего ко мне письмо Вашего Превосходительства от 15 числа минувшего марта, что Иван Харсеев вывез товары для продажи на ярмарку в Екатеринодар, Я 28 марта отнесся к господину исправляющему должность наказного атамана Черноморского войска об изыскании в Екатеринодаре Харсеева и товаров уже в известность поставленных со взятием их под присмотр до особого распоряжения Новочеркасской окружной опеки, вместе с тем о принятии мер по сбережению в целости товаров находящихся и о предохранении их от порчи» [1: 6–6об].

Однако события развивались более стремительно, нежели властные административные и судебные инстанции трех российских регионов принимали решения и переписывались между собой. Судя по сообщению кан-

целярии Черноморского казачьего войска, направленному Ставропольскому гражданскому губернатору, 13 апреля 1850 г. названная канцелярия на основании отношения Ставропольского гражданского губернатора от 28 марта 1850 г. № 1626 выпустила распоряжение «о задержании в г. Екатеринодаре казака Войска Донского Ивана Харсеева, если действительно он окажется здесь на ярмарке, с увезенным им товаром, определение сего последнего в известность и о взятии под присмотр» [1: 7]. К сожалению, очередное императивное действие в отношении донского казака Ивана Харсеева и самоуправно вывезенного им кожевенного и других сопутствующих товаров из двух торговых лавок своего умершего брата Григория Харсеева в г. Ставрополе и селении Воронцовка опять опоздало. Региональная ярмарка в г. Екатеринодар прошла ещё 25 марта 1850 г., и на ней действительно побывал донской казак Иван Харсеев, очевидно реализовавший доставленные из г. Ставрополя украденные товары. Остается не выясненным на основе изученных архивных документов сакраментальный вопрос, все ли он продал, или что-то из обозначенного имущества у него все-таки осталось, ведь из г. Екатеринодар Иван Харсеев с подельниками выехал в Ейский округ Черноморского казачьего войска. Что делал донской казак Иван Харсеев в Ейском округе: то ли распродавал оставшийся у него товар, то ли заметал криминальные следы, не понятно. Екатеринодарская полиция сделала запрос в Ейское начальство о пребывании в округе двух подельников, но и там полицейские их застигнуть не смогли. По данным, полученным из Ейского начальства, донской казак Иван «Харсеев с товарищем его Панковым были уже в Войске Донском станицы Старочеркасской» [1: 7об]. В общем, все получилось как в русской народной сказке «Колобок»: изворотливый донской казак Иван Харсеев убежал от надзора высших инстанций исполнительной власти Дона, Кубани и Ставрополья, не смогли его остановить никакие юридические препоны судебных институтов, не подействовали жалобы душеприказчика казака Волошина и брата Гаврилы Харсеева, органы полиции оказались бессильны поймать правонарушителя с его сотоварищами. Предприимчивый Иван Харсеев быстро обтяпал свои делишки и вернулся в родную донскую станицу Старочеркасскую, рассчитывая замять дело и остаться при полученных барышах, ну и поделиться еще с кем надо для успеха всего затеянного им предприятия.

Итак, мы на основе изученных архивных материалов, которые отложились в ГАСК, реконструировали практически детективный микроисторический сюжет из социально-экономической повседневности середины XIX в., когда право сильного и предприимчивого донского казака Ивана Харсеева оказалось выше действующего закона, чего по определению быть не должно. В том-то и заключается исторический урок наследственного дела торгового казака Григория Харсеева, сумевшего наладить свой актуальный и успешный бизнес в Ставропольской губернии.

Источники и литература

1. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1539.
2. *Савельев Е.П.* Очерки по истории торговли на Дону. Общество донских торговых казаков. 1804–1904 гг. Новочеркасск, 1904.

Г.Н. Рыкун, О.А. Карташева

Основные проекты устройства Кавказских Минеральных Вод в конце XVIII – первой половине XIX вв.

Первые проекты устройства Кавказских Минеральных Вод (далее – КМВ) появились благодаря исследованиям конца XVIII – нач. XIX вв. Источники лечебных вод, определившие само название обширной территории и явившиеся основой для возникновения и развития курортов, придавали КМВ уникальное значение и составляли одно из главных богатств царской России. Задача их сохранения и улучшения эксплуатации емко сформулирована чиновником Управления КМВ (УКМВ) А.П. Матвеевым в «Обзоре хозяйства Кавказских Минеральных Вод»: «Источники – сердце Кавказских вод, забота об источниках должна быть положена в основу всего хозяйства их; количество и качество источников – капитал Кавказских групп; без источников лечебное значение Пятигорья сойдет до значения климатической станции для Кисловодска и совершенно пропадет для всех остальных групп!» [6: 161–162]. Это бесспорное положение легло в основу разработки почти всех проектов по организации и переустройству КМВ.

На протяжении начального периода развития КМВ было разработано множество проектов, которые касались различных сторон развития курорта, но все они, определенные функциональными особенностями курортной местности, так или иначе затрагивали проблемы устройства источников минеральных вод в регионе и носили рекреационный характер.

В 1793 г. П.С. Паллас, выдающийся естествоиспытатель и путешественник, родившийся в Берлине, прибывший по приглашению Екатерины II в Россию на работу в Петербургскую Академию наук, посетил КМВ, провел химический анализ минеральной воды, оценил ее целебные свойства и предложил практический проект по сохранению источника нарзана, который находился в первобытном виде, без всякого, даже элементарного каптажа [7: 234]. Но только в начале XIX в. были реализованы первые проекты по его устройству. Так, в 1803 г. «для отвращения засорения… края самого ключа были возвышены и устроен из досок бассейн» [5: 8]. При устройстве Кисловодской крепости был осуществлен первоначальный проект П.С. Палласа: р. Ольховка была отведена в р. Березовку, старое русло завалено. Однако после этого все сооружения несколько раз были снесены наводнениями, а сам источник засорялся землей. Лишь в 1812 г. вокруг Кислого ключа был сделан первый примитивный каптаж (так называемый Мясниковский сруб по фамилии губернского архитектора С.Д. Мясникова), который несколько раз обновлялся. К концу 1840-х гг. источник был предохранен от разрушительных разливов р. Ольховки каменною набережною и отводным протоком. Однако проект отводного канала до соседней балки не был осуществлен из-за того, что дно балки оказалось выше русла обеих речек [1: 94].

Одним из первых проектов благоустройства КМВ следует считать проект штаб-лекарей П.А. Гординского, А.П. Крушневича и аптекаря С. Швенсона, направленных в 1802 г. Медицинской коллегией для исследования КМВ.

Они предлагали на Горячих водах провести водопровод от источника к подножию горы, для удобства больных, на Кислых водах при источнике нарзана устроить ванны и галерею для прогулок, а также затрагивали вопросы расселения больных военного ведомства и частных посетителей.

По поручению министра внутренних дел В.П. Кочубея в 1803 г. проектом устройства Горячих вод занимался ученый-энциклопедист, член Российской академии наук, архитектор Н.А. Львов. Им было разработано «Примерное положение, каким образом выгодно бы было выстроить ванны и теплицы у Горячих вод, на Бештовых горах находящихся». В нем, в частности, предлагалось необходимые для принятия ванн строения высечь непосредственно в Горячей горе [9: 64–65]. Этот оригинальный проект был положен в основу плана благоустройства Горячих вод, разработанного Министерством внутренних дел. Но его осуществлению помешали объективные причины – чума 1804–1808 гг., войны с Персией, Турцией, а затем с Францией.

Далее разработкой проектов по устройству Горячих и Кислых вод занимались с 1809 г. военные инженеры – генерал-майор Г.Е. Фелькерзам, инженер-полковник Н.П. Гельмерсен, архитектор И.Ф. Руска, генерал-штабдоктор В.П. Крейтон и Н.Ф. Ртищев. Их проект предполагал государственное участие в создании курортных поселков из 8 кварталов с двумя домами-пансионата-ми для приезжих.

Гуманист, врач немецкого происхождения на русской службе Ф.П. Гааз, изучив Горячие воды в 1809 и 1810 гг., свои соображения относительно их устройства изложил в записке на имя министра полиции А.Д. Балашева. Проект предполагал социальное разделение: купальня для состоятельных больных непосредственно у источников, а для простолюдинов – подведение излишней воды к общей купальне у подножия. Исследователем отмечалась необходимость устройства резервуаров для сбора минеральной воды, гале-рей, садов и парков [4: 22]. То есть это уже был комплексный проект, неко-торые предложения которого были учтены в последующих проектах.

Государственное участие в развитии Вод началось с назначением в 1816 г. Главнокомандующим войсками на Кавказе А.П. Ермолова. Посетив Воды в мае 1818 г., он ознакомился с их положением на месте. После этого началось осуществление устройства КМВ [2: 2.]. По его предписанию в 1823 г. была учреждена специальная «Строительная комиссия при КМВ с обязанностями составления проектов и руководства сооружением зданий» под руководством майора Н.А. Павлова [8: 326]. Комиссия впоследствии превратилась в своеобразный институт управления Водами и была подотчетна лично генералу А.П. Ермолову вплоть до 1826 г. Строительная комиссия возглавлялась с 1826 г. подполковником Ф.А. Якубовичем, с 1831 г. – полковником П.П. Чайковским, которому были даны полномочия директора Вод, с 1844 г. – А.Г. Парчевским.

А.П. Ермолов внес определенный вклад и в совершенствование проектов развития КМВ. Так, например, им были внесены изменения в планы строительства ванных зданий на Горячих водах (изменение «прожекта» архитектора И.И. Шарлеманя). Подтверждением этому является отношение А.П. Ермолова министру внутренних дел В.С. Ланскому от 18 октября 1827 г. [13: 80–83об.]. По инициативе Ермолова был осуществлен дальновидный проект укрепления Вод посредством поселения казачьих станиц, осущест-

влено предписание использовать врачей не только в курортный сезон, но и для лечения местных жителей в зимнее время [3: 1–1об.].

О государственной значимости устройства КМВ говорит тот факт, что в 1827 г. в Петербурге был учрежден Особый временный комитет под председательством генерал-адъютанта Н.Г. Сазонова для согласования планов благоустройства КМВ. Комитетом были сделаны первые изменения во врачебной части, введены названия всех источников [10: 139–173.].

По мере роста числа посетителей и расширения курортов КМВ требовались изменения и в их организационном устройстве. К одному из осуществленных проектов развития Вод можно отнести и административные преобразования М.С. Воронцова. В 1846 г. было удовлетворено его ходатайство о передаче Вод из ведения медицинского департамента Министерства внутренних дел в его непосредственное подчинение. Соответственно передавались в полное ведение и распоряжение наместника все управление, а также суммы, как назначенные по особому Высочайшему повелению 1837–1838 гг. на устройство Вод, так и отпускаемые на их содержание. На тот момент капитал Вод составлял 138 900 руб. серебром [15: 44].

В 1847 г. в связи с разработкой М.С. Воронцовым «Положения об управлении Кавказскими Минеральными Водами», для исполнения которого была предложена особая инструкция, Строительная комиссия была упразднена. Вместо нее учреждалось особое правительственное установление – Дирекция КМВ, главная обязанность которой заключалась «в попечении об улучшении состояния вод». Этим актом была подчеркнута необходимость особого управления в связи с функциональными особенностями территории. Это особое правительственное учреждение соединило в своем управлении три части: врачебную, строительную и хозяйственную [12: 389–397]. Дирекция и медицинский комитет, подчиняясь непосредственно наместнику Кавказа, в то же время находились в ведении командующего войсками на Кавказской линии и управляющего гражданской частью в Ставропольской губернии. Директор, имевший права военного губернатора во время курса, управлял всеми курортными делами, подчиняясь наместнику и Кавказскому комитету при Комитете министров России. В рапорте 1848 г. на имя императора М.С. Воронцов отмечал, что КМВ требуют значительных построек и разного рода работ для улучшения: «В одном только Пятигорске некоторые устройства, …в Кисловодске несколько небольших незначительных строений, в Железноводске очень мало, в Эсентуке… решительно ничего». Для улучшения необходимы: «искусный архитектор и денежные способы» [11: 179–182]. Кроме того, он предлагал подчинить все минеральные воды в Кавказском и Закавказском крае общему управлению медицинской частью гражданского ведомства на Кавказе, т. е. непосредственно наместнику Кавказа, изъяв КМВ из подчинения медицинского департамента внутренних дел. Но этот проект не получил поддержку министра внутренних дел А.И. Чернышева.

Несмотря на начавшуюся реализацию проектов, развитие КМВ в первой половине и середине XIX в. тормозилось военным положением региона. Это объясняет факт военного управления курортными поселениями, военного обеспечения безопасного пребывания посетителей Вод, а также использования военных для строительства и обслуживания курорта. С из-

менением военно-политического состояния региона постепенно военная функция утрачивала свое значение.

В первой половине XIX в. на Водах еще не имелось ни одного специалиста-гидротехника. Не случайно вопросами каптажа источников занимались архитекторы. Так в 1851 г. при постройке каменной нарзанной галереи в Кисловодске архитектором С. Уптоном старый каптаж был разобран и заменен новым (так называемый Уптоновский колодец), который просуществовал до 1893 г., и все это время шла дискуссия о необходимости его переустройства [14: 84].

Это далеко не все проекты, но даже приведенные позволяют понять историю благоустройства курорта.

Таким образом, проекты устройства КМВ в конце XVIII – первой половине XIX вв. отражают поэтапное превращение региона из слабо обустроенной местности с целебными источниками в полноценный курортный регион государственного значения. Разработка и реализация проектов шли при активном участии ученых, врачей, архитекторов и крупных государственных деятелей того времени и сочетали научные исследования, инженерные и архитектурные решения, а также административные меры. Ключевым принципом всех проектов была забота об источниках как о главном «капитале» курортов.

Научный фундамент, заложенный П.С. Палласом продолжили другие исследователи, которые фиксировали состав вод, сезонную динамику, влияние климата и рельефа, что позволило перейти от стихийного использования источников к научно обоснованному курортному делу. Защита источников от заиливания и паводков дополнялась устройством каптажей, водоводов и простейших бюветов. В этот период инженерами решались одновременно две задачи: сохранить качество воды и сделать ее доступной.

Проекты по развитию КМВ создавались не только «от воды», но и «от города». Планировка улиц, размещение гостиниц, ванн, парков и прогулочных аллей формировали курортную среду. В административно-управленческом плане важным шагом стал рескрипт Александра I в 1803 г. о развитии Кавказских Минеральных Вод, который придал процессу официальный статус и запустил механизмы государственного участия. Появились должности управляющих, сметы, планы благоустройства. При этом важно отметить, что не все замыслы быстро воплощались. Но идея планировать благоустройство, ставить цели и искать пути их достижения сделала эти начинания проектами в историческом смысле, которые определили облик Кавминвод на долгие годы.

Источники и литература

1. *Баталин Ф.* Пятигорский край и Кавказские минеральные воды. Ч. 2. СПб., 1861.
2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 87. Оп. 1. Д. 840.
3. ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 71.
4. *Кулибин С.Н.* Очерк истории развития Кавказских Минеральных Вод (1717–1895 гг.). СПб., 1896.
5. *Норман К.* Кавказские Минеральные воды. СПб., 1848.
6. Обзор хозяйства Кавказских минеральных вод, произведенный в апреле 1906 года... А.П. Матвеевым при участии Ю.И. Бутлерова, Н.Г. Дидрихсона и Ф.З. Лозинского. СПб., 1906.
7. *Огильви А.Н.* Каптаж Нарзана и его история. СПб., 1911.

8. Пятигорск в исторических документах. 1803-1917. Ставрополь, 1985.
9. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 37. Оп. 11. Д. 116.
10. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 511.
11. РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 22.
12. РГИА. Ф. 1268. Оп. 26. Д. 10.
13. РГИА. Ф. 1297. Оп. 5. Д. 63. Ч. II.
14. *Смирнов С.А.* Девятилетие Кавказских минеральных вод. М., 1871.
15. *Шевченко Ю.Л., Щепин О.П.* Курорты Кавказских минеральных вод – национальное достояние: становление и развитие (1803-2003). М., 2003.

А.О. Киут

Адаптация абхазского общества к промышленному развитию в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX вв.)

После завершения Кавказской войны и включения Абхазии в административную систему Российской империи хозяйственная жизнь региона начала меняться. Во второй половине XIX – начале XX вв. расширялись торговые связи, развивалось морское сообщение, строились новые транспортные пути. Эти процессы приводили к изменениям общественного устройства, хозяйственных отношений и системы управления, что способствовало интеграции региона в единое экономическое пространство империи.

Немаловажное значение имела крестьянская реформа 1870 г., которая способствовала изменению правового положения сельского населения и создала предпосылки для распространения товарно-денежных отношений. Вместе с тем модернизационные процессы в Абхазии носили постепенный и неоднородный характер: новые экономические формы сочетались с сохранением общинных механизмов хозяйственной организации и традиционных моделей производства. Рост товарно-капиталистического земледелия сопровождался классовой дифференциацией абхазской деревни. Особенно ярко это расслоение крестьянства проявилось в районах, где преобладали товарные сырьевые культуры [7: 42].

Следует отметить, что традиционные хозяйства не сразу перешли к рыночным формам работы: для этого требовалось время, а также наличие земли, средств и доступа к торговым связям. Вместе с тем процесс модернизации проходил неравномерно. Значительная часть населения продолжала сохранять традиционные формы ведения хозяйства, тогда как наиболее обеспеченные хозяйства быстрее адаптировались к новым экономическим условиям.

Расширение рыночных связей отражалось и на положении крупных землевладельцев. Наличие земельных ресурсов позволяло им активнее использовать возможности товарного хозяйства. Доходы одного из крупнейших землевладельцев Абхазии Г. Д. Шервашидзе-Чачба исчислялись в сумме почти 7 тыс. руб., из вырученных от продажи продуктов имения – вина, ку-

курузы, леса, табака, дров и т.д. [6: 6]. Новые источники денежных доходов постепенно дополняли привычные способы ведения хозяйства, а наемный труд и предпринимательская деятельность получали все большее значение.

Большинство крестьянских хозяйств было ориентировано прежде всего на собственное потребление. После 1870 г. связь с рынком стала заметнее. Сельскохозяйственная продукция все чаще предназначалась не только для семьи и местного обмена, но и для продажи.

Одним из направлений перестройки сельскохозяйственного производства в Абхазии в конце XIX – начале XX вв. стало освоение культур, ориентированных на устойчивый рыночный спрос, в том числе чая, табака, а также некоторых технических культур. Выбор таких культур определялся не только их потенциальной доходностью, но и включением хозяйства региона в систему специализации Российской империи [4: 42].

Благоприятные природные условия и наличие спроса на табачное сырье делали его выгодной культурой для тех хозяйств, которые имели возможность производить продукцию на продажу. Однако развитие новых культур требовало дополнительных вложений, специальных знаний и соответствующей хозяйственной инфраструктуры. Поэтому сохраняли значение выращивание кукурузы, виноградарство и животноводство. Исследователи отмечали также развитие шелководства и продажу шелка-сырца на базарах Абхазии [2: 134].

Промышленное развитие региона также имело свои особенности. Наибольшее значение получили отрасли, связанные с использованием природных ресурсов, прежде всего лесной промысел. Развитие этого промысла было связано с наличием значительных лесных ресурсов и растущим спросом на древесину. Важное место в хозяйственной жизни Абхазии заняла лесная промышленность.

Местному населению было известно о наличии в Ткварчели твердого горючего горного вещества задолго до появления там первых геологов: «Пастухи, гоняющие стада на горные пастбища, охотники за козами и дикими кабанами находили этот камень среди галек, ручьев и даже видели не раз целые слои его, но не придавали этим находкам никакого значения» [5: 18]. Однако попытка промышленного освоения Ткварчельского каменноугольного месторождения не привела в дореволюционный период к созданию крупного промышленного производства.

Превращение земледельца в промышленника не могло не сопровождаться и действительно сопровождалось борьбой за его хозяйственную самостоятельность [4: 58]. Оживление торговли и промышленности, подъем курортного дела способствовали дальнейшему росту и развитию Сухума, где велось значительное строительство. Это, в свою очередь, вызвало расширение производства строительных материалов и промышленности.

Развитие железнодорожного транспорта изменило возможности хозяйственных связей Абхазии с другими территориями Российской империи. Перевозка грузов стала более удобной, что создавало дополнительные возможности для вывоза местной продукции и поступления промышленных товаров.

Изменения в хозяйственной жизни отражались и на занятости населения. Помимо сельского хозяйства, источником заработка становились торговля, транспорт, лесные промыслы, строительство и другие занятия.

Пролетариат формировался из местного населения и пришлых рабочих Поволжья, центральных областей России, Грузии, даже Турции [1: 100].

Во второй половине XIX – начале XX вв. в Абхазии поселились представители различных народов Российской империи, в том числе русские, армяне, греки, эстонцы и др. Переселенцы принимали активное участие в развитии торговли, сельского хозяйства, ремесленного производства и других сфер экономической деятельности. Как следствие заметного оживления торгово-промышленной деятельности, в Абхазии увеличился вывоз и привоз товаров. В частности, из Сочинского порта товары везли во все порты Абхазии – Сухум, Очамчиры, Гудауты, Гагры, Новый Афон [3: 260].

Таким образом, адаптация абхазского общества к промышленному развитию во второй половине XIX – начале XX вв. представляла собой сложный процесс взаимодействия традиционного хозяйственного уклада и элементов капиталистических отношений. Товарное сельское хозяйство, наемный труд, торговля и отдельные виды промышленной деятельности становились частью хозяйственной жизни, но не вытесняли ее аграрную основу. К началу XX в. в Абхазии уже существовали отдельные элементы модернизированной экономики, однако для формирования устойчивой промышленной системы необходимы были дальнейшее развитие транспорта, накопление капитала и расширение производственной базы.

Источники и литература

1. *Анцупов В.В.* История города Сухума в XIX – начале XX века (1810–1921). Сухум, 2024.
2. *Дзидзария Г.А.* Труды. Т. III. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. (до крестьянской реформы 1870 г.). Сухум, 2016.
3. *Инал-Ипа Ш.Д.* О взаимоотношении города и деревни Абхазии в XIX–XX вв. // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. Вып. IV. Сухум, 2006. С. 225–272.
4. *Олонецкий А.* Очерки по развитию капиталистических отношений в Абхазии (конец XIX – начало XX в.). Сухум, 1934.
5. *Прицкер М.* Освоение Ткварчельского каменноугольного месторождения (1881–1935 гг.). Сухуми, 1966.
6. *Салакая С.Ш.* Абхазия в годы аграрной реформы П.А. Столыпина. Сухум, 2012.
7. *Фадеев А.В.* Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. Сухум, 1932.

Ю.А. Прокопенко, И.М. Харитонов

О специфике организации досуга населением крепостей и редутов Азово-Моздокской линии

За последние 40 лет историческая наука значительно продвинулась в плане изучения истории возникновения и функционирования крепостей Азово-Моздокской линии. Кроме введения в научный оборот неизвестных ранее архивных данных, источниковую базу пополнил массовый археологический материал, полученный в результате раскопок ряда крепостей и редутов: Ставропольской, Павловской, Марьинской, Константиногорской крепостей, Вестославского редута, первого редута у г. Бештау (севернее

Орлиных скал, в 2 км к юго-юго-западу от Железноводского вокзала) и др. Частично артефакты введены в научный оборот, но без соответствующей интерпретации [2; 3; 4; 8; 9; 12].

Именно результаты культурологического анализа отмеченного разнообразного археологического материала позволяют уточнить данные, известные из архивных фондов и свидетельств современников, а также раскрыть ранее неизвестные страницы жизни солдат, офицеров, слободских поселенцев и казаков – быта, досуга и др. Необходимость проведения данного исследования также подчеркивается наступающим в 2027 г. 250-летним юбилеем возникновения Ставропольской крепости.

Важнейшей частью повседневной культуры солдат, казаков и дворянства являлось следование канонам православного христианства (чередование праздников и постов, крещение детей, отпевание умерших и т.д.). В каждой крепости обязательно возводилась церковь. Все жители были воцерковлены и без тени сомнения следовали церковным предписаниям. С этим связаны, найденные на территории Павловской крепости нательные кресты, а также редкая металлическая икона с образом Св. Никиты, побивающего беса [9: 134]. По сведениям Р.Р. Рудницкого, православные нательные кресты были выявлены на месте пожарища второго редута на горе Бештау (на северном подножии горы).

Следует отметить, что мясо для основной части населения было доступно в основном только в праздники. Тогда же ими приобретались дешевые марки вина и пшеничная водка. Часто привозились местные терские вина. Однако, при транспортировке на большие расстояния они быстро прокисали. Для улучшения их качества стали добавлять спирт, полученный кустарным способом, из местного винограда. Опыт был успешен. В результате, в начале XIX в. местная французская водка – кизлярка вывозилась по Черкасскому тракту (через крепости Азово-Моздокской линии) в массовом количестве на крупные российские ярмарки вплоть до балтийского побережья [6: 93].

С праздниками связаны дешевая бижутерия, использовавшаяся для украшения костюма девушками и женщинами (солдатками и казачками), например, стеклянные бусы. Два таких дольчатых экземпляра обнаружены в третьем квадрате раскопа на территории Вестославского редута [4: 290].

Для сервировки приема пищи офицеров предназначались столовые приборы, которые либо привозились с собой, либо покупались на ярмарках и в лавках маркитантов. Скорее всего, к ним относятся: изящная железная ложка с витой ручкой с ромбическим навершием и две двузубые вилки, предположительно, из одного столового набора, найденные в культурном слое Павловской крепости [4: 292–294]. В дворянской среде в сервировке стола использовались фарфоровые сервизы. В материалах Павловской крепости представлены фрагмент фарфорового сосуда с накладным растительным декором и фарфоровая крышка от солонки(?) или табакерки(?) [4: 294].

Прием пищи в офицерской дворянской семье обычно заканчивался чайной церемонией. Ею встречали и пришедших в гости сослуживцев. Важным свидетельством этого являются два крупных фрагмента фаянсового чайника из белой глины, покрытой ручной надглазурной черной росписью, обнаруженные в Павловской крепости [4: 295]. Частично сохранился сюжет – слева – направо де-

ревья и кустарники на дальнем плане, забор и на фоне дерева фигура девушки в шляпке и в пышном платье). Такая тонкая изящная роспись характерна для английской мануфактуры Дерби, которая начала производить продукцию в середине XVIII в. Английский фаянс во всем своем разнообразии появляется на российском рынке в эпоху царствования императрицы Екатерины II. Его популярность была связана с высоким художественным уровнем фаянса и относительной дешевизной. Это же повлияло на его моментальное распространение среди дворянства. Современником А.Г. Болотовым было отмечено в 1796 г., что многие стали «покупать и снабжать дома свои английскою фаянсовою посудой» [10: 209–210]. Такие изделия признали в качестве эталона «изделий повседневности» (сочетали в себе качество, практичность и изысканность) [5: 31; 11].

Офицерами употреблялись различные марки вина, поступавшего в стеклянной таре. В частности, в культурном слое Вестославского редута выявлен ряд толстостенных цилиндрических бутылок с сильно выгнутыми донцами и прямоугольных в сечении штофов из зеленого в оттенках и темного желто-коричневого стекла. Наличие утолщенных валиков на верхней части горловины является характерным признаком XVIII в. Два фрагмента имели два напаянных клейма – знаки фабрик и производителей (монограммы и др. изображения). Здесь же представлены фрагментированные стеклянные рюмки и стаканы, в том числе фигурные, имеющие орнаментацию [4: 289–290].

Из культурного слоя Вестославского редута происходит стеклянный бытовой предмет – фрагмент из толстого полупрозрачного стекла с гравированным орнаментом на корпусе – деталь подсвечника или чернильницы [4: 290]. Дворяне носили украшения. Для офицеров и дам являлось обычным иметь перстень-печать, который использовался в быту, например, для запечатывания воском написанных писем. В процессе исследования Павловской крепости был обнаружен подобный серебряный перстень–печать с гравированным изображением на карсте птицы, с элементами растительного орнамента, вензелем из 2–3 букв и на боковинах шинки датой 6 февраля 1776 г., заполненной чернью [9: 134].

Одним из важных занятий, которым занимались жители крепостей вне уставной деятельности, также являлась охота. По своим целям она была двух видов: 1) офицерско-дворянская (развлечение, добыча не так важна); 2) солдатско-казачья (цель – добыть мяса и включить его в пищевой рацион или получить меха). Предметом добычи были пушные животные (в сборах Вестославского редута представлено значительное количество остатков лисицы), косули и дикие кабаны (найден зуб дикого кабана) [4: 291; 9: 136].

Жизнь в гарнизонах была опасной (нападения горцев) и скучной. Кроме посещения службы в церкви, посиделок с домочадцами и сослуживцами, и участия в охоте, развлечением являлись редкие банкеты и балы, которые посвящались проезжавшим через крепости именитым людям. Например, в 1783 г. в крепости Святого Георгия (Георгиевской) был подписан договор о добровольном вхождении Восточной Грузии под протекторат России. В дальнейшем здесь проживали члены грузинской царской фамилии [3: 108]. Соответственно, такое грандиозное событие соответствующим образом было отмечено. Скорее всего, с пребыванием представителей грузинской царской фамилии (и их свиты) в Георгиевской и Марьинской

крепостях связаны находки на территории Марьинской крепости медных монет периода российского протектората: ½ бисти без российских символов; пули без российских символов; бисти периода российского протектората (1796 г.); бисти периода российского протектората (без указания года); бисти (1810 г.), а также серебряная монета с арабской надписью [3: 28–29].

В 1829 г. по Черкасскому тракту проезжало Искупительное посольство Ирана, возглавлявшееся персидским принцем Хосров-Мирзой. В день его приезда в Пятигорск генералом Г.А. Эммануэлем был приготовлен большой обед и устроен бал. Затем он пригласил принца на семейный ужин (дочери Эммануэля продемонстрировали принцу национальные русские танцы). Перед отъездом принца Эммануэль устроил прощальный вечер в честь Искупительного посольства. В Ставрополе персы гуляли по городскому парку, где для них играл оркестр, состоявший из более сорока музыкантов. Совместные гуляния с русской знатью продолжались и в темное время суток, поскольку парк был хорошо освещен светильниками [1: 343, 346, 347].

Простые казаки также пытались как-то разнообразить свой скучный быт. Находки в кургане на территории юго-западного района г. Ставрополя (раскопки Г.А. Охонько 1984 г.) – на месте казачьего пикета конца XVIII – начала XIX в. глиняных трубок для курения и двух монет 1754 г. [12: 401] свидетельствуют о проведении досуга казаками во время дежурства. Курение позволяло скоротать время и, в какой-то степени, обогревало в сырые и холодные ночи, а утерянные монеты, возможно, связаны с азартными играми (кости или карты?), которые также разнообразили время дежурства.

Курительные трубки являлись популярным товаром и у офицерской части поселенцев. Такой красноглиняный орнаментированный экземпляр турецкого производства с миниатюрными клеймами выявлен в процессе раскопок Вестославского редута [4: 290]. Верхняя часть предмета цилиндрическая, конически расширена на конце. Трубка имеет треугольный киль, окантованный двумя линиями насечек. Нижняя часть сферическая, декорированная парами вертикальных каннелюров. По форме к ней близки две коричневоглиняные трубки имеющие шаровидные чашечки, украшенные ромбической сеткой и вертикальными каннелюрами, треугольный киль и лощеную поверхность, происходящие из поселения нового времени Панагия 2 на Таманском полуострове (датируются концом XVII–XVIII в.) [7: 815, рис. 9].

Материалы, полученные в ходе археологических раскопок крепостей и редутов, значительно расширили наши знания о различных сторонах повседневной жизни жителей их гарнизонов, а также солдатских слобод и казачьих станиц (при крепостях). Ряд археологических находок свидетельствует о некоторых сторонах проведения досуга солдатским, казачьим населением (посещение церкви и празднование церковных праздников; посещение ярмарок; рыбалка; табакокурение, азартные игры) и офицерами–дворянскими поселенцами (посещение церкви и празднование церковных праздников; домашние посиделки с друзьями и сослуживцами; охота; изредка – балы). Перечисленные особенности повседневной культуры населения крепостей Азово-Моздокской линии по своей сути являются совокупностью обыденных социальных практик, привычек, поведения и предметов, формирующих привычную жизнь человека.

Источники и литература

1. *Балаценко Ю.Д.* Путешествие по Кавказу в 1829 году Искупительного посольства Ирана, возглавлявшегося персидским принцем Хосров-Мирзой // Древности Северного Кавказа и прилегающих территорий. Научный альманах, посвященный 95-летнему юбилею крупнейшего специалиста по аланской археологии и истории, доктора исторических наук Владимира Александровича Кузнецова / Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 15. Ставрополь, 2022. С. 324–359.

2. *Березин Я.Б., Прокопенко Ю.А.* Монетные находки конца XVIII – начала XIX в. из Павловской крепости (раскопки 2003 г.) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Научный альманах. Вып. 10. Ставрополь, 2018. С. 150–191.

3. *Дорофеев Г.Л., Фоменко В.А.* Марьинская крепость и находки грузинских монет на ее территории // Научные труды ПГТУ. № 23 (ч. 1). Материалы IV региональной научной конференции «Дни науки». Пятигорск, 2003. С. 28–29.

4. *Дударев С.Л., Пелих А.Л., Савенко С.Н., Цецхладзе Г.Р.* Археологические источники о прохождении и этнополитической истории населения Северного Кавказа (проблемы изучения). Армавир, 2020.

5. *Дулькина Т.И.* Гжель. Тонкий фаянс. М., 2000.

6. *Емельянов О.Б.* Расцвет и упадок винокурения на Терском Левобережье в первой половине XIX в. // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Вып. 9. Пятигорск, 2008. С. 76–83.

7. *Кладченко О.В.* Материальная культура населения нового времени Панагия 2 на Таманском полуострове // Уфимский археологический вестник. 2025. Т. 25. № 4. С. 804–823.

8. *Рудницкий Р.Р.* Российское укрепление последней трети XVIII века у горы Бештау // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VI «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (г. Ставрополь, 24–26 апреля 2003 г.). Ставрополь, 2003. С. 104–106.

9. *Савенко С.Н.* Роль сотрудников Ставропольского государственного музея-заповедника и других музейщиков края в изучении и использовании объектов Азово-Моздокской и иных кавказских оборонительных линий конца XVIII – середины XIX в. Результаты и перспективы (к 120-летию СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве) // Музей как хранитель историко-культурного наследия территории Северо-Кавказского региона. Научный альманах, посвященный 120-летию со дня основания Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева, Г.К. Праве / Из истории культуры народов Северного Кавказа: сборник научных статей. Вып. 19–20. Ставрополь, 2026. С. 118–145.

10. *Салтыков А.Б.* Избранные труды. М., 1962.

11. *Тарлыгина Д.* Английский фаянс в России в XVIII – XIX веках // Третьяковская галерея. № 2 (51). С. 122–145.

12. *Харитонов И.М.* Вспомогательные сторожевые укрепления Азово-Моздокской оборонительной линии // Актуальные проблемы изучения и сохранения археологического наследия Кавказа и прилегающих территорий. Научный альманах, посвященный памяти археолога-кавказоведа Владимира Александровича Кузнецова / Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 18: сборник научных статей. Ставрополь, 2025. С. 399–406.

Г.А. Григорян

Жизненный путь и коммерческая деятельность Ивана Федоровича Капланова

Дореволюционные справочники Майкопа в качестве одного из крупнейших галантерейных магазинов города указывают магазин Ивана Федоровича Капланова. Находящиеся на хранении в Национальном архиве Республики Адыгея (далее – НАРА) документы позволяют реконструировать основные этапы жизненного и профессионального пути владельца магазина.

Иван Федорович Капланов (Капланян Ованес Теодоросович) родился в 1860 г. в станице, название которой в документе указано как Быховецкая (вероятно, Брюховецкая). Источники однозначно указывают на его армяно-григорианское происхождение [10: 205]. Свой путь в коммерцию, подобно многим предпринимателям того времени, он начинал с должности приказчика в магазине мануфактурной торговли. Вероятно, существенным фактором, способствовавшим его коммерческому успеху, стал брак с Егисапет Багдасаровной, дочерью нахичеванского купца Б. Алавердова, которая была на 21 год моложе мужа. В «Ведомостях Майкопской городской управы», датированных 1909 г., указано, что имущественный ценз Ивана Капланова составлял 5000 руб., он был армавирским жителем, исповедовал армяно-григорианскую веру, был грамотным и проживал в 1-й части Майкопа в 16 квартале [9: 22].

В 1910 г. И.Ф. Капланов владел магазином готового платья на Новом базаре. Опубликованная в местной газете реклама магазина гласила: «В нашем магазине вы найдете широкий ассортимент сезонных товаров и модное московское готовое платье для мужчин и женщин, выполненное по новейшим тенденциям. При магазине работает мастерская, где вы можете заказать готовое платье. Кроме того, в нашем распоряжении имеется склад для хранения сундуков, брезентов, мешков и парусины. Цены на все товары фабричные» [6]. Другой документ свидетельствует о том, что без соответствующего разрешения городских властей в магазине была организована распродажа товаров, за что И.Ф. Капланов был привлечен к судебной ответственности и оштрафован на сумму 15 руб. [3].

В декабре 1912 г. И.Ф. Капланов, учитывая предыдущий негативный опыт, официально обратился в городскую управу и получил разрешение провести распродажу товаров, которые оказались не востребованы или уже устарели [5]. В июне 1914 г. в одной из заметок в местной газете посетители торгового дома «Капланов и Ко» пожаловались на то, что служащие магазина вели себя с покупателями крайне невежливо. Газета задалась вопросом: чем это можно объяснить и высказала предположение о том, что дело в сезонном снижении покупательской активности, когда многие готовы идти на уступки и компромиссы [7].

В ночь на 20 сентября 1910 г. магазин И.Ф. Капланова стал объектом вооруженного ограбления. Первым происшествие заметил мальчик Иван Ермолаев, который пришел на место с приказчиками. Об этом было доложено Капланову, а затем в полицию и следователю. При осмотре выявили, что

грабители кусачками перекусили кольца болтов, и выбили в раме стекло. В это время сторож услышал шум и прибежал, но получил удар ломом по голове и упал. Далее один из громил влез внутрь магазина и вышиб раму. Добитый сторож был брошен внутрь магазина и зарыт в куче платьев. Точную сумму похищенного товара установить не удалось, но она могла составлять несколько тысяч рублей, так как были украдены самые дорогие товары. Грабители, по-видимому, были специалистами в мануфактурных товарах, так как дешевые товары были отброшены в сторону. Внутреннее устройство магазина, судя по всему, также было им известно, так как они обыскали полки, залезли в подвал, взломали ящики письменного стола, оказавшиеся, впрочем, пустыми. В то же время несгораемая касса оказалась не тронута. Ограбление произошло между 12 и 4 часами ночи, при этом четверо других находившихся поблизости сторожей не услышали никаких подозрительных звуков. Фонарь, располагавшийся возле магазина, не горел. У убитого сторожа Ивана Мухина осталась многочисленная семья, сам он считался опытным и исполнительным работником Ростовской биржевой артели. Труп убитого был отправлен в больницу, а магазин 20 сентября был закрыт [1].

Помимо галантерейного магазина, И.Ф. Капланов владел гостиницей. Как гласила рекламная заметка, первоклассная гостиница «Большая Московская» была расположена в центре города, в окружении торговых фирм. К услугам постояльцев были 17 роскошно обставленных номеров по цене от 1 до 3 руб. за номер. В номерах имелись все необходимые удобства: электрическое освещение, водопроводные умывальники, ванны, паровое отопление, паркетные полы. В ресторане при гостинице ежедневно готовились свежие блюда [6].

В июне 1912 г. на имя городского головы от И.Б. Оганова и И.Ф. Капланова поступило ходатайство с просьбой разрешить установку одного нефтяного мотора мощностью 40 л.с. в здании машинного отделения. Они хотели заменить старый мотор мощностью 13 л.с., который использовался для освещения биографа (кинотеатра), нового двухэтажного здания Оганова и Оськина, а также здания, принадлежащего Капланову [4].

В июне 1914 г. «Майкопская газета» обвинила И.Ф. Капланова и его компанию в «бесцеремонности». Суть обвинения заключалась в том, что Капланов, как владелец дома, проводил ремонт балок на верхнем этаже на стороне, выходившей на улицу Садовая (в настоящее время – Краснооктябрьская). При этом осколки кирпича и пыль падали на тротуар и могли попасть на прохожих. Автор заметки предложил сообщить И.Ф. Капланову о необходимости оградить это место досками, чтобы не вызывать справедливое недовольство у прохожих и не думать только о себе [7].

По своим взглядам И.Ф. Капланов, естественно, был сторонником действующей власти. Косвенным свидетельством можно считать то, что в сентябре 1911 г. по случаю смерти председателя Совета министров Российской империи П.А. Столыпина И.Ф. Капланов вывесил на своих домах черный траурный флаг [2].

В 1917 г. галантерейный магазин И. Капланова был закрыт. Сам хозяин объяснял это тем, что он перестал приносить доход [11: 5]. Но, видимо, были и другие причины, о которых он вынужден был умолчать: это приход новой власти, приступившей к экспроприации собственности предпринимателей.

При новой власти Капланов вернулся к той работе, которая ему была хорошо знакома с детства: приказчика (или управляющего) в магазине. К 69 годам он практически лишился зрения, а в 1927 г. был лишен избирательных прав, что фактически оставило его без средств к существованию [11: 5–6]. Все попытки вернуть избирательные права оказались тщетными: в глазах советской власти он был «эксплуататором». Беспомощный, полуслепой старик со своей женой оказался на иждивении 22-летней дочери, которую также лишили избирательных прав, и которая проявила чудеса упорства, чтобы их обратно вернуть.

Точная дата смерти И.Ф. Капланова неизвестна, но можно предположить, что только после его смерти примерно в 1929 г. его дочь Розалия Ивановна смогла покинуть Майкоп и переселиться в Нахичевань-на-Дону [12: 13–14].

Источники и литература

1. Майкопская газета. 1910. 22 сентября. № 19.
2. Майкопская газета. 1911. 7 сентября. № 222.
3. Майкопская газета. 1912. 6 апреля. № 76.
4. Майкопская газета. 1912. 19 июня. № 136.
5. Майкопская газета. 1912. 22 декабря. № 285.
6. Майкопская газета. 1913. 21 марта. № 65.
7. Майкопская газета. 1914. 8 июня, № 126.
8. Майкопская газета, 1914, 28 июня, № 143.
9. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. 1. Оп. 1. Д. 227.
10. НАРА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 43.
11. НАРА. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 569.
12. НАРА. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 592.

Д.И. Состин

Особенности казачьей экономики Дона и Кубани в контексте общественно-политических факторов начала XX века

Последние десятилетия характеризуются неубывающим интересом к прошлому российского казачества. При этом внимание исследователей, занятых историей казаков, в основном концентрировалось вокруг революций и Гражданской войны. В то же время очевидна и задача изучения бытовой повседневности, хозяйственной деятельности казачества, в нашем случае северокавказского. Особое значение имеет исследование экономической жизни казаков в период гражданского противостояния в России 1917–1920 гг. Социально-экономическая составляющая здесь играет роль дополнительного источника, который подчеркивает основные характеристики этого тяжелого и драматичного периода отечественной истории.

К началу XX в. донское и кубанское казачество являлись самыми крупными казачьими войсками Российской империи. В Кубанской области и соседней области Войска Донского проживало 70% всего казачества России [12: 32]. Используя благоприятный климат, опираясь на правительственные распоряжения, дарованные привилегии, казаки уже к первой четверти XIX в.

в нескольких поколениях осваивали Дон и Кубань, владели промыслами. имели исторически сложившийся быт, устойчивый экономический уклад, жизнь, как говорили казачьи старожилы, утвержденную рукой Божьей. Следует отметить, что казаки внедрили в эти места и свои традиционные отношения к земельной собственности. Земельная структура, складывавшаяся на Кавказе еще со второй половины XVIII в., особенно в равнинной его части, а также в области Войска Донского, отличалась от существовавшей в Центральной России. Она включала не только казачье, но и крестьянское землепользование. К концу XIX – началу XX вв. Дон, Кубань и Ставрополье, считавшиеся аграрными окраинами России, были втянуты в общероссийский рынок, удовлетворяя часть потребностей мировой экономики. На Дону, помимо этого, сформировался крупный промышленный центр.

Казачьи земли по роду владения и пользования делились на три категории: станичные, земли казачьих офицеров и войсковые. Казачьи дворы в земельном отношении превосходили средние крестьянские. Кроме того, особенностью наделения казаков землей было объединение паевых наделов, что повышало экономические возможности казачьих хозяйств, сохраняло их устойчивость в неблагоприятных условиях. Например, в военный период, когда, подлежавших призыву казаков привлекали на службу, и хозяйствам не хватало рабочих рук, часть земли можно было сдавать в аренду. В среднем, на Дону на 1 двор приходилось 40,5 десятин земли, на Кубани – 24,5 [10]. Источники показывает, что казачьи дворы в целом превосходили крестьянские за исключением крупных кулацких экономий, которых в регионе было немного. Средняя площадь юртовых казачьих юртовых земель не только обеспечивала семьи станичников необходимым объемом продуктов, но позволяла им вести торговлю излишками.

Отдельной категорией хозяйств выступали владения офицерского состава казачьих войск, старшин, атаманов. Именно на них, как и в целом на домовитых казаков опирались государственные структуры. Государство позволяло казакам самостоятельно регулировать земельные вопросы. В 1917 г. на Дону в собственности казачьих офицеров было 476 791 десятин земли [5: 92]. В Кубанской области в офицерских наделах имелось 414 763 десятин земли, что составляло около 12-13% всего кубанского казачьего землевладения [11].

Третьей формой землепользования были войсковые земли. Они находились в собственности каждого казачьего войска и предназначались для разных надобностей, лесоводства, коневодства, ярмарок, горного промысла. К общему фонду войсковых земель относились и так называемые запасные земли. Этот ресурс использовался для наделения землей малоимущих хозяйств, организации новых станиц и хуторов, аренды. На Дону в войсковом запасе на начало 1917 г. находились довольно значительные земельные площади – 1 976 899 десятин [4: 112].

Запасные земли чаще всего сдавались в аренду иногородним крестьянам, которые целыми семьями переселялись в южные регионы из центральных губерний России в поисках лучших условий жизни. Значительная часть угодий отводились под коневодство, исходя из необходимости постоянного пополнения казачьих полков строевым конским составом. Кроме того, арендные отношения приносили значительный доход войсковой казне.

Только в 1916 г. с этой целью на Дону в аренду сдавалось более 70 553 десятин земли [4: 46]. Для крестьян же сравнительно недорогая аренда земли у казачьих обществ позволяла иметь побочные заработки [7: 36].

Таким образом, движущей силой аграрной экономики рассматриваемого региона выступали не только казачьи, но и крестьянские хозяйства. Однако развитие экономики казачьих станиц, как и крестьянских дворов Дона, Кубани, Ставрополья осложнялось рядом общественно-политических факторов. К ним относились войны и революции начала XX в. Великая война 1914–1918 гг. принесла значительные трудности российской экономике, особенно сельскому хозяйстве страны, при том, что оно являлось ее основной отраслью. Дворы лишались рабочих рук, увеличивались расходы казачьих семей на снаряжение. Массовая мобилизация привела к сокращению посевных площадей казачьих хозяйств, падению их урожайности.

Несмотря на деструктивное влияние Первой мировой войны, а затем и революций, усиливших экономический кризис, сопровождавшийся социальными потрясениями, сельское хозяйство Дона, Кубани и Ставрополья не было дезорганизовано. Являясь основным производителем и поставщиком продовольствия для армии, оно показало свою способность к саморегуляции, находило внутренние резервы для сохранения, пусть и не довоенном уровне, посевных площадей, животноводства, участия в кооперации [8: 194]. Так, например, на Дону, большая часть казачьих хозяйств, как и до войны имело в среднем 16 десятин посевов [6:15].

Значительно меньшим по сравнению с крестьянами в военные годы было количество безземельных среди казаков. К примеру, как показывают архивные источники, в станицах 1-го Донского округа безземельные составляли всего около 2 % от всех хозяйств. Столько же их насчитывалось в Черкасском округе. Определенная часть казаков, сдав наделы в аренду иногородним, занимались ремеслом, различными промыслами, которые служили существенным подспорьем их экономики.

В целом же материальное положение казаков (обеспеченность землей, доступ к промыслам, торговле) было устойчивым. Сословная защищенность, поддержка станичным и войсковым кругом сдерживали социальное расслоение казачьей среды, хотя оно все же было неотвратимым. При этом наличие в социальной структуре низов было не столь выраженным, чем в крестьянской. Несмотря на нараставший социальный и политический кризис, казачество крепко держалось за традиции. Стремление сохранить войсковые земли, капиталы, промыслы прослеживалось на многих станичных сборах в условиях усиливающегося противостояния, являвшегося негативным фактором общественно-политической жизни России в 1917 г. [9]. Так, в резолюция Донского войскового казачьего съезда, проходившего в конце апреля 1917 г. в Новочеркасске, где присутствовали выборные от всех станиц области, отмечалось: «Самобытность донского казачества, уклад жизни его на основах исторических казачьих вольных традиций требуют сохранения за казаками неотъемлемого права собственности на юртовые, войсковые земли, составляющие неприкосновенное историческое достояние казачества» [1]. Аналогичная резолюция была принята Кубанским областным казачьим кругом, который проходил в мае 1917 г. в Армавире [3: 34].

В мае 1917 г. Большой войсковой круг, на котором было создано Донское войсковое правительство во главе с генералами А.М. Калединым и М.П. Богаевским, подтвердил исключительное право донских казаков на войсковые земли, было заявлено, что все леса водные хранилища, рыбное хозяйство, недра земли объявлялись владением войска. Его вооруженные формирования (казачьи полки) являлось фактором стабильности и относительного спокойствия на Дону. Следует отметить, что казачество обеспечивало не только общественный порядок в отделах, но и спасало земельную собственность от посягательств извне, а значит создавало более-менее нормальные условия, поддерживающие казачью экономику. Вот, что отмечал один из историков российского казачества А.А. Гордеев, передавая собственные впечатления того времени: «Несмотря на бушующее вокруг море бесчинства и беспорядков, районы, охранявшиеся казачьими полками, представляли тихие и спокойные очаги. Проезжающим по железным дорогам, станции которых заполнялись повсюду толпами масс в серых шинелях, о ресторанах и каком-либо питании думать не приходилось. В пределах Войска Донского никаких скоплений дезертиров, никакого беспорядка, и казалось, что проезжающие попадали в другой мир. В скромных буфетах можно было все достать. Внутренний порядок казаками на своей земле поддерживался исключительно местными средствами, несмотря на отсутствие основной казачьей массы, пребывающей на фронте…» [2: 517].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что к началу XX в. казачество Дона, Кубани, как и аграрное население соседних территорий, завершило хозяйственное освоение земель, в основном уже переставших быть свободными. Здесь сложилась прочная системы поземельных отношений при существовании аграрного вопроса, который касался прежде всего иногороднего крестьянства. Заметным слоем в местной социальной структуре выступало казачество. Являясь форпостом Российского государства на Кавказе и не только там, оно было обременено немалыми служебными обязанностями, в тоже время, являясь привилегированным сословием, имело ряд экономических и социальных преимуществ перед другими категориями российских подданных.

Несмотря на внешние и внутренние социальные и политические факторы, традиционный уклад экономического и социального устройства, определенную деградацию методов ведения хозяйственной жизни, особенно в условиях войны, забиравшей главный человеческий ресурс, казаки вплоть до начала Гражданской войны в России показывали низкую степень вовлеченности в общенациональные политические процессы и более устойчивое материальное положение. Этот опыт безусловно полезен в настоящее время в условиях сложных внутренних и внешних вызовов современной российской государственности.

Источники и литература

1. Вольный Дон. 1917. 26 апреля.
2. *Гордеев А.А.* История казачества. М., 2008.
3. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 26.
4. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 46. Оп. 1. Д. 3410.
5. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3610.

6. ГАРО. Ф. 335. Оп. 1. Д. 838.
7. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 80. Оп. 2. Д. 512.
8. *Кругов А.И.* Крестьянское хозяйство России в конце XIX – первой четверти XX в. (на материалах Ставрополья, Кубани, Дона). Ставрополь, 2008.
9. Ростовская речь. 1917. 11апреля.
10. Свободная Кубань. 1917. 27 июня.
11. Северокавказское слово. 1917. 21 октября.
12. Статистический справочник Юго-Востока России. Ростов-на-Дону, 1923.

С.И. Аккиева

Влияние советской модернизации на поселенческую структуру балкарцев (1920–1944 гг.): административные механизмы и локальные трансформации

В 1920–1940-е гг. политика Советского государства была направлена на становление институтов государственности, укрепление этнической субъектности и создание условий для модернизации общества. В статье рассматривается влияние модернизационных факторов на балкарское общество и пространственную структуру Кабардино-Балкарии, особое влияние уделено поселенческой структуре балкарцев.

Формирование Кабардино-Балкарии как национально-территориального образования относится к этапу становления советских национально-государственных структур на Северном Кавказе в 1920-е гг. Важной предысторией этого процесса стал недолгий опыт Горской Автономной Социалистической Советской Республики (далее – АССР), распад которой обусловил поэтапное выделение отдельных территорий и пересмотр административных границ. Отправной точкой стало решение ВЦИК о создании Кабардинской автономной области (далее – АО), а 16 января 1922 г. она «объединилась с Балкарским округом в Кабардино-Балкарскую АО с центром в Нальчике» [6: 153]. Кабардино-Балкарская АО объединила два основных этнополитических компонента, но с историко-географической точки зрения ее пространство складывалось из трех значимых этнических ареалов: кабардинского, балкарского и русского (казачьего). Объединение в единую автономию проходило со сложностями, согласие было достигнуто после признания сторонами равенства политического представительства в едином исполкоме независимо от численности народа. Кабардино-Балкарская АО была полиэтнична: по переписи 1926 г. на ее территории проживали представители более 20 народов, а общая численность населения составляла 220 тыс. чел.: «Численно преобладали кабардинцы – свыше 120 тыс. человек, далее следовали русские (56 тыс.) и балкарцы (свыше 33 тыс.)» [4: 42]. Также проживали украинцы, осетины, кумыки, немцы, евреи, грузины, белорусы, татары, болгары и др.

Национальный фактор был основой системы административного управления: проведение отдельных съездов Кабарды и Балкарии с избранием своих исполкомов, затем на паритетных условиях избирался областной

исполком. На практике был реализован вариант, по которому областной исполком избирался на 1/3 от трех этнических групп: балкарцев, кабардинцев и русских. Кабардино-Балкарская АО включала 4 кабардинских округа: Нальчикский (центр – Нальчик, одновременно являвшийся областным центром), Урванский (центр – Старый Черек), Баксанский (центр – Баксан) и Мало-Кабардинский (центр – поселок Терек). Балкарское население было представлено Балкарским округом с центром в Нальчике [3: 73]. Подобное деление позволяло увязать этническую карту расселения с системой хозяйственного и административного контроля, делая административные границы инструментом централизованного управления.

При этом формирование округов не было формальным нанесением границ на карту: оно закладывало базовые контуры для последующей трансформации поселенческой сети. Именно в этой административной рамке разворачивались дальнейшие преобразования – земельные реформы, переселения, коллективизация – которые целенаправленно меняли логику освоения пространства. Принятие 30 октября 1922 г. Земельного кодекса РСФСР послужило законодательной основой для разрешения вопросов землепользования в стране и трансформации поселенческой структуры региона. Комплексные землеустроительные работы проводились в кабардинских округах с конца 1922 г. на основании решения I съезда Советов Кабарадино-Балкарской АО [1: 100]. Целью кампании по межселенному землеустройству было обеспечение расселения многодворных сел за счет переселения части жителей в малонаселенные и неосвоенные места и создание новых населенных пунктов. Кроме того, решались вопросы о распределении земель между селениями, ликвидации чересполосицы и установлении границ между селениями. В ходе этой кампании поселенческая структура региона существенно изменилась. Трансформировалась и поселенческая структура балкарского народа под воздействием комплекса административных и экономических мер, реализуемых в рамках проводимой в 1920–1930-е гг. советской модернизации, аграрной, индустриальной и урбанизационной политики.

При разукрупнении многодворных сел власти ориентировались на переселение безземельных и малоземельных крестьян, не обладавших достаточным земельным наделом. Выделение этого контингента на переселение снижало социальную напряженность. Кроме того, власти надеялись, что переселение малоимущих крестьян на новые места и наделение их земельными участками для проведения сельскохозяйственных работ приостановит расслоение крестьянства на бедняков, середняков и зажиточных («кулаков») [1:101].

В результате разукрупнения селений в Кабарде в 1929 г. было образовано 29 новых населенных пунктов. Процесс переселения проходил нелегко, так как не всегда крестьяне были готовы к переселению далеко от мест проживания. Кроме того, переселения были связаны с материальными затратами, как на сам переезд, так и на обустройство на новом месте. Показателен пример переселения жителей из колонии Александровской на Золку, которая была на значительном удалении от прежнего места жительства. Колонистам предстояло освоить новую территорию со специфическими природными условиями. Потребность в материальной поддержке переселенцев в таких случаях становилась одним из важнейших факторов.

Документальные источники прямо фиксируют эту логику: протоколы совещаний подчеркивали необходимость ходатайствовать областному руководству перед соответствующими органами центральной власти о выделении долговременного кредита из расчета 150 руб. на хозяйство. Обоснование носило сугубо хозяйственный характер: предполагалось, что кредит позволит переселенцу восстановить хозяйство и «станет вполне платежеспособным, приносящим государству доход» [9: 32].

В Балкарии ситуация была принципиально иной. Новые селения в 1920-е гг. формировались за счет объединения близко расположенных хуторов и сезонных кошей (животноводческих стоянок) без масштабных дальних переселений. В 1922 г. на месте сезонных кошей и мелких аулов были образованы Былым, Бедик, Лашкута. Селение Ташлы-Тала возникло на месте разрушенного аула князей Темиркановых [6]. Эти примеры показывают, как административное планирование учитывало хозяйственное освоение территорий и транспортную доступность. Из-за недостатка средств процесс внутреннего землеустройства в Балкарии был проведен только в 1927–1929 гг. [1: 61]. Соответственно, потребность в крупных кредитных вливаниях не возникала, а инфраструктурные задачи (включая строительство дорог между населенными пунктами и ущельями) решались преимущество за счет локальных практик взаимопомощи.

Дальнейшая дифференциация административного деления – создание Нагорного округа в 1924 г. в результате разукрупнения Баксанского округа – позволила сосредоточить усилия на освоении слабозаселенного района Золки. Переселение сюда 38 малоземельных немецких семей из колонии Александровской (новая колония Бруненталь), образование селения Светловодск (куда переселялись семьи с хутора Возвратного), а также включение балкарского села Хабаз в состав Нагорного округа показывают, как административные решения становились инструментом целенаправленного хозяйственного освоения территории и изменения поселенческой структуры. В колхозный период механизмы поддержки трансформировались: вместо индивидуальных кредитов вводились трехлетние льготы для колхозов и его членов, что отражало переход к коллективным формам помощи.

Локальные трансформации поселенческой структуры балкарцев могут быть прослежены на примере села Бабугент. Хозяйственная специализация и демографическая динамика села в 1920-е гг. были обусловлены наличием природных ресурсов, в частности, обширных буковых лесов в окрестностях. Строительство завода, начатое в 1926 г. и завершенное в 1928 г. под руководством Т. Хуламханова, привело к формированию нового узла занятости. Открытие предприятия стимулировало приток населения из Коспарты, Зылгы, Чегет, Мукуш и других сел, что изменило демографическую динамику Бабугента. Данный кейс иллюстрирует, как размещение производственных объектов, обусловленных сырьевой базой, трансформировало сложившуюся поселенческую сеть даже в районах с устойчивыми традиционными формами расселения.

Если в 1920-е гг. основным драйвером трансформации поселенческой сети выступали землеустройство и переселения, то в 1930-е гг. на первый план вышли индустриализация, развитие транспортной и энергетической инфраструктуры. Размещение промышленных объектов (Тырныаузский

вольфрамо-молибденовый комбинат, угольная промышленность в Баксанском ущелье, деревообрабатывающее производство в Бабугенте) способствовало вовлечению балкарского населения в индустриальные отрасли, а ресурсная база способствовала формированию очаговой сети поселений.

Урбанизационные процессы выступали важным фактором трансформации расселения. Процесс урбанизации начался в 1921 г., когда Нальчикская слобода была преобразована в город. Его численность стремительно росла: с 1920 г. по 1926 г. она увеличилась на 70% и достигла 12 893 чел. [8: 42]. В 1937 г. статус второго города получил Прохладный, что было связано с присоединением в 1932 г. части упраздненного Прохладненского района Северо-Кавказского края [6:7]. Развитие транспортной и ресурсной инфраструктуры обусловило формирование сети поселков городского типа: Докшукино, Терек, Майский, Нижний Баксан (позднее переименован в Тырныауз).

По расчетам автора на основе данных Всесоюзной переписи 1939 г., городское население Кабардино-Балкарской АССР составляло 84 652 чел. (23% жителей республики). При этом в городах проживало 49,5% русских, 3,5% кабардинцев и 2,1% балкарцев [4]. Такая дифференциация по этническому признаку сохранялась на протяжении нескольких десятилетий: кабардинцы и балкарцы оставались преимущественно сельскими жителями вплоть до второй половины 1970-х гг.

К началу 1940-х гг. в Кабардино-Балкарской АССР складывался хозяйственный каркас: дорожная сеть, Баксанская ГЭС (1936), социальная инфраструктура и разросшаяся поселенческая структура народов региона, в том числе балкарского. Советская модернизация 1920–1930-х гг. была по-настоящему масштабной: она принесла индустриализацию, урбанизацию, строительство новых населенных пунктов, формирование транспортной и социальной сети. Этот вектор развития мог бы и дальше менять пространство региона, однако был резко прерван войной.

С первых дней Великой Отечественной войны практически все взрослое мужское население балкарского народа ушло на фронт. Значительная часть этих людей погибла или пропала без вести. В 1944 г. балкарцы – в основном дети, старики и женщины – были высланы в восточные районы СССР. Села обезлюдели, а многие дома и хозяйственные постройки были разрушены, поселенческая ткань разорвана. Именно война и последовавшая за ней депортация привели к сужению традиционной поселенческой структуры балкарского народа.

Возвращение в 1957 г. не привело к восстановлению довоенной структуры расселения. Население встраивали в уже сложившийся модернизационный каркас: транспортные и промышленные узды, новые хозяйственные и административные контуры. Функциональная логика этих узлов (освоение территории, добыча ресурсов, экономика, транспортное связывание) прямо определяла, какие населенные пункты получат развитие, а какие – нет. Именно поэтому многие балкарские горные села, бывшие частью этнической системы поселений, так и не были восстановлены.

Таким образом, сужение поселенческой структуры было вызвано экстраординарными событиями – войной и депортацией. Последующее инфраструктурное развитие не воссоздало прежнюю систему, а закрепило ее

трансформацию в рамках сложившегося каркаса. Сложившаяся пространственная модель остается одним из определяющих факторов этнокультурного развития региона.

Источники и литература

1. *Абазов А.Х.* Землеустроительные работы в Кабардино-Балкарской автономной области в 1922-1928-е гг.: подготовка, реализация, взаимодействие органов власти // Электронный журнал «Кавказология». 2021. № 2. С. 97–111.
2. *Ако Гемуев.* Жизнь и деятельность. Народный трибун эпохи классовой борьбы. Нальчик, 2014.
3. *Аккиева С.И.* Советская модернизация как детерминанта поселенческих и этнодемографических процессов в Кабардино-Балкарии с 1920 по 1940 г. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 10(54). С. 72–77.
4. *Бабич И.Л., Степанов В.В.* Историческая динамика этнической карты Кабардино-Балкарии (1890–1990 е годы). М., 2009.
5. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Распределение городского и сельского населения регионов РСФСР по национальности и полу. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_gs.php (дата обращения: 29.07.2026).
6. *Кринко Е.Ф.* Национально-государственные и административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в 1920-1930-х гг. // Magna Adsurgit: Historia Studiorum. 2019. № 2. С. 151–164.
7. Ташлы-Тала: описание поселения [Электронный ресурс] // ASSIA.info. URL: http://assia.info/poseleniya/posmalkar/item/363-tashly-tala.html (дата обращения: 28.07.2026).
8. *Тхамокова И.Х.* Этнические аспекты урбанизации Кабардино-Балкарии // Манускрипт. 2018. № 9(95). С. 41–46.
9. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино Балкарской Республики (далее УЦГА КБР). Ф. Р-8. Оп. 2. Д. 52.
10. УЦГА КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 140.

Н.В. Ламосова, О.А. Леусян

К вопросу о роли дореволюционной инженерно-технической интеллигенции в индустриализации Абхазской ССР в 1920–1930-е гг. (на примере деятельности Е.М. Юшкина)

Ко времени установления советской власти Абхазия была аграрным регионом с неразвитой дорожной инфраструктурой и крайне незначительным числом мелких промышленных предприятий в основном лесной и пищевой отраслей. Экономика республики сильно пострадала в ходе Гражданской войны, но уже в ходе восстановительного периода власти Абхазской ССР во главе с Н.А. Лакобой поставили амбициозную задачу промышленного развития республики. Особое место отводилось освоению Ткварчельского каменноугольного месторождения, расположенного на востоке Абхазии (подобные попытки предпринимались еще в дореволюционный период, но успеха не имели). Уже в 1923 г. в экономическом совете (далее – ЭКОСО) Абхазии

был заслушан доклад инженера Г.З. Андроникова о Ткварчельском угле, в район месторождения была отправлена небольшая экспедиция Абхазского научного общества (далее – АбНО), отобравшая образцы угля для анализа. Усилия властей в этом направлении активизировались к 1925 г. Сил местных технических специалистов для решения «ткварчельского вопроса» было явно недостаточно, поэтому республиканские власти решить привлечь к этому делу специалистов из других регионов. Важнейшее значение в разработке научно-технического обоснования перспектив ткварчельского угля и создания крупного предприятия для его добычи имела деятельность горного инженера Евгений Максимовича Юшкина.

Жизнь и деятельность Е.М. Юшкина (1872–1937) могут служить примером типичной стратегии выживания российской инженерно-технической интеллигенции в условиях радикальной смены политических режимов. Крупный специалист в области нефтедобычи, активный популяризатор научно-технического потенциала Кавказа, областной горный инженер Кубанской области в 1908–1916 гг., один из организаторов Терского и Кубанского отделов Русского технического общества, он в 1916 г. возглавил отделение нефтяных промыслов Горного департамента Министерства торговли и промышленности, а затем нефтяной отдел Особого совещания по топливу. Не сработавшись с Временным правительством, перешел на службу в концерн «И. Стахеев и К», где впервые познакомился с историей ткварчельского месторождения. Революционные потрясения 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война круто изменили его биографию. Вернувшись на Кубань, он стал членом Екатеринодарской городской управы по народному образованию, одним из редакторов журнала «Местное самоуправление на Северном Кавказе». С приходом советской власти вернулся к нефтяному делу, сосредоточив все свои силы на восстановлении разрушенной нефтяной отрасли региона. Одновременно играл важную роль в становлении кубанского краеведения, работая в крупнейшем научно-исследовательском учреждении Кубани – Совете обследования и изучения Кубанского края (СОИКК), с 1923 г. – Кубано-Черноморском краевом научно-исследовательском институте (далее – НИИ), был избран его ученым секретарем.

Наиболее полную картину жизни и деятельности Юшкина представил в своих трудах один из ведущих историков нефтегазовой промышленности России А.А. Матвейчук [8], но абхазскому периоду он уделил мало внимания. Единственным, кто подробно писал о роли Е.М. Юшкина в разработке ткварчельского месторождения, был Л.М. Прицкер [10], который по объективным причинам не мог написать о его трагическом конце. Упоминается Е.М. Юшкин в контексте освоения Ткварчели также в работе известного советского абхазского ученого А.Э. Куправы [7]. В целом абхазские годы его жизни являются наименее изученными, поэтому авторы на основании предшествующей историографии, анализа редких региональных изданий научных обществ и периодики делают попытку заполнить эту лакуну.

В 1924 г. вследствие административных преобразований Кубано-Черноморская область вошла в Северо-Кавказский край с центром в Ростове-на-Дону. В это же время началась «чистка» хозяйственных и инженерно-технических кадров, которая могла иметь для Юшкина серьезные последствия. Весной–летом 1924 г. он как председатель Краснодарской ко-

миссии содействия участвовал в подготовке I съезда деятелей краеведения Черноморского побережья и Западного Кавказа, проходившего в Сухуми по инициативе Кубано-Черноморского НИИ и АбНО в сентябре 1924 г. На съезде, ставшем самым представительным из проходивших в 1924 г. региональных краеведческих съездов, он был избран членом президиума и выступил с несколькими докладами, в частности, о весьма важных для Абхазии проблемах: сооружения железных дорог, разработки полезных ископаемых, перспектив Ткварчельского каменноугольного месторождения (единственного на Кавказе месторождения коксующихся углей) [3: 6; 4: 20, 41, 51–52].

Вероятно, во время работы съезда Юшкин получил приглашение от абхазских властей (А.А. Матвейчук пишет, что он сам предложил им свои услуги) переехать в Сухум и вплотную заняться ткварчельской проблемой. Весной следующего года он уже был в Абхазии и сразу же включился в сбор и обработку имеющихся по Ткварчели материалов. В июле 1925 г. состоялся расширенный пленум ЭКОСО республики с участием представителей Совнаркома, Госплана, АбНО и других учреждений, на котором было принято постановление о проведении подготовительных мероприятий для освоения месторождения, начале топографических и геологических работ для закладки рудника, изысканиях для составления проекта железнодорожного пути от Очамчир до месторождения. Для осуществления проекта при Госплане была создана специальная комиссия во главе с Юшкиным [10: 56].

Е.М. Юшкин также вошел в состав Ученого совета АбНО, почетным председателем которого был Н.А. Лакоба. Осенью 1925 г. по его докладам проблемы Ткварчельского угля обсуждались на II съезде деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа в Батуми, а затем на общем собрании АбНО. На основе собранных специальной комиссией материалов под редакцией Е.М. Юшкина и В.М. Козлова с подзаголовком «Тварчельский каменный уголь» вышел II сборник «Известий АбНО» (1926 г.), в котором перу Юшкина принадлежали статьи «Ткварчельский каменный уголь в исторической перспективе», «По поводу “Краткого обзора материалов по вопросу о разработке Ткварчельского каменноугольного месторождения” в издании Правления Закавказских железных дорог (1925)», «Закавказские угли и металлургия», «Последние новости в Ткварчельском вопросе» и в соавторстве с В.М. Козловым «Ткварчельский каменный уголь, кокс и побочные продукты сухой перегонки» [5].

По инициативе Е.М. Юшкина абхазские власти обратились в Геологический комитет с просьбой направить своих специалистов для обследования месторождения. Об успешном участии Е.М. Юшкина в заседании Геологического комитета по этому вопросу на VI всеабхазском съезде профсоюзов упоминал в своем докладе председатель Совета народного хозяйства республики С.М. Ашхацава [2: 161]. В 1926–1928 гг. геологоразведочная партия под руководством крупного ученого-угольщика В.В. Мокринского произвела геологическую съемку и разведку в Ткварчели. Во вступлении к своему отчетному труду маститый геолог особо выразил «уважение перед энергией идейного поборника ткварчельской проблемы горн. инж. Юшкина» [9: 4].

В январе 1927 г. для руководства подготовкой работ по освоению месторождения при Высшем совете народного хозяйства Грузии была создана

Ткварчельская комиссия, заместителем председателя которой был назначен Е.М. Юшкин. Материалы ее деятельности были собраны в 3 выпусках «Известий» (декабрь 1927 – ноябрь 1928 г.), которые знакомили с результатами работ [7].

В это время Е.М. Юшкин принял участие в дискуссии по вопросу освоения Ткварчельского месторождения в увязке с созданием закавказской металлургической промышленности, в частности Дашкесанского железорудного месторождения в Азербайджане. Он довольно осторожно оценивал перспективы таких планов, так как считал недостаточно изученными месторождения металлов в Закавказье [13]. Абхазскими и грузинскими властями ткварчельский уголь рассматривался как источник металлургического кокса для поставок на завод «Юго-Сталь» в донецкой Макеевке. В конце 1927 г. в присутствии Юшкина там были проведены соответствующие испытания, которые были признаны успешными [12]. Позже возникло предложение и о поставках абхазского угля на вторую очередь Керченского металлургического завода [14]. Кроме того, развитие экономики Абхазии требовало достройки Черноморской железной дороги, для которой также был бы востребован уголь Ткварчели. Так появилась книга [11], одним из авторов которой стал Е.М. Юшкин. Таким образом, работа в Абхазии способствовала превращению горного инженера в крупного экономиста промышленности.

После долгих дискуссий в 1929 г. было организовано Управление по строительству Ткварчельского каменноугольного предприятия (трест «Ткварчелстрой), к сооружению которого приступили в следующем году. Юшкин был назначен в состав правления треста [10: 75], но, скорее всего, долго он там не проработал. А.А. Матвейчук пишет, что примерно в это время он вышел на пенсию и полностью посвятил свое время работе в АбНО [8: 113]. В 1935 г. как специалист, глубоко знающий историю Ткварчели, вошел в состав рабочей комиссии по написанию истории «Ткварчелстроя», которая была им систематизирована и собрана в 7 томов документов с дореволюционного периода до 1934 г., часть из них он сам и прокомментировал. Согласно постановлению ЦИКа Абхазии от 2 апреля 1935 г. монографию по истории «Ткварчелугля» объемом в 15 печатных листов следовало закончить и опубликовать к марту 1936 г., однако, по независящим от комиссии обстоятельствам работу не удалось завершить [10: 10]. К сожалению, вероятнее всего, все эти документы погибли во время пожара республиканского архива в 1992 г.

Полная неустанных трудов жизнь Евгения Максимовича Юшкина трагически оборвалась в 1937 г. 13 июня он был арестован по делу уже умершего к тому времени руководителя Абхазской АССР Н.А. Лакобы («О контрреволюционной диверсионно-вредительской, террористически-повстанческой, шпионской организации Абхазии»). На открытом процессе, проходившем с 30 октября по 3 ноября 1937 г. над участниками этой «вредительской организации» прокурор назвал 65-летнего заслуженного горного инженера, всю жизнь честно трудившегося, «черносотенным махровым вредителем» [1: 146]. Е.М. Юшкина к тому времени уже не было в живых. Еще 4 октября 1937 г. члены Военной коллегии Верховного суда СССР присудили ему высшую меру наказания – расстрел. На следующий день приговор был приведен в исполнение. 28 декабря 1957 г. Е.М. Юшкин был реабилитирован за отсутствием состава преступления.

Вследствие этих причин долгие годы роль Е.М. Юшкина, который в последние 12 лет своей жизни не только вплотную занимался ткварчельской проблемой, но и комплексным промышленно-экономическим развитием Абхазии, недостаточно оценена и изучена. Авторы ставили своей задачей хотя бы частично воздать должное этому крупному ученому и экономисту промышленности.

Источники и литература

1. Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953. Сборник материалов. Сухум, 1992.
2. *Ашхацава С.М.* Возможно ли в Абхазии развитие промышленности. Доклад председателя ВСНХ тов. С. Ашхацава на 6 всеабхазском съезде профсоюзов 25-го января 1926 г. // С.М. Ашхацава. Избранные труды. Сухум, 2019. С. 144–172.
3. Бюллетень Распорядительного комитета Первого съезда деятелей краеведения Черноморского побережья и Западного Кавказа. Сухум, 1924. № 1.
4. Бюллетень Распорядительного комитета Первого съезда деятелей краеведения Черноморского побережья и Западного Кавказа. Сухум, 1924. № 3 (отчеты и резолюции съезда).
5. Известия Абхазского научного общества. Вып. II. Материалы для изучения производительных сил Абхазии. Ткварчельский каменный уголь. Сухум, 1926.
6. Известия Ткварчельской комиссии. Вып. 1–3. Тифлис, 1927–1928.
7. *Куправа А.Э.* Промышленность и транспорт Абхазии в первые годы советской власти // А.Э. Куправа. Труды в десяти томах. Т. 1. Сухум, 2013.
8. *Матвейчук А.А.* На стремнине нефтяного века // Нефть России. 2012. № 12. С. 106–113.
9. *Мокринский В.В.* Ткварчельский угленосный район (Закавказье. Абхазская ССР). Часть 1. II и III продуктивные площади. Ленинград, 1928.
10. *Прицкер Л.М.* История освоения Ткварчельского каменноугольного месторождения (1881–1935). Сухуми, 1966. С. 54–56.
11. Черноморская железная дорога. Сухум, 1928.
12. *Юшкин Е.М.* Испытание ткварчельского угля // Заря Востока. 1928. 4 января.
13. *Юшкин Е.М.* Проблема металлургии ЗСФСР // Заря Востока. 1927. 28 августа.
14. *Юшкин Е.М.* Ткварчельская проблема // Заря Востока. 1929. 7 июня.

К.Д. Костин, Б.В. Туаева

Модернизация транспортных коммуникаций в Северной Осетии советского периода: особенности преодоления географического фактора

Географический фактор на протяжении столетий выступал одним из главных ограничителей развития Северной Осетии. Расположенная на северных склонах Главного Кавказского хребта, эта территория была естественным образом изолирована от Закавказья труднопроходимыми горными массивами. До начала XX в. единственной транспортной артерией, связывавшей регион с Закавказьем, оставалась Военно-Грузинская дорога – путь, проложенный еще в первой половине XIX в. и с трудом обеспечивавший даже минимальные потребности в сообщении.

Установление советской власти кардинально изменило подход к решению транспортной проблемы. Индустриализация республики была невозможной без развития транспорта. В отличие от дореволюционного периода, когда транспортная инфраструктура развивалась преимущественно в военно-стратегических целях, советская модернизация ставила задачу комплексного хозяйственного освоения горных территорий. Цель настоящей статьи – проанализировать процесс модернизации транспортных коммуникаций Горной Северной Осетии в советский период как целенаправленную деятельность по преодолению географического фактора.

Горная Северная Осетия представляет собой территорию, рассеченную глубокими ущельями – Алагирским, Дигорским, Куртатинским и другими. Естественные барьеры – высокогорные перевалы, лавиноопасные склоны, селевые потоки – на протяжении веков препятствовали не только сообщению с Закавказьем, но и внутренней связности самого региона.

К началу XX в. дорожная сеть Северной Осетии находилась в неудовлетворительном состоянии. Основные пути сообщения представляли собой грунтовые дороги, малопригодные для круглогодичного использования. Военно-Грузинская дорога, оставаясь главной артерией, связывавшей регион с Закавказьем, не справлялась с растущими потребностями хозяйственного оборота.

Еще в 1873 г. инженером Б.И. Статковским был разработан проект железной дороги «Дарг-Кох – Гори», предусматривавший прокладку магистрали из Северной Осетии в Южную через тоннель под Магским перевалом. Проект опережал свое время: общая протяженность дороги составляла 196 км, длина тоннеля – 6500 м. Однако реализация проекта столкнулась с непреодолимыми препятствиями – как природными, так и бюрократическими. Нашлись влиятельные противники строительства, и идея была отложена. Вместе с тем уже в дореволюционный период обозначился экономический интерес к транспортному освоению региона. Бельгийский капитал, владевший серебро-свинцовыми рудниками в Садоне, был заинтересован в кратчайшем пути для вывоза продукции. Однако частный интерес не мог обеспечить реализацию столь масштабного проекта в условиях царской России.

Установление советской власти принесло принципиально новый подход к решению транспортной проблемы. С первых же дней советское правительство приложило усилия для осуществления мероприятий, намеченных еще в 1917–1918 гг. Национальным советом по строительству перевальной дороги [3: 65]. Особую активность проявило руководство Южной Осетии, добившееся в 1922 г. выделения средств в сумме 100 000 золотых рублей для восстановления хозяйства и строительства Рокской дороги. 16 октября 1923 г. дорожная комиссия Южной Осетии приняла постановление о строительстве шоссейной дороги, а на IV съезде Советов в декабре того же года эта стройка была признана самой важной и первоочередной.

В августе 1924 г. группа инженеров с участием Н.В. Фильковича и В.Я. Белобородова обратилась к правительствам Северной и Южной Осетии с предложением способствовать прокладке перевальной дороги через Магский перевал. Начальником строительства был назначен А.М. Янушкевич, который получил задание обследовать районы перевалов и определить наиболее выгодное направление.

25 ноября 1927 г. Совет Народных Комиссаров (далее – СНК) СССР принял постановление о включении в сеть дорог общесоюзного значения участка Военно-Осетинская дорога – Зарамаг-Кутх (Маг) – Цхинвал – Гори. Это решение придало транспортному строительству в регионе общегосударственный статус. Однако практическая реализация столкнулась с серьезными трудностями – прежде всего финансовыми [1: 32].

Период первых пятилеток стал временем кардинальных изменений в транспортной инфраструктуре Северной Осетии. По сравнению с дореволюционным временем протяженность шоссейных и гравийных дорог выросла к 1940 г. в 70 раз. Этот колоссальный рост отражал приоритетное внимание Советского государства к транспортному освоению горных регионов.

Непосредственно к работам по прокладке автодороги, которая должна была соединить южную и северную части Осетии, приступили в 1930 г. 12 апреля СНК СССР утвердил план строительства дороги через Рокский тоннель. 7 ноября 1930 г., в очередную годовщину Октябрьской революции, при стечении сотен жителей был произведен первый взрыв в толще скалы. Организацией строительства руководил выдающийся дорожный инженер Р.Х. Гаглоев. К этому времени до селения Средний Рук, откуда по первоначальному проекту должен был начинаться тоннель, уже была проложена шоссейная дорога и пробито несколько небольших тоннелей. Однако работы шли крайне непросто. Не хватало ни материальных средств, ни механизмов. Со смещением и расстрелом руководства Юго-Осетинской автономной области и самого Р.Х. Гаглоева в 1937 г. строительство было прекращено. на долгие десятилетия [3: 76].

В годы Великой Отечественной войны значение транспортных коммуникаций Северной Осетии многократно возросло. Регион оказался в зоне активных боевых действий, и дороги приобрели стратегическое значение. Поддержание транспортной сети стало одной из важнейших задач.

Послевоенный период характеризовался восстановлением и дальнейшим развитием транспортной инфраструктуры, что укрепило связи республики с промышленными центрами страны. Развитие металлургии создало условия для модернизации Садонских горнорудных предприятий и перерабатывающей промышленности. Военно-Грузинская дорога была реконструирована и получила постоянное автосообщение [5: 127]. Однако главная проблема – отсутствие прямой транспортной связи между Северной и Южной Осетией через Главный Кавказский хребет – оставалась нерешенной. Географический фактор продолжал сдерживать экономическое развитие и социально-культурные связи осетинского народа, разделенного горным хребтом.

К вопросу строительства перевальной Транскавказской автомобильной дороги вернулись лишь в конце 1960-х гг. К этому времени технические возможности и экономические потребности страны достигли уровня, позволявшего приступить к реализации проекта, задуманного еще в XIX в. Проект Транскавказской магистрали прошел обсуждение в Госплане СССР. В 1969 г. председатель Совета Министров Северной Осетии О.А. Басиев выступил с докладом о перевальной дороге через Рокский тоннель на сессии Верховного Совета СССР. Он потребовал внести строительство автомобильной дороги на Кавказском хребте в план развития народного хозяйства СССР на 1971–1975 гг.

В 1966 г. Министерство строительства СССР рассмотрело вопрос о различных вариантах и отдало предпочтение строительству Рокской перевалочной автомобильной дороги. 16 ноября 1971 г. Совет Министров СССР принял постановление о начале строительства Транскавказской перевалочной автодороги на Рокском перевале. Дорога была включена в пятилетний план развития СССР на 1971–1975 гг. отдельной строкой. Однако и на этом этапе пришлось преодолевать сопротивление грузинских властей, инертность местных и столичных чиновников.

Строительство велось в исключительно сложных горных условиях. Трасса проходила на высоте более 2 км над уровнем моря, в зоне повышенной лавинной опасности. Рокский тоннель, строительство которого было завершено в 1984 г. (по другим данным – в 1985 г.), стал уникальным инженерным сооружением. Протяженность тоннеля составляет 3730 м, он расположен на высоте более 2 км над уровнем моря (северный портал – 2040 м, южный – 2112 м). На момент сдачи в эксплуатацию Рокский тоннель был самым протяженным автомобильным тоннелем в СССР.

27 ноября 1986 г. в торжественной обстановке была введена в эксплуатацию Транскавказская автомагистраль, соединившая Южную и Северную Осетии. Общая протяженность трассы составила 164 км, участок перевальной дороги – 65,9 км. Было построено 17 мостов и несколько противолавинных галерей. За северным порталом тоннеля были сооружены уникальные противолавинные сооружения, виадуки, мосты [4: 79].

Завершение строительства Транскавказской автомагистрали стало поворотным моментом в истории Северной Осетии. Географический фактор, веками ограничивавший развитие региона, был в значительной степени преодолен. В экономическом плане это означало:

- Интеграцию в общесоюзную хозяйственную систему. Северная Осетия получила надежную транспортную связь с Закавказьем, что открыло новые возможности для торговли и производственной кооперации.
- Развитие горнодобывающей промышленности. Садонские рудники получили эффективный канал для вывоза продукции.
- Рост туристического потенциала. Горные районы стали более доступными для рекреационного использования.

В социальном плане транспортная модернизация способствовала:

- Укреплению национального единства осетинского народа, разделенного хребтом.
- Повышению мобильности населения, развитию культурных и образовательных связей.
- Улучшению доступа к медицинским и социальным услугам для жителей горных районов.

Вместе с тем следует отметить, что Транскам остается сложным в эксплуатации сооружением. В зимнее время после обильных снегопадов трасса бывает подолгу закрыта из-за угрозы схода лавин. Тем не менее само существование этой магистрали – убедительное свидетельство того, что в советский период была осуществлена задача, которую не могли решить в дореволюционный период.

Модернизация транспортных коммуникаций Северной Осетии в советский период представляет собой уникальный пример целенаправленного

преодоления географического фактора. На протяжении нескольких десятилетий – с первых советских инициатив 1920-х гг. до ввода в эксплуатацию Транскавказской автомагистрали в 1986 г. – была создана транспортная инфраструктура, принципиально изменившая экономическое и социальное положение региона. Ключевым достижением стало строительство Рокского тоннеля. Это инженерное сооружение, пробитое через Главный Кавказский хребет на высоте более 2 км, символизирует победу человеческой мысли и труда над природными преградами [2: 81].

История транспортного строительства в Северной Осетии – это не только история инженерных достижений, но и история драматическая, полная трагических страниц: репрессии 1937 г., прервавшие строительство на десятилетия, многолетняя бюрократическая борьба, нехватка средств и ресурсов. Однако советская модернизация, при всех ее противоречиях, сумела реализовать то, что казалось невозможным на протяжении столетий.

Сегодня Транскавказская автомагистраль продолжает выполнять стратегическую функцию связующего звена между Северной Осетией и Закавказьем. Она остается напоминанием о том, что географический фактор, при всей его мощи, может быть преодолен при наличии политической воли, инженерного таланта и общественной поддержки.

Источники и литература

1. *Газзаев А.П.* Северная Осетия за тридцать лет Советской власти. Дзауджикау, 1947.
2. История Северной Осетии: XX век. М., 2003.
3. *Кортиев Л.И.* Кавказская перевальная автомобильная дорога. Тбилиси, 1981.
4. *Кортиев Л.И.* Транскавказская Рукская автотрасса. Цхинвали, 1982.
5. *Черджиев Х.С.* Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1971.

Е.Ю. Оборский

Пятигорск и Ставрополь в 1930-е гг.: влияние «столичного» статуса на развитие городского пространства[1]

В 1920–1930-е гг. Ставрополье стало участником многочисленных административных преобразований. В 1924 г. Ставропольская и Терская губернии (там находились часть южных и восточных уездов, в том числе Кавказские Минеральные Воды) вошли в состав Северо-Кавказского края со столицей в Ростове-на-Дону, а сами губернии были преобразованы в округа. В 1930 г. управление округами перешло непосредственно в Ростов-на-Дону, а в 1932 г. округа упразднили. В 1934 г. огромный край разделили на Азо-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 241820073 «Городская повседневность южной провинции. Эволюция массового сознания и повседневные практики горожан Ставрополья и Кавказских Минеральных Вод в 1920-е 1930-е гг.», https://rscf.ru/project/24-18-20073/

во-Черноморский и Северо-Кавказский, центром последнего был назначен Пятигорск. В 1937 г. край переименовали в Орджоникидзевский, центр перенесли в Ставрополь, национальные области и республики (кроме Карачаевской и Черкесской) получили статус автономных в составе РСФСР [3: 504].

О выборе Пятигорска как административного центра подробно писал З.В. Акопян. Он считает, что выбор Пятигорска не был самостоятельным решением местных властей [1: 72]. Последний раздел и перенос центра в Ставрополь (который именовался тогда Ворошиловском) официально объяснялся просьбами местных партийных и советских организаций [4: 1].

Только за одно десятилетие Ставрополь и Пятигорск неоднократно меняли свой статус. Оставляя причины таких изменений, стоит заметить, что перенос краевого центра последовательно в оба города стимулировал в них активное переустройство многих сфер жизни. Можно выдвигать тезис о том, что именно статус региональной столицы давал импульс к превращению Ставрополя и Пятигорска в города современного типа.

Развитие Пятигорска до 1934 г. шло небыстро, с акцентом на курортную составляющую жизни города. Имевшиеся помещения переоборудовали в санатории, начав реализацию советского системного подхода к отдыху граждан. Однако присвоение статуса регионального центра пробудил множество разнообразных процессов. Параллельно были запущены многочисленные стройки и работы по благоустройству города, а также в течение всего года анализировалось состояние города для более системной реконструкции.

В сентябре 1934 г. заместитель директора Всесоюзного объединения курортов Наркомата здравоохранения РСФСР М.И. Ганштак констатировал, что, «несмотря на исключительную ценность и значение курортов Кавминвод, несмотря на их колоссальный рост и роль в деле лечебно-профилактической помощи трудящимся, они остаются до настоящего времени неблагоустроенными. Общее благоустройство этих курортов и их санитарное состояние резко отстает от тех несомненных значительных достижений, которые имеются на курортах в отношении устройства бальнеологических учреждений» [10: 5].

В Пятигорске он констатировал недостаток водоснабжения, всего 12 % «канализированных домовладений курорта и города», кризис в электроснабжении из-за ветхости оборудования и роста потребителей [2: 53]. Требовалось «радикальное улучшение состояния курортных дорог, улиц и площадей», немедленная постройка больницы, бань и прачечных, а также «широкое строительство жилищного фонда, в первую очередь в Пятигорске, для обеспечения размещения краевых организаций и их работников должно обеспечить строительство курортного городка в полном объеме» [10: 5].

По мнению М.И. Ганштака с 1935 г. «по решению партии и правительства» должна была начаться масштабная реконструкция Кавминвод. Однако приведенные им данные свидетельствуют об акценте этой программы на Кисловодске (12 млн руб. на сооружение водопровода), а не на Пятигорске и других городах [2: 54].

Пятигорск обустраивался именно как краевой центр. В газете «Северо-Кавказский большевик» велась регулярная рубрика «Строим краевой центр». Можно выделить темпы и особенности процесса благоустройства города. Создавалась необходимая техническая инфраструктура: устраи-

вались столовые для строителей, велась добыча камня на Машуке и горе Шелудивой и строилась узкоколейная железная дорога, для перевозки строительных материалов начали использовать специальные грузовые трамвайные платформы, привозились специальные «стандартные» деревянные дома, которые надо было только собрать на месте.

Другие примеры: «В порядке социалистической помощи строительству краевого центра пригородные колхозы Пятигорска выделили десять подвод с рабочими на все время строительного сезона. Горсовет предложил готПО и тресту общественного питания организовать улучшенное снабжение для рабочих строителей ударников на всех стройках краевого центра. Также должны быть выделены товары для премирования лучших ударников» [11: 8].

10 сентября было запущено краевое радиовещание со студии в Пятигорске. Редакции главных газет – «Северо-Кавказский большевик», «Молодой ленинец», «Сталинские ребята» – находились тоже в Пятигорске. Для дополнительного финансирования был выпущен трудовой займ. Была построена автоматическая телефонная станция.

О столичном статусе Пятигорска говорят не только цифры и конкретные действия. Важно знать, как сами жители понимали свое новое состояние. Нужно ответить на вопрос: ощущали пятигорчане, что они живут в «маленькой столице»? Вот мнение избирателей перед выборами в городской совет: «Особенно ответственна задача, стоящая перед Пятигорским Городским Советом, как Советом краевого центра, как Советом города, являющегося здравницей рабочего класса и трудящихся СССР. Эта ответственная задача требует от Горсовета особого внимания к делу благоустройства курорта, превращения его в лучший курорт Союза. Наш наказ Совету развертывать и дальше жилищное строительство, строительство: школ, больниц, бань, детсадов, яслей, площадок, дорог, использовав для этого все ресурсы и все имеющиеся возможности, организовывая трудящихся города Пятигорска на борьбу за выполнение боевого задания т. Евдокимова – выполнить боевую программу превращения бывшего окружного города в столичный город Северо-Кавказского края» [7: 8–9].

Вот что говорил М.И. Кахиани – член Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) и уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) по Северо-Кавказскому краю: «Есть такие настроения, что здесь пролетариата нет, поэтому мы не сумеем все сделать и т.д. Эти настроения, что только «нарзанный» пролетариат имеется, нужно сломить. Нужно использовать тот пролетариат, который есть. С неба вы пролетариата не возьмете. Работу нужно улучшить в этих условиях. Вот как стоит вопрос, и мне думается, что при наличии имеющихся у нас сил, можно сделать куда больше, чем мы с вами сделали» [12: 2]. Далее он продолжал: «Разговоры о том, что здесь курорт и поэтому дисциплина неизбежно будет хромать, никуда не годятся. Эти настроения нужно решительно сломить. Люди со всех концов СССР стараются приехать сюда – в Пятигорск, Кисловодск на месяц – на курорты, а мы здесь целый год живем, – хороший воздух, хорошие природные условия. В других городах искусственно, путем громадных усилий и больших вложений создаются эти условия, чтобы поднять производительность труда и укрепить дисциплину, а нам нужно только всемерно использовать наши условия. Дис-

циплина должна быть здесь поставлена не хуже, чем в других городах, здесь можно и должно хорошо работать. Здесь для этого все дано» [12: 2].

Фактически был запущен процесс оценки текущего состояния Пятигорска: сначала под рутинным поводом размещения различных краевых органов и их сотрудников, затем в дело вступило желание сделать Пятигорск лучшим городом края. После начата глобальная реконструкция. Изменения касались практически всех сторон городской жизни: строительства новых домов, благоустройства улиц, улучшения санитарного состояния, водоснабжения и канализации, реконструкции мест отдыха и учреждений образования.

Такая же схема происходила и в Ставрополе (Ворошиловске). В 1937 г. краевые и городские власти стали оценивать текущее состояние города. Ставрополь отмечался как крепкий, просторный, зеленый, молодежный, промышленный, но с некоторыми недостатками – «большой, хороший город. Надо только привести его в порядок, кое-где починить, кое-где покрасить, поасфальтировать» [8: 3].

Были выделены средства: по данным городского отдела коммунального хозяйства – 3 млн руб. [9: 3], по данным секретаря крайкома ВКП(б) К.М. Сергеева – 10 млн руб. [6: 3] на первоначальное коммунальное благоустройство. Должны были достроить водовод к Ставрополю и реконструировать внутригородской водопровод, отремонтировать электростанции, построить 4 многоквартирных дома. Далее должны были построить новые магазины, школы, вузы, промышленные предприятия, поликлинику, канализацию; разбить новый огромный парк, закупить новые грузовые и пассажирские автомобили и автобусы, расширить сеть межкраевых маршрутов железнодорожного транспорта. Символом нового статуса города должно было стать строительство Дома Советов в центре города по образцу ростовского – с балконом на фасадной части.

Ощущения горожан от нового переезда административного центра схожи с настроениями пятигорчан: жители Ставрополя ждали это событие «оживленно-радостно». По мнению ставропольского писателя И.Я. Егорова, это был явный признак провинциальности: «Приедет край, по-другому, заживет, загрохочет город» [8: 3]. А от руководителей края такой же призыв: «Новый краевой центр должен строить весь край! Молодежь здесь должна быть в первых рядах строителей нового социалистического центра, города огромных перспектив!» [5: 3].

Вырисовывается несколько схожих смысловых сюжетов. Оба города – Пятигорск и Ставрополь (Ворошиловск) – стали в 1930-е гг. региональными центрами. Горожане воспринимали это событие как получение столичного статуса. Краевые власти сразу начинали изучение городских проблем, и сообща с республиканским и союзным руководством вкладывали средства в развитие городского пространства. Строительство объявлялось общенародным делом, и строить помогал весь край. Единственное отличие – наличие в Пятигорске курортного пространства, которого в новой краевой столице не было. Это сопровождалось разработкой новых планов по развитию обоих городов. Поэтому можно выдвинуть гипотезу, что именно присвоения статуса краевого центра фактически перевели Пятигорск и Ставрополь в новое качество – качество города, современного эпохе.

Источники и литература

1. *Акопян З.В.* Пятигорск как региональный административный центр на Северном Кавказе в 1920-1930е гг.: дис… канд. ист. наук. Пятигорск, 2025.
2. *Ганштак М.И.* Кавказские Минеральные Воды. Справочник по курортам. Пятигорск, 1935.
3. Край наш Ставрополье: очерки истории. Ставрополь, 1999.
4. Молодой ленинец. 1937. № 58. 15 марта.
5. Молодой ленинец. 1937. № 119. 30 мая.
6. Молодой ленинец. 1937. № 123. 4 июня.
7. Наказ избирателей Пятигорскому совету X созыва 1934 г. Пятигорск, 1935.
8. Орджоникидзевская правда. 1937. № 128. 6 июня.
9. Орджоникидзевская правда. 1937. № 134. 14 июня.
10. Северо-Кавказский большевик. 1934. № 160. 9 сентября.
11. Северо-Кавказский большевик. 1934. № 168. 18 сентября.
12. Северо-Кавказский большевик. 1934. № 180. 2 октября.

С.А. Хубулова

Участие автономных областей Северного Кавказа во всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке 1923 года

Ряд вопросов истории советского периода по настоящее время остается малоизученным, хотя оставшиеся в тени фрагменты представляют большой интерес для реконструкции несомненно важного пласта прошлого. В этом плане совершенно забытой оказалась тема выставок достижений народного хозяйства, которые имели в СССР исключительно важное идеологическое значение. В последние годы в историографии появилось несколько работ, в которых предпринята попытка рассмотреть историю, значение и опыт выставок для продвижения курса успешного строительства социализма. Например, В.Н. Горлов проводит сравнение выставок 1923 и 1939 гг., указывая при этом, что выставки являлись своего рода рекламой достижений советской власти [4]. Е.Р. Курапова отмечает большой успех выставки «раннего СССР» [9]. О. Елина выделяет в качестве главной цели выставки «развертывание агитационно-пропагандистской кампании «создания крестьянина будущего», роли в ней искусства, прежде всего революционного авангарда [5]. Ряд исследователей проводит библиометрический анализ данных сельскохозяйственной выставки [8].

Для большевиков с первых дней прихода к власти было важно показать, что вектор развития страны выбран правильно, план строительства социализма реализуется с большими положительными результатами. Одним из средств пропаганды советских достижений стали выставки народного хозяйства. Они не являлись изобретением новой власти, выставки проводились с успехом и в дореволюционной России. Новой власти надо было продемонстрировать крестьянству, которое едва оправилось от тягот

Первой мировой и Гражданской войн, что сельское хозяйство может эффективно развиваться на рельсах социалистической экономики. Крестьянские выступления, по государственной логике, отражали настроения не всего сельского населения, а его незначительной части, темной и отсталой, не понявшей генеральной линии партии и предлагаемых перспектив преодоления временных трудностей. Следующая задача – показать, что многонациональный СССР перестал быть «тюрьмой народов», а предоставил всем народам страны равные права. Наконец, что немаловажно, руководство СССР рассчитывало на международный резонанс успехов в строительстве нового, социалистического государства.

С этой целью в 1922 г. было принято решение об организации Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки в 1923 г. Предполагалось, что выставка должна была стать площадкой для демонстрации достижений народного хозяйства в разных регионах страны. Крестьянство воочию увидело бы прогрессивные методы хозяйствования, проявляло большую лояльность к большевикам и их политике.

20 октября 1922 г. Президиум ВЦИК определил порядок работы сельскохозяйственной выставки: местом устройства была избрана Москва (район у Крымского моста, территория Нескучного сада и Воробьевых гор). Общее руководство возлагалось на сельскохозяйственную комиссию ВЦИК, что говорит о большом значении выставки [10: 5]. Как было отмечено в сборнике программ выставки, все предыдущие выставки основывались на добровольном участии, «на Всероссийской же 1923 года – правительственные и общественные учреждения и организации призываются к более или менее обязательному экспонированию» [11: 3].

Решался вопрос о том, что выставлять. Была разработана концепция выставки, в которой предполагалось создать 19 отделов. В том числе, 3 отдела – производства сельскохозяйственного сырья, переработки и хранения продуктов земледелия и животноводства, сельскохозяйственно-инженерный – должны были продемонстрировать успехи не только в посевной кампании, но и новации в обработке и хранении урожая [10: 6].

Перед иностранным отделом стояла задача осветить современное положение сельского хозяйства, содействовать ознакомлению иностранцев с отечественными производственными ресурсами, привлечь предпринимателей к сотрудничеству. В работе выставки участвовали более 600 иностранных фирм.

В конце 1922 г. на места была разослана директива о подготовке экспонатов к выставке. Положение о Горском выставочном комитете было утверждено 12 декабря 1922 г. Подготовка к выставке в регионе проходила в непростой социально-экономической и политической ситуации. Прежде всего, следует отметить, что Горская Автономная Социалистическая Советская Республика (далее – АССР) к моменту своего оформления в январе 1921 г. представляла собой 6 административных округов: Кабардинский, Балкарский, Карачаевский, Осетинский, Чеченский, Ингушский. Однако в 1922 г. из состава АССР вышли Карачаевский, Балкарский, Чеченский округа и к моменту подготовки к выставке в ее составе остались Осетия, Ингушетия и Сунженский казачий округ. Такие национально-государственные процессы, безусловно, сказались на представительстве этносов во Всероссийской выставке.

Следующая проблема заключалась в том, что аграрный вопрос в национальных районах Северного Кавказа решался на фоне роста антисоветских выступлений, квалифицированных властью как политический бандитизм. Противостояние было столь серьезным, что для борьбы с инакомыслящими использовались все средства: «За каждого убитого совработника, красноармейца в районе селения отвечает все население, причем соввласть не должна останавливаться в таких случаях перед крайними мерами» [3: 90].

Наивысший рост недовольства сельского населения пришелся на 1922–1924 гг., когда единых сельскохозяйственный налог взимался силами воинских частей [2: 91]. Не останавливаясь на изъятии сельхозналога, местные власти утвердили задания по самообложению, которое составило от 25 до 30% сельхозпродукции. Настроение крестьянства ухудшалось, но сбор продналога на Северном Кавказе был ужесточен, хотя в ряде мест количество голодающих превышало 60% [12: 556].

В селах крестьяне на сходах в присутствии уполномоченных нередко возмущались: «Что это за государство, берет такой большой налог, на что нам нужно такое государство, ни черта мы не дадим налога» [16: 4]. Таких выступлений становилось все больше, недовольство приобретало зримые и очень опасные формы: «В Моздокском уезде действует банда Овчинникова в 300 сабель. В Кизлярском уезде оперирует банда Коняра в 600 сабель. Во Владикавказском районе оперируют банды общей численностью в 300 сабель, занимающиеся грабежами» [13: 533]. Боевые действия чоновцев, частей Красной армии против бандитов строились на основе секретно-оперативных данных, закреплялись политико-просветительской работой среди крестьянства, упрочением низового партийного и советского аппарата. Население широко оповещалось о необходимости информировать советские органы о бандах и принимать участие в борьбе с ними [15]. В сводках с мест отмечалось: «Настроение крестьян, особенно округов, в связи с начавшейся продкампанией и с проведением трудгужналога неудовлетворительное. Наблюдались случаи убийства продинспекторов в Назрановском округе» [14: 657].

В такой непростой обстановке местным властям предстояло принять участие в сельскохозяйственной выставке. В декабре 1922 г. при Наркомате земледелия Горской АССР был создан Главный выставочный комитет, на который возлагалась обязанность по координации подготовки экспонатов. Основная задача заключалась в представительстве региона во всех отделах выставки. Собираемые экспонаты должны были показать, как Северный Кавказ за короткое время достиг больших успехов. Проводилась широкая агитационная кампания, призванная стимулировать крестьянство участвовать в сборе экспонатов. «Горская правда» регулярно печатала материалы о важности участия в выставке, ее значимости.

Среди экспонатов предполагалось представить образцы местных хлебных злаков, а также средства борьбы с вредителями растений. В отделе лесоводство национальные области демонстрировали растительный мир региона, а также продукцию лесной промышленности. В выставочный комитет поступила информация о том, что сообщалось об экспонатах про-

изводства: «табак, папиросы, кожи, мыло, спирты, а также образцы производства Лесоуправления как фабрикаты, так и сырье» [6: 477]. Еще одним важным разделом была демонстрация промыслов местных умельцев: бурки, ковры, национальные шали из натурального шелка, холодное оружие, изделия ювелиров, краснодеревщиков и т.д. Привлекались кустари из Дагестана, Чечни, Кабардино-Балкарии, Осетии.

Продумывалась культурная программа. В состав делегации от каждой автономии включались танцевальные коллективы, музыкальные и вокальные ансамбли. Были до мелочей продуманы архитектура и внешний вид единого павильона автономных республик и областей Северного Кавказа. Удалось путем эклектических приемов совместить советский авангард и традиционный уклад кавказской культуры. Здесь, как и на всей выставке, постройки носили временный характер (сборные конструкции) и в качестве материала использовалось дерево. По задумке организаторов выставки все национальные павильоны должны были отражать народные мотивы. Павильон народов Кавказа был стилизован под кавказские сакли и родовые башни. Внутреннее убранство напоминало кавказскую саклю: везде ковры в национальном стиле, на стенах развешено огнестрельное и холодное оружие. Посетителям павильона предлагали отдохнуть и попробовать традиционную пищу, которой сервировались низкие трехногие столики. И тут же на стенах висели диаграммы и графики, показывавшие успехи в экономике, образовании.

Хорошо проведенная организационная работа сказалась на результатах. Выставка работала более 2 месяцев (до 21 октября), ее посетило около 2 млн чел., в том числе павильон народов Северного Кавказа более 700 тыс. чел., среди них были и экскурсанты из региона, например, Кабардино-Балкария направила в Москву 227 экскурсантов [7], Карачай – 125 чел. [1].

Всероссийская выставка стала первой среди сельскохозяйственных выставок в регионах. Например, в ноябре 1923 г. во Владикавказе впервые была организована выставка товаров «земледелия, скотоводства, огородничества и промыслов» [6: 483]. В качестве поощрения для наиболее активных участников, чьи экспонаты признавались лучшими, устанавливалось 100 подарков, и самый главный из них хлебоуборочная машина.

Таким образом, первая Всероссийская сельскохозяйственная выставка проходила в сложных социально-экономических и политических реалиях послевоенного времени. Сельское хозяйство, испытавшее на себе тяготы двух войн, в условиях новой экономической политики только стало возрождаться. Крестьянское недовольство, вызванное нередко непродуманными действиями властей, выливалось в открытое вооруженное сопротивление. На Северном Кавказе противостояние власти и крестьянского социума продолжалось на протяжении 1920-х гг. Страну лихорадило от «ножниц цен», многочисленных налогов. И в этих условиях большевики предприняли, казалось бы, безрассудный шаг по организации сельскохозяйственной выставки. Оказалось, что результат превзошел все ожидания: во-первых, она вызвала большой интерес населения; во-вторых, во всех отделах были представлены экспонаты, заслуживающие быть примером для крестьянского производства; в-третьих, экскурсанты получали знания о культуре народов,

о которых имели весьма смутное представление; наконец, иностранные предприниматели убедились, что с Россией надо торговать; свыше 600 заграничных фирм были заявлены для участия в работе выставки.

Источники и литература

1. *Бердиев З.П.* Массовые советские праздники в Карачаево-Черкесской и Карачаевской автономных областях (1924–1927 гг.) // Современная научная мысль. 2023. № 3. С. 107–114.

2. Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия – Алания (далее – ГАНИ РСО-А). Ф. 1848. Оп. 1. Д. 132.

3. ГАНИ РСО-А. Ф. 1849. Оп. 5. Д. 1346.

4. *Горлов В.Н.* Главная выставка страны – символ советской эпохи. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 161–164.

5. *Елина О.* «Новый крестьянин» на Всероссийской сельскохозяйственной выставке 1923 года: конструирование образа // Новое литературное обозрение. 2022. № 4. С. 99-118.

6. История Владикавказа (1781–1990 гг.). Сборник документов и материалов. Владикавказ, 1991.

7. К 100-летию Первой Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки. Участие Кабардино-Балкарии во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1923–1941гг. https://arhiv.kbr.ru/news/publikatsii/k-100-letiyu-pervoy-vsesoyuznoy-selskokhozyaystvennoy-i-kustarno-promyshlennoy-vystavki-uchastie-kabardino-balkarii-vo-vsesoyuznoy-selskokhozyaystvennoy-vystavke-1923–1941gg-. html?ysclid=mr6olyu7c0500873548 (дата обращения 04.07.2026)

8. *Косикова Н.В., Стеллецкий В.И.* База данных «Сельскохозяйственные выставки»: библиометрический анализ востребованности контента // Московский экономический журнал. 2019. № 2. С. 673–683.

9. *Курапова Е.Р.* Сибирский регион на Первой сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке СССР: к истории участия // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2023. С. 184–193.

10. Материалы к Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышлен-ной выставке. М., 1922.

11. Сборник программ отделов Первой сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки СССР. М., 1923.

12. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. Т. 1. 1918–1922 гг. М., 2000.

13. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. М., 2003.

14. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 2. 1932–1934 гг. М., 2005.

15. *Хубулова С.А.* Крестьянство Северного Кавказа в конце XIX – первой четверти XX в.: Этнодемографические и социально-экономические аспекты развития: дис... д-ра ист. наук. Владикавказ 2003.

16. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 63.

Т.У. Эльбуздукаева

Техническая интеллигенция города Грозного: социальный портрет и профессиональная динамика в 1920–1930-е годы

В ходе форсированной модернизации Северного Кавказа инженерно-техническая интеллигенция стала одной из ключевых социальных групп. Однако ее социальное положение в 1920–1930-е гг. было противоречивым: с одной стороны, возрастала зарплата, выплачивались премии, предоставлялся оплачиваемый отпуск, улучшались жилищно-бытовые условия, с другой стороны, обвинения во вредительстве способствовали формированию чувства неуверенности в своей судьбе.

Руководство большевиков к интеллигенции относилось с классовых позиций. Н.И. Бухарин в 1925 г. заявлял: «Нам необходимо, чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер. Да, мы будем штамповать интеллигентов, мы будем вырабатывать их, как на фабрике» [3]. В общественно-политических дискуссиях 1923–1925 гг. звучали утверждения, что интеллигенцию как касту необходимо уничтожить, пополнить другими просвещенными элементами общества, в конечном итоге включив в нее пролетариат [6: 23]. При направлении на учебу преимущественное право получали рабочие, крестьяне-бедняки и батраки. Одновременно проводилась политика по вытеснению кадров старой интеллигенции.

В Чечне в конце 1920-х гг. не было ни одного инженера с высшим образованием из представителей местных национальностей. В высших и средних учебных заведениях, в техникумах и институтах для горцев предоставлялись места по специальным разверсткам, но чеченцев и ингушей поступало туда крайне мало. Объяснялось это отсутствием соответствующего контингента, имевшего общеобразовательную подготовку, для поступления в специальные учебные заведения, а также материальной необеспеченностью поступающих. С целью подготовки выходцев из низов к учебе в вузе возникли рабочие факультеты (рабфаки), а при них горские отделения или постоянные подготовительные группы. Рабфаки, имея при себе интернаты, давали возможность горцам из отдаленных аулов получить среднее образование.

В Грозном 1 августа 1920 г. был открыт Высший нефтяной техникум, преобразованный на следующий год в нефтяной институт, призванный готовить высококвалифицированных специалистов – инженеров для нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей и химической промышленности, геологии, гражданского и промышленного строительства и других отраслей народного хозяйства. В 1925 г. в Грозненском нефтяном институте состоялся первый выпуск инженеров [9: 318–319].

В то же время власти ощущали скрытый протест со стороны технических работников, многие из которых не разделяли коммунистических идей и видели, что с их мнением не считались. Показатели планов пересматривались от месяца к месяцу, специалисты зачастую критически относились к противоречивым и заведомо неосуществимым распоряжениям. В свою

очередь, у некомпетентных партийных функционеров зарождались подозрения в политической благонадежности технической интеллигенции. Тем более, что И.В. Сталин заявил о том, что имеются все «объективные возможности» для осуществления гигантски завышенных планов, возложив вину за их невыполнение на конкретных людей [13: 30–38].

С этого момента утвердилась тенденция связывать причины любых трудностей с тайными происками врагов. В докладе о состоянии научно-технических сил Северо-Кавказского края на 25 мая 1927 г. давался анализ не только профессиональному составу научно-технической интеллигенции, но и ее классовой лояльности. Отношение технической интеллигенции к индустриализации оценивалось как удовлетворительное. Отмечалось ее участие в производственных совещаниях и комиссиях по различного рода техническим усовершенствованиям, однако указывалось на недостаток в проявлении инициатив. Себя представители технической интеллигенции оценивали так: «Мы инженеры, не мы пойдем к ним, а они придут и будут просить принять участие в промышленности. Все, что мы будем просить, скрепя сердце, согласятся. В нас сила» [12: 5]. Приводились примеры преступного отношения специалистов к развитию промышленности: 1) закупка за границей для «Грознефти» оборудования, которое оказалось не нужным, не использовалось и затем продавалось, как лом; 2) выпуск 7,5 млн пудов недоброкачественной моторной нефти, имевший следствием порчу ряда машин на производствах в ряде городов; 3) детали к машинам не подходили друг к другу и др. [12: 7]. В зарубежные командировки направлялись старые специалисты, «антисоветски настроенные». Назывался, в частности, инженер «Грознефти» Сангурский, член комитета кадетской партии и Совета горнопромышленников в 1919 г., который имел связи с бывшими владельцами промыслов. Предполагалось, что он занимался шпионажем [12: 7].

Отмечалось пренебрежительное отношение со стороны старых кадров к молодым специалистам, принимавшим активное участие в общественной работе: «Молодые являются сразу на командные высоты, а не на практику»; «Нынешнее студенчество – это недоучки, необтесанные, будущие коновалы, незнающие дело люди. Занимаются больше брехней, воспитанием общественности, но не дельцы. То ли дело в Америке»; «Чрезвычайно редко увидишь среди них серьезного человека. Теперь царство хамов». Некоторые представители технической интеллигенции на конференциях заявляли: «Занимаемся совершенно ненужной, нерациональной работой по разного рода заседаниям и совещаниям по 14–16 часов, а работа стоит. Избавьте нас от этого, и мы двинем производство вперед» [12: 9–10].

На объединенном Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 11 апреля 1928 г. была принята резолюция «Шахтинское дело и практические задачи в деле борьбы с недостатками хозяйственного строительства». В рамках «Шахтинского дела» группа руководителей и специалистов угольной промышленности, в основном, представителей дореволюционной технической интеллигенции, обвинялась во вредительстве и саботаже, а также в создании подпольной контрреволюционной организации, связанной с зарубежными антисоветскими центрами. В резолюции был сделан вывод о том, что вскрытые недостатки характерны для большинства промышленных районов, поставлены

задача усиления контроля за работой специалистов и их ответственности, и вместе с тем, заботы о благоприятных условиях их труда. Объединенный пленум предложил обратить внимание на проверку личного состава специалистов. В резолюции говорилось, что приходящие «красные специалисты» из молодежи «нередко встречают открытое враждебное отношение со стороны старых специалистов». Предлагалось командировать специалистов на учебу за границу, а также улучшить их обучение в вузах, так как они должны были прийти на смену буржуазным специалистам. На пленуме также обсуждались вопросы в отношении выдвиженцев, о вовлечении масс в дело руководства производством, об улучшении условий труда и быта рабочих и др. [4]

«Шахтинское дело» послужило детонатором кампании репрессий против специалистов и в Чеченской автономной области. С конца 1920-х гг. началась борьба с так называемыми «спецами», жертвами которой стали крупные специалисты, стоявшие у истоков становления грозненской нефтегазовой промышленности. Центром всех антисоветских, вредительских организаций внутри страны в годы первой пятилетки была объявлена «Промпартия», которая считалась тесно связанной с бывшими капиталистами за границей в лице Торгово-промышленного комитета. В него входили представители такие русской и чеченской буржуазии, как Чермоев, Нобель, Манташев, Гукасов и др. [11].

Так, в 1929 г. по делу «Промпартии» проходил технический директор «Грознефти» Н.И. Родненский, обвиненный в «сознательном вредительстве». В том же году был репрессирован крупный геолог И.Н. Стрижов, заслугой которого было открытие Октябрьского нефтяного месторождения. Только по тресту «Октябрьнефть» было арестовано 49 специалистов. В «Грознефти», на промыслах и заводах агенты «Промпартии» якобы тормозили поиски новых месторождений, пытались сократить добычу и переработку нефти, устраивали пожары, взрывы, всячески пытались подорвать энтузиазм и волю к победе, растянуть пятилетку на десятилетия [5: 22, 24]. На собраниях трудовых коллективов звучали призывы к суровому наказанию «преступников». В 1930 г. органы ГПУ при активном участии рабочих раскрыли группу «вредителей» в руководящих организациях «Грознефти», которые считались тесно связаны с «Промпартией» [2: 180]. Газета «Молот», орган Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) и крайисполкома, писала: «Вредительство в нефтяной промышленности СССР осуществлялось инженерами Покровским (Госплан СССР), Н.Н. Смирновым (ВСНХ СССР), Шаблинским (работник московского представительства «Грознефти»), профессором И.Н. Стрижовым» [10].

Следует отметить, что в 1931 г. на промыслах «Грознефти» началось резкое падение фонтанной добычи, которое продолжалось до конца пятилетки. Кроме того, в 1931 г. добычу нефти стали вести с более глубоких горизонтов. Все это поставило перед руководством «Грознефти» ряд новых задач. Однако в приказе наркома тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе от 20 сентября 1933 г. и в постановлении Северо-Кавказского крайкома партии от 23 сентября 1933 г. основной причиной была названа «враждебная теория затухания» Грозненского нефтепромышленного района. Руководство «Грознефти» обвинялось в том, что оно не заботилось о расширении разведок, не занималось поисками новых нефтеносных площадей:

«Имея в прошлые годы главным образом фонтанную добычу, доходившую до 80 %, «Грознефть» не перестроилась на механизированную добычу» [8]. «Вредителей» обвинили также в создании диспропорции между добычей и переработкой нефти объединением «Грознефть». За 5 месяцев 1933 г. из аппарата «Грознефти» было вычищено 76 «классово-чуждых элементов». За «притупление классовой бдительности» были осуждены руководящие работники «Грознефти» П.С. Брудницкий – главный инженер по бурению, Н.Д. Гейштер – главный инженер по эксплуатации, Н.А. Грязнов – главный инженер конторы разведок, а также многие мастера и рабочие. К середине 1930-х гг. управление «Грознефть» было обезглавлено [7: 33–37].

Ряд аварий на грозненских заводах, произошедших в начале 1937 г., привел к возбуждению новых дел по обвинению «во вредительстве», по которым было арестовано свыше 90 руководящих работников «Грознефти» высшего и среднего звена [1]. XVIII съезд ВКП(б) (март 1939 г.) подверг критике работу «Грознефтекомбината». Причиной отставания был назван человеческий фактор, а именно недальновидность и недооценка потенциальной возможности грозненской нефтяной промышленности со стороны руководящих работников обкома партии и «Грознефтекомбината».

Освоение новых производств было сопряжено с большими трудностями, остро ощущалась нехватка инженерно-технических кадров, квалифицированных рабочих. На производство пришли тысячи людей, не имевших никакой квалификации. Массовый характер носили нарушения технологической дисциплины. Дорогостоящее оборудование нередко ломалось из-за неумелого обращения, повышался процент брака. В этих условиях неполадки на производстве, брак расценивались как вредительство, диверсия.

Индустриализация нуждалась в работниках интеллектуального труда. Новая интеллигенция, «плоть от плоти народа», предназначалась для реализации указаний руководства, независимо от профессиональных возможностей и собственных убеждений.

Источники и литература

1. *Авторханов А.* Убийство чечено-ингушского народа: Народоубийство в СССР. М.-Берлин, 2025.
2. Архивное управление Правительства Чеченской Республики (далее – АУП ЧР). Ф. 241. Д. 37.
3. *Бухарин Н.И.* Судьбы современной интеллигенции. М., 1925.
4. Всесоюзная коммунистическая партия (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1935). Изд. 5-е. Ч. II. 1925-1935. М., 1936.
5. *Гонта Т.* Героям Грозного – орден Ленина. М., 1931.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 145.
7. Грозненский государственный нефтяной институт имени акад. М.Д. Миллионщикова. 1920-2005. Грозный, 2005.
8. Грозненский рабочий. 1934. 28 декабря.
9. *Исаева Р.М.* Вузовская наука Чечни в 1920–1930 годах: Этапы становления // Чеченская Республика и чеченцы. История и современность. Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19–20 апреля 2005 года. М., 2006. С. 318–325.
10. Молот. 1930. 21 февраля.
11. Правда. 1930. 11 ноября.

12. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 7. Оп 1. Д. 595.
13. *Сталин И.В.* О задачах хозяйственников. Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. Июль 1930 – январь 1934. М., 1951. С. 29–42.

А.С. Овсепян

Социальное поведение студенчества в 1930-е гг. (на примере Ставропольского пединститута)[1]

Студенчество, будучи, самой активной частью населения любой страны, всегда наиболее активно резонирует на любые изменения. Это касается и советской молодежи, которая не могла оставаться в стороне от больших исторических трансформаций первых советских десятилетий. Острота момента определяла высокий уровень политизации молодежи. Это неудивительно, поскольку влияние политической сферы (равно как и других) на повседневную жизнь очень велико: от нее зависит, где, с кем, о чем и в какой форме будут говорить люди, будут высказываться открыто или обсуждать актуальную политику в пределах закрытого круга, какие вопросы и вовсе перестанут мелькать в разговорах по причине их табуированности.

Необходимо отметить, что уже с начала 1920-х гг. в РСФСР (с 1922 г. – в СССР) происходит сращивание партийного (РКП(б), с 1925 г. – ВКП(б)) и государственного аппарата. К началу 1922 г. в стране сложилась форма политического устройства, которая на XII съезде РКП(б) получила название «диктатура партии», а советский политический режим постепенно стал приобретать авторитарный бюрократический характер. Несмотря на принятую в 1921 г. резолюцию «О единстве партии» [18: 106], которая провозглашала необходимость единения и сплочения однопартийцев перед любыми контрреволюционными проявлениями, далеко не все большевики позитивно оценивали курс на сращивание бюрократических аппаратов партии и государства с ужесточением внутрипартийного режима. Более того, оппозиционные группировки не устраивали компромиссы по отношению к крестьянству и темпы проводимой индустриализации. К 1927 г. практически все оппозиционеры были сброшены с политической арены, а руководящую линию теперь де-факто задавал И.В. Сталин. Однако отголоски внутрипартийной борьбы впоследствии стали слышны отовсюду, в том числе и в коридорах провинциальных учебных заведений.

Первоначально основополагающим документом в деле просвещения и образования стало Положение Наркомпроса «Об организации дела народно-

[1] Исследование выполнено при поддержке РНФ №24-18-20073 «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) – «Городская повседневность южной провинции. Эволюция массового сознания и повседневные практики горожан Ставрополья и Кавказских Минеральных Вод в 1920-е – 1930-е гг.».

го образования РСФСР», которое было принято Советом народных комиссаров РСФСР в июне 1918 г. Однако на Ставрополье его начнут использовать в работе лишь в 1920 г., после восстановления советской власти в губернии. В начале 1930-х гг., как отмечают историки Т.А. Булыгина и М.Е. Колесникова, отправную точку получил «процесс становления единой советской системы высшего образования как важной составляющей интеллектуального пространства советского общества. В эти годы процесс формирования высшего педагогического образования по инерции еще сохранил тенденции 1920-х гг., которые отличались активным поиском новых форм и смелых экспериментов. Среди таких экспериментов была специализация педагогических институтов по аграрному и индустриальному профилям» [1: 138].

В 1930 г. свои двери для абитуриентов открыл Ставропольский агропедагогический институт (с 1932 г. – Ставропольский (с 1935 г. – Ворошиловский) педагогический институт по подготовке специалистов-преподавателей для техникумов, рабфаков и школ 10-леток). Получив от городских властей в качестве основного помещения здание, в котором до революции располагалась Ставропольская духовная семинария, руководство вуза постепенно устраивало жизнь кузницы педагогических кадров (преимущественно по русскому языку и литературе [3: 7; 8: 3], математике и физике [9: 2; 10: 4; 11: 3], биологии и химии [6: 2–4; 4: 2]). Учеба студентам давалась крайне тяжело, что видно из протоколов экзаменационных сессий [5: 1–5; 12: 12–13, 15]. Отсутствие материальной базы, кадрового потенциала и опыта организации работы учебного заведения высшего образования, а также классовый принцип отбора контингента обучающихся в комплексе создавали изрядные проблемы в работе института [1: 139–140].

Помимо проблем с успеваемостью, в студенческой среде имели хождения «оппортунистские» мысли и идеи, которые зачастую приводили к «разброду, шатаниям и дезертирству с фронта учебного» [2: 121 об.–123], как зачастую указывалось в распорядительной документации администрации института. Так, например, в приказе № 29 от 26 апреля 1932 г. упоминается студентка III семестра общественно-литературного отделения Е.А. П*******, уличенная в «мещанстве, склочничестве и недисциплинированности… дезертирстве с фронта учебы», за что она была исключена из института [2: 40]. Следует полагать, что подобная яркая окраска в предъявляемых обвинениях есть следствие простого попустительства в отношении посещения учебных занятий и влияния самой эпохи, то есть исторических условий и обстоятельств составления данных делопроизводственных документов. Яркая идеологическая составляющая была неотъемлемой частью подавляющего большинства всех документов советской эпохи, особенно ее первых десятилетий. Университетское руководство в своей риторике не могло позволить себе отставать от текущей внутриполитической повестки. Даже само слово «дезертирство» многое говорит об отношении власти к сфере образования как таковой в этот период: учеба воспринималась не как самоценность, способ получения знаний, формирования умений и навыков, складывания мировоззрения и определенного мироздания и, как следствие, формирование полноценной гармонично развитой личности, а, скорее, как служение Родине и борьба с любыми формами инакомыслия. Это будет заметно и в иных примерах, приведенных ниже.

Ценность высшего образования не была доминантой и для провинциальной молодежи. Не менее примечательным стал случай студента физико-технического отделения П********, который уже во втором семестре практически перестал посещать занятия ввиду «невыплаты ему стипендии» и после официального предупреждения об отмене выплаты ему стипендии со стороны руководства вуза заявил, что «занятия все равно посещать не будет и не очень-то и держится за институт» [2: 51–51об.]. Разумеется, его слова и действия расценили как «наплевательство, недисциплинированность и дезертирство», но здесь интереснее другое: а в чем было целеполагание подобной модели поведения? Полагаем, бедственное положение и голод стали катализатором подобного казуса. Для обоснования представленной точки зрения обратимся к другому виду источников – периодической печати, поскольку она содержит вопросы и проблемы, которые беспокоят общественность в данный момент времени. В № 76 за 5 июня 1936 г. газеты «Молодой ленинец», органа Северо-Кавказского оргбюро ЦК ВЛКСМ, автор сталкивается со следующим казусом: молодой человек не может нормально учиться ввиду отсутствия дома самой простой мебели – стола и стульев, из-за чего он вынужден выполнять домашнюю работу на кровати. Надо отметить, что комсомольская ячейка оказала содействие и с того момента успеваемость юноши выросла в разы [13: 3]. Но это уже 1936 г. Едва ли четырьмя годами ранее ситуация была лучше, особенно учитывая самый разгар проведения индустриализации и коллективизации. Имели место и иные происшествия: студент V семестра социально-экономического отделения А.Д. В********** был лишен премии в ознаменование XV годовщины Октябрьской революции за пьянство [2: 115].

В начале декабря 1932 г. руководство пединститута заявило о полномасштабном развертывании контрреволюционной работы и обвинило в этом студентов и бывшего директора З.И. Дунча, который обеспечил «прикрытие» для классового врага: «Следственными органами вскрыта группа студентов, которая, представляя собой центр, систематически вела подрывную работу. <…> Классовый враг воспользовался временными затруднениями, перешел в открытое наступление под прикрытием разложившейся части коммунистов из бывшего руководства и, в частности самого Дунча, бывш. директора института» [2: 121об.]. 9 студентов были исключены с запретом на поступление в вузы на 5 лет, еще 3 студента покинули вуз с подобным запретом и дальнейшим привлечением к уголовной ответственности и 3 студентов исключили как классово чуждый элемент. Среди основных обвинений следующие: антисоветская пропаганда, систематическое групповое пьянство, бытовое разложение, хождение правоопортунистических, троцкистских и контрреволюционных взглядов, мошенничество, хулиганство, сокрытие принадлежности к Белой армии и кулакам и, разумеется, систематическое непосещение занятий и академическая неуспеваемость [2: 121об.–123].

В 1933–1934 гг. ситуация с успеваемостью и посещением занятий в лучшую сторону не изменилась, даже учитывая, что отныне требовалось возместить все понесенные вузом расходы по обучению студентов, которые по собственной воле переставали посещать занятия и продолжать учебу.

В конце января 1935 г. была начата работа по изъятию учебной литературы, авторами которой являлись «троцкисты» или «зиновьевцы» либо отра-

жающей суть и ценностные установки контрреволюционных идей [4: 43об.], что стало важной частью комплексной работы по проправительственной пропаганде. Более того, для этого использовались и более «мягкие» меры: например, участие студентов Ворошиловского пединститута на постоянной основе в спортивных мероприятиях. На страницах «Молодого ленинца» студенты могли читать анонсы и узнавать подробнее о грядущих спортивных мероприятиях (к примеру, «1 июля (1936 г. – А.О.) будет дан старт велопробегу студентов пединститута и педтехникума по маршруту: Ворошиловск – Тифлис – Батум – Сочи – Новороссийск – Анапа – Майкоп – Ворошиловск. Расстояние велопробега – 4200 километров. Пробегом руководит физрук пединститута т. Мирошников») [14: 4; 16: 4], планировавшихся открытых лекциях и выпусках литературно-художественных журналов [17: 4] и прочем.

Однако предпринимаемых мер для ликвидации антисоветских проявлений в студенческой среде было отнюдь не достаточно (либо они не были эффективными). Хотя в источниках отсутствуют упоминания конкретных случаев «антисоветских проявлений», можно предположить, что за подобными явно идеологизированными опусами кроется откровенное неприятие низкой посещаемости занятий студентами пединститута. Тут важно помнить, что первоначально основу руководства вуза составляли военные люди (и первый директор института З.И. Дунч, и его преемник К.И. Чирва), которые не хотели мириться с отсутствием строгой дисциплины в студенческих рядах и воспринимали это именно как дезертирство. При этом в источниках встречается и нежелание со стороны студентов принимать участие в мероприятиях городского и окружного уровней. Так, студент 2 курса физико-математического факультета Р.Ф. С******, назначенный командиром 1-й учебно-строевой роты, отказался готовиться к лагерному сбору, сказав при этом, что «студенты поднимут бучу и Наркомпросу не поздоровится», и раскритиковав строевой устав и его использование в вузе. Он продолжил отстаивать свою позицию и в споре с военным руководителем; сославшись на неуспеваемость, просил освободить его от командования. Руководство вуза приняло решение его отчислить [7: 47–47об.]. Через полгода в периодической печати появится статья, которая в очередной раз указала на недостатки в политпросвещении: в начале 1935–1936 учебного года в стенах вуза была обнаружена очередная троцкистская группировка, которая, поми-мо обычных прокламаций и идеологических выкриков, прибегла к распро-странению через комсомольскую организацию троцкистской литературы в студенческой среде [16: 8].

Подводя итог, важно подчеркнуть, что дисциплинарные проблемы и идеологические «шатания» в студенческой среде не были исключительно следствием злонамеренной агитации, но во многом детерминировались и объективными факторами, в том числе, и условиями повседневной жизни, что послужило мощным катализатором социального протеста, который власть интерпретировала исключительно в политическом ключе, квалифицируя его как классовый саботаж или контрреволюционное выступление. Ответной реакцией государства и партийных органов стали ужесточение репрессивных мер в отношении «классово чуждых элементов» и масштабная чистка библиотечных фондов от «троцкистской» литературы. Парал-

лельно предпринимались попытки привлечь студенчество через мягкую пропагандистскую работу – вовлечение студентов в спортивные, культурно-массовые и агитационные мероприятия, что, увы, не всегда имело успех.

Источники и литература

1. *Булыгина Т.А., Колесникова М.Е.* Историческая наука и историческое образование на Ставрополье как составляющие локального и общенационального интеллектуального пространства: становление системы высшего образования в крае (статья 1) // Диалог со временем. 2025. №90. С. 131–147.
2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-1872. Оп. 2. Д. 2.
3. ГАСК. Ф. Р-1872. Оп. 2. Д. 4.
4. ГАСК. Ф. Р-1872. Оп. 2. Д. 5.
5. ГАСК. Ф. Р-1872. Оп. 2. Д. 9.
6. ГАСК. Ф. Р-1872. Оп. 2. Д. 15.
7. ГАСК. Ф. Р-1872. Оп. 2. Д. 18.
8. ГАСК. Ф. Р-1872. Оп. 2. Д. 25.
9. ГАСК. Ф. Р-1872. Оп. 2. Д. 34.
10. ГАСК. Ф. Р-1872. Оп. 2. Д. 35.
11. ГАСК. Ф. Р-1872. Оп. 2. Д. 36.
12. ГАСК. Ф. Р-1872. Оп. 2. Д. 40.
13. Молодой ленинец. 1936. №76. 5 июня.
14. Молодой ленинец. 1936. №84. 15 июня.
15. Молодой ленинец. 1936. №97. 30 июня.
16. Молодой ленинец. 1936. №148. 1 сентября.
17. Молодой ленинец. 1936. №191. 24 октября.
18. О единстве партии. Резолюция X съезда РКП(б) // Партия и Коминтерн. О «старой» и «новой» оппозиции: Сб. резолюций и постановлений. М.; Л., 1926. С. 106–109.

С.И. Мусаева

Актуальные проблемы развития промышленности Дагестана в послевоенный период

По окончании Великой Отечественной войны перед партийно-хозяйственным руководством Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики (далее – ДАССР) встала задача восстановления и дальнейшего развития экономики и социально-культурной сферы городов и сел республики. Война унесла десятки тысяч лучших сынов и грамотных специалистов республики, что обострило проблему трудовых ресурсов в индустриальных отраслях и в аграрном секторе. В 1946 г. промышленность республики была укомплектована кадрами рабочих на 85 %, транспорт – на 86 %, связь – на 99 % [9: 24]. Численность трудоспособного населения села сократилась на 139,7 тыс. чел. В 1945 г. в Дагестане насчитывался 991 колхоз или на 45 меньше, чем в 1940 г. Если в предвоенном 1940 г. в среднем на один колхоз приходилось 302 чел., то в 1945 г. эти данные сократились до 187 чел. [3: 416].

18 марта 1946 г. Верховный Совет СССР принял «Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.» Главной задачей явилось восстановление промышленности и ресурсов сельского хозяйства, доведение их мощностей до уровня довоенных лет. Особое внимание уделялось развитию тяжелой промышленности, росту энергоресурсов, изысканию новых возможностей для развития всех отраслей народного хозяйства путем вовлечения в производство местных ресурсов.

Хотя территория ДАССР не подвергалась оккупации, война нанесла ей значительный ущерб, что ощущалось во всех отраслях народного хозяйства. Выпуск промышленной продукции в 1945 г. составил всего 70 % от уровня 1940 г. [1: 77]. Дагрыбтресту, Дагнефти, Дагконсервтресту и управлению лесами был нанесен ущерб на сумму в 233,4 млн руб. [6: 337; 24: 198].

В соответствии с пятилетним планом восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. был принят пятилетний план социально-экономического развития ДАССР. Дагестанский обком партии и совнарком республики утвердили контрольные цифры пятилетнего плана, в которых объем промышленного производства к 1950 г. должен был возрасти на 60 % против уровня 1940 г. [2: 7]. Планировалось увеличить за пятилетку добычу нефти в 5 раз, газа – в 16 раз. Предстояло коренным образом реконструировать рыбную промышленность – механизировать производственные процессы, оснастить промыслы транспортом, увеличить объем производства рыбной продукции до 430 тыс. ц (против 411 тыс. ц в 1940 г.). Производство виноградного вина планировалось довести до 395 тыс. декалитров против 339 тыс. в 1940 г. [6: 337].

Перестройка промышленности на выпуск мирной продукции привела к сокращению на первых порах объема производства в ряде отраслей. К тому же дагестанская индустрия испытывала острый недостаток в электроэ-нергии и топливе. Учитывая это, бюро обкома партии, обсудив 15 октября 1946 г. вопрос «О мероприятиях по увеличению электрических мощностей, ремонту электрического оборудования и увеличению эксплуатации завод-ских коммунальных электростанций», указало на особое и первостепенное значение развития этой отрасли для дагестанской индустрии [11: 6–7].

По решению Министерства нефтяной промышленности СССР были проведены геологоразведочные работы в нефтеносных районах, пробурены скважины для выявления нефти и газа в районах Дербента, Избербаша, Уллубиево, Ачи-Су, в окрестностях Махачкалы, Талги [7: 140–143]. Были открыты новые нефтяные и газоносные залежи в Берикее, Дузлаке, Хоз-Мензиле, Дагогни и т.д. [8: 7].

Промышленное развитие республики в 1946–1950 гг. планировалось осуществить за счет выявления резервов каждого предприятия, широкого использования местных природных и экономических ресурсов. Для успешного решения задач пятилетнего плана руководством Республики Дагестан были намечены конкретные задачи: обеспечить промышленность местными видами сырья; увеличить производство местных строительных материалов для удовлетворения потребностей капитального строительства; выпускать больше предметов широкого потребления; расширить ассортимент и улучшить качество промышленных и продовольственных товаров; создать максимально удобные условия для работы рабочему классу [4: 24–25].

Предприятия треста «Дагнефть» одними из первых включились в работу за выполнение государственного плана. Партийные организации треста усилили организационную и воспитательную работу на предприятиях отрасли. Благодаря принятым мерам годовой план по добыче нефти в 1946 г. был выполнен за 9 месяцев [12: 66]. Снижение себестоимости добычи тонны нефти в 1947 г. по сравнению с 1946 г. составило 11,7 %, что принесло прибыли предприятию на 3,3 млн рублей [16: 40].

Посланцы более 30 наций и народностей страны, в том числе русские, белорусы, азербайджанцы, армяне, грузины, осетины приняли участие в освоении морского нефтяного промысла Избербаш. Коллектив нефтепромысла выполнил план добычи нефти и газа 1947 г. на 181,3 %, повысил производительность труда на 93 %, снизил себестоимость добычи тонны нефти на 34,6 % [15: 41] и дал прибыль в размере около 2 млн руб. [5: 80–90].

В эти сложные годы перестройки экономики в Дагестане впервые был применен новый способ бурения, цементации скважин и крупноблочного строительства нефтяных вышек. Новаторами передового метода были опытные нефтяники – инженеры О.А. Межлумов, А. Бургосов, М. Рустамбеков, Х. Бытдаев. Способ крупноблочного строительства нефтяных вышек, разработанный К. Кургосовым, позволил в 3–4 раза ускорить строительство и монтаж нефтяных вышек. Новшество стало широко применяться в нефтяной промышленности всей страны. Работая по новому методу, бригада В. Коваля (Махачкалинский нефтепромысел) построила вышку на буровой № 78 за 117 часов, вместо 745 по норме [25: 59]. Коллектив мастера-орденоносца А.-А. Абубекирова успешно пробурил скважину № 31 – самую глубокую в Дагестане, откуда забил мощный фонтан нефти [5: 80–90].

Основные фонды нефтяной промышленности республики росли быстрыми темпами. Только в 1946–1947 гг. в нефтяную промышленность было вложено 130 млн руб. (за довоенные 10 лет – 150 млн руб.) [2: 17]. Благодаря героическому труду тружеников нефтяной промышленности республики в 1946 г. добыча нефти в Дагестане, по сравнению с довоенным уровнем, увеличилась в 2 раза [22: 2].

Активному развитию нефтяной промышленности способствовало социалистическое соревнование. Договоры социалистического соревнования заключались не только между трудящимися ДАССР, но и с нефтяниками других республик. Обмен передовым опытом способствовал интернациональному сплочению трудящихся, укреплению их товарищеской взаимопомощи. Не раз грозненские нефтяники приезжали к коллегам Махачкалы и Избербаша, чтобы изучить передовые методы бурения и добычи нефти. В свою очередь нефтяники Избербаша ездили в город Грозный изучать и перенимать богатый опыт грозненских нефтяников [22: 58–60]. В первое послевоенное пятилетие объемы производства нефтяной промышленности Дагестана выросли в более чем 5 раз, процесс бурения и установления скважин – в 3,5 раза, а добыча нефти – в 3,4 раза [21: 42].

В 1951 г. многонациональный коллектив махачкалинского нефтепромысла, участвуя во Всесоюзном социалистическом соревновании, дважды получал переходящее Красное знамя Совета Министров СССР и был удостоен звания предприятия стахановского труда [20: 12]. Передовой опыт

махачкалинских нефтяников успешно применялся во многих нефтяных промыслах страны.

Руководством страны особое внимание было уделено развитию в Дагестане промышленных объектов, выпускающих продукцию для мирной жизни. Был построен и введен полностью в эксплуатацию Махачкалинский нефтеперегонный завод, выпускавший бензин, лигроин и керосин высокого качества [4: 29]. Успешно развивалась в республике в послевоенный период химическая промышленность. Партийной организации химического завода им. Слепнева удалось обеспечить ритмичную работу предприятия, сократить брак продукции, потери рабочего времени и простои. В результате завод завершил годовое задание 1946 г. на 169,9 % [14: 30].

Хотя в целом развитие промышленности в республике имело определенные успехи, не везде партийно-организационная и политико-воспитательная работа были на должном уровне. Так, завод «Дагестанские Огни» план 1946 г. по выпуску валовой продукции выполнил всего на 85,8 %, в том числе по выпуску оконного стекла на 80 % и силиката натрия – на 39,5 % [14: 17]. На заседании бюро обкома ВКП(б) были раскрыты причины низких производственных показателей предприятия. Выяснилось, что в многонациональном коллективе, где трудились представители более 45 национальностей, на низком уровне находилась работа по интернациональному воспитанию, что порою приводило к трениям, создавало нездоровый морально-психологический климат в коллективе. Все это отрицательно сказывалось и на производственных показателях [17: 15]. В решении «О мероприятиях по увеличению выпуска оконного стекла и силиката натрия на заводе «Дагестанские Огни» от 9 апреля 1946 г. бюро обкома ВКП(б) отметило необходимость реконструкции и механизации предприятия и усиления работы его партийной организации [11: 35]. В результате своевременно принятых мер коллектив завода «Дагестанские Огни» добился хороших производственных показателей. В 1948 г. было выпущено стекла на 22 % больше плана, повышена сортность продукции, резко снижен брак и бой. При запланированных убытках в 551 тыс. руб. завод получил прибыль в 397 тыс. руб. [10: 14, 15].

Успешно трудились над выполнением планов первой послевоенной пятилетки и коллективы других отраслей народного хозяйства Дагестана. С целью обеспечения промышленных предприятий республики топливом с 1947 г. была налажена добыча каменного угля на Архитском руднике в Хивском районе [6: 365]. Избербашский ремонтно-механический завод освоил новые технологические виды изделий, необходимых для возведения морских эстакад и бурения скважин, строительства буровых вышек в нефтяной промышленности. Заводом был налажен серийный выпуск механизмов разного вида, монтажных кранов [6: 355].

Высоких производственных успехов добился коллектив Дербентской шерстопрядильной фабрики «Дагюн». В январе в 1947 г. фабрика дала продукции на 273 тыс. руб., в апреле – на 327 тыс. руб., а в октябре – на 340 тыс. руб. Наращивание темпов труда, мобилизация внутренних ресурсов, сокращение расходов по цехам обеспечили коллективу фабрики «Дагюн» значительное перевыполнение производственного плана 1947 г. [13: 70]. Тру-

довой коллектив шерстопрядильной фабрики «Дагюн» пятилетний план выполнил за 4 года и 17 дней и в 1950 г. работал в счет 1951 г.

Махачкалинский ремонтно-механический завод, которому в 1942 г. было присвоено имя Героя Советского Союза подводника – капитана II ранга М.И. Гаджиева, выпускавший в годы Великой Отечественной войны продукцию оборонного значения, перестроившись на выпуск продукции гражданского характера, снизил объем выпускаемой продукции в третьем и в четвертом кварталах 1948 г. [23: 5]. Однако позднее, перейдя на выпуск мирной продукции для морского флота СССР – насосной продукции разных наименований, трубопроводной арматуры, судового оборудования и других изделий, завод вышел на передовые позиции.

Флагман дагестанской индустрии завод № 182 (поселок Двигательстрой – ныне г. Каспийск), выпускавший в годы Великой Отечественной войны продукцию оборонного значения, в мирное время перешел на дизелестроение. На заводе были внедрены прогрессивные приемы и методы работы, новая технология. Метод использования станков на скоростных режимах позволил увеличить выпуск продукции при экономии времени, сырья и материалов. Пятилетний план был выполнен заводом к августу 1950 г. на 112,2 % [18: 22; 19: 94]. Предприятия Дагвинтреста, оснащенные в 1950 г. новым отечественным оборудованием непрерывного действия, дали на 31 % больше продукции, чем в 1949 г. План 1950 г. по выпуску виноматериалов был перевыполнен на 30 %, по плодоягодным – на 11 % и по коньякам – на 7 %. Новаторы Махачкалинского морского порта только за 1948 г. внесли 129 рационализаторских предложений, внедрение которых за один год дало 707 тыс. руб. экономии. В том же году коллектив предприятия сэкономил при погрузке около 3 тыс. судо-часов, что позволило дополнительно обработать свыше 20 судов. Сумма экономии, полученной за счет скоростной погрузки и разгрузки, превысила 200 тыс. руб. [2: 20; 24: 6, 9].

В целом, принятыми организационно-техническими мерами и героическим трудом рабочих и служащих добыча нефти в республике к 1950 г. увеличилась в 2 раза по сравнению с 1945 г., оконного стекла – в 2,9 раза, хлопчатобумажных тканей – в 3 раза, вылов рыбы и выпуск консервов – в 2 раза [6: 364]. Свыше 3 тыс. рабочих досрочно выполнили пятилетний план к концу 1950 г. Более 500 передовиков производства выполнили от 8 до 10 годовых норм, а около 100 передовиков – до 15 годовых норм. На предприятиях республики было создано 350 бригад «отличного качества» [6: 364]. Общий объем валовой продукции всей промышленности Дагестана в 1950 г. превысил довоенный уровень на 49,2 %, а по сравнению с 1945 г. возрос на 96,5 % (в неизменных ценах), в том числе продукция местной промышленности возросла соответственно на 21,2 и 29 % [2: 17]. За период четвертой пятилетки было построено новых дорог в 5 раз больше, чем в 1945 г., автопарк в республике вырос в 6,5 раза [6: 366]. Был обновлен парк вагонного депо.

Большую помощь Дагестану в годы четвертой пятилетки оказало руководство страны. Большие капиталовложения были направлены на приобретение оборудования, что позволили поднять уровень развития тяжелой промышленности в республике.

Источники и литература

1. В семье народов-братьев. Махачкала, 1981.
2. *Даниялов Г.Д.* Развитие экономики и культуры Дагестана. М., 1966.
3. Коллективизация сельского хозяйства Дагестанской АССР. Махачкала, 1976.
4. *Мусаева С.И.* Власть и общество в Дагестане (вторая половина 40-х – 50-е гг. XX в.). Махачкала, 2012.
5. *Мусаева С.И.* Возрождение и развитие нефтегазовой промышленности Дагестана в послевоенный период // Известия СОИГСИ. 2020. № 38(77). С. 80–90.
6. Очерки истории Дагестана. В 2 т. Т. 2. Махачкала, 1957.
7. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 6704.
8. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 6705.
9. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 27. Д. 7.
10. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 28. Д. 21а.
11. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 28. Д. 420.
12. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 83. Д. 22.
13. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 83. Д. 222.
14. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 83. Д. 619.
15. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 83. Д. 620.
16. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 85. Д. 620.
17. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 86. Д. 747.
18. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 88. Д. 882.
19. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 88. Д. 897.
20. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 90. Д. 14.
21. ЦГА РД. Ф. 1-р. Оп. 1. Д. 8870.
22. ЦГА РД. Ф. 22-р. Оп. 18. Д. 568.
23. ЦГА РД. Ф. 22-р. Оп. 18. Д. 686.
24. ЦГА РД. Ф. 22-р. Оп. 18. Д. 689.
25. ЦГА РД. Ф. 868. Оп. 1. Д. 76.

А.Ш. Хашба

Современная сельская семья Республики Абхазия: теоретико-методологическое исследование

Реформирование социально-экономической и политической системы, начавшееся в 1990-е гг., кардинально изменило структуру жизнеобеспечения абхазского общества. В значительной степени эти преобразования затронули сельский социум. Если в 1989 г., по данным последней всесоюзной переписи, сельское население республики составляло 277 518 чел. (53 %), то события 1992–1993 гг. вызвали катастрофическое сокращение численности жителей более чем вдвое. К 2003 г. структура населения стабилизировалась на отметке в 214 016 чел., из которых 117 891 (55,1%) проживали в сельской местности, а 96 125 чел. (44,9 %) – в городах.

Крах аграрного сектора, вызванный ликвидацией колхозно-совхозной системы и последствиями Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг., привел к деградации сельской инфраструктуры и утрате прежних

социально-экономических укладов. В условиях отсутствия альтернатив сельские жители оказались вынуждены полагаться исключительно на натуральное хозяйство и пенсионные выплаты. Нестабильность и отсутствие перспектив спровоцировали массовый отток трудоспособного населения, прежде всего молодых семей с детьми.

Современная сельская семья в Абхазии претерпела существенные количественные и качественные изменения, что привело к ее нуклеаризации, унификации семейных ценностей и норм поведения. Статистические данные по материалам похозяйственных книг показывают преобладание малой, нуклеарной семьи. Доля семей, состоящих из брачной пары и неженатых взрослых детей, в большинстве исследуемых сел в период с 1999 по 2024 г. составляет от 40,4 % до 75,5 %.

Изменению подвергается и средний размер семьи. Так, в с. Абгархук Гудаутского района средний размер семьи в 1966 г. составлял 4,9 чел., к 2006 г. сократился до 4,0 чел., а к 2016 г. – до 2,6 чел. В с. Ачандара того же района данный показатель составил: в 1966 г. – 5,6 чел., 1986 г. – 4,0 чел., 2016 г. – 3,4 чел. [10: 173]. В с. Члоу Очамчырского района: в 1999 г. – 2,1 чел., 2022 г. – 2,0 чел., 2023 г. – 2,1 чел. [6]. В с. Кутол того же района с 1999 по 2009 гг. средний размер семьи составлял 4,2 чел., с 2022 по 2024 гг. – по 3,6 чел. [7].

Несмотря на универсальность ряда кризисных явлений, их проявление в сельском социуме обладает выраженной этнокультурной и территориальной спецификой. Низкий уровень занятости и безработица стали главными факторами снижения качества жизни большинства сельских семей, что, в свою очередь, повлекло за собой ряд сопутствующих социально-экономических проблем. В 2023 г. уровень безработицы в Абхазии характеризовался следующими показателями: в г. Сухум – 40 %; в Сухумском районе – 87 %; в Ткуарчалском районе – 85 %; в Галском районе – 69 %; в Очамчырском районе – 85 %; в Гулрыпшском районе – 57 %; в Гудаутском районе – 81 %; в Гагрском районе – 65 % [8]. Официальная статистика безработицы в Абхазии остается высокой и сильно варьируется в зависимости от района. Необходимо учитывать скрытую безработицу, сезонный фактор (туризм активен преимущественно летом) и значительную долю неформальной занятости [3]. Актуальных данных на 2025–2026 гг. в открытом доступе недостаточно.

Главным условием устойчивого проживания семьи в сельской местности является наличие собственности. Необходимым условием развития сельских территорий выступают стабильные доходы сельских жителей от собственного производства. В сельской местности фиксируются более низкие показатели заключения и расторжения браков по сравнению с городскими территориями. Анализ данных за 2020–2024 гг. демонстрирует волнообразную динамику заключения браков среди сельского населения: после периода роста (с 2,6 % в 2020 г. до 2,8 % в 2021–2022 гг.) последовало снижение до 2,0 % к 2024 г. Статистика разводов в селах показывает резкие колебания: с 0,4 % в 2020 г. до пиковых 2,1 % в 2023 г. с последующим снижением до 1,0 % в 2024 г. [1: 29]. Данные показатели не в полной мере отражают реальную демографическую ситуацию. Нередко жители прибегают к формальному расторжению брака ради получения социальных льгот и пособий, продолжая фактически проживать совместно.

Анализ демографических показателей сельских территорий за исследуемый период выявил устойчивую тенденцию к депопуляции (см. рис. 1). Незначительный положительный прирост (+0,5 %) был отмечен только в 2020 г. В последующий период показатели естественного движения населения оставались отрицательными вследствие превышения смертности над рождаемостью. Лишь по итогам 2024 г. удалось достичь положительного сальдо естественного прироста. В некоторых исследованных селах в отдельной тетради ведется подсчет умерших и родившихся, данные используются для внесения корректировок в похозяйственные книги. Низкие показатели рождаемости, высокая смертность, а также значительная доля лиц пожилого возраста приводят к сужению основания половозрастной пирамиды.

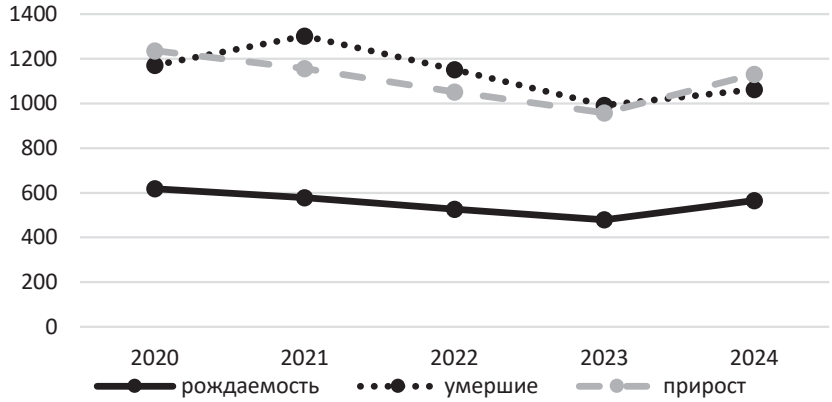

Рис. 1. Рождаемость, смертность, естественный прирост сельского населения Республики Абхазия [1: 29]

В современных условиях сельские семьи не успевают адаптироваться к темпам социальной трансформации и вынуждены ограничивать рождаемость из-за невозможности обеспечить достойные условия содержания детей. В настоящее время наметилась устойчивая тенденция к сокращению числа многодетных семей и росту доли домохозяйств, ориентированных на рождение одного ребенка. Так, в с. Кутол в 2024 г. доли семей с 1 или 2 детей, составляют по 10,6 %. Семей с 3 детьми 7,1 %, с 4 – 3,2 %, а с 5 и более – 5,7 % [7].

В сельской местности все еще встречаются многопоколенные семьи. Совместное проживание представителей нескольких поколений выступает важнейшим элементом социально-экономической организации общества. Ведение общего подсобного хозяйства следует рассматривать как один из ключевых механизмов обеспечения жизнедеятельности семьи, при котором основная трудовая нагрузка распределяется преимущественно в рамках приусадебного участка. Вклад старшего поколения носит многоаспектный характер: наряду с материальными ресурсами, бабушки и дедушки выполняют функции по уходу за внуками, осуществляя трансляцию этнокультур-

ных норм, традиций и ценностных установок. Указанная модель семейных отношений может быть признана этически и социально обоснованной, поскольку она обеспечивает пожилым людям необходимую степень защиты и поддержки, а также сохраняет преемственность воспитательных практик. В традиционной абхазской культуре расширенная семья рассматривается как устойчивый социальный ориентир, формирующий ощущение надежности, поддержки, способствующий достижению материального и психологического благополучия.

Рост числа нуклеарных семей (состоящих из представителей одного поколения) провоцирует эрозию традиционных социальных институтов и разрыв межпоколенческих коммуникаций. В результате утрачивается механизм трансляции этнокультурного опыта от старших к младшим. Деградация преемственности поколений подрывает устойчивость института семьи, что в сочетании с выраженной тенденцией роста числа одиноких людей создает предпосылки для его системного кризиса данного института. Так, в с. Кутол в 1999 г. таковых насчитывалось 67 хозяйств (11,2 %); в 2022 г. – 116 (22,8 %), в 2024 г. – 118 (24,1 %) [7]. В с. Члоу в 1999 г. – 100 хозяйств (22,3 %), в 2022 г. – 140 (33,5 %), в 2024 г. – 73 (21,0 %) [6]. Увеличение доли домохозяйств из 1 чел. свидетельствует об оттоке молодых семей с детьми из сельской местности. Зачастую в родительских домах остаются проживать лишь представители старшего поколения. При этом молодые семьи сохраняют тесную связь с малой родиной: они регулярно посещают село в выходные дни и принимают активное участие в местных общественных мероприятиях.

С 2000 по 2022 гг. в исследуемых селах зафиксирован миграционный отток из сельской местности. Это создает серьезные риски для передачи жизненного и хозяйственного опыта молодому поколению. Исследователи выделяют характерное для современной России явление – так называемое отходничество, т.е. возвратные трудовые миграции [5]. Наблюдаемая «ступенчатая урбанизация» проявляется в двух сценариях: постепенной миграции сельских жителей в города вместе с семьями и сезонной трудовой занятости в туристическом секторе с последующим возвращением домой. Наибольшая мобильность характерна для молодежи, стремящейся реализовать свой потенциал в городской среде. Особую социальную проблему представляет вынужденная трудовая миграция отцов, что ведет к росту числа неполных семей. Так, в с. Кутол численность населения с 1999 по 2024 гг. сократилась с 2544 (2009 г. –2253 чел., 2022 г.–1866 чел.) до 1783 чел. [7]; в с. Члоу в 1999 г. проживало 1459 чел., в 2022 г. –1296 чел., а к 2023 г. численность сократилась до 1226 чел. [6]. Статистические данные по исследуемым селам наглядно демонстрируют, что миграционный отток затрагивает в первую очередь трудоспособное население – молодых родителей с детьми, что напрямую отражается на сокращении общей численности населения. Массовый отток населения из с. Кутол пришелся на 1999–2022 гг. В общей сложности выехало 83 семьи с 200 детьми [9]. Аналогичные процессы наблюдаются и в с. Члоу, где, несмотря на фрагментарность данных в похозяйственных книгах, устойчивое снижение числа жителей подтверждает масштабный характер миграции.

Все описанные проблемы ярко иллюстрируют причины и характер процесса депопуляции сельских территорий. Актуализация проблем сель-

ской семьи закономерно обусловливает необходимость разработки стратегий ее социально-экономического развития. С опорой на экспертные оценки, официальные позиции государственных органов и мнения сельских жителей возможно выделить ключевые тенденции, определяющие направления трансформации сельской семьи в современных условиях:

– использование потенциала совместной деятельности, ориентированной на повышение уровня материального и духовного благополучия семьи в условиях преодоления различных трудностей и урегулирования конфликтов, сопутствующих совместному проживанию [4: 19];
– ухудшение материального положения обуславливает возрастание роли семьи в ведении домашнего хозяйства;
– в сельских семьях патриархального типа проявляется тенденция к воспроизводству городского образа жизни: закрепляется стремление к расширению видов предпринимательской деятельности и диверсификации форм досуга, а также к формированию элементов повседневного комфорта (новые средства связи, транспортная доступность, использование интернет-технологий и др.).

Х.К. Шатипа считает, что для эффективной организации хозяйственной деятельности в селе необходимо наделить сельского жителя экономическим статусом. Государство должно предложить сельскому жителю несколько видов экономической деятельности – официальное оформление подсобного или фермерского хозяйства, организацию производственных кооперативов [2].

2026 год в Республике Абхазия объявлен годом села. Утверждена государственная программа «Развитие сельских территорий на 2026 год». Данная программа ориентирована на повышение производительности в сельском хозяйстве; ее реализация, направленная на обеспечение устойчивого развития аграрного сектора, предусматривает увеличение доли обрабатываемых сельскохозяйственных земель, расширение объемов сельскохозяйственного производства, повышение уровня жизни сельского населения, а также решение социально-экономических проблем развития сельских территорий в соответствии с приоритетными направлениями развития сельского хозяйства Республики Абхазия. Реализация программы призвана сформировать дополнительный импульс развитию сельского хозяйства Абхазии. Ожидается, что внедрение современных технологий будет способствовать росту конкурентоспособности продукции и ее востребованности на внешних рынках. Результатом предполагается увеличение доходов сельских домохозяйств, создание 400 новых рабочих мест, а также вовлечение в хозяйственный оборот 200 га заброшенных земель.

Трансформация социально-экономических условий в сельской местности Республики Абхазия закономерно отразилась на институте семьи. Зафиксированы качественные изменения в структуре домохозяйств, а также в брачном и репродуктивном поведении: наблюдается доминирование малодетных и однопоколенных семей на фоне общего снижения рождаемости. Вместе с тем отмечается и встречный тренд – возрождение семьи как производственной единицы, что способствует сохранению трехпоколенных моделей, играющих значимую роль в воспроизводстве этнических ценно-

стей и норм. Несмотря на сохраняющиеся демографические вызовы, сельская семья продолжает выполнять функцию фундаментального института этнической социализации. В воспитательном процессе она опирается на использование родного языка и практику традиционных обрядов. В условиях глобализации, урбанизации и изменения системы ценностей значение семьи как носителя национальной идентичности возрастает. Государственная поддержка сельских территорий и институтов социальных гарантий необходима для стабилизации демографической ситуации, поскольку семьяобеспечивает социальную устойчивость и является гарантом безопасности государства. Ключевыми векторами государственной политики должны стать поддержка семейных ценностей и сохранение историко-культурного достояния. Неразрывная связь поколений служит фундаментом национальной идентичности абхазского народа. В свою очередь, комплексное развитие сельских районов признается стратегически важным инструментом, способствующим укреплению привязанности граждан к родной земле и сбережению традиционного уклада жизни.

Источники и литература

1. Абхазский статистический ежегодник – 2024. Сухум, 2025.

2. Год села: как развивать экономику абхазских деревень. URL: https://sputnik-abkhazia.ru/20260629/god-sela-kak-razvivat-ekonomiku-abkhazskikh-dereven-1064010264.html?ysclid=ms4waom4op764545761 (дата обращения 28.07.2026)

3. *Дущенко И.* Абхазия – лентяи или хозяева жизни? Узнал, чем они заняты абхазы вместо работы. URL: https://prufy.ru/news/society/180976-abkhaziya_razrukha_vokrug_a_muzhchiny_bezdelnichayut_lentyai_ili_prosto_umnee_nas/?ysclid=ms0kumyz4729348984 (дата обращения 25.07.2026)

4. *Мустаева Ф.А.* Самоопределение семьи в условиях трансформации российского общества: автореф. дис… д-ра социол. наук. Екатеринбург, 2012.

5. *Нефедова Т.* Отходничество в системе миграций в постсоветской России. География // Демоскоп Weekly. 2015. № 643–644. URL: http://demoscope.ru/weekly/2015/0643/tema01.php (дата обращения 28.07.2026).

6. Полевой материал автора (далее – ПМА). Декабрь 2023 г. Материалы администрации с. Члоу Республики Абхазия. Тетради: № 1г (1999), № 1д (2022), № 1е (2023).

7. ПМА. Сентябрь 2024 г. Материалы администрации с. Кутол Республики Абхазия. Тетради: № 1 (1999), № 1а (2009), № 2 (2022), №1а (2024).

8. Работы нет: проблемы трудоустройства в Абхазии и неточность статистики. URL: https://sputnik-abkhazia.ru/20230201/raboty-net-problemy-trudoustroystva-v-abkhazii-i-netochnost-statistiki-1043887143.html (дата обращения 24.07.2026)

9. *Хашба А.Ш.* Демографические процессы села Кутол Очамчырского района Республики Абхазия с 1999 по 2024 год // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия Историческая демография. 2025. № 9(85). С. 93-99.

10. *Хашба А.Ш.* Этнодемографический анализ состояния сельского населения Гудаутского района Республики Абхазия (на примере сел Абгархук и Ачандара) // Вестник Академии наук Абхазии. Серия гуманитарные науки. 2020. № 10. С. 160–190.

В.В. Фаузер, И.Л. Жеребцов, Г.Н. Фаузер, Т.Е. Гончарова

Брачное поведение титульных этносов в республиках Северного Кавказа[1]

Брачное поведение населения зависит от многих факторов и условий. Целью брачного поведения является удовлетворение потребности в браке, поведение, связанное с выбором брачного партнера, то есть с брачным отбором. Под брачным отбором понимается процесс, в результате которого из совокупности (пространства) возможных выборов брачного партнера так или иначе, тем или иным способом отбирается тот, в каждом данном конкретном случае, единственный партнер (партнерша), который (которая) и становится мужем (женой) или тем, с кем «живут вместе».

Процесс брачного отбора исторически конкретен, он зависит от экономических, социальных, социокультурных и других условий, существующих в обществе. Основные особенности процесса брачного выбора связаны с тем, что в разных культурах и на разных стадиях исторического развития различны как пространство возможных выборов, так и степень свободы индивидуального выбора [1: 150, 152].

Практика показывает, что в таком сложном полиэтническом составе населения России, где миграционные перемещения стали важным элементом «смешивания наций» возникновение межэтнических семей – дело повседневное и является обычной практикой [9].

На распространенность межнациональных браков оказывает влияние ряд факторов. Например, С.В. Лурье выделяет «факторы культурные, ценностные, этнопсихологические, социальные и социопсихологические, религиозные, влияние этностереотипных представлений о семье и ментальных особенностей народов. На вероятность образования межэтнических семей влияют и особенности миграции населения, наличие языка межнационального общения, ассимиляционные тенденции в обществе, политика государства в межнациональной сфере, идеология и национальный проект, который реализуется в стране, а также стихийно складывающиеся народный, низовой, сценарии межнациональных отношений» [4: 123]. Принципиально важным вопросом в этой связи является проблема трансляции детям, рожденным в национально-смешанных браках, этнокультурных традиций. При этом воспитание в национально-смешанных браках не обязательно влечет за собой приобщение к миру двух разных культур [6: 44].

Межэтническая брачность зависит от численности населения того или иного этноса [8]. По мнению Л.А. Деловой, «представляется, что межэтническая брачность может вести не только к процессам ассимиляции, но и к процессам интеграции (двуязычие, «впитывание» ценностей обеих культур).

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Влияние демографических вызовов на трудообеспеченность северных и арктических территорий: новые реалии XXI века» (№ ГР 125013001104-0, 2025–2027 гг.)

В полиэтнических регионах, каким является Республика Адыгея, межэтническая семья – норма жизни» [2: 98–99].

Прежде чем приступить к анализу современного положения с заключением межнациональных браков, «окунемся» немного в историю. В СССР проблеме смешанных семей уделялось достаточно много внимания, можно найти информацию о межнациональных браках в союзных республиках за последние три всесоюзные переписи населения. Е.Л. Сороко отмечает, что одновременно и важной, и сложной «компонентой межэтнического взаимодействия, влияющей на сокращение или, напротив, увеличение межэтнических дистанций в пределах одной страны, служит образование межэтнических браков». Судя по приводимым данным, такие браки были довольно широко распространены в СССР. В целом по союзным республикам доля смешанных семей с 1959 по 1989 г. увеличилась в 1,7 раза, выше в Белорусской и Литовской (2,2 раза), в Молдавской и РСФСР (1,8 раза). Самая высокая доля этнически смешанных семей в 1989 г. была в Латвийской, Украинской, Молдавской, Белорусской и Казахской ССР, наименьшей в Армянской и Азербайджанской ССР (см. табл. 1).

Таблица 1

Доля этнически смешанных семей в числе всех семей по союзным республикам СССР, переписи населения 1959–1989 годов, % [5: 97]

Союзная республика*	Год переписи		
	1959	1979	1989
СССР	10,2	14,9	17,5
Латвийская ССР	15,8	24,2	27,5
Украинская ССР	15,0	21,9	25,3
Молдавская ССР	13,5	21,0	24,6
Белорусская ССР	11,0	20,1	24,6
Казахская ССР	14,4	21,5	23,9
Эстонская ССР	10,0	15,8	17,3
Киргизская ССР	12,3	15,5	16,5
Таджикская ССР	9,4	13,0	14,8
РСФСР	8,3	12,0	14,7
Туркменская ССР	8,5	12,3	13,3
Литовская ССР	5,9	11,3	12,8
Узбекская ССР	8,2	10,5	12,7
Грузинская ССР	9,0	10,4	12,2
Азербайджанская ССР	7,1	7,6	7,9
Армянская ССР	3,2	4,0	3,8

Примечание: * – ранжировано по убыванию доли за 1989 г.

Наряду с информацией в целом по союзным республикам в нашем распоряжении имеется информация и по отдельным национальностям, но опять же по титульным национальностям союзных республик. В 1989 г. среди основных национальностей доля лиц, вступивших в брак с представителями других национальностей, составляла (в общем числе браков): среди русских – 16,1 % у мужчин и 17,7 % у женщин; среди украинцев – 32,4 % и 32,1 %; среди белорусов – 8,5 % и 37,2 %; среди узбеков – 6,5 % и 5,2 %; среди казахов – 7,3 % и 7,3 %; среди грузин – 16,5 % и 8,8 %; среди азербайджанцев – 12,1 % и 4,7 %; среди литовцев – 11,5 % и 12,0 %; среди молдаван – 27,9 % и 29,0 %; среди латышей – 24,7 % и 23,6 %; среди киргизов – 6,1 % и 5,8 %; среди таджиков – 13,5 % и 11,2 %; среди армян – 21,5 % и 14,0 %; среди туркменов – 8,2 % и 4,0 %; среди эстонцев – 14,7 % и 14,8 % [1: 151].

Всероссийская перепись населения 2021 г. (ВПН-2021) позволяет получить распределение супружеских пар по национальной принадлежности супругов, состоящих в однонациональном или межнациональном браке [11]. Вероятность заключения межнационального брака выше в тех республиках, где наблюдается полиэтнический состав населения, причем нет одной доминирующей нации. Также значимым фактором является компактность проживания – живут на этнической родине или за ее пределами.

И еще одно допущение – равенство полов в репродуктивных возрастах, если оно не выдерживается, то решением проблемы становится межнациональный брак. В этом плане идеальным выглядит соотношение полов у ингушей в Республике Ингушетия. По ВПН-2021 мужчин в возрасте 20–39 лет было 86 313, а женщин – 86 898, разница составила 585 человек, поэтому не случайно доля однонациональных браков среди ингушей составляет 99,8 %.

Брачное поведение титульных этносов республик Северного Кавказа (РСК) существенно отличается от брачного поведения титульных этносов республик и автономных округов Севера России [10; 7]. Отметим характерные особенности. В семи РСК в 2021 г. проживало 7 761 тыс. человек, из них 84,6 % приходилось на представителей кавказских этносов, указавших национальную принадлежность. Наиболее гомогенны республики (%): Ингушетия, где доля кавказских этносов составила 99,0, Чеченская – 98,2 и Дагестан – 91,7. Самая низкая доля кавказских этносов в Республике Адыгея – 26,4 %. Большинство титульных этносов проживают в своих республиках, где их доля превышает 90,0 %. Ниже она у черкесов – 51,3 %, даргинцев – 83,2 %, чеченцев – 87,0 % и адыгейцев – 88,0 %. Однако статистика показывает, что если кавказские этносы не живут на своей этнической родине, то они расселены в соседних республиках. В целом по РСК доля кавказских этносов составляет 91,8 %, то есть за пределами Северного Кавказа проживает всего 8,2 %.

Высокая гомогенность населения республик Северного Кавказа определила высокую долю однонациональных браков, в среднем по республикам она составляет 94,3 %. В пяти республиках доля однонациональных браков варьирует от 90,9 до 93,4 %; в республиках Чеченская и Ингушетия она составляет 99,1 и 99,2 % соответственно. Примечательно то, что в целом по России доля однонациональных браков остается довольно высокой – 92,0 % (см. табл. 2).

Таблица 2

Этническая мозаика в республиках Северного Кавказа, перепись населения 2021 г.

Республика	Численность населения, человек	в т.ч. кавказских национальностей		Доля титульного этноса, проживающего в республике	Доля титульного этноса, проживающего в РСК	Доля однонациональных браков в титульных республиках	Доля однонациональных браков титульных этносов в России
		человек	%*				
Республики Северного Кавказа	7 760 775	6 403 452	84,6		91,8	94,3	
Республика Адыгея	496 934	117 793	26,4			90,9	
адыгейцы	98 138		22,0	88,0	88,8	95,1	91,5
Республика Дагестан	3 182 054	2 874 359	91,7	90,2	99,4	93,4	95,3
аварцы	956 831		30,5	94,5	95,1	96,4	95,8
даргинцы	521 381		16,6	83,2	83,6	94,9	94,5
Республика Ингушетия	509 541	486 276	99,0			99,2	
ингуши	473 440		96,4	91,5	96,7	99,8	99,1
Кабардино-Балкарская Республика	904 200	664 414	75,4	96,2	97,0	93,1	95,1
кабардинцы	502 615		57,1	96,0	96,8	97,1	95,9
балкары	120 898		13,7	96,7	97,7	93,0	91,8
Карачаево-Черкесская Республика	469 865	287 891	62,1	77,5	85,7	92,5	94,2
карачаевцы	205 578		44,4	90,9	91,3	98,0	96,5
черкесы	58 825		12,7	51,3	88,7	90,8	90,5

Окончание табл. 2

Республика	Численность населения, человек	в т.ч. кавказских национальностей		Доля титульного этноса, проживающего в республике	Доля титульного этноса, проживающего в РСК	Доля однонациональных браков в титульных республиках	Доля однонациональных браков титульных этносов в России
		человек	%*				
Республика Северная Осетия – Алания	687 357	489 535	77,1			90,9	
осетины	439 949		68,1	90,6	92,9	96,2	92,4
Чеченская Республика	1 510 824	1 483 184	98,2			99,1	
чеченцы	1 456 792		96,4	87,0	94,0	99,8	98,7

Примечание: * – от указавших национальную принадлежность.

Межнациональные браки на рубеже веков стали обычным явлением и не вызывают в обществе повышенного внимания. В России их пока не так много, но они присутствуют у всех этносов. В регионах, где шло интенсивное освоение природных ресурсов и трудовые коллективы формировались выходцами со всего СССР, их доля значительно выше, куда же поздно пришла индустриализация и сохраняется высокая доля сельского населения – там в большей мере сохраняются однонациональные семьи [12]. Население северных республик имеет более сложную этническую структуру, в отличие от республик Северного Кавказа [3], где многонациональность определяется родственными народами (пример тому – Дагестан).

Отличаются установки на межэтническую брачность у живущих на этнической родине и у тех, кто ее покинул. Так доля однонациональных браков в целом по России по всем национальностям составляет 92,0 %, у русских – 95,2 %. В то же время доля однонациональных браков у русских по отдельным республикам значительно ниже (%): в Адыгее она составила 91,9, в Кабардино-Балкарии – 86,7, в Карачаево-Черкесии – 91,5, в Коми – 83,9. Как видим, везде она ниже российского уровня. Следует отметить, что русские заключают в республиках межнациональные браки чаще, чем в остальных субъектах.

Брачное поведение (брачный отбор) этносов РСК, проживающих в республиках Коми и Саха (Якутия), отличается от того, что они демонстрируют на

родине. В Республике Коми в однонациональном браке состоят (%): даргинцы – 92,0, лезгины – 88,2, ингуши – 80,0, чеченцы – 74,1, аварцы – 61,9, осетины – 61,5, кабардинцы – 50,0. Мужчины – даргинцы имели супругу (%): даргинку – 71,9, русскую – 15,6, коми, татарку, аварку, другой национальности – по 3,1.

В Республике Саха (Якутия) в однонациональном браке состоят (%): ингуши – 87,5, аварцы – 82,9, даргинцы – 77,8, лезгины – 70,3, осетины – 70,2, чеченцы – 62,2, кабардинцы – 33,3. Мужчины – ингуши имели супругу (%): ингушку – 65,6, русскую – 21,9, якутку – 10,9, украинку – 1,6.

Многие исследователи задаются вопросом – насколько широко могут распространяться межнациональные браки, насколько они допустимы, когда в конкретном социуме создаются смешанные семьи, идет слияние культур, потеря идентичности и языка. Представляется, что здесь нет однозначного ответа. Каждый этнос уникален, идет своим путем и сам определяет свое будущее. Любые трансформации должны быть без влияния извне и проходить на добровольной основе.

Межнациональные браки неизбежный исход для многих этносов, потерявших связь со своей этнической родиной и живущих в этнической среде более многочисленных национальностей, а также для этносов, не имеющих своих национально-территориальных образований и немногочисленных по численности. Можно утверждать, что процесс этнической ассимиляции у национальностей, сокращающих свою численность, – дело времени.

Источники и литература

1. *Антонов А.И., Медков В.М.* Социология семьи. М., 1996.
2. *Делова Л.А.* Объяснительные концепции межэтнической брачности // Научный альманах. 2024. № 10–2 (120). С. 95–99.
3. *Жеребцов И.Л., Фаузер В.В.* Всероссийская перепись населения 2021 года о расселении народов Кавказа на территории Республики Коми // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2024. № 10. С. 60–70.
4. *Лурье С.В.* Межэтнические браки в современном российском национальном сценарии // Петербургская социология сегодня. 2018. № 10. С. 122–148.
5. *Сороко Е.Л.* Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 4. С. 96–123.
6. *Тиникова Е.Е., Канзычакова Н.Г.* Тувинско-хакасские браки и их роль в динамике национального состава населения Хакасии // Новые исследования Тувы. 2025. № 1. С. 39–47.
7. *Фаузер В.В.* Коренные народы Севера России / Серия «Библиотека демографа». Вып. 25. Екатеринбург, 2025.
8. *Фаузер В.В.* Этносы российского Севера и Арктики: демографический ренессанс или ассимиляция // Арктика: экология и экономика. 2026. Т. 16. № 1. С. 109–122.
9. *Фаузер В.В., Жеребцов И.Л.* Национальные республики России: от Севера до Юга // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». 2025. № 4 (80). С. 74–83.
10. *Фаузер В.В., Жеребцов И.Л.* Национальные республики Севера России и Северного Кавказа: демография – расселение – языки. Вып. 26. Сыктывкар, 2025.
11. *Фаузер В.В., Озаровская А.В., Фаузер Г.Н.* Статистические исследования межэтнической брачности // Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра (Донецк, 5–7 ноября 2025 г.). Т. 5: Экономические науки. Часть 3. Донецк, 2025. С. 133–135.
12. Человеческие ресурсы северных регионов России: демография, труд, образование. Вып. 24. Библиотека демографа. Саратов, 2024.

Раздел 4. Традиционные институты, культурная и религиозная политика на Кавказе

И.С. Башмаков

Смыслы и ценности российской цивилизации на Северном Кавказе: проблемы и потенциал формирования

Формирование традиционных для России духовно-нравственных ценностей, а также ценностей российской цивилизации является одной из задач российской политики на современном этапе ее развития, что закреплено в ряде документов федерального уровня (например, «Основы государственной культурной политики», «Стратегия национальной безопасности», «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и т.д.). Актуальность изучения нынешнего состояния и стратегий формирования ценностных ориентиров российской цивилизации на Северном Кавказе связана со значительной сложностью политического, социокультурного, экономического пространства данного региона России, а также наличием различных моделей групповой идентификации – гражданской, этнической, религиозной. Необходимость формирования смыслов и ценностей российской цивилизации на Северном Кавказе в условиях сильной региональной и локальной дифференциации осознается как руководством страны, так и представителями научного сообщества. Так, на федеральном уровне выдвигаются инициативы по выстраиванию правильной иерархии ценностей, базирующейся на общероссийских ценностных ориентирах [5]. Ведущие исследовательские коллективы, в свою очередь, предлагают способы и пути укрепления общероссийской идентичности в регионе [1; 2].

Ценностное наполнение процесса социализации различных социальных групп регионов Северного Кавказа, в частности детей и молодежи, требует особого внимания академического сообщества и субъектов публичной политики. Исследования продемонстрировали наличие рисков и противоречий в системе конструирования ценностных доминант и формирования гражданской идентичности россиян, проживающих на Северном Кавказе. К числу таких рисков можно отнести непростую социально-экономическую ситуацию, осложнение внутриполитической обстановки, радикализм и усиление влияния идей исламского фундаментализма, формирование в регионе структур, способных составить конкуренцию федеральным и местным государственным органам [1: 657; 6: 2]. К рискам, непосредственно связан-

ным с системой общественно-политической социализации молодежи Северного Кавказа, на наш взгляд, можно отнести низкий образовательный и культурный потенциал, особенно сельских и горных районов, противоречивость транслируемых ценностных ориентиров первичными агентами социализации (дифференциация установок в семье, СМИ, в религиозных общинах, в системе образования и государственного управления), а также риски, связанные с меньшей вовлеченностью молодежи Северного Кавказа, особенно в горных и сельских районах в общероссийские практики общественно-политической, научно-образовательной и творческой активности.

Разнообразие регионов Северного Кавказа обуславливает необходимость учета множества факторов в формировании аксиологических координат цивилизационной идентичности, одним из которых является наличие сильных этнотерриториальных и конфессиональных идентичностей. Так, исследования «портфелей идентичности» в регионах Северного Кавказа показывают, что в социокультурном пространстве существуют символы и ценностные координаты, формирующие общегражданскую идентичность и интегрирующие население в цивилизационное поле России, однако в ряде субъектов доминирует этническая идентичность [2: 78]. Это подтверждают и представители власти. Например, глава Кабардино-Балкарской Республики К. Коков, отмечал, что «кавказская молодежь и так «очень патриотично воспитана», но в первую очередь, «когда юношей и девушек спрашивают, кто они, вспоминают, какой они национальности» [3]. Исследования также свидетельствуют о росте влияния или даже о доминировании религиозной идентичности, в частности исламской в ряде регионов Северного Кавказа [1: 660; 6: 3]. Вышеизложенное свидетельствует о необходимости укрепления общероссийской культурной матрицы, согласования цивилизационной модели идентификации России с этнокультурными и конфессиональными особенностями регионов Северного Кавказа.

Важной задачей является актуализация общего ценностно-символического пространства Северного Кавказа, объединяющего все народы, проживающие на данной территории, например, на основе реализации межрегиональных проектов, способных доносить до молодежи общероссийские смыслы [4], а также развитие человеческого капитала молодежи региона, что будет способствовать более глубокому осознанию духовно-нравственных и социально-политических основ жизни общества в системе самобытной российской цивилизации. Кроме того, данные проекты должны включать в себя мероприятия, направленные на развитие взаимопонимания и конструктивного взаимодействия между русским народом и другими народами, проживающими на Северном Кавказе. Целесообразно выделить основные институты и практики, которые могут быть задействованы в процессе формирования ценностей российской цивилизации, а также развития традиционных для России духовно-нравственных ориентиров, как в среде государствообразующего русского народа, так и среди представителей других народов Северного Кавказа.

Ключевыми институтами формирования ценностных ориентиров российского общества на Северном Кавказе, на наш взгляд, являются прежде всего система образования и молодежная политика, вовлекающая молодежь в общефедеральные и региональные проекты, связанные с граждан-

ской, волонтерской, творческой активностью. Позитивными примерами являются организация молодежных форумов «Машук», «Каспий», молодежной программы Кавказского инвестиционного форума, а также таких проектов как молодежная лаборатория «Смыслы Кавказа». Также важное значение имеет система культуры, как государственная, так и частная, а также некоммерческая, связанная с формированием общероссийских смыслов. Смыслы и символы, связанные с полиэтничностью и поликонфессиональностью, традициями добрососедства и культурным многообразием, а также вкладом Северного Кавказа в становление российской и мировой культуры могут быть основой для ценностной гармонизации и формирования общегражданской идентичности. Примером может служить образ современного Владикавказа, как многонационального города и современной «культурной столицы» Кавказа, где проходят культурные события всероссийского и мирового уровня. Популяризация подобных современных и отвечающих общероссийским интересам образов во всех сферах от экономической до общественно-политической и культурной может служить консолидации как молодежи, так и представителей всех возрастов, развитию взаимопонимания между представителями всех этноконфессиональных групп и формированию положительного образа региона.

Кроме того, могут использоваться исторические и социально-политические смыслы, объединяющие Россию и Северный Кавказ, актуализированные в индивидуальной или семейной памяти, например, связанные с Победой в Великой Отечественной войне, участием жителей Северного Кавказа в специальной военной операции (СВО) или с развитием национальных культур после вхождения территорий в состав Российской империи, социально-экономическим развитием Северного Кавказа в советское время и т.д. В настоящее время большой вклад в социально-экономическое развитие и формирование благоприятного образа региона вносят креативные индустрии и сфера молодежного туризма, вовлекающие наиболее активную часть молодежи в современные творческие, интеллектуальные и досуговые практики, имеющие коммерческий успех и связанные с развитием как общероссийской культуры, так и локальных и региональных традиций. Кроме того, немаловажную роль играет в целом информационная повестка как органов власти, СМИ и гражданского общества, влияющая на общественное мнение и общественно-политическое сознание граждан. Молодежь во многом ориентируется на лидеров общественного мнения, блогеров, деятелей популярной культуры и спорта, поэтому необходимо привлечение данной категории представителей гражданского общества к формированию ценностей российской цивилизации.

Важной составляющей политики по формированию ценностей российской цивилизации должно стать преодоление исторических травм, мемориальных конфликтов, внутрирегиональной и межэтнической напряженности, а также формирование общего конструктивного дискурса и положительного образа будущего Северного Кавказа, связанного с общероссийскими задачами и интересами. Очевидно, что необходимо продолжать поиск новых актуальных смыслов, стратегий и подходов к формированию аксиологической основы российской цивилизации на Северном Кавказе, ко-

торая должна основываться на принципах взаимного дополнения русской, региональных и местных культур, их конструктивного и созидательного взаимодействия на благо общероссийской культуры, а также на осознании внутреннего единства, общей исторической памяти и достижений во всех областях общественной жизни.

Источники и литература

1. *Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д., Иванова С.Ю. Шульга М.М.* Угрозы, риски и пути для укрепления общероссийской идентичности на Северном Кавказе как предмет научного дискурса // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20. № 4. С. 656–669.

2. *Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д., Иванова С.Ю., Шульга М.М.* Формирование российской идентичности на Северном Кавказе: институциональные и социокультурные рамки // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. Т. 18. № 1. С. 72–86.

3. Власти обсудят корректировку иерархии ценностей и идентичности Кавказа. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6a27ec089a79472540c06043 (дата обращения: 29.07.2026).

4. *Гриценко Г.Д.* Социальное конструирование общероссийской идентичности на Северном Кавказе: состояние и перспективы // Регионология. 2024. Т. 32. № 3(128). С. 446–462.

5. РБК узнал об идее властей скорректировать «иерархию ценностей» жителей Кавказа. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8728223?ysclid=ms1n00u8b868823203 (дата обращения: 29.07.2026).

6. *Федосова Е.В.* Северный Кавказ в поисках идентичностей: историко-социологический дискурс // Теория и практика общественного развития. 2024. № 11. С. 95–102.

Т.Ю. Красовицкая

Кавказ между традицией и модерностью: новые практики этнических элит конца XIX – начала XX вв.[1]

На рубеже XIX–XX вв. кавказские элиты оказались на окраинах двух империй. Давление рынка, административной системы заставляли их делать выбор в пользу более развитых ресурсов культуры, преодолеть отдаленность, провинциальность, расширить границы сознания и поведенческих моделей, раздвинуть границы нормы, найти путь для инноваций. На авансцену вышло поколение, рожденное в демографическом всплеске 1870–1880-х гг. Технические новшества, новые возможности воспринимались уже не как нечто экзотическое. Молодежь уверенней чувствовала себя в контактах с институциями (образовательными, в первую очередь). Модернистская деятельность

[1] Выполняется в рамках темы «Критический анализ концепта неоколониализма применительно к советскому опыту национальной политики и этнокультурного развития» Программы научных исследований, изучением этнокультурного многообразия российского общества, направленных на укрепление общероссийской идентичности (2026–2028 гг.).

наглядно демонстрировала два пути борьбы за общественное признание. Первый путь предполагал длительную и кропотливую работу над собой, профессией в естественнонаучном и техническом направлениях с жесткими критериями профессиональной пригодности. Они определяли для индивида его «потолок», место в общественной иерархии. Далеко не всякий был готов к роли скромного безвестного труженика, которую объективно определяли его личные данные. Для большинства становился предпочтителен второй путь – участие в политической жизни страны: выбирались гуманитарные направления, не имеющие жесткой профессиональной иерархии – в основном, юриспруденция и экономика. И что не менее важно – учительство.

Радикальные теории становились удобным объяснением жизненного уклада, доказательством тщетности реформирования государственного управления. Режим не чинил препятствий к посещению других стран: мусульмане использовали традицию хаджа. Изоляционизм соперничал с открытостью, взаимовлияние влекло к открытию артефактов культуры, связанных с историей соседних империй. Углубление знаний в языковой сфере переключало внимание на отдельный этнос, на интерес к историческому прошлому, они использовались для обоснования места своей культуры в цивилизационном потоке чужих стратегий, политических действий, в контексте новых вызовов. Мировоззрение человека рубежа XIX–XX вв. освобождалось от религиозных космологий, обращалось к рациональному выбору открытых действий. Стереотипизация социокультурных практик требовала творческих инноваций. Конечно, практики носили амбивалентный характер, вызывая психологический дискомфорт, связанный с деконструкцией исторически апробированного объекта, с которым человека связывали чувства сопричастности, сопереживания. Значение этнических отличий возрастало и даже начинало приобретать императивный характер. Практики вели к опасениям потерять окраины [4: 12]. Представители русской власти часто видели главную опасность для своего господства в прогрессивных элементах мусульманского общества.

Характерная для модерна интенсивность социокультурной динамики существенно модифицировала чувство онтологической безопасности, свойственное личности рубежа XIX–XX вв. Генеалогически проблема восходила к тому, что когда-то переживалось европейской историей. В модерности внимание сосредоточивалось на прошлом собственной государственности [6: 119]. Позднее Ш. Айзенштадт назвал «множественными модернами» избыточную креативность вариантов развития, «*харизматическим призывом и природой социальной ситуации*» [12: 14].

Этнические элиты начали с романтического национализма как базы самоутверждения в борьбе с теряющей конкурентоспособность «старой» культурой. Этничность приближала их к более чувствительному восприятию «реальности» и воздействию на сферы общественного развития. Еще превалировала иррациональность, но тем важнее стремление элит к наукам, оперирующим рациональными методами познания. В «старых» культурах доминировали арабская, турецкая основы. Этого не желал отражать в своих практиках имперский центр, нацеливаясь конструировать общероссийскую идентичность. Русской культурой они воспринимались как чужие,

как дополнительные трудности в формировании стройной оси политики, креня ее, то в сторону Запада, то Востока.

Зона сложного переплетения интересов, конфликтов, временных союзов с соседними империями и этноконфессиональные группы пограничья с различным модернистским потенциалом и их проектами реформ усложняли взаимоотношения с имперской бюрократией. Панорама отражала растущее стремление элит освоить смысл перемен, модернизм образовательных и социальных практик, направляя взор на зарубежные (западные и восточные) идеи и техники. Обстановка конца XIX – начала XX вв. усилила импульс к обучению в светских отечественных и зарубежных университетах. Дело не всегда сводилось к систематической учебе. Это могли быть кратковременные посещения во время деловых поездок, религиозных практик (хаджей, например). Охранка располагала сведениями об обучении мусульманской молодежи в восточных учебных заведениях, снабжала ими имперскую администрацию.

Зарубежные университеты манили инновациями. Немецкая и французская профессура (филологи, востоковеды, теологи), как и российские ученые-эмигранты, критиковала практики российских политических учреждений. «Профессорский либерализм» считал идеалом законодательное обеспечение свободы личности, введение в России конституционного устройства [8: 35]. В Османской империи для получения мусульманского образования требовался арабский язык. При этом само пребывание в ней не создавало языковых проблем для многих выходцев с Кавказа вследствие родственности языков тюркской группы. Данные о знании иностранных языков сохранили анкеты ответственных работников Наркомата по делам национальностей РСФСР, заполнявшихся лично при поступлении на работу [10]. Выборка из 40 анкет на букву «а» показывает: мусульмане (8 человек), помимо родного, арабского и русского языков указали на знание немецкого английского, французского, турецкого, персидского, итальянского, латинского языков. Данные, конечно, требуют дополнительного изучения, чтобы избежать симулякров (о революционном энтузиазме на фоне низкого уровня развития народов).

«Высокая» культура выражалась на определенном и развитом языке, будь он немецкий, французский, русский или арабский. Она сохраняла этническую окраску. В зарубежных университетах западная личность находилась в постоянном движении к освобождению человека: процесс рационализации мира получал свое институциональное оформление. Интерес к нему, к принципам национального государства и капиталистического производства делал Европу и весь европейский цивилизационный ареал источником модернизационных трансформаций. Многих увлекали революционные методы науки, не признающие границ языков, в воспитании, просвещении, образовании. Многие отмечали: если перемены выглядят исламскими, они социально лучше укореняются, обретая ореол законности и приемлемости. Человек модернизировался как немец, француз, турок: студенты надолго оседали в разных странах, становясь туркофилами и др. [3: 89–91]

Взор студентов обращался к особой силе национальных чувств как к психологической и идеологической конструкции, воспринимая их как символ, использование которого творит реальность [11: 108]. Выпускники «благородного пансиона» Ставропольской гимназии, общественные де-

ятели А.Г. Кешев, К.М. Атажукин, Х. Урусбиев, К.Л. Хетагуров, С.А. Абаев, И. Крымшамхалов сложно относились к зарубежному опыту. С одной стороны, часть элиты стремилась к приобщению к достижениям мировой цивилизации, становилась проводниками идей тюркизма и джадидизма на Северном Кавказе с другой – опиралась на традиционный уклад жизни, тесно связанный с религией. Русская администрация отмечала формирование группы лиц со средним и высшим образованием, «стремящихся изобразить собою местную мусульманскую элиту и оказывать непосредственное влияние на самое управление областью», выделяя в Дагестане, например, Магомеда Кади Дибирова, Абусупьяна Акаева, Али Акаева и др. [2: 26].

Большой интерес вызывала трактовка проблемы ислама и этничности в иерархии уровней идентичности. Адат у мусульман Северного Кавказа создавал синкретизм, ислам переплетался с языческими традициями и местными обычаями. Этничность оказывалась на нижнем ярусе, но не вызывала сомнения способность мусульманского сообщества приспосабливаться к разнообразию реального мира, готовности элит использовать национальные чувства, усиливавшиеся на рубеже XIX–XX вв. наравне с исламской идентичностью. Лакец А. Каяев в середине 1920-х гг. отмечал: ислам не противоречит научному знанию, как и мусульманский дискурс вызовам времени. Он начал обучение в Казикумухском медресе, затем два года обучался в аль-Азхаре, преподавал в университетском медресе.

Знаменитый реформатор системы образования российских мусульман Исмаил Гаспринский оказал значительное влияние на кавказские элиты просветительскими идеями, издательской деятельностью и продвижением джадидизма. Гаспринский видел причину отсталости российских мусульман от «других народов в умственной и политической жизни, прежде всего, в отсутствии идеи и цели». Запад представлялся ему образцом. Он ценил две черты западного общества: модернизацию и просвещенное умение управлять государством. В проекте будущего Гаспринского преобладала технократическая компонента, его просвещенческая стратегия апеллировала к языковой среде, внутри которой предполагалось осуществить технократическую метаморфозу. Способом включения «нового человека» в общероссийскую атмосферу Гаспринский считал светское образование. Джадидский мектеб Гаспринский рассматривал как государственную школу для мусульман и важную цель общероссийской реформы образования, эффективного механизма связывания мусульман с общественной и культурной жизнью России. С 1883 г. он издавал в России первую общетюркскую газету «Тарджиман» («Переводчик»). Она предназначалась «для чтения турками, татарами, азербайджанцами, кумыками, ногайцами, башкирами, узбеками, кашгарцами, сартами, тюркменами и многими другими тюркскими племенами» [5: 77–78]. Джадиды взросли на подготовленной почве, наводя мосты между современным знанием и мусульманской традицией, внедряя светские знания как элементы современного мировосприятия [1: 16–18]. Дагестанский деятель Узун-Хаджи учился в Саудовской Аравии, Сирии, Турции во время хаджей (он их совершил 11). В 1917 г. он, отстаивая арабский язык в школе, признал необходимость обучения родным языкам. Под его влиянием в школах Дагестана в Гражданскую войну преподавался и язык тюрки.

А. Агаев, получив богословское образование, после Тифлисской гимназии, продолжил обучение в Петербургском политехническом институте. В 1888 г. он переехал в Париж для учебы в Школе восточных языков Колледж де Франс. Одновременно он писал статьи в исламских и политических изданиях, участвовал в IX конгрессе востоковедов в Лондоне. В 1894 г. вернувшись в Карабах, Агаев совмещал преподавательскую (французский язык в реальном училище Шуши), публицистическую и издательскую деятельность, к 1905–1907 гг. стал активным участником I Всероссийского мусульманского съезда и создания Иттифак аль-Муслимин. С 1909 г. в Стамбуле он работал в среднем эшелоне правительственного аппарата. В 1911 г. он выдвинул теорию об аналогичности процесса создания тюркской нации российских мусульман с созданием наций-государств в Европе. Важнейшими ресурсами, способными обеспечить единство мусульманских народов России, Агаев считал культурное и языковое единство. В 1915 г. он вошел в состав созданного Комитета по защите прав тюрко-татарских мусульман России, требуя восстановления представительства мусульман в Государственной думе, создания национальных светских школ. В 1919 г. он – один из членов азербайджанской делегации Парижской мирной конференции, в 1921 г. – редактор газеты правительства в Анкаре, позже – депутат Великого национального собрания Турции от Карса. В Германии, Франции и Англии получили образование азербайджанцы Б. Джеваншир, А. Ашуров, Д. Гаджибейли.

Но большинство представителей кавказских элит училось все же в российских университетах. Азербайджанцы оканчивали Московский и Санкт-Петербургский университеты (М. Векилов, М.-Ю.Г. Джафаров, Ф.-Х. Хойский, Х. Хасмамедов, А.М. Топчибашев, А. Пепинов, А. Сафикюрдский, Д. Гаджинский, Н. Нариманов). В этих университетах было организовано 10 стипендий для кавказской молодежи. Чеченцы С. Арсанов и Х. Ошаев учились в Политехническом и Лесном институтах, ингуш И. Бекбузаров – в Медико-хирургической академии в Петербурге. Демократические взгляды ингушских и чеченских просветителей А.-Г. Долгиева, Ч.Э. Ахриева, Т.Э. Эльдарханова, братьев А.М. и И.М. Мутушевых формировались в учебных заведениях Тифлиса, Петербурга, Нежина. Они стали у себя первыми историками, экономистами, политическими деятелями, редактировали первые газеты, писали первые школьные учебники. Лакец С.И. Габиев окончил физико-математический факультет Петербургского университета. Даргинец А.А. Тахо-годи – выпускник юридического факультета Московского университета, там же учился в 1914 г. кумык У.Д. Буйнакский. В 1889 г. даргинец Б.К, Далгат, будущий кавказовед, поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, затем перешел на юридический факультет. Абазинец А.-Г. Кешев в 1860 г. стал студентом Петербургского университета. Здесь также обучались абазинцы Х.У. и А.У. Микеровы. В начале XX в. в Москве учился М.Т. Алиев, в Киевском университете св. Владимира – Ш.М. Дударуков.

Россия была на перекрестье важнейшего выбора: стать национализирующимся государством, или остаться временным вместилищем будущих национальных государств? Оппонируя П. Струве, В. Жаботинский критиковал его тезис о том, что ««размножение культур» будет «колоссальной растратой исторической энергии населения Российской Империи». Это…

песня старая, петая, перепетая – и отпетая... Самое лучшее, самое прекрасное в мировой культуре – это именно ее многообразие. Каждая историческая нация внесла в нее свои особые, неподражаемо-своеобразные вклады, и в этом бесчисленном множестве *форм*, а не в количестве *результатов* и заключается главное богатство человеческой цивилизации». Он утверждал: «около 60 процентов населения России … хотят … творить свои культуры», но и «Россия им дорога, как идея общности, взаимной защиты, круговой поруки: она им рисуется в перспективе будущего прекрасным человеческим садом, где самые разнообразные культурные цветки мирно распускаются один подле другого, каждый в своем своеобразии, соперничая друг с другом красотой и ароматом» [9: 334].

На одном из заседаний Думы Г.Х. Еникеев говорил: «…посмотрите, господа, вокруг этого мифического инородческого сепаратизма сколько народу кормится... Ведь это для них очень интересная и очень выгодная статья» [7: 959]. Но выстраивалась новая система взаимоотношений. Ранее традиционная община имела одного непререкаемого лидера, который контролировал ее жизнь. Теперь новые лидеры давали возможность рассредоточить власть в общине, сформировать представление о многовариантном развитии. Если раньше все придерживались ортодоксального мусульманского пути, несогласные теряли роль в общине, то теперь формировались несколько полюсов влияния и развития. Модерность и ее институты превращали индивидуальный опыт отдельных харизматиков в координированную политику этнического сообщества.

Источники и литература

1. *Алиева С.И.* Азербайджано-северокавказские параллели в общественно-культурных трансформациях во второй половине XIX – начале XX века // Культурная жизнь Юга России. 2013. № 2 (49). С. 16–19.

2. *Алиева С.И.* Изменения системы образования в Азербайджане и на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 2. С. 25–27.

3. *Бадерхан Ф.* Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). М., 2001.

4. *Будилович А.С.* Может ли Россия отдать инородцам свои окраины? СПб., 1907.

5. *Валидов Дж.* Очерк истории образованности и литературы татар (до революции 1917). Вып. 1. М.–Пг., 1923.

6. *Гидденс Э.* Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М., 1999. С. 101–123.

7. Государственная дума: Стенографические отчеты: 1908-1909 гг. Ч. 4. СПб., 1910.

8. *Гутнов Д.* Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901–1906 гг.). М., 2004.

9. *Жаботинский В.* Избранное. Иерусалим, 1992.

10. *Красовицкая Т.Ю.* Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917 – 1923 г.). Документы и материалы. М., 2007.

11. *Лурье С.В.* Национализм, этничность, культура: Категории науки и историческая практика // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 101–111.

12. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.

Ф.А. Озова

Институт покровительства (канако): политико-правовое измерение

Черкесский обычай гостеприимства (канако, хачагъа) восходил к эпохе первобытнообщинного строя, когда защита слабого или чужака была возведена в абсолютный нравственный закон и имела священный характер [4: 289; 12: 3]. Как можно судить по письменным источникам, в черкесском языке хозяин, гость (hospite) [8: 50] и гостевой дом (tal hospitio e chimato conaco) обозначались одним термином – «канако» (conacco) как в XV–XVI вв. [16: 735], так и в XIX в. [15: 24, 25]. Наряду с этими терминами встречаются и его синонимы: «хаче» («гаче» [17: 2], «хатче» [20: 306], гость, хозяин) и «хачещ» (гостевой дом).

Со временем обычай гостеприимства составил прочный фундамент для развития соционормативных институтов покровительства. Так, термин «канако» стал обозначать различные проявления гостеприимства и патрон-клиентских отношений. На основе сведений исторических источников выделяются более десяти семантических значений термина «канако»; некоторые из них, аналогичные западноевропейской коммендации [4: 323], составляли комплекс институтов покровительства. Как отмечал В.К. Гарданов, в черкесских условиях «эти по своей природе уже вполне феодальные отношения маскировались формой патриархального гостеприимства. Поступавший под покровительство человек рассматривался по традиции как “гость”, хотя по существу с ним ничего общего не имел» [4: 323, 324]. Развиваясь в нескольких направлениях, канако (коммендация) стал фундаментом сложной вассальной иерархии адыгской аристократии (пши-уорки, букв. князья-дворяне) и основой формирования разных форм зависимости вольных земледельцев (тльхукотлей) [12: 21]. Вокруг пши (князей) также сформировались еще три модели политико-правовых патрон-клиентских отношений, одна из которых – институт политико-правового покровительства – была близка к возникшему в Новое время институту подданнства.

В черкесских княжествах, где даже в самой зачаточной форме не выработались элементы, ставшие бы переходным этапом к образованию абсолютной монархии [2: 14], институт политико-правового покровительства был веками неразрывно связан с правлением династии Иналидов и с княжеским домом Бжедугии. Все свободные сословия находились под патронажем князей как верховных собственников земли; без их покровительства никто не имел права поселиться на черкесских землях. В условиях политической децентрализации патронат над населением Черкесии носил опосредованный характер. Тльхукотли – «среднее сословие, <…> сильное многочисленностью, могущественное производительным трудом» [9: 93] – находились под покровительством своих служилых уорков; последние – более крупных патронов (князей и потомственной знати в лице тлекотлешей и дыжинуго) и лишь затем они считались подданными удельных князей (пши нахъижь) и великих князей (пшипэпшиж, пшишхо). Таким образом, именно вокруг владетельных князей – полноправных государей в своих уделах – выстра-

ивалась сеть политико-правового покровительства. Организационно это выглядело как подчинение более мелких вотчин – более крупным: мелкие вотчины в виде отдельных патриархальных семейств составляли вотчины-кварталы (хьэблэ); они, в свою очередь, формировали вотчины-общины (къуажэ); последние – уделы, а из уделов – состояли княжества. Во главе всех типов вотчин стояли тхамада или нэхъижь (старший). В феодальный период тхамада представляли собой феодальных вотчинников всех типов вотчин, они назывались *къуажапш*, только великий князь – жиллепш или «владетель народа» [5: 14 об.].

Несмотря на неформальный характер патрон-клиентских связей, отношения политико-правового покровительства (канако) строились в черкесском обществе на четких этико-правовых нормах и взаимных институализированных военных и экономических обязательствах. Это и дает основание считать политико-правовое покровительство близким к ранним формам подданства. Многие сторонние наблюдатели воспринимали политико-правовое покровительство как подданство: «Князья у них издревле называются покровителями народа; каждый из них имеет больше или меньше зависимых от себя, которых называют подданными» [6: 101]. Хотя сами черкесы очень четко разделяли эти два института, что следует из, например, высказываний кабардинских князей о характере русско-черкесских отношений в контексте претензий к ним должностных лиц Кавказской линии: «Мы не холопи ваши, а канаки е. и. в. всероссийской государыни» [14: 63].

Транскрипты хабзэ содержат множество норм, регулировавших функционирование института политико-правового покровительства в черкесских княжествах. Они показывают, что эти отношения были чтимы обеими сторонами [11: 90], что власть князей над своими подданными – дворянством (уорками), духовенством (еджахьэр) и простым народом (тлыхукотлями) – не была абсолютной. Пши считались владетелями «покровительствуемых ими аулов и земель им принадлежащих» и были обязаны «оные оберегать и защищать» (§ 11 собрания А.А. Кучерова) [13: 120]. Обычай гласил, что «князь, принявший дворянина с народом под свое покровительство, подает им пособие и не допускает обиду» (§ 18 собрания А.А. Кучерова) [13: 125]. Как патроны князья были обязаны «прекращать между жителями покровительствуемых им аулов всякого рода ссоры и возникающие неудовольствия, удерживать их в добром согласии и дружестве. А за обиды, им причиняемые жителями других аулов, искать, на ком следует, и доставлять обиженным удовлетворение» (§ 21 собрания А.А. Кучерова) [13: 126]. Таким образом, князья считались «властителями, судьями, покровителями и отцами всех подвластных» [5: 11].

Существовали также нормы, предписывавшие князьям демонстративную щедрость и комплиментарные жесты, ритуально подтверждавшие статус патрона, укреплявшие узы верности клиентов. Князья одаривали своих клиентов тлекотлешей и других уорков сверх уорк-тына (дворянское пожалование, бенефиций) еще разными подарками, состоявшими в лошадях, крепостных крестьянах, оружии (ст. 18) [13: 230]: «Князья по обыкновению считают себя как бы обязанными дарить чем-либо по временам не только дворян, но и простых почетнейших жителей покровительствуемых ими аулов. Сие делается ими наи-

более с целью, чтобы расположить их и привязать более к себе» (§ 20 собрания А.А. Кучерова) [13: 125, 126]. Князь отдавал материальные блага, но взамен получал нематериальный ресурс: легитимность, преданность и общественное признание. Подобные знаки внимания своим подданным оказывали и уорки всех рангов (§ 20, 21 собрания А.А. Кучерова) [13: 125, 126].

Подданство князьям проявлялось в трех аспектах. Во-первых, в «особенном и отличном уважении» (§ 11 собрания А.А. Кучерова) [13: 120], которое им оказывал не только простой народ, но все уорки и духовенство: «Знаки наружного уважения, оказываемые кабардинцами [черкесами Кабарды] своим князьям по народному этикету (адиге-хабзе), отлично выясняют ту высоту, на которой находятся они среди своего народа» [18: 3]. Подданные повиновались князьям единственно из уважения к их статусу, ниспосланному им, «как они верят, от самого Аллаха, и сие оказывают они более тому из них, который приобрел славу своим умом, мудростью в советах [хасэ], справедливостью, честностью, бескорыстием, прямодушием и храбростью. Такому князю они повинуются почти слепо и воля его или приказание для них закон» (§ 14 собрания А.А. Кучерова) [13: 121].

Во-вторых, канако был главным инструментом формирования княжеских ополчений из уорков и тльхукотлей. Единственной и главной обязанностью тлекотлешей перед князьями было проявление к ним уважения [19: 149]. Личное участие в походах пши вместе со своими воинами, сопровождение пши во время поездок в другие страны и в различные регионы Черкесии (ст. 20, 21, 22) [13: 230, 231] – считались привилегиями. Военные обязанности служилых уорков перед своими патронами были четко регламентированы (ст. 20, 24) [13: 230, 231]. Основной контингент княжеских дружин, вооружаемый при военной опасности князьями [1: 202], составляли тльхукотли. Согласно обычаю, они считали себя «свободным сословием, добровольно обязавшимся не щадить ни имущества, ни живота своего для поддержания княжеской власти» [9: 93]. Ополчение состояло из панцирников, простой конницы и пехоты. Пши и уорки, одетые в панцири, составляли отборную конницу наездников, должностные лица (пшичеу и другие бейголи) – простую конницу, тльхукотли – пехоту [3: 122].

В-третьих, подданные несли экономические повинности. С. Хан-Гирей подразделял источники доходов адыгских князей на «неопределительные» (штрафование, насильственные займы, подданические обязанности перед князьями, строившиеся в том числе и на обычае трудовой помощи (шихаху)) и «определительные» (регулярный традиционный феодальный источник доходов пши – подати от подвластных, доходы от конских и овчарных заводов, от разведения крупного рогатого скота и от овцеводства, торговые пошлины и др.) [20: 229, 230]. Все сборы осуществлялись князьями на территориях своих юрисдикций. Согласно обычному праву, финансовой основой власти великих князей были подати, которые они получал с податного населения своего удела и своих подвластных, а также штрафы (ккоди, шуагъэ) – со всех подданных княжества [14: 82]. С. Хан-Гирей характеризовал систему штрафов в черкесских княжествах как «ось правления». Он отмечал, что «вся пружина исполнительной власти основана <…> на страхе взыскания штрафа» [20: 117]. В кабардинских адатах насчитывалось

около 40 статей, за нарушение которых уорки и тльхукотли подвергались различным штрафам [7: 49]. Штрафы налагались по решению суда на целые общества за невыполнение решений сословно-представительных собраний княжества (хасэшхуо) в случаях, когда такие нарушения несли опасность существованию всего княжества (по вопросам голода, эпидемий, военных действий, беспорядков внутри владений). По обычаю, великий князь должен был обнародовать решение суда по наложенным штрафам. Взыскание этих штрафов возлагалось на одного или нескольких князей, «которых народ уважает и страшится» [20: 117]. Штрафы стекались в специальный фонд, имевшийся при великом князе. Его размер был значительным, эти средства расходовались им по своему усмотрению [10: 31]. Великий князь имел право взыскивать штрафы за провинности и уклонение от выполнения воинского долга с населения всего княжества [14: 82]. Также великому князю полагалась доля из добычи, добытой в военных походах его подданными, даже если он не участвовал в них (ст. 5) [13: 225].

Подданнические обязанности тльхукотлей перед князьями строились также на широко бытовавшем в обществе обычае трудовой помощи (шихаху). Эти работы не были «вменены сему народу в непременную обязанность» и выполнялись «по приглашению князя и по доброй своей воле [народа], единственно из уважения к его званию» (§ 17 собрания А.А. Кучерова) [13: 123]. Так, по просьбе великого князя тльхукотли всего княжества оказывали помощь в засеве полей, их уборке, в сенокосе, в рубке леса и т. д. Вольные земледельцы со своим рабочим инвентарем (волами, арбами и орудиями труда) трудились в хозяйстве великого князя не более трех дней в году. При этом он был обязан обеспечить их качественным и обильным угощением. Если прием оказывался неудовлетворительным, земледельцы имели право покинуть поле раньше времени и проигнорировать последующие приглашения, поэтому за щедростью застолья следили строго бейголи князя.

Таким образом, отношения канако (коммендации) пронизывали традиционное черкесское общество на всех социальных уровнях, превращая сословия в единую сеть, связанную взаимными обязательствами. На их основе выстраивались все правовые, социальные и политические отношения. Черкесский патронат смягчал социальное неравенство: он давал возможность – от бесправного беглеца (абредж, пси-хядзь) до свободного земледельца (тльхукотля) – опереться на силу и авторитет высшей аристократии. И в то же время чем больше у сеньора было подданных, тем могущественнее он считался. Такая диалектическая связь придавала социальной системе черкесов гибкость, устойчивость и жизнеспособность на протяжении веков.

Источники и литература

1. *Анчабадзе З.В.* Социальное положение тльфокотлей и их классовая борьба в адыгейском обществе первой половины XIX в. // Труды Института истории АН Грузинской ССР. Тбилиси, 1956. Т. 2. С. 201–207.

2. *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999.

3. *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе: В 2 ч. Ч. II. М., 1823.

4. *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967.
5. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 348. Оп. 1. Д. 9.
6. *Дебу И.Л.* О Кавказской линии и присоединенном к ней черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. С 1816 по 1826 год. СПб., 1829.
7. *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Первая половина XIX в. Нальчик, 1990.
8. *Интериано Дж.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 46–52.
9. *Каменев Н.Л.* Бассейн Псекупса // Кубанские войсковые ведомости. 1867. № 23 (17 июня). С. 92–93.
10. *Катанчиев Т.М.* Кабардинское обычное право, его особенности. Изд. 2-е. Нальчик, 2003.
11. *Керашев А.Т.* Арбитражное покровительство у адыгов в XVIII – первой половине XIX в. и его эволюция // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы: Общественные науки. 1986. № 4. С. 89–94.
12. *Керашев А.Т.* Патронат в системе сословно-классовых отношений адыгов в дореформенный период // Культура и быт адыгов. Этнографические исследования. Вып. 7. Майкоп, 1989. С. 3–22.
13. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. I. Одесса, 1882.
14. *Налоева Е.Д.* К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды первой половины XVIII века // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Вып. VI. Нальчик, 1972. С. 69–86.
15. Неизвестные страницы Кавказской войны: историко-этнографическое издание. Нальчик, 2012.
16. Несколько географических и этнографических сведений о древней России из рассказов итальянцев // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 2. СПб., 1869. С. 719–738.
17. *Новицкий Г.В.* Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе // Тифлисские ведомости. 1829. № 25 (20 июня). С. 2–4.
18. Привилегированные сословия Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Отд. IV. Тифлис, 1870. С. 1–12.
19. *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т. 21. Тифлис, 1900. С. 55–173.
20. *Хан-Гирей С.* Избранные труды и документы. Майкоп, 2009.

З.Х. Гучетль, О.И. Кускарова

Этнокультурные особенности института аталычества у адыгов в традиционном и современном измерении

Аталычество – обычай, который существовал на Кавказе с давних пор. Традиция аталычества была широко распространена у многих народов Кавказа, в том числе адыгов (кабардинцев, черкесов, шапсугов, абадзехов), а также балкарцев, карачаевцев, абхазов, осетин, мегрелов, ногайцев, карачаевцев, абазинов, убыхов, сванов и др. Сущность его заключается в том, что

ребенка после рождения отдавали на воспитание в чужую семью, и по истечении определенного времени он возвращался к своим родителям.

Первое по времени в русских источниках сообщение об аталычестве как обычае у кабардинцев встречается в «Описании кабардинского народа», составленном в 1748 г. советником коллегии иностранных дел В.М. Бакуниным: «Каждый владелец детей своих при себе иметь и их своими глазами видеть до глубокой своей старости не может, и для того новорожденный владельческий сын тотчас отдается к дятке [sic], одному из ближних узденей, который сыщет ему и кормилицу, а при возрасте обучает его стрелять из лука и из пищали и саблями рубиться и колоться и протчим военным по их обычаю экзерцицыям» [4: 159].

Содержательное описание аталычества дал П.С. Потемкин в «Кратком описании о кабардинских народах» в 1784 г. По его словам, как только у владельца рождался мальчик, его отдавали кому-нибудь из узденей, который должен был его воспитывать и содержать на своем иждивении до совершеннолетия. В награду за это питомец отдавал воспитателю 9/10 всякой своей добычи. Точно так же каждая мать, какого бы она рода ни была, отдавала свою новорожденную дочь на воспитание в чужую семью. Отец видел своего сына в первый раз лишь тогда, когда у того рождался первый ребенок. Тогда отец снимал с жены сына шапку, которую девушка носила до замужества и рождения ребенка. Одновременно отец дарил сыну дом, скотину и прочее. П.С. Потемкин впервые попытался дать объяснение описываемому им порядку: дети отдаются на воспитание в другую семью, «дабы чрез то не допустить юность вкусить негу, на которую горячность родителей невольно иногда попускают» [4: 360–363].

Та же система воспитания существовала и у абхазов. Аталычество у них было распространено весьма широко и держалось вплоть до Октябрьской революции 1917 г. В среде высших сословий абхазов, как отмечает Я.С. Смирнова, оно было «редко нарушаемым правилом» и «лишь в самых редких случаях княжеская или дворянская семья сама воспитывала ребенка, приглашая в дом кормилицу-крестьянку» [9: 105].

Еще одно описание аталычества дал в начале XIX в. подполковник А.М. Буцковский: «Сей общий по всему Кавказу обычай отдавать сыновей в чужие руки и иногда к отдаленнейшим народам основан на весьма важной для них политике: воспитатель, поступая сим почти в родство воспитанника, коим и именуется отцом, и таким образом распространяются взаимные связи; ибо как народы сии, так и частные люди, будучи в беспрестанных междоусобиях, часто имеют нужду в помощи отдаленных соседей своих» [2: 241].

Об этом говорит и современный специалист в области культурологии, истории и национальных отношений Р.Г. Абдулатипов: «Одним из рычагов традиционного сближения народов Кавказа выступали весьма близкие нормы обычного права, которые веками господствовали в их жизнедеятельности. Примерами такого сближения являются аталычество и куначество, которые развили в этом регионе механизмы некровного межэтнического родства людей и которые богаты по своему духовно-нравственному содержанию» [1: 56–57].

Первые научные исследования обычая аталычества выполнил советский этнограф М.О. Косвен с 1931 по 1935 г. В 1935 г. в журнале «Советская

этнография» вышла его статья «Аталычество» [6]. Ученый предпринял попытку всестороннего анализа этого явления, широко распространенного у абхазов, черкесов, кабардинцев, карачаевцев, балкарцев, осетин и сванов [7].

Сам термин «аталычество», встречающийся в этнографической литературе, происходит от тюркского слова «аталык» – «заменяющий отца». Аталыком именовалось лицо, взявшее на себя ответственность воспитывать чужого ребенка. Воспитанник также получал особое название: у кабардинцев – «къан», у западных адыгов – «пӀур».

В более или менее отдаленные времена аталычество практиковалось у всех социальных слоев, но позже стало исключительно достоянием привилегированных слоев. Постепенно обычай аталычества наполнился классовым содержанием. Характерная черта аталычества заключалась в том, что высшие сословия общества отдавали своих детей на воспитание только лицам, находившимся в подчинении. У западных адыгов воспитателями княжеских детей являлись их вассалы – дворяне, а у кабардинских дворян – крестьяне. Наиболее устойчиво аталычество сохранялось у так называемых «аристократических» племен, причем именно в феодальной среде.

Как выглядел на практике воспитательный процесс? Родители иногда даже до рождения ребенка договаривались с кем-нибудь из мужчин, чтобы он стал аталыком. Претендентов эту роль обычно было достаточно, так как исполнение функций воспитания связывалось с материальным вознаграждением. Человек, который не мог рассчитывать на согласие родителей стать аталыком, прибегал к насилию. Он выбирал удобный случай, тайком похищал ребенка, уносил в свой дом и объявлял его воспитанником. Обычно родители не отбирали ребенка во избежание толков, пересудов и особенно кровной мести со стороны похитителя. Тем не менее, этот способ приобретения прав аталыка унижал последнего в глазах соплеменников.

По истечении года семья аталыка устраивала праздник в честь своего воспитанника. Это торжество именовалось у адыгов «пӀургъэлъагъу» – время показа воспитанника. На празднике присутствовали односельчане аталыка и гости из других аулов. Ребенку впервые брили голову, затем с ним знакомили собравшихся гостей.

Когда воспитанник начинал делать первые шаги, аталык вновь устраивал пир – «лъэтегъэуцу» – «в честь первого шага». Присутствующие на празднике выражали свои добрые пожелания ребенку и щедро одаривали его. Кроме того, здесь определялись наклонности ребенка. Воспитаннику предлагали несколько вещей: уздечку, плеть, седло, ружье, кинжал, деньги и книгу. Если мальчик обращал внимание на оружие, то считалось, что он будет храбрым джигитом. Если тянулся к принадлежностям верховой езды, то полагали, что из него вырастет ловкий наездник. Интерес к деньгам сулил воспитаннику богатство, внимание к книге означало наличие задатков к обучению, также не исключалось, что такой малыш станет духовным лицом.

С 10 или 12 лет воспитанника учили всему, что делало мужчину истинным адыгом. Аталык обращал особое внимание на то, чтобы его ученик в совершенстве овладел оружием и искусством верховой езды, а также усвоил обычаи своего и соседних народов. Воспитанника учили переносить лишения и трудности, которые могли ему встретиться на жизненном пути. Ата-

лык водил воспитанника на собрания, где последний знакомился с общественными делами аула.

Если в семье аталыка воспитывалась девочка, то о получении ею надлежащего воспитания заботилась его жена. Основными достоинствами черкешенки считались скромность, вежливое обращение со старшими и, наконец, владение мастерством шитья.

В семье аталыка воспитанник всегда пользовался особым уважением и вниманием. В знак любви его ласково называли «зиусхьан», что означает: тот, за кого болею. Девочку же именовали «нэфын» – свет очей моих.

Аталык получал от родителей воспитанника материальную помощь. В момент приема ребенка или вскоре после того ему передавали дойную корову и постельные принадлежности для воспитанника. Разумеется, аталык не говорил родителям своего подопечного о собственной нужде и не обращался к ним прямо за помощью, ибо такой поступок не отвечал общепринятым нормам.

Ребенок находился на попечении воспитателя до совершеннолетия (мальчик – до 17–18 лет, девочка – до 15–16 лет). По истечении срока воспитания аталык собирал своих родственников и других гостей и устраивал большой трехдневный пир в честь воспитанника. Последний получал от своего учителя в дар коня, вооружение и одежду. Затем аталык в сопровождении музыкантов отвозил воспитанника в родительский дом. Воспитанник непременно ехал впереди на лучшем коне. А воспитанницу везли в повозке. Такую повозку накрывали цветной материей. И когда процессия подъезжала к дому воспитанницы, кто-то из всадников срывал материю и направлялся с ней в аул. Вслед за ним устремлялись другие, стараясь догнать беглеца и выхватить материю из его рук. Победителем в этой игре оказывался самый ловкий и быстрый наездник.

Родители устраивали праздник в честь вернувшегося сына (или дочери). Аталык получал от них подарки – несколько голов скота, лошадей, два или три семейства крестьян. Ему обещали присылать ежегодно жеребенка.

В дальнейшем связи между аталыком и воспитанником не прерывались. Напротив, аталык или его жена в любое время могли пригласить воспитанника к себе домой и поручить ему заботиться об их семье или семье их родственников. Воспитанник беспрекословно выполнял все их требования и просьбы. В противном случае общественное мнение осудило бы его за нарушение обычаев молочного родства.

В случае смерти аталыка воспитанник брал на себя все работы и хлопоты, связанные с похоронами. Он носил несколько месяцев траур в знак особого уважения к памяти умершего. Воспитанница вплоть до замужества также беспрекословно повиновалась семье аталыка. Кроме того, она обязывалась отдать половину калыма, который получала от жениха при вступлении в брак.

Вот что говорят об аталычестве очевидцы, которые воочию видели быт и традиции адыгов. Среди них Джорджио Интериано – генуэзский историк, географ, этнограф, путешественник, автор первого в средневековой литературе Европы монографического описания Черкесии (Зихии): «Лишь только сыну знатного исполнится два или три года, его отдают на попечение одному из слуг, и тот ежедневно его возит с собою на коне с маленьким луком в руках,

и как завидит курицу или другую птицу, а не то свинью или другое животное, то учит его стрелять, а затем, когда он станет побольше, он и сам охотится за этою живностью в своих же собственных владениях» [3: 48].

Ученый-энциклопедист, естествоиспытатель и путешественник на русской службе Петр Симон Паллас писал об аталычестве: «Воспитание княжеских детей у этого народа направлено к тому, чтобы уничтожить всякое родственное чувство, начиная с раннего возраста. С детства их поручают попечению знатного, часто даже богатого, который служит им воспитателем. Родители, особенно отец, не видят своего сына до тех пор, пока он не в состоянии носить оружие, а своих дочерей до замужества. Воспитатель должен обо всем заботиться; он обучает мальчиков с малых лет всем хитростям разбойничьих банд и всем приемам, которые эти наездники ценят. Он вооружает молодого человека, когда тот достаточно силен, чтобы носить оружие, и тогда представляет его отцу; ученик вознаграждает своего воспитателя, отдавая ему большую часть награбленной добычи. Девушек очень плохо кормят, чтобы сделать их более худыми, так как княгиня должна иметь всегда нежный, стройный стан. Их учат вязать, плести позументы, шить платья, плести корзинки и циновки и другим занятиям, подходящим для их пола. Воспитатель обязан также выдать замуж свою воспитанницу и выбрать ей жениха, равного ей по происхождению, если он хочет сохранить свою голову» [10: 222].

Большое внимание изучению Кавказа уделял немецкий ботаник-дендролог Карл Генрих Эмиль Кох: «Чем вызван этот кажущийся варварским обычай… остается для нас пока неизвестным… Может быть, воинственные черкесы не хотели, чтобы молодые мужчины отвлекались воспитанием своих детей от служения на благо отечества, и они не должны были быть связаны узами любви к своим детям, если объявлялась война против другого народа. Сына, принадлежащего отечеству, нужно было воспитывать достойным этого отечества и вследствие этого его лишали материнской любви, под влиянием которой он мог бы легко размягчиться. Воспитатель отдает своего воспитанника обратно отцу только тогда, когда он полностью приобретает свою мужскую силу и только тогда в первый раз отец появляется публично вместе со своим сыном… Воспитатель имеет мало преимуществ, но это состояние является весьма почетным. Он должен обо всем заботиться для своего воспитанника. Он должен обеспечить пропитание кормилице с младенцем и одевать их; он должен научить своего выросшего воспитанника обращению с оружием, которое он ему должен дать, и должен научить воспитанника также ездить верхом, обеспечив его при этом лошадью... Чтобы стать для воспитанника всем, он (аталык) жертвует своей семьей, и в то время, как воспитанник бывает хорошо одетым и прекрасно вооруженным, собственные дети воспитателя голодают и бегают в лохмотьях» [7: 597–598].

Институт аталычества со временем претерпевал изменения. Уничтожение аталыческих традиций началось в 1822 г. по приказу генерала А.П. Ермолова. К началу XX в. аталычество утратило свою воспитательную значимость и практически перестало существовать как полноценный культурный институт. Однако в советский период, особенно среди западных адыгов, оно продолжало бытовать в номинальной форме. В современных условиях (например, в Кабардино-Балкарской Республике) фиксируются попытки адап-

тации традиции: дети передаются на воспитание уважаемым старейшинам на период школьных каникул.

Таким образом, институт аталычества – полифункциональный социокультурный феномен, игравший ключевую роль в системе социальных связей традиционных обществ Северного Кавказа. Выступая как практика социализации, аталычество выполняло важнейшие политические, экономические и интеграционные функции, способствуя межсословной и межэтнической консолидации, а также регулированию социальных взаимодействий в регионе. Несмотря на утрату классическим аталычеством своей институциональной формы в ходе исторических трансформаций XIX–XX вв., его ценностно-нормативное ядро не исчезло бесследно. В современных условиях отдельные элементы данной традиции подвергаются адаптации, находя избирательное применение в новых практиках семейного и общественного воспитания как инструмент сохранения этнокультурной идентичности.

Источники и литература

1. *Абдулатипов Р.Г.* Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // Научная мысль Кавказа. 1995. №1. С. 55–58.

2. *Буцковский А.М.* Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // История, география и этнография Дагестана. XVIII-XIX вв. М., 1958. С. 239-246.

3. *Интериано Дж.* Бытие и страна зихов, названная черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик. 1974. С. 43–52.

4. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. II, XVIII в. М., 1957.

5. *Косвен М.О.* Аталычество // Советская этнография. 1935. № 2. С. 41–62.

6. *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961.

7. *Кох К.* Путешествие по России и в кавказские земли // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик, 1974. С. 585–628.

8. *Паллас П.* Путешествия по южным провинциям Российского государства в 1793 и 1794 году // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 214–224.

9. *Смирнова Я.С.* Аталычество и усыновление у абхазов в XIX-XX вв. // Советская этнография. 1951. № 2. С. 105–114.

В.Р. Киенко

Свадебный обряд казаков-некрасовцев и терских казаков в сравнительно-исторической перспективе

Свадебный обряд занимал важное место в семейной и общественной жизни казачества. В нем закреплялись порядок заключения брака, родительская воля и переход невесты в семью жениха. У казаков-некрасовцев и терских казаков этот обряд сохранял общую основу, однако различия в исторической судьбе, конфессиональной принадлежности и условиях быта придали каждой традиции свои особенности.

Общая казачья и восточнославянская основа заметна в развитии свадебного действия. В обеих традициях свадьбе предшествовало сватовство. Достигнутое семьями соглашение закрепляло будущий брак, после чего невеста прощалась с девичьим состоянием и получала родительское благословение. Ее переход в дом жениха завершался застольем, на котором союз становился достоянием родни и соседей. Однако сходная последовательность существовала в неодинаковых условиях. Для некрасовцев, долго живших вне России среди иноверного населения, брак поддерживал границы старообрядческой общины. Гребенская свадьба развивалась в станицах Северо-Восточного Кавказа, где русская обрядовая основа соприкасалась с культурой горских народов [2]. Различие определялось назначением обряда. У некрасовцев свадьба укрепляла замкнутость группы, так на Тереке наследуемая форма приспосабливалась к пограничной и многоэтничной среде [1: 98–114; 3: 86–87].

Некрасовский брачный порядок не ограничивался согласием молодых и родителей. О намерении вступить в брак сообщали атаману, а окончательное решение выносил казачий круг. «Закон Игната» запрещал женитьбу на иноверке. Если женщина происходила из другой среды, ее принятие в семью зависело от согласия общины и соблюдения конфессиональных условий [4: 37; 5: 410]. Узость брачного круга отражалась на возрасте просватывания. Девочку могли сосватать в 12–14 лет, хотя свадьбу устраивали позднее, по достижении принятого брачного возраста [4: 37; 5: 410]. Ранний сговор не являлся самостоятельным браком. Он заранее закреплял пару внутри малочисленной группы, для которой выход за конфессиональные пределы создавал угрозу воспроизводству общины.

Общинное регулирование не отменяло личного выбора. По записям Л.А. Якоби, молодые чаще сходились по взаимному согласию, но родители сохраняли право совета и могли настаивать на другом женихе. Одна из собеседниц вспоминала, как по воле отца отказалась от любимого казака. Позднее она признала его решение правильным, потому что выбранный родителями муж оказался трудолюбивым и заботливым [5: 410]. Личная привязанность учитывалась, однако родительский авторитет и решение круга ограничивали произвольный выбор.

У гребенцов сватовство открывало предсвадебный цикл. После него устраивали запой, а рукобитье закрепляло соглашение семей и лишь потом начиналась подготовка к венчанию и последующему застолью [1: 98–114]. Договор о браке носил публичный характер, но оформлялся через родственные связи и действия свадебных чинов. В описаниях нет свидетельств об обязательном утверждении каждой пары казачьим кругом, подобном некрасовскому [2]. У некрасовцев общинная санкция определяла допустимость брака. В гребенской станице гласность поддерживалась через семейный договор, который становился известен окружающим через весь ход свадьбы, не превращаясь в решение войскового собрания.

Некрасовское сватовство начиналось после темноты. К родителям девушки направляли свашку либо другого посредника. Имя невесты старались не произносить и ее иносказательно представляли то телочкой, то пушным зверем, то лисицей или куницей. После согласия родителей совершали моление и переходили к рукобитью. Мать жениха вставала перед святым углом,

клала земные поклоны и молитвенно подтверждала обещание «быть в слове» [4: 41–42; 5: 411]. Соглашение семей получало религиозное закрепление до венчания. У гребенцов рукобитье также означало окончательное согласие, однако находилось между запоем и подготовкой девичника [1: 98–114].

Та же дисциплина определяла действия свадебных чинов. Сходатай входил в дом с хлебом и солью и начинал речь молитвенной формулой. Затем подружка обращался к родственникам за благословением, соблюдая установленную очередность [5: 415–416]. Особое место занимали крестные родители. Без их согласия, как и без разрешения родни, свадьба не продолжалась. Сначала участникам дозволялось войти в дом, а после нового обращения к старшим невесту усаживали, затем выводили со двора и передавали жениху.

Уход девушки из родительского дома в обеих традициях сопровождался плачем. Некрасовскую невесту сажали на посад и распускали ей волосы, после чего начиналось обголашивание. Первой голосила сама девушка, затем плач подхватывала мать, затем к ним присоединялась родственница. Л.А. Якоби считала двойное обголашивание редкой особенностью некрасовского свадебного фольклора [5: 414–415, 419]. Плач не прерывал свадьбу и не ставил под сомнение согласованный брак. Через него девушка прощалась с девичеством и покидала привычное место в родительском доме. В гребенской традиции особенно подробно оформлялось прощание невесты-сироты. Перед выездом к венцу ее вели на кладбище. Здесь песня обращалась к умершему отцу с просьбой подняться из земли и благословить дочь [3: 87]. Некрасовская сирота также звала в свадебном плаче умерших родителей [5: 414]. Смерть отца или матери не отменяла необходимости родительского благословения.

Плачевый комплекс сохранял местные различия. У некрасовцев обголашивание происходило в доме невесты и принимало коллективную женскую форму. Личное переживание девушки включалось в общий порядок перехода через голоса матери и родственницы. В гребенском материале обращение к умершему отцу переносилось на кладбище и непосредственно предшествовало венчанию. Некрасовский обряд сильнее связывал невесту с женской частью семьи, а гребенский подчеркивал ее отношение ко всему роду через могилу и песенное испрашивание благословения. Оснований говорить о прямом заимствовании нет. Близость объясняется общей логикой традиционной свадьбы, где девушка не могла войти в новую семью, не завершив отношений со своим родом.

Церковное венчание было важной, но не единственной формой признания брака. Некрасовская свадьба постоянно возвращалась к молитве. Перед иконами клали поклоны. Затем за благословением обращались к крестным родителям, а переход к следующему действию сопровождали установленной формулой. Л.А. Якоби отмечала, что по продолжительности венчание уступало семейно-родовой части свадьбы, которая начиналась посадом и продолжалась до принятия невесты в доме мужа [5: 415–419]. Религиозное содержание было распределено по всей церемонии и не замыкалось в храме. На Тереке конфессиональная картина оставалась неоднородной. В части старообрядческой среды церковный брак не получил полного признания, поэтому союз еще долго мог заключаться без венчания [3: 86]. Противопоставление некрасовцев как старообрядцев терцам как исключительно пра-

вославным не соответствует источникам. Старообрядчество существовало и на Тереке, но не создавало там столь единого брачного режима, какой поддерживала некрасовская община.

Свадебное время воспринималось как опасное для молодых, поэтому защита сопровождала их на всем пути. В одежду некрасовской невесты вкалывали иглу без ушка. Пока она находилась в доме, лицо закрывали, окна и двери запирали. Выезд свадебного поезда сопровождали ружейные выстрелы, а со двора он проходил через огонь. После венчания молодые ели поздно, без посторонних, чтобы пищу нельзя было испортить заговором [4: 41, 70]. У гребенцов защиту строили иначе. Просо в обуви должно было принести счастье, а положенные туда деньги приносили достаток. От колдовства в подол нижней рубахи помещали иглу. По дороге за невестой жених стрелял в воздух, а сопровождавшие его казаки отвечали выстрелами и показывали джигитовку [3: 87]. Металл и огонь сохраняли охранительный смысл, тогда как терская стрельба одновременно становилась показом воинского умения.

Военизированный быт заметнее вошел в гребенскую свадьбу. Свадебное движение сопровождалось стрельбой, а джигитовка превращала дорогу за невестой в зрелище для станицы. Кавказская музыка вводила в пир лезгинку. Молодых ставили на войлок. А.Ф. Григорьев связывал этот обычай со степными традициями ираноязычных, тюркских и монгольских народов, а горско-тюркское влияние он отмечал в одежде и оформлении свадьбы [3: 86–87]. В некрасовских описаниях контакты с окружающим населением слабее изменяли структуру церемонии. Длительная жизнь в Османской империи не отменила запрета на брак с иноверцами, поэтому бытовые заимствования не разрушали конфессионального порядка.

После венчания новый статус женщины закреплялся в доме жениха. Некрасовской невесте переплетали волосы по-женски и закрывали их головным убором замужней женщины. Молодых осыпали зерном и усаживали на покрытую мехом скамью. На третий день приходило время каравая. Брат невесты приносил сундук с приданым, а затем гости одаривали молодую пару [4: 70–72; 5: 418–419]. Затем разыгрывалось ее вступление в хозяйство. Молодой вручали кочергу, а после нее сковороду и хлебную лопату; получив эти предметы, она показывала, как станет топить печь и сажать хлеб. Это было публичное признание женщины хозяйкой. У гребенцов после пира молодых провожали к брачному ложу. Обрядовый подъем завершал послесвадебный цикл [1: 98–114].

Переход в семью мужа не разрывал связь с родом невесты. На второй день у некрасовцев устраивали повещение в доме ее отца, а позднее молодые могли гостить у крестных. Дочь возвращалась в родительский дом уже вместе с мужем. Отец принимал их как новую семью и подтверждал, что прежний дом остается для нее открытым [4: 70, 72]. Послесвадебное гостевание меняло характер родственной связи, но не прекращало ее, поэтому родное семейство продолжало участвовать в жизни дочери после переселения.

Некрасовские материалы связывают свадьбу с неписаным семейным правом. В доме женщина признавалась хозяйкой, а жестокое обращение мужа могло стать предметом обсуждения казачьего круга. Получив согласие общины, жена уходила к родителям. После этого муж уже не мог решать

дело один. Родня участвовала в переговорах, а старики и атаман придавали им общинный характер [4: 38–39; 5: 409]. Свадебное наставление требовало от невесты покорности и трудолюбия, однако власть супруга не считалась безграничной.

Сопоставление некрасовской и гребенской свадебной традиции показывает, что их устойчивость обеспечивалась разными историческими механизмами. У казаков-некрасовцев свадебный порядок сохранялся в пределах замкнутой конфессиональной общины. Решение круга, молитвенное закрепление сговора и запрет браков с иноверцами связывали создание семьи с сохранением всей группы. В условиях длительного проживания вне России свадьба становилась одним из средств поддержания религиозной и этнической обособленности.

У гребенских казаков русская обрядовая основа развивалась в иной среде. Сватовство, рукобитье, девичник, родительское благословение и свадебный пир сохраняли прежнюю последовательность, но в церемонию постепенно вошли черты терского военного быта и кавказского окружения. Эти заимствования не разрушали традицию, а приспосабливались к станичному укладу. В обоих случаях свадьба публично закрепляла переход невесты в семью мужа и вводила новую супружескую пару в общину, однако у некрасовцев этот переход подчинялся прежде всего задаче конфессионального самосохранения, тогда как у гребенских казаков он отражал длительное взаимодействие русской казачьей традиции с культурной средой Северного Кавказа.

Источники и литература

1. *Белецкая Е.М., Великая Н.Н.* Свадебные обряды гребенских казаков (конец XIX – начало XX в.) // Этнографическое обозрение. 2013. № 5. С. 98–114.

2. *Гребенец Ф.С.* Из быта гребенских казаков // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1909. Вып. 40. С. 9–47.

3. *Григорьев А.Ф.* Историософия гребенских казаков в этнической картине мира. Ставрополь, 2017.

4. *Тумилевич Ф.В.* Свадебный обряд у казаков-некрасовцев // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура. Ростов-на-Дону, 2012. С. 36–72.

5. *Якоби Л.А.* Особенности свадебного обряда некрасовских казаков // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура. Ростов-на-Дону, 2012. С. 408–420.

Н.Г. Соловьева

Традиционная семья в структуре казачьего общества: новый взгляд на историко-этнологическую и культурную проблему

Современные исследования российского казачества опираются на историю государства, входят в комплекс работ, посвященных культурному наследию нашей страны, ее богатому, этнически разнообразному цивилизационному полю. Отдельным проблемам уделяется достаточно большое

внимание, что можно было бы сказать и о проблематике изучения традиционного устройства семьи определенных групп казачества, в том числе кубанского. Однако, таких современных фундаментальных, комплексных трудов пока нет, что не позволяет проводить сравнительный анализ специфики формирования и развития семейных отношений и в целом семьи у казаков России, изначально обосновавшихся на ее обширном пограничье. Исследование станичного общества, выявление особенностей формирования его структуры, способно указать на роль малой социальной ячейки – традиционной семьи казаков в его становлении и развитии. Оно подвигнет к комплексному познанию этого социального института, содействующего успешному функционированию определенного казачьего общества, в нашем случае кубанского, и российского казачества в целом. Изучение же традиционной семьи как незаменимой, значимой части разветвленной структуры казачьего общества крайне важно в теоретико-философском понимании всей проблемы, а также поиска новых подходов в оценке такого историко-этнографического, культурного явления как казачество.

Что же такое казачье общество? В Указе президента Российской Федерации «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации» № 835 от 9 августа 1995 г. даются следующие определения казачьих обществ:

«3. Районное (юртовое) казачье общество создается (формируется) путем объединения хуторских, станичных и городских казачьих обществ.

4. Окружное (отдельское) казачье общество создается (формируется) путем объединения хуторских, станичных и городских казачьих обществ не вошедших в районные (юртовые) казачьи общества.

5. Войсковое казачье общество создается (формируется) путем объединения окружных (отдельских) казачьих обществ.

6. Войсковое казачье общество создается в пределах территории двух и более субъектов Российской Федерации» [1].

В конце XIX – начале XX вв. казачьи общества России также подразделялись в соответствии с административно-территориальными границами и составом населенных пунктов, входящих в них. Это были станичные, отдельские и войсковые общества казаков, действующие в пределах общины. Не только в Российской империи, но и за ее пределами имели место быть казачьи общины: «В XV-XVI вв. за границами России и Польско-Литовского государства (на Днепре, Дону, Волге, Урале, Тереке) возникали самоуправляющиеся общины вольных казаков» [2: 36].

«Общество в широком смысле слова – это совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей; в узком смысле – исторически конкретный тип социальной системы, определенная форма социальных отношений» [3: 55]. Общество кубанских казаков в XIX – начале XX в. представляло собой коллективное сообщество, проживающее в станице и хуторе. «Станицей являлось крупное казачье сельское поселение или административно-территориальная единица, объединявшая несколько небольших казачьих селений» [4: 140]. Главной формой и основой традиционного общества казаков была большая семья. Следует отметить, что понятия «станица» и «общество» у кубанских казаков были тождественны, так как, во-первых, их основой являлись казаки и их семьи и, во-вторых, они име-

ли общие административно-территориальные рамки своего нахождения и функционирования. В составе этих структур традиционная семья постоянно находилась в движении, плавно перетекая из одного в другое, наполняя их общими смыслами и содержанием, устанавливая связи и взаимодействия в пространстве и повседневности. «Упрощенная форма властной вертикали – семья – станица – войско, вполне удовлетворяла потребности консервативного традиционного общества кубанских казаков, во многом содействовала успешному функционированию его отдельных ячеек на местах, обеспечивая, тем самым, четкую трансляцию и сохранение этнокультурных ценностей, духовной культуры в целом» [5: 42].

Станичное общество как сплоченный, автономный и самоуправляющийся коллектив самостоятельно вырабатывал нормы внутреннего обустройства казачьей жизни. В его структуру входили взрослые домохозяева-казаки Кубанского казачьего войска. В составе некоторых станиц имели место быть и хуторские общины, при этом приоритет по многим вопросам отдавался именно казачьему населению.

Станичное общество кубанских казаков было дифференцированно. Население станицы делилось на пять основных категорий. В первую категорию входили мужчины-казаки трех возрастных групп, исключая младший детский возраст – взрослые, молодежь и подростки. Их социальный статус определялся временным функционалом, которым они обладали на данный момент времени. Первое место занимал атаман. За ним стояли старшие казаки, называемые стариками. Под их надзором находились члены органов станичного самоуправления, а также служивые казаки, подразделяющиеся на следующие группы: непосредственно служащие в армии казаки, казаки резерва-запаса и казаки-призывники.

Во вторую категорию относили остальных членов казачьей семьи – казачек и малолетних детей. Мать и жена главы семьи находились на более высоком структурном уровне, чем остальные представители рода – дочери, дети и внуки. Стоит отметить, что дети подросткового возраста приравнивались к первой категории, так как уже владели многими аспектами практической и духовной идентичности, в частности азами военного дела. Наиболее зависимое положение от обозначенных лиц занимали снохи, которые только с появлением сына – продолжателя воинской династии, могли повысить свой социальный статус.

Третья категория – станичное духовенство (православный священник и его помощники) содействовало удовлетворению религиозных потребностей казаков. Принимая участие в станичных сходах (Круге), оно временно перемещалось в разряд первой категории, наделяющей своих носителей правом голоса в решении широкого спектра вопросов станичной и семейной жизни. Хотя духовное лицо не было выходцем из казаков, но его вхождение в станичное общество указывало на особую, важную роль православной церкви и христианской веры для станичников. Таким образом, духовенство, занимая так называемое «пограничное положение» в социальной структуре общества кубанских казаков, находилось на достаточно высоких позициях.

К четвертой категории относили купцов, которые имели при станице стационарные лавки и погреба для хранения своих товаров. Они вели

торговлю бакалейными и иными привозными товарами, пользующимися повышенным спросом у населения. Следует отметить, что представители станичного купечества не были казаками, поэтому их влияние на жизнь ограничивалось четко очерченными рамками.

В пятую категорию входили ремесленники и наемные работники из числа иногороднего населения. Ремесленники-надомники в основном производили необходимый товар на местах, как говориться «на потребу дня», «тем и жили». Наемные работники, выполнявшие в основном сельскохозяйственные работы, а также выступающие в роли подсобных рабочих на мельницах и других перерабатывающих частновладельческих предприятиях, входя в состав станичного общества, не обладали большинством прав, которыми пользовались казаки.

Таким образом, в структуре станичного общества присутствовали многие составляющие, но их место и роль были неоднозначны и неравноценны. Главный критерий первенства одной категории над другой заключался в происхождении определенных лиц, входящих в нее, то есть казачество находилось в приоритете. Несмотря на это в станичное общество входили не только основатели казачьего населенного пункта – казаки, но и прибывшие и осевшие здесь представители других сословий – иногородние.

Следует указать и на то, что первые две категории были костяком станичного общества, составляли ее основу. Существуя в виде неразделенной большой традиционной семьи, кубанские казаки копировали и применяли принципы внутрисемейной жизни на все станичное общество, тем самым проецируя свой менталитет и обычаи в рамках русского мира миру извне. Станичное общество, как сложившаяся система институтов самоуправления, удовлетворяло потребности традиционных семей, то есть работало на них. В частности, станичные атаманы ежегодно подавали отчеты в войсковое правительство с посемейными списками станиц, в которых указывали фамилии, количество членов семей, разбивая их по принципу половой принадлежности, что служило не только мониторингом демографической ситуации российского казачества, но и поводом для осуществления соответствующих мероприятий для ее стабильности, достижения высокого прироста населения. Станичное общество занималось распределением средств на медицину, наймом врачей, покупкой медикаментов, назначением лиц из среды казаков, способных в моменты эпидемий производить вакцинацию и т.д. Несмотря на широкие действия в рамках общепринятого законодательства, станичные общества соблюдали и негласные этнокультурные нормы поведения и общежития в целом, транслируемые из малой ячейки казачьего общества – традиционной семьи кубанских казаков. Нормы семейного казачьего этикета зачастую согласовывались с нормами станичного самоуправления, которые всецело касались всего общества казаков.

Особую нишу в станичном обществе занимало духовенство. Оно, входя в станичное общество не по происхождению, а по единоначалию духовных ценностей с ним, аккумулировало, дублировало идею единоверия казаков, стремление их жить по законам истины, культивировать качества «достойного», «всепрощающего», «любящего своего ближнего» человека. Тесная связь духовенства с традиционными семьями кубанских казаков, устанав-

ливаемая через жизненные циклы отмечания значимых дат и церковных праздников, определяла его высокое, обособленное место в структуре станичного общества. Это, в свою очередь, позволяло духовенству оказывать влияние на процессы, происходящие здесь. При этом православные священнослужители учитывали этнокультурные особенности повседневности и внутрисемейного миропорядка кубанских казаков, что также содействовало безоговорочному принятию казачьим населением их действий, опосредованно содействовало упрочению российской государственности на пограничном региональном поле. Широкое бытование православия в станичной жизни и жизни традиционных семей кубанских казаков напрямую проявлялось и в их идентичности, особенно ярко отпечаталось в конфессиональном монолите его региональной группы – казачестве Карачаево-Черкесии.

Таким образом, традиционная семья в конце XIX – начале XX вв. была основой казачьего общества, его структурообразующим элементом. Она, обогащая специфическими этнокультурными характеристиками, напрямую влияла на идентичность кубанских казаков, служила фундаментом российского казачества. В структуре казачьего общества традиционная семья осуществляла и социокультурные функции, заключающиеся в определении и соблюдении поло-ролевых взаимоотношений, негласно закрепленных, идентично-окрашенных исключительно в рамках своего ареала бытования. Эти действия носили как материально-экономический характер удовлетворения повседневных нужд членов большой казачьей семьи, так и опирались на нравственно-духовные начала, ориентированные на христианскую доктрину патриархально-консервативного семейного общежития. Культурный аспект традиционной семьи, играя опосредованную роль в процессе структурообразования казачьего общества, был широк и всеобъемлющ. Он заметно влиял на его функционирование, на существование казачества как самостоятельной единицы российского общества.

В современных условиях развития кавказоведения новый взгляд на историко-этнологическую и культурную проблему традиционной семьи, входящей, формирующей, влияющей на структуру казачьего общества, только начинает приобретать свои робкие очертания. Научные исследования казачества, в том числе кубанского, его региональной группы – казачества Карачаево-Черкесии, важны и актуальны. При их помощи возможно разработать новые подходы для изучения обозначенной проблемы, дать оценочные суждения по разным направлениям казачьей проблематике, задействовав для этого ранее не выявленные источники, в частности смешанного типа гуманитарных дисциплин, в том числе истории и этнологии.

Источники и литература

1. Виды казачьих обществ. URL: https://to06.minjust.gov.ru/ru/activity/directions/20/?ysclid=mlhlyv87k0529358432 (дата обращения: 11.02.2026).
2. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 8. Ит.-Кл. М., 2004.
3. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 13. Но.-Пе. М., 2003.
4. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 17. Ск.-Та. М., 2003.
5. *Соловьева Н.Г.* Традиционная духовная культура казачества Карачаево-Черкесии. Черкесск, 2024.

Ю.Ю. Клычников, А.Н. Рябиков

«Снискал любовь и уважение своей паствы...»: оценка деятельности православных священников (по материалам Государственного архива Ставропольского края)

Достаточно часто в сохранившихся архивных материалах, посвященных деятельности Русской православной церкви на Северном Кавказе, мы сталкиваемся со сведениями, касающимися различных девиаций в среде церковнослужителей. Складывается впечатление, что моральный облик местного духовенства оставлял желать лучшего, и религиозная повседневность ничем не отличалась от прочей мирской суетности. На самом деле, мы имеем дело с обычной практикой фиксировать лишь некие выбивающиеся из общей событийной канвы случаи. По-видимому, кропотливый подвижнический труд, пастырское служение не становились предметом внимательного разбирательства, а потому не попали на страницы письменных источников.

Тем не менее встречаются документы, пусть и не отличающиеся подробностями, по позволяющие получить представление о повседневной практике служения таких людей. На хорошем счету, судя по послужному списку, датируемому сентябрем 1843 г., находился протоиерей «города Ставрополя кафедрального Троицкого собора» Константин Крастилевский [2: 30]. Родился он в Тамбовской губернии и по происхождению был «из духовного звания». Обучение прошел в «Астраханской духовной семинарии», где овладел предметами: «от низших классов словесностью, философией, Богословием, церковной и гражданской историей, физико-математическими науками, языками греческим, латинским, немецким и еврейским» [2: 30 об.]. Таким образом, мы видим разносторонне развитую личность, получившую образование в области не только гуманитарных, но и точных дисциплин. Священник-эрудит мог вести диспуты с самыми разными людьми, применять свои знания не только на ниве Богословия, но и в вполне мирских трудах.

Полученные протоиереем награды лучше слов говорили о его заслугах и успехах. Так, 24 мая 1824 г. он был «награжден набедренником» [2: 30 об.–31], 10 мая 1835 г. «бархатною фиолетовую скуфьею» [2: 32 об.], а 24 апреля 1840 г. «таковою же камилавкою» [2: 32 об.]. Все эти дары являлись видом поощрения и должны были подчеркнуть совокупность усилий священника на его поприще. Помимо перечисленных наград, он удостоился еще одной высокой похвалы. К. Крастилевский 1 января 1844 г. «заслужил архипастырскую признательность, в ознаменование коей возложена на него Палица» [2: 33].

Весьма комплиментарен рапорт, который 14 июля 1844 г. подал командовавший Кавказским казачьим полком подполковник Пыльцын на имя наказного атамана Кавказского линейного казачьего войска Николаева. В нем он, в частности, докладывал, что «Воронежской станицы приходской священник Алексей Павлов, двадцать два года постоянно священствует в этой станице. При хорошем поведении и усердии к святой Церкви, он снискал любовь и уважение своей паствы, непобедимо действовал против церкви скопцов, которые появились было в 1828 году, и самым похвальным обра-

зом содействовал долговременною настойчивостью и сильным влиянием на жителей к сооружению прекрасного Божьего храма и внутреннего в нем благолепия, не взирая на малочисленность станицы» [2: 68]. Упомянутые скопцы в рассматриваемый период сделались серьезной угрозой и смогли привлечь в свои ряды, физически и духовно изувечив, немало последователей. Недаром в царствование Николая I они были признаны «самой вредной сектой» [4: 802].

Благодарная паства считала, что за свою подвижническую деятельность их пастырь должен был быть отмечен, и высказала пожелание дабы «добродетели сии священника Павлова возлагают святую обязанность покорнейше просить» атамана выступить с ходатайством «о награждении его по достоинству» [2: 68 об.].

Своей награды 8 сентября 1845 г. удостоился «Войска Черноморского станицы Старощербиновской священник Фома Прага», вызванный «для возложения на него Высочайшего пожалованной ему приложенной при сем скуфьи» [2: 78]. Судя по тому, что причина награды не связывалась с конкретной заслугой, такого рода отличия давались за совокупность деяний.

Весьма строг был к своим подчиненным епископ Кавказский и Черноморский Иеремия. Именно к нему стекалась вся информация о священнослужителях, причем для этого были разработаны соответствующие вопросники, на основании которых в дальнейшем делались соответствующие аналитические обобщения. В качестве примера можно рассмотреть рапорт благочинного протоиерея Черноморского казачьего войска Георгия Бардадимова, который 3 июля 1844 г. докладывал следующее: «Честь имею Вашему Преосвященству донесть, что в церквах порученных в мое ведение в 1-й половине сего 1844-го года священнослужение отправляемо было неупустительно. Священноцерковнослужители вели себя прилично своему званию. В церквах чинность, чистота и опрятность были соблюдаемы. Поучения на утренях и литургиях в воскресные и праздничные дни читаны были без всякого упущения, ризницы и все утвари церковные в целости. Притворно юродивых, ханжей, кликуш и никаких других суеверий при церквах мною замечено не было и книг противных вере и благочестию в церквах и в (вероятно «у» – *Авт*.) священноцерковнослужителей не найдено, священноцерковнослужители в свободное время занимались домашнею экономиею и чтением книг Священного Писания» [1: 3].

В основе своей данный отчет повторяется в «нижайшем рапорте» благочинного Ставропольского округа села Новоегорлыцкого протоиерея Трофима Орлова. Он датируется 7 июля 1844 г. и написан с похожими формулировками. Но в отличие от доклада Г. Бардадимова, данный отчет содержит дополнительную информацию, которая позволяет получить расширенное представление о тех заботах, которые возлагались на плечи местного духовенства. В частности, содержалось упоминание «о только что совратившемся в селе Белоглине семействе Юрикове в раскол, донесено мною Вашему Преосвященству минувшего июня 9 числа за № 49-м, о утрате святого мира из Новопавловского молитвенного дома от 3 сего июля за № 57-м, о появившейся саранче за № 58-м» [1: 4 об.]. Как мы видим, помимо сугубо церковных задач, священник отслеживал ситуацию, связанную с распростране-

нием вредителей на полях, собирая таким образом критически важные для сельского хозяйства сведения. Именно такой подход православного духовенства к нуждам ее паствы обеспечивал уважение и любовь верующих к своим поводырям.

Собранные материалы не являлись формальными отписками, и, судя по имеющимся характеристикам отдельных церковных деятелей, они могли быть далеко не комплиментарными. Такой вывод возникает при знакомстве со сводной ведомостью «О священноцерковнослужителях, при церквах состоящих в заведывании благочинного Ставропольского округа села Новоегорлыцкого протоиерея Трофима Орлова, составленная 1844 года июля 4 дня». Документ был структурирован в виде пяти столбцов, в каждый из которых следовало поместить соответствующую информацию: 1. Наименование церквей и священноцерковнослужителей при них состоящих. 2. Отроду лет. 3. Какого поведения. 4. Каких познаний. 5. Кто был судим или штрафован или нет. Конечно, получить исчерпывающую информацию о повседневной жизни клира из столь лаконичных данных не представляется возможным, но тем не менее можно представить, как оценивали служивших при церквах их прихожане и вышестоящие в иерархии представители духовенства. Так, всего в поле зрения Т. Орлова попало 62 человека, возраст которых колебался от 16 лет (дьячок Матвей Дмитриев Покровский из церкви Покровской села Пещанокопского) [1: 6 об.]) до 83 лет (Архангельского села Среднеегорлыцкой заштатной церкви священник Исидор Авдеев) [1: 7]. В пункте № 3 мы встречаем следующие характеристики поведения: «порядочно», «исправно», «хорошо», «отличного», «честного», «добропорядочного», «не худого». Но есть и «посредственного», когда речь шла о пономаре церкви Дмитриевской села Безопасного Ивана Ильина Быстролетова или о пономаре Петре Емельянове Польском Николаевской церкви села Белая Глина. А о служившем с последним диаконе Иоанне Петрове Инславенском (?) написали – «строптив» [1: 7]. О наличии проблем с соблюдением закона можно узнать из пункта № 5, где претензий не было к 48 священноцерковнослужителям, а судимы были 11 человек и еще 3 находились под штрафом.

О достаточно ответственной и в целом не вызывающей нареканий службе говорится и в рапорте благочинного священника Александра Миловидова, который всю первую половину 1844 г. обозревал находившиеся под его непосредственным присмотром церкви и затем 17 июля 1844 г. докладывал Иеремии, что «храмы святые находятся точно в таком положении, в каких значится в прилагаемой при сем краткой ведомости. 2. Священно-церковнослужители ведут себя прилично своему званию… 3. Записи приходные и расходные ведутся своевременно и исправно, суммы хранятся в целости. 4. Метрические записи ведутся хотя исправно, но на частных тетрадях, по неимению шнуровых листов. Расколов новых не возникало» [1: 10].

Упомянутая ведомость состояла из трех столбцов: 1. Наименование церквей. 2. Кто именно при этих церквях священноцерковнослужители. 3. Кто какого поведения и в должности исправен ли? [1: 11–12 об.].

Всего А. Миловидов осмотрел 11 церквей. В качестве примера можно привести «города Пятигорска церковь Скорбящия Божия матери», которая была «зданием деревянная прочная, но маловместительная, утварью доста-

точна». Здесь несли свою службу «протоиерей Павел Александровский, священник Василий Ерастов, диакон Иоанн Здравомыслов, причетники Николай Остроумов, Герасим Агарев, Михаил Донецкий, Егор Парадиев». Все они удостоились оценки «поведения хорошего и в должности исправны. Успевают и ведут себя хорошо».

Или же «селения Маслова Кута Николаевская церковь, деревянная, очень вместительная, но внутри темна, прочна и утварью достаточна». Служили здесь священники Петр Ржаксунский (в других документах он указан как Ржаксинский. – *Авт.*) и Андрей Воинов, которые были охарактеризованы как лица «поведения хорошего и исправны», диакон Михаил Данилов поведения «оч[ень]хорошего и справен, успевает порядочно, а причетники Николай Кифин, Федор Страгин, Тимофей Феодоров, Платон Федотов «хороши и исправны». Эти характеристики тем более примечательны, что на священника П. Ржаксинского жаловался местный помещик Герасим Степанович Калантаров за то, что тот всячески поддерживал свою паству и защищал их от произвола крепостника [5: 420–427].

Вызывают интерес и обстоятельства появления в местных церквях священников, и причины, почему они хотели обрести или сменить место службы. Здесь также нет некой универсальной схемы рекрутирования кадров, и, вероятнее всего, ряды местного священства пополнялись из разных источников. Один из таких случаев связан с обстоятельствами перехода из числа армейских священников в Кавказскую епархию некоего Бориса Акимова, который в начале 1846 г. был направлен в село Константиновку для продолжения церковной службы при Иоанно-Богословской церкви. В императорском указе на имя епископа Кавказского и Черноморского говорилось, что Святейший Синод заслушал «доношение присутствующего в оном обер-священника Армий и Флотов, протоиерея Василия Кутпевича коим донося о полученном им от обер-священников отдельного Кавказского корпуса, протоиерея Лаврентия Михайловского прошению священника Ставропольского полка станицы Надежинской Бориса Акимова об увольнении его от настоящего места в Кавказскую епархию для получения там себе священнического места и безбедному пропитанию семейства своего и содержанию своих детей представляет не благоугодно ли будет священника Акимова согласно его прошению уволить в Кавказскую епархию, предоставив корпусному священнику избрать на место сего Акимова в станицу Ставропольского полка другого благонадежного священника…» [3: 4–4 об.]. Здесь в качестве побудительного мотива названа необходимость содержания детей, на которых по прежнему месту службы у их родителя попросту не хватало средств.

Эта сторона жизни православного духовенства заслуживает отдельного исследования. Значительная часть пастырей вела весьма скромную жизнь и, как и их паства, вынуждена была изыскивать возможность содержать свои семьи. Их образ жизни позволял хорошо понимать людей, которые нуждались в окормлении и видели в священнике человека, к которому можно было прийти со своими горестями и радостями, спросить совета и выслушать наставление. И проявленная забота возвращалась любовью и уважением, пусть и не всегда заметными в скупых строках официальной переписки.

Источники и литература

1. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 135. Оп. 2. Д. 60.
2. ГАСК. Ф. 135. Оп. 2. Д. 165.
3. ГАСК. Ф. 135. Оп. 3. Д. 943.
4. Исторический обзор Терека, Ставрополья и Кубани. М., 2008.
5. *Клычников Ю.Ю., Рябиков А.Н.* «В наущении его крестьян к отысканию свободы…»: участие священнослужителей в протестном движении на Северном Кавказе в первой половине XIX в. на примере с. Маслов Кут // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: материалы X Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 12–13 октября 2023 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. Ростов-на-Дону, 2023. С. 420–427.

А.Х. Курмансеитова

Прошение караногайцев «идти сухим путем» на богомолье в Мекку в 1860 году

В 50-х – начале 60-х гг. XIX в. в Российском государстве началась массовая миграция мусульман Северного Кавказа в Османскую империю. Краткие сведения о выезде ногайцев сообщила В.П. Невская [6: 83–91]. Х.О. Лайпанов зафиксировал некоторые данные о ногайцах, покинувших Россию [5: 111–131]. Б.-А.Б. Кочекаев исследовал малоизвестные аспекты из истории переселения ногайцев Северного Кавказа в султанскую Турцию [4: 130–133]. Д.С. Кидирниязов изучил трагическую судьбу степных ногайцев, переселявшихся к туркам на протяжении нескольких лет [3: 190–193]. А.Т. Джумагулова-Менажиева написала об истоках, причинах и обстоятельствах переселения ногайских мухаджиров в Турцию [2: 121–128].

По данным Б.-А.Б. Кочекаева за 1858–1866 гг. в Турцию переселилось с Кавказа 493 194 чел., в их числе 70000 ногайцев [4: 130]. В «Актах, собранных Кавказской археографической комиссией» напечатаны документы о караногайцах Северного Кавказа, желавших выехать на богомолье в Мекку: «Рапорт и. д. Ставропольского гражданского губернатора с. с. Брянчанинова к князю Барятинскому, от 29 октября 1859 г.» [1: 474], «Письмо с. с. Брянчанинова к начальнику Главного Управления Кавказского, ст.-скр. Крузенштерну, от 30 октября 1859 г.» [1: 476], «Отношение начальника Главного Управления Кавказского, ст.-скр. Крузенштерна к с. с. Брянчанинову, от 23-го ноября 1859 г.» [1: 477], «Письмо Кизлярских: уездного предводителя Нарушана Серебрякова и городского головы Каспара Мамаджанова к с. с. Брянчанинову» [1: 476], «Отзыв главнокомандующего Кавказской армией господину министру иностранных дел, от 19 ноября 1859 г.» [1: 51] и др.

Официально российские мусульмане заявляли, что они выезжали на поклонение гробу пророка Мухаммада в Мекку, но фактически направлялись к единоверцам. Турецкое правительство не хотело терять Северный Кавказ и желало господствовать в акватории Черного моря. Эмиссары султана вели активную антирусскую пропаганду, настраивали северокав-

казских мусульман против Российской империи. Они распускали слухи и запугивали местных жителей, что якобы их сыновей заберут на службу в царскую армию, а их самих переселят во вредные и болотистые места, а затем будет проведена массовая христианизация мусульман с последующей русификацией [6: 87].

Ногайские феодалы стремились выехать за пределы России до проведения крестьянской реформы 1861 г., чтобы не лишиться подвластных им крестьян. Кроме того, расселение ногайцев царским правительством в засушливых и полупустынных территориях Ставропольской губернии, а также безземелье стали причинами их выезда к туркам. Агенты, засланные турецким правительством, внушали мусульманам, что Россия при заключении мира с иностранными державами будто бы обязалось предоставить магометанам право переселения в Турцию [1: 470–471].

19 ноября 1959 г. в секретном «Отзыве главнокомандующего Кавказской армией господину министру иностранных дел» сообщалось: «Абазины и прикубанские ногайцы первые явились в большем числе просить об увольнении в Турцию, под предлогом странствований в Мекку, а на самом деле с намерением навсегда переселиться с Кавказа» [1: 51]. Собираясь в путь, они продавали свое имущество часто за бесценок. За кубанскими ногайцами к губернатору обратились с прошениями на выезд на богомолье в Мекку бештаво-кумские и калаусо-саблинские ногайцы. Как и кубанские ногайцы, они почти беспрепятственно получали разрешение на выезд в Мекку. Когда сведения о массовом выезде ногайцев Северо-Западного Кавказа на богомолье в Мекку стали известны караногайцам, они также решили идти на поклонение к гробу пророка Мухаммада, но эта новость вызвала большую тревогу в Кизлярском уезде.

29 октября 1859 г. в «Рапорте и. д. Ставропольского гражданского губернатора с. с. Брянчанинова к князю Барятинскому» сообщалось о просьбе караногайцев, кочевавших в восточной части Ставропольской губернии, выехать в Мекку. Караногайцы намеревались весной 1860 г. «идти туда сухим путем» через Закавказский край, а также просили освободить их от «платежа» повинностей за 1860 г. [1: 474]. Ставропольский гражданский губернатор статский советник П.А. Брянчанинов писал о том, что в случае его отказа караногайцы собирались направить своих депутатов непосредственно к князю А.И. Барятинскому, предполагая «существование между Государем Императором и Турецким султаном договора, по которому, будто бы, все магометане имеют быть выпущены из России в Турцию», почему они и спешили к «верховному главе магометанства» [1: 474]. В то же время Брянчанинов при личной беседе с караногайцами выяснил, что у многих из них не было «твердого желания» оставлять Россию, а некоторые не хотели покидать родные края. Губернатор объяснил депутатам, что «данное магометанам дозволение идти по их желанию в Мекку – нисколько для них необязательно», поэтому им гораздо лучше оставаться на местах при известных уже данных, чем искать неизвестное в Турции [1: 474]. П.А. Брянчанинов писал А.И. Барятинскому: »...решительно объявленная воля вашего сиятельства о запрещении им выхода в Мекку будет принята ими за неизменный закон, соответствующий тайному желанию большинства» [1: 474].

Брянчанинов считал, что нельзя давать разрешение караногайцам «со скотом целыми кочевьями» идти «сухим путем» через Закавказский край в Мекку [1: 474]. Во-первых, подобное переселение «запрудило бы Военно-Грузинскую дорогу», возникли бы большие затруднения в обеспечении кормами перегоняемого ими в большом количестве крупного рогатого скота и табунов лошадей, невозможно было полностью обеспечить продуктами питания и самих переселенцев. Во-вторых, бесплатный отвод кладбищ для скота в случае их падежа был бы весьма обременителен и не выгоден для местного населения, а оплата за подножный корм, «потравы хлеба и накошенного сена» стали бы тягостными для караногайцев [1: 474]. Кроме того, караногайцы с таким большим количеством скота вряд ли могли уйти далеко от российской границы. В случае, если бы караногайцы остались на территории Турции, их могли расселить в пограничной зоне с Россией, но это соседство, кроме вреда, никакой пользы не принесло бы [1: 474].

По мнению Брянчанинова, снять с караногайцев повинности за 1860 г. было невозможно, во-первых, «по дефициту до 40 тыс. руб., который это сложение должен произойти в расчетах Интендантства Кавказской Армии» и, во-вторых, караногайцы обязаны «контрактом на будущий год по поставке в магазины Левого фронта провианта» [1: 475]. Кроме того, в случае ухода караногайцев в Турцию «перевязочные средства края уменьшились бы более чем на половину», в связи с этим «должна пропорционально увеличиться и самая подрядная сумма на провиант» [1: 475]. Указанные выше факты привели бы к повышению цен «всех казенных и частных заготовлений, идущих в Кавказский край от Царицына, Астрахани и пристаней Серебряковской и Шандруковской, а внутренняя торговля в восточной части губернии, доставка в пристань «местных произведений, идущих во внутреннюю Россию», столкнулась бы с большими затруднениями [1: 475]. Губернатор считал, что «Караногайцев, Ачикулак-Джембойлуков и Трухмян» полезно удержать. При этом он предполагал, что у караногайцев при разграничении территорий Ставропольской и Астраханской губерний жизнь могла улучшиться за счет наделения «землей калмыцких степей для местных кочевок» [1: 475].

Поэтому Брянчанинов отклонил просьбу караногайцев Кизлярского уезда Ставропольской губернии «идти сухим путем» через Военно-Грузинскую дорогу в Турцию. В рапорте А.И. Барятинскому он писал: »...я признал необходимым командировать в Тифлис главного пристава магометанских народов, подполковника Иванова, поручив ему представить вашей светлости явившихся ко мне Караногай-Едишкульских депутатов и лично изложить доклады по всем могущим встретиться по сему предметам вопросам» [1: 475].

К «Письму с. с. Брянчанинова к начальнику Главного управления наместника Кавказского, ст.-скр. Крузенштерну» было приложено еще и «Письмо Кизлярских: уездного предводителя Нарушана Серебрякова и городского головы Каспара Мамаджанова к с. с. Брянчанинову» [1: 476]. В документе дан анализ вклада караногайцев в экономику Кавказского края и высказаны предостережения, что с их уходом на богомолье в Мекку экономика Кизлярского уезда окажется в глубоком кризисе. Предводитель Кизлярского уезда Серебряков и городской голова Мамаджанов просили Брянчанинова не отпускать караногайцев за границу и всячески создавать им

препятствия в том. Они предостерегали, что в случае отъезда караногайцев их земли останутся совершенно незаселенными из-за непригодности для занятия хлебопашеством, и в результате эта территория постепенно превратится в пустыню. Авторы письма сообщали: «Ногайцы Ставропольской губернии – необходимое звено в цепи народного благосостояния. От самого Пятигорского уезда до Кизляра с его уездом включительно вся почти сухопутная казенная и частная перевозка тяжестей на всем этом пространстве и вся черная работа выполнялась караногайцами» [1: 476]. Кизлярские ногайцы, кроме казенной повинности, ежегодно предоставляли 10 тыс. подвод, они также поставляли «до 40 тысяч ароб в год подрядных для подъема и перевозки казенного провианта во все магазины Левого Крыла Кавказской Линии, до 10 тысяч – для доставки соли в три казачьи полка Моздокский, Гребенский и Кизлярский и «в казенные магазины, до 40 тысяч – для перевозки по найму частных лиц от Кизляра к Шандруковской пристани и обратно и до 5 тысяч – для перевозки товара из Кизляра в Астрахань» [1: 476].

В письме сообщалось, что ногайцы выполняли работы по береговым укреплениям по всему берегу р. Терека и по правому берегу р. Таловка, как казенные, так и для жителей кизлярских и частных владельцев [1: 476]. До 300 тыс. ногайцев в течение года занимались шелководством и обрабатывали кизлярские сады. В Кизлярском уезде до 200 тыс. ногайцев убирали хлеба, собирали марену и виноград, заготавливали сено и др. [1: 476]. Караногайцы имели многочисленные табуны лошадей, а также занимались разведением крупного и мелкого рогатого скота. В руках у ногайцев было сосредоточено все скотоводство края, начиная, от Моздока до Кизляра, так как эта отрасль являлась их основной хозяйственной деятельностью [1: 476]. С уходом ногайцев в Кизлярском уезде неизбежно возникли бы проблемы дефицита рабочих рук. Н. Серебряков и К. Мамаджанов сделали неутешительный вывод: »... если ногайцы переселятся с настоящего места жительства», то их «решительно не кем заменить» [1: 476]. Они беспокоились о том, что на выполнение хозяйственных работ Кизлярского уезда были необходимы трудовые резервы. Найти таких «опытных и неутомимых» тружеников, как ногайцы, было невозможно [1: 476]. Уход караногайцев в Турцию привел бы экономику Кавказского края к кризису. Целые отрасли могли остаться без обработки и постепенно пришли бы в упадок, а затем исчезли [1: 476].

Прибывшие в Тифлис поверенные от «Трухмянского, Караногайского и Едишкульского магометанских народов» передали через статс-секретаря Крузенштерна наместнику Кавказскому, князю Барятинскому просьбу о дозволении отправиться в Мекку на богомолье, «идти туда сухим путем», а также освободить «от износа» податей за будущий 1860 г. Наместник Кавказа изучил документы, поступившие от Брянчанинова, а также от Серебрякова и Мамаджанова, и постановил: «Объявить означенным Караногайцам, Едишкульцам и Трухмянам, что о просьбе их относительно следования в Мекку целыми кочевьями и сухим путем будет представлено на благоусмотрение Государя Императора» [1: 477]. До решения этого вопроса «Караногайцы с Едишкулами и Трухмянами» могли выезжать в Мекку по разрешению на общем основании, по правилам, «преподанным в руководстве» местному начальству, но не более сорока семей в виде путешественников

[1: 477]. Статс-секретарь Крузенштерн поставил в известность главного пристава магометанских народов подполковника Иванова о необходимости объявить об этом прибывшим в Тифлис депутатам [1: 477].

Таким образом, караногайцам было отказано «идти сухим путем» по Военно-Грузинской дороге» всем кочевьем на поклонение к святыням ислама, а совершить путешествие в Мекку они могли только на основании общих правил для всех выезжающих мусульман за пределы Российской империи.

Источники и литература

1. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией. Т. XII. 1856–1862 гг. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта, генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. Тифлис, 1904.

2. *Джумагулова-Менажиева А.Т.* Ногайские мухаджиры (истоки, причины и обстоятельства переселения) // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Черкесск, 2016. С. 121–128.

3. *Кидирниязов Д.С.* Взаимоотношения ногайцев с народами Северо-Восточного Кавказа в XVI – начале XX в. Махачкала, 2008.

4. *Кочекаев Б.-А.Б.* Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX – начале XX века. Алма-Ата; [Черкесск], 1973.

5. *Лайпанов Х.О.* К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию // Труды Карачаево-Черкесского НИИ истории, языка и литературы. Вып. V. (Серия историческая). Ставрополь, 1966. С. 111–131.

6. *Невская В.П.* Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. Черкесск, 1956.

Д.В. Базиль

Развитие церковного самоуправления в Ставропольской епархии в 1906–1907 гг.

Революция 1905 г. ускорила обсуждение вопросов, которые до этого поднимались преимущественно в церковной публицистике и на собраниях духовенства. Ослабление прежних административных ограничений, распространение требований выборности и гласности, созыв Государственной думы и подготовка церковных преобразований отразились и на жизни православного прихода. В духовной среде все чаще обсуждалось положение мирян, которые участвовали в содержании храмов и церковных школ, вносили пожертвования, но почти не привлекались к постоянному ведению приходских дел. В Ставропольской епархии этот вопрос был связан также с недоверием части прихожан к порядку расходования церковных средств и с разобщенностью между причтом и местным населением. Ответом стало учреждение приходских собраний, советов и попечительств. Эти органы не заменяли власть настоятеля и епископа, но вводили выборное представительство мирян, распределение обязанностей, учет поступлений и расходов, а также отчетность перед приходом. В 1906–1907 гг. подобные учреждения начали действовать при городских и станичных церквях епархии.

Введение приходских собраний и постоянно действующих советов в Ставропольской епархии началось в 1906 г. Основанием для этой работы стало определение Святейшего Синода от 18 ноября 1905 г. под номером 900. В епархиальной публицистике причиной преобразований называлась разобщенность причта и прихожан, при которой духовенство самостоятельно решало хозяйственные и просветительские вопросы, а миряне оставались в стороне от приходских дел. Предлагалась двухступенчатая организация, где общее собрание совершеннолетних прихожан всех сословий и званий избирало из своей среды постоянно действующий совет под председательством пастыря. К его задачам относили нужды храма, религиозно-нравственное просвещение, благотворительность и содействие причту. Новый порядок рекомендовалось вводить постепенно. Сначала было необходимо объединить вокруг священника известных ему прихожан, которые уже участвовали в церковных делах, а затем сформировать из них совет и после этого созывать общее собрание [11: 208]. При этом совет не получал самостоятельности от церковной власти. Новым было выборное участие мирян, распределение обязанностей и отчетность перед приходом.

Первое подробно описанное собрание состоялось 22 января 1906 г. в Ставропольском кафедральном соборе. Причт предварительно ознакомил прихожан с определением Синода посредством пастырских бесед и объявлений на богослужениях. К трем часам дня в собор пришло более 300 взрослых мужчин-прихожан. Отдельно в храме находились женщины, подростки и дети. После вечерни настоятель огласил положения, касавшиеся приходских собраний, и провел беседу о прежнем порядке участия мирян в церковных делах. Затем собрание приступило к открытой подаче голосов. Фамилии кандидатов назывались присутствовавшими прихожанами, а получивший большинство голосов признавался избранным и вносился в список. В совет на три года вошли 12 доверенных лиц и вместе с ними его составляли церковный староста и причт, при этом председательство сохранялось за настоятелем [6: 209]. Выборы прошли без возражений против кандидатов и нарушения порядка.

В составленном акте были определены направления работы совета. На совет ложилась забота о благополучии храма и богослужении, развитие грамотности и религиозно-нравственного просвещения, помощь нуждающимся. Совет получал право собирать и расходовать добровольные пожертвования, однако был обязан представлять отчет общему приходскому собранию. Его предписывалось созывать по мере необходимости, но не реже двух раз в год, к Пасхе и Рождеству Христову. Из состава совета избирался казначей, который вел приходо-расходную книгу. Наличные деньги должны были храниться в Ставропольской сберегательной кассе по вкладу, открытому на имя совета. Акт, подписанный избирателями, направлялся на рассмотрение епископу [6: 209]. Выборность сочеталась с контролем прихожан и сохранением руководящего положения причта.

Параллельно действовали церковно-приходские попечительства. Они не были тождественны советам, но уже выработали практику совместного участия духовенства и мирян в местных делах. При Екатерининской церкви Екатеринодара попечительство было образовано 22 декабря 1905 г. При-

ход разделили на кварталы и за каждым закрепили попечителя, который был обязан выявлять нуждавшиеся семьи. Нуждающимся предусматривались денежные выплаты, одежда, жилье, лекарства, медицинская помощь и помощь в поиске работы. Пособия не выдавались трудоспособным лицам, уклонявшимся от труда и ведшим нетрезвую жизнь. Квартальными попечителями избрали 11 прихожан, в правление избрали четырех человек, а причт и церковный староста Н.М. Бородин вошли в его состав как непременные члены, председательствовал один из священников [5: 335]. К февралю 1906 г. попечительство насчитывало 50 членов. За время работы попечительство собрало 285 руб. 20 коп. и выдало 79 руб. 75 коп. пособий. Общие собрания проводились по вторникам, где разбиралось положение просителей и определялась форма помощи [5: 340].

Более масштабная программа приходского переустройства обсуждалась на съезде депутатов духовенства Ставропольской епархии в апреле–мае 1906 г. На съезде приход был назван первичным элементом церковного строя. Депутаты предложили организовать его как юридическую самоуправляющуюся единицу во главе с выборным пастырем. Приходскому собранию предполагалось предоставить участие в избрании клира, право самообложения на местные нужды, заведование церковными суммами, приобретение имущества, открытие школ и благотворительных заведений, наблюдение за церковным благочинием и поведением членов общины. На приход возлагалось содержание избранного клира, если эту обязанность не принимало государственное казначейство. Совет должен был состоять из членов клира и выборных представителей прихожан и действовать как исполнительный орган собрания. Для объединения местных органов предлагалось ежегодно созывать благочиннические и общеепархиальные съезды с участием духовенства, низших клириков и мирян. Решения общеепархиального съезда передавались епископу и при его несогласии вопрос подлежал повторному рассмотрению [3: 145–150]. В резолюции от 17 мая 1906 г. епископ Агафодор указал, что реформа церковного управления, суда и прихода должна быть рассмотрена Всероссийским церковным собором [3: 150]. Поэтому советы 1906–1907 гг. не получили всех заявленных компетенций и действовали под руководством настоятеля и архиерея.

Осенью 1906 г. собрание прихожан Рождество-Богородицкой церкви станицы Выселки постановило открыть совет на основаниях, указанных Синодом, а епископ Агафодор благословил открытие [4: 1114]. В 1907 г. началась деятельность советов при церквях станиц Новомарьевской [10: 295], Елисаветинской [8: 369] и Надежной [9: 629], а также села Донской Балки [7: 998]. В станице Елисаветинской совет приступил к работе 24 февраля, в Надежной – 16 мая, в Донской Балке – 9 сентября.

Отсутствие общего устава вызывало сомнения в жизнеспособности советов. Священник Г. Акимов в 1907 г. возражал против мнения, что недостаточная регламентация неизбежно внесет в приход интриги и смуту. Он сопоставлял советы с церковно-приходскими попечительствами, задачи которых были близкими, но более узкими. В описанном им приходе крестьяне сначала отказались подписывать акт об открытии попечительства, опасаясь обязательных взносов и передачи денежных дел в руки священника.

После многократных бесед 14 сентября 1903 г. согласие было получено, а 7 декабря избран совет попечительства. В него вошли священник-председатель, бывший церковный староста, действующий староста и волостной старшина. Работу построили на добровольности и гласном учете. В первый год деньгами, хлебом и вещами поступило 578 руб. 73 коп., израсходовано 546 руб. 81 коп. Средства пошли на украшение храма, содержание дома для двух престарелых женщин и помощь бедным. В 1905 г. поступило 787 руб. 58 коп., из которых 703 ру. 52 копейки направили на храм [1: 453]. Г. Акимов связывал успех с открытостью причта и отказом от принудительных сборов.

В станице Варениковской до учреждения приходского совета ремонт храма, содержание церковных зданий, устройство хора и сбор пожертвований находились преимущественно в руках причта, что сопровождалось недоверием части прихожан. После разъяснения синодального определения в церкви и на станичном сборе 12 марта 1906 г. было созвано общеприходское собрание. В совет избрали семь урядников, трех казаков и двух мещан, среди них находились станичный атаман, два лица, участвовавшие в проверке церковных сумм и два представителя невойскового населения. К его ведению отнесли храм, богослужение, хор, церковные дома, школы, кладбище, просвещение, помощь бедным, противодействие пьянству, воровству, сквернословию, сектантству и вольнодумству [2: 834].

Первое заседание состоялось 30 марта 1906 г. Казначеем избрали одного из казаков, а делопроизводителем местного псаломщика. Началом работы стала раздача пожертвований совета приходским беднякам к Пасхе. 2 мая епископ Агафодор благословил новое учреждение. За 1906 г. совет провел восемь заседаний и принял 17 постановлений. К храмовому празднику четыре члена совета руководили сбором продуктов и денег, закупкой припасов и устройством общественного обеда. После завершения они представили отчет, а остаток денег был передан на общеприходские нужды. Ранее распорядители не отчитывались, часть собранного уносилась по домам, а храмовый день завершался попойкой. Совет заменил прежнего регента местным урядником, служившим солистом войскового хора, и назначил ему 140 руб. жалованья в год. Станичный сбор согласился ежегодно выделять 120 руб., а остальное покрывалось церковными суммами [2: 838].

Одноклассную церковно-приходскую школу совет принял под ближайшее попечение. Казначею поручили вести школьные приходо-расходные книги, а из членов совета избрали попечителя школы. Четыре человека получили поручение расширить и отремонтировать здание. Одновременно началась подготовка к строительству новой школы с двумя классными комнатами, отдельной читальней и квартирой для преподавателей. Был создан строительный комитет, который нанял архитектора, для создания проекта. На церковные средства заготовили около 40 000 кирпичей и несколько кубов камня. Станичное общество согласилось выделить 1500 руб., причем Н. Виноградов связывал это решение с поддержкой выборных членов совета [2: 838].

С 1 октября 1906 г. при школе действовала народная библиотека-читальня. Она открывалась по воскресным и праздничным дням с 11 до 15 часов. Заведование поручили грамотному церковному сторожу с жалованьем 30 руб. в год. За три месяца библиотекой воспользовались 86 чел.,

которым выдали 398 книг. 27 декабря совет открыл Свято-Николаевское общество трезвости, в которое записались 30 чел., но двоих позднее исключили за нарушение правил. Развитию общества мешал обязательный для епархии устав 1890 г., предусматривавший членские взносы, денежные штрафы и еженедельные собрания. Попытка использовать измененный устав Санкт-Петербургского Александро-Невского общества трезвости разрешения не получила [2: 839]. К Пасхе и Рождеству 12 бедным было выдано 60 руб. За год в распоряжение совета поступило 165 руб. 26 коп., израсходовано 99 руб. 42 коп., остаток составил 65 руб. 84 коп. [2: 841].

В первой половине 1907 г. в станице Варениковской состоялось одно общеприходское собрание и четыре заседания совета, на которых приняли восемь постановлений. Собрание заслушало отчет за предыдущий год и избрало трех почетных стариков для поддержания порядка во время богослужений и крестных ходов. Совет организовал комитет по ремонту храма, нанял кладбищенского сторожа, назначил 30 руб. преподавателю Закона Божия в школе для иногородних и выдал 11 нуждавшимся 25 руб. Под его попечение были приняты слепая душевнобольная девушка и ее парализованная мать, которых родственники и гражданские учреждения отказывались содержать. Совет решил приобрести для них дом, нанять пожилую женщину, ранее служившую сестрой милосердия и повивальной бабкой, и собрать средства по подписке [2: 845]. Н. Виноградов предлагал создать женское братство для помощи больным и нуждавшимся, поддержания чистоты храма и порядка за богослужением. Другим проектом было братство ревнителей православия для противодействия пропаганде штундобаптистов [2: 845].

В 1906–1907 гг. церковное самоуправление в Ставропольской епархии развивалось как выборное участие духовенства и мирян в текущих делах прихода. Общее собрание избирало представителей и заслушивало отчет, совет ведал пожертвованиями, школой, библиотекой, благотворительностью и хозяйственными вопросами. Передачи приходу самостоятельной власти не произошло, потому что епископ сохранял надзор, а настоятель председательствовал и направлял работу прихода. Наиболее действенными оказались советы, получившие поддержку причта, выборных прихожан и местного общественного управления. За два года совет прошел путь от предписанной Синодом формы до действующего местного органа, решавшего ограниченный, но конкретный круг приходских задач.

Источники и литература

1. *Акимов Г.,* свящ. К вопросу о приходских советах // Ставропольские епархиальные ведомости. 1907. № 8. С. 447–453.

2. *Виноградов Н.,* свящ. Открытие и начало деятельности церковно-приходского совета в приходе станицы Варениковской Кубанской области // Ставропольские епархиальные ведомости. 1907. № 15. С. 834–846.

3. Журналы съезда депутатов от духовенства Ставропольской епархии, бывшего в апреле и мае 1906 г. Журнал № 79. По вопросу о реформе церковного управления, суда и устроении прихода // Приложение к Ставропольским епархиальным ведомостям. 1906. С. 145–150.

4. Об открытии приходского совета // Ставропольские епархиальные ведомости. 1906. № 21. С. 1114.

5. Образование церковно-приходского попечительства в Екатерининском приходе г. Екатеринодара // Ставропольские епархиальные ведомости. 1906. № 6. С. 335–340.
6. Опыт сформирования приходского собрания // Ставропольские епархиальные ведомости. 1906. № 4. С. 208–210.
7. Открытие действий церковно-приходского совета при церкви села Донской Балки // Ставропольские епархиальные ведомости. 1907. № 19. С. 998.
8. Открытие действий церковно-приходского совета при церкви станицы Елисаветинской // Ставропольские епархиальные ведомости. 1907. № 7. С. 369.
9. Открытие действий церковно-приходского совета при Михаило-Архангельской церкви станицы Надежной // Ставропольские епархиальные ведомости. 1907. № 11. С. 629.
10. Открытие действий церковно-приходского совета при церкви станицы Новомарьевской // Ставропольские епархиальные ведомости. 1907. № 5. С. 295.
11. Пастырство и общественная жизнь // Ставропольские епархиальные ведомости. 1906. № 4. С. 201–208.

Т.А. Дворцова

Формирование традиций празднования 8 марта в 1920-е гг. (на материалах Терского округа)

1920-е гг. – время активного вовлечения женского населения в политическую и культурную жизнь страны. Главная проблема состояла в отсутствии политических прав у женщин и условиях семейно-брачных отношений. В первых законодательных актах советское правительство сделало решительные шаги к улучшению положения женщин. Так, декрет «Об образовании рабочего и крестьянского правительства» узаконил равноправие мужчин и женщин, поручив заведывание отдельными отраслями государственной жизни не только рабочим, матросам, солдатам, крестьянам и служащим, но и работницам [2]. Декрет «О восьмичасовом рабочем дне» запрещал использовать женский труд в ночное время, в подземных работах и сверхурочно [5]. Согласно декрету «О правилах приема в высшие учебные заведения», «все учебные заведения Республики, на основании декрета о совместном обучении от 27 мая 1918 г. открыты для всех, без различия пола» [4]. Декрет «О заработной плате» устанавливал равную наименьшую заработную плату мужчины и женщины [3]. Конституция РСФСР 1918 г. дала женщинам право избирать и быть избранным [7]. Актуальные проблемы горячо обсуждались в средствах массовой информации. Так, в журнале «Коммунистка» К.И. Николаева [13] и С.Н. Смидович [14] публиковали статьи о положении советской женщины в обществе и семье. Из современных исследователей можно выделить Н.О. Ленивихину, которая рассмотрела Международный женский день в контексте женского движения на страницах журнала «Известия ВГПУ» [12]. Вопросами женской истории занимаются А. Темкина и А. Роткирх [15].

Улучшение положения женщины стало возможным не только на законодательном уровне, но и в культурной, бытовой сфере, где она стала все чаще играть заметную роль. В средствах массовой информации и в политических

докладах все чаще звучат лозунги «Долой кухонное рабство!», «Женщина – учись грамоте!», «Лучшие работницы и крестьянки – в ленинскую партию!». В обиход вошло понятие «новый быт», предусматривающее освобождение женщины «от домашнего рабства». С этой целью был введен обобществленный домашний труд. Создавались общественные столовые, ясли и детские площадки, общественные прачечные. В крупных городах строились коммунальные дома с общими кухнями и комнатами для детей. Предполагалось, что семья как частная ячейка станет коллективной формой жизни.

В 1918 г. А.М. Коллонтай было предложено создание комиссий по агитации и пропаганде среди работниц при партийных комитетах РКП(б) на местах и комиссариатах в центре, как предвестниц женских отделов. Предполагалось, что комиссии будут сотрудничать с партийными комитетами и с отраслевыми наркоматами, тем самым, помогая налаживать коммуникацию с женским населением страны. В итоге комиссии просуществовали около года, и уже в 1919 г. на их базе при Центральном комитете РКП(б) создан женский отдел (женотдел). Первой его председательницей стала Инесса Арманд. Идеологами женского движении стали Александра Коллонтай, Надежда Крупская, Инесса Арманд, Людмила Сталь. Женотделы занимались агитацией, просвещением, вовлечением женщин в советское строительство. По инициативе женотделов появлялись школы политической грамотности для работниц и крестьянок. Делегатки временно работали в госучреждениях, получая соответствующий опыт. Существовали квоты и целевые наборы для поступления женщин в вузы и их выдвижении на руководящие посты.

В своей речи В.И. Ленин на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 г. отметил: «Для полного освобождения женщины и для действительного равенства ее с мужчиной нужно, чтобы было общественное хозяйство и чтобы женщина участвовала в общем производительном труде.» [6]. Женщина становится активной участницей строительства коммунистического общества в Советском государстве.

Среди работниц и крестьянок проводилась планомерная работа по вовлечению их в политическую и трудовую жизнь. Так, в Ново-Пятигорской ячейке работали кружки рукоделия, политграмоты, по самообразованию, драматический и хоровой кружки, женщины участвовали в устройстве спектаклей. Издавалась стенгазета «Хлеборобка» [1: 5]. Согласно плану работы отдела работниц Терского окружного комитета ВКП(б) на январь-март 1926 г. необходимо было усилить работу по выдвижению крестьянок и казачек на ответственную работу, использовав перевыборную компанию Советов и кооперации [1: 19]. Передовые идеи продвигали не только путем местной агитации, но и через средства массовой информации, выписывая журналы «Коммунистка», «Труженица», «Крестьянка» и «Работница».

8 Марта стал особо значимым праздником в молодой советской республике. Международный день работниц и крестьянок носил политический характер. Как правило, за месяц проходила тщательная подготовка к целому ряду мероприятий. В 1926 г. в Терском округе планировалось масштабно отметить событие, так как оно было объединено с празднованием 5-летия работы среди женщин, поэтому мероприятия проводились с 28 февраля по 8 Марта. Кампания проходила под лозунгом XIV съезда ВКП(б) – «прибли-

жение широких рабочих, крестьянских, казачьих и горских женских масс в партии» [1: 123]. При райкомах ВКП(б) в качестве организаторов выступали заведующие отделами агитации и пропаганды, здравоохранения и женскими отделами, представители Российского ленинского коммунистического союза молодежи (далее – РЛКСМ), исполкома, профсоюзов, крестьянских комитетов общественной взаимопомощи (далее – КОВ), кооперации, политпросвета.

На очередных собраниях партийных ячеек РЛКСМ, профсоюзов, пионеров и массовых собраний граждан и женщин слушали доклады о значении Международного дня работниц и об итогах работы женотдела. К кампании 8 Марта объявляли неделю охраны мать и младенца, которая выражалась в обследовании соответствующих учреждений для привлечения к ним всеобщего внимания и улучшения их положения. Безработным, многосемейным и одиночкам-женщинам в день 8 марта профсоюзы оказывали материальную помощь. Для повышения квалификации девушек отправляли на промышленные предприятия и сельскохозяйственные школы при совхозах, увеличивая для этого бронь в страховой кассе [1: 143].

На общих собраниях проходило чествование наиболее выдающихся работниц и служащих. Для привлечения внимания широкой аудитории в течении недели на страницах Терека помещали ряд статей, посвященных мероприятиям праздника. К 8 марта выходил специальный выпуск газеты.

К праздничному дню готовили конференции местного значения работниц и крестьянок. Так, в 1926 г. была созвана окружная и районные конференции работниц, батрачек, крестьянок, казачек и горянок. На повестке стояли следующие вопросы:

А. Положение трудящихся женщин в буржуазных странах и СССР и возникновение Международного дня работниц.

Б. Отчетно-перспективный доклад об итогах работы за 5 лет на Тереке.

В. Итоги Всесоюзных совещаний профсоюзов по работе среди женщин.

Г. О посевной кампании

Д. О ясельной кампании [1: 124].

Там же, на конференциях, в торжественной обстановке, проходил прием в партию работниц, крестьянок и горянок. Для закрепления идейной смычки города с деревней проводился широкий взаимный обмен делегациями работниц с крестьянками.

В день 8 Марта по городам и крупным сельским центрам проходили демонстрации с участием не только женщин, но представителей партии, РЛКСМ, профсоюзов и пионеров.

В селах и станицах проводились торжественные заседания членов сельсоветов с делегациями и представителями КОВ, кооперации, на которых обсуждалось значение международного дня работниц крестьянок, достижения в работе общественниц села или станицы. На этих же заседаниях отмечали выпуск женщин из ликбезов, кружков, курсов. Вечером устраивали праздничные спектакли, инсценировки, концерты, кинопоказы, посвященные включению советских женщин в политическую жизнь страны.

В Терском округе в 1926 г. к празднику были запланированы практические мероприятия по населенным пунктам:

в г. Пятигорске – открытие молочной кухни, детских ясель при общежитии военнослужащих (за счет профсоюзов), ночлежки и столовой для беспризорных;

в с. Арзгир – открытие детской площадки;

в с. Архангельское – открытие детских ясель и детской площадки;

в с. Воронцово-Александровске, г. Георгиевске – открытие детских ясель и консультации;

в с. Степное – открытие 2–3 родильные койки;

в ст. Прохладная – открытие детских ясель и вязальной мастерской;

в г. Моздоке – расширение уже существующих ясель в городе и организация детских ясель в селе и ткацкой мастерской;

в с. Наур – открытие детских ясель и чесальной мастерской;

в с. Александрия – открытие детской площадки;

в ст. Суворовка – открытие 2 детских яслей;

в г. Ессентуки – открытие 2 детских площадок, яслей и консультации, к организации последних предполагалось привлечь управление Кавказскими Минеральными Водами;

в г. Кисловодске и г. Минеральные воды – открытие детских ясель и детской площадки;

в г. Горячеводске – открытие детских ясель и детской площадки, чесальной мастерской.

Кроме этого, предполагалось открытие по районам, где еще нет, уголков крестьянки [1: 124 об]. Уголок крестьянки представлял собой специально отведенное и оформленное место в сельском клубе, избе-читальне, народном доме или даже в красном уголке крупного колхоза. Его цель – привлечь крестьянок в общественное пространство, вести среди них просветительскую и агитационную работу.

В 1920-е гг. 8 марта, как женский праздник в Советской стране, отвечал политическим и идеологическим требованиям и был, скорее, кампанией, нежели праздником в прямом смысле этого слова. Складывающаяся традиция празднования Международного женского дня была ярким свидетельством того, как изменились представления о роли женщины. Этот день помогал пересмотреть традиционные взгляды на ее место в обществе и семье, а также активно способствовал повышению самосознания среди женщин, пробуждая в них чувство собственной силы и значимости. Со временем Международный день солидарности трудящихся женщин постепенно потерял политическую окраску и стал праздником всех женщин.

Источники и литература

1. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф. Р-5938. Оп. 1. Д. 5.

2. Декрет Второго Всероссийского съезда Советов об образовании Рабочего и Крестьянского правительства // Электронная библиотека исторических документов URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9609#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения 16.07.2026).

3. Декрет ВЦИК о заработной плате рабочих и служащих // Электронная библиотека исторических документов URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12496-

16-sentyabrya-dekret-vtsik-o-zarabotnoy-plate-rabochih-i-sluzhaschih#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения 16.07.2026).

4. Декрет о правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР // Электронная библиотека исторических документов. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12389-2-avgusta-dekret-o-pravilah-priema-v-vysshie-uchebnye-zavedeniya-rsfsr#mode/inspect/page/4/zoom/4 (дата обращения 16.07.2026).

5. Декрет Совета Народных Комиссаров. О восьмичасовом рабочем дне. Петроград, 29 октября 1917 года // Электронная библиотека исторических документов URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/347917#mode/inspect/page/4/zoom/4 (дата обращения 16.07.2026).

6. О задачах женского рабочего движения в Советской республике // Правда. 1919. 25 сентября. № 213.

7. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10-го июля 1918 г. // Первая Советская Конституция (Конституция РСФСР 1918 года). М., 1938. С. 423–439.

8. *Ленивихина Н.О.* «Женский вопрос» в России: прошлое и современность // Современные гуманитарные проблемы: сборник научных трудов. Вып. 11. Волгоград, 2009. С. 58–65.

9. *Николаева К.И.* О социальном воспитании детей // Коммунистка. 1920. № 5. С. 14–16.

10. *Смидович С.Н.* О новом кодексе законов о браке и семье // Коммунистка. 1926. № 1. С. 19–21.

11. *Темкина А., Роткирх А.* Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социс. 2002. № 11. С. 4–15.

В.З. Акопян, З.В. Акопян

Репертуар кинотеатров города-курорта Пятигорска в 1920-х гг.

В 1920-е гг. город Пятигорск – административный центр Терской губернии (с 1924 г. – округа) – должен был стать примером для всего региона в приобщении граждан к самому массовому виду искусства. Немое кино ежегодно собирало в кинозалы города-курорта почти столько же посетителей, сколько театр, музеи и библиотеки, вместе взятые. Кинематографу отводилась роль не только одного из видов организации культурного досуга, но, прежде всего, важнейшего проводника идеологии партии большевиков. Однако слабость отечественного кинематографа, коммерческие интересы организаций и относительно свободная атмосфера периода новой экономической политики (далее – НЭПа) не могли не привести к утверждению в кинорепертуаре запросов массового зрителя с его индифферентным отношением к идеологии государства диктатуры пролетариата. Кассовые сборы являлись важнейшим маркером зрительских предпочтений.

В досоветский период по количеству кинотеатров Пятигорск оставил позади немало губернских городов России. Начальный период советской власти в Пятигорске и Терской области, продолжавшийся меньше года (весна 1918 – январь 1919 г.), ознаменовался наступлением на собственность и владельцев зрелищных заведений. Весной 1918 г. Пятигорский Совет рабо-

чих и солдатских депутатов национализировал здание Всесословного клуба, театр «Колизей», кинотеатры «Боммер», «Сплендид», «Феномен», «Лира» и др. [2]. Репертуар кинотеатров мало изменился, так как у советской власти еще не было своего «культурного продукта». Ограничения коснулись только тех фильмов, которые содержали сюжеты, связанные с царизмом и религией.

С января 1919 до марта 1920 г. Пятигорск находился под контролем армии генерала А.И. Деникина. В этот период городские кинотеатры продолжали свою работу в качестве частных и сдаваемых в аренду частным лицам. Выбор репертуара кинотеатров оставался за их владельцами [1].

В марте 1920 г. на Тереке вновь установилась советская власть, которая объявила государственными все зрелищные заведения. Образование Терской губернии в 1921 г. с центром Пятигорске совпало с переходом страны к НЭПу. Допущение в определенных пределах частной собственности и свободы торговли привело к восстановлению частной киносети. Из пяти открывшихся в городе кинотеатров под контролем государства оставались только «Колизей» и, возможно, «Боммер». Разрушение монополии кинопроката как универсального средства просвещения и воспитания масс на основе партийной доктрины вызвало поиск такой модели руководства киноделом, которая бы обеспечила приемлемый баланс между идеологией и частным предпринимательством.

Постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР от 19 декабря 1922 г. учреждался Государственный комитет по кинематографии (Госкино), закреплявший монополию этого органа на прокат. Все прокатные организации могли заниматься прокатом при условии заключения договора с Госкино. Госкино установило высокую плату на лицензии за прокат кинофильмов, что для частных арендаторов кинотеатров было невыгодно, поэтому многие из них закрылись. В 1924 г. ведущим государственным киноорганизациям было предложено создать АО, объединив свои капиталы и имущество в рамках Совкино [4: 109–113].

Коммерческие кинотеатры, а также «Колизей», в качестве кинотеатра переданный Пятигорскому коммунхозу [6], демонстрировали в основном зарубежные фильмы: комедии и боевики, произведенные американскими, немецкими и французскими киностудиями. Например, афиши в октябре 1923 г. приглашали на фильмы «Ночь любви», «Кровавая корона», «Дом ненависти», «Немой звонарь», «Ложа черных масок», «Серая тень» [7].

Стремление руководства государственных кинотеатров ограничить показ фильмов с «кровавой» и «амурной» тематикой приводило к тому, что зрители, в основном молодежь, уходили в частные кинотеатры. В 1923 г. в Ставрополе и городах Кавказских Минеральных Вод в частных кинотеатрах проводило свой досуг 48 % горожан, а в государственных – только 7,5 %. В силу этого прибыль первых в пять раз превосходила доходы государственных кинотеатров [5: 169].

Ориентируясь на зрительский спрос, руководство «Колизея», под давлением экономических реалий НЭПа вынужденно допускало на экраны «идеологически вредные» фильмы. Афиши анонсировали боевики и любовные фильмы «Багдадский вор», «Робин Гуд», «Знак Зорро», «Анни Руй» с участием голливудских кинозвезд Д. Фербенкса, М. Пикфорд, П. Дин и др.

Например, «Терек» 15 апреля 1925 г. поместил афиши Совкино, приглашавшие пятигорчан и курортников на фильмы-боевики «Вне закона» и «Сердце гор» (США). Цена билета составляла от 20 до 50 коп. [8].

По мнению руководителей Госкино и других государственных органов, изменить соотношение в пользу пролетарской идеологии можно было с помощью централизации всей кинематографической сети методом «литеровки». Буквой «а» обозначались кинокартины, полностью соответствующие идеологическим и художественным критериям. Буквой «б» – не противоречащие идеологическому содержанию. К литеру «в» относили не только чисто развлекательные, но и даже идейно вредные киноленты [3: 61]. В Пятигорске в 1926 г. преобладали зарубежные фильмы, относившиеся к литерам «б» и «в». В зимний и весенний сезон 1926 г., до официального начала курортного сезона, реклама сообщала о кинофильмах, демонстрировавшихся в «Колизее» под эгидой окружного управления зрелищными предприятиями (ОУЗП) при окружном отделе народного образования: «Грозный час» (США); «Изгибы жизни» (США); «Коллежский регистратор» (1925 г., Межрабпом-Русь); «Оба не виновны» (США); «Жертва биржевой спекуляции» (1923 г., Франция); «Два претендента» (США); «Верные друзья» (Дания); «Ледяной карнавал» (Германия); «Ловкачи» (Хищники)» (Франция); «Два претендента» (США) [9].

Та же история в февральских и мартовских афишах 1926 г.: «Черный жокей» (Германия) и «Нибелунги» (Германия); «Улица любви (Мутный поток)» и «Мандрен» (Франция); «Ради прекрасных глаз» и «Великое вечное» (США); «Из огня да в полымя» (Дания); «Анна из Вермлянда» (Швеция); «Стенька Разин» (Россия, 1908 г.) и др. [9]. Этот далеко не полный перечень картин не нарушал прежнее соотношение в пользу зарубежных фильмов.

Из номера в номер в марте анонсировался фильм «Броненосец «Потемкин» режиссера С. Эйзенштейна. Восторженную рецензию на этот фильм написал А. Славянский. Она завершалась словами: «…это во всех отношениях блестящая картина, хорошие фотографии, четкие надписи и главное, все правда – жизнь. Эту картину следует посмотреть всем» [10].

В апреле – мае в «Колизее» демонстрировались фильмы: «Еврейское счастье» (СССР, 1925 г.) по мотивам рассказов Шолом-Алейхема; «Шоколадница Мэри» (Дания); «Жена фараона» (Германия); «Безрадостная улица» (Германия); «Дочь Монтецумы», «Свет во тьме» и «Робин Гуд» (США); «Минарет смерти» (Бухара, 1924 г.); «Закройщик из Торжка» (Межрабпом-Русь, 1925 г.); «Чужие» (1926 г., Госкино-Ленинград) [11] и др. Этот репертуар вновь свидетельствует о доминировании зарубежных фильмов, подпадавших под литер «в». Во второй половине 1926 г. ситуация существенно не изменилась, хотя на экраны вышли фильмы, произведенные не только киностудиями РСФСР, но и других союзных республик, в том числе Украинской ССР, Грузинской ССР и Армянской ССР. Например, по просьбам кинозрителей неоднократно демонстрировался фильм «Намус», снятый по одноименному роману А. Ширванзаде режиссером А. Бек-Назаряном на киностудии «Арменкино» [12]. Летом 1927 г. «Колизей» демонстрировал киноленту «Княжна Мери», снятую годом раньше Госкинпромом Грузии в Пятигорске и в других местах по повести из романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» [16].

Перед или после демонстраций кинофильмов нередко показывали кинохронику или короткие документальные фильмы. Так, например, в начале 1927 г. в кинотеатрах Пятигорска после просмотра художественного фильма демонстрировали хронику «Землетрясение в Ленинакане» [14].

В первой половине 1927 г. в «Колизее» демонстрировались «Сурамская крепость» (1922 г., СССР), «Мать» (1926 г.), боевик «Ход конем» (Франция); «Проститутка» (1926 г., СССР); боевик «Лукреция Борджиа» (Германия); «Княжна Мери» и «Бэла» (СССР); «Морской ястреб» (США); «Победа женщины (боярин Никита Юрьевич)» (1927 г., СССР); «Два охотника» (1927 г., СССР); «Катерина Измайлова» (1926 г., СССР); «Таинственная гациенда» (США); «Лесная быль» (1926 г., СССР); «Шакалы Равата» (1927 г., СССР); «Любовь втроем (3-я Мещанская)» (1927 г., СССР) и др. [13].

Приведенный список свидетельствует, что в репертуаре кинотеатра в первой половине 1927 г. происходили изменения в пользу отечественного кинематографа. Такое соотношение сохранялось и к концу года с неуклонным увеличением советского кино. Литера «а» поддерживалась советскими фильмами «Броненосец «Потемкин»», «Палачи», «Красные дьяволята», «Степан Халтурин», которые в основном показывали в клубах, санаториях и в сельской местности. В главных кинотеатрах шли «кассовые» зарубежные или советские кинофильмы, например, мелодрама «Любовь втроем (3-я Мещанская)».

В июне 1927 г. завершилось строительство летнего кинотеатра на 750 мест с открытой эстрадой в саду кинотеатра «Колизей». В закрытом помещении «Колизея» цены билетов на первый сеанс оставались прежними – от 20 до 50 коп. В летнем кинотеатре в саду – от 35 до 60 коп., что было связано с выступлением перед вечерними сеансами «усиленного оркестра музыки» [15].

Значительный процент зрителей дневных и вечерних сеансов составляла молодежь. Окроно не мог игнорировать тот факт, что мировоззрение строителей коммунизма формировалось под воздействием кассовых зарубежных и советских фильмов, далеких от идей коммунизма. Политпросвет в 1926 г. констатировал, что из 185 фильмов, показанных для детей, 116 являлись «психологически и идеологически вредными». С 1927 г. за рубежом были закуплены детские киноленты: «Маленький Мук», «Синяя птица», «Остров сокровищ», «Том Сойер», «Робинзон Крузо», «Оливер Твист». Советские киностудии в ускоренном режиме выпускали на экраны фильмы «Морозко», «Красношейка», «Федькина правда», «Аня», «Ванька-пионер», «Дитя Госцирка» и др. [5: 173–174].

Таким образом, в последние годы НЭПа репертуар стал меняться, коммерческие кинозалы прекращали работу, а кинопередвижки оборудовались в клубах и санаториях, находившихся под полным государственным контролем. Единственный конкурент «Колизея» кинотеатр «Боммер» после усиления контроля над репертуаром прекратил свою работу, а весной 1928 г. здание этого кинотеатра снесли [19].

В 1928 г. наступлению на идеологически вредное, особенно зарубежное, кино способствовал рост предложения отечественной кинопродукции. Однако отказаться от фильмов, относившихся к литерам «б» и «в», в конце 1920-х гг. кинопрокат Совкино не мог как исходя из коммерческого инте-

реса, так и отсутствия необходимого числа отечественной кинопродукции. Заинтересованные в прибыли ведомства находили важный «медицинский аргумент» в пользу развлекательного кино. В курортный сезон лета 1928 г. в театральной хронике окружной газеты сообщалось, что худсовет ОУЗП, отметив значение «идеологической выдержанности зрелищ», признал необходимость введения в репертуары театров представлений веселого характера, имея в виду «больных, которые в процессе лечения нуждаются в веселом развлечении, содействующем излечению больных вообще и нервных в особенности» [20]. Это относилось и к репертуару кинотеатров.

С целью усиления государственного контроля за деятельностью театров, кинотеатров и других зрелищных организаций окружной исполком в начале 1928 г. принял постановление об объединении всего зрелищного дела в округе в ведении ОУЗП. В основной капитал, отмечалось в постановлении, передавались кинотеатры, расположенные в районах Кавминвод [20]. Усилился контроль за репертуаром кинотеатров и театров. Цензура скрупулезно отсеивала идеологически «вредные» фильмы, в том числе произведенные советскими киностудиями.

Окружная газета регулярно помещала критические рецензии. В феврале Славянский подверг критике американский фильм «Отрезанные от мира». В рецензии говорилось, что появление этой «ультра-приключенческой картины в наших кино явилось настоящим праздником для папиросников и ирисочников, всех уличных мальчишек и для той части нашей молодежи, которая ищет в кино только поножовщину, мордобитие и всякие таинственности» [19].

Советские киностудии в начале первой пятилетки получили заказ на фильмы производственной тематики. Критикам поручалось анализировать фильмы, имея в виду, насколько успешно они пропагандируют среди кинозрителей решения партии и государства в области индустриализации, насколько решительно обличают врагов, пытающихся помешать осуществлению грандиозных планов социалистического строительства.

Славянский поместил в окружной газете отрицательный отзыв на фильм «Земля в плену» (Межрабпом-Русь). По сюжету фильма безземельный солдат вернулся со службы домой. Жена «нарожала» ему детей, затем стала «кормилицей у детей помещика». Ее обвинили в занятии проституции. Муж ее выгнал, но затем состоялось примирение. «Никакой классовой борьбы, а помещик какой-то добрый», – сетовал А. Славянский [20]. Наоборот, идеологически выдержанным посчитали фильм «Знойный принц» (Ленсовкино). Сюжет фильма таков: на рельсопрокатный завод прибыл Блокнотов, выдававший себя за корреспондента. Но интересовался он не производством, а дочкой инженера Раисой, ухаживая за ней по голливудским стандартам. Положительные эмоции рецензента вызвало то, что «ряд комических ситуаций переплетается с темой производственного конкурса – соревнования между сменами завода. В конце лжежурналиста разоблачают» [21].

Главный «приз» от рецензента достался фильму «Свои и чужие» (1928 г., Совкино). Приведем отзыв: «В картине показана жизнь и быт нашей учащейся молодежи со всеми положительными и отрицательными сторонами. Картина сделана неплохо: ясные и четкие фотографии, занимательные бытовые

моменты из жизни ВУЗа, маленькие человеческие страсти – все это немножко волнует, и картина смотрится с интересом». Французскому фильму «Обыкновенная история» (1925 г.) А. Славянский выносит вердикт: «Аляповатая, никудышная картина, после просмотра которой зритель отплевывается, как после тяжелого похмелья, когда во рту горько и противно, а закусить нечем. Чтобы не портить хорошего настроения, лучше картину не смотреть» [21].

Главный репертуарный комитет, один из органов цензурного контроля, в 1928 г. провел работу по пересмотру иностранных и советских кинокартин на предмет «очищения экрана от недоброкачественной в художественно-идеологическом отношении кинопродукции». В регионы были разосланы списки изъятых из проката и допущенных к дальнейшему демонстрированию картин. Из списка Совкино (700 иностранных и 300 советских), намеченных к прокату в 1928 г. решено было изъять более 300 иностранных и 26 советских картин. Из советских картин с 1 декабря сняты как «неправильно трактующие» те или иные проблемы «Такая женщина», «Карьера Спирки Шпандыря», «Дипломатическая тайна», «Северное сияние», «Змеиное жало», «Отец Серафим», «Крестовик», «Конец рода Лунич» и др. [22].

Киностудиям настоятельно рекомендовалось снимать фильмы, посвященные истории партии, революции, воспитывающие неприятие деятельности предателей партии и попутчиков, подвизавшихся в партии и в общественных организациях. В то же время худсовет ОУЗП рекомендовал в репертуаре кинотеатров сохранять продукцию «веселого характера», «содействующую излечению больных вообще и нервных в особенности». В числе этой продукции оставались некоторые зарубежные фильмы. Однако рецензентам поручалось давать правильную оценку этой кинопродукции.

В январе 1929 г. после кардинальной реконструкции кинотеатра «Колизей» изменился не только он сам, но и репертуар фильмов в соответствии с новой стратегией государства. НЭП был окончательно похоронен. Начался «великий перелом» – политика форсированной индустриализации и коллективизации. Таким образом, в последние два года, когда Пятигорск выполнял функцию окружного центра, на киноэкранах зрителям демонстрировали фильмы, которые, по мнению государственных органов, могли бы стимулировать трудящихся на выполнение производственных задач и успешное претворение в жизнь первого пятилетнего плана.

Источники и литература

1. *Акопян З.В.* Пятигорск в 1920–1930-х годах: политика региональных и городских властей в сфере конфессиональных отношений, образования и культуры: монография. Пятигорск, 2025.

2. Голос Минераловодского районного и Пятигорского Советов рабочих и солдатских депутатов. 1918. 1 (14) апреля.

3. Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 510.

4. История отечественного кино: Документы. Мемуары. Письма. М., 1996.

5. *Ногина Е.В.* Социокультурное развитие городского населения Ставрополья в 1920–1930 годы: опыт исторического исследования: дисс. … канд. ист. наук. Ставрополь, 2004.

6. Терек. 1923. 7 июля.

7. Терек. 1923. 17 июля.

8. Терек. 1925. 15 апр.
9. Терек. 1926. Январь – март.
10. Терек. 1926. 26 марта.
11. Терек. 1926. Апрель – май.
12. Терек. 1926. 2 дек.
13. Терек. 1927. Январь–июнь.
14. Терек 1927. 6 февр.
15. Терек. 1927. 7 июня.
16. Терек. 1927. 12 июля.
17. Терек. 1928. 28 февр.
18. Терек. 1928. 3 марта.
19. Терек. 1928. 5 апр.
20. Терек. 1928. 9 июня.
21. Терек. 1928. 3 окт.
22. Терек. 1928. 23 ноября.

П.К. Чекалов

Первые творческие объединения Карачаево-Черкесии и литературный процесс 1920–1930-х годов

Вопрос создания и функционирования писательской организации в Карачаево-Черкеской автономной области ранее не поднимался, хотя давно уже существуют основательные труды Л.А. Бекизовой, А.И. Караевой, В.Б. Тугова по истории абазинской, карачаевской, ногайской, черкесской литератур. Между тем деятельность данного творческого объединения является одной из самых важных страниц культурной жизни региона, и она требует своего освещения.

18 июля 1925 г. Центральный комитет РКП(б) принял резолюцию «О политике партии в области художественной литературы», в которой говорилось о необходимости обратить усиленное внимание на развитие национальных литератур в республиках и областях СССР [9: 9]. Весной 1927 г. в Ростове-на-Дону (тогда – административный центр Северо-Кавказского края) создается Северо-Кавказская ассоциация пролетарских писателей.

Под влиянием партийной резолюции и решения краевой ассоциации всемерно содействовать развитию национальных литератур 9 августа 1927 г. в Баталпашинске (в настоящее время – Черкесск) состоялось собрание инициативной группы по организации Карачаево-Черкесской ассоциации пролетарских писателей. Во временное правление творческой организации были избраны Ислам Карачайлы, Халил Астежев, Владимир Чернышов; кандидатами – Магомет Дышеков, Абидат Боташева [5: 340].

Л.А. Бекизова приводила сведения, что газета «Адыге псаук1э» («Черкесская жизнь») 16 августа 1927 г. сообщала о собрании членов Карачаево-Черкесской ассоциации писателей, на котором обсуждались вопросы планирования работы и выпуска литературных страниц. Творческие полосы в газете появились 7 ноября 1927 г., 17 августа и 28 сентября 1928 г.

И об этих опытах литературовед отзывалась: «Зарождавшаяся черкесская литература сразу же оказалась в русле пролетарской советской литературы и организационно, и идейно. И хотя первые произведения членов АПП (ассоциации пролетарских писателей. – П.Ч.) <…> не представляли серьезной художественной ценности и по своему содержанию мало чем отличались от газетных корреспонденций, они были рождены самой жизнью, событиями дня» [1: 44].

В монографии А.И. Караевой «Очерк истории карачаевской литературы» возникновение организации творческих работников излагалось таким образом: «16 августа 1927 г. состоялось первое общее собрание членов Карачаево-Черкесской АПП, на котором был утвержден план работы и принято решение об издании вкладным листом литературной странички к газете "Таулу джашау" ("Горская жизнь" – издавалась на карачаево-балкарском языке. – П.Ч.).

Карачаево-Черкесская АПП явилась первым творческим объединением, заложившим организационные основы развития литературы. Она успела выпустить 7 сентября 1927 г. всего одно приложение, в котором были помещены стихи Иссы Каракотова ("Ленин", "Десятая годовщина Октября") и Амины Урусовой. <…> Карачаево-Черкесская АПП просуществовала недолго. Уже вторая литературная страница на карачаевском языке – приложение к "Таулу джашау" от 12 августа 1928 г. – издана новой творческой организацией – Карачаевской АПП, возникшей в результате разделения Карачаево-Черкесской АПП» [6: 53].

Таким образом, единая писательская организация в начале 1928 г. разъединилась на Черкесскую и Карачаевскую. В Черкесскую вошли Магомет Дышеков, Салих Темиров, Хусин Гашоков, Абдулах Охтов, Бетал Хабекиров, кандидатом был принят Ибрагим Амироков. Председателем стал Халид Абуков. После его ареста в 1935 г. его место занял И. Амироков [8: 512], а затем – А. Охтов [8: 589]. На пост председателя ассоциации писателей Карачая в 1932 г. был выдвинут Абдул-Керим Батчаев [8: 143], в 1937 г. – Даут Байкулов [8: 123].

О положительной роли ассоциации в становлении карачаевской литературы А.И. Караева отзывалась так: «Она обеспечила действенную помощь <…> литературному движению, создала возможности для активного творческого общения писателей, для широкого обмена мнениями о насущных вопросах развития советской литературы и вообще, и карачаевской, в частности, и этим способствовала углублению идейного содержания произведений и повышению художественного мастерства литераторов Карачая» [6: 54].

К числу первых ногайских литераторов относятся Магомет-Али Баисов, Фазиль Абдулжалилов, Хасан Булатуков, Али Казаков, Рашид Кирейтов и другие [2: 10]. Они славили Октябрьскую революцию, Красную армию, новую социалистическую жизнь, крестьян- тружеников. Во второй половине 1930-х гг. – начале 1940-х гг. к ним присоединились М. Курманалиев, А. Мурзабеков, К. Аюбов.

Русскоязычная газета «Красная Черкесия» также сыграла определенную роль в формировании литературного процесса области. 20 июля 1932 г. в ней появилась первая литературная страница, под которую была отведена вся 3 полоса. В ее левом верхнем углу так и было обозначено: «Литературная

страничка № 1 литературной группы при редакции "Красная Черкесия"». Посередине верхней части полосы помещалась взятая в рамку информация: «В организации и оформлении материалов принимали участие: Бабаевский, Барабаш, Колесниченко, Нижников, Царьков». По всей вероятности, названные лица и представляли собой первых русскоязычных литераторов Черкесии. Общим заголовком литературной страницы служили рифмованные лозунги Нижникова:

Чтобы поднять в колхозе доход теперь, –
Убирай урожай без потерь!

Собственно литературная часть открывалась стихотворением Максима Колесниченко «Объявление для всех без исключения», написанным сплошным текстом без разбивки на поэтические строки, но в котором ощущалась некая внутренняя ритмика и нерегулярная рифма. В нем сообщалось: «Мы организовались: рабкоры, селькоры, поэты, писатели – при крепком, стойком большевике печати – газете "Красная Черкесия" как помощники-вспомогатели. <…>

Пером будем писать!!!

О недовыполнении, о перевыполнении, о горе, о радости, о тине, о рогатой и безрогой скотине. О соломе, полове, о руководителе-пустоголове. О бригадире, бригаде и оппортунисте-бюрократе. Мы поднимем самокритику, восстание, – будем писать об уборочной компании» [7: 3].

В сущности, здесь в общем виде провозглашалась программа действия литературной группы. Небезынтересно отметить, что начинающие авторы осознавали себя в первую очередь «помощниками-вспомогателями» партийной печати, шире – политики партии.

Литературную страницу составляли далее статьи Ивана Пшеничного «В авангарде борьбы за урожай» и Максима Колесниченко «Сигналы с рогожного племени – с колхоза плохого семени», завершающейся тремя стихотворными строфами-побудками, обращенными к колхозникам, напоминая, что пора просыпаться и приниматься за уборку колосовых. Здесь же приводилось стихотворение И. Царькова «Хороший урожай – да собрать не зевай!» и другое «Уборочное», подписанное единственной буквой «Н». Завершал литературную страницу рассказ «Уловитель», подписанный инициалами «С.Б.».

Вторая литературная страница в «Красной Черкесии» вышла 15 сентября 1933 г. В ней были представлены отрывок из романа М. Шолохова «Поднятая целина» под названием «Жалость», рассказы С. Максимова «Подвиг бригадира» и З. Кучменко «В кукурузе», зарисовка А. Красненкова «Одна из ночей», очерк Х. Карданова «Покушение» и стихотворение Н. Лавринова «Раньше и теперь». Третья была обнародована 23 апреля 1934 г., в ней публиковались стихи И. Царькова, И. Сокушева, И. Аксенова, Дьякова, отзыв Халида Абукова на альманах «Новая сила», изданный в Кабарде.

В марте 1934 года в «Красной Черкесии» появилась развернутая статья о прошедшей встрече писателей Черкесии с секретарем областного комитета ВКП(б) И.А. Кравцовым, в которой приняли участие Абуков, Абдулжалилов, Бабаевский, Кучменко, Красненков, Охтов и др. Председатель оргкомитета Халид Абуков познакомил секретаря с проделанной в связи с

подготовкой к Первому съезду советских писателей работой, выделив тот факт, что еще два года назад в Черкесии насчитывалось всего 4 писателя, а теперь в области имеется 15 определившихся в своем творчестве начинающих авторов. Говорилось и о том, что областной отдел народного образования и областной совет профсоюзов еще не создали необходимых материальных условий для работы оргкомитета [3: 4].

Выслушав писателей, И.А. Кравцов обещал утвердить смету не в 10, а в 15 тыс. руб.; выделить оргкомитету комнату при научно-исследовательском институте, а писателям – квартиры в строившемся новом доме. Затем он обратился к гостям с предложением: «Я хочу сделать вам социалистический заказ. Надо нам написать такие произведения, которые отражали бы те громадные успехи в социалистическом строительстве, которые имела Черкесия за последние годы и которые она завоюет в ближайшее время. Вот первое: надо нам в художественной литературе показать зажиточную семью <…> талантливо, сильно. <…> Второе – надо нам с вами в художественной литературе показать годы коллективизации, разоблачить ту гнусную борьбу против нас, которую вело кулачество и его агентура в колхозах. И третье – надо показать хотя бы в небольших очерках то развернутое культурное и хозяйственное строительство, которое мы сейчас ведем, как в городе, так и в колхозах. <…> Мы переделаем лицо города, сделаем его действительно культурным центром области. Мы строим Дом Советов, ряд учебных заведений, больниц, думаем построить гидростанцию на Кубани. Вот, товарищи, о чем вам надо писать, над чем вам надо работать» [3: 4].

В том же 1934 г. Черкесским оргкомитетом писателей был выпущен альманах «Идем на пробу», где были представлены стихи и проза черкесов Халида Абукова, Магомета Дышекова, Абдулаха Охтова, Хусина Гашокова, Ибрагима Амирокова; абазин Нуха Озова, Чухаиба Мураткова; русских Михаила Саламатина, Семена Бабаевского. На титульной странице альманаха было напечатано: «Посвящается Первому Всесоюзному съезду оргкомитетов писателей». На самом съезде Карачай и Черкесию представляли А. Батчаев, Х. Абуков, А. Охтов.

23 апреля 1932 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций». Считая, что рамки существующих пролетарских литературных организаций становятся узкими и тормозят серьезный размах художественного творчества, партия ликвидировала ассоциацию пролетарских писателей и объединила поддерживающих политику советской власти литераторов в единый союз советских писателей. На основании данного постановления и рекомендаций Первого съезда советских писателей в 1935 г. в Карачае и Черкесии были созданы областные отделения Союза писателей СССР. Их членами стали Касбот Кочкаров, Исса Каракотов, Азрет Уртенов, Гемма Гебенов, Даут Байкулов, Абидат Боташева, Халид Абуков, Магомед Дышеков, Абдулах Охтов, Хусин Гашоков, Фазиль Абдулжалилов, Хасан Булатуков, Татлустан Табулов и др. [4: 16–17].

Определенными вехами литературного процесса стали выпуски Исы Каракотова «Новые песни» (1924) – первое книжное издание карачаевской советской литературы, Азрета Уртенова «Новые стихи» (1927), «Искры свободы» (1929), Татлустана Табулова «Зули» (1929), Халида Абукова (в соавторстве с В. Чернышовым) «На берегах Зеленчука» (1930), Даута Байкулова

«За новую жизнь» (1931), Магомета Дышекова «Зарево» (1934), коллективного сборника «Идем на пробу» (1934), Хасана Аппаева «Черный сундук» (1935 – 36), Фазиля Абдулжалилова «Двое из многих» (1936), Хасана Булатукова «Две жизни» (1936), Мурадина Малхозова поэма «Рождение счастья» (1940).

Во второй половине 1930-х гг. необоснованным репрессиям были подвергнуты абазинские писатели Н. Озов, Д. Озов, Т. Табулов; карачаевские: Х. Аппаев, А. Биджиев, А. Уртенов, И.А.-К. Хубиев (Ислам Карачайлы); ногайские: Ф. Абдулжалилов, Х. Булатуков; черкесские: Х. Абуков, И. Амироков, М. Дышеков, А. Гукемухов, С. Темиров. Это подорвало движение вперед нарождающихся литератур. Еще более мощный удар нанесла по национальным литературным кадрам области Отечественная война, на полях сражений которой сложили свои головы 11 молодых авторов Карачая и Черкесии: С. Дармилов, М. Малхозов, Х. Муков, Д. Байкулов, Т. Борлаков, Х. Бостанов, И. Каракотов, М. Урусов, Р. Керейтов, В. Торопецкий, Х. Абуков. Не будет преувеличением, если скажем, что в годы войны литературная жизнь региона замерла. А депортация карачаевцев в Среднюю Азию в 1943 г. обернулась сущей трагедией для народа и его культуры.

Итак, рассмотренный материал позволяет установить, что под непосредственным воздействием резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» в 1927 г. в Баталпашинске была создана Карачаево-Черкесская ассоциация пролетарских писателей, которая в следующем году разделилась на Карачаевскую и Черкесскую в соответствии с административным делением областей. Литературная жизнь в то время сосредоточивалась в основном вокруг национальных и русскоязычной газеты «Красная Черкесия», печатавшиеся в них литературные страницы стали первыми опытами творческих объединений.

Постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» упразднила ассоциации пролетарских писателей и создала единую организацию советских писателей, в связи с чем Карачаевская и Черкесская ассоциации были преобразованы в областные отделения Союза писателей СССР. Значительную роль в становлении и укреплении национальных литератур сыграли первые художественные книги местных авторов. В то же время серьезными факторами искусственной задержки поступательного движения словесности Карачая и Черкесии явились репрессии второй половины 1930-х гг., Великая Отечественная война 1941–1945 гг., насильственное выселение карачаевцев в Среднюю Азию.

Источники и литература

1. *Бекизова Л.А.* Черкесская советская литература (становление и развитие). Ставрополь, 1964.
2. *Бекизова Л.А.* Слово о ногайской литературе. Черкесск, 1971.
3. Встреча писателей Черкесии с И.А. Кравцовым // Красная Черкесия. 1934. 5 марта.
4. Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 225.
5. История советской многонациональной литературы. Т. 6. М., 1974.
6. *Караева А.И.* Очерк истории карачаевской литературы. М., 1966.
7. *Колесниченко М.* Объявление для всех без исключения // Красная Черкесия. 1932. 20 июля.

8. Литературная Карачаево-Черкесия: биобиблиографический справочник. Черкесск, 2023.
9. О политике партии в области художественной литературы // Известия ЦК РКП(б). 1925. № 25–26. С. 8–9.

Л.В. Печалова, А.К. Печалов

Роль женщин Северного Кавказа в развитии кооперативного образования и культуры в XX – начале XXI вв.

В современной России женщины играют значимую роль в развитии социальной сферы, образования и культуры. Исследователи отмечают возрастающее значение женского труда в формировании человеческого капитала и реализации инновационных стратегий развития общества. В условиях экономической трансформации, обусловленной геополитическими сдвигами и цифровизацией, участие женщин рассматривается как важный фактор развития.

Для понимания современного положения женщин необходимо обратиться к историческому опыту советского периода, когда были провозглашены и реализованы принципы юридического равноправия полов. Именно в первое десятилетие советской власти были заложены основы государственной политики в отношении женщин, оказавшие влияние на их роль в экономической и общественной жизни.

В нашем исследовании мы проводим реконструкцию исторических событий, связанных с решением женского вопроса в годы советской власти. Описываем проблемы привлечения женщин в построение социалистического общества, развитие кооперативного движения в XX в., анализируем опыт и выявляем особенности реализации данной политики на Северном Кавказе.

Формирование системы кооперативного образования России берет свое начало в дореволюционный период. К 1913 г. функционировали такие учреждения, как торговые школы (более 130), коммерческие училища (около 230), высшие учебные заведения (5) [6: 58]. Более 30 % преподавателей были женщинами. Большое внимание уделялось не только образованию, но и воспитанию. В программы было включено изучение кооперативных идей и принципов, а также опыта отечественных и зарубежных кооператоров.

Издательская деятельность кооперативных организаций выступала важным фактором развития просветительской работы среди женщин-кооператоров. Теоретический и практический опыт кооперации находил отражение в публикациях газет и журналов, а также в специализированных брошюрах, чему кооператоры придавали особое значение. В 1900-е гг. в России открылись десятки кооперативных типографий. К 1916 г. их количество составило более 150 [7: 65]. Для неграмотных кооператоры организовывали

кооперативные дома, где велась разъяснительная и просветительская деятельность. Такие типографии открывались и на Кавказе.

В 1920-е гг. установка государственных органов власти на развитие промышленного производства в автономных республиках Северного Кавказа требовала увеличения числа рабочих. Решить данную задачу можно было только за счет привлечения кадров на местах. Поэтому было принято решение о привлечении женщин на производство. Необходимо подчеркнуть, что в это же время на Северном Кавказе шел процесс формирования кооперативной промышленности.

Политика вовлечения женщин в производственную сферу воспринималась неоднозначно как в семьях (особенно мужчинами), так и самими женщинами. При этом нашлись и те, кто с интересом отнесся к возможности проявить себя в производственной и общественной жизни, а также в деятельности кооперативных организаций.

Примером проявления активности может служить состоявшийся в марте 1923 г. на Ставрополье съезд женщин. В числе обсуждаемых вопросов были: положение женщин в семье; проблемы охраны материнства и младенчества; возможность создания кооперативов, в том числе и семейных; организация комитетов взаимопомощи; получение женщинами образования, в том числе и кооперативного, и т. д.

Изучение широкого спектра источников показало, что данный съезд, имевший большой резонанс на Кавказе, привел к организации и проведению собраний и конференций в национальных регионах юга страны. Речь идет о конференции женщин Малокарачаевского округа, а также об окружном съезде горянок в г. Кисловодске. Женщины поднимали важные вопросы, подчеркивали необходимость предоставления возможности повышать свой образовательный и культурный уровень.

На состоявшемся в январе 1925 г. Пленуме ЦК ВКП(б) рассматривались актуальные проблемы и отмечалось значение максимального вовлечения женщин в артельное, советское, профессиональное и хозяйственное строительство. На нем было принято специальное постановление «Об очередных задачах партии в работе среди работниц, крестьянок и тружениц Востока» [8: 202].

В годы Великой Отечественной войны все усилия народа были направлены на достижение Победы. Женщины-работницы государственных и кооперативных предприятий самоотверженно трудились, делали все от них зависящее для обеспечения фронта и тыла всем необходимым. Они не только сами овладевали новыми профессиями, заменяя ушедших на фронт отцов и мужей, но и обучали подростков профессиональным навыкам.

Работницы кооперативных предприятий Северного Кавказа внесли значительный вклад в снабжение фронта и изготовление товаров первой необходимости. При этом благодаря труженицам артелей было сделано все возможное для сохранения оборудования и технологий, а также для подготовки кадров без отрыва от производства.

В послевоенные годы в условиях восстановления кооперативного хозяйства при непосредственном активном участии работниц кооперативных предприятий велась деятельность по возобновлению профессиональной

подготовки кадров, наиболее востребованных на предприятиях кооперации. Анализ архивных документов показал, что среди них бухгалтеры, товароведы, продавцы, кондитеры, шелководы, мастера по пошиву одежды и обуви, мастера по ремонту бытовой техники и т. д.

В 1950-е гг. областные и краевые потребительские союзы, союзы промысловой кооперации Северного Кавказа и Дона вели большую работу по открытию кооперативных школ, училищ, институтов. Приоритетной задачей считалась подготовка высококвалифицированных кадров для кооперации. Свой вклад в это направление деятельности внесли женщины. К середине 1950-х гг. в кооперативных образовательных учреждениях работало более 70 % преподавателей-женщин [4: 44]. Главной задачей учебных учреждений было восстановление кадрового состава кооперативных предприятий. Большой вклад внесли учебные заведения промысловой кооперации, организованные в Прикумске, Черкесске, Минеральных Водах и т. д.

Во второй половине 1950-х гг. на Ставрополье, так же, как и на Северном Кавказе в целом, популярной формой подготовки кадров являлась организация учебно-курсовых баз. Это во многом было обусловлено тем, что за довольно короткий срок будущий работник кооператива получал как теоретические знания, так и практические умения. Таким образом были обучены сотни специалистов, среди которых мастера по пошиву одежды и обуви, головных уборов; мастера по ремонту бытовой техники; мастера художественных промыслов и т. д.

В 1960 г. в связи с полным огосударствлением и ликвидацией промысловой кооперации Управление промысловой кооперации Ставропольского края передало Краевому управлению профессионально-технического образования учебно-курсовые базы, а также Прикумскую, Кисловодскую, Карачаевскую кооперативные школы. На их материально-технической базе были организованы государственные профессионально-технические училища № 9, № 10, № 11. В архивных материалах сохранились данные о том, что преподаватели кооперативных училищ и техникумов перешли на работу в государственные образовательные учреждения [5: 14].

При этом стоит подчеркнуть, что в 1960–1990-е гг. учебные заведения потребительской кооперации Северного Кавказа продолжали довольно успешно развиваться. Система потребительской кооперации южных регионов пережила и кризисы, и годы «перестройки». Свой вклад в создание системы кооперативного образования на Северном Кавказе внесли женщины многонационального региона. Они приняли непосредственное участие в организации и осуществлении деятельности сети кооперативных учебных заведений: вузов, техникумов, колледжей и профессионально-технических училищ.

Современная система профессионального образования потребительской кооперации России обеспечивает подготовку специалистов высшей и средней квалификации, кадров рабочих профессий, переподготовку и повышение квалификации работников.

В 2020-е гг. система высшего кооперативного образования представлена такими вузами, как Московский, Сибирский, Белгородский университеты кооперации. Все они имеют широкую сеть институтов на правах филиалов

[2: 338]. Наш Ставропольский кооперативный институт (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права, организованный в 1964 г., является одним из крупнейших центров подготовки кооперативных кадров Северо-Кавказского региона. Этому способствуют прочная учебно-методическая и научно-техническая база, а также высококвалифицированный кадровый состав и т. д.

Сегодня в Ставропольском институте кооперации более 70 % работников – это женщины, среди которых ученые (доктора и кандидаты наук), преподаватели, методисты, лаборанты, библиотекари, секретари и т. д. Высоким является и процент студенток – будущих высококвалифицированных специалистов в сфере экономики, юриспруденции, товароведения и т. д. Благодаря внедрению новых методик преподавания, современных цифровых технологий, успешно действующей системе повышения квалификации и переподготовки профессорско-преподавательского состава института, наше учебное заведение является одним из лучших профессиональных кооперативных образовательных учреждений Юга России.

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о том, что женщины Северного Кавказа сыграли значимую роль в развитии кооперативного образования и культуры региона на протяжении XX – начала XXI в. Их участие в реализации государственной политики способствовало повышению образовательного и культурного уровня населения, решению социально-экономических задач многонационального региона.

Исторический опыт демонстрирует, что вовлечение женщин в различные сферы деятельности является эффективным фактором социального и экономического развития. Перспективным направлением дальнейших исследований является анализ современных практик женского участия в кооперативном движении и образовательной деятельности на Северном Кавказе.

Источники и литература

1. *Айвазова С.Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории). М., 1998.

2. *Вахитов К.И.* История потребительской кооперации России: учебник. 6-е изд. М., 2021.

3. *Глаз В.Н., Кущетеров Р.М., Кочкарова З.Р.* Потребительская кооперация Ставрополья: история развития и социально-экономическая деятельность. 1869–2003 гг. Ставрополь, 2004.

4. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 2775. Оп. 3. Д. 752.

5. ГАСК. Ф. 2775. Оп. 3. Д.753.

6. *Кочкарова З.* Р. Эволюция отечественной кооперации и её социально-экономическая трансформация в условиях модернизации российского общества. Ставрополь, 2010.

7. *Печалова Л.В., Кочкарова З.Р.* История потребительской кооперации России: учебно-методическое пособие. Ч. I. Ставрополь, 2011.

8. *Печалова Л.В.* Промысловая кооперация и кооперация инвалидов в реализации социально-экономической политики советского государства (1920–1960 гг.): на материалах Северного Кавказа и Дона: дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2023.

О.И. Лепилкина

Региональное телевидение на Северном Кавказе как пространство диалога культур[1]

Востребованность изучения роли средств массовой информации разного уровня и масштаба в продвижении диалога культур обусловлена тем, что «нормативное понимание журналистики как ключевой медиакоммуникационной профессии со временем только актуализируется» [2: 5]. Современная журналистика способна эффективно решать задачи социальной интеграции [3; 5; 8]. Особую роль при этом играет телевидение, которое, по мнению исследователей, остается «ведущим средством массовой коммуникации, несмотря на интенсивное развитие Интернета и активное освоение этого канала потребителями» [10: 235]. Это обусловлено тем, что ТВ участвует в реализации «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», акцентирующей внимание на том, что «российское общество заинтересовано в получении информации, соответствующей высокому интеллектуальному и культурному уровню развития граждан России» [10].

Выбор регионального телевидения Северного Кавказа в качестве предмета исследования обусловлен тем, что, как справедливо отмечает Ю.М. Ершов, «в регионах телекомпании <…> оказывают более сильное социокультурное влияние на жизнь общества, чем ТВ в мегаполисах с их богатством выбора. Изучение места и роли телевидения как общественного института в жизни регионов имеет глобальное значение для социального проектирования и для модернизации России, начиная с реформирования региональных пространств. Телевидение может решать гуманитарные и серьезные реформаторские задачи, если к нему относятся как к важнейшему культурному интегратору нации и гражданскому форуму» [4: 4]. На наш взгляд, этот вывод вполне приложим к деятельности ТВ-каналов в субъектах РФ, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа. Региональное телевидение, «используя разнообразие форматов и тематики программ, фиксирует повседневную жизнь местных жителей с их достижениями и заботами, воспроизводит их «среду обитания», способствует установлению социального диалога и в конечном итоге создает социокультурный срез общества первой четверти XXI века» [6: 36].

Анализируя информационные продукты ведущих телекомпаний республик Северного Кавказа и Ставропольского края, можно отметить, что их информационная политика нацелена на продвижение идей диалога в социальном пространстве как части повседневной жизни, на рассмотрение ме-

[1] Исследование выполнено в рамках реализации проекта «Ценностно-смысловые и символические основания укрепления гражданской идентичности и патриотизма в полиэтнической молодежной среде (на примере Северного Кавказа)» Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности (2026–2028 гг., руководитель академик В.А. Тишков).

ста традиций и национальных культур и их взаимодействия между собой и с современными формами бытия в условиях глобализации.

Первый блок реализуется прежде всего в информационных и информационно-аналитических программах (при этом ученые подчеркивают, что «телевидение помогает снижению этнополитической напряженности в регионе» [1: 115])а второй – преимущественно в документальных и публицистических проектах.

Представляет интерес в этом плане передача «Национальный код», выходящая на ГТРК «Ставрополье» и знакомящая телезрителей с этнокультурным многообразием Северного Кавказа через успешных деятелей культуры и бизнесменов, глубоко погруженных в отдельные виды традиционных культур (ковроткачество, национальный костюм, кухню и т. д.) и в то же время открытых новому. В одном из выпусков героиня – художник-модельер Мадина Саральп из Кабардино-Балкарской Республики, так оценивает ситуацию: «Интересуясь прошлым своего этноса, я видела, что многие продолжают им жить, но жить этим в сегодняшнем мире – бессмысленно. Яркое историческое прошлое адыгов с нами, но его больше нет. Оглядываться назад стоит для того, чтобы знать, откуда мы вышли, отметить это место, как точку отсчета и идти дальше, прикасаясь к истории очень бережно, как к природе, как к живому источнику, дальше несущему нас в общем потоке реки времени» [7].

В другом ключе – через поиск культурных символов, объединяющих народы, – строится ряд выпусков в передаче «Республика традиций» («Архыз24»). В ней автор развивает мысль о значении для России традици-онных обрядов и праздников и представляет традиции и обычаи народов, живущих в КЧР, – «Адыгская свадьба» (14.05.2022 г.); «Ногайская национальная одежда» (21.03.2020 г.); «Новый год у соседних народов» (31.12.2021 г.); «Обряды детского цикла» (23.09.2023 г.); «Обычай венчания у казаков» (9.03.2024 г.); «Русская печь» (6.03.2023 г.). Выпуск «Единство конфессий» (22.04.2023 г.) основан на проповедях отца Александра и имама И. Катчиева с показом ритуалов в церкви и мечети.

Популярными на региональном телевидении являются просветительские проекты, знакомящие аудиторию в целом с традиционной культурой определенных этносов или с ее отдельными элементами. Есть передачи, где тема сохранения национальной культуры присутствует, хотя и не главенствует. Так, телеканал «ННТ» в проекте «Однажды в ауле» подготовил выпуски «Кубачинская свадьба»; «В гостях у лакцев», в проекте «Исторический факт» – выпуск «Праздник первой борозды. Истоки обряда» и т. д. Авторы передачи «Удивительные горцы» (РГВК «Дагестан») в выпуске «Мир кукол Зухры Лукмановой» (19.05.2026 г.) представили дагестанскую мастерицу, которая создала более пятисот авторских изделий, запечатлевшую в том числе образ горянок в разных национальных одеждах, в выпуске «Хранительницы Короды» (18.06.2024 г.) рассказали об общественной деятельности местных жителей одного из горных сел Дагестана по сохранению заброшенного села и традиций предков: они пекут хлеб по старинной традиции в общественной пекарне, а потом раздают всем сельчанам его бесплатно. На том же телеканале в передаче на аварском языке «Г1аданги, г1амалги, заманги» («Человек, время, характер») был выпуск «Родной язык – душа народа» (07.11.2025 г.), в переда-

че на табасаранском языке «Мил» – выпуск о традиционном празднике весны «Эбельцан-2026» (31.03.2026 г.), в передаче на лезгинском языке «Вахтар ва инсанар» регулярно представляют людей, способствующих сохранению национальной культуры («Рамазан Касумов – хранитель лезгинской культуры» – 01.02.2026 г.; «Афизат Демирова: Ковры, хранящие тайны» – 08.03.2026 г. и др.). На ГТРК «Алания» в 2020 г. вышел документальный фильм «Васо» к 120-й годовщине со дня рождения составителя историко-этимологического словаря осетинского языка В.И. Абаева. Другой вариант телепрезентации хранителей национальных традиций – интервью в передаче чеченского телевидения «Молодое лицо успеха» с Суммаей – исполнительницей популярных песен на ингушском и чеченском языках (выпуск от 22.04.2015 г.).

Редкой для регионального телевидения можно считать тему межнациональных браков. Ей, в частности, был посвящен выпуск от 25 августа 2024 г. в передаче «Тонкости» на ГТРК «Алания». Авторы в синопсисе указывают: «С начала года быть верными друг другу поклялись около 12 тысяч пар. Из них 36 – интернациональные. Влюбленных не остановили ни языковые, ни культурные барьеры. Такие межэтнические союзы считаются уникальными. Герои нашего выпуска – семейные пары, которые своим примером доказали, что у любви нет национальности» [9].

Таким образом, в ходе исследования установлено, что, обращаясь к проблематике диалога культур, региональное телевидение представляет ее многоаспектно и использует для этого разные способы подачи информации.

Источники и литература

1. *Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Лепилкина О.И., Шульга М.М.* Северный Кавказ: нестабильная стабильность // Наука Юга России. 2017. Т. 13. №1. С. 115–125.

2. *Вартанова Е.Л.* Функции журналистики: традиционные и актуальные подходы // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2024. Т. 49, № 6. С. 3–30.

3. *Гладкова А.А., Демина И.Н., Шкондин М.В.* Журналистика как фактор социально-психологической зрелости субъектов цивилизационного процесса // Вопросы теории и практики журналистики. 2023. Т. 12. № 2. С. 296–309.

4. *Ершов Ю.М.* Региональное телевидение в российской медиасистеме: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012.

5. *Корконосенко С.Г.* Социальная интеграция в современной журналистике: потенциал и реализация // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11, № 3. С. 417–428.

6. *Лепилкина О.И., Ларионова Е.Н., Ганжара О.А.* Форматы программ на современном региональном телевидении (на примере ставропольского телеканала «СвоёТВ») // Вопросы журналистики. 2024. № 16. С. 23–39.

7. Национальный код: Птица // ГТРК «Ставрополье». 30.05.2026. URL: https://vesti26.ru/tele/222701 (дата обращения: 23.07.2026).

8. *Смирнова О.В., Свитич Л.Г., Шкондин М.Г.* Роль журналистики в медиатизирующемся жизненном мире повседневности // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9. № 4. С. 595–611.

9. Тонкости. Межэтнические браки // ГТРК «Алания». 25.08.2024. URL: https://alaniatv.ru/teleproject_release/tonkosti-mezhetnicheskie-semi/ (дата обращения: 23.07.2026).

10. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919 (дата обращения: 20.06.2026).

11. *Уразова С.Л.* Цифровое телевидение в поиске семантического прогнозирования // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2018. № 6. С. 235–253.

А.А. Шурдумов

Популяризация национальных культур Кабардино-Балкарии в передачах телеканала «1 КБР»

Процессы глобализации представляют собой новый вызов для народов Кабардино-Балкарской Республики в контексте сохранения их традиционной культуры. Эти процессы характеризуются унификацией культурных норм и ценностей, что приводит к замене национальных культурных форм глобальными стандартами. В условиях интенсивного культурного обмена и доминирования массовой культуры аутентичные элементы культурного наследия подвергаются риску вытеснения и потенциального забвения [1: 136]. Одним из наиболее очевидных проявлений данной тенденции является деградация национальных языков. В повседневной жизни кабардинцев и балкарцев наблюдается склонность к использованию русского языка, что приводит к вытеснению терминов родного языка русскими аналогами. Этот процесс затрагивает как старшее поколение, так и молодежь, однако наиболее ярко проявляется именно среди среди представителей поколений Z и Y. В ходе социологических опросов и интервью для национальных медиа опрашиваемые молодые люди зачастую выражают желание общаться на русском языке, мотивируя это тем, что они не могут полноценно выразить свои мысли и идеи, используя лишь родную речь.

В свете вышеизложенного проблема сохранения и популяризации национальных культур и языков Кабардино-Балкарской Республики приобретает особую актуальность. В современном информационном обществе средства массовой информации играют ключевую роль в формировании культурного пространства, межкультурном диалоге и сохранении этнокультурного многообразия, выполняя важные культуроформирующие функции: воспитательную, рекреативную, эстетическую и образовательно-просветительскую [3: 86]. Особую значимость приобретают этнические средства массовой информации, которые репрезентируют культуру, традиции и язык народов на национальных языках. Т.Х. Марзоева акцентирует внимание на значимой просветительской функции этнических периодических изданий. Она подчеркивает, что публикации в таких изданиях должны охватывать не только политическую и новостную повестку, но и включать религиозные, бытовые, историко-этнографические, фольклорные и литературно-художественные материалы, продвигающие кабардинский язык и Адыгэ хабзэ (традиционный свод этических норм и правил поведения) [4: 198].

Сегодня в Кабардино-Балкарской Республике ярким представителем этнического медиа выступает вещательный телевизионный канал «1 КБР». Миссия данного телеканала, направленная на популяризацию национальных культур, четко обозначена на его официальном веб-сайте: «С первых дней работы жанрово-тематическая концепция ВТК “Кабардино-Балкария” была направлена на сохранение в телеэфире родных языков. Ежедневно в эфир выходят передачи на кабардинском, балкарском и русском языках, рассказывающие о культуре, истории, традициях и обычаях народов» [6].

Ключевыми темами программ, связанных с культурой местных народов, являются фольклор, традиционные ремесла, национальная кухня, календарные праздники, обряды, костюмы, архитектура, литература и т.д.; перечень тем охватывает практически все культурные достижения кабардинцев и балкарцев, дошедшие до наших дней. Для освещения указанных тем журналисты телеканала преимущественно используют образовательные, развлекательные и документальные форматы, а также студийные интервью. Так, в передаче «Сайламала» («Избранное») [7] ведущий Расул Атмурзаев, находясь в виртуальной студии, читает стихотворения выдающихся балкарских поэтов Кайсына Кулиева, Керима Отарова и Танзили Зумакуловой. Ценность данной передачи заключается в том, что чтение литературы на национальных языках выступает ключевым механизмом сохранения культурной самобытности и языковой устойчивости этноса. Произведения на родном языке транслируют культурное наследие (традиции, мировоззрение, исторический опыт), формируя основу национальной идентичности. Они укрепляют межпоколенческую связь, обеспечивая преемственность ценностных ориентиров и социально-исторического знания, необходимого для самоидентификации личности. Язык в литературном дискурсе функционирует как инструмент развития речевой культуры и фактор сохранения языковой идентичности: востребованность чтения на родном языке напрямую определяет перспективы его сохранения. Кроме того, национальная литература формирует уникальный когнитивный взгляд на реальность, развивает эмпатию и способствует осознанию культурной принадлежности индивида. В условиях глобализации она позволяет решить сразу две задачи: сберечь этнокультурное разнообразие и обеспечить участие представителей национальных меньшинств в глобальном диалоге [5]. В эфирной сетке «1 КБР» можно обнаружить и другие похожие передачи, посвященные уже кабардинской литературе: «Тхылъ еджэ унагъуэ» («Семейные чтения»), «Таурыхьищэ» («В мире сказок»), «Анэдэлъхубзэ» («Уроки родного языка»). Каждая из них выполняет образовательную или просветительскую функцию и ориентирована на конкретную демографическую группу, охватывающую различные возрастные категории, от детской до взрослой аудитории.

В целях популяризации культурного наследия региона на телеканале «1 КБР» стартовала серия программ под названием «Кунацкая» [2]. В рамках данного проекта жители различных населенных пунктов, а также гости из соседних республик, организуют визиты друг к другу. В ходе таких встреч участники демонстрируют свои творческие номера (песни, танцы, чтение стихов), обмениваются приветственными речами и подарками, а также угощают друг друга национальными блюдами. Данная программа интересна тем, что ее ведущие и участники общаются на русском языке. Использование русского языка позволяет выйти за пределы моноэтнического восприятия: программы становятся доступными не только для носителей кабардинского и балкарского языков, но и для русскоязычного населения Кабардино-Балкарии и других регионов. Это способствует более масштабному распространению знаний о культуре, расширению аудитории и преодолению языковых барьеров, что особенно важно в свете обозначенной проблемы.

Источники и литература

1. *Алиева О.Г.* Проблема национальной идентичности в глобализирующемся мире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2016. № 2. С. 135-141.
2. Кунацкая. URL: https://1kbrtv.ru/node/16242 (дата обращения: 20.07.2026).
3. *Мамутова Н.А.* Реализация культуроформирующей функции журналистики // NovaUm.ru. 2022. № 40. С. 85–89.
4. *Марзоева Т.Х.* Баксанский просветительский центр // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № 12. С. 196–199.
5. *Нурмухаметова А.С.* Чтение как фактор сохранения национально-культурного своеобразия народа // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 4–2. С. 100–103.
6. О нас. Официальный сайт ВТК «Кабардино-Балкария». URL: https://1kbrtv.ru/node/2737 (дата обращения: 26.07.2026).
7. Сайламала («Избранное»). URL: https://1kbrtv.ru/node/16244 (дата обращения: 27.07.2026).

Н.С. Матвеева

«Лик Кавказа» (1998–2026): об одном издательским феномене

Издательская практика «любой эпохи состоит из процессов и эпизодов, каждый из которых составляет предмет интереса книговедов. Даже весьма незначительная группа событий может многое сказать о сущности изучаемого времени, о характере и особенностях его книжного дела» [20: 137]. Процесс реформирования периодических печатных изданий, начавшийся в 1990-е гг., сразу после принятия Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 № 2124-1, привел к их значительным структурным, количественным и качественным изменениям. В том числе, «издательская жизнь, начавшаяся в России после обретения свободы печати и отмены цензуры, явила феномен независимой общественно-политической печати» [16: 107]. Не осталась в стороне и региональная пресса, «являющаяся неотъемлемой частью российской периодики», занимающая «особое место в системе средств массовой информации (СМИ)» [17: 531]. Как отмечает И.В. Лизунова, «существовавшая в советское время вертикально-иерархическая структура прессы уступила место горизонтальным конфигурациям печатного рынка» [5: 49]..

Так, газета «Лик Кавказа», издающаяся с 1998 г. по настоящее время, явила издательский феномен как в трансформации структуры, тематического содержания и всех компонентов издания: набора, оформления, верстки, периодичности, объема, а также формы распространения, так и в смене учредителей, идейных позиций газеты, вызывая интерес и ответную реакцию читателей. Сегодня «Лик Кавказа» – это пространство диалога, которое решает задачу не только сохранения культурно-исторических и православных духовно-нравственных традиций на Ставрополье, развития и популяризации истории и самобытной культуры казачества, содействуя

объединению казаков Северного Кавказа, консолидации российского казачества, патриотическому воспитанию.

Первым издателем и учредителем газеты «Лик Кавказа» было общество с ограниченной ответственностью рекламно-информационное агентство «Югинформ» (далее – ООО РИА «Югинформ»), которое работает с 1997 г. по настоящее время и специализируется на издании газет. В начале своего исторического пути как литературно-историческое приложение к газете «Бизнес КМВ» издание «Лик Кавказа» претендовало на роль общественно-политического органа прессы Ставропольского края, зарегистрированного Государственным комитетом Российской Федерации по печати № 017073 от 16 января 1998 г. Газета выходила под девизом «Друзья. Прекрасен наш союз!». В октябре–ноябре 1998 г. разместила приложение «Ставропольский выпуск», увеличив количество страниц издания с 8 до 12.

В 1998–2000 гг. бессменным редактором газеты был журналист, поэт, член Союза писателей СССР и России А.Ф. Мосинцев (1938–2010). Постоянными и приоритетными по объему были рубрики «Неделя днем за днем» (включающая подрубрики «Так жила страна» и «События в крае») [6: 1], «Криминал», «Почта», «Акции протеста» и др. Однако страницы газеты были посвящены и направлению «Литература, история, культура». За первый год выпуска (1998) тираж газеты вырос с 999 экз. до 2000 экз. [7] с периодичностью издания два раза в месяц. Рост интереса читателей был вызван не только заполнением газетных страниц преимущественно местной и оперативной информацией, но и размещением телепрограммы, гороскопа и кроссворда.

С начала 2000-х гг. «Лик Кавказа» именует себя, не меняя учредителя ООО РИА «Югинформ», православной публицистической газетой, выходящей по благословению Высокопреосвященнейшего Митрополита Ставропольского и Владикавказского Гедеона (1929–2003). Девизом газеты были выбраны слова Серафима Саровского «Господь помилует Россию и приведет ее к великой славе». Главным редактором газеты стал казачий сотник А.И. Марученков. В сопроводительных данных издания «Лик Кавказа» этого периода отмечено, что газета «зарегистрирована Государственным комитетом Российской Федерации по печати № 018178 от 09 октября 1996 г.», однако эта информация противоречит той, что написана в сопроводительном тексте газеты 1998 г. издания и ее следует считать опечаткой.

В 2002 г. в выпусках газеты появились рубрики, посвященные православной тематике: «Русь святая», «Летопись времен», «Слова пастыря» [8: 1], «Азы православия» [8: 8], «Духовный наказ» [11: 2] и др., а также впервые в данном издании – российскому казачеству: «Казачий архив» [1: 2], «Казачество за веру» [9: 8], «Казачьи заповеди» [10: 7], «Истоки казачества» [12: 8], «Истоки казачьего самоуправления» [13: 1] и др. С выпуска № 25 (73) газета именует себя как православно-казачья [14], а с № 14 (119) 2004 г. у газеты появился второй подзаголовок «Казачьи вести».

В июле 2004 г. главным редактором газеты становится Т.В. Бакшеева. И уже с выпуска № 17 (122) от 6 июля 2024 г. у издания появляется женская страница «Не боли, болячка. Я – казачка», в которой публикуются женские истории, рецепты блюд и др. Газета объявляет конкурс на лучшее бабушкино блюдо [21: 8].

В 2002–2004 гг. редакция на страницах газеты благодарит за помощь и поддержку настоятеля Спасского собора протоирея В. Бурлака, Горячеводскую казачью общину (атаманов Т.В. Деревянко / В.Н. Широкова), Спасскую казачью общину (атамана Л.М. Кузнецова), Славянский Союз (Е.А. Подсвирова / Г.И. Кириченко), Софийскую казачью общину (атамана И. Жабина), Кисловодский казачий отдел (атамана В.И. Сторожева), Предгорный казачий отдел (атамана Г.А. Кондратенко) и др. А в выпуске № 17 (122) 2004 г. в сопроводительных данных отмечается, что газета «издается при информационной поддержке Отделов Терского казачьего войска». За 2002–2004 гг. тираж газеты вырос с 1700 экз. до 5000 экз. Средний тираж составил 2357 экз.

5 декабря 2009 г. газета «Лик Кавказа» начала выходить вновь после «некогда канувшей в лету» [3: 1]. В выпуске № 1 (01) отмечается, что каждый выпуск будет сопровождать девиз «История в судьбах и делах». Редакция особо подчеркивает, что возрожденная информационно-публицистическая газета «Лик Кавказа» – «выпестованное интеллектуальное детище казаков п. Горячеводского» [3: 1]. Учредителем газеты стала Городская межрегиональная общественная организация «Горячеводская казачья община», редактором – Т. Малышева.

Однако полностью газете возродиться удалось только в 2014 г. Учредителем газеты становится Казачий храм Успения Божией Матери г. Пятигорска – духовный центр казачества трех исторических казачьих отделов: Пятигорского, Терско-Малкинского и Баталпашинского, редактором – Е.В. Христосова. Она и сегодня продолжает быть главным редактором издания. Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) г. Москвы (свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-59967 от 21 ноября 2014 г.).

С 2014 г. «Лик Кавказа» впервые выходит в полноцветном формате, появились постоянные рубрики «Казачья служба», «Казачьи традиции», «Память», «События», «За веру и Отечество» и др. Так, темой выпуска № 8 (68) от 1 сентября 2014 г. стала «Дикая дивизия» – кавказская конная туземная кавалерийская дивизия, именовавшаяся в военном обиходе «Дикой», которая прославилась своими подвигами на полях сражений Первой мировой войны [2: 2]. № 5(179) 25 мая 2023 г. рассказывает о X Епархиальной научно-практической конференции «Отчизны верный сын», совместном проекте Пятигорской епархии и Терского общества любителей казачьей старины, которая совпала со 150-летием со дня смерти Н. Евдокимова, выдающегося русского военачальника, прошедшего свой путь от солдата до генерала и ставшего одним из символов Кавказской войны [22: 1].

С выпуска №8 (182) от 28 августа 2023 г. учредителем газеты «Лик Кавказа» становится Местная религиозная организация православного Прихода храма Успения Божией Матери пос. Горячеводского г. Пятигорска Ставропольского края Пятигорской и Черкесской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат). Традиционно в выпусках газеты отражаются новости казачьей жизни отделов терского и кубанского казачьих войск, расположенных на территории Пятигорской епархии, а также материалы по истории казачества. Так в выпуске № 9 (195) 28 сентября

2024 г., опубликована статья Ф. С. Киреева «Войсковой праздник ушедшей эпохи». В статье автор пишет, что «11 (24) декабря 1890 г. последовал Высочайший приказ об утверждении войсковых праздников для всех казачьих войск. Для Терского войска днем войскового праздника определили 25 августа (07 сентября по н. ст.). Эта дата была выбрана не случайно. 25 августа 1859 г. русские войска штурмом взяли аул Гуниб и пленили имама Шамиля. Этот день считается окончанием войны на Восточном Кавказе, после него в крае начался переход с военного положения к мирному существованию, и, в первую очередь, это касалось терских казаков. А Православной Церковью в этот день отмечается перенесение мощей святого апостола Варфоломея, мученически убитого на Кавказе. 25 августа 1891 г. терцы впервые отметили свой войсковой праздник» [4: 6].

В 2023–2026 гг. тираж газеты составлял 1500 экз., распространяется она бесплатно. 2 августа 2026 г. увидел свет № 7 (217) газеты «Лик Кавказа». Традиционно в выпуске отражаются новости казачьей жизни отделов Терского и Кубанского казачьих войск, расположенных на территории Пятигорской и Черкесской епархии. Рассказывается о праздновании дня святых первоверховных апостолов Петра и Павла в г. Новопавловске, представлены информация о визите делегации Всероссийского казачьего общества в расположение казачьей разведывательной бригады «Терек», а также о богослужении в храме села Сунжа, в котором приняли участие казаки Минераловодского городского казачьего общества [15].

Выпуски газеты за 2014–2026 гг. размещены на сайте газеты «Лик Кавказа» (https://likkavkaza.ru/) и на официальном сайте Пятигорской и Черкесской епархии «Благословенный Кавказ» (https://blago-kavkaz.ru/).

Важно отметить, что газеты «Лик Кавказа», как и вся региональная периодическая печать, «является уникальным важным источником изучения общественно-политической, социально-экономической жизни региона, решая задачи хранителя исторической памяти, а также информационного, образовательного, просветительского ресурса» [18: 32].

История газеты «Лик Кавказа» не имеет точки завершения, она движется вперед, внося свой вклад в историю книжной культуры, понимаемой нами, как «фундаментальной ценности гражданского общества» [20: 141]. А.Л. Посадсков подчеркивает, что «феномен, порожденный социально-экономической, политической и культурной трансформацией страны, еще проявится в будущем многими аспектами, событиями и штрихами в общей картины издательского процесса» [19: 43].

Источники и литература

1. Дело двадцати казаков // Лик Кавказа. 2002. № 12 (60).
2. Дикая дивизия // Лик Кавказа. 2014. 01 сентября. № 8 (68).
3. Дорогой читатель // Лик Кавказа. 2009. 04 декабря. № 1 (01).
4. *Киреев Ф.С.* Войсковой праздник ушедшей эпохи // Лик Кавказа. 2024. 28 сентября. № 9 (195).
5. *Лизунова И.В.* Газеты Сибири и Дальнего востока на современном этапе: некоторые типологические характеристики // Гуманитарные науки в Сибири. № 3. 2012 С. 49–53.

6. Лик Кавказа. 1998. 14 октября. № 15.
7. Лик Кавказа. 1998. 9 декабря. № 18.
8. Лик Кавказа. 2002. 26 апреля. № 14 (62).
9. Лик Кавказа. 2002. 5 августа. № 21 (69).
10. Лик Кавказа. 2002. 02 сентября. № 23 (71).
11. Лик Кавказа. 2002. 15 октября. № 26 (74).
12. Лик Кавказа. 2002. 10 декабря. № 30 (78).
13. Лик Кавказа. 2004. 25 мая. № 11 (116).
14. Лик Кавказа. 2022. 30 сентября. № 25 (73).
15. Лик Кавказа. 2026. 2 августа. № 7 (217).
16. *Матвеева Н.С.* Издательская деятельность леворадикальных политических организаций России (последнее десятилетие XX в.– первое десятилетие XXI в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 107–109.
17. *Матвеева Н.С.* «Терский казак»: прошлое и настоящее // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: материалы X Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 12–13 октября 2023 г.). Ростов-на-Дону, 2023. С. 531–537.
18. *Матвеева Н.С.* «Черноморский казачий вестник» (2016–2023) – хранитель исторической памяти // Черноморско-средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: к 80-летию освобождения Крыма и Украины от нацистской оккупации и 110-летию начала первой мировой войны. Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2024. С. 29–33.
19. *Посадсков А.Л.* Корпоративная пресса современной России: феномен и казусы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 6: Журналистика. С. 38–43.
20. *Посадсков А.Л.* Экологический «самиздат» Т. В. Гогулиной: об одном издательском феномене современной России // Книжная культура региона: исторический опыт и современная практика: материалы IV Всероссийской научной конференции (Челябинск, 23–25 ноября 2016 г.). Челябинск, 2016. С. 137–142.
21. У печи // Лик Кавказа. 2004. 06 июля. № 17 (122).
22. *Христосова Е.* Юбилейные Евдокимовские чтения // Лик Кавказа. 2023. 25 мая. № 5 (179).

Раздел 5. Кавказ в войнах и вооруженных конфликтах XIX–XXI веков

А.С. Эфендиева

Присоединение Картли-Кахетинского царства к Российской империи и его геополитические последствия для Южного Кавказа в трудах П.Г. Буткова

В конце XVIII – начале XIX в. Южный Кавказ стал одним из ключевых пространств геополитического соперничества между Российской империей, Османской империей и Каджарской империей. Одним из важнейших событий этого времени стало вхождение Картли-Кахетинского царства в состав России. Известный исследователь П.Г. Бутков считал, что включение Грузии в состав России создало новую политическую реальность на Южном Кавказе и стало основным поворотным пунктом, определившим дальнейшую судьбу региона.

Следует учитывать, что Бутков в то время проходил военную службу на Кавказе и был непосредственным свидетелем событий, происходивших в регионе. Его записи основаны не только на вторичных описаниях, но главным образом на личных наблюдениях. По этим причинам именно эти части его труда не только чрезвычайно ценны, но и носят характер первоисточника, создавая достоверную фактологическую базу для изучения политико-социальной ситуации на Южном Кавказе в конце XVIII в.

Согласно сведениям Буткова, в конце XVIII в. Картли-Кахетинское царство постепенно утрачивало возможность проводить самостоятельную политику как из-за внутренних политических слабостей, так и из-за внешних угроз. В период правления Ираклия II давление со стороны Каджарского государства и Османской империи усилилось, побуждая Грузию к сближению с Россией. Правовую основу этого сближения составил Георгиевский трактат, заключенный в 1783 г. П.Г. Бутков оценивает этот трактат как документ, который сохранял формальную независимость Грузии, но фактически включал ее в сферу влияния России. Тем не менее, трактат не смог обеспечить безопасность Грузии, и поход Ага Мухаммед хана Каджара на Тифлис в 1795 г. это наглядно продемонстрировал.

В последние годы существования Картли-Кахетинского государства внутриполитический кризис углубился. Непрекращающиеся набеги дагестанских племен создавали серьезную угрозу безопасности региона и подрывали благосостояние населения. П.Г. Бутков пишет: «Правитель Восточной Грузии Ираклий Теймуразович, пытаясь достичь политической стабильности путем передачи своей страны под покровительство России,

встретил сопротивление этому своему начинанию со стороны своей супруги царицы Дареджан и некоторых влиятельных сановников двора» [1: 481]. Н.К. Гвоздев в своей работе приводит аналогичные сведения, отмечая, что Дареджан и ее сыновья были настроены против русских: «Царица неоднократно подчеркивала, что отношения с Россией не принесли Грузии никакой пользы» [6: 77].

Царь Ираклий в последние годы своей жизни настолько ослаб, что уже не мог самостоятельно ни читать документы, ни подписывать их. Тем не менее память его была еще достаточно хороша, поэтому вопрос о передаче престола после своей смерти он определил четко и утвердил своего старшего сына Георгия в качестве законного наследника. Однако политические интриги внутри двора были направлены на изменение этого решения. Супруга Ираклия царица Дареджан ради интересов своих сыновей сумела убедить его, что после смерти часто болеющего и, как предполагалось, недолговечного Георгия престол целесообразно передать своему любимому сыну Юлону, а затем, в соответствии с очередностью рождения, к другим сыновьям. Таким образом царица Дареджан стремилась взять под свой контроль вопрос наследования и формировать политическое будущее Грузинского царства [1: 438].

Царь Ираклий скончался в ночь с 10 на 11 января 1798 г. в Телави, на 78-м году жизни, процарствовав в Кахетии 53 года и в Картли 35 лет [1: 438]. Сообщая о событиях, произошедших после завершения похоронной церемонии царя Ираклия, Бутков пишет: «После того как князья, дворяне и местные жители из Кахетии вернулись в Телави, наследник-царевич Георгий потребовал от них присяги на верность. Исходя из примера того, как население Картли беспрекословно принесло присягу новому правителю, некоторые кахетинцы были склонны принять это требование, однако более многочисленная группа желала, чтобы управление государством было временно возложено на царицу Дареджан. После того как обе группы собрались во дворце, Георгий, узнав о положении дел, в гневе приказал всем участникам собраться в одном зале и, угрожая наказанием непокорным, принудительно провел церемонию присяги» [1: 443].

На следующий день состоялась официальная церемония провозглашения царевича Георгия царем. Во время этой церемонии царица Дареджан, царевичи и князья подписали документ, подтверждающий неизменность установленного в завещании царя Ираклия порядка наследования в пользу Георгия, а Георгий своей подписью легитимизировал этот документ. Рукопись затем была передана царице Дареджан [1: 443].

Н.К. Гвоздев, сообщая о воцарении Георгия, отмечает, что Ираклий II оставил своему наследнику находившееся под угрозой царство. Столица превратилась в руины, государственная казна была опустошена, царская семья оказалась раздробленной между различными политическими группировками. Устойчивое и успешное правление нового царя было под вопросом [6: 76].

Георгий, пренебрегая завещанием Ираклия II, объявил наследником своего сына Давида вместо Юлона, чем вызвал недовольство в Грузии [5: 136]. Российский император Павел I одобрил это решение в апреле 1799 г. [7: 257].

Георгий XII был слабым правителем как в физическом, так и в политическом отношении. Объявление сына, царевича Давида, наследником пре-

стола углубило раскол внутри династии Багратионов. В то же время угрозы, исходившие от Фатали-шаха Каджара в адрес Грузии, усугубляли ситуацию с внешней безопасностью страны. В таких условиях Георгий XII видел выход в ещк более тесной связи с Россией и обратился к Павлу I за переходом страны на статус протектората [5: 136].

В июне 1800 г. делегация в составе Г. Чавчавадзе, Е. Палавандова и Г. Авалова была направлена в Петербург с текстом договора, состоявшего из шести пунктов, который предусматривал вечное принятие Картли-Кахетинского царства в подданство России при условии сохранения власти царя Георгия и его наследников, увеличения численности русских частей в Грузии и др. [2: 292–294]. 22 декабря 1800 г. Павел I подписал манифест о принятии Грузии под покровительство России. На начальном этапе предусматривалось не прямое присоединение Грузии, а создание зависимого государства с особым статусом в составе империи. Согласно этому плану, династия Багратионов должна была остаться у власти, но управление следовало осуществлять в соответствии с российскими законами. Хотя Георгий XII, опираясь на покровительство России, пытался сохранить свою власть, борьба при дворе и вопрос о престолонаследии серьезно подорвали политическую стабильность государства [4: 164–165]. Противостояние между группой вельмож во главе с сыном царя Георгия XII, царевичем Давидом, и второй группой феодалов-вельмож во главе с царевичем Юлоном, а также борьба за власть довели страну до грани гражданской войны.

Смерть Георгия XII 28 декабря 1800 г. осложнила положение. Несмотря на попытки сохранить грузинскую монархию, направление имперской политики изменилось. В январе 1801 г. Картли-Кахетия была фактически включена в состав Российской империи и впоследствии получила статус губернии. С назначением К.Ф. Кнорринга на пост генерал-губернатора начала формироваться новая система управления. Планировалось переселение большей части представителей династии Багратионов во внутренние области империи. Этот шаг был направлен на полное устранение политической независимости Грузии [7: 259]. В труде П.Г. Буткова события 1801 г. представлены как логический результат имперской политики. В качестве основных факторов он указывает безопасность границ империи, политику Османского государства, нападения горских народов и важное военно-стратегическое значение Грузии для России [1: 473–474].

Рескриптом от 19 апреля 1801 г. генерал-лейтенанту К.Ф. Кнорингу было поручено отправиться в Грузию и на месте изучить положение дел [1: 474]. Последующие события показывают, что российское правительство уже приняло твердое решение в направлении интеграции Грузии в империю. Отчеты, подготовленные в результате деятельности Кнорринга, также служили продолжению политики присоединения. П.Г. Бутков, представлявший доклад Кнорринга почти без всякой критики, подчеркивает внутренний кризис Грузии, ее экономическую слабость и беспомощность перед лицом внешних угроз. В противоположность этому, вхождение России в регион изображается как событие, несущее «стабильность», «безопасность» и «справедливость». Такой подход считается характерной чертой имперской историографии.

В труде П.Г. Буткова присоединение Грузии представляется преимущественно как шаг, соответствующий интересам местного населения. В докладе Кнорринга неоднократно отмечается, что большая часть населения Грузии желала перейти под власть России [1: 482]. Однако современная историография показывает, что этот вопрос был более сложным. Существуют факты противодействия вхождению в состав империи со стороны грузинской аристократии, династии Багратионов и определенной части населения.

С другой стороны, материалы, представленные П.Г. Бутковым, независимо от намерений самого автора, обнажают политику Российской империи, направленную на расширение ее влияния в регионе. Например, в докладе Кнорринга отмечаются стратегическое положение Грузии, ее значение для борьбы с Каджарским государством, возможности контроля над народами Дагестана и азербайджанскими ханствами [1: 478–479]. Эти факты показывают, что присоединение Грузии было не просто гуманитарным или оборонительным шагом, но и проектом, служившим геополитическим интересам империи.

12 сентября 1801 г. Александр I утвердил Высочайший манифест «К грузинскому народу», положивший конец государственной независимости Грузии. В апреле 1802 г. в Сионском соборе в Тифлисе был зачитан манифест, грузинские дворяне принесли присягу на верность императору в установленном порядке в присутствии русских войск. Интеграция Грузии в имперскую систему была юридически завершена [7: 259].

В материалах П.Г. Буткова особое место занимают геополитические последствия присоединения Грузии. Он подчеркивает, что это событие изменило не только судьбу Грузии, но и будущее всего Южного Кавказа. Грузия стала играть роль важной военной базы для русских войск и обеспечила благоприятные позиции для военной экспансии в другие части региона. Стратегико-географическое положение Грузии – расположение между Кавказскими горами и Черным и Каспийским морями – обеспечивало России важные военно-логистические преимущества.

Александр I не намеревался ограничивать контроль над Грузией только этой территорией. Согласно его стратегическим планам, территории, простирающиеся до бассейнов Куры и Аракса, также должны были быть включены в сферу влияния империи. Этот подход определил основное направление военно-политической деятельности Российской империи в последующие годы [5: 136].

В административном отношении присоединение Грузии также привело к важным изменениям. П.Г. Бутков отмечает, что местная система управления была упразднена и введена российская административная модель [1: 475]. Политическая элита была нейтрализована, положен конец власти династии Багратионов, а социально-экономическая структура региона реорганизована в соответствии с интересами империи. Новая власть осуществляла меры в области усиления религиозной политики, развития транспортных связей и экономической интеграции региона [7: 260].

В результате присоединения Картли-Кахетинского царства к Российской империей к ней перешли также Пембекское, Казахское, Борчалинское и Шамшадильское султанства, что было встречено с серьезным недовольством азербайджанскими ханами. Особенно резкий протест эриванского хана вызвало присоединение Пембека вместе с Картли-Кахетией к России.

Эриванский хан призвал население Пембека к выступлению против российской власти. В результате около 6 тыс. жителей Пембека переселились на территорию Эриванского ханства [3: 219–220].

Стремясь удержать под контролем население Пембека и укрепить позиции России в регионе, русское командование разместило на территории султанства три военные роты. Другой отряд русских войск вступил в Шорагельский султанат. Согласно постановлению о внутреннем управлении Грузии, принятому в дополнение к манифесту 1801 г., в Казахское, Борчалинское и Пембекское султанства были назначены приставы из числа грузинских князей, а русские чиновники направлены в качестве помощников для контроля над их деятельностью.

Происшедшие события вызвали недовольство гянджинского правителя Джавад-хана. С весны 1801 г. он организовал военные походы в регион с целью восстановить свои права на Шамшадиль [3: 227]. Примерно 1900 из 2300 проживавших там семей вместе со своими владетелями переселились на территорию Гянджинского ханства. П.Г. Бутков, характеризуя население и политическую принадлежность Шамшадильской провинции, отмечал, что на ее территории проживало до 4 тыс. мусульманских семей. Он также указывал, что Шамшадиль исторически принадлежал Гяндже, однако в период правления царя Ираклия II был включен в состав Грузии [1: 448].

Пытаясь воспрепятствовать укреплению российской власти в регионе, Джавад-хан в марте 1802 г., в ответ на попытки генерала Кнорринга привлечь на свою сторону шамшадильских владетелей, направил в регион очередной вооруженный отряд под руководством своего сына Гусейнкули-хана. Это событие привело к дальнейшему обострению отношений между Гянджинским ханством и российским военным командованием. Увидев твердую позицию Джавад-хана в вопросе о Шамшадиле, генерал К.Ф. Кнорринг дал указание командующему русскими войсками в Грузии генералу И.П. Лазареву взять султанство под полный контроль. 25 мая 1802 г. регион перешел под власть России.

П.Г. Бутков был представителем формировавшейся в начале XIX в. российской военно-бюрократической элиты и рассматривал события с позиций государственных интересов Российской империи. Поэтому было бы неправильно ожидать от него полностью нейтральной и объективной историографии в современном понимании. Тем не менее, его труды считаются бесценным источником для изучения истории Кавказа с точки зрения богатства фактологического материала, сохранности документов и последовательности изложения событий. С одной стороны, он – выдающийся источниковед, сохранивший чрезвычайно ценные источники, связанные с присоединением Грузии к России и историей Южного Кавказа в целом в конце XVIII – начале XIX в. С другой стороны, он – имперский историк, интерпретировавший эти события в рамках интересов и идеологических воззрений Российской империи.

В заключение следует отметить, что присоединение Картли-Кахетинского царства Российской империей стало важным этапом ее территориального расширения на Южном Кавказе. Это событие может быть оценено как решающий геополитический поворотный пункт, изменивший соотношение политических сил в регионе и оказавший существенное влияние на последующее историческое развитие Южного Кавказа.

Источники и литература

1. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Ч. II. СПб., 1869.
2. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1902.
3. *Дубровин Н.Ф.* Георгий XII, последний царь Грузии и присоединение ея к России. СПб., 1867.
4. *Чапичадзе З.* История Грузии: популярные данные из европейских источников об этноистории Кавказа и ее роли в европейской цивилизации Тбилиси., 2016.
5. *Baumer C.* History of the Caucasus. Vol. Two: In the Shadow of Great Powers. London, New York, 2024.
6. *Gvosdev N.K.* Imperial Policies and Perspectives Towards Georgia, 1760–1819. London, New York, 2000.
7. *Rayfield D.* Edge of Empires: A History of Georgia. London, 2012.

И.З. Хатуев

Начальный этап военных действий на Кавказе в период Крымской войны

Изучая вопросы, связанные с Крымской войной, необходимо отметить важность кавказского театра военных действий. Победы русских воинских соединений на полях сражений этой войны были напрямую связаны с поддержкой населения Кавказа. Русская армия показала в сражениях с османскими войсками в Закавказье высокие образцы воинского мастерства. Эта война еще более сблизила народы Южного Кавказа (армян, грузин, азербайджанцев), как и северокавказские народы, с русскими. Это была совместная борьба за то, чтобы турецкие захватчики не имели возможности совершать грабительские нападения на населенные пункты Кавказа. В данной связи, представляют особый интерес события Крымской войны, связанные с обороной Закавказья. Это – одна из славных страниц воинской истории Российского государства.

Граница, проходившая между Российской империей и Турцией на Кавказе до начала военных действий в этом регионе, была оснащена в основном достаточно слабыми крепостями, цепь которых протянулась от реки Чорох до Араратских гор, общая протяженность которых составляла почти полтысячи километров. Более или менее серьезными фортификационными сооружениями были Эривань, Александрополь, Ахалцыхское укрепление [3]. Они призваны были защищать южные рубежи российских владений от Ирана и Турции. На участках русско-турецкой границы по Чалдырским горам и пограничной реке Арпача не было мощных крепостей, отсутствовали и явные естественные преграды.

32 пехотных батальона, имевших в распоряжении более 30 пушек, а также десяток регулярных эскадронов вместе с более чем 2000 казаков и 36 военизированных ополчений из представителей кавказских народов – таковы были силы в распоряжении Отдельного Кавказского корпуса перед началом Крымской войны 1853–1856 гг. В самом начале войны командование царски-

ми войсками на Кавказе оперативно могло выставить против почти 200-тысячного турецкого войска лишь 6 полноценных регулярных пехотных батальонов, менее полутысячи казаков-кавалеристов и чуть более 10 орудий.

Осенью 1853 г., когда на Дунае уже шли бои, адмирал П.С. Нахимов приказал перебросить из района Севастополя на побережье Черного моря, прилегающего к Кавказу, 13-ю пехотную дивизию, которой командовал на тот момент генерал-лейтенант А.А. Обручев. Был несколько усилен и Ахалцыхский крепостной гарнизон.

Несмотря на то, что приближение войны ощущалось в течение достаточно длительного времени, командование русскими войсками на Кавказе не провело необходимых работ по укреплению оборонной мощи на этом направлении. В Кабарде и Карачае, которые считались центром Кавказской линии, были сосредоточены более 1 тыс. кавалеристов и 17 полных батальонов пехотных частей русской армии. В районе Владикавказа находились казаки (более 1,5 тыс. чел.) и 13 батальонов регулярной пехоты. Территория Чечни стала местом нахождения 3 тыс. всадников, а также 15 батальонов пехотных частей, которые имели в своем распоряжении более 30 орудий. Эта группировка должна была усилить Левый фланг Кавказской линии (Чечня и часть горного Дагестана). На прикаспийском побережье Дагестана и Азербайджана дислоцировались 3 тыс. кавалеристов, 30 орудий и 24 батальона пехоты. Наконец, силы Лезгинской кордонной линии насчитывали в своем составе 10 пехотных батальонов, почти 1,5 десятка орудий и чуть более 2 тыс. кавалеристов.

При подсчете войсковых частей, расквартированных в разных уголках Кавказского региона, следует учитывать, что на Северном Кавказе, где шла продолжительная кровопролитная война с горцами, русское командование вынуждено было держать больше сил (почти 80 батальонов регулярной пехоты, более 10 тыс. кавалерии при более чем 100 орудиях), чем на закавказском направлении, откуда следовало ждать удар многочисленной турецкой армии [2: 47]. Л.Г. Бескровный писал, что непосредственно на границе с Турцией в Закавказье «русское командование собрало всего 10 тысяч войск и 32 орудия» [1: 235].

Кавказское направление театра военных действий «Восточной» войны было пополнено Гурийским отрядом и другими подразделениями, которые возглавлял генерал В.О. Бебутов. На кавказском побережье Черного моря дислоцировались укрепленные Закубанский и Таманский отряды, в состав которых входили около 9 тыс. кавалеристов, 25 батальонов пехоты при полсотни орудиях. Современники событий отмечали, что русские войска на Кавказе испытывали проблемы с передвижением и бесперебойным снабжением.

Необходимо учитывать и сложившуюся к этому времени политическую ситуацию на Кавказе, который царизм считал свои владением. Между тем, ситуация в этом регионе, особенно на Северном Кавказе, была далеко не простой. Известно, что присоединение земель в Закавказье к России произошло раньше, чем покорение народов Северного Кавказа, которые в течение десятилетий вели вооруженную борьбу. И если после серии войн с Персией и Турцией в первой трети XIX в. прикаспийские территории и феодальные общества Южного Кавказа стали частью Российской империи, то присоединение отдельных территорий Северо-Восточного и Северо-Запад-

ного Кавказа завершилось только после изнурительной и затяжной войны в начале 1860-х гг. Накануне и непосредственно в период Крымской военной кампании на Кавказе успели смениться в должности наместника (одновременно командующих русскими войсками на Кавказе): граф М.С. Воронцов; исполнявший обязанности наместника Кавказа генерал Н.А. Реад; генерал Н.Н. Муравьев; князь А.И. Барятинский. Все это время горцы Чечни, части Дагестана и Черкесии продолжали борьбу против царского владычества.

События на кавказском направлении «Восточной» войны можно условно разделить на три основных периода в следующей хронологической периодизации: I этап – с 27 октября по 24 ноября 1853 г.; II этап – с 20 мая до конца ноября 1854 г.; III этап – с 24 мая по конец ноября 1855 г. На каждом из этих этапов происходили достаточно крупные и значимые военные события, и они сопровождались, в основном, блестящими победами русских войск над численно превосходившими их силами противника.

После того, как крупные военно-морские силы союзников вошли в воды Черного моря, возникла реальная опасность для побережья, которое принадлежало России. Фактически военные действия на кавказском направлении Крымской войны начались для России с вторжения на армянские территории армии Османской империи в конце 1853 г. Причем атака Анатолийского турецкого корпуса стала неожиданной для царского командования на Кавказе. Передовые части османского войска стали опустошать армянские и азербайджанские районы.

Узнав о внезапном нападении турецких частей в Закавказье, командующий царскими войсками в регионе генерал В.О. Бебутов в конце октября прибыл в расположение Александропольской крепости. Здесь оперативно начали формировать ударную группу русских войск для эффективного противостояния частям османской армии.

Силы противников сошлись в крупном бою 2 ноября 1853 г. под населенным пунктом Баяндур в нескольких километрах от Александропольского гарнизона. Турецкий Анатолийский корпус под командованием Абди-паши, который насчитывал в своих рядах почти 30 тыс. штыков и сабель, атаковал 17-тысячный ударный отряд русских. Вначале боя русские части несли тяжелые потери, но не оставляли позиций. Ситуацию спасли вовремя подоспевшие подкрепления корпуса под личным командованием генерала Бебутова. Абди-паша был разбит и обращен в бегство.

В усиление Кавказского корпуса командование передало генералу Бебутову два драгунских полка – Тверской и Новороссийский. После первых стычек, отступления турок и усиления позиций русских в Закавказье, наступило относительное затишье на этом театре военных действий Крымской войны.

Командование из Санкт-Петербурга направило Кавказскому корпусу приказ о наступлении на турецкие позиции в Закавказье. Хотя ряд произошедших событий осложнил положение этой части русской армии к весне 1854 г. Ведь именно в это время мощный англо-французский флот, войдя в Черное море, угрожал высадкой крупного десанта на кавказском побережье Черного моря. Руководство корпусом на Кавказе понимало это и осознавало большую опасность для региона возможной операции союзников. Проблему создавало и то обстоятельство, что наместник Кавказа Воронцов попросил-

ся в отставку из-за болезни, а временно исполнявший его обязанности генерал Реад не отличался талантом полководца и решительностью в принятии важных решений, кроме того, не пользовался авторитетом в воевавших на Кавказе войсках. В этот период в районах Озургет и Рион происходило передвижение войсковых частей противоборствующих сторон.

Военная кампания 1854 г. на Кавказском фронте началась со второй попытки Анатолийского ударного корпуса османской армии прорваться к Тифлису, который считался центром закавказских владений Российской империи и местом официального нахождения наместника царя на Кавказе. В июне 1854 г. знатный турецкий военачальник Гасан-бей повел Батумский корпус в направлении Гурии. Вначале удача сопутствовала Гасан-бею, и он смог даже взять Озургеты. Воодушевленная успехом турецкая армия выдвинулась в направлении Кутаиси, который лежал на пути к главной цели турок – Тифлису.

Победное шествие османского корпуса было недолгим. 8 июня 1954 г. русские войска под командованием подполковника Г.Г. Эристова нанесли сокрушительное поражение при населенном пункте Нигоети наступавшим турецким частях в Грузии. Это была совместная победа русских солдат и грузинского военного ополчения.

На этом череда неудач Анатолийского корпуса османской армии не закончилась на Кавказском фронте. Узнав о победе русского оружия при Никоете, Гурийский отряд во главе с генералом И. Андроникашвили 10 июня 1854 г. выступил в направлении занятого турками Озургета. Турецкий командир Селим-паша, которому разведка донесла о наступлении русских, во главе с почти 35-тысячным войском отошел за реку Чолок. Это говорило о некоей растерянности турецкого командного состава, потому османы отступали от войска, как минимум, трижды уступающему им по численности. В составе наступавшего русского войска шли конные и пешие грузинские ополченцы из Имеретии и Гурии.

Началась битва у реки Чолок. Турки, оправившись от ударов, попытались даже атаковать русские позиции. Однако генерал Андроникашвили, умело используя артиллерию (почти 20 орудий), чередуя атаки русских войск то кавалерией, то пехотой, сумел в конечном итоге сломить сопротивления врага и нанести ему сокрушительное поражение. Мужественно себя проявили в бою и грузинские ополченцы.

В этом сражении турецкие войска потеряли убитыми и ранеными более 4 тыс. солдат и офицеров. Кроме того, русские войска, развивая наступление, захватили сразу 3 крупных лагеря противника, где было много боеприпасов, продовольствия. В руки победителей попала и вся артиллерия противника. Надо отметить, что это поражение серьезно подорвало весь наступательный потенциал Анатолийского корпуса турецкой армии.

В целом, Кавказский фронт Крымской войны 1853-1856 гг. сыграл немалую роль в общем исходе войны. Недооценивать его является ошибкой.

Источники и литература

1. *Бескровный Л.Г.* Русское военное искусство XIX в. М., 1974.
2. *Ибрагимбейли Х.М.* Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. М., 1971.
3. *Лапин В.* Крымская война. Кавказский фронт. // Звезда. 2015. №10. С. 202–215.

А.В. Венков, Х.Б. Мамсиров

Боевые действия на Северном Кавказе как прокси-фактор русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Османская империя всегда стремилась использовать мусульманское население Северного Кавказа в войнах против России. Окончание Кавказской войны и сдача в плен духовного и военного лидера восставших горцев имама Шамиля осложнили ей ситуацию. С другой стороны, она получили мощный резерв, который можно было использовать против России и на Кавказе, и на Балканах. В середине 1860-х гг. турецкое правительство переселило только в Болгарию до 100 тыс. черкесов-мухаджиров с Черноморского побережья. Одних турки выманили обещаниями хорошей жизни, другие не могли примириться с русскими завоеваниями на Кавказе.

В 1875 г. начался очередной виток славяно-турецкого противостояния. Сербское население Боснии и Герцеговины восстало против турок. Турки жестоко давили мятеж. Европа за этим наблюдала равнодушно. 20 июня 1876 г. Сербия и Черногория объявили войну Османской империи. По воспоминаниям В.А. Сухомлинова: «В России, особенно в Москве, “панслависты” и “славянофилы” настаивали на заступничестве за соплеменников, томящихся под игом турок» [2: 27]. 12 апреля 1877 г. последовал Высочайший манифест о начале войне с Османской империей.

В русско-турецкой войне 1877–1878 гг. ясно слышны отзвуки Кавказской войны. Учитывая опыт этой войны, наиболее вероятным противником казаков считались ушедшие с Кавказа черкесы. И в период боев за Дунаем начальнику передовых постов передового отряда генерала И.В. Гурко предписывалось: «Доглядите, как охраняют себя черкесы» [8: 5]. Боевые качества черкесов отслеживались особенно тщательно. Отмечалось их увлечение стрельбой и нежелание сходится с русской кавалерией в рукопашном бою. Некоторые офицеры генерального штаба объясняли нежелание черкесов драться с русской регулярной кавалерией разницей в росте и силе лошадей: «Все они сидят на маленьких, хотя и выносливых лошадях и неохотно поэтому бросаются в шашки» [7: 4]. И все это на Балканах.

С начала мая 1877 г., пользуясь своим господством на море, турецкие корабли начали систематически обстреливать русское побережье от Адлера до Очамчира. Одновременно они начали высаживать на абхазский берег уплывших в свое время в Турцию горцев, а те подбивали местное абхазское население к восстанию. В итоге 5 мая русские войска ушли из Сухума: «Несколько тысяч черкес, прежних выселенцев с Кавказа, вышли на берег около Адлера; стоявший тут пластунский батальон с большим трудом отступил горами на соединение с отрядом полковника Шелковникова в Сочи» [5: 231]

Возможно, многие адыги были «переброшены сюда обманным путем». По этому поводу исследователи приводят слова свидетеля событий К.Д. Мочавариани: «На броненосце вместе с пашой находилось много абхазцев и черкесов, выселившихся из Абхазии в Турцию в 1864-1866 гг. Если черкесы и абхазы соблазнились идти в Абхазию, то приманкой для них служила сама

Абхазия – их родной край; они льстили себя надеждою навсегда остаться на своей любимой родине» [6].

На этом участке побережье было захвачено быстро. 12 мая повстанцы окружили в районе села Ольгинское русский Сухумский отряд. 14 мая турецкие корабли высадили десантный отряд в 3 тыс. чел. в Адлере. Стоявшие здесь кубанские пластуны отступили из Адлера через Ахштырь к Сочи. Вскоре турки захватили Сухум. Поддержанные ими абхазы хотели вторгнуться в Кубанскую область, мечтали поднять на восстание Карачай. «Но все это осталось лишь одною мечтою, и абхазцы понесли должное наказание за бунт», – мстительно констатировали казаки [9: 629].

Для возвращения Сухума стал формироваться отряд генерала Я.К. Алхазова, который все лето 1877 г. вел здесь бои. В отряд включили 1-й и 2-й Кубанские пластунские батальоны. С Кубани на поддержку были двинуты дополнительные силы. Генерал Алхазов 15 июня атаковал и разбил турок у Очамчира. На помощь подошел Марухский отряд генерал-лейтенанта П.Д. Бабыча, и общими усилиями Сухум был отбит у турок.

Неспокоен оказался Центральный Кавказ. Турецкое командование засылало своих эмиссаров к кавказским горцам, чтобы поднять их на восстание и создать угрозу русским войскам, действующим в Закавказье. Эмиссары привлекали мусульманское духовенство, и муллы читали в мечетях прокламации, привезенные из Стамбула. Но некоторые горцы не слушали прокламации и помогали русской армии. Например, карачаевцы провели Марухский отряд русской армии по труднодоступному перевалу в тыл туркам, которые обороняли Сухум. Кабардинцы и балкарцы поступили в два конных иррегулярных полка, которые формировало русское командование. Осетины и ингуши в рядах русской конницы отправились на Дунай и там сражались с турками.

Но там, где Кавказская война длилась дольше, чем в других регионах Кавказа, часть населения восприняла турецкую пропаганду. Естественно, определенную роль сыграли и злоупотребления местной власти. Весной 1877 г. восстала Чечня. Алибек-Хаджи Алданов, уроженец селения Симсир Зандакского общества Веденского округа был провозглашен имамом. Через неделю после объявления о начале войны, к 20 апреля, повстанцев собралось около 18 тыс. чел. Но они были разбросаны чуть ли не по всей Терской области. Более или менее крупные силы – 500 чел. – были в отряде А. Алданова, который появился в лесах Ичкерии.

78-й пехотный Навагинский полк полковника А.А. Нурида сразился с мятежниками 22 апреля близ селения Маюртуп, выиграл еще несколько боев, но восстание разрасталось. Терскую область объявили на военном положении. Из-за нехватки милиции и регулярных войск пришлось провести дополнительную мобилизацию казаков. 17 апреля на Дону призвали еще десять полков 3-й очереди [1: 25]. На Кубани – 5 полков и 5 пластунских батальонов 3-й очереди. Отреагировало Терское войско. «Вызванная этими волнениями потребность в вооруженных силах принудила мобилизовать третье-очередные полки Терского Войска и пустить их в дело борьбы с восстанием в Чечне и Дагестане» [3: 214]. Терцы выставили весь штатный состав своего войска военного времени – 15 полков и 2 батареи.

Командующий войсками Терской области генерал А.П. Свистунов в таких условиях беспощадными мерами усмирил Малую Чечню. Но тут возникли слухи о появлении на Кавказе сына Шамиля Гази-Мухаммада. Восстание стало разрастаться, восстала Ичкерия. Оттуда в сентябре 1877 г. восстание перекинулось на земли Дагестана. Русский гарнизон в селении Кази-Кумух был вырезан. Семья окружного начальника была взята в заложники.

Затем повстанцы осадили Темир-Хан-Шуру (в настоящее время – Буйнакск). Командующий войсками Дагестанской области генерал-адъютант Л.И. Меликов вынужден был сформировать два отряда для борьбы с повстанцами – Дагестанский и Темир-Хан-Шуринский. Дагестанским отрядом командовал генерал-лейтенант В.А. Петров. Отряд состоял из Кабардинского и Дагестанского пехотных полков, 12-го пластунского батальона, 2-й, 4-й и 5-й сотен 2-го Кавказского полка Кубанского войска и 1-й сотни Кизляро-Гребенского полка Терского войска. Их объединили в сводный казачий полк, которым командовал войсковой старшина П.П. Бурсак.

8 октября Дагестанский отряд выступил из Темир-Хан-Шуры. Через 10 дней, 18 октября, он подошел к реке Казикумухское Койсу, за которой находилось селение Цудахар, резиденция наиба. 22 октября было занято оказавшееся пустым селение Казы-Кумух, где собрали останки жертв резни и похоронили. Здесь же неподалеку 5-й сотней Кавказского полка был пойман один из главных предводителей восстания: «Захваченный внезапно в горах, Джафар счел бесполезным защищаться, а потому без выстрела отдался в руки казаков и поздно ночью был приведен на бивуак» [4: 270]. 31 октября отряд вышел к аулу Согратль – столице имама. 2 ноября весь день шел бой за аул и укрепления. 3 ноября аул сдался. Население вернуло заложников и выдало зачинщиков выступления, которых повесили. Скрыться удалось лишь имаму Алибеку. От Согратля Дагестанский отряд выступил в Гуниб.

Темир-Хан-Шуринский отряд, которым командовал генерал-майор А.М. Муравьев с 8 по 19 октября совершил экспедицию в Койсубулинское общество, дабы удержать мятежников и колеблющихся от выступления. Кубанские казачьи (Лабинский и Хоперский полки) части были посланы для подавления восстания в Южном Дагестане, в Самурском округе и Кубинском уезде.

В середине октября к повстанцам присоединился ахтинский хан Кази-Ахмет-бек и блокировал русский гарнизон в укреплении Ахты. Для борьбы с ханом был сформирован Нухинский отряд под командованием генерал-майора князя Б.А. Чавчавадзе. В отряд включили 84-й Ширванский и 149-й Черноморский пехотные полки и взвод Кавказской горной полубатареи. Конницей командовал подполковник князь Б.А. Челокаев. Он собрал под своим началом четыре сотни 1-го Хоперского полка и Елисаветпольскую конно-иррегулярную охотничью дружину из 400 всадников. К Ахтам Нухинский отряд выступил 26 октября: «Довольно странный вид представлял из себя небольшой Нухинский отряд в 2500 человек на вершине диких снеговых гор Кавказа. Эта горсть людей с отвагою и решимостью шла в самые недра Дагестана, в страну с возмутившимся населением, стремясь на

выручку осажденным лезгинскими полчищами в укреплении Ахты своим товарищам, которые с часу на час ожидали или гибели или спасения» [цит. по: 4: 278].

Дело решила дальнобойность новых полученных казаками винтовок системы Бердан. Казаки открывали огонь с дистанции 1200 шагов. После первого же боя к князю Чавчавадзе явилась депутация из старейшин окрестных аулов. Они поведали, что лезгины потеряли 80 человек убитыми и ранеными и разбежались по окрестным аулам. Лезгины были под впечатлением от дальнобойности казачьих винтовок системы Бердана, которые поражали людей на расстоянии версты. 1 ноября отряд перешел через Главный Кавказский хребет и 5 ноября подошел к укреплению Ахты. Кази-Ахмет-бек, не дожидаясь поражения, бежал в горы. 7 ноября Нухинский отряд вступил в Ахты. Блокада с укрепления была снята. Пока Нухинский отряд сражался под Ахтами, лезгины стали подступать к Кубе и Нухе. Но здесь их отразили лабинцы полковника И.П. Фисенкова.

После этих боев повстанческое движение в Самурском округе пошло на убыль. 10 ноября лабинцы выступили в селение Перел, где был последний очаг восстания. Жители селения не стали ждать, явились к командующему с изъявлением покорности и выдали зачинщиков восстания. В округе и уезде восстановилось спокойствие. Кубанские историки считают: «Мужеством и беззаветной отвагой кубанцы вместе с другими русскими войсками не дали превратить Дагестан в кровоточащую рану на теле России» [4: 280].

Как видим, описанные выступления по масштабу и упорству не идут в сравнение с боями времен Кавказской войны. Османская империя теряла силы и не могла оказать достаточной поддержки повстанцам на Кавказе.

Источники и литература

1. *Воскобойников Г.Л., Соловов А.И.* Казачество и кавалерия в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. М., 2007.

2. *Генерал В.А.* Сухомлинов. Воспоминания. СПб., 2015.

3. *Караулов М.А.* Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912.

4. *Матвеев О.В., Фролов Б.Е.* Страницы военной истории кубанского казачества: к 310-летию службы кубанского казачества Российскому государству. Краснодар, 2007.

5. *Милютин Д.А.* Дневник 1876–1878. М., 2009.

6. *Мирзоева С.Г., Дыгова Л.Г.* Черкесы в стратегических планах Османской империи в период Балканского кризиса // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=18639 (дата обращения: 13.12.2024).

7. *Пузыревский А.К.* Воспоминания офицера генерального штаба о войне 1877–1878 гг. в Европейской Турции. СПб., 1879.

8. Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып.16. СПб., 1900.

9. *Толстов В.Г.* История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896. В 2 ч. Тифлис, 1900.

Ю.В. Ефремов

Воздухоплавательные части в вооруженных конфликтах на Кавказе

Воздухоплавательные части – специальные воинские формирования, которые для решения военных задач использовали летательные аппараты легче воздуха, аэростаты и дирижабли. На Кавказе воздухоплавательные части появилась благодаря реформе в армии и гораздо позже, чем на других территориях Российской империи. Период использования воздухоплавательных частей в Российской императорской армии и армиях государств, впоследствии образованных на территории бывшей империи, именно для решения военных задач, к сожалению, имел довольно короткую историю, охватывавшую последнюю четверть XIX – первую четверть XX вв., а на Кавказе он оказался еще короче, так как вследствие технического прогресса самолеты быстро заменили аэростаты и дирижабли в военном деле.

В Российской империи о возможностях воздухоплавания знали еще с конца XVIII в. 19 сентября 1783 г. «Санкт-Петербургские ведомости» поместили корреспонденцию из Парижа о том, что 5 июня того же 1783 г. братья Жозеф и Этьен Монгольфье провели в своем родном городе Аннонэ первую публичную демонстрацию полета модели теплового аэростата диаметром около 11 м [1: 5]. В последующие годы в России предпринимались попытки постройки и использования воздушных шаров, аэростатов и дирижаблей отдельными энтузиастами данного дела, в основном иностранцами. Но какого-либо успеха без поддержки государства они не добились. В период 1820–1850-х гг. интерес к воздухоплаванию в России и вовсе упал, ввиду тяжелого экономического положения страны, вызванного окончанием наполеоновских войн. По мнению одного из писателей того времени: «…первые 70 лет существования воздухоплавания для русских – как ни печально – прошли совершенно бесследно» [14: 690].

Позже ситуация изменилась. Неудача в Крымской войне, широкое использование привязных аэростатов в годы гражданской войны в США (1861–1865) и французскими войсками в войне с Австрией (1859) заставили русское правительство взяться за перестройку армии в соответствии с новейшими техническими достижениями, внимательно следить за всеми новшествами и приступить к изучению вопроса военного применения воздушных шаров. В результате в Российской империи воздухоплаванием всерьез стали заниматься позже, чем в ряде зарубежных стран.

В начале декабря 1869 г. была созвана Комиссия для обсуждения вопросов о применении воздухоплавания к военным целям под председательством товарища генерал-инспектора по инженерной части инженер-генерала Э.И. Тотлебена. Она должна была стать значительной вехой в развитии воздухоплавания и подготовки военных кадров в данной сфере. В состав комиссии входили офицеры Генерального штаба, которым было поручено обсуждение проблемы применения к военным целям аэростатов. Однако деятельность комиссии фактически прекратилась в 1876 г. и принесла мало пользы [2: 52–58].

Определенный перелом в лучшую сторону в отечественном воздухоплавании наступил лишь в декабре 1884 г. Военный министр генерала от инфантерии П.С. Ванновский распорядился учредить Комиссию по применению воздухоплавания, голубиной почты и сторожевых вышек к военным целям. Комиссию организовали с 22 декабря 1884 г. при Главном инженерном управлении под председательством заведующего гальванической (с 1891 г. – электротехнической) части управления генерал-майора М.М. Борескова. Среди ее членов были различные ученые и первые военные аэронавты России [5: 13–14]. Данная комиссия смогла заложить организационные основы для дальнейшего развития военного воздухоплавания. Наконец было образовано специальное воинское формирование для практических работ с аэростатами.

В период с 26 января по 16 февраля 1885 г. из состава Учебной гальванической роты Российской императорской армии сформировали кадровую команду военных воздухоплавателей. Ее командиром назначили секретаря комиссии поручика А.М. Кованько [8: 16–17]. К началу 1887 г. штатный состав команды воздухоплавателей увеличился, к ней стали прикомандировывать офицеров и рядовых для изучения воздухоплавательного дела. Поэтому 22 апреля 1887 г. кадровую команду военных воздухоплавателей переименовали в учебный кадровый воздухоплавательный парк. Он стал, по своей сути, первой воздухоплавательной частью, имевшей утвержденное штатное расписание [9: 17].

23 декабря 1889 г. Главное инженерное управление вошло с ходатайством в Военный совет об учреждении новых воздухоплавательных частей, согласно новым штатам. Но только 14 июня 1890 г. Военный совет положил сформировать по разработанным штатам и согласно Положения о воздухо-плавательной части, высочайше утвержденных 27 апреля 1890 г. императо-ром Александром III, учебный воздухоплавательный парк, а в 1891 г. одно крепостное воздухоплавательное отделение [4: 339].

Больше, к сожалению, ничего сформировать не смогли. Однако в Российской императорской армии с указанного периода фактически было начато массовое формирование воздухоплавательных частей – воздухоплавательных отделений. Финансовые трудности, отсутствие в необходимой сумме денежных средств сильно тормозили данный процесс.

Как итог, за 9 последующих лет, к 1 января 1900 г., кроме учебного воздухоплавательного парка, удалось сформировать лишь 6 крепостных воздухоплавательных отделений: Варшавское, Варшавского укрепленного райо-на, Ивангородское, Ковенское, Новогеоргиевское и Осовецкое.

Русско-японская война (1904-1905) дала новый толчок к развитию воздухоплавательных частей Русской императорской армии, которые изменились не только в количественном составе, но и структурно. В воздухоплавательных частях появились новые виды воинских формирований – роты и батальоны. По окончании русско-японской войны сформированные для участия в боевых действиях 1-й, 2-й и 3-й Восточно-Сибирские полевые воздухоплавательные батальоны вывели из Манчжурии и расположили в Сибири (города Омск, Иркутск) и на Дальнем Востоке (город Никольск-Уссурийский). На протяжении последующих лет в Российской империи численный состав воздухоплавательных частей оставался без изменений.

Однако в 1909 г. ситуация поменялась, так как начавшаяся очередная реформа в армии затронула и воздухоплавательные части. По докладу военного министра от 12 июня 1909 г. о реорганизации воздухоплавательных частей 17 июня император Николай II повелел сформировать в мирное время 18, а в военное – 26 воздухоплавательных рот, 5 из которых предназначались для обслуживания дирижаблей дальней разведки [1: 31].

Одной из таких воздухоплавательных рот как раз и стала 1-я Кавказская, которую решено было разместить на территории крепости Карс. Данная рота формировалась из чинов ранее дислоцированного в Иркутске 2-го Восточно-Сибирского полевого воздухоплавательного батальона. Рота была сформирована к октябрю 1910 г., а ее командиром с 1 июля 1910 г. являлся подполковник А.В. Ильин [6: 2–3].

1-я Кавказская воздухоплавательная рота стала первым воинским формированием на Кавказе, которое для решения военных задач использовало летательные аппараты легче воздуха, а именно аэростаты. Рота формировалась как крепостная. На вооружении роты имелись привязные аэростаты системы «Parseval», которые поднимались в воздух при помощи паровой лебедки. Стоит указать, что в крепости Карс позже, к 22 июня 1912 г., был сформирован один из первых авиационных отрядов Российской империи. Первоначально он назывался авиационным отрядом при 1-й Кавказской воздухоплавательной роте, а с 13 июля 1913 г. стал называться Карским крепостным отрядом. Он был вооружен самолетами «Ньюпорт-IV». Командовал отрядом штабс-капитан Н.А. Бык [3: 21].

30 марта 1914 г. рота была переформирована и переименована в Карскую крепостную воздухоплавательную роту. На начало Первой мировой войны рота находилась в Карской крепости, входила в состав Кавказской армии. Она оставалась единственным подразделением подобного рода на Кавказе. В ходе сражений Первой мировой войны на Кавказе рота по своему прямому предназначению в военных действиях не использовалась. На то были различные причины.

В период июня-сентября 1915 г. из личного состава и материальной части Карской крепостной воздухоплавательной роты были сформированы новые 17-я и 18-я полевые воздухоплавательные роты, которые были отправлены на германский фронт. 17-я воевала в составе 1-й армии сначала Западного, потом Северного фронта, а 18-я – в составе 3-й армии Западного фронта.

14 сентября 1915 г. Карская крепостная воздухоплавательная рота была переформирована и переименована в Кавказскую полевую воздухоплавательную роту, согласно приказу начальника штаба верховного главнокомандующего №62 [10: 94]. Продолжая дислоцироваться на территории Карской крепости, рота осуществляла подготовку специалистов воздухоплавания для других воздухоплавательных частей и авиации.

В январе – марте 1917 г., согласно приказу начальника штаба верховного главнокомандующего № 47 от 11 января 1917 г., рота была в очередной раз переформирована, на этот раз в два отдельных воздухоплавательных отряда, 7-й и 30-й корпусные [7: 320]. Указанные отряды после сформирования убыли в состав армий, действовавших против германцев и австрийцев. 7-й и 30-й корпусные воздухоплавательные отряды сражались в составе 4-й

армии Румынского фронта, где и сгинули после прихода к власти большевиков осенью 1917 г., в пучине наступившего хаоса армии.

Таким образом, Кавказская воздухоплавательная рота, в ходе сражений Первой мировой войны, на территории Кавказа, для решений военных задач использована по назначению не была и влияния на ход войны особо не оказала.

После свержения Временного правительства на территории бывшей Российской империи появились различные самостоятельные государства, в том числе и на Кавказе. Однако вооруженные силы этих стран, а именно Азербайджана, Армении и Грузии, каких-либо воздухоплавательных частей в своем составе не имели, в отличии от авиационных подразделений, которые у них имелись. Не было воздухоплавательных частей у белых, а также у турецких и английских войск, которые в разные годы помогали противоборствующим сторонам на Кавказе.

Поэтому фактов использования и применения летательных аппаратов легче воздуха в сражениях на Кавказе в 1918–1919 гг. не было. Применялись лишь самолеты. Только в следующем году ситуации изменилась, когда войска Красной армии пришли на Кавказ. При проведении наступательных операций в апреле-мае 1920 г. против войск Азербайджанской Демократической Республики, в состав 11-й армии Кавказского фронта входили 7-й, 14-й и 18-й воздухоплавательные отряды, привязные аэростаты которых применялись для корректировки огня артиллерии красных, в том числе бронепоездов, на начальном этапе операции [12: 6–8].

Однако, при оказании военной помощи восставшим, боровшимся за установление советской власти в Армении в декабре 1920 г., каких-либо воздухоплавательных отрядов Красной армией не применялось. А там действовала все та же 11-я армия Кавказского фронта [11: 64–70]. Вооруженные силы Армении воздухоплавательных частей также не имели. Имевшиеся же ранее в составе 11-й армии воздухоплавательные отряды были отправлены на Кубань и Таманский полуостров, для борьбы с белогвардейцами.

В очередной раз воздухоплавательные отряды в военных действиях на Кавказе были применены лишь в феврале 1921 г., при проведении Красной армией наступательных операций против войск Грузинской Демократической Республики. Наступавшая на Тифлис (в настоящее время – Тбилиси) 11-я Красная армия воздухоплавательных частей снова не имела. А вот наступавшая со стороны Абхазии 9-я армия Кавказского фронта имела в своем составе 3-й, 7-й, 14-й и 23-й воздухоплавательные отряды, объединенные под управлением 5-го воздухоплавательного дивизиона. 3-й воздухоплавательный отряд располагался в Темрюке, 7-й – в Туапсе, 14-й – в Сочи, 23-й – в Анапе. В указанной операции роль воздухоплавательных отрядов заключалась лишь в охране Кавказского морского побережья, на случай своевременного обнаружения возможного прихода и высадки войск Антанты, для оказания помощи грузинским войскам.

Указанные отряды располагались на морском побережье Кавказа вплоть до декабря 1921 г., после чего были переведены в другие места, где они были позже расформированы либо переформированы. Какого-либо непосредственного участия в военных действиях они не приняли, но определенный вклад в победу Красной армии все же внесли.

Вплоть до начала 1930-х гг. на Кавказе более не было каких-либо воздухоплавательных частей, в составе располагавшихся там войск, которые бы использовали летательные аппараты легче воздуха, аэростаты или дирижабли, для решения военных задач. Лишь осенью 1931 г. в городе Баку, в составе Краснознаменной Кавказской армии, был сформирован 7-й отряд аэростатов заграждения [13: 2–3]. Позже этот отряд был переименован в 3-й отряд аэростатов заграждения и в середине 1930-х гг. развернут в дивизион аэростатов заграждения. Однако специфика применения стоявших на вооружении аэростатов была уже иная, а их боевое применение было получено уже в годы Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. *Дружинин Ю.О., Емелин А.Ю., Павлушенко М.И., Соболев Д.А.* Страницы истории отечественного воздухоплавания. М., 2013.
2. *Дузь П.Д.* История воздухоплавания и авиации в России. Период до 1914 г. М., 1995.
3. *Кушнерёв В.В.* Военные крылья Кавказа. История становления отечественной военной авиации Кавказского региона в 1909–1941 гг. Краснодар, 2021.
4. Приказы по военному ведомству за 1890 г. СПб., 1891.
5. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 401. Оп. 4/928. Д. 46.
6. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 535.
7. РГВИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 102.
8. РГВИА. Ф. 802. Оп. 3. Д. 114.
9. РГВИА. Ф. 808. Оп. 1. Д. 23.
10. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 14.
11. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 29. Оп. 7. Д. 5.
12. РГВА. Ф. 30. Оп. 3. Д. 349.
13. РГВА. Ф. 32557. Оп. 1. Д. 1.
14. *Столпянский П.* В старом С.-Петербурге // Воздухоплаватель. 1913. № 9. С. 690.

А.Т. Джумагулова

О социокультурных факторах консолидации кочевых обществ Ставропольской губернии в условиях Гражданской войны

Период 1917–1920 гг. стал для народов Кавказа временем глубокого кризиса, когда распад имперской государственности и эскалация вооруженного противостояния поставили под вопрос само существование малых этнических групп. Кочевые и полукочевые общества Ставропольской губернии – ногайцы, туркмены и калмыки – столкнулись не только с физической угрозой хозяйственного разорения, но и с необходимостью переосмысления собственной идентичности перед лицом сменяющих друг друга политических проектов. Хотя политические и экономические аспекты их положения в годы революции и Гражданской войны освещены в историографии [4; 8; 10], вопрос о социокультурных механизмах их внутренней консолидации остается на периферии исследовательского внимания. Между тем именно

апелляция к таким факторам, как традиционное право, этническая солидарность и историческая память, часто служила тем ресурсом, который позволял номадам формулировать свои требования и артикулировать позицию в диалоге с властью, будь то администрация Временного правительства, структуры Союза объединенных горцев или командование Вооруженных сил Юга России. Продуктивной аналитической рамкой для изучения подобных процессов может служить концепция «совместничества», предложенная Ю.Ю. Клычниковым, которая описывает сотрудничество-соперничество различных этнических и политических групп, вынужденных сосуществовать в рамках единого геополитического пространства и вырабатывать общую идентичность при сохранении внутренней автономии [5: 5].

Цель настоящей статьи – анализ роли социокультурных факторов в процессах консолидации кочевых обществ Ставропольской губернии в условиях многовластия и Гражданской войны 1917–1920 гг. Источниковую базу исследования составляют материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Привлеченные документы позволяют выявить ценностные основания политического поведения номадов. Методологической основой работы выступают принципы историзма и объективности. Применение историко-сравнительного метода дает возможность сопоставить стратегии консолидации различных кочевых обществ губернии.

Ключевым фактором, обусловившим стремление кочевых обществ Ставропольской губернии к объединению, стала не этническая или конфессиональная близость, а общность хозяйственно-культурного типа и вызванная ею уязвимость перед лицом стремительных и непонятных перемен. Ногайцы, туркмены и калмыки, веками существовавшие в рамках скотоводческого уклада, к 1917 г. оказались перед угрозой утраты пастбищных угодий, разрушения привычных механизмов самоуправления и нарастающего давления со стороны оседлого крестьянского населения. Как отмечали современники, крах имперской приставской администрации не принес кочевникам освобождения от опеки, а, напротив, обнажил их беззащитность перед лицом стихийно формирующихся новых органов власти, ориентированных на интересы земледельческого большинства [8: 37].

Осознание общей уязвимости перед лицом неизвестных им трансформаций побудило кочевые общества к поиску совместных форм политического представительства. Созданный в январе 1918 г. Инородческий совет стал органом, объединившим ногайцев (ачикулакских), туркмен и калмыков Большедербетовского улуса именно по признаку принадлежности к кочевому скотоводческому хозяйству. Учредительные документы Совета подчеркивали необходимость сохранения единства кочевых обществ и прямо выступали против возможного дробления по этническому или иному признаку [14: 2]. Принцип формирования Совета на началах паритетного представительства – по два делегата от каждого из трех народов – также указывает на стремление сохранить солидарность перед общей угрозой, не допуская доминирования какой-либо одной группы.

Информационная политика кочевников также отражала стремление к единству. Газета «Ставропольский инородец», учрежденная как официаль-

ный орган Инородческого совета, уже в первых номерах обращалась ко всем кочевым народам Ставрополья с призывом к сплочению. Редакционная статья «Нации и Отечество» (февраль 1918 г.) рисовала картину общего прошлого, связанного с пребыванием в составе империи, и общего будущего, которое необходимо строить совместными усилиями [14: 1–2]. Заголовок другой публикации – «С кем нам по пути?» (май 1918 г.) – отражал растерянность перед политическим выбором и одновременно подразумевал, что выбор этот должен делаться сообща [15: 1–2].

Важными вехами в процессе консолидации стали конференции, на которых кочевые общества вырабатывали общую позицию по вопросам, затрагивавшим не только хозяйственные, но и этноконфессиональные интересы. На I съезде горских народов Северного Кавказа (май 1917 г., Владикавказ) делегаты от ногайцев и туркмен выступили с совместными требованиями признать занимаемые ими земли неотъемлемой собственностью, апеллируя к нормам справедливости, общим для мусульманских народов [7: 70–71]. В избранный на съезде Центральный комитет Союза объединенных горцев вошли представители и ногайцев, и туркмен [13: 24–30]. Позднее, на II съезде (сентябрь 1917 г.) была выдвинута идея объединения ачикулакских ногайцев, туркмен Ставропольской губернии и караногайцев Терской области в отдельный округ в составе проектируемой Горской республики [13: 140–141]. Кизлярская мусульманская конференция (ноябрь 1921 г.) стала площадкой, где ногайские делегаты, уже в условиях советской власти, настойчиво ставили вопрос о сохранении норм шариата в семейно-имущественной сфере, стремясь оградить традиционный уклад от форсированной секуляризации [11: 34–35]. На I съезде мусульман-ногайцев Ачикулакского района (декабрь 1921 г.) также активно обсуждались вопросы религии, шариата и калыма, причем делегаты просили разъяснений о возможности использования традиционных правовых норм в новых условиях [12: 70]. Эти конференции, при всем различии их политической обстановки, свидетельствуют о том, что кочевые и полукочевые общества рассматривали религиозные и правовые традиции как неотъемлемую часть своей идентичности, которую необходимо отстаивать перед лицом любых политических режимов.

Вместе с тем, консолидация кочевых обществ имела серьезные пределы. Она не смогла преодолеть внутреннее социальное расслоение, при котором родовая знать, контролировавшая пастбищные ресурсы, преследовала собственные интересы, далеко не всегда совпадавшие с нуждами рядовых скотоводов [3: 45–49]. Проявилась и разница политических ориентаций. Если ногайцы и туркмены активно участвовали в проекте Горской республики, провозглашенной 11 мая 1918 г., то калмыки Большедербетовского улуса ориентировались на собственные механизмы политического представительства, а позднее – на объединение с соплеменниками в рамках Калмыцкой автономной области. Горская республика, в свою очередь, осталась проектом узкого круга интеллигенции, не получившим широкой народной поддержки [4: 28–33].

Апогеем военно-политической консолидации кочевых обществ Ставрополья в период Гражданской войны стало формирование в составе Вооруженных сил Юга России Инородческого конного полка. Эта часть, укомплектованная ставропольскими ногайцами, туркменами и калмыками

Большедербетовского улуса, участвовала в боевых действиях на ставропольском направлении в составе 4-й дивизии. Численность полка оставалась нестабильной: к началу 1919 г. в нем значилось около 420 чел., однако к весне в строю оставалось лишь 70 конников [9: 39]. Несмотря на низкую боеспособность и последующую передачу полка для охранной службы, сам факт его создания показателен: командование Белого движения, стремясь расширить социальную базу, санкционировало появление этнических формирований, а кочевые общества, в свою очередь, использовали эту возможность для защиты своих интересов уже военным путем. Впрочем, как отмечают исследователи, собственные репрессии белых и их непоследовательная национальная политика не способствовали закреплению этой поддержки, и к концу 1919 г. большинство национальных формирований распалось [10: 33–39].

Решающим ударом по потенциалу солидарных действий стала гуманитарная катастрофа Гражданской войны. Захваты земель крестьянами, реквизиции скота воюющими сторонами, голод и эпидемии привели к тому, что к 1920-м гг. поголовье скота у туркмен сократилось более чем на 97 % [16: 10–11], в Ачикулакском районе численность крупного рогатого скота упала почти на 96 %, овец – на 97 %, лошадей – на 84 % [2: 1–2]. Кризис описывался современниками как «угроза бытию инородцев» [15: 1–2]. Перед лицом физического вымирания задача сохранения хозяйственно-культур-ной идентичности уступила место элементарной борьбе за выживание, что в итоге и предопределило выбор в пользу советского проекта, обещавшего кочевникам административное признание и экономическую поддержку це-ной отказа от традиционного уклада.

Попыткой вернуться к мирным формам консолидации стало обсуждение будущего административного устройства кочевых народов на съезде в Ачикулаке в апреле 1922 г., где присутствовало 65 делегатов от караногайского, ногайского и туркменского народов. Спектр обсуждавшихся проектов был чрезвычайно широк: от создания собственной автономной области до вхождения в одну из существовавших автономных республик – Дагестанскую или Горскую, а также в Терскую губернию или в Кабардинскую автономную область. Выдвигалась и идея объединения с калмыками в союз тюрко-монгольских народов на основе общности кочевого уклада [1: 24]. Однако к этому моменту логика национального размежевания уже возобладала над хозяйственно-культурной солидарностью. Решающую роль сыграла позиция ногайского лидера С.А. Шабанова, который в своем докладе подверг критике альтернативные варианты и убедил делегатов в целесообразности объединения ачикулакских ногайцев с караногайцами и последующего выхода из состава Ставропольской губернии с присоединением к Дагестанской АССР [1: 33]. Это решение, оформленное постановлением ВЦИК от 16 ноября 1922 г., показало, что объединение по национальному признаку оказалось сильнее прежнего межэтнического совместничества, характерного для кочевых обществ Ставрополья в предшествующий период [1: 54].

Анализ источников показывает, что кочевые народы Ставропольской губернии в 1917–1920 гг. действовали не как разрозненные этнические группы, а как носители общего хозяйственно-культурного типа, столкнувшиеся с общей угрозой. Перед лицом неизвестных им трансформаций – кру-

шения имперской администрации, земельного передела, вооруженного противостояния – они стремились выработать совместные механизмы защиты своих интересов. Данный вывод согласуется с наблюдениями исследователей, отмечавших, что на начальном этапе революционных потрясений кочевые общества пытались опереться на привычные формы самоорганизации, а не на новые политические идеологии [6: 847].

Вместе с тем выявленные ограничения консолидации – социальная дифференциация, расхождение политических ориентаций и, главное, хозяйственное разорение – позволяют уточнить распространенный тезис о прагматизме кочевников в выборе союзников [10: 33–39]. Как показывают материалы, этот прагматизм не был свободным политическим маневром, а диктовался катастрофическими обстоятельствами. Разрушение традиционного скотоводческого уклада, подтверждаемое статистическими данными о падеже скота [2: 1–2; 16: 10–11], оставляло номадам единственную возможность – искать спасения в рамках того политического проекта, который мог гарантировать физическое выживание.

Наконец, проведенный анализ позволяет по-новому взглянуть на соотношение этнического и хозяйственно-культурного факторов в процессах самоорганизации кочевников. Пример Инородческого совета, объединившего три народа, показывает, что в критической ситуации именно общность исторической судьбы и многовековой опыт совместничества становились основой для политической консолидации.

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, первичной основой для консолидации кочевых обществ Ставропольской губернии в условиях Гражданской войны выступала не этническая или конфессиональная близость, а общность исторической судьбы и многовековой опыт совместничества в рамках единого геополитического пространства. Именно этот опыт, накопленный ногайцами, туркменами и калмыками за время существования приставской системы в рамках одной губернии, позволил им в критический момент выступить с совместных позиций, создав такой представительный орган, как Инородческий совет. Во-вторых, стремление к объединению диктовалось не идеологическим выбором, а реакцией на неизвестные и угрожающие трансформации, порожденные крахом имперской государственности. Апелляция к традиционным правовым нормам, религиозным ценностям и механизмам самоорганизации служила для кочевников способом сохранить внутреннюю автономию и идентичность перед лицом сменяющих друг друга политических проектов. В-третьих, потенциал совместничества как основы консолидации был серьезно ограничен внутренней социальной дифференциацией кочевых обществ и расхождением их политических траекторий. На смену хозяйственно-культурной солидарности пришла логика национального размежевания, что наглядно проявилось в последующем объединении ногайцев в составе Дагестанской АССР, создании Туркменского национального района и вхождении большедербетовских калмыков в состав формировавшейся Калмыцкой автономной области. Решающим же ударом стала гуманитарная катастрофа Гражданской войны, превратившая борьбу за сохранение идентичности в борьбу за элементарное выживание и предопределившая включение кочевников в советский проект уже на условиях последнего.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-1318. Оп. 7. Д. 100.
2. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 7. Д. 397.
3. *Джумагулова А.Т., Кидирниязов Д.С.* Положение номадного животноводства Ставропольской губернии в XIX – начале XX вв. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 4 (81). С. 43–58.
4. *Кажаров А.Г.* Организация «Союз объединенных горцев» и сепаратизм на Северном Кавказе: предпосылки, движущие силы и итоги (1917–1919 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Регионоведение. 2018. № 1 (214). С. 28–38.
5. *Клычников Ю.Ю.* Совместничество: ретроспективный анализ специфики русско-северокавказских отношений / Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Вып. 9. Пятигорск, 2018.
6. *Лиджиева И.В.* «Нет сомнения, что суд целого общества есть вернейший и беспристрастный суд…» // Вестник архивиста. 2019. № 3. С. 838–851.
7. Материалы съездов горских народов Северного Кавказа и Дагестана 1917 г. Нальчик, 2014.
8. *Невская Т.А.* Туркмены Ставрополья в революционных событиях 1917 г. // Туркмены Юга России: исторический контекст и социокультурные трансформации. М., 2016. С. 36–45.
9. *Очиров У.Б.* Конные части горцев и кочевников Северо-Восточного Кавказа в белой армии (1918-1920 гг.) // Вестник КИГИ РАН. 2009. № 2. С. 35–39.
10. *Очиров У.Б.* Национальные части народов Юга России в период революции 1917 г. и Гражданской войны // Великая Российская революция в судьбах народов Юга России. Элиста, 2017. С. 30–47.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 13. Д. 1107.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 1113.
13. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.): документы и материалы. Махачкала, 1994.
14. Ставропольский инородец. 1918. № 2.
15. Ставропольский инородец. 1918. № 9.
16. *Тумаилов М.* Туркмены Северо-Кавказского края. Полторацк, 1925.

С.И. Линец, Е.Н. Тоноян

Особенности формирования и деятельности истребительных батальонов на Ставрополье в первый год Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1942 гг.)

Вопросы формирования и деятельности истребительных батальонов на Ставрополье в 1941–1942 гг. долгое время оставалась на периферии исследовательского интереса. Первые обращения историков к данной теме относятся к советскому периоду, когда основное внимание уделялось роли партийных органов в мобилизации населения на защиту страны. Работы

1950–1960-х гг., как правило, носили описательный характер. В монографиях и коллективных трудах по истории парторганизаций создание и деятельность истребительных батальонов рассматривались как часть всенародного патриотического подъема, без анализа трудностей [1; 4; 13]. В 1970-х – конце 1980-х гг. историки начали более активно привлекать архивные данные. Однако идеологические рамки того времени ограничивали анализ – акцент делался на героической составляющей, тогда как проблемы материального снабжения, дисциплины и другие аспекты истории истребительных батальонов оставались неисследованными [17]. Открытие архивов в постсоветский период позволило рассмотреть проблему многогранно, включая вопросы материально-технического обеспечения истребительных батальонов, их кадрового состава, взаимодействия с регулярными частями и структурами НКВД [9; 12; 15; 18].

С началом Великой Отечественной войны перед местными органами власти остро встала задача охраны тыла и борьбы с немецкими диверсантами и шпионами. Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 24 июня 1941 г. «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» и приказом НКВД № 00804 от 26 июня 1941 г. были определены задачи и структура истребительных батальонов. Они создавались преимущественно из партийного и комсомольского актива, в том числе на добровольной основе. В европейской части СССР к концу июля 1941 г. было создано 1755 истребительных батальонов общей численностью 328 тыс. чел. [12: 29].

В Орджоникидзевском (с 1943 г. – Ставропольском) крае к концу 1941 г. было сформировано 44 истребительных батальона. По итогам 1941 г. в них числилось более 6,5 тыс. чел., а также почти 1,8 тыс. всадников во вспомогательных кавалерийских подразделениях [7]. Истребительные батальоны предназначались для охраны и обороны военных и народнохозяйственных объектов в прифронтовом тылу, поддержания общественного порядка в городах и сельских населенных пунктах [16: 28–29]. Совместно с работниками милиции личный состав батальонов выявлял и обезвреживал провокаторов и лиц, распространявших дезинформацию, проводил операции по задержанию дезертиров, мародеров и уголовников. Бойцы патрулировали улицы, площади, вокзалы, рынки и другие места массового пребывания людей.

Все истребительные батальоны страны находились в ведении органов НКВД. Общее руководство их деятельностью осуществлял штаб под командованием генерал-майора Г.А. Петрова [10]. При наркоматах внутренних дел республик прифронтовой полосы, а также при управлениях НКВД краев и областей формировались соответствующие штабы истребительных батальонов. В Орджоникидзевском крае координацией действий батальонов занимался штаб при управлении НКВД, который возглавил начальник милиции края капитан Д.Д. Балбасенко.

Директивы НКВД и решения краевого комитета ВКП(б) стали основой для развертывания батальонов на Ставрополье. Уже в первой половине июля 1941 г. в Ставрополе, Пятигорске, Кисловодске и других городах были созданы первые отряды. В середине августа крайком утвердил создание кавалерийских подразделений в помощь истребительным батальонам – ка-

зачье-кавалерийских сотен и полусотен. Такие формирования появились в 32 сельских районах [11: 195]. Комплектование шло ускоренными темпами, без детальной проработки штатной структуры, что приводило к неоднородности состава. Тем не менее, энтузиазм добровольцев был высок, и в ряде случаев списки желающих превышали потребности. Местные партийные организации брали на себя инициативу в проведении собраний, где разъяснялись задачи и обязанности будущих бойцов.

Главной задачей истребительных батальонов на этапе их формирования (лето-осень 1941 г.) стала борьба с воздушными десантами и диверсионно-разведывательными группами противника. Параллельно они привлекались к патрулированию улиц и охране объектов инфраструктуры, включая железнодорожные мосты и склады. Бойцы несли службу круглосуточно, часто без смены, особенно в первые недели. Иногда их использовали для сопровождения важных грузов и эвакуации оборудования с предприятий. Роль Ставропольского краевого штаба МПВО и управления НКВД в координации деятельности истребительных батальонов была ключевой, однако местные власти зачастую действовали самостоятельно, что создавало путаницу в руководстве подразделениями этих военизированных структур и в отчетности по их деятельности. Постепенно удалось наладить приблизительную отчетность и назначить ответственных лиц, курирующих каждый истребительный батальон. К концу июля – началу августа 1941 г. в 59 районах и городах края уже были сформированы, правда, в разной степени готовности, истребительные батальоны. А к концу октября процесс их формирования в целом завершился. В состав каждого батальона входили роты и взводы, были назначены командиры подразделений из числа сотрудников НКВД и опытных военнослужащих запаса. Проводились первые учебные стрельбы и тренировки по тактике ведения боев [10].

Острой проблемой на всех этапах функционирования истребительных батальонов оставалось материально-техническое обеспечение. Они не имели единого централизованного источника вооружения и военного снаряжения. В каждом районе Ставрополья ситуация в ходе решения этих вопросов была своеобразной, порой даже уникальной. Где-то удавалось получить несколько десятков винтовок в местных военных и милицейских складах, а где-то приходилось полагаться только на личное оружие бойцов, прежде всего, на охотничьи ружья. В результате в первые недели практической деятельности батальонов лишь каждый третий боец имел винтовку. Кроме охотничьих ружей широкое применение находило холодное оружие – сабли и кавказские кинжалы. Патроны были дефицитом, что делало полноценную боевую подготовку практически невозможной. Складские запасы на местах были скудными, а централизованные поставки наладить не удавалось. Поэтому руководство каждого батальона изыскивало оружие самостоятельно. Во-первых, через его списание из фондов военкоматов, во-вторых, путем передачи ружей от местных охотничьих структур, в-третьих, через ремонт старых неисправных винтовок и ружей. Форменное обмундирование бойцам истребительных батальонов практически не выдавалось. Они носили гражданскую одежду, что также создавало дополнительные проблемы, прежде всего при несении караульной службы, особенно в ночное время.

Продовольственное снабжение истребительных батальонов Ставрополья осуществлялось практически полностью за счет местных ресурсов: через колхозы и подсобные хозяйства городских предприятий, что делало его нерегулярным. Транспортное обеспечение было крайне слабым: истребительные батальоны располагали лишь гужевым транспортом, средства связи (полевые телефоны) были в единичных экземплярах. Краевые партийные и советские органы пытались наладить централизованное снабжение, но безуспешно, поэтому каждый батальон выживал за счет собственной изобретательности и связей с местными хозяйствами. К примеру, для обучения бойцов борьбе с бронетехникой противника в физико-химической лаборатории Бальнеологического института Пятигорска и на предприятиях «Кавминрозлива» к началу ноября 1941 г. изготовили более 100 тыс. бутылок с горючей смесью – «коктейли Молотова» [5: 176; 8: 324].

Несмотря на все многочисленные трудности, к началу 1942 г. истребительные батальоны Ставрополья уже накопили опыт несения боевой и караульной службы. Основной их функцией по-прежнему оставалась охрана тыла: железнодорожных станций, мостов, линий связи, военных и народнохозяйственных складов и т.д. Деятельность батальонов осложнялась ростом диверсий со стороны вражеской агентуры. К 1 апреля 1942 г. численность бойцов истребительных батальонов Ставропольского края существенно снизилась и составила всего 2352 чел., т.е. уменьшилась менее чем за четыре месяца сразу на 64 %. Сократилось в несколько раз и число находившихся на казарменном положении бойцов, составив всего лишь 5–10 % от общей численности личного состава [2: 109].

Весной 1942 г. истребительные батальоны активно привлекались к операциям по прочесыванию местности в поисках десантных групп противника. В предгорных районах были проведены совместные рейды с подразделениями НКВД, позволившие нейтрализовать несколько вражеских схронов. Однако вследствие низкой мобильности батальонов нередко противник уходил от преследования. В докладной записке капитана Д.Д. Балбасенко, направленной первому секретарю крайкома ВКП(б) М.А. Суслову в феврале 1942 г., отмечалось, что в Ипатовском, Новоселицком, Егорлыкском и Старо-Марьевском районах численность истребительных батальонов сократилась до 25–38 чел., занятия по боевой подготовке фактически прекратились, а местные власти свернули работу по поддержке этих подразделений [6: 36–37].

С приближением линии фронта к границам края в июле 1942 г. характер деятельности истребительных батальонов резко изменился. Бюро Орджоникидзевского крайкома партии 22 июля приняло решение о том, что они должны были стать основой для спешно формируемых в городах и районах Ставрополья партизанских отрядов [17: 141–142]. Кроме того, истребительные батальоны стали выполнять функции заградительных отрядов, контролируя отход частей Красной армии и препятствуя панике. На них также была возложена задача по уничтожению стратегических объектов, которые нельзя было эвакуировать из-за быстрого продвижения немецких войск. В ряде случаев бойцы истребительных батальонов принимали участие в боях с передовыми частями врага. К примеру, в начале августа 1942 г.

бойцы минераловодского батальона под командованием младшего лейтенанта милиции Калюжного приняли бой с превосходящими силами противника – 60 автоматчиками и 2 танками – и вынудили их отступить, потеряв при этом всего 2 чел. [7].

После оккупации большей части Ставрополья в августе 1942 г. большинство истребительных батальонов прекратили свое существование. К концу августа на их основе в 45 районах края были развернуты 47 партизанских отрядов [13: 342]. Часть личного состава влилась в партизанские отряды, часть ушла в подполье, остальные разошлись по домам или успели эвакуироваться в восточные и южные районы страны.

Таким образом, история истребительных батальонов на Ставрополье в 1941–1942 гг. прошла путь от их формирования, организационного укрепления и несения службы в тылу до боевых столкновений с немецкими войсками, в начале августа 1942 г. вторгшимися в пределы края. Система комплектования и материально-технического обеспечения истребительных батальонов носила импровизационный, экстремальный характер. За год существования их численность претерпела значительные колебания: к концу 1941 г. она достигла своего пика – свыше 8 тыс. чел., но к апрелю 1942 г. сократилась более чем на две трети из-за мобилизаций и недостаточного внимания со стороны районных властей [2: 109]. Несмотря на острый дефицит оружия, обмундирования и транспорта, истребительные батальоны сохраняли боеспособность и выполняли, преодолевая огромные трудности, свои функции до лета 1942 г. Это стало возможным благодаря самоотверженности их личного состава и поддержке населения.

Именно истребительные батальоны стали базой, на основе которой развернулось партизанское движение в крае. В ходе боев с регулярными частями вермахта истребительные батальоны показали невысокую боевую устойчивость. Да иначе и не могло быть, ведь не имея артиллерии и достаточного количества автоматического оружия, они несли тяжелые потери и были вынуждены отступать. Являясь импровизированными вооруженными формированиями без полноценного вооружения и соответствующей подготовки, истребительные батальоны лишь отчасти могли выполнить возложенные на них задачи. Они могли эффективно выполнять ограниченный спектр задач (охрану тыла, борьбу с диверсантами, поддержание порядка в условиях режима военного времени). Но к ведению общевойскового боя оказались не всегда готовы. В то же время, нельзя в полной мере согласиться с выводами о полной бесполезности деятельности истребительных батальонов в годы Великой Отечественной войны [3: 8–9].

После освобождения Ставрополья от немецких оккупантов крайком ВКП(б) расформировал партизанские отряды и преобразовал их в 48 истребительных батальонов общей численностью в 5 199 бойцов. В городах и районах была создана 271 группа содействия истребительным батальонам. К июню 1943 г. истребительные батальоны Ставрополья и группы содействия провели 629 боевых операций, в ходе которых задержали 1 382 диверсанта и дезертира [14: 62]. В целом, истребительные батальоны стали важным элементом мобилизационного резерва и внесли свой посильный вклад в оборону страны в годы Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. *Аликберов З.М.* Партийные организации Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Махачкала, 1969.
2. *Банников А.Е.* Истребительные батальоны Ставрополья // Северный Кавказ в межцивилизационных контактах и диалогах: от древности к современности: Тезисы региональной научной конференции, посвященной 10-летию исторического факультета АГПИ, 24–25 октября 2001 г. Армавир, 2001. С. 106–111.
3. *Беликов Г.* Оккупация. Ставрополь. Август 1942 – январь 1943. Ставрополь, 1998.
4. *Биленко С.В.* Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне. М., 1969.
5. Воинская слава Пятигорска: Очерки истории. Изд. 2-е, испр. и доп. Пятигорск, 2025.
6. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф.1. Оп. 2. Д. 240.
7. *Егорова Е.* Рассекречено. Тайные сведения об истребительных батальонах Ставрополья Егорова // Аргументы и факты. Ставрополье. 2015. 23 апреля.
8. Край наш Ставрополье. Очерки истории. Ставрополь, 1999.
9. *Линец А.С., Линец С.И.* Партизанское движение на Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации края (август 1942 г. – январь 1943 г.). Пятигорск, 2005.
10. *Медведев Т.Д.* Истребительные батальоны НКВД в период Великой Отечественной войны: организационная структура и управленческая вертикаль // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16. Спец. вып. URL: https://history.jes.su/s207987840034278-4-1/ (дата обращения: 28.08.2026).
11. Наш край. Документы, материалы (1917–1977 гг.). Ставрополь, 1983.
12. *Никулина Е.В.* Истребительные батальоны Ставрополья и Кубани в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2005.
13. Очерки истории Ставропольской организации КПСС. Ставрополь, 1970.
14. Партизанское движение на Ставрополье. К 80-летию со дня окончания битвы за Кавказ в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Ставрополь, 2023.
15. *Селюнин В.А., Селюнина Н.В.* Истребительные отряды на Юге России в 1941–1944 гг. // Научная мысль Кавказа. 2006. № 2. С. 47–55.
16. *Синицын А.М.* Всенародная помощь фронту. 2-е изд. М., 1985.
17. Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов. Ставрополь, 1962.
18. Ставропольский край в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 2019.

И.А. Эмирханов

Власть и общество в борьбе с дезертирством и бандитизмом в Дагестанской АССР в годы Великой Отечественной войны

С первых дней Великой Отечественной войны советское общество и система управления страны столкнулись с проблемой противодействия дезертирству и бандитизму в тыловых регионах, требовавшему оперативного реагирования. Особую остроту она приобрела на Северном Кавказе, в том числе Дагестане, где в сельской местности активно действовали небольшие группы из бывших участников вооруженных антисоветских выступлений.

Несмотря на масштабный характер проведенных в 1930-х гг. процессов раскулачивания, репрессий в отношении инакомыслящих и «социально чуждых элементов», полностью ликвидировать всех противников со-

ветского строя в дагестанском селе не удалось. Часть из них, оказавшись загнанной в колхозы, скрывала свое отношение к власти, но при малейшей возможности стремилась ей навредить и ослабить позиции колхозной системы. Именно в их окружении после начала военных действий стали появляться различные провокационные слухи, а также проводиться подрывная работа по свержению советского строя.

Осуществлению эффективного контроля со стороны центральных и республиканских партийно-государственных структур затрудняло сочетание патриархального бытового уклада и труднодоступности ряда районов, что сказывалось на темпах реализации общегосударственных оборонных задач и поддержании правопорядка.

В экстремальных условиях военного времени борьба с уклонистами от мобилизации, а также дезертирами и бандитским подпольем выдвинулась в число приоритетных задач для органов управления Дагестана. В этой связи, 4 июля 1941 г. городским и районным отделениям внутренних дел республик, краев и областей страны было направлено специальное письмо НКВД СССР, где военкоматам, военно-учетным столам милиции и сельским советам предписывалось устанавливать дезертиров и уклонистов, а также принимать оперативные меры по их розыску [5: 97].

Республиканское руководство уделяло большое внимание агитационно-пропагандистской работе с местным населением, нацеленной на пресечение дезертирства и угрожавшего социально-политической стабильности, а также призванного укрепить авторитет властных институтов и сохранить управляемость региона. 28 ноября 1941 г. было принято совместное постановление СНК ДАССР и Дагестанского обкома ВКП(б) «О мероприятиях по борьбе с дезертирством», в котором было отмечено, что вся массово-политическая работа на местах должна быть направлена на то, чтобы «дезертиры и уклоняющиеся от призыва были окружены общественным презрением и ненавистью как жалкие трусы и предатели кровных интересов трудящихся нашей страны» [6: 605].

В итоге предпринятых действий к началу 1942 г. в регионе было выявлено более 1 тыс. случаев дезертирства и около 800 уклонистов от призыва в армию [7: 115]. Только за первые 10 месяцев войны в Дагестане было арестовано 1209 дезертира и «злостных уклонистов» [6: 616].

Однако, несмотря на принимавшиеся в первый год войны оперативные меры, полностью решить проблему дезертирства из рядов Красной армии и уклонения от призыва оказалось невозможной. Ситуация обострялась тем, что, переходя на нелегальное положение, часть дезертиров пополняла ряды бандформирований, занимавшихся грабежами колхозной собственности, имущества крестьян, убийствами представителей власти и активистов, а также запугиванием мирных граждан. Так, на XIV пленуме Дагестанского обкома ВКП(б) от 23 сентября 1942 г. было отмечено: «В горах растет число дезертиров, растет бандитизм, усилилась антисоветская деятельность враждебных элементов. В Дагестане сотни дезертиров, десятки банд, которые грабят колхозников, угоняют скот, убивают активистов, ответственных партийных и советских работников…Бандиты, дезертиры разлагают наши колхозы» [11: 6].

Действия бандформирований, значительная часть которых поддерживалась немецкой агентурой, носили антисоветский характер и были направлены на подрыв и дезорганизацию тыла. Наиболее тяжелая обстановка сложилась в горных, особенно в приграничных с Чечено-Ингушской АССР районах Дагестана. К примеру, бандформирования в Цумадинском и Цунтинском районах в течение трех дней держали селение Шаури в осаде. Для борьбы с бандами, действовавшими в Гумбетовском, Ботлихском, Цумадинском районах, были организованы оперативные заслоны, сформированные из бывших красных партизан и партийно-советского актива [9: 143–145].

Власть и общество действовали сообща, чтобы противостоять дезертирству и бандитизму в республике, становившихся благоприятной почвой для распространения в регионе деструктивных настроений, и подрывавших безопасность и прочность тыла. С октября 1941 г. решением наркома внутренних дел Дагестанской АССР при городских и районных отделах милиции были созданы истребительные батальоны, сформированные из числа бывших красных партизан, горянок-активисток и комсомольцев, в чьи обязанности входила борьба с бандформированиями на местах. Кроме того, в большинстве аулов были созданы группы охраны общественного порядка, работавшие в тесной связь с истребительными отрядами районов.

В целях профилактики и борьбы с дезертирством в республике был ужесточен паспортный контроль на линиях Каякент, Леваши, Гуниб и Куба, Хачмас и ст. Самур. На тех железнодорожных станциях республики, где не было заградительных отрядов, были организованы милицейские посты для систематической проверки всех лиц, прибывавших на территорию Дагестана.

Стоит отметить, что на обострение ситуации в Дагестанской АССР заметное влияние оказало недовольство горцев действиями местных властей, нередко злоупотреблявшими своими полномочиями. К примеру, в результате проверки, которая была проведена в сентябре 1942 г. по инициативе Л.П. Берии, в горном крае были выявлены многочисленные факты нарушений в работе районных партийно-государственных организаций: «В результате многолетних засух и недородов их население находилось на грани голода. Оно активно выражало свое недовольство, игнорируя колхозы, уклоняясь от призыва в армию, дезертируя, уходя в банды. Однако местные партийные и советские власти самоустранились от проблем, опасались брать на себя инициативу в столь сложном деле и ожидали указаний сверху» [1: 125].

Как следствие, в ряде районов Дагестанской АССР призывная кампания 1942 г. оказалась проваленной. К примеру, в Табасаранском районе из 19 сельсоветов наряд на сбор призывников был выполнен только в одном. Как отмечают исследователи: «11 сельсоветов вообще не предоставили ни одного человека. Из 228 призывников явилось по вызову лишь 63. Остальные скрылись в лесах» [2: 14–147].

К сентябрю 1942 г. численность действовавших в республике бандформирований увеличилась в два раза – с 13 до 27 [7: 115]. Дезертиры и участники бандгруппировок находили убежище в труднодоступных местах (лесах, ущельях, пещерах), откуда совершали набеги на близлежащие аулы и грабили колхозное имущество. Так, в начале октября 1942 г. бандгруппа,

скрывавшаяся в лесах Карабудахкентского района, отбила около 130 голов овец в колхозах Буйнакского района [10: 308]. «Даже то малое, что выращивали наши сельчане, – вспоминает уроженец с. Бакни Дахадаевского района Х.И. Исмаилов, – очень часто со склада растаскивалось бандитами и дезертирами. Они уносили с собой продукты в лес и в пещеры, в которых прятались» [4: 167].

Особенно свирепствовали отряды из числа дезертиров и уголовников, действовавшие в Дахадаевском и Кайтагском районах. Они совершали вооруженные налеты на аулы, грабили колхозные склады, устраивали погромы в государственных учреждениях. Уроженец с. Кубачи Дахадаевского района А.И. Ниналалов вспоминает: «Женщины на своих плечах относили зерно в Сулевкент, расположенный в глубоком ущелье, где протекает река Уллу-Чай с множеством мельниц, для помола. Иногда женщинам приходилось ночевать на мельнице, часто в мельницу врывались бандиты из дезертиров, отнимали у беззащитных женщин зерно, издевались над ними» [4: 313].

В 1942–1943 гг. бандформирования, действовавшие в Акушинском, Дахадаевском, Дербентском, Кайтагском, Табасаранском и Левашинском районах, объединившись в единую террористическую организацию под общим руководством жителя с. Абдаршкала Кайтагского района Мирзакадиева Шамсулвари, совершили в населенных пунктах Южного Дагестана более 90 вооруженных налетов и целый ряд террористических актов [3].

Заметный перелом в борьбе с дезертирством и бандитизмом в Дагестане наступил в последний период войны, с 1944 г., что было связано как с переломом в ходе боевых действий на фронте, так и с активизацией борьбы с этим явлением в горных районах республики. По неполным данным, в общем за годы войны было ликвидировано в перестрелках 80 человек, арестовано 202 бандита, 100 банд пособников, 1384 дезертира, 383 человека, уклонившихся от мобилизации в армию, 156 других преступников [8].

Таким образом, годы Великой Отечественной войны в Дагестане характеризовались активизацией антисоветских элементов, которые, ориентируясь на скорый приход противника, стали собираться в банды, состоявшие из дезертиров, уклонистов, уголовников для проведения различных антигосударственных действий, провокаций, грабежей и хищений государственной и общественной собственности.

Существенному снижению масштабов бандитизма и дезертирства в Дагестане, не получившими широкого распространения и не носившими системного характера, а к концу войны – практически полному искоренению, способствовали сочетание жёстких мер со стороны государственных структур и правоохранительных органов, а также участие общественности республики. В данном контексте представляется обоснованным согласиться с Е.Ф. Кринко, который отмечает, что «успех в борьбе с дезертирством во многом зависел от общественной поддержки, особенно в сельской местности, с традиционно высокой степенью социального контроля» [5: 99–100]. Именно благодаря совместным мероприятиям со стороны власти и общества, девиантное поведение и антисоветские настроения не стали доминирующими среди населения Дагестана. Определяющим в дагестанском обществе, как в целом, и по всей стране, оставался самоотверженный труд во имя Великой Победы.

Источники и литература

1. *Безугольный А.Ю.* «Горцев в армию не призывать и никуда не отправлять...» (мобилизационные мероприятия и национальная политика на Северном Кавказе в период Великой Отечественной войны) // Вестник Евразии. 2003. №3. С. 121–141.
2. *Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012.
3. Второй фронт – против бандитов // Дагестанская правда. 2010. 20 апреля.
4. Детство, опаленное войной. Дагестан. 1941–1945 гг. Воспоминания. Махачкала, 2015.
5. *Кринко Е.Ф.* «Хуже врага...»: дезертирство в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны // История и историки в контексте времени. 2011. Вып. 8. С. 90–105.
6. Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: (документы и материалы). Махачкала, 2005.
7. *Невский С.А.* Борьба с бандитизмом на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны (исторический обзор) // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства Внутренних дел Российской Федерации. 2018. № 3 (47). С. 112–119.
8. *Сулейманов А.* Дагестанская милиция в годы войны // Дагестанская правда. 2023. 5 мая.
9. *Сулейманов С.И.* Чекисты на войне. Махачкала, 2005.
10. Трудовой подвиг народов Дагестана в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Т. 1: Документы и материалы. Махачкала, 2015.
11. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 5231.

Д.Д. Чотчаев, Л.К. Текеева

Горцы Карачая и Черкесии в партизанском движении на территории Барановичской области Белорусской ССР в 1941–1944 гг.

Проблема партизанского движения в годы Великой Отечественной войны занимает важное место в исторической науке, ибо во многом благодаря партизанам была достигнута победа над немецко-фашистскими захватчиками. Партизанские формирования действовали во всех регионах СССР. Однако исследователи особое значение придают партизанскому движению на территории Белорусской ССР, где народное сопротивление приобрело наибольший размах.

Белорусская ССР одной из первых подверглась оккупации в конце августа – начале сентября 1941 г. В исполнение директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. [1: 75], ЦК КП(б) Белоруссии издал 30 июня 1941 г. директиву №1 о подготовке к переходу на подпольную работу партийных организаций районов, находившихся под угрозой оккупации, а 1 июля 1941 г. – директиву №2 «О развертывании партизанской войны в тылу врага» [2: 53–54]. Население республики горячо поддержало эти действия. Уже к 25 июля 1941 г. в составе 118 отрядов и групп на территории Белорусской

ССР сражались 2644 чел. [2: 106]. Всего в оккупированных захватчиками районах Минской, Витебской, Могилевской, Гомельской, Полесской, Пинской, Брестской, Вилейской и Барановичской областей в 1941 г. действовали 437 отрядов и групп общей численностью в 7200 чел. [1: 106, 112]. Вместе с представителями других народов СССР в партизанских формированиях сражались и горцы из Карачаевской автономной области (далее – КАО) и Черкесской автономной области (далее – ЧАО).

Исходя из данных, обнаруженных нами совместно с белорусскими коллегами в фондах Национального архива Республики Беларусь, центральных архивов Российской Федерации и Государственного архива Карачаево-Черкесской Республики, в 1941–1944 гг. в партизанских формированиях на территории Белорусской ССР воевало более 70 представителей горских народов Карачая и Черкесии, в том числе 48 карачаевцев, 13 черкесов, 5 абазин, 5 ногайцев, 3 осетин. В Брестской области сражались 20 чел., в Барановичской – 16, в Могилевской – 9, в Витебской – 3, в Минской – 6, в Вилейской – 1, в Пинской – 1 чел. [4: 194]. Эти цифры неокончательные, работа по выявлению горцев-участников партизанского движения продолжается. Мы полагаем, что их было не менее 100 чел. Этнический состав горцев – участников партизанского движения в Белорусской ССР также вызывает споры, ибо в разных источниках национальная принадлежность одного и того же человека записана по-разному. Исходя из имеющихся сведений, мы можем вести речь о приблизительных цифрах. Так, представители карачаевского народа находились в составе партизанских формирований в Брестской (16 чел.), Барановичской (5 чел.), Витебской (3 чел.), Могилевской (7 чел.), Вилейской (1 чел.), Пинской (1 чел.), Минской (5 чел.) и Полесской (1 чел.) областях. Черкесы состояли в партизанских формированиях в Брестской (3 чел.), Барановичской (4 чел.), Могилевской (2 чел.), Минской (1 чел.), Гомельской (1 чел.) областях. Абазины были участниками партизанского движения в Брестской (1 чел.) и Барановичской (2 чел.) областях. Ногайцы входили в состав партизанских формирований в Барановичской области (2 чел.). Осетины находились в партизанских формированиях Барановичской области (3 чел.). В отношении ряда партизан-горцев из Карачая и Черкесии пока не удалось установить конкретно, в каких областях они воевали [10: 164].

Целью данной статьи является исследование проблемы участия представителей Карачая и Черкесии в партизанском движении на территории Барановичской области Белорусской ССР.

Уроженец аула Верхняя Теберда Микоян-Шахарского района КАО Курман-Али Рамазанович Кипкеев в период с октября 1941 г. по 5 мая 1942 г. являлся партизаном группы, а позже был принят в состав партизанского отряда им. И.Т. Кузнецова бригады им. В.П. Чкалова. Прошел путь от рядового до командира роты. Вследствие увеличения численности бригады им. В.П. Чкалова в начале 1944 г. было принято решение об ее разделении на две части и создании новой партизанской бригады «За советскую Беларусь». Политрук К.Р. Кипкеев был назначен командиром партизанского отряда им. С.М. Кирова, входившего в ее состав, и находился в данной должности с 23 января по 5 апреля 1944 г. [8: 250]. Кипкеев проявил мужество, самоотверженность и талант командира. При его непосредственном участии был раз-

громлен вражеский гарнизон в местечке Городок. Под командованием партизана-карачаевца было ликвидировано 2 вражеских эшелона, уничтожено 286 рельсов. В июле 1943 г. Кипкеев отличился в боях во время блокады у деревни Тазары. В ходе 6 крупных боев под его руководством было ликвидировано 44 фашиста, уничтожено 23 вражеских эшелона с живой силой и боевой техникой, убито и ранено 660 карателей. Серьезное огнестрельное ранение вынудило его покинуть партизанский отряд 5 апреля 1944 г. Он был направлен в эвакогоспиталь №1174 [5: 56].

Боевые заслуги, доблесть и мужество, проявленные К.Р. Кипкеевым в борьбе против фашистских оккупантов, были отмечены Белорусским штабом партизанского движения, который 24 апреля 1945 г. наградил его медалью «Партизану Отечественной войны» I степени. 30 декабря 1948 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР К.Р. Кипкеев был удостоен ордена Отечественной войны I степени [6: 4-6].

Азрет Дадыкович Узденов из аула Каменномост Микоян-Шахарского района КАО был призван в армию, окончил Гомельское стрелково-пулеметное училище, получил воинское звание лейтенанта. В течение трех лет командовал взводом, а затем пулеметной ротой и строительным участком на западной границе. Великая Отечественная война застала лейтенанта А.Д. Узденова вблизи Бреста в должности командира пулеметной роты и коменданта 54-го укрепрайона. Получив в одном из боев тяжелое ранение, он был вынужден остаться в деревне Кожево. Благодаря белорусским крестьянам, оправился от ранения и вместе с находившимися в этом же селе земляками, в числе которых были ногаец Туган Узденов, абазин Энверби Хачуков и другие, вступил в партизанский отряд им. М.И. Калинина бригады «Комсомолец». Здесь он прошел путь от командира роты до командира взвода. В феврале 1943 г. за рекой Неман взвод Узденова пустил под откос фашистский эшелон, уничтожил до 100 фашистов. Однако рота была настигнута гитлеровцами. В ходе боя А.Д. Узденов второй раз получил тяжелое ранение, но его взвод выстоял [5: 66].

Заболевшего двухсторонним воспалением легких Узденова поместили в лесной госпиталь в Иванецко-Налибокской пуще (ныне Минская область). В начале июля 1943 г. гитлеровцы организовали против партизан большую карательную экспедицию при поддержке танков и авиации. Партизанские отряды были вынуждены прорываться из окружения, оставив всех нетранспортабельных. Фашисты никого из них не оставили в живых. После возвращения на свои базы партизаны похоронили останки погибших, в том числе и А.Д. Узденова [8: 174–175].

В числе других представителей карачаевского народа отважно сражались с врагом подрывники диверсионной группы партизанского отряда им. С.М. Кирова Хаджи-Мурат Хатуев и Султан Хасанов; партизан отряда им. М.И. Калинина бригады «Комсомолец» Юсуф Эдиев.

Уроженец аула Хабез Хабезского района ЧАО лейтенант Билял Юсупович Сидаков с 5 мая 1942 г. по июль 1944 г. состоял в партизанском отряде им. И.В. Сталина, а впоследствии в отряде им. М.И. Калинина бригады «Комсомолец» [9: 123–126]. С октября 1943 г. вплоть до полного освобождения территории Белорусской ССР в партизанском отряде им. Ф.Э. Дзержинского сражался уроженец аула Апсуа ЧАО Ахмед Ильясович Кужев. В самом начале

Великой Отечественной войны с остатками воинского подразделения на западной границе он оказался в окружении, вырвавшись из которого попал к партизанам [7].

Уроженец аула Эльбурган Хабезского района ЧАО, представитель абазинского народа Карабид Эдикович Хамуков в 1939 г. был призван в ряды Красной армии. По окончании в июне 1941 г. 1-го Могилевского стрелково-пулеметного училища он вместе с другими выпускниками-офицерами 21 июня был командирован в распоряжение 213-го полка, в 20 км от города Гродно в местечке Сапоцкино. Здесь же в первый день войны молодой офицер принял свой первый бой с превосходившими силами противника.

В сентябре 1941 г., попав в окружение, Хамуков сформировал небольшую партизанскую группу, вместе с которой развернул активные действия в тылу врага. В июне 1942 г. он вступил с товарищами партизанский отряд им. Кузнецова бригады им. В.П. Чкалова Барановичского соединения. Его назначили командиром отделения, впоследствии командиром взвода, а в августе 1943 г. – командиром партизанской стрелковой роты отряда им. Кузнецова. Эту должность он занимал до июня 1944 г. [5: 92]. Хамуков проявил себя как смелый и решительный командир, опытный секретарь комсомольской организации отряда. 18 июля 1944 г. очередная боевая операция завершилась третьим по счету ранением Хамукова, которое не позволило ему остаться в рядах Красной армии. Доблесть и мужество, проявленные К.Э. Хамуковым в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в тылу врага, заслужили высокую оценку. Он был удостоен орденов Отечественной войны I степени, Красной Звезды и медали «Партизану Великой Отечественной войны» I степени [3: 47–53].

Энверби Бекмурзаевич (Виктор Борисович) Хачуков добровольно ушел в Красную армию в 1937 г. из аула Псыж ЧАО. Великая Отечественная война застала его в Белоруссии, где он проходил срочную службу. Вместе со своими товарищами Михаилом Гулиным и Георгием Дударовым он попал в плен, но смог бежать из лагеря и вернуться в лес. На поле боя Хачуков и его товарищи нашли много брошенного оружия, собрали и закопали его в глубокой яме. Разыскав партизан, они вступили в отряд им. М.И. Калинина бригады «Комсомолец». Хачуков был назначен командиром отделения, а Дударов стал командиром взвода. Здесь же произошла встреча с их земляком, ногайцем из аула Эркин-Юрт Туганом Узденовым. В составе подрывной группы Хачуков и Дударов пустили под откос 3 немецких эшелона. Хачуков с разрешения командира нашел сделанный им схрон с оружием, из которой были извлечены 60 винтовок, 4 ручных пулемета, 2 «максима», несколько ящиков с патронами и гранатами, десяток револьверов. За это он получил благодарность от командира партизанского отряда И. Шматовцева и своего непосредственного командира П. Дутковского.

Хачуков состоял в партизанском движении до прихода в июле 1944 г. частей Красной армии в Барановичскую область. За боевые подвиги был удостоен медалей «За отвагу», «За боевые заслуги», «Партизану Отечественной войны» I степени, ордена Красного Знамени и других наград [5:94].

Тугана Эльмурзаевича Узденова, призванного в 1939 г. в ряды Красной армии из ногайского аула Эркен-Юрт Адыге-Хабльского района ЧАО, война застала на западной границе СССР в местечке Кольно в составе саперного ба-

тальона 310-го стрелкового полка. Оказавшись со своей воинской частью в окружении, Узденов с товарищами сумел вырваться и уйти в лес, где и нашел партизан. В период с 5 мая 1942 г. по июль 1944 г. он воевал в составе партизанского отряда им. И.В. Сталина, позднее отряда им. М.И. Калинина бригады «Комсомолец». Занимал должности командира конного отделения, а впоследствии являлся командиром взвода. Он участвовал во всех операциях, проводимых отрядом: в 1943 г. в бою с немецким гарнизоном Уша, в ряде операций под кодовым названием «Рельсовая война», а также в разгроме крупных гарнизонов населенных пунктов Рубежичи, Налибоки, Хатава, Новогорка, Любка, Загорье. Он взорвал 2 эшелона, 1 автомашину с живой силой и военной техникой противника [8: 171]. Мужество и самоотверженность Т.Э. Узденова, его активное участие в партизанском движении были высоко оценены руководством страны. Он был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «Партизану Отечественной войны» I степени [5: 96].

В партизанском движении на территории Барановичской области участвовал еще один представитель ногайского народа, уроженец аула Эркен-Юрт ЧАО Абдулла Шабанович Еслемесов. Он воевал вместе с Т. Узденовым в партизанском отряде им. М.И. Калинина бригады «Комсомолец», был храбрым партизаном, участвовал во взрыве мостов, уничтожении вражеских поездов с военной техникой и живой силой, ликвидации фашистских солдат и офицеров. Особо отличился 27 февраля 1944 г. при выполнении задания по взрыву танкетки, возглавлявшей колонну из 35 автомашин, двигавшихся по трассе Варшава – Москва. Еслемесов достойно выполнил задание, однако был ранен при отходе от места операции, спасая раненного партизана. А.Ш. Еслемесов был удостоен ордена Красной Звезды и многих боевых медалей. 17 июля 1944 г. А.Ш. Еслемесов и Т.Э. Узденов участвовали в параде в Минске в честь освобождения Белорусской ССР от немецко-фашистских захватчиков [5: 98].

Среди партизан-горцев Карачая и Черкесии, воевавших в составе партизанских отрядов на территории Барановичской области Белорусской ССР, необходимо назвать и представителей осетинского народа. В их числе был уроженец села Коста Хетагурова КАО упомянутый выше Г. Дидаров, который, сбежав из плена, воевал командиров взвода партизанского отряда им. М.И. Калинина бригады «Комсомолец».

Таким образом, в ходе исследования выявлено, что часть представителей народов КАО и ЧАО служили в 1941–1944 гг. в партизанских формированиях, действовавших в Барановичской области Белорусской ССР. В статье мы предприняли попытку показать боевой путь некоторых из них. В рамках одной публикации невозможно рассказать о всех этих мужественных партизанах, но работа продолжается, и мы в своих следующих работах по возможности отразим их боевые подвиги.

Источники и литература

1. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. В 3 т. Минск, 1983. Т. 1.

2. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941 – июнь 1944): документы и материалы. В 3 т. Минск, 1967. Т. 3.

3. *Джендубаев Р.С.* Имена героев бессмертны. Карачаевск, 2007.
4. *Койчуев А.Д., Текеева Л.К., Чотчаев Д.Д.* Горцы Северного Кавказа – участники партизанского движения на территории Белоруссии. 1941–1944 гг. // Материалы международной научно-практической конференции «Магас: древний и современный». Сборник статей. Ростов-на-Дону, 2021. С.193–203.
5. *Койчуев А.Д., Текеева Л.К., Чотчаев Д.Д.* Горцы Северо-Западного Кавказа в партизанском движении в Белоруссии. 1941–1944 гг. Карачаевск, 2023.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 3500. Оп. 8. Д. 106.
7. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 25. Д. 8519.
8. *Нежинский В.* Солдаты умирают с оружием. Ставрополь, 1971.
9. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941 – июль 1944. Минск, 1983.
10. *Текеева Л.К., Чотчаев Д.Д.* Горцы Карачая и Черкесии в партизанском движении на территории Белоруссии: численный и национальный состав // Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию Великой Победы (г. Карачаевск, 6–7 мая 2025 г.). Карачаевск, 2025. С.162–169.

П.А. Кузьминов, А.М. Хатухов, И.Р. Махов

Эвакуация работников ТГОК через перевал Бечо в августе 1942 г.[1]

Начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война летом 1942 г. докатилась до Кабардино-Балкарии. Почти пять месяцев территория республики была ареной кровопролитных столкновений, сражений, атак и контратак соединений Красной армии с войсками вермахта. Об этом много написано, но исследователи находят новые документы, актуализируют известные факты, дают иную трактовку и интерпретацию событиям и процессам, происходившим на территории республики. В последние годы публикуется все больше материалов, свидетельствующих о героической борьбе народов нашей страны за освобождение Кавказа, Приэльбрусья, Нижнего Баксана, Тырныаузского горно-обогатительного комбината….

Срыв планов «блицкрига» в 1941 г., мощные контрудары советских войск весной 1942 г. по всему фронту, изменили планы Гитлера. Основной удар летом и осенью 1942 г. фюрер приказал нанести по южным регионам СССР, который должен был привести к разгрому советских войск на Кавказе. «Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен буду прекратить войну», – неоднократно повторял Гитлер [3: 273]. В результате разгрома советских войск на Кавказе, немцы надеялись получить бакинскую нефть, молибден и вольфрам в Кабардино-Балкарии, цинк в Осетии, медь в Зангезуре [11: 153]. Стремясь реализовать эти планы, к ноябрю 1942 г. вермахт оккупировал южные регионы страны площадью в 240 тыс. кв. км, на которой проживало до войны около 7 млн чел. [8: 113].

[1] Исследование подготовлено в рамках гранта РНФ № 25-28-20355.

13 августа 1942 г. немецкие войска вторглись в Кабардино-Балкарию. На захват ее территории немцы направили «две танковые дивизии и большое количество военно-воздушных, пехотных частей» [8: 124], а также специальную горную дивизию «Эдельвейс», которые должны были прорвать оборону в Кабардино-Балкарии и выйти к Грозному. Но войска Германии были остановлены на рубежах рек Баксан и Терек. Зная о построенном в предвоенные годы Тырныаузском горно-обогатительном комбинате, немцы стремились захватить его, чтобы получать крайне необходимый им вольфрам и молибден.

Жестокие бои по дороге к комбинату шли у селений Кызбурун I, Заюково, Гунделен/Кенделен, горы Хара-Хора, куда выброшен был десант, и др. Задача у советского командования была сложная. С одной стороны, не допустить захвата врагом Тырныаузского комбината, всего Приэльбрусья, с другой, если не получится остановить врага, то организовать эвакуацию работников комбината и жителей района, уходивших от наступавшего противника в Закавказье через Главный Кавказский хребет, перевал Бечо [4: 8], высотой 3375 м. Защиту населения организовали воины 214-го кавалерийского полка, 8-го мотострелкового полка войск НКВД, 3-го горнострелкового отряда НКВД, истребительного отряда Тырныаузского комбината и др. [4: 8].

С началом Великой Отечественной войны в зоне Приэльбрусья были закрыты туристические и альпинистские лагеря и базы, ушли на фронт инструкторы и организаторы походов в горы. По приказу местных руководителей, в альпинистских лагерях осталось всего несколько человек: мастер спорта начальник горноспасательной станции Приэльбрусья Георгий Васильевич Однолюбов, начальник турбазы «Рот-Фронт» Александр Игнатьевич Сидоренко, начальник лагеря «Азот» в ущелье Адыр-Су Алексей Александрович Малеинов и зимовщик-наблюдатель метеостанции «Приют-9» Виктор Петрович Кухтин [5: 83].

1 августа 1942 г. альпинистов Однолюбова и Сидоренко вызвали в Нальчик на военные сборы, а уже 7 августа они получили приказ срочно вернуться домой и поступить в распоряжение начальника Тырныаузского комбината капитана государственной безопасности Б.Н. Чиркова [2: 278] для выполнения срочного задания. 8 августа штаб 37-й армии передал сообщение о возможности прорыва немцев в ущелье р. Баксан. В результате был отдан приказ на организацию эвакуации работников комбината в Грузинскую ССР.

Поздно вечером было созвано общее собрание работников комбината, где выступили начальник комбината Б.Н. Чирков и парторг ЦК ВКП(б) П.Д. Чепарин. В своих выступлениях они подчеркнули, что дорога на Нальчик была перекрыта, для рабочих и инженеров оставалось два варианта. Первый – остаться в поселке. Этот вариант рабочие сразу отмели. Второй – несмотря на все сложности перехода, вместе с семьями идти в Грузию через перевалы Главного Кавказского хребта [5: 84]. Это был фактически единственный выход – уйти в горы и продолжить борьбу. Страшно было идти в горы, но еще страшнее было увидеть фашистов в своем доме, поселке, комбинате. Решение было принято единогласно – уходить. Разрешено было взять с собой вещей не больше 16 кг. Опасность высадки немецкого десанта ускорила действия руководства предприятия. Решено взорвать предприятие и эвакуировать население через перевал Главного Кавказского хребта в Грузию было санкционировано и Москвой, и штабом фронта [1: 253].

9 августа рабочих комбината и их семьи стали вывозить в Приэльбрусье, к балкарскому селению Тегенекли, где была создана база для перехода в Закавказье. Тропы по склонам Эльбруса, выходящие к долине Баксана, стали путеводными нитями, которые могли вывести людей в Закавказье.

Однолюбов и Сидоренко добрались до Тырныаузского комбината 9 августа, когда работа по эвакуации была в разгаре. Чирков поставил альпинистам задачу: организовать переход через горы. После обсуждения вариантов вывода людей через горы приняли решение идти через перевал Бечо, который хотя и выше, чем Дозгун-Орун, но короче, а значит требовал меньше времени на преодоление. Поскольку работники комбината, а тем более их семьи, были физически не готовы к длительному переходу, выбрали путь, требовавший меньших затрат сил.

Руководство эвакуацией возглавил профессиональный альпинист Г.В. Однолюбов, который собрал группу профессионалов-альпинистов сопровождения для оказания помощи детям, женщинам, старикам, раненым. В нее вошли: А.И. Сидоренко, А.А. Малеинов, В.П. Кухтин, Н.П. Моренц, Г. Двалишвили и др. Общее военно-политическое руководство эвакуацией осуществлял заместитель начальника Тырныаузского комбината старший лейтенант госбезопасности А.Ю. Даганский [6: 20].

Альпинистское снаряжение собирали по «ниточке». С горно-обогатительного комбината, спасательной станции, альпинистского лагеря: 50 «кошек» без колец, три веревки-»сороковки», несколько пар нековаых ботинок, десяток ледорубов без темляков, два бурта вспомогательной веревки-репшнура. Кто-то принес дюжину поношенных штормовых костюмов, десяток старых палаток, несколько тросов и пеньковых веревок [9].

Особой группе было поручено нести запечатанные в мешках документы комбината: трудовые книжки, чертежи обогатительного завода, шахт, рудника «Молибден», канатных дорог и др., чтобы по возвращению, а в это верили все, быстро восстановить предприятие. Ее возглавил Н.А. Хрущев – главный геолог комбината [7: 36].

1500 человек, включая детей, должны были пройти около сорока километров коварных каменистых осыпей, ледников с глубокими трещинами, по тропам, проложенным на огромной высоте по крутым, почти отвесным склонам.

11 августа из лагеря вышла первая группа в 40 чел. Впереди шли наиболее физически крепкие ребята, которые прокладывали дорогу, убирали камни с тропы, ставили, где позволял грунт, ограждения. Альпинисты отвечали за безопасность каждого человека. Тропа, пробитая их усилиями, каждую ночь перерезалась новыми трещинами, вырубленные во льду ступени подтаивали под солнцем и сглаживались, поэтому их приходилось заново рубить. Но несмотря на все эти меры, подъем был очень тяжелым. Последующие группы были уже более многочисленны, по 70–80 чел. иногда даже по 100 чел., каждую из которых вели два альпиниста – ведущий и замыкающий.

Особенно труден путь был для матерей с маленькими детьми, которых они несли на руках, на плечах рюкзаки с вещами первой необходимости, маленькие запасы продовольствия. В беседе с журналистом Е.И. Лысенко вспоминала: «Шли по льду – младшего, годовалого сана, привязала простыней к спине, старшего, шестилетнего Толика, вела за руку. Вокруг скалы, лед, снег. Страшно

оглянуться и посмотреть вниз. А мы идем и идем… Много лет прошло, а забыть не могу, вижу перед собой, как мы идем по льду, как плачут мои дети» [10].

На половине подъема (около 700 м по вертикали) у так называемых «Северных палаток», – как вспоминал один из руководителей эвакуации мирных граждан через перевал Бечо А.Я. Безладнов, которого записал Н.А. Хрущев, – был предусмотрен ночлег под открытым небом и организована кухня с горячей пищей. В наиболее опасном участке пути – ледопаде, известном у туристов под названием «Куриная грудка», были вырублены ступени и протянуты веревки, ограждающие тропу от зияющей слева ледниковой трещины. Вьючный транспорт использовался только для доставки продуктов, топлива и очень небольшой части личных вещей, лишь до «Северных палаток». Попытка провести двух ослов через «Куриную грудку» привела к их гибели [7: 38].

Переход основной массы народа был задуман, как единовременная операция, длительностью в 4–5 дней. Первый день подъем на 700 м до «Северных палаток», второй день подъема до перевала (еще 700 м) и спуск до «Южных палаток» в Сванетии, также около 700 м, третий и четвертый дни отводились на отдых и переход до большого сванского села Бечо, расположенного в долине Ингура.

На деле все оказалось сложнее. Первый относительно легкий подъем до «Северных палаток», по правому борту ущелья Юсенги, даже пожилые участники перехода и матери с детьми на руках преодолевали не менее, чем за 6–8 часов, а энергичные отцы семейств совершали по два-три подъема в день, чтобы перенести побольше личных вещей. Однако людям, непривыкшим к таким нагрузкам, требовался отдых и многим не хватало одной ночи, чтобы восстановить силы и акклиматизироваться к высокогорью.

На северных склонах скопилось много людей, включая небольшие группы военных, уходивших в Закавказье, и главной заботой организаторов было комплектование групп по 40–50 чел., которым предстояло подняться на 300–350 м по скальному участку маршрута, форсировать две ступени ледника Бечо с «Куриной грудкой» в середине, форсировать перевал и спуститься вниз по склону, преодолевая горные ручьи. На этом альпинистском участке пути большинству участников перехода, не имевших туристического опыта, приходилось мобилизовывать все свои силы, чтобы преодолеть все трудности, а многие нуждались в помощи и поддержке более сильных товарищей [1: 257].

В этих условиях каждую группу должны были сопровождать не менее 2–3 опытных людей, в обязанность которых входила, помимо организации перехода, непосредственная помощь в переноске детей и минимально необходимых личных вещей. В наиболее напряженные дни штурма перевала число таких носильщиков составляло многие десятки человек. Только в результате самоотверженной работы большого коллектива удалось осуще-ствить эту трудную операцию без потерь.

Эвакуация длилась 23 дня, с 11 августа по 2 сентября [4: 38]. Общая численность тырныаузцев, преодолевших перевал Бечо, была 1500 чел., в том числе 600 рабочих комбината, остальные – члены их семей. Одновременно с ними шли воинские части – около 2 тыс. чел. [4: 33].

Лишь высокий профессионализм проводников и скоординированные действия всех участников позволил провести эвакуацию без единого не-

счастного случая. Благодаря мерам безопасности, мужеству, отваге, выдержке и умелому взаимодействию руководителей перехода все его участники благополучно дошли до цели. Временным пристанищем для эвакуированных стал небольшой грузинский городок Зугдиди.

2 сентября через перевал Бечо ушла в Грузию крайняя группа работников Тырныаузского комбината. Так был совершен массовый, героический, ставший легендарным, переход через один из самых высоких перевалов Главного Кавказского хребта. 1500 чел., в том числе 230 детей, форсировали перевал, при этом ни один из участников перехода не погиб.

В память о легендарном переходе на перевале Бечо установлен обелиск. Под изображением воина-альпиниста, бережно прижавшего к груди маленькую девочку, высечена надпись: «Через этот перевал в 1942 году альпинисты Одноблюдов, Сидоренко, Малеинов, Кухтин, Моренец, Двалишвили перенесли 230 детей, спасая их от фашистской чумы» [7: 43].

Источники и литература

1. Воспоминания бывшего главного геолога Тырныаузского комбината Н.А. Хрущева, доктора геолого-минералогических наук // Становление горнорудного комплекса в Приэльбрусье: открытие Тырныаузского вольфрамо-молибденового месторождения. Сборник документальных материалов. Нальчик, 2025.
2. *Казаков А.В.* Без компромиссов: чекисты Кабардино-Балкарии первых десятилетий. Краткий биографический справочник. Нальчик, 2021.
3. Кубань в годы Великой Отечественной войны. Хроника событий. Кн. 1: 1941–1942. Краснодар, 2000.
4. *Опрышко О.Л.* Боевые действия на территории Кабардино-Балкарии. Август 1942 – январь 1943 года. Нальчик, 2015.
5. *Опрышко О.Л.* На Эльбрусском направлении. Нальчик, 1970.
6. *Опрышко О.Л.* Опаленные войной перевалы… Август 1942–январь 1943. Нальчик, 2022.
7. Районный краеведческий музей им. О.М. Отарова Эльбрусского муниципального района. Основной фонд. КМОФ–1375.
8. *Сабанчиев Х.-М.А.* Избранные труды. Нальчик, 2023.
9. Уходили через перевал // Цветные металлы. 1967. 10 августа. № 36.
10. Уходили через перевал // Цветные металлы. 1967. 17 августа. № 37.
11. *Юденков А.Ф., Загорулько М.М.* Крах плана «Ольденбург». М., 1980.

Н.И. Медвенский

Военные преступления немецких горных егерей в ходе битвы за Кавказ 1942–1943 гг.

Начиная с 1995 г., когда в десятках городов ФРГ демонстрировалась документальная выставка о военных преступлениях вермахта, дискуссии относительно преступных методов «войны на Востоке» стали фактом немецкой историографии и исторической памяти. Могло показаться, что легенда о «чистом вермахте» окончательно себя изжила. К сожалению, политико-и-

деологическая инерция периода холодной войны продолжает оставаться, а апологетические работы о боевом пути дивизий вермахта и СС и сегодня являются одним из наиболее развитых направлений массового чтения в ФРГ, США, Великобритании и даже в РФ.

Особое место в данном перечне занимают немецкие горные дивизии –специализированные соединения сухопутных войск, подготовленные для боевых действий в условиях предгорий и высокогорной местности. Наибольшую известность из всех 10 горных дивизий вермахта получила 1-я горная дивизия, известная по своей эмблеме, как «Эдельвейс». Чуть менее знакома массовому читателю 4-я горная дивизия, носившая по той же причине название «Горечавка». Обе в 1942–1943 гг. принимали участие в битве за Кавказ в составе 49-го горного корпуса под командованием генерала горных войск Р. Конрада.

Причины популяризации немецких горных егерей на страницах книг, журналов, газет и в телепередачах лежали на поверхности. Они имели высокий уровень подготовки, красиво скроенную униформу и оригинальные знаки отличия, их снаряжение и экипировка соответствовали лучшим образцам своего времени. До недавних пор каждую весну, в начале мая, в Баварских Альпах при поддержке Министерства обороны ФРГ проходили встречи бывших немецких горных егерей. Существовали общества ветеранов, в одном из служебных помещений бундесвера функционирует выставка «военных реликвий», выпускается журнал об истории немецких горных войск. В нашей стране интерес к горным егерям вермахта возник еще во второй половине прошлого столетия и продолжает поддерживаться поныне. Обсуждались подробности их знаменитого восхождения на Эльбрус; позднее возникли самые невероятные теории относительно якобы проводившихся егерями поисков укрытого в кавказских горах «святого Грааля» или источника вечной жизни. А после того, как в 1966 г. В.С. Высоцкий написал песню «Мерцал закат, как блеск клинка...», о «стрелках из «Эдельвейс»» узнали во всем СССР.

Между тем, подлинный образ немецких егерей, в особенности из 1-й и 4-й горных дивизий, далек от героико-романтического налета. Уже в самом начале своего боевого пути по территории СССР 1-я и 4-я горные дивизии участвовали в выполнении преступной директивы о «ликвидации жидовско-большевистских бандитов». В июле 1941 г. совместно с батальоном украинских нацистов «Нахтигаль» осуществляли массовые расстрелы еврейского населения Львова. Их кровавый путь пролегал через Житомир, Винницу, города и поселки Донбасса, где бессудные казни мирного населения стали обыденностью. Зимой 1941–1942 гг. обе дивизии, понесшие значительные потери, были остановлены и перешли к обороне. В феврале-мае 1942 г. они осуществляли грабеж продовольственных запасов у местных жителей [8: 62].

Начало военным преступлениям немецких горных егерей в период битвы за Кавказ было положено в августе 1942 г., когда 1-я и 4-я горные дивизии в составе 49-го горного корпуса подошли к северным склонам Главного Кавказского хребта с задачей преодолеть его на Эльбрусском, Клухорском, Марухском, Санчарском, Умпырско-Белореченском направлениях и выйти

в Закавказье. 19 августа 1942 г. в журнале боевых действий 1-й горной дивизии отмечалась озабоченность ее командования наличием красноармейских и партизанских групп на своих тылах. К тому времени на тылах 1-й и 4-й горных дивизий действовали бойцы Западной группы партизанских отрядов Ставрополья (17 отрядов, 845 чел.), а также Майкопского (23 отряда, 894 чел.) и Мостовского (4 отряда, 886 чел.) кустов партизанских отрядов Кубани [7: 10–11.]. В зоне ответственности 1-й горной дивизии, на участке от Микоян-Шахара до долина реки Марухи, партизаны присутствовали преимущественно в долинах рек Гоначхир, Теберда (Клухорское направление) и Аксаут (Марухское направление), в зоне ответственности 4-й горной дивизии, на участке от станицы Преградной до города Майкопа – в долинах рек Уруп, Большой и Малый Зеленчук, Большая и Малая Лаба, по которым проходили дороги к перевалам Главного Кавказского хребта [2: 160]. Задержать превосходившего по численности и вооружению противника партизанам удавалось лишь на несколько дней или даже часов, чтобы дать возможность отступить отходившим на южную сторону Главного Кавказского хребта частям и подразделениям РККА. Часть отрядов, преимущественно находившихся в зоне ответственности 1-й горной дивизии, также была вынуждена уйти через перевалы в Закавказье, другая часть самоликвидировалась, оставшиеся продолжали борьбу в явном меньшинстве. В ходе первых столкновений с партизанами егерями 1-й и 4-й горных дивизий было проявлено изуверское отношений к пленным, которых либо расстреливали на месте, либо доставляли в штаб и после допросов, зачастую проходящих с побоями и пытками, также казнили. Подобные методы не были исключением из правил и практиковались оккупантами на всем протяжении советско-германского фронта.

По мере продвижения 1-й и 4-й горных дивизий через перевалы Главного Кавказского хребта свое отношение к партизанам противник переносил и на пленных военнослужащих РККА [6: 46–47]. Так, 17 августа 1942 г. после взятия егерями 1-й горной дивизии перевала Клухор, 3 попавших в плен командира и 4 политрука были немедленно казнены. 21 августа, в ходе начавшихся после взятия Клухора боев в долине реки Клыч, один из командиров ударных подразделений капитан Х. фон Хиршфельд доносил в штаб 1-й горной дивизии: «Очень жестокое сопротивление <...> Без пленных, все русские уничтожены». Тогда же в журнале боевых действий 49-го горного корпуса появилась запись, не оставляющая двузначных толкований: «Русские позволяют приканчивать себя на позициях. Поэтому они не будут взяты в плен». Налицо документальные свидетельства бессудных расправ немецких горных егерей с пленными красноармейцами, а также выражение противником определенного удивления относительно того, что державшие оборону в долине Клыча советские воины предпочитали смерть плену. Впоследствии на Клухорском и Марухском направлениях егеря 1-й горной дивизии неоднократно подвергали пыткам и казнили пленных советских воинов, иногда с особой жестокостью (отсечение голов и выставление их на шестах для устрашения, вырезание звезд на спине или груди и т.д.) [4: 226].

Не отставали от своих «собратьев по оружию» и егеря 4-й горной ди-визии.

Так, 8 сентября 1942 г., в ходе боевых действий на Санчарском опера-

ционном направлении, группа бойцов РККА обнаружила на хуторе Решевей изувеченные тела красноармейцев [1: 119]. Свидетельства подобного рода неоднократно встречались и в дальнейшем. Однако наиболее тяжким военным преступлением немецких горных егерей на Кавказе являлись бессудные расправы с мирным населением в рамках т.н. борьбы с партизанами и лицами, подозреваемыми в оказании помощи либо сочувствия последним. К концу августа – началу сентября 1942 г. стало очевидным, что действовавшие в зоне ответственности 49-го горного корпуса партизанские отряды создавали угрозу растянутым путям снабжения с северной стороны Главного Кавказского хребта ударных группировок немецких горных егерей, находившихся на его южной стороне. Противнику было проблематично контролировать коммуникации, растянутые на десятки километров в сложной горно-лесистой и высокогорной местности. Налеты на караваны снабжения периодически имели место на разных участках, в основном, в тылу 4-й горной дивизии.

1 сентября 1942 г. командование 49-го горного корпуса издало приказ № 1209/42, содержащий конкретные оперативные указания относительно целей, задач, сил, средств и методов очистки корпусных тылов от нежелательных элементов. Генерал горных войск Р. Конрад с неудовольствием констатировал, что со второй половины августа 1942 г. участились нападения на немецкие заготовительные (фуражирские) команды, колонны снабжения и небольшие подразделения. Согласно приказу, такое развитие событий должно было встретить «самые жесткие меры противодействия». 6 сентября в станицу Баговскую в предгорьях западнее Псебая был направлен приданный 49-му горному корпусу 804-й тюркский батальон, именуемый в ряде источников «азербайджанским». Это была коллаборационистская часть вермахта из находившихся под командованием немецких офицеров бывших тюркоязычных военнослужащих РККА. Батальон насчитывал до 800 чел., имел советское вооружение, включая 82-мм минометы и 45-мм пушки. Его задачей являлось проведение карательных операций.

8 сентября 1942 г. по 49-му горному корпусу был издан приказ № 1250/42, разграничивший действовавшие в немецком тылу регулярные подразделения РККА и партизанские формирования, впредь именуемые в документах не иначе, как «бандами». В приказе особо отмечалось, что партизанские формирования должны быть полностью уничтожены до начала зимы за счет применения всех задействованных 40-м горным корпусом сил. При этом надлежало максимально усилить вооружение тыловых частей, подразделений Имперской службы труда, экономических групп в тылу корпуса и других сил «второго эшелона».

Усилились карательные акции и зачистка территории на отрезке Микоян-Шахар – Преградная – Псебайская после 10 сентября 1942 г. в связи с предстоявшей передислокацией части сил 1-й и 4-й горных дивизий на туапсинское направление. Именно тогда имели место наиболее жестокие карательные операции, нанесшие урон не только и, пожалуй, не столько партизанскому движению на Кубани и Ставрополье, сколько мирному населению, причем вне зависимости от того, поддерживало оно партизан или

нет. Ежедневные потери среди гражданских лиц в результате карательных операций составляли от 20 до 90 чел. убитыми, а в отдельных случаях доходили до 100 чел. и выше. Пленных партизан и тех, кого каратели трактовали таковыми либо пособниками таковых, в живых не оставляли. В дивизионных документах неоднократно фигурируют данные о расправах над гражданскими лицами, включая женщин и стариков, задержанными егерями или коллаборационистами либо просто случайно встреченными. При этом «особое» внимание уделялось гражданам еврейской национальности, которые безжалостно уничтожались вне зависимости от пола и возраста. Так, например, жительница Псебайского района К.А. Усатенко, возвращавшаяся домой из поселка Рожкао, стала свидетельницей того, как отряд горных егерей из 4-й горной дивизии (именно она контролировала данную территорию) прямо на дороге расстрелял группу отступавших партизан и красноармейцев, «а подводы с еврейскими семьями фашисты столкнули автомобилями в реку Большая Лаба». Житель станицы Чернореченской Псебайского района Д.М. Кучмасов свидетельствовал: «Немцы собрали большую группу беженцев-евреев на берегу реки Малая Лаба. Им было приказано покинуть станицу немедленно, но надо было идти вброд через реку. Затем фашисты заставили каждого надеть на плечи вещмешки с камнями. Но люди, понимая, что в воде их ждет смерть, отказались, тогда беженцев здесь же, на берегу реки, расстреляли» [3: 75]. Это лишь некоторые из многочисленных злодеяний, совершенных немецкими горными егерями против мирного населения Северного Кавказа.

Стремясь лишить партизан продовольственного обеспечения, противник также осуществлял массовый грабеж скота, продуктов питания и иного имущества местных жителей. Так, лишь за один день 13 сентября в районе станицы Баговской Мостовского района Краснодарского края немцами было захвачено 700 коров, 1500 овец и 120 лошадей. Одновременно с грабежом имущества продолжались бессудные казни его законных владельцев – только в Мостовском районе оккупантами было убито свыше 1200 чел. К сожалению, партизанские отряды в предгорьях и горах Главного Кавказского хребта были по большей части разобщены, почти не имели связи друг с другом и с Большой землей, поэтому говорить о сколь-либо масштабном сопротивлении карателям не приходится. После проведения зачистки в партизанских отрядах Западной группы Ставрополья сложилась катастрофическая ситуация. К 20 сентября 1942 г. из всех направленных в горы 17 отрядов и штаба группы общей численностью в 845 чел. отсеялись еще до начала карательной операции 235 чел., погибли, пропали без вести либо перешли за перевалы Главного Кавказского хребта на территорию Абхазской АССР 394 чел. В строю осталось лишь 216 чел., при этом боеспособность сохранили только три партизанских отряда – Прегрaдненский (61 чел.), Ново-Александровский (53 чел.), Кировский (27 чел.) а также штабная группа (11 чел.) [5: 157–158; 188]. Остальные 14 партизанских отрядов Западной группы либо распались, либо оказались столь малочисленными, что ни о каком вооруженном сопротивлении противнику не могло идти и речи. Серьезный урон был нанесен Майкопскому и Мостовскому кустам партизанских отрядов Кубани.

Напротив, в документах 1-й и 4-й горных дивизий не зафиксировано серьезных партизанских контрдействий, повлекших высокие потери оккупантов или нанесших им весомый урон – практически во всех случаях они были единичными.

С наступлением холодов и выпадением снега в предгорьях с середины октября 1942 г. партизанские нападения на оккупантов осуществлялись все реже. Разрозненным и постоянно преследуемым карателями партизанским отрядам приходилось главным образом бороться за выживание, и только затем планировать операции по нанесению урона противнику. Егеря, в свою очередь, продолжали удерживать позиции, возводя новые укрепления и убежища от холода. С помощью используемых в качестве носильщиков измученных пленных советских военнослужащих они перебрасывали в горы железные печки, примусы, керосиновые лампы, теплые вещи и продовольствие, отбираемое у местного населения. После начала зимнего контрнаступления РККА и общего отхода немецкой группы армий «А» с Кавказа на новые рубежи обороны части 1-й и 4-й горных дивизий стали спешно покидать свои позиции. Начиная с 4 января 1943 г. оккупанты вывозили все, что представляло для них какую-либо ценность. Перед отступлением они разрушали не только военную, но и гражданскую инфраструктуру, уничтожая коммуникации, производственные, сельскохозяйственные и социальные объекты. После ухода горных егерей с Северного Кавказа взорам освобождавшим его военнослужащих РККА открылась опустевшая и по большей части обезлюдившая земля [3: 73].

Таким образом, военнослужащие 1-й и 4-й горных дивизий по уровню проявленной жестокости как к военнопленным военнослужащим и партизанам, так и к мирному населению, ничем не отличались от своих собратьев по оружию из других частей вермахта, не говоря уже об СС. На их совести тысячи замученных и казненных без суда и следствия невинных людей от Польши до Кавказа и Балкан. Везде, где не ступала бы нога немецких горных егерей, за ними оставались трупы и пепелища. Об этом следует знать и хорошо помнить.

Источники и литература

1. Абхазия в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941–1945 гг.). Сборник документов. Сухуми, 1978.

2. *Алиев К.-М.* В зоне «Эдельвейса». Ставрополь, 2005.

3. *Ассовский В.Г.* Непокоренные перевалы Мостовского района. Майкоп, 2020.

4. *Гнеушев В.Г., Попутько А.Л.* Тайна Марухского ледника. Ставрополь, 1975.

5. Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Сборник документов и материалов. Ставрополь, 1962.

6. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 4747. Оп. 39410. Д. 1.

7. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 28.

8. *Meyer H.F.* Blutiges Edelweiß: Die 1. Gebirgs-Division im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 2008.

Е.Ф. Кринко

Нацистские преступления на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны: формирование источниковой базы и ее возможности[1]

Нацистская оккупация в большинстве районов Северного Кавказа во время Великой Отечественной войны продолжалась сравнительно недолго, но стала одной из самых трагических страниц в его истории. В последние годы события оккупации и жертвы, понесенные населением Северного Кавказа в данный период, привлекают все более широкое внимание, обуславливая необходимость осмысления особенностей формирования, современного состояния и информативных возможностей имеющейся источниковой базы.

Первые факты преступлений захватчиков фиксировались после освобождения населенных пунктов комиссиями из представителей органов власти, командования Красной армии и граждан [2: 65–69, 196–198; 3: 302– 303; 20: 241–243 и др.]. Системный характер документирование военных преступлений оккупантов и их пособников приобрело в связи с созданием Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее – ЧГК). В 1943 г. были созданы региональные комиссии в Краснодарском и Ставропольском краях, Кабардино-Балкарской Автономной Советской Социалистической Республике (далее – АССР) и Северо-Осетинской АССР, работавшие во взаимодействии и под общим руководством ЧГК. Они, в свою очередь, обобщали результаты деятельности комиссий Адыгейской, Карачаевской и Черкесской автономных областей, районов, городов, аулов, станиц, сел и других населенных пунктов, составлявших акты об уничтожении, истязаниях, изнасилованиях, грабежах советских граждан – местных жителей и эвакуированных, их угоне в Германию на принудительные работы, пытках и убийствах советских военнопленных, нанесенном оккупантами материальном ущербе. К данной работе привлекались сотрудники правоохранительных органов, представители партийных и комсомольских организаций, общественности. Только в 70 комиссиях в селениях, поселках, станицах и городах Кабардино-Балкарской АССР установлением фактов злодеяний и материального ущерба занимались свыше 2,1 тыс. чел. [7: 2]. В Краснодарском крае было создано 10,3 тыс. комиссий, в работе которых приняло участие более 32 тыс. чел. [8: 20]. Проводились эксгумации останков на местах массовых уничтожений, опросы свидетелей и другие следственные действия, собранные данные уточнялись, позволяя создать более полную картину событий. Так, в январе 1944 г. ЧГК на основании данных республиканской комиссии установила, что на территории Северо-Осетинской АССР были убиты и за-

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН на 2026 г., № госрегистрации 125011200146-5.

мучены 75 чел., а 1659 жителей угнаны в рабство [20: 271]. В декабре 1944 г. в сообщении в ЧГК приводились более высокие цифры жертв в Северо-Осетинской АССР: 128 расстрелянных жителей, 150 подвергнутых избиениям и насилиям, 1323 погибших от воздушных налетов и артиллерийских обстрелов, 781 раненый [20: 275].

Однако комиссии столкнулись в своей работе с многочисленными трудностями, начиная от неразработанной методики подсчетов, отсутствия соответствующего опыта и вплоть до нехватки бумаги и канцелярских принадлежностей. Остро стоял вопрос с визуальной фиксацией мест уничтожений и разрушений вследствие отсутствия необходимых технических средств и материалов. Так, в Кабардино-Балкарской АССР: «Фотосъемки производились в первые дни освобождения воинскими частями РККА, и от них снимки получить не удалось». Произвести повторные фотосъемки «не представилось возможным вследствие отсутствия необходимых фотоматериалов в республике» [7: 7]. В документах ЧГК отмечалось, что, несмотря на проведение инструктажей, при составлении актов допускались и другие недостатки: «…крайне слабо освещались факты того, при каких обстоятельствах проводились грабежи, мародерство, разрушения и уничтожение государственного и колхозного имущества»; «оценка имущества производилась не по ценнику» [8: 21]; «недостаточно привлекалось население для установления виновников злодеяний и издевательств»; «имели место случаи неправильного составления актов (только комиссиями, без указания присутствовавших лиц, неправильные подсчеты)» и т.д. [7: 3.]. Поэтому отдельные акты приходилось возвращать и переделывать по несколько раз. Значительные сложности возникли с идентификацией жертв, как вследствие плохой сохранности останков, так и потому что среди них были граждане, эвакуированные из других регионов страны, не всегда имевшие при себе документы. Родственников у многих погибших также не осталось. В Краснодарском крае сумели выяснить фамилии только 3196 погибших, более 58 тыс. жертв опознать не удалось [16: 208].

Тем не менее, вскоре после освобождения были опубликованы в печати и в виде отдельных брошюр первые описания убийств и истязаний советских граждан, совершенных нацистами на территории Северного Кавказа [11; 19 и др.]. Краснодарская краевая комиссия направила в ЧГК 461 акт с информацией о 61 540 погибших мирных граждан и военнопленных, 31 771 чел., угнанных в Германию, 43 692 акта на сумму ущерба в 11 473 561,1 тыс. руб. [8: 21, 22]. Позже он был оценен более чем в 15 млрд руб. Общий материальный ущерб, нанесенный оккупацией Ставропольскому краю, превышал 14,6 млрд руб. На его территории погибли 31 645 жителей и 277 военнопленных, 990 чел. были угнаны в Германию [4: 32]. В Кабардино-Балкарской АССР погибли 2188 мирных жителей и 2058 военнопленных [7: 7], материальный ущерб составил 2,3 млрд руб. [13: 247]. Комиссия Северо-Осетинской АССР представила в ЧГК 10 485 актов на общую сумму в 1,1 млрд руб. [20: 272].

Однако указанные цифры нельзя считать полными. Например, Краснодарская краевая комиссия отмечала, что представленные ею сведения требовали уточнения, поскольку «часть территории края, где находятся могилы, минирована и вскрыть могилы не представилось возможным (Варенников-

ский, Темрюкский, Анапский районы)». По неясным причинам в итоговых данных отсутствовали сведения по Верхнебаканскому, Ейскому, Кропоткинскому, Новокубанскому, Отрадненскому и Тульскому районам [6: 6, 78].

Необходимо отметить, что сбор материалов о совершенных на территории Северного Кавказа в период нацистской оккупации преступлениях имел практическое значение – привлечение к юридической ответственности виновных в них лиц. Однако в актах нередко при описаниях убийств, истязаний и грабежей отмечалось, что их совершали немецкие военнослужащие и их союзники, без указания конкретных имен, оставшихся неизвестными. Большинству обвинявшихся в преступлениях оккупантов и части коллаборационистов удалось уйти вместе с отступавшими с Северного Кавказа войсками вермахта и избежать наказаний за совершенные преступления. В первые месяцы после освобождения к ответственности привлекались лишь пособники нацистов. Помимо заседаний военно-полевых судов, 14–17 июля 1943 г. в Краснодаре прошел первый открытый процесс, на котором были осуждены коллаборационисты, служившие в зондеркоманде 10а, осуществлявшей уничтожение советских граждан [23]. Отдельные документы о нацистских преступлениях на Северном Кавказе были представлены и на Нюрнбергском процессе.

По окончании войны продолжалась публикация материалов, собранных ЧГК и региональными комиссиями [12 и др.]. Но вскоре тема утратила политическую злободневность, изучением нацистских преступлений на Северном Кавказе стали заниматься немногочисленные профессиональные исследователи. Документы ЧГК и региональных комиссий, другие материалы были переданы на постоянное хранение в соответствующие государственные, партийные и ведомственные архивы, однако доступ к многим источникам оставался ограниченным. В 1960-х – 1990-х гг. в Краснодарском и Ставропольском краях, Кабардино-Балкарской АССР и Северо-Осетинской АССР, Карачаево-Черкесской автономной области были изданы сборники документов об их истории в годы Великой Отечественной войны [9; 17; 18; 20; 21]. Соответствующий сборник документов, посвященный истории Адыгейской автономной области в военные годы, вышел в 2023 г. [1]. Все указанные сборники включали разделы, посвященные нацистской оккупации и сопротивлению жителей захватчикам. В них публиковались материалы, содержавшие общие цифры ущерба, нанесенного оккупацией, описания отдельных преступлений против советских граждан, приводились акты комиссий различного уровня и другие материалы, в том числе, опубликованные ранее в периодической печати. Однако сведения носили фрагментарный характер, практически не публиковались материалы о системе управления оккупированными территориями Северного Кавказа, структуре и составе карательных и полицейских органов и формирований, участии коллаборационистов в уничтожении своих сограждан.

Наряду с этим, материалы о военных преступлениях нацистов и их пособников использовались сотрудниками органов государственной безопасности, продолжавшими поиск лиц, виновных в их совершении. В Краснодаре, Пятигорске и Минеральных Водах в конце 1950-х – 1960-х гг. прошли судебные процессы над пособниками врага, но их материалы оставались не доступны исследователям, за исключением сообщений, опубликованных в печати.

В настоящее время в России основные источники по рассматриваемой теме хранятся в Государственном архиве Российской Федерации, Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации, региональных архивах, а также в архивах управлений Федеральной службы безопасности России. Из зарубежных хранилищ несомненный интерес могут представлять наиболее крупные собрания документов (донесения оперативных групп полиции безопасности и СД, отчеты немецких военных комендатур, охранных дивизий, других органов немецкой военной администрации), хранящиеся в Федеральном архиве Германии и его филиалах, Национальном управлении архивов и документации США, многие из которых опубликованы [24 и др.], а также материалы из Национального мемориала катастрофы и героизма Яд Вашем в Израиле, других архивов и музеев.

В 1990-х – 2000-х гг. вышли новые публикации, в которых в научный оборот были введены материалы, более подробно раскрывающие события оккупации Северного Кавказа [15; 16; 22 и др.]. Значительный импульс разработке темы придала реализация крупного федерального проекта «Без срока давности», посвященного трагическим судьбам советских граждан – жертв военных преступлений нацистов и их пособников в период Великой Отечественной войны. Одним из его важнейших направлений стала публикация сборников архивных документов по всем регионам РСФСР, находившимся в оккупации (в современных административно-территориальных границах). Среди них и сборники документов по Краснодарскому краю (включает 225 документов) [2], Ставропольскому краю (128 документов) [4] и Северному Кавказу, объединивший материалы по Кабардино-Балкарской Республике (194 документа), Карачаево-Черкесской Республике (64 документа) и Республике Адыгее (29 документов) [3]. Свидетельством высокой востребованности темы стало издание и других специальных документальных сборников [10; 14 и др.].

Большинство опубликованных материалов составляют документы ЧГК, региональных, городских, районных и сельских комиссий: обобщающие справки, докладные и информационные записки, акты об ущербе и совершенных оккупантами злодеяниях, списки погибших, протоколы опросов и показаний свидетелей, списки граждан, угнанных на принудительный труд в Германию, а также выдержки из школьных сочинений о жизни в условиях оккупации, фотографии. Многие документы публикуются впервые, в частности, опросные листы для возвратившихся на Родину «восточных рабочих», а также материалы послевоенных следственных дел, справки и специальные сообщения военной прокуратуры, протоколы заседаний военных трибуналов, обвинительные заключения и приговоры лицам, виновных в совершении преступлений. Введение в научный оборот новых источников позволяет уточнить ряд ранее опубликованных цифр. Например, в документах переселенческого отдела Краснодарского крайисполкома количество жителей, угнанных на принудительные работы в Германию и другие страны, определено в 129 335 человек или в 2,7 раза выше, чем в актах краевой комиссии [5: 28]. В соответствующих документах по Ставропольскому краю названо 2546 чел. угнанных, что в 2,6 раза больше первоначальной цифры [4: 27].

Собранные и опубликованные материалы легли в основу судебных процессов, состоявшихся во всех подвергавшихся оккупации регионах Северного Кавказа в 2022–2025 гг., признавших злодеяния нацистов и их пособников в отношении мирных советских граждан. В судебных решениях представлены уточненные цифры потерь вследствие оккупации в рамках современных административно-территориальных границ: 48 368 мирных жителей и 9 022 военнопленных, погибших в Краснодарском крае, 28 563 чел. – в Ставропольском крае, не менее 7 500 чел. – в Карачаево-Черкесской Республике, не менее 5 тыс. чел. – в Республике Адыгее, 4241 чел. – в Кабардино-Балкарской АССР, 3891 чел. в Республике Северная Осетия – Алания.

Таким образом, имеющаяся в распоряжении исследователей в настоящее время источниковая база позволяет представить масштаб военных преступлений нацистов и их пособников, в том числе, с распределением по районам, городам и отдельным населенным пунктам, многочисленные конкретные факты расправ и истязаний советских граждан, различные формы и направления истребительной политики захватчиков и их пособников. Создание более достоверной картины событий, восстановление имен жертв, выявление роли различных оккупационных структур в уничтожении и истязании советских граждан, оценка последствий оккупации для населения Северного Кавказа тесно связаны не только с введением в научный оборот новых документальных комплексов, но и с сопоставлением порой достаточно противоречивых данных, содержащихся в разных источниках.

Источники и литература

1. Адыгейская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: документы и материалы: (к 80-летию освобождения от немецко-фашистской оккупации): сборник. Краснодар, 2023.

2. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Краснодарский край: Сборник архивных документов. М., 2020.

3. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Северный Кавказ: Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Адыгея: сборник архивных документов. М., 2020.

4. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Ставропольский край: сборник архивных документов. М., 2020.

5. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-1539. Оп. 1. Д. 7.

6. ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 11.

7. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Р-7021. Оп. 7. Д. 122.

8. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 16. Д. 586.

9. Документы отваги и героизма. Сборник документов и материалов. Краснодар, 1965.

10. Забвению не подлежит: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории Северо-Осетинской АССР. Документы и материалы. Владикавказ, 2023.

11. Зверства гитлеровцев на Кубани. Краснодар, 1943.

12. Зверства немецких оккупантов в Кабарде. Нальчик, 1945.

13. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: Сборник документов и материалов. Нальчик, 1975.
14. Кровавые страницы немецко-фашистской оккупации на Кубани: сборник документов и материалов о военных преступлениях нацистов против мирного населения Краснодарского края, 1942–1943 гг. [В 4 кн.]. Краснодар, 2021–2024.
15. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. Кн. 1. 1941–1942 гг. Краснодар, 2000.
16. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. Кн. 2. Ч. 1. 1943 г. Краснодар, 2003.
17. Лики войны: Сборник документов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нальчик, 1996.
18. Народы Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Сборник документов и материалов. Черкесск, 1990.
19. О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Ставропольском крае. М., 1943.
20. Северо-Осетинская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1968.
21. Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов. Ставрополь, 1962.
22. Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943 гг.): Документы и материалы. Ставрополь, 2000.
23. Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории города Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации. Краснодар, 1943.
24. Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42. Die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD. Berlin, 1997.

Е.Н. Стрекалова

Научное и общественное значение изучения преступлений гитлеровских нацистских войск на территории Ставрополья в 1942–1943 гг.

Изучение сложной и трагической темы преступлений гитлеровских войск в период Великой Отечественной войны на оккупированных территориях СССР в целом, и Ставрополья в частности, имеет многоплановое значение. Принятие в Российской Федерации закона, квалифицирующего действия нацистов и их пособников в период Великой Отечественной войны, направленные на уничтожение определенных групп населения СССР, как геноцида советского народа [20], требует системной работы по изучению данных событий и увековечению памяти о жертвах оккупантов. Одновременно фальсификация истории Великой Отечественной войны на Западе подвергает сомнению масштабы, формы, приемы уничтожения мирного советского населения в 1941–1945 гг. Научное углубление знаний по теме и предоставление обществу достоверной информации, основанной на архивных данных – важная задача для исследователей.

Оккупация Орджоникидзевского (с 1943 г. – Ставропольского) края охватила около полугода с 2 августа 1942 г. по 29 января 1943 г. Первые

небольшие работы по проблеме были написаны практически сразу после освобождения [12]. Уже в 1943 г. вышла брошюра «О злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Ставропольском крае» [13]. Профессор Ставропольского медицинского института Б.М. Шкляр в 1944 г., описывая политику «фашистских варваров в области здравоохранения», определял ее целью «содействие массовому истреблению и уничтожению советского народа, его физической деградации и вымиранию». Автор, по сути, констатировал не что иное, как геноцид советского народа, который выразился, кроме убийств мирных граждан, в закрытии оккупантами родильных домов, при полном прекращении специализированной помощи роженицам и новорожденным, в фактической ликвидации сети противоэпидемических учреждений, введении платы за оказание медицинских услуг населению [21].

Важно также отметить работу «Коричневый дурман» 1943 г. писателя А.Н. Толстого, члена Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее – ЧГК). В ней отражены факты преступлений именно на территории Ставрополья. Статья из фронтовой газеты, затем напечатанная в виде брошюры, показывала современникам человеконенавистническую сущность нацистского «нового порядка» и приоткрывала сложность расследования дел ЧГК [19].

Ставропольская краевая комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в годы Великой Отечественной войны во главе с первым секретарем крайкома ВКП(б) М.А. Сусловым была создана 18 марта 1943 г. Фонд комиссии в Государственном архиве Ставропольского края содержит документы, раскрывающие преступления (грабежи, пытки, убийства, изнасилования и др.) против мирных граждан и пленных красноармейцев на территории Орджоникидзевского края, общие сведения о нанесенном ущербе [5].

В 1958 г. вышла статья С.Л. Лазаревой об оккупации края, где говорилось и об уничтожении нацистами и их пособниками мирного населения [10]. В изданной в 1962 г. работе Р.Г. Саренца есть небольшой материал о преступлениях гитлеровских оккупационных войск и их пособников на Ставрополье [16]. В обобщающих работах по истории краевой организации коммунистической партии в годы войны также уделялось внимание освещению преступлений гитлеровских войск [14].

Весомый вклад в изучение проблемы был внесен историками после распада СССР. Большую роль в этом процессе сыграла «архивная революция», возможность работать с ранее малодоступными материалами [15]. Одной из первых на всем Северном Кавказе взялась за изучение нацистской оккупации З.В. Бочкарева, защитившая по этой сложной теме кандидатскую диссертацию в 1992 г. Преступлениям нацистов в ее работе посвящен отдельный параграф [3]. Ею написан и раздел о преступлениях периода оккупации в обобщающую работу по истории Ставропольского края в период Великой Отечественной войны, являющуюся наиболее полным обобщающим изданием по проблеме [18].

Пятигорским исследователем С.И. Линцом поднят целый пласт документов о преступлениях оккупационных властей и их пособников против мирного населения на территории Ставропольского края. Историком защищена докторская диссертация о Северном Кавказе накануне и в период оккупации и издан ряд монографий. Среди них книга о г. Пятигорске в период оккупации «Город во мгле» [11].

К микроисторическим исследованиям можно отнести поиски судеб уничтоженных гитлеровскими оккупантами в 1942 г. студентов и преподавателей Ставропольского медицинского института А.В. Карташевым [8] и И.В. Карташевым [9]. Кандидатская диссертация Е.В. Войтенко, подготовленная под научным руководством А.А. Аникеева и защищенная в 2005 г., внесла значительную лепту в изучение темы, но показала преступления под углом Холокоста на всем оккупированном в 1942 г. Юге России. Один параграф посвящен преступлениям нацистов в Орджоникидзевском крае [4].

Обзор проделанной историками работы необходимо дополнить вкладом архивистов, подготовивших сборники документов о преступлениях против мирного населения гитлеровских войск и их пособников. Это сборник «Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943 гг.)», изданный к 55-й годовщине Победы в 2000 г. Он стал прорывом в публикации ранее почти закрытых документов [17]. В 2020 г. в серии «Без срока давности» издан том документов по злодеяниям гитлеровцев на Ставрополье, что ознаменовало начало нового этапа в изучении темы [1]. В сборник вошли рассекреченные документы Ставропольской краевой комиссии, ранее не доступные исследователям.

Свидетельства о казнях оккупантами мирного населения зафиксированы по всем районам края. В Ставропольском крае было составлено 110 актов, подтверждающих уничтожение мирного населения [1: 367-369]. Общая цифра жертв по данным ЧГК по краю на 1943 г. составляла 31 645 мирных граждан и 277 военнослужащих. Эти цифры у историков вызывают сомнение, особенно малочисленные данные по уничтоженным военнослужащим. Они требуют уточнения. Кроме того, поисковики находят ежегодно места массовых захоронений, не учтенных ЧГК.

Изучение масштабов, характера преступлений оккупационных войск, необходимость составления списка жертв преступлений, диктуется на сегодняшний момент не только логикой развития историографии, но и общественно-политической ситуацией. В 2020–2025 гг. судебно-следственные органы Российской Федерации провели огромную работу, проанализировав документы о преступлениях против мирного населения в 1941–1945 гг., и признали геноцидом советского народа преступления гитлеровских войск и их пособников на советских территориях [7]. В январе 2023 г. Ставропольский краевой суд признал «военными преступлениями и преступлениями против человечности, геноцидом народов Советского Союза», преступления, совершенные немецко-фашистскими захватчиками во время Великой Отечественной войны на оккупированной с августа 1942 г. по январь 1943 г. территории края [2].

Документы по данной теме требуют осмысления, особенно в среде молодежи. Кроме работы на занятиях по учебной дисциплине «История России», которая преподается на всех специальностях, студенты могут при-

влекаться к изучению документов о нацистских преступлениях в рамках «Архивного десанта». Это инициатива Национального центра исторической памяти при Президенте Российской Федерации, созданного в 2023 г. для сохранения исторической памяти и борьбы с фальсификацией событий 1941–1945 гг. Сотрудничество с центром историков Северо-Кавказского федерального университета (далее – СКФУ) в рамках этого проекта привело к изучению студентами документов о преступлениях на территории советских республик Прибалтики (участие в распознавании сканированных копий, подготовка печатных текстов, уточнение географических названий и личных данных уничтоженных фашистами людей). С 2025 г. в СКФУ создан научно-образовательный центр «Лаборатория изучения событий Второй мировой войны и противодействия фальсификации истории» (руководитель –Е.Н. Стрекалова). Студенты проявили желание изучать материалы о преступлениях нацистских гитлеровских войск на территории Ставрополья. Кроме указанных сборников документов, это документы, размещенные на официальном сайте Федерального архивного агентства, а также хранящиеся в региональных архивах [5; 6].

Тема нацистских преступлений стала одной из важнейших на трех международных молодежных школах, проведенных кафедрой истории России СКФУ по тематике Великой Отечественной войны: «Битва за Кавказ в исторической памяти многонационального народа-победителя» (2–10 октября 2024 г.), «Битва за Кавказ в исторической памяти молодежи: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне» (5–11 октября 2025 г.), «Историческая память об общей Победе над нацизмом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. как фундамент дружественных отношений народов Кавказа» (3–8 мая 2026 г.). Участниками школ стали студенты и аспиранты – историки, юристы, журналисты из России, Абхазии, Армении, Южной Осетии.

Тяжкая правда о злодеяниях нацистов и их пособников в отношении мирного населения постепенно вымывается из общественного сознания, оттесняется на периферию коллективной памяти. В связи с этим разные формы работы с молодым поколением по ее сохранению необходимо совершенствовать. Необходимо включать в различные формы проектной работы вопросы о преступлениях периода оккупации, поскольку геноцид мирного советского народа, при всей ужасающей картине гибели солдат Красной армии на полях сражений и в плену, разрушительных, грабительских последствий Великой Отечественной войны, представляется самой главной трагедией войны 1941–1945 гг.

Источники и литература

1. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Ставропольский край: Сборник архивных документов. М., 2020.

2. Без срока давности: ставропольский суд признал геноцидом зверства в период Великой Отечественной войны // Военное обозрение. 2023. 20 января. URL: https://topwar.ru/209165-bez-sroka-davnosti-stavropolskij-sud-priznal-genocidom-zverstva-nacistov-v-period-vov.html (Дата обращения 1.05.2026).

3. *Бочкарева З.В.* Оккупационная политика фашистской Германии на Северном Кавказ: дис… канд. ист. наук. Краснодар, 1992.

4. *Войтенко Е.А.* Холокост на Юге России в период Великой Отечественной войны: 1941–1943 гг.: дис... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005.
5. Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-1368. Оп. 1. Д. 13.
6. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф. 1. Оп. 2. Д. 831.
7. Геноцид народов СССР. Судебные решения о признании геноцида народов СССР // Наука. Общество. Оборона. URL: https://www.noo-journal.ru/genotsid-sovetskogo-naroda/ (Дата обращения 1.05.2026).
8. *Карташев А.В.* Ставропольский медицинский: история науки (1938–2013 гг.). Ставрополь, 2014.
9. *Карташев И.В.* Состояние здравоохранения на Северном Кавказе в условиях немецко-фашистской оккупации 1942–1943 гг.: на материалах Кубани и Ставрополья: дис... канд. ист. наук. Ставрополь, 2020.
10. *Лазарева С.Л.* Временная оккупация края и ее последствия // Ученые записки кафедры общественных наук. Т. XVI. Пятигорск, 1958. С. 421–460.
11. *Линец С.И.* Город во мгле… (Пятигорск в период фашистской оккупации. Август 1942 – январь 1943 г.). Пятигорск, 2005.
12. *Огурцов С.И.* Варвары. Ставрополь, 1944.
13. О злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Ставропольском крае. М., 1943.
14. Очерки истории Ставропольской организации КПСС. Ставрополь, 1970.
15. Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. Материалы и исследования. СПб., 2008.
16. *Саренц Р.Г.* Непокоренный край. Ставрополь, 1962.
17. Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943 гг.): Документы и материалы. Ставрополь, 2000.
18. Ставропольский край в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Пятигорск, 2018.
19. *Толстой А.Н.* Коричневый дурман. Молотов, 1943.
20. Федеральный закон от 21.04.2025 № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/51851 (дата обращения 1.05.2026).
21. *Шкляр Б.М.* Последствия фашистской оккупации в Ставропольском крае в области здравоохранения // Гигиена и санитария. 1944. № 4–5. С. 38–43.

И.Е. Татаринов

«Я вас не подвёл, товарищи...»: подвиг пулемётчика 723-го стрелкового полка 395-й стрелковой дивизии Николая Примака в боях за освобождение Кубани (июль 1943 г.)

В нынешних условиях системных и последовательных попыток ревизии итогов Второй мировой войны мероприятия по сохранению исторической правды выступают одной из важнейших государственных задач Российской Федерации. На Западе не скрывают намерений лишить СССР / Российскую Федерацию статуса одной из держав-победительниц и нивелировать ее авторитет. Часто смешивая академические дискуссии с по-

литическими манипуляциями, западные фальсификаторы исторической правды активно используют их для продвижения ложных нарративов на российскую аудиторию. Объектом таких технологий, в первую очередь, выступает молодое поколение. Поэтому обращение к конкретным подвигам и документально подтвержденным героическим поступкам наших предков служит важным инструментом в сохранении истины и противодействии искажению роли СССР в освобождении народов Европы от нацизма. Подчеркивая решающую роль СССР в победе и выступая за сохранение незыблемости итогов Второй мировой / Великой Отечественной войн, Российская Федерация последовательно стоит на страже исторической правды и послевоенного мироустройства.

Длившаяся 442 дня грандиозная по масштабам и хронологии битва за Кавказ и по прошествии 83 лет привлекает внимание исследователей. Это эпическое сражение наполнено примерами героизма и самопожертвования, любви к Родине, мужества и отваги. Победу на Кавказе одержали воинские соединения и формирования Красной армии, в рядах которых воевали представители практически всех национальностей, проживавших на тот момент в СССР. К сожалению, все еще остается немало забытых страниц в истории Битвы за Кавказ. Настоящая статья является попыткой восполнить небольшой исследовательский пробел в освещении героического боевого пути некоторых дивизий. Речь идет о сформированной 18 августа 1941 г. в Ворошиловграде (ныне – Луганск) постановлением Государственного Комитета Обороны СССР (далее – ГКО) под № ГКО-506с 395-й стрелковой дивизии. Всего в ее ряды был призван 14 801 боец. Ядро дивизии составили горняки угольного комбината «Ворошиловградуголь» [6: 245–246]. За годы кровопролитных боев дивизия неоднократно получала пополнения из самых разных регионов страны. Их уроженцы отметились многочисленными примерами мужества и героизма, отмеченными правительственными наградами. На этом фоне выделяется подвиг кубанского крестьянина, пулеметчика 723-го стрелкового полка Николая Примака в боях за освобождение Кубани в июле 1943 г.

Битва за Кавказ, в силу своей противоречивой динамики и, возможно, затянувшейся хронологии, и сегодня остается одной из самых сложных страниц Великой Отечественной войны. Отсутствие у Красной армии специализированных частей, подготовленных для ведения войны в условиях сложного ландшафта, помноженного на экстремальные природно-географические условия с многочисленными горными хребтами и неприступными скалами, часто сменявшимися труднопроходимыми перевалами и глубокими ущельями, в некотором роде обусловили серьезные трудности в оборонительной части Битвы за Кавказ. Выстояв в чрезвычайно неблагоприятных условиях против хорошо подготовленного врага, советские части приступили в конце 1942 – начале 1943 г. к наступательным операциям. Ворошиловградская 395-я стрелковая дивизия в ожесточенных боях 1942 г. внесла свой важный вклад в остановку масштабного вражеского наступления на кавказских перевалах, после кратковременного отдыха и пополнения приступив в 1943 г. к наступательным операциям (прорыв «Голубой линии» и Новороссийско-Таманская наступательная операция).

Набравшись боевого опыта и не пропустив врага в Закавказье и к Каспию, части Красной армии вышли на кубанские просторы, где столкнулась уже с иными условиями: черноземные грунты, раскисавшие в ходе ливней и оттепели, топкие болота, лиманы и обширные плавни усложняли боевую обстановку и освобождение Кубани от врага. Противник создал глубоко эшелонированную оборону в виде цепочки различных фортификационных сооружений под общим названием «Голубая линия» (по немецким источникам линия проходила как оборонительный рубеж «Готенкопф»). В состав Северо-Кавказского фронта во главе с генерал-полковником И.И. Масленниковым (в мае 1943 г. его сменил генерал-полковник И.Е. Петров) входили 9-я, 18-я, 56-я, 58-я общевойсковые, а также 4-я воздушная армии (всего – около 390 тыс. чел.) [7: 6]. Им противостояли силы немецкой группы армий «А» (командующий – генерал-фельдмаршал Э. Клейст). Ядро составляла 17-я полевая армия вермахта под руководством генерала инженерных войск Э. Енеке в составе 15 пехотных и 1 кавалерийской дивизий общей численностью 400 тыс. чел., свыше 100 танков и штурмовых орудий, около 2860 орудий и минометов, до 300 различных типов самолетов [2: 9].

В ожесточенных боях на Кубани весной – летом 1943 г. бойцы и командиры 395-й стрелковой дивизии особенно отличились. Боевая задача дивизии заключалась в прорыве «Голубой линии» – «две полосы оборонительных сооружений, находящихся на расстоянии 10–15 км друг от друга. Каждая из них представляла собой систему опорных пунктов, состоящих из дотов, дзотов, пулемётных и орудийных окопов. Все сооружения связывались между собой многочисленными траншеями и ходами сообщения. Общая глубина “Голубой линии” составляла 20–25 км, ее фланги упирались в Черное и Азовское моря» [7: 7]. Здесь, на краснодарско-таманском направлении, боевая доблесть, слаженность, выучка и самоотверженность военнослужащих 395-й стрелковой дивизии проявились в полной мере. Однако, несмотря на взятие 4 мая 1943 г. важнейшего узла обороны вермахта – станицы Крымской, в последующих неоднократных попытках войск Северо-Кавказского фронта не удалось развить тактический успех и сокрушить оборонительный рубеж противника на Тамани. И это несмотря на то, что «к началу лета 1943 г., в разгар боев на “Голубой линии”, Северо-Кавказский фронт насчитывал 413 тыс. человек, 6443 орудий и миномётов, 291 танк и САУ» [7: 10]. Не в последнюю очередь мощные инженерные сооружения врага (сплошные минные поля, доты и система фланкового огня), и мощные авиа- и артиллерийские контрудары противника не позволили решить стоявшие перед Красной армии задачи. К тому же в тот период основные наступательные ресурсы и резервы Ставки Верховного Главнокомандования (дале – ВГК) были сконцентрированы на юго-западном направлении – на Миус-фронте и Курском выступе, где решилась судьба всей кампании 1943 г.

Тем не менее, действуя в условиях ограниченного количества войск, части и соединения Северо-Кавказского фронта методично перемалывали хорошо организованную оборону противника, сковывая значительные силы вермахта, не позволив перебросить их под Курск в поддержку операции «Цитадель». При этом войска Северо-Кавказского фронта понесли серьезные потери, и Ставка ВГК вынуждена была отдать приказ перейти к оборо-

не и удержанию занятых рубежей, параллельно готовясь к решающему броску – разрабатывая Новороссийско-Таманскую наступательную операцию. Именно здесь, в боях за освобождение Кубани в июле 1943 г. совершил свой бессмертный подвиг пулеметчик 3-й пулеметной роты 723-го стрелкового полка Николай Алексеевич Примак.

Из краткого биографического словаря «Герои Советского Союза» известно, что он родился в 1924 г. (по данным кубанских краеведов – 20 мая 1925 г.) в станице Величковской (в настоящее время – Динского района Краснодарского края) в семье крестьянина. По окончании 8 классов работал в местном колхозе, откуда в 1942 г. Новотитаровским военкоматом был призван в ряды Красной армии [1: 319]. По окончании курсов боевой подготовки получил назначение на должность пулеметчика 3-й пулеметной роты 723-го стрелкового полка 395-й стрелковой дивизии. В ходе ожесточенных боев на Кубани 29 июня 1943 г. был ранен, но вскоре вернулся в строй и менее чем через месяц, 27 июля совершил подвиг. Будучи тяжело раненным в обе ноги и истекая кровью, героически поддерживал огнем станкового пулемета «Максим» наступление своего полка у хутора Садового. В этом бою наш герой пал смертью храбрых. Боевые товарищи и командование Николая Примака оценили его героический поступок и самопожертвование и представили красноармейца к высшей правительственной награде – званию Героя Советского Союза. В его наградном листе сказано, что «во всех боях с немецкими захватчиками тов. Примак проявил упорство, героизм и отвагу, показав себя беззаветно преданным Социалистической Родине. Особенно отличился в бою 22.7.1943 года в районе Садовое. В разгар боя, тов. Примак выкатил свой пулемет на открытую позицию. Ведя ураганный прицельный огонь, т. Примак обеспечил продвижение подразделения и нанес врагу большой урон, уничтожив несколько огневых точек и до взвода гитлеровцев» [5: 290].

Очевидно, что высокий темп стрельбы из станкового пулемета, который развил красноармеец Н. Примак по врагу, обусловил высокую эффективность поражения вражеской пехоты. Это вынудило командование противника предпринять экстренные меры по огневому подавлению пулеметной точки Примака. По позиции пулеметного расчета героя был открыт ураганный огонь вражеской артиллерии и минометов. В документах отмечается, что суммарный расход снарядов и мин врага был свыше 100 выстрелов, что привело к множественным попаданиям вокруг пулеметной позиции Примака и граду осколков. В итоге он получил тяжелые ранения в обе ноги [5: 290–290 об.]. Однако даже осколочно-фугасное поражение нижних конечностей с массивной кровопотерей не вывело из строя Примака. Он из последних сил продолжал сжимать свой пулемет. Подоспевшие товарищи стали свидетелями последних минут жизни красноармейца Примака, зафиксировав его слова: «Я вас не подвел, товарищи, передайте матери, что я погиб за Родину!!! Мстите фашистам. Вперед за Сталина!» [5: 290об.]. Из последних сил пулеметчик «нажал гашетку “Максима” и длинной очередью сразил насмерть еще десяток врагов. Подразделение ринулось в решительную атаку и выбило гитлеровцев из траншей» [5: 290об.].

Через два дня – 29 июля 1943 г. командир 395-й стрелковой дивизии генерал-майор А.П. Турчинский заключил, что «за беспримерный героизм,

проявленный в бою с немецкими захватчиками, как верный патриот Родины, тов. Примак достоин присвоения звания "Герой Советского Союза" (посмертно)» [5: 290об.]. 1 июля 1943 г. генерал-майор В.Ф. Сергацков – командир 22-го стрелкового корпуса, куда на тот момент входила 395-я стрелковая дивизия, наложил на представление дивизии резолюцию: «…достоин присвоения звания "Герой Советского Союза" (посмертно)» [5: 290об.]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 октября 1943 г. пулеметчику 3-й пулеметной роты 723-го стрелкового полка 395-й стрелковой дивизии красноармейцу Николаю Алексеевичу Примаку «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство» было присвоено звание "Герой Советского Союза" (посмертно)» [4: 224]. Примечательно, что этим же указом высшей правительственной награды была удостоена самый успешный женщина-снайпер в истории – лейтенант Людмила Михайловна Павличенко, уничтожившая при обороне Севастополя в 1942 г. 309 вражеских солдат и офицеров, включая 36 немецких снайперов.

Несмотря на «затяжной характер борьбы на "Голубой линии", который во многом определялся объективными причинами – соотношением сил, уровнем обеспечения войск по обе стороны фронта, природно-климатическими условиями» [7: 10] – исход битвы за Кавказ был предрешен. К осени 1943 г. в ходе Новороссийско-Таманской наступательной операции советские войска нанесли сокрушительное поражение основным силам 17-й немецкой армии, полностью освободив Таманский полуостров и всю Кубань от оккупантов, что знаменовало окончательное освобождение всего Северного Кавказа. Приказом Верховного Главнокомандующего от 9 октября 1943 г. решено: «в ознаменование одержанной победы соединениям и частям, отличившимся в боях за освобождение Таманского полуострова, присвоить наименования "Таманских", "Темрюкских", "Анапских" и "Кубанских"» [3: 57]. 395-я стрелковая дивизия также была отмечена в приказе в числе «особенно отличившихся» и стала именоваться как «395-я Таманская стрелковая дивизия». В тот же день в честь победителей и завершения битвы за Кавказ был дан салют «двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий» [3: 58–59].

Уточнение ключевых событий и деталей боев 395-й стрелковой дивизии на Кубани частично заполняет «белые пятна» в локальной хронике Битвы за Кавказ. Обращение к конкретным и документально зафиксированным подвигам советских бойцов при освобождении территории нашей страны от немецко-фашистских оккупантов имеет большой воспитательный эффект для патриотической работы. Акценты на биографии конкретного солдата и географии боев (освобождение Кубани) делает патриотическое воспитание молодого поколения более предметным и эмоционально вовлекающим. Это служит важным инструментом в сохранении исторической правды о роли СССР в освобождении народов Европы от нацизма. В условиях специальной военной операции тема воинского долга, отваги и мужества на поле боя становится особенно острой в нынешний период борьбы с неонацистской угрозой. Подвиги простых советских солдат и офицеров служат нравственным ориентиром для молодёжи и современных военнослужащих,

подчеркивая преемственность защитников Отечества. Исследуемые в настоящей статье сюжеты актуальны не только в качестве страниц военной летописи отдельных воинских подразделений, но и выступают инструментом формирования устойчивого гражданского самосознания и любви к Родине, опираясь на подвиги наших предков.

Источники и литература

1. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. М., 1988. Т. 2 /Любов – Ящук/.
2. *Миренков А.И.* Завершение битвы за Кавказ: Новороссийско-Таманская наступательная операция войск Красной армии (1943 г.) // Военно-исторический журнал. 2010. № 10. С. 9–13.
3. Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза: Сборник. М., 1975.
4. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ) Ф. 33. Оп. 682 525. Д. 48.
5. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 793 756. Д. 38.
6. ЦАМО РФ. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 50.
7. *Януш С.В., Киселев И.В.* Штурм «Голубой линии» как завершающий этап битвы за Кавказ в 1943 году // Научная мысль Кавказа. 2021. № 2 (106). С. 5–12.

О.Б. Клочков, П.А. Кулик

История г. Славянска-на-Кубани и Славянского района в годы Великой Отечественной войны на страницах местной периодической историко-краеведческой печати

Местная история, краеведение всегда составляли фундамент, низший уровень исторического знания, выступая основой для формирования исторической картины мира людей – не профессионалов в истории. Усиление внимания к местной истории, истории своего родного края, области, района, города или сельского населенного пункта в нашей стране произошло после смены идеологической парадигмы в 1990-х гг. Тогда было признано, что общая история страны состоит из фрагментов местной истории, которая – во времена описания грандиозных процессов переустройства общества и мира в XX в. – оказалась на «задворках» исторической науки и исторического сознания. Понятие «мелкотемье» наверняка известно историкам, которые занимались исторической наукой как в советской, так и в постсоветской России.

Еще большее внимание к образам местной истории стало уделяться в 2020-х гг., когда в нашей стране начался процесс активного государственного регулирования преподавания истории в рамках общего образования. Был опубликован «Историко-культурный стандарт», началось создание единых (единственных) учебников по истории, которые должны были заменить предлагавшиеся ранее к выбору многочисленные линейки подобных учебников. Наконец, в 2024 г. в Федеральный государственный образователь-

ный стандарт основного общего образования были внесены изменения, в соответствие с которыми учебный предмет «История» в 5–7 классах стал включать не только учебные курсы «История России» и «Всеобщая история», но и учебный курс «История нашего края».

Толчком к активизации изучения местной истории, развитию краеведческого знания часто служат и некоторые общественно-политические процессы и события. Так, например, в 2025 г. по инициативе тогдашнего заместителя Председателя Законодательного Собрания Краснодарского края – председателя комитета по вопросам образования, науки и делам семьи В.В. Чернявского был инициирован процесс сбора документов для присвоения одной из территорий Славянского района Краснодарского края статуса «Рубеж воинской доблести». Выдвижение этой инициативы сопровождалось мощной PR-акцией, в рамках которой предусматривалось значительное количество различных мероприятий военно-исторической и патриотической направленности, в которых были задействованы и государственные органы, и органы местного самоуправления, и общественные организации и простые граждане.

Одним из запланированных мероприятий этой акции была организация отдельной секции студенческой научной конференции, проводившейся в рамках «Фестиваля студенческой науки» в филиале Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани. Готовя выступление на данной конференции, мы решили рассмотреть, как же обстояли дела с изучением местной истории на районном уровне, освещались ли события Великой Отечественной войны в местной печати.

Обращает на себя внимание тот факт, что для историографического анализа – а наша работа, собственно, его и представляет – был выбран интересный материал: местная историческая периодическая печать.

Не секрет, что занятия местной историей, опубликование своих исторических изысканий на местном уровне связано с довольно большими сложностями. Чаще всего специализированные местные исторические (краеведческие) издания отсутствуют, а потому ученым-краеведам приходится искать выходы на «большие» журналы и исторические издания, что сопряжено с материальными и трудовыми затратами. Так было и в Славянском районе, пока уже более 10 лет назад усилиями В.В. Чернявского и Д.А. Решмета, заместителя начальника (а затем и начальника) управления культуры местной районной администрации, кандидата исторических наук, в нашем районе не появился историко-краеведческий альманах «Копыл». Он стал одной из основных площадок, на которой стало возможным ознакомление с результатами своих исторических изысканий широкого круга лиц – от ученых-историков филиала Кубанского государственного университета до школьников и пенсионеров.

Тем не менее, на этапе обработки содержания номеров альманаха мы столкнулся с трудностями. Сайт slavhistory.ru, на котором размещались электронные версии номеров журналов, по состоянию на апрель 2026 г. не работал по непонятным причинам. Как выяснилось, и в библиотеках нашего города также не оказалось выпусков этого альманаха за 2024, 2025 и 2026 гг. Поэтому к анализу были привлечены выпуски альманаха с 2012 по 2023 гг.

Судя по общей тематике статей, публикации о Великой Отечественной войне занимают значимое место в перечне материалов, опубликованных на страницах журнала. При этом событиям на территории Славянского района в годы Великой Отечественной войны посвящено относительно немного публикаций – всего 21 с общим количеством страниц около 150. Динамика выхода в свет этих статей представлена на диаграмме 1.

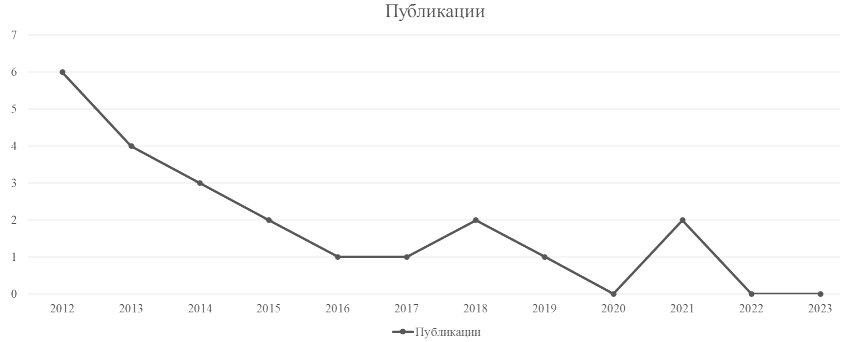

Диаграмма 1. Количество статей альманаха «Копыл», посвященных событиям Великой Отечественной войны на территории Славянского района, по годам издания

Как можно видеть, наибольшее количество публикаций (6) увидело свет в 2012 г. Это вполне объяснимо: широко разрекламированное новое издание привлекло немало авторов. Тем более, что у некоторых из них скопилось большое количество материала, не нашедшего ранее – по разным обстоятельствам – своего издателя. Однако затем происходит последовательное снижение числа публикаций, посвященных событиям Великой Отечественной войны на территории Славянского района. С одной стороны, это можно объяснить тем, что уже накопленный материал был опубликован, а работа над следующими публикациями, сбор историко-краеведческого материала еще не завершились. С другой стороны, анализ показывает падение заинтересованности в данного рода публикациях историков-профессионалов из учреждений высшего образования. Последнее объясняется тем, что администрация вуза последовательно повышает статус изданий, в которых можно результативно – применительно к системе «эффективного контракта» – размещать результаты своей научной деятельности. Кроме того, значительную часть объема публикаций в журнале «Копыл» составляли воспоминания очевидцев событий тех дней. Однако из года в год их число сокращается; например, в Славянском районе на май 2026 г. уже не осталось в живых ни одного ветерана Великой Отечественной войны.

Анализируя характер содержания публикаций, мы делаем вывод о том, что в журнале нашли свое отражение и воспоминания очевидцев военного лихолетья, и перепечатки других статей и частей книг, в которых упо-

минались события времен Великой Отечественной войны на территории Славянского района, и результаты исследовательской работы историков – профессионалов и краеведов. Графически их соотношение представлено на диаграмме 2.

Диаграмма 2. Видовое разнообразие статей по истории Славянского района в годы Великой Отечественной войны, опубликованных в альманахе «Копыл» в период 2012–2023 гг.

Однако качество части материалов, которые нашли свое место на страницах данного историко-краеведческого альманаха, порой не выдерживает критики. Так, например, в 2012 г. в альманахе известным славянским краеведом А.В. Богачевым были опубликованы воспоминания местных жителей – М.А. Зуенко и Р.П. Колпаковой о события оккупации Славянского района 1942–1943 гг. [1]. При этом Р.П. Колпакова признается, что в 1942 г. ей было всего 4 года; трудно предположить, что от этого возраста отчетливо – к 2010 г., когда воспоминания записывались – сохранились воспоминания. М.А. Зуенко на момент оккупации, по словам автора публикации, было уже 20 лет, то есть она была 1922 г. рождения, а это значит, что на момент записи ей было почти 90 лет, что также ставит под сомнение историчность этих воспоминаний.

В то же время на страницах альманаха «Копыл» нашлось место и результатов исследований будущих профессиональных историков. Так, например, в 2012–2013 гг. на его страницах были размещены исследования К.С. Сычевой – студентки филиала Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани [5; 6]. В них, в частности, фактически впервые в истории местного краеведения был сделан вывод о том, что станицу Славянскую в августе 1942 г. занимали не части германского вермахта, а части 3-й румынской армии; были приведены их наименования и состав командования [6: 34]. Позднее этот материал вошел в текст выпускной квалификационной (дипломной) работы К.С. Сычевой «Станица Славянская в годы Великой Отечественной войны», которая в 2016 г. заняла призовое место на краевом конкурсе студенческих научных работ.

В 2013 г. в альманахе «Копыл» было опубликовано небольшое исследование Е.Е. Лютова, бывшего студента Славянского-на-Кубани государственного педагогического института [3]. Позднее этот материал вошел в текст его диссертационного исследования «Ход и характер боевых действий в предгорьях на Новороссийском направлении в 1942–1943 гг.», успешно защищенного в Кубанском государственном университете в 2018 г. [4].

Примечательным видом публикаций на страницах альманаха «Копыл» являются материалы из неопубликованных книг местных краеведов, сохранившихся лишь в виде рукописей. К подобного рода материалам относится, например, материал С.И. Емельянова, посвященный событиям освобождения от оккупации станицы Славянской [2]. Этот материал является часть рукописи его книги «По зову Родины», так и не увидевшей свет. Сама же рукопись хранится в местном отделении Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Таким образом, появление в Славянском районе периодического исторического издания позволило расширить возможности для авторов познакомить читателей с результатами своей историко-краеведческой деятельности. В большинстве своем, эта площадка использовалась именно краеведами для публикации своих изысканий, а также для публикации источников личного характера, которым на краеведческом уровне придается большое значение. В то же время на страницах историко-краеведческого альманаха «Копыл» нашлось место и для более серьезных материалов историков-профессионалов – как действующих, так и будущих. Однако статус данного журнала не позволяет использовать его для более качественных публикаций – как студентов, так и преподавателей местного вуза.

В заключение следует отметить, что издание данного альманаха осуществлялась энтузиастами, часто на собственные или привлеченные средства. На момент написания статьи WEB-страница slavhistory.ru отсутствует в выдаче большинства доступных браузеров. Вполне возможно, что после отставки со своего депутатского кресла В.В. Чернявского, которого можно считать «душой» и главным спонсором альманаха «Копыл», деятельность данного издания будет окончательно прекращена.

Источники и литература

1. *Богачев А.В.* Воспоминания о времени оккупации х. Корженевского в годы Великой Отечественной войны жительниц хутора Зуенко М.А. и Колпаковой Р.П. // Копыл: историко-краеведческий альманах. 2012. № 2. С. 31–33.

2. *Емельянов С.И.* Освобождение станицы Славянской // Копыл: историко-краеведческий альманах. 2014. № 2. С. 43–48.

3. *Лютов Е.Е.* Боевые действия на «Голубой линии» в районе Молдаванское – Киевское 26 мая – 7 июня 1943 г. // Копыл: историко-краеведческий альманах. 2013. № 1. С. 44–48.

4. *Лютов Е.Е.* Ход и характер боевых действий в предгорьях на Новороссийском направлении в 1942–1943 гг.: дис… канд. ист. наук. Краснодар, 2018.

5. *Сычева К.С.* Действия румынской армии в период оккупации станицы Славянской в 1942–1943 гг. // Копыл: историко-краеведческий альманах. 2013. № 2. С. 33–35.

6. *Сычева К.С.* Станица Славянская в период оккупации (11 августа 1942 – 23 марта 1943) // Копыл: историко-краеведческий альманах. 2012. № 1. С. 9–11.

Ж.В. Гречкина

Ставропольцы – герои специальной военной операции

24 февраля 2022 г. началась специальная военная операция (СВО). Ее основными целями стали демилитаризация и денацификация Украины, защита русскоязычного населения Донбасса и устранение угрозы для безопасности России.

Мы стали свидетелями как проявлений невероятной стойкости и гуманизма, так и трагических последствий конфликта. Этот день напоминает нам о том, что история не является статичной, а постоянно находится в движении, и что каждый из нас является частью этого непрерывного процесса. Переосмысление коснулось не только глобальных процессов, но и личных приоритетов, заставив многих пересмотреть свои жизненные цели и ценности, осознав хрупкость привычного благополучия и важность человеческих связей.

Последствия военных действий ощущаются во всех сферах общественной жизни: на международной арене произошли существенные изменения в мировой политике, что привело к усилению давления на Россию со стороны западных стран; в экономике – введение санкций и необходимость перестройки экономических связей поставили перед страной серьезные вызовы, требующие мобилизации всех ресурсов; в обществе – события затронули жизни многих людей, вызвав как поддержку, так и обеспокоенность; в информационном пространстве происходит активное противостояние, которое требует от граждан критического осмысления информации и умения отличать факты от дезинформации.

СВО стала своего рода катализатором для проявления и укрепления единства российского народа. В условиях внешних вызовов потребность в сплочённости становится особенно актуальной. Граждане России объединяются вокруг общей цели, чувствуя ответственность за будущее своей страны.

Объявление 2026 г. Годом единства народов России [6] стало отражением реальной реакции общества на вызовы, связанные с проведением специальной военной операции. Это единение проявляется в готовности поддерживать армию, оказывать помощь нуждающимся и верить в справедливость своих действий.

Важно понимать, что здоровое общество предполагает возможность дискуссий и различных точек зрения. Однако в вопросах национальной безопасности и суверенитета эти разногласия уступают место главной цели – сохранению и укреплению России. В свою очередь проведение СВО потребовало от всех социальных институтов, в том числе российских библиотек, серьезных трансформаций в работе по формированию духовно-нравственных ценностей, патриотическому воспитанию.

Ставропольская краевая библиотека для слепых и слабовидящих имени В. Маяковского выделяет патриотическое воспитание населения как приоритетное направление, и предлагает пользователям с нарушением зрения адаптированный мультимедийный альбом «Награды СВОих», посвященный государственным наградам участников специальной военной операции, чья

сила духа, честь и доблесть стали примером проявления нравственных человеческих качеств и ответственности перед Отечеством.

Издание включает в себя информацию о героях СВО – жителях Ставрополья и полученных ими наградах. Мультимедийный альбом включает укрупненный и рельефно-точечный шрифт Брайля, рельефно-графические иллюстрации боевых наград. Каждое изображение медали сопровождается детальным описанием (тифлокомментарием). Издание дополнено 3D моделями наград (медаль «Золотая Звезда», орден Мужества) и QR-кодом доступа к текстовой информации в аудио-формате и видеопрезентации [4].

Всего с начала СВО почти 11 тыс. ставропольцев удостоены государственных наград за проявленные на передовой мужество и стойкость, звание Героя Российской Федерации на начало 2026 г. присвоено 13 из них.

Приведем лишь несколько примеров героических подвигов наших земляков:

Енин Назар – присвоено звание Героя Российской Федерации Указом Президента Российской Федерации посмертно. Родился 18 августа 2001 г. в Ставрополе. Учился в средней общеобразовательной школе № 38, которую окончил в 2018 г. В 2019 г. был призван на срочную военную службу в Воздушно-десантные войска. В 2020 г. перешел на контрактную службу старшим стрелком-сапером десантно-штурмового взвода. Окончил Московское высшее военное командное училище по специальности «Управление мотострелковыми подразделениями». Принял участие в СВО. Служил командиром штурмового взвода в 37-й отдельной гвардейской мотострелковой бригаде, расположенной в г. Кяхта Республики Бурятия.

Погиб 5 ноября 2024 г. в районе поселка Новодонецкого Донецкой Народной Республики. Похоронен 21 ноября 2024 г. на Крестовоздвиженском кладбище в городе Ставрополе.

Н. Енин, пожертвовав свой жизнью и приняв весь огонь на себя, спас 12 боевых товарищей. Он был потомственным военным и одним из первых отправился защищать Родину.

Губернатор Ставропольского края Владимир Владимиров и врио командующего войсками Южного военного округа генерал-лейтенант Владимир Кочетков вручили семье погибшего командира штурмовых групп, гвардии лейтенанту 37-й отдельной мотострелковой бригады документы и медаль «Золотая Звезда». Родителей Назара, Сергея и Наталью, поблагодарили за воспитание настоящего героя.

«В ноябре 2024 года лейтенант Енин получил задание обеспечить продвижение наших сил и закрепиться на выгодных рубежах. И выполнил его – ценой собственной жизни. Под его командованием штурмовая группа продвинулась более чем на 900 метров и заняла опорный пункт. Более того, наши бойцы захватили карту с важными разведданными», – рассказал Владимир Владимиров в своих социальных сетях [5].

Но противник знал, куда давить, и пошел в контратаку. 5 ноября военных проверяла на прочность даже погода: бойцы не могли узнать местоположение врага, чтобы ударить в цель. В то же время их продолжали атаковать. Когда Енин понял, что перестрелка становится ожесточеннее, он принял весь удар на себя – бросился отвлекать противника, пока его товарищи занимали

оборону. Ему удалось одолеть врага и выиграть время для бойцов, но сохранить свою жизнь военный не смог. «Он сражался до последнего, уже раненый, и спас более 12 товарищей. Настоящий герой», – добавил губернатор [5].

Помимо почетного звания, память о Назаре Енине увековечили в школе № 38 города Ставрополя. В учреждении организована «Парта Героя». В июне 2025 г. топонимическая комиссия администрации Ставрополя приняла решение переименовать улицу 2-ю Промышленную в улицу Назара Енина, а городское отделение «Юнармии» теперь носит имя героя.

Ищенко Алексей – награжден орденом Мужества, присвоено звание Героя Российской Федерации посмертно [2]. Родился 23 марта 1998 г. в селе Красное Грачёвского муниципального округа Ставропольского края. С детства занимался спортом, посещал спортивные секции тхэквондо и футбола. Занимал призовые места на региональных соревнованиях, получал медали.

С 2015 г. служил в Вооруженных силах Российской Федерации, курсант Московского высшего общевойскового командного училища. Начал службу в 126-й отдельной Горловской дважды Краснознамённой ордена Суворова бригаде береговой обороны командиром мотострелкового взвода.

С 24 февраля 2022 г. бригада принимала участие в СВО по защите Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики. В ходе боевых действий против Вооружённых сил Украины (далее – ВСУ) старший лейтенант Алексей Ищенко (позывной «Хирург») хорошо проявил себя в боях за город Новая Каховка Херсонской области, за что был награжден орденом Мужества и представлен к званию капитана. За массовый героизм и отвагу, стойкость и мужество, проявленные личным составом, 28 марта 2022 г. бригаде присвоено почетное наименование «гвардейская».

29 августа 2022 г. Алексей со своим подразделением попал под ожесточенный танковый и артиллерийский огонь ВСУ на правом берегу реки Днепр. Офицер вместе с остальными сослуживцами решил не сдавать позиции и принять бой, хотя противник имел значительное численное превосходство. Мотострелковая рота под его командованием отразила несколько украинских атак. В ходе боя погибли и были ранены операторы противотанковой управляемой ракеты. Командир сам стал вести огонь из противотанкового ракетного комплекса, подбив 3 танка. Всего рота ликвидировала 8 танков, 7 боевых машин пехоты, 6 грузовиков ВСУ. Несмотря на полученное ранение, Ищенко продолжал командовать, пока не потерял сознание. Его погрузили в бронетранспортер для эвакуации с позиций, но он был подбит. Ценой своей жизни Ищенко удержал занимаемые позиции и не допустил прорыва обороны на вверенном ему участке.

Похоронен герой 6 ноября 2022 г. в селе Красном Грачевского муниципального округа.

12 июня 2025 г. во время встречи Президента Российской Федерации Владимира Путина с участниками образовательной программы «Время героев» бывший подчиненный Алексея Ищенко командир взвода Олег Пивоваров рассказал о подвиге своего командира и обратился к главе государства с просьбой присвоить ему высшее звание.

Указом Президента Российской Федерации от 3 июля 2025 г. за мужество и героизм, проявленные при исполнении воинского долга, гвардии ка-

питану Ищенко Алексею Вячеславовичу присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

Мищенко Алексей – присвоено звание Героя Российской Федерации с вручением медали «Золотая Звезда» [3]. Родился 12 сентября 1988 г. в селе Павловка Угловского района Алтайского края. С 2006 г. служил в рядах Вооруженных сил Российской Федерации, курсант Новосибирского военного института внутренних войск Министерства внутренних дел (далее – МВД) России. Проходил службу в городе Минеральные Воды в 17-м отдельном отряде «Эдельвейс».

Высокой награды наш земляк был удостоен за грамотное руководство группой, когда военные вступили в бой с националистами. Четкая стратегия и взвешенные решения командира помогли группе нанести противнику значительный урон – уничтожить три минометных расчета, две командно-штабные машины, а также узел связи. Кроме того, в том бою были ликвидированы 50 военнослужащих противника, из которых пятерых Мищенко уничтожил лично. После наш земляк помогал спасти сослуживцев – троих вытащил из шквального огня и оказал им первую помощь. Также он организовал эвакуацию раненых.

Награждение Алексея Мищенко медалью «Золотая Звезда» прошло в торжественной обстановке. Награду вручил Виктор Золотов, главнокомандующий войсками Национальной гвардии Российской Федерации.

Молошняк Владислав – награжден орденом Мужества [7]. Родился в селе Воздвиженском Апанасенковского муниципального округа. Старший прапорщик воздушно-десантных войск В. Молошняк вывел из-под огня националистов несколько десятков боевых товарищей. О подвиге героя сообщили в Министерстве обороны Российской Федерации.

27 февраля 2022 г. батальонно-тактическая группа 247-го гвардейского десантно-штурмового Кавказского казачьего полка прорывалась к мосту через реку Днепр и попала в засаду. В машину, где находился старший прапорщик, попала противотанковая граната. Военнослужащий был контужен и получил сильные ожоги, но, несмотря на это, вытащил из горящей техники раненого механика-водителя и доставил его в безопасное место. Затем Молошняк продолжил эвакуацию пострадавших сослуживцев. Всего он вывел из-под обстрела 60 человек.

Шубин Савва – награжден орденом Жукова [1]. Родился в г. Кисловодске. Был отличником в Санкт-Петербургском военном институте внутренних войск МВД, выступал на соревнованиях по рукопашному бою.

Его прабабушка во время Великой Отечественной войны была директором парфюмерного завода в Самаре, который в дальнейшем стал оборонным заводом. Прадед служил на флоте, участвовал в производстве знаменитой «Катюши» (за это его отметили медалью «За боевые заслуги»).

Выполняя боевое задание, старший лейтенант Шубин в составе штурмовой группы проявил отвагу и мужество. Командуя своим подразделением, он смог вывести личный состав из-под артиллерийского обстрела.

Каждый день участники СВО защищают Родину и свой дом от украинских националистов, демонстрируя всему миру беспримерное мужество и отвагу, самоотверженность и героизм. Особо отличившихся при выполне-

нии боевых задач и отражении атак противника представляют к наградам, которые нередко вручают прямо на передовой.

Источники и литература:

1. Бойца СВО из Кисловодска наградили медалью Жукова за героизм (Шубин Савва). URL: https://kislovodsk.bezformata.com/listnews/kislovodska-nagradili-medalyu-zhukova/115846414/ (дата обращения: 20.07.2026)

2. Герои страны: международный патриотический интернет-проект (Ищенко Алексей Вячеславович). URL: https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=36428 (дата обращения: 20.07.2026)

3. Герои страны: международный патриотический интернет-проект (Мищенко Алексей Леонидович). URL: https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=33193 (дата обращения: 20.07.2026)

4. Награды СВОих: мультимедийный альбом. Ставрополь, 2026.

5. *Николаева В.* Ставропольцу Назару Енину посмертно присвоено звание Героя РФ. URL: https://pobeda26.ru/news/obshhestvo/2025-05-06/stavropoltsu-nazaru-eninu-posmertno-prisvoeno-zvanie-geroya-rf-324741 (дата обращения: 20.07.2026)

6. О проведении в Российской Федерации Года единства народов России: Указ Президента Российской Федерации от 25.12.2025 № 962. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512250003 (дата обращения: 20.07.2026)

7. Ставропольский десантник Владислав Молошняк представлен к награде за подвиг на Украине. URL: https://news.1777.ru/80985-stavropolskiy-desantnik-vladislav-moloshnyak-predstavlen-k-nagrade-za-podvig-na-ukraine (дата обращения: 20.07.2026)

Раздел 6. Кавказ в системе межэтнических и международных отношений

И.В. Крючков, Т.А. Шебзухова

Экономические связи России с Южным Азербайджаном в конце XIX – начале XX вв. в донесениях российских дипломатов (по материалам «Сборников консульских донесений»)

Важным историческим источником при изучении экономических связей России с Южным Азербайджаном являются «Сборники консульских донесений», издаваемые в Санкт-Петербурге с 1898 г. [6: 355]. Они содержат интересные сведения о развитии торговых контактов России с Южным Азербайджаном, а также размышления российских дипломатов о проблемах и перспективах организации двухсторонних экономических отношений. Они в основном предназначались для деловых кругов России с целью их привлечения к активизации внешнеэкономической деятельности империи.

Российские дипломаты отмечали наличие важных объективных условий для успешного развития российской торговли с Северной Персией, значительную часть которой составлял Южный Азербайджан. Использование Волжского речного судоходства и морского судоходства по Каспийскому морю открывала путь российским товарам в Северную Персию. Большие перспективы торговли открывались после введения в эксплуатации основной ветки Закавказской железной дороги в 1883 г. и проведения участка до Джульфы. По территории Южного Азербайджана проходили удобные караванные пути, создававшие благоприятные условия для транспортировки российских товаров. Европейские конкуренты России использовали для перевозки собственных товаров в Тавриз и Тегеран Трабзоно-Эрзерумский тракт, сложный с точки зрения рельефа, создававшего массу проблем при перевозке грузов [1: 129].

Товары из России поступали в Южный Азербайджан через Джульфу и Астару. Часть товаров ввозившихся в Тавриз и в другие торговые центры Южного Азербайджана шла транзитом в Тегеран, Хамадан и в Курдистан. Наибольшей популярностью при перевозке грузов из России в Южный Азербайджан пользовался Астара-Ардебильский караванный путь, несмотря на постройку современной дороги, связавшей Джульфу с Тавризом. Астара-Ардебильский караванный путь был в два раза длиннее в сравнении с дорогой на Джульфу, он имел сложный рельеф, создававший много неудобств во время транспортировки грузов. К тому же не отличался безопасностью, так как караваны могли подвергаться нападениям местных разбойников, в отличие от безопасной дороги на Джульфу, проходившей по равнинной местности.

Сложившийся парадокс российские дипломаты объясняли тем, что морской и речной фрахт стоил дешевле тарифов Закавказской железной дороги [8: 287]. Поэтому купцы предпочитали именно Астара-Ардебильский караванный путь, несмотря на удлинение маршрута и риск потери товара. Последнее обстоятельство компенсировалось тем, что купцы не перевозили дорогостоящие партии грузов и при их потере не несли существенных финансовых убытков. Б. Преображенский, служивший в генеральном консульстве России в Тавризе, прогнозировал полный упадок торговли через Джульфу в случае постройки хорошей дороги от Ардебиля до Тавриза [8: 287].

С данной точкой зрения не соглашался драгоман генерального консульства в Тавризе П. Введенский. Порт Астара, по его мнению, в 1907 г. достиг максимальных значений в перевозке грузов из России в Персию и в обратном направлении [5: 472]. На взгляд дипломата, роль Джульфы в дальнейшем развитии российско-персидской торговли должна была возрастать. Первым предзнаменованием этого для дипломата стало постепенное перемещение поставок российского сахара из Астары в Джульфу [5: 474]. К началу XX в. Астара занимала монопольное положение в поставках бакинской нефти в Персию, используя дешевый фрахт на морские перевозки. Однако у П. Введенского не вызывала сомнения частичная переориентация поставок нефти в Джульфу в связи с гибкой тарифной политикой Закавказской железной дороги и строительством нефтепроводов. Уже в начале XX в. провинция Тавриз и округ Урмия в значительной мере получали нефть через Джульфу. Об этом свидетельствовала и массовая скупка земель в Джульфе под постройку нефтехранилищ тифлисскими и тавризскими купцами [5: 474]. Астара в большей степени специализировалась на торговле с Астраханью и Нижним Новгородом.

Значительную часть морских перевозок в Астару контролировал Г.З. Тагиев. На долю его пароходов «Баку», «Туман», «Кизил-Агач», «Ленкоранец», «Бакинец», «Горизонт», «Або», «Ислам» и «Мубарек» в 1907 г. приходилось 223 рейса из 465, совершенных из портов России в Астару [5: 472]. В 1902–1903 гг. для борьбы с конкурентами Г.З. Тагиев существенно понизил фрахт, что во многом способствовало его успехам, но как только его фирма получила конкурентные преимущества, она вновь подняла стоимость.

Российские дипломаты к числу основных предпосылок для развития торговли России с Южным Азербайджаном, как и с Персией в целом, относили ликвидацию беспошлинного транзита иностранных грузов через российское Закавказье в Персию в 1885 г. Более того, правительство России стремилось покровительственной таможенной политикой стимулировать ввоз товаров в Северную Персию, особенно экспорт сахара. Если в 1870-е – начале 1880-х гг. на рынке Тавриза господствовал сахар из Марселя, то с конца 1880-х гг. его полностью вытеснила российская продукция [1: 130].

В то же время российские дипломаты отмечали существенные проблемы, мешавшие развитию двухсторонних торговых отношений: слабый интерес крупных российских промышленников и торговых домов к развитию торговли с Персией; незнание российскими предпринимателями особенностей потребительского спроса ее жителей; отсутствие представительств российских торговых домов, способных изучить спрос и организовать регу-

лярную торговлю; концентрация сбыта российских товаров в руках армян и азербайджанцев, российских и персидских подданных, имевших возможность развивать только мелкую торговлю и не способных предоставлять товары в кредит, на чем держалась значительная часть сбыта иностранных товаров в Персии [1: 130–131].

С конца XIX в. генеральное консульство в Тавризе с удовлетворением отмечало рост торговых связей Южного Азербайджана с Россией. Керосин, сахар, чай, табак, папиросы, спички, изделия из железа, мануфактуру для местных купцов поступали из Баку, игравшего важнейшую роль в торговле России с Персией. Из Порта-Петровска в основном поставлялись в Южный Азербайджан ткани «Каспийского мануфактурного товарищества». Однако вскоре объем завоза тканей товарищества сократился в виду успешной конкуренции со стороны Г.З. Тагиева, создавшего в 1900 г. собственное крупное мануфактурное производство в Баку. Успех Г.З. Тагиева, по мнению дипломатов, во многом заключался в осознании им важности кредитования купцов в Южном Азербайджане [8: 287]. Они не имели средств для приобретения значительных партий товаров, поэтому получали товар в долг, расплачиваясь с производителем в установленном порядке после реализации товара. Первыми данную особенность персидского рынка осознали европейские производители и торговые компании.

С нижегородской ярмарки в Южный Азербайджан поставлялась галантерея и разливные товары широкого потребления. В тоже время на ярмарке сбывались ковры, сушеные фрукты, меха, хлопок, кожа, шерсть из Южного Азербайджана. Из Москвы завозились текстиль, фарфоровая, фаянсовая и стеклянная посуда. Особое место в организации российско-персидской торговли занимала Астрахань, откуда ввозилась фарфоровая и фаянсовая посуда, металлические изделия и сахар. В тоже время через Астрахань шла основная часть персидского экспорта в Россию. Южный Азербайджан также в большом количестве поставлял в Россию свою продукцию через Астрахань и нижегородскую ярмарку.

В 1905 г. через Астару из России в Южный Азербайджан поступило товаров на 5 млн руб., а в обратном направлении на 2,9 млн руб. Общий оборот торговли России с Южным Азербайджаном через Астару составил 8 млн руб. Через Джульфу из России поступило товаров в Южный Азербайджан на 1,8 млн руб., а в обратном направлении на 1,85 млн руб., общий оборот превысил 3,6 млн руб. [8: 288–290]. Больше всего через Астару Россия поставляла сахар (около 2 млн руб.), хлопчатобумажные и шерстяные ткани (1,7 млн руб.), металлические изделия (672 тыс. руб.). Через Джульфу ввозились сахар (870 тыс. руб.), хлопчатобумажные и шерстяные ткани (781 тыс. руб.), металлические изделия (96 тыс. руб.). Из Южного Азербайджана в Россию через Астару больше всего вывозились сушеные и свежие фрукты (около 2 млн руб.), миндаль и орехи (670 тыс. руб.). Примерно такой же была структура вывоза продукции из Южного Азербайджана в Россию через Джульфу: миндаль и орехи (875 тыс. руб.), сушеные и свежие фрукты (703 тыс. руб.), кожа (278 тыс. руб.) [8: 288–290].

Большое беспокойство у дипломатов вызвали революция в России и начавшиеся революционные события в Персии, негативно сказавшиеся на

экономических связях [4: 64]. Кризис в российской промышленности отрицательно влиял на экономические связи двух стран. Однако с 1907 г. торговля России с Персией вновь стала динамично развиваться. Особое место в этом процессе занимал Южный Азербайджан. Правда, с 1908 г. Южный Азербайджан и, в частности, Тавриз стал одним из эпицентров революционных событий в Персии [2: 64].

В 1907–1908 гг. в Южный Азербайджан поступило иностранных товаров объемом в 7,3 млн батманов,1 что было почти на 3 млн батманов больше в сравнении с 1905–1906 гг. При этом на российскую продукцию приходилось около 6 млн батманов (82,2%), за ней с большим отрывом шли Великобритания – 668 тыс. батманов (9%), Османская империя – 170 тыс. батманов (2,3%), Австро-Венгрия – 134 тыс. батманов (1,8%) и Италия – 117 тыс. батманов (1,3%). На все остальные страны приходилось менее 5% импорта товаров в Южный Азербайджан [3: 344]. Больше всего Южный Азербайджан ввозил сахар (3,9 млн батманов), текстиль (0,654 млн батманов), керосин (0,636 млн батманов), чай (0,386 млн батманов), муку (0,189 млн батманов), железо и другие металлы (0,167 млн батманов).

В денежном выражении в экспорте в Южный Азербайджан также господствовала Россия. Весь экспорт в регион в 1907–1908 гг. оценивался в 54,6 млн кранов, из них на Россию приходилось 23 млн кранов2 (42,1%), Великобританию – 17 млн кранов (31,1%), Австро-Венгрию – 3,6 млн кранов (6,6%), Италию – 2,9 млн кранов (5,3%), Османскую империю и Францию – по 2,5 млн кранов (по 4,6% на каждую) и Германию – 2 млн кранов (3,6%) [3: 345].

Сахар в Южный Азербайджан в основном поступал из России (3,8 млн батманов), его главными поставщиками были Александровский, Киселевский и другие рафинадные (сахарные) заводы. Фирма М.И. Терещенко, несмотря на ее популярность в России, не смогла занять лидирующие позиции в Южном Азербайджане, поскольку отказывалась предоставлять свою про-дукцию местным купцам в кредит. Российский сахар (3,9 кранов за батман) был немного дороже европейского (3,8 кранов), но это не сказалось особо на предпочтениях местного населения, так как по сравнению с 1905–1906 гг. сахар подешевел в Южном Азербайджане на 1,9 кранов за батман.

Лидирующие позиции Россия занимала в поставках керосина и минеральных масел в Южный Азербайджан, на нее приходилось около 632 тыс. батманов или 99,3% всего экспорта данного вида продукции. Увеличение поставок керосина из России привело к снижению его стоимости на рынках Тавриза и других городов региона с 1,9 крана за батман в 1905–1906 гг. до 1,2 крана в 1907–1908 гг. Этому обстоятельству способствовали стабилизация нефтяного рынка Баку после потрясений, вызванных Первой русской революцией, строительство сети нефтепроводов и улучшение дороги от Джульфы до Тавриза. Россия доминировала в поставках муки, железа и других металлов, кожи, строительного леса, каменного угля, экипажей, эмалированной, фаянсовой, фарфоровой посуды, металлических изделий, соды, стекла, вина, пива, минеральной воды, парфюмерии, наращивала объемы

[1] 1 шахский батман равнялся 14 российских фунтов или 5,4 кг.

[2] 1 кран равнялся 17-20 коп.

экспорта новых видов продукции, включая строительный кирпич, цемент и мыло.

Российские производители не смогли занять доминирующие позиции в поставках в Южный Азербайджан текстильной продукции (142 тыс. батманов – 21,7%), уступив первое место Великобритании (298 тыс. батманов – 45,5%), третье место занимала Италия (69 тыс. батманов – 10,5%), а четвертое – Австро-Венгрия (57 тыс. батманов – 8,7%) и т.д.

Несмотря на успехи собственной чайной промышленности, Россия не добилась больших результатов в поставках чая в Южный Азербайджан. В 1907–1908 гг. она ввезла всего 22,5 тыс. батманов чая, в то время как из Британской Индии его поступило 364 тыс. батманов. Причина такого отставания объяснялась просто. Один батман российского чая стоил 22,8 крана, а индийского – всего 19,7 кранов [3: 346]. Почти весь импортный табак в регион завозился из Османской империи. В небольших объемах России завозила папиросы и сигары, вместе с Голландией и Францией, но этот вид продукции ввиду его дороговизны не пользовался спросом у местного населения. Россия полностью отдала европейским конкурентам рынок красок для коврового производства, спичек,1 бумаги (господствовали Австро-Венгрия и Италия), мебели, одежды (доминировали Италия, Австро-Венгрия и Германия), продукции фармации и галош (почти полностью экспорт осуществлялся Германией) в Южном Азербайджане.

В 1907–1908 гг. экспорт товаров из Южного Азербайджана за пределы Персии вырос на 997 тыс. батманов, достигнув 4,2 млн батманов2. В данном секторе торговли также доминировала Россия. На нее приходилось 3,6 млн батманов (19 млн кранов), затем шла Османская империя – 553 тыс. батманов (17,9 млн кранов) и США – 5,5 тыс. батманов (393 тыс. кранов) [3: 350-351]. Таким образом, в физическом выражении на Россию приходилось 85,1% экспорта из Южного Азербайджана, а в денежном исчислении – 51%.

Из Южного Азербайджана вывозились 2,9 млн батманов сушеных фруктов (8,8 млн кранов), 410 тыс. батманов зерновых культур и в основном ячменя, 265 тыс. батманов ковров и шерстяных изделий, 123 тыс. батманов металлических изделий, 114 тыс. батманов хлопка (1,1 млн кранов), 45 тыс. батманов дынь и т.д. Больше всего сушеных фруктов экспортировалось в Россию (2,6 млн батманов) и в Османскую империю (213 тыс. батманов). Южный Азербайджан существенно выиграл от увеличения стоимости сушеных фруктов в 1905–1906 гг. с 2,5 кранов за батман до 3 кранов в 1907–1908 гг. [3: 351].

Почти весь ячмень (310 тыс. батманов), чай, гранаты, масло, яйца, дыни, изделия из железа, меди и благородных металлов, медная руда, хлопчатобумажная пряжа, глиняные горшки, шелк в коконах, шерсть, кожа, краски, большая часть овощей вывозились в Россию. Из 9,9 тыс. голов скота продаваемого Южным Азербайджаном 9,6 тыс. голов отправлялось в Рос-

---

[1] Данный вид продукции в основном поставляла Италия. Российские спички оказались очень дорогими в сравнении с итальянскими конкурентами.

[2] Некоторый процент в этом объеме могли составлять транзитные товары из других провинций Персии.

сию. Кроме этого, в Россию завозились 36,7 тыс. батманов ковров и шерстяных изделий на 2 млн руб.

Османская империя являлась главным покупателем ковров и шерстяных изделий. В 1907–1908 гг. на рынки Константинополя поступило данной продукции 208 тыс. батманов на сумму 15,8 млн кранов. Правда экспорт ковров и шерстяных изделий из Южного Азербайджана сильно пострадал из-за начавшегося в 1907 г. в США экономического кризиса, затем перекинувшегося в Европу. В результате экспорт ковров в Османскую империю по сравнению с 1905–1906 гг. упал на 179 тыс. батманов, а в Россию на 21 тыс. батманов [3: 351]. Большая часть хлопка уходила в Османскую империю, которая также являлась главным потребителем шелковых и хлопчатобумажных тканей, овощей, соли из Южного Азербайджана. Об интенсивности экономических связей Персии с Османской империей говорит тот факт, что в других городах Южного Азербайджана параллельно с персидским краном в обороте находились турецкие денежные единицы.

Генеральное консульство в Тавризе интересовал вопрос о возможном нарастании конкуренции в Южном Азербайджане России с другими европейскими государствами. Тем более в регионе в начале XX в. появились представители германских и австро-венгерских фирм, рекламировавших свои товары и изучавшие спрос местного населения. Дипломаты в целом оценивали перспективы России довольно оптимистично. Кроме объективных преимуществ, они выделяли определенный консерватизм местного купечества, неохотно менявшего зарубежных партнеров и условия ведения торговых операций [3: 344]. В тоже время, российские дипломаты полагали, что Россия не в полной мере использовала свои преимущества в развитии торговли с Южным Азербайджаном. Многие европейские конкуренты ее обошли в приросте торгового оборота с регионом в 1905–1908 гг. Поэтому они призывали к необходимости активизации торговых связей с Южным Азербайджаном, не останавливаясь на достигнутых результатах, и поиску новых форм взаимодействия с торговыми партнерами в Персии.

Генеральное консульство в Тавризе при определении перспектив дальнейшего развития торговли России с Южным Азербайджаном отмечало несколько точек возможного роста экспорта. Во-первых, оно прогнозировало значительный рост потребления керосина в качестве средства освещения населением Южного Азербайджана, пока в основном использовавшего для этого традиционный бараний жир, не только в сельской местности, но и в городах. Быстрому распространению керосина в Южном Азербайджане должно было способствовать снижение его стоимости в связи с сокращением транспортных издержек.

Во-вторых, в Южном Азербайджане рос спрос на металлические изделия и железо. Местные потребители не имели средств для покупки обычного листового железа, поэтому охотно покупали дешевый металлический лом из России, в большом количестве предоставляемый нефтяными промыслами Баку. Здесь П. Введенский отмечал одну угрозу. В округ Урмия начали осуществляться поставки железа из других европейских государств и из России через одесский порт. С улучшением путей сообщения в Южном Азербайджане европейское железо могло проникнуть и в другие районы, создавая конкуренцию для российской продукции [5: 475].

В-третьих, в Южном Азербайджане наметился аграрный кризис, который создавал предпосылки для значительного увеличения ввоза российского зерна. Долгое время Южный Азербайджан являлся одним из центров сельскохозяйственного производства в Персии, поставляя свою продукцию в различные провинции страны. Однако низкий уровень агрокультуры, плохие погодные условия, рост численности населения привели к ввозу в Южный Азербайджан зерна из других персидских регионов, но его все равно не хватало. Одним из проявлений кризиса сельского хозяйства Южного Азербайджана стало массовое бегство разорившихся крестьян в поисках работы в Россию [5: 476].

Признавая успехи в торговле России с Южным Азербайджаном, дипломаты отмечали ряд проблем, тормозивших ее дальнейшее развитие, в том числе низкую покупательную способность местного населения, нестабильность финансовой системы Персии, нежелание некоторых российских производителей учитывать специфику местного рынка, отсутствие железнодорожного сообщения между Россией и Персией. Эту тему постоянно поднимал в своих отчетах управляющий консульством в городе Реште соседней с Южным Азербайджаном провинции Гилян С. Олферьев. Он полагал, что в 1907 г. Персия достигла максимального показателя в развитии своей внешней торговли, ее увеличение было возможно, но в незначительной степени. Главным тормозом для развития внешнеэкономической деятельности Персии становилась нараставшая бедность населения [7: 61]. Еще одна причина, тормозившая расширение внешней торговли Персии, заключалась в общей деградации ремесленного производства, сельского хозяйства и промышленности страны. Персия нуждалась в коренных реформах, в том числе в области экономики [7: 61].

Таким образом, российские дипломаты уделяли значительное внимание развитию экономических связей России с Южным Азербайджаном, который имел важной стратегическое значение. Удобные торговые пути обеспечивали возможность для развития двухсторонней торговли. Часть российских товаров через Южный Азербайджан транзитом уходила в другие провинции Персии. России удавалось контролировать большую часть внешней торговли Южного Азербайджана, несмотря на определенные успехи в регионе ее конкурентов в начале XX в. В тоже время низкая покупательная способность населения Южного Азербайджана, экономический кризис, политическая нестабильность в Персии, по мнению дипломатов, мешали дальнейшему развитию экономических связей Южного Азербайджана и Персии в целом с Россией. В донесениях также отмечалась низкая активность крупных производителей и торговых домов России, в основном ориентировавшихся на удовлетворение растущего внутреннего спроса, не способствовавшая наращиванию экономического проникновения в Южный Азербайджан. Дипломаты определяли возможные точки роста торговых связей России с Южным Азербайджаном, пытаясь привлечь внимание российских предпринимателей к активизации экономических контактов с данным регионом.

Источники и литература

1. *Адамов А.* Торговля портов южной Персии (донесение генерального консульства в Тавризе) // Сборник консульских донесений за 1898 г. Вып. II. СПб., 1898.

2. *Алиев С.М.* История Ирана. XX век. М., 2004.
3. *Введенский П.* Торговля Азербайджана в 1907–1908 гг. (Донесение драгамана генерального консульства в Тавризе) // Сборник консульских донесений за 1909 г. Вып. IV. СПб., 1909.
4. *Введенский П.* Торговля в Персии в 1904–1905 гг. (донесение состоящего при миссии в Тегеране П. Введенского) // Сборник консульских донесений за 1906 г. Вып. IV. СПб., 1906.
5. *Введенский П.* Торговля порта Астары (Донесение драгомана генерального консульства в Тавризе) //Сборник консульских донесений за 1907 г. Вып. VI. СПб., 1907.
6. *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента министерства иностранных дел. СПб., 2008.
7. *Олферьев С.* Торговля Гиляна в 1906–1907 гг. (Донесение управляющего консульством в Реште) // Сборник консульских донесений за 1908. Вып. I. СПб., 1908.
8. *Преображенский Б.* Астара-Ардебильский караванный путь (Донесение секретаря генерального консульства в Тавризе) // Сборник консульских донесений за 1907 г. Вып. III. СПб., 1907.

А.А. Вартумян

Мирная колонизация Кавказа: участие немецких колонистов в социально-экономических преобразованиях в Азербайджане в XIX в.

Политика России ставила своей целью привлечение иностранных колонистов в освоении национальных окраин. История немецких колонистов в Азербайджане в XIX в. является ярким примером участия переселенцев в социально-экономических преобразованиях национальных окраин России.

Советские и современные российские и зарубежные историки создали солидный пласт исследований по заявленной тематике. В начале 1970-х гг. появляются первые серьезные работы, посвященные истории немецких колонистов на Южном Кавказе. В диссертации Г.Х. Манджаладзе приводится большое количество ценных фактов об историческом прошлом немецких колонистов на территории Закавказья. Перед автором стояла цель раскрыть и детально проанализировать историю существовавших в Закавказье поселений немцев за относительно длительный период: непосредственно с момента их появления и до установления советской власти [11].

В течение последних нескольких лет наметился существенный рост заинтересованности к историческому достоянию колонистов-немцев в бывшем СССР, в том числе и на Южном Кавказе. Данное обстоятельство подтверждается многочисленными научными симпозиумами, съездами, конференциями и прочими мероприятиями, в числе приоритетных задач участников которых значится воссоздание объективной и разносторонней истории переселенцев немецкого происхождения [5; 12; 13; 14].

Среди трудов современных отечественных авторов особенное внимание привлекают работы Л.В. Малиновского [9; 10]. В них присутствует важная информация об управленческой системе, сельской общине и поль-

зовании землей в колониях немцев в Закавказье. В Северо-Кавказском федеральном университете издан энциклопедический словарь [8], в котором рассматриваются вопросы переселенческой политики России. Азербайджанские историки внесли свой вклад в изучении и становлении немецкой диаспоры в Азербайджане [1; 2; 4; 6; 7].

Основанием для переселения в Россию немецких колонистов послужили события в Европе в начале XIX в. Отправиться в другую страну немцы были вынуждены из-за войн Наполеона I, роста налоговых сборов и нехватки земли. Особенно сложными были последствия войн для жителей королевства Вюртемберг, которое подверглось существенному разорению. Здесь интенсивно набирались новобранцы, на жителей возлагались значительные по размеру контрибуции. В 1815 г. налоговые сборы достигли 4/5 от совокупного размера чистого дохода с земельной собственности.

Немцы переезжали на территорию России и из-за возможности сохранить здесь собственные религиозные воззрения. К этому времени в Германии были широко представлены сторонники различны религиозных сект, подвергавшиеся гонения. В частности, к ним относилась секта т.н. «сепаратистов», придерживавшихся представлений о том, что именно на Кавказе (Востоке) будет создано «тысячелетнее царствие» и произойдет второе пришествие Христа. В ходе своего пребывания в Германии в 1815 г. Александр I, узнав о сектантах, согласился на их переезд на Кавказ, пообещав переселенцам землю, свободу веротерпимости и освобождение от государственных налогов и воинской повинности.

В 1819 г. на реке Гянджачай (приток Куры, современная территория Азербайджана), у покинутого поселка Ханлыклар сформировалась первая колония немцев-переселенцев из Швабии, названная Еленендорфом в честь Великой княжны Елены Павловны, сестры Александра I, состоявшая первоначально из 127 семейств [1: 30].

Колонисты-немцы переселялись в Россию в добровольном порядке и с формированием на казенных земельных участках привилегированных немецких деревень. Им были предоставлены юридические и материальные льготы. В колониях немцев преобладало частное землепользование в условиях общинной собственности. Данное обстоятельство закреплялось в Своде законов Российской империи, где говорилось: «Все отведенные под поселение колонистов земли присвоены им в неоспоримое и вечное потомственное владение, но не в личную кого-либо, а в общественную каждой колони собственность» [цит. по: 9: 175–182].

Вследствие дальнейшего прибытия компактных немецких общин из Швабии количество поселений выросло до 8: Еленендорф (Гёйгёль), Анненфельд (Шамкир), Алексеевка, Елизаветинка (Акстафа), Георгсфельд (Чинарлы), Грюнфельд, Траубенфельд (Товуз) и Эйгенфельд (Ирмашлы). Они располагались на территориях нынешних Агстафинского, Гёйгёльского, Газахского, Шамкирского и Товузского районов Азербайджана.

Немецкие переселенцы произвели сельскохозяйственную революцию в аграрных районах своего компактного проживания. Можно выделить 3 основных экономических направления, которые благодаря высокой эффективности производства стали определяющими:

1. Виноградарство и виноделие. Первые виноградники в Северном Азербайджане они начали высаживать с самого своего обоснования, а уже в 1860 г. началось стабильное производство вин на промышленной основе. Переселенцы активно начали разводить обширные плантации винограда. В 1892 г. еленендорфская компания «Братья Форер» открыла первый коньячный завод на территории Азербайджана. В 1895г. «Бр. Гуммель» строят еще один. Оба предприятия были построены по последнему слову техники. На них производились все виды вин, которые реализовались не только в России, но и в Европе. С 1882 по 1901 гг. немецкие вина Еленендорфа были награждены более 20 раз на различных международных конкурсах, получив 10 золотых медалей. Кроме того, в одном Еленендорфе к концу XIX в. было 10 фруктово-водочных заводов и один пивзавод.

2. Шелководство. В 1841 г. правительство решило использовать немцев для развития шелководства. Для этого пятерых мальчиков-поселенцев отправили на учебу в Нуху (Шеки). Были высажены 14 тыс. тутовых деревьев. И уже к 1845 г. в немецкой общине выросли 40 шелководческих домохозяйств.

3. Производство обогащенной минеральной воды. В 1886 г. в Еленендорфе открылся завод искусственных минеральных вод с врачебным отделением, под непосредственным управлением провизора.

В осуществляемой колонистами хозяйственной деятельности особенной значимостью обладали промыслы (в том числе бондарные, кузнечные, фургонные). В одном лишь Еленендорфе насчитывалось 8 кузнечных, 5 бондарных и 37 фургонных мастерских. Основная часть квалифицированных рабочих на станции Елизаветполь (в настоящее время – Гянджа) была представлена русскими и немцами. Именно в такой обстановке, в одном ряду с односельчанами-армянами, происходило становление характера и воззрений будущего Маршала Советского Союза И.Х. Баграмяна [3:10].

Таким образом, немецкие колонисты, сохранив свою национальную идентичность, способствовали становлению и развитию целых отраслей промышленности и сыграли огромную роль в трансформации кустарно-промышленного производства в XIX в. в Азербайджане. К сожалению, вековой период созидания на новой исторической родине обернулся драматическими событиями Первой мировой войны и Великой Отечественной войны, что привело к фактическому исходу немцев Азербайджана на свою историческую родину.

Источники и литература

1. *Абдуллаев Ч., Гулиева Б.* Немцы в Азербайджане. Баку, 1992.
2. *Ахундова Т.* Немцы – колонисты Азербайджана XIX – начала XX вв. Баку, 1999.
3. *Вартумян А.А., Лаврова Т.Н.* Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян: малоизученные страницы биографии // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне: «80 лет Победы: историческая память и преемственность поколений». Пятигорск, 2025. С. 6–23.
4. *Вердиева Х.* Немцы в Северном Азербайджане. Баку, 2009.
5. Вопросы германской истории. Немцы в Украине. Материалы украинско-германской научной конференции. Днепропетровск, 26–29 сентября 1995 г. Днепропетровск, 1996.

6. *Зейналова С.М.* Немецкие колонии в Азербайджане (1819–1941 гг.). Баку, 2002.
7. *Зейналова С.М.* Этнокультурные особенности формирования европейских общин на Кавказе (XIX – начало XX вв.) // Кавказ и глобализация. 2013. Т. 7. Вып. 1–2. С. 167–184.
8. Иностранцы на службе у России: элита «пришельцев»: энциклопедический словарь. Пятигорск, 2018.
9. *Малиновский Л.В.* Община немецких колонистов в России и ее региональные особенности в XIX – начале XX в. // История СССР. 1990. № 2. С. 175–182.
10. *Малиновский Л.В.* Социально-экономическая жизнь немецкой колонистской деревни в Южной России (1762-1917 годы). автореф. дис... д-ра ист. наук. Л., 1986.
11. *Манджгаладзе Г.Х.* Немецкие колонисты в Закавказье (1817–1920 гг.): дис... канд. ист. наук. Тбилиси, 1970.
12. Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы: международная научная конференция, посвященная 850-летию Москвы (Москва, 5 июня 1997 г.): сборник докладов. М., 1997.
13. Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: материалы российско-германской научной конференции (Анапа, 22–26 сентября 1994 г.). М., 1995.
14. Российские немцы. Историография и источниковедение: Материалы международной научной конференции (Анапа, 4–9 сентября 1996 г.)». М., 1997.

А.Н. Птицын

Австро-венгерские рабочие на Кавказе на рубеже XIX–XX вв.[1]

После завершения Кавказской войны на Кавказе развернулся процесс масштабной экономической и социокультурной модернизации, что вызвало значительную потребность в специалистах и квалифицированных работниках. Их стали привлекать не только из других регионов Российской империи, но и из других государств. В пореформенный период российские власти в целом достаточно благожелательно относились к переселению иностранцев на Кавказ, признавая их положительную роль в области экономического развития.

По данным Первой всероссийской переписи населения 1897 г. процент уроженцев иностранных государств был на Кавказе самым высоким по сравнению с другими частями империи, составляя 1,6 %. Всего их там насчитывалось 153,6 тыс. чел. В силу географических причин подавляющее большинство происходило из двух соседних государств: Турции – 101 тыс. и Персии (Ирана) – 43,9 тыс. чел. Переселенцев из европейских стран было здесь гораздо меньше, и первое место среди них занимали уроженцы Австро-Венгрии, которых насчитывалось 2 573 чел. [5: 116–117]. В основном, это были славяне, среди которых преобладали чехи, были также представ-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01944 «Механизмы регулирования трудовой миграции жителей Австро-Венгрии в Российскую империю», https://rscf.ru/project/25-28-01944/

лены словаки, русины, поляки и др. Кроме них, среди выходцев из габсбургских земель присутствовали немцы, венгры, румыны, евреи и др. [9: 76].

В материалах всеобщей переписи 1897 г. население России было распределено на группы по видам хозяйственных занятий. При этом отдельно выделялись лица, самостоятельно добывавшие средства к существованию, и несамостоятельные члены семей. Первоначально предполагалась по каждому виду занятий отдельно подсчитать 3 категории: лиц, самостоятельно ведущих дело; служащих; наемных рабочих и прислугу. Как обычно, из соображений экономии этот план не был реализован в полной мере – отдельно были подсчитаны только наемные рабочие и прислуга. Поскольку при этом была сделана дифференциации их по месту их рождения, то стало возможным определить численность и состав иностранных рабочих в империи и ее регионах [11: III].

Следует заметить, что поскольку перепись 1897 г. была проведена в разгар зимы (28 января), то она не учла значительного количества временных рабочих-иностранцев, главным образом сельхозрабочих, которые зимой, как правило, возвращались на родину. Поэтому данные переписи показывают преимущественно постоянных иностранных рабочих, с учетом же временных их численность должна была быть значительно выше. Впрочем, для Кавказа, сильно удаленного от австрийской границы, это не столь существенно. Учитывая долгую и недешевую дорогу, в этот регион габсбургские подданные приезжали, как правило, на постоянную работу.

Перепись 1897 г. зафиксировала пребывание на Кавказе 38,8 тыс. зарубежных уроженцев, занятых в качестве рабочих и прислуги. Среди них безраздельно доминировали мужчины, женщин же насчитывалось 1,1 тыс., или 3 % [11: XVIII–IX]. Рабочие вместе с прислугой составляли четвертую часть от общего количества иностранных выходцев в данном регионе, в которое входили не только самостоятельные работники, но и члены их семей. Примечательно, что на Кавказе доля иностранных уроженцев среди всех рабочих и прислуги достигала 9 %, что было выше, чем в других частях империи. Они, в основном, концентрировались в промышленно развитых закавказских губерниях: Бакинской (9,9 тыс.), Кутаисской (7,6 тыс.), Тифлисской (5,6 тыс.) и др. В сельскохозяйственных и более удаленных от границы регионах Северного Кавказа их было значительно меньше [11: XVIII–IX].

Среди иностранных рабочих и прислуги на Кавказе, как и среди иностранцев в целом, доминировали уроженцы Турции (17 тыс.) и Персии (19 тыс.). Также были представлены выходцы из европейских государств: Франции (1.216 чел.), Австро-Венгрии (406), Италии (303), Германии (232), Греции (149), Великобритании (113) и др. [11: 48–49] В отличие от турецких и персидских подданных они, как правило, принадлежали к числу квалифицированных работников. Иностранные рабочие на Кавказе были заняты в различных отраслях местного хозяйства: горнодобывающей, главным образом, нефтедобывающей промышленности, металлообработке и деревообработке, строительстве, сельском хозяйстве и др.

Распределение австро-венгерских уроженцев по отдельным губерниям и областям Кавказа, а также доля рабочих в их составе показаны в следующей таблице, составленной по данным всероссийской переписи 1897 г.

Таблица 1

Численность австро-венгерских уроженцев и рабочих на Кавказе в 1897 г. [5: 156; 11: 48]

Губерния или область	Число уроженцев			Рабочих и прислуги	
	Мужчин	Женщин	Всего	Всего (в т.ч. женщин)	В процентах
Дагестанская	12	4	16	3 (0)	19
Кубанская	356	237	593	64 (11)	11
Ставропольская	72	34	106	29 (1)	27
Терская	114	106	220	27 (7)	12
Черноморская	368	338	706	63 (13)	9
Всего Сев. Кавказ	*922*	*719*	*1641*	*186 (32)*	*11*
Бакинская	97	72	169	42 (8)	25
Елисаветпольская	26	16	42	5 (1)	12
Карсская	9	4	13	–	0
Кутаисская	150	131	281	14 (1)	5
Тифлисская	215	124	339	81 (6)	24
Эриванская	82	6	88	78 (1)	89
Всего Закавказье	*579*	*353*	*932*	*220 (17)*	*24*
Всего Кавказ	*1.501*	*1.072*	*2573*	*406 (49)*	*16*

Как видно из данной таблицы, выходцы из габсбургских земель были распределены на Кавказе неравномерно. Две трети от их общей численности находились на Северном Кавказе и треть – в Закавказье. Самые большие диаспоры сформировались в Черноморской губернии и Кубанской области, где в конце 1860-х – 1870-е гг. возникло более десятка чешских поселений [10: 34–35].

Довольно заметным австро-венгерское присутствие было в тех губерниях, где были развиты промышленность, транспорт и добыча нефти (Тифлисской, Кутаисской, Терской и Бакинской). И наоборот, наименьшим оно было в отсталых горных областях: Карсской (присоединенной только в 1878 г.), Дагестанской и Елисаветпольской. Высокая доля женщин среди переселенцев (42 %) указывала на то, что их миграция носила преимущественно семейный и долговременный характер.

Согласно таблице, всеобщая перепись зафиксировала на Кавказе 406 уроженца Австро-Венгрии, которые относили себя к наемным рабочим

и прислуге. Женщин среди них было 49 (12 %), в основном они были прислугой. Примечательно, что более половины австро-венгерских рабочих было сосредоточено в Закавказье, хотя там проживала лишь треть от общего количества переселенцев.

Доля рабочих и прислуги среди уроженцев габсбургских земель, поселившихся на территории Кавказа, составляла 16 %. При этом на Северном Кавказе, где было много чешских крестьян-колонистов, она падала до 11 %, а в Закавказье поднималась до 25 %. Поскольку в общее число мигрантов входили не только экономически самостоятельные люди, но и члены их семей, то среди первых долю рабочих следует увеличить как минимум в 2 раза.

На Северном Кавказе наибольшее количество австро-венгерских рабочих было зафиксировано в Кубанской области и Черноморской губернии, где были заметные чешские диаспоры. Процент же рабочих среди переселенцев был самым высоким в Ставропольской губернии за счет притока туда сельскохозяйственных рабочих.

В Закавказье самые крупные отряды рабочих из габсбургских земель находились в Тифлисской и Эриванской губерниях, где во второй половине 1890-х гг. велось активное железнодорожное строительство, а также в Бакинской губернии с ее нефтяной промышленностью. Примечательно, что в Эриванской губернии почти все мигранты из Габсбургской монархии были рабочими.

Более подробно хозяйственные занятия австро-венгерских выходцев можно рассмотреть на примере их самой значительной национальной группы – чехов, данные о которых даются в материалах переписи 1897 г. по некоторым губерниям. При этом они относятся ко всем чехам, ведущим самостоятельную экономическую деятельность, рабочие здесь отдельно не выделяются.

Одна из крупнейших чешских общин находилась в Кубанской области, где в 1897 г. проживало 1213 чехов, в том числе 540 женщин. Не менее половины из них составляли молодежь и дети, родившиеся уже в России. Самостоятельно добывали средства к существованию 382 кубанских чеха (31 %), в том числе 36 женщин, остальные числились членами семей. Такое соотношение объясняется преобладанием крестьянских семей, где хозяином считался только глава семьи. Сельским хозяйством были заняты 225 кубанских чехов из числа самостоятельных (59 %). Небольшая их часть была сельскохозяйственными рабочими (в основном молодежь). Промышленным и ремесленным производством были заняты на Кубани 76 чехов (20 %). В частности, это обработка металлов (25 человек), пивоварение (16), пищевое производство (12), изготовлением одежды (7) и др. Сюда входили как рабочие, так и владельцы предприятий, служащие на них и ремесленники. В качестве прислуги и поденщиков было занято 25 человек (7 %), в торговле – 18 (5 %). [6: 142–143].

В Закавказье самая большая чешская диаспора была в Тифлисской губернии. В отличие от Кубани, она была сосредоточена в городах, в основном в Тифлисе (Тбилиси), бывшем в то время административным, научным и культурным центром всего Кавказа. В 1897 г. в Тифлисской губернии было зафиксировано 245 чехов, в том числе 93 женщины. Самостоятельно вели свою деятельность 144 тифлисских чеха (59 %), в том числе 15 женщин. Высокой здесь была доля занятых в непроизводственной сфере (53 чел., или 37 %). В частности, представители этого народа служили в армии (23 чел.) и

административных учреждениях (5), были заняты в культурной сфере (14), образовании (8) и медицине (3). На промышленных и ремесленных предприятиях работали 53 чеха (37 %), в основном, в металлообрабатывающей отрасли (26) и изготовлении одежды (12). Сельским хозяйством занималось из их числа лишь четверо (3 %). К числу прислуги и поденщиков принадлежало 12 чел. (8 %), к торговцам – 4 (3 %) [8: 160–161].

Согласно воспоминаниям учителя-чеха Ярослава Сватоша (1871–1932), который более трех десятков лет прожил в Тифлисе и был там главой чешского землячества, в городах Кавказа работало множество чехов и словаков, которые «занимались производством колбас, хлебобулочных изделий, слесарным и столярным делом, кладкой стен, штукатурными работами, строительными работами, жестяными работами, извозом, сапожным и швейным ремеслом, садоводством», а также служили на разных предприятиях «счетоводами, мастерами, машинистами, пивоварами» [10: 74].

Более детальную, по сравнению со статистикой, информацию об австро-венгерских переселенцах дают делопроизводственные документы из местных архивов, в частности, из Государственного архива Ставропольского края. Все иностранные подданные были обязаны ежегодно получать в канцеляриях местных губернаторов виды (билеты) на жительство, в которых указывались их имя и фамилия, подданство, вероисповедание и род занятий. На основе анализа видов, выданных в 1890-х – начале 1900-х гг. иностранцам в Ставропольской губернии, можно получить представление о местной общине габсбургских выходцев.

По данным всеобщей переписи 1897 г., на Ставрополье проживало 106 уроженцев дуалистической монархии (72 мужчины и 34 женщины) [7: 24–25]. Рабочих и прислуги среди них насчитывалось 29 чел. – почти треть [11: 48]. Самой многочисленной национальной группой среди переселенцев были чехи, которых насчитывалось 75, в том числе 31 женщина (часть их родились уже в России). Они проживали преимущественно в Ставрополе. Самостоятельных работников среди них было 35 [7: 42–43]. Профессии ставропольских чехов были следующие: владельцы пивоваренных заводов и пивовары, владелец колбасной фабрики и колбасники, булочник, механик, садовники, земледельцы, торговцы скотом и тканями, учителя музыки и гимнастики, письмоводитель, конторщик, прислуга и др. [1: 14, 36, 45; 2: 49, 169, 199, 259, 286; 3: 57, 102, 120, 159, 208, 253, 388].

Второй по численности группой австро-венгерских мигрантов на Ставрополье были румыны, прибывшие из венгерской Трансильвании. До трех десятков работало в селах на востоке губернии в качестве чабанов, чернорабочих и земледельцев [3: 26, 93, 114, 136, 249, 309, 311; 4: 17, 93, 129, 244, 252]. Также в ставропольских селах проживали несколько немцев – австрийских подданных, которые занимались земледелием, торговлей и сапожным ремеслом [3: 163, 186]. Словаками были несколько сельских торговцев, два ремесленника (жестянщик и медник) и рабочий-маляр [1: 43; 2: 144, 147; 3: 286; 4: 36, 117].

Как видим, в Ставропольской губернии были представлены чабаны и другие сельхозрабочие из числа австро-венгерских румын, а также рабочие пивоваренных заводов, пищевых предприятий и металлообрабатывающих мастерских из числа чехов и словаков.

Таким образом, австро-венгерская миграция на Кавказ в конце XIX – начале XX в. носила трудовой характер. Она состояла их двух основных групп: самостоятельных хозяев (крестьян-колонистов, торговцев, предпринимателей, ремесленников) и наемных рабочих. Последние вместе с прислугой составляли 16 % от общего количества находившихся здесь австро-венгерских уроженцев и не менее трети среди самостоятельно добывавших средства существования переселенцев. На Северном Кавказе австро-венгерские рабочие были заняты преимущественно в сельском хозяйстве, пивоваренной и пищевой промышленности, в Закавказье – на промышленных и ремесленных предприятиях, а также стройках.

Источники и литература

1. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 101. Оп. 4. Д. 1915.
2. ГАСК. Ф. 101. Оп. 5. Д. 280.
3. ГАСК. Ф. 101. Оп. 5. Д. 282.
4. ГАСК. Ф. 101. Оп. 5. Д. 293.
5. Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Т. 1.
6. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXV. Кубанская область. СПб., 1905.
7. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXVII. Ставропольская губерния. СПб., 1905.
8. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXIX. Тифлисская губерния. СПб., 1905.
9. *Птицын А.Н.* Переселенцы из Австро-Венгрии на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 1. С. 74–79.
10. *Пукиш В.С.* Чехи Северного Кавказа. Годы и судьбы: 1868–2010. Ростов-на-Дону, 2010.
11. Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 года. СПб., 1905.

Н.Ф. Вирт

Динамика численности мигрантов из Австро-Венгрии на территории Ставропольской губернии в конце XIX – начале XX вв.[1]

Северный Кавказ стал привлекательным регионом для переселения еще в период создания Азово-Моздокской оборонительной линии в конце XVIII в. Вслед за казаками, отставными солдатами и крестьянами из Центральной России на территорию будущей Ставропольской губернии пере-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №25-28-01944, https://rscf.ru/project/25-28-01944/

селялись мигранты из иностранных государств. Расположение губернии в центральной части Северного Кавказа, наличие значительного количества земель, пригодных для сельского хозяйства, а также интенсивно развивающаяся экономика делали регион привлекательным для заселения.

Потоки иностранной миграции на территорию губернии были связаны не только с выгодными географическими условиями, но и с политикой царского правительства. В 1763 г. Екатерина II издала манифест, целью которого стало привлечение иностранных подданных для заселения и освоения Поволжья, Северного Причерноморья и в будущем территории Северного Кавказа. Постепенно в регион потянулся поток немцев, армян, греков и т.д. Руководство государства использовало иностранных подданных для ускорения интеграции огромных земельных пространств в условиях Кавказской войны и войн с Османской империей.

Увеличение численности иностранцев в регионе происходило на всем протяжении второй половины XIX в. Так, по переписи населения 1897 г., в Ставропольской губернии проживало 1163 чел. – подданных иностранных государств [8: 24–25]. Среди них преобладали выходцы из германских земель (Пруссии, Вюртемберга, Баварии и др.). Они составляли 35,1 % иностранного населения губернии [8: VI]. Существенным было число выходцев из сопредельных государств – Османской империи (24,7 %) и Персии (8%) [8: VI]. Этнически они чаще всего относились к армянскому, греческому и болгарскому населению Турции и Персии.

На территории Ставропольской губернии к концу XIX в. также проживали подданные Австро-Венгрии, Греции, Бельгии, граждане Франции, Швейцарии и т.д. Иностранные подданные постоянно проживали на всей территории губернии: в Ставропольском уезде – 520 чел., в Александровском – 198 чел., в Медвеженском – 117 чел., в Новогригорьевском – 90 чел., на территории кочующих народов – 7 чел. [8: 2].

Второе место в губернии по числу выходцев из европейских государств составляли подданные Австро-Венгрии. Причины их миграции на территорию Российской империи были различными. Среди них стоит отметить социально-экономические факторы внутреннего развития Австро-Венгрии, привлекательные условия, создаваемые в Российской империи для переселенцев, а также идейно-политические причины, связанные с переселением славян (чехов, словаков, русин и т.д.) [9: 148].

Согласно переписи 1897 г. в городах и уездах Ставропольской губернии постоянно проживало 106 подданных Австро-Венгрии (62 чел. в уездах и 44 чел. в городах) [8: 24–25]. Из-за особенностей ведения статистики в Российской империи сложно точно подсчитать численность представителей различных этнических групп внутри мигрантов. Однако, исходя из отмеченных в переписи языковой и религиозной принадлежности, можно заключить, что в конце XIX в. в Ставропольской губернии проживали австрийские немцы, венгры, чехи, русины и представители иных славянских народов Австро-Венгрии.

Статистические данные переписи 1897 г. дополняются информацией из билетов, выдаваемых иностранцам, проживающим на территории Российской империи для подтверждения их личности и легальности нахожде-

ния в стране. Билеты для подданных иностранных государств выдавались сроком на 1 год. По истечении этого времени иностранец обязывался получить новый билет от губернатора того региона, в пределах которого он находился на тот момент. Исходя из данной законодательной особенности иностранные подданные, проживающие на территории Ставропольской губернии, каждый год писали прошения о выдаче нового билета. К прошению прилагались билеты с истекшим сроком. Значительное количество таких билетов иностранных подданных отложилось в фондах Государственного архива Ставропольского края (далее ГАСК, фонд «Канцелярия Ставропольского губернатора»).

Вид и форма подобных билетов, а также их содержание несколько варьировалось от губернии к губернии. Однако в билете отмечались следующие сведения: подданство, возраст, вероисповедание, семейное положение, сфера деятельности, место рождения и иные сведения об иностранцах. Анализ информации, содержащейся в билетах, позволяет более подробно рассмотреть состав постоянно и временно проживающего иностранного населения на Ставрополье на рубеже XIX–XX вв.

Согласно архивным данным, в 1899 г. подали прошение ставропольскому губернатору, с приложением билетов за 1898 г., 40 подданных Австро-Венгрии [4; 5]. Из них мужского пола – 34 чел., женского – 6. Подобная диспропорция в пользу мужчин обусловлена их значительно большей миграционной мобильностью, а также тем, что женщины часто указывались не отдельно, а в билетах своих мужей вместе с детьми обоего пола [4: 723; 5: 90, 774]. Из 40 австро-венгерских подданных только 11 чел. состояли в браке. Относительно религиозной принадлежности – 18 православных и 18 католиков [4; 5].

В некоторых билетах указывалось место рождения или регион Австро-Венгерской империи, откуда прибыл мигрант. В 1898 г. 8 чел. прибыли из Цислейтании и 4 чел. из Транслейтании (точное происхождение остальных неизвестно) [4; 5].

По билетам можно сделать некоторые выводы о профессиональных занятиях мигрантов. В 1898 г. в Ставропольской губернии проживало 9 чел., занятых в сельском хозяйстве, 5 рабочих, 5 торговцев, 6 квалифицированных рабочих (пивовары, медники, обойщики), 1 садовод, 1 музыкант [4; 5].

При сравнении билетов, выданных в 1897–1898 гг. и в 1909–1910 гг., можно сделать вывод о некотором сокращении числа мигрантов из Австро-Венгрии в Ставропольскую губернию. На смену миграции из Германии и Австро-Венгрии приходит многочисленный поток мигрантов из Болгарии, Османской империи и Персии [6; 7].

Существенные изменения в жизнь австро-венгерских подданных, живших в Ставропольской губернии, внесло начало Первой мировой войны. В новых условиях положение австро-венгерских подданных славянского и немецкого происхождения несколько отличалось. Славянам (чехам, русинам, словакам и т.д.) позволялось остаться на жительство на территории губернии, в то время как австрийские немцы отселялись в центральные районы империи. Под воздействием обстоятельств военного времени наблюдался процесс активного перехода в русское подданство в 1914–1915 гг. [1; 2].

В итоге по состоянию на октябрь 1915 г. в г. Ставрополе и Ставропольской губернии осталось 30 чел. мужского пола подданных Австро-Венгрии (среди них 13 молдаван, 7 чехов, 5 русин, 1 румын, 1 итальянец) [3: 56–57].

Таким образом, миграционный поток из Австро-Венгрии на территорию Ставропольской губернии никогда не был многочисленным. Но в пределах губернии на протяжении конца XIX – начала XX в. постоянно проживало несколько десятков подданных Дунайской монархии.

Источники и литература

1. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 68. Оп. 2. Д. 7306.
2. ГАСК. Ф. 68. Оп. 2. Д. 7315.
3. ГАСК. Ф. 68. Оп. 2. Д. 7647.
4. ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 2552.
5. ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 2554.
6. ГАСК. Ф. 101. Оп. 5. Д. 530.
7. ГАСК. Ф. 101. Оп. 5. Д. 531.
8. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Кн. 67: Ставропольская губерния. СПб., 1905.
9. *Птицын А.Н.* Причины и предпосылки массовой эмиграции населения Австро-Венгрии во второй половине XIX – начале XX в. // История: факты и символы. 2018. № 4 (17). С. 142–150.

А.А. Боголюбов

Поляки в Ставрополе: история и современность

История пребывания одного из некоренных народов Северного Кавказа – поляков – в таком крупном административном центре региона как Ставрополь от первых десятилетий его существования до наших дней может, по мнению автора статьи, представлять несомненный интерес как для специалистов-историков, так и для широкого круга читателей. К сожалению, узкие рамки статьи не позволяют осветить историю поляков в Ставрополе во всей ее полноте, ограничившись лишь деятельностью наиболее выдающихся представителей польского народа в истории города.

Возникнув в 1777 г. как крепость на Азово-Моздокской линии [9: 4], город уже в 1822 г. стал крупным административным центром юга России [8: 171] и центром временного пребывания поляков на Кавказе. Речь идет о пленных наполеоновской армии, получивших в 1814 г. свободу и право вернуться на родину. Гражданский губернатор Кавказской области добивался от градоначальника Ставрополя выделения для каждой группы бывших пленных сопровождающего их до места их проживания чиновника из дворян [1: 26].

Уже в первой половине XIX в. некоторые представители польского народа делали успешную карьеру, служа в Ставрополе. Наиболее успешную административную карьеру в Ставрополе, дослужившись до должности уже упоминавшегося гражданского губернатора Кавказской области, сделал в начале 1840-х гг. Марцелин Матвеевич Ольшевский (1796–1866). 9 октября (все даты

по старому стилю) 1843 г. царь Николай I подписал указ о его назначении, а 11 января 1844 г. М.М. Ольшевский вступил в должность [3: 1]. Каждому исследователю, занимающемуся историей Кавказской области времени нахождения на посту ее гражданского губернатора М.М. Ольшевского, бросаются в глаза аккуратность и добросовестность в ведении дел, относящихся к компетентности гражданского губернатора. К сожалению, этот период в истории области продлился недолго. Уже в 1845 г. М.М. Ольшевский стал проситься в отставку: не давали покоя старые раны, поученные во время Кавказской войны. Императорский указ об отставке был подписан 23 апреля 1846 г. [6: 79].

Менее блистательной, но довольно успешной была карьера Матвея (Мацея) Юноши-Залусского, занимавшего в 1815–1835 гг. ряд ответственных должностей в Кавказской губернии и Кавказской области. В том числе: губернского лесного инспектора, члена комиссии по наделению землёй мусульманских кочевых народов. М. Юноша-Залусский участвовал также в акции по переселению польских семей из Подольской губернии на Северный Кавказ в 1835 г. [4: 232–239].

Пожалуй, наиболее интересной и заслуживающей внимания личностей среди поляков в Ставрополе в 1870–1880 гг. был Юзеф (Иосиф Викентьевич) Бентковский. После многих лет службы в армии, выйдя в отставку, Бентковский поселился в станице Безопасной. За написание истории этой станицы он стал членом Ставропольского губернского статистического комитета, как член-секретарь которого в 1871 г. перебрался на жительство в Ставрополь. Здесь им был написан ряд работ по истории Северного Кавказа и собственно города Ставрополя [10: 23]. 16 февраля 1878 г. Бентковский был назначен членом-корреспондентом Главного управления коневодства на Севеном Кавказе [3: 38]. На состоявшихся в Ставрополе 30 августа 1879 г. бегах он был главным судьей [5: 21]. К числу инициатив Бентковского принадлежит создание в Ставрополе общества взаимного страхования от пожара, а также использование торфа в качестве топлива [3: 127–128].

Супруга Юзефа Бентковского Мария также занималась общественной деятельностью, касавшейся улучшения условий содержания заключенных в тюрьмах Ставрополя [2: 6–7, 9–10, 12–13]. Таким образом, можно говорить о крупном вкладе семьи Бентковских в общественную и экономическую жизнь города Ставрополя в 1870–1880 гг.

К сожалению, следов такого рода деятельности и таких масштабов в период до 1917 г. среди поляков города Ставрополя нам обнаружить не удалось. По этой причине имеет смысл перейти к деятельности поляков в Ставрополе в советский период. Здесь следует отметить, что, несмотря на обилие польских имен и фамилий в материалах того периода, в поле зрения автора статьи попали лишь сведения о тех, кто открыто указывал свою национальность.

В самом начале 1941 г. в Орджоникидзевский районный совет города Ворошиловска (как с 1935 по 1943 г. назывался Ставрополь) была избрана от 42-го избирательного округа Мария Францевна Хололеева 1903 г.р., указавшая в графе «национальность» «полька». На тот момент она была членом ВКП(б) и работницей фабрики по обработке кож [7: 106]. После избрания Мария Хололеева стала заместителем председателя комиссии по вопросам коммунального хозяйства и трудоустройства [7: 116].

Безусловно, самым выдающимся жителем Ставрополя польской национальности наших дней следует считать Яна Игнатьевича Бернарда (1937–2018). Его отец, польский коммунист, в 1939 г. вывез его в Советский Союз, где Бернард получил советское воспитание. Поселившись в Ставрополе, Бернард написал и издал ряд стихотворных произведений на русском языке, в том числе посвященных Польше [11: 432]. Кроме литературного творчества, Ян Бернард занимался общественной деятельностью. С середины 1990-х гг. и вплоть до самой своей кончины он возглавлял польское национально-культурное общество в Ставрополе.

Как видно даже из этого краткого обзора деятельности наиболее выдающихся поляков и истории города Ставрополя, изучение их вклада в историю города представляет несомненный интерес как для специалистов в области истории, так и для широкого круга читателей.

Источники и литература

1. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 46. Оп. 1. Д. 26.
2. ГАСК. Ф. 322. Оп. 1. Д. 1.
3. ГАСК Ф. 322. Оп. 1. Д. 2.
4. ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 1025.
5. ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2674
6. ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 3586.
7. ГАСК. Ф. 1852. Оп. 1. Д. 1030.
8. *Невская В.П.* Очерки истории Ставропольского края с древнейших времён до 1917 г. Ставрополь, 1982. Т. 1.
9. *Ткаченко Е.Н.* Чёрный лес. Историко-биографический очерк. Ставрополь, 2023.
10. *Kijas A.* Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku. Słownik biograficzny. Warszawa Poznań, 2000.
11. *Orłowski J.* Miecze i gałązki oliwne. Warszawa, 1995.

В.А. Матвеев

Межэтнические конфликты на Северном Кавказе в первой половине 1920-х гг.: причины и подходы к устранению

Революция «произвела ужасающее», по оценке социолога П.А. Сорокина, «количественное и качественное… опустошение… России» [4: 197]. Преодоление разрушительных последствий, как и в других странах, происходило при обратном приближении «общества, пытавшегося абсолютно порвать с прошлым, к этому прошлому» [4: 365]. Вспоминая развитие событий в период Гражданской войны, А.И. Деникин, возглавлявший Белое движение на Юге России, отметил: «Спустя короткое время» оно «вновь входит в силу» [2: 252]. Данное заключение основывалось, судя по времени написания воспоминаний, и на впечатлениях от последующих перемен в России при воплощении советской альтернативы. В наметившейся трансформации одного измерения не существовало. Сочетание элементов прогресса и регресса приводило к появлению нового качественного состояния.

Межэтнические столкновения на Северном Кавказе, несмотря на предпринимавшиеся усилия руководством РКП(б) и органами советской власти как в центре, так и на местах, не прекращались и в первой половине 1920-х гг. Они вызывались противоречивостью проводившейся политики, в которой, с одной стороны, осуществлялись намерения по выводу страны из кризиса, с другой – допускавшейся несправедливостью провоцировалось недовольство, вызывавшее иногда открытое сопротивление. Конфликты создавали не только продолжавшееся перераспределение земель, но и установление этнических границ вопреки выдерживавшемуся ранее условию при определении административной субъектности открытости всего государственного пространства.

Насаждавшийся пропагандой под влиянием публицистики И.В. Сталина миф о казачестве, являвшемся якобы в прошлом орудием «русского империализма», наделенном и пользовавшимся привилегиями, эксплуатировавшим «издавна… нерусские народы на окраинах…» [5: 286] в ряде случаев привел к трагическим последствиям. Несмотря на заслуги перед отечеством, оно объявлялось «орудием русского империализма» и опорой его колонизаторской политики на периферии [5: 286]. Привносившийся казачеством созидательный потенциал в ее обустройство и установление добрососедских отношений с соотечественниками иной этнической принадлежности из-за появившихся негативных оценок предавались забвению. Обезземеливание на Северном Кавказе вызывалось прежде всего ростом численности русского и иноэтнического населения. По всему краю после установления в нем российской юрисдикции он составил 3,5 раза [1: 22]. У горских народов увеличение произошло в 2 раза [6: 88], что существенно превышало показатели у восточнославянского населения. Свидетельствовало это и о благоприятности происходивших перемен. Неслучайно «в трудные исторические моменты» горцы ранее неоднократно выражали «любовь к России», что вынуждены были отображать и те, кто насаждал версию о колониальном характере ее политики на окраинах [10: 106]. Сохранявшаяся враждебность у какой-то их части «прорывалась стихийно» [10: 137] и отнюдь не служила показателем общего настроя. В аульных обществах предпринимались попытки урегулирования и восстановления добрососедских отношений с казаками и остальным русским населением. Возникавшие в кризисный период сепаратистские группы, в том числе с религиозным уклоном, большинством горцев не поддерживались.

Изменившиеся в первой половине 1920-х гг. подходы в советской политике вносили дифференциацию с признанием наличия «трудового казачества», но сформировавшегося восприятия не изменили. Негативное отношение к нему продолжало насаждаться и на Северном Кавказе. В соответствии с официальными идеологическими установками закреплялось представление, что «Северный Кавказ являлся колонией по отношению центральной России» [3: 90], а кубанское и терское казачество служило якобы опорой в поддержании данного статуса. Негативная презентация обстоятельств включения края в состав единого государственного пространства, задействовавшаяся идеологами большевизма и в первой половине 1920-х гг., подрывала устойчивость региональной общности. Весьма активно прово-

дилась и социальная травля. Вместе с тем в политике существовали также конструктивные начала.

Волевой настрой оказавшейся у власти большевистской элиты, разработанная партийная программа сообщали ей немалые преимущества. Намечавшиеся цели достигались смело и решительно. Взятому курсу на переустройство России не были присущи, за редким исключением, и колебания. На твердость государственного регулирования опирались и допускавшиеся компромиссы. Остановимся на анализе содержания и практического претворения принимавшихся решений для прекращения межэтнических конфликтов на Северном Кавказе. Прежде всего намечалось, как и на предшествующем этапе, ускоренное устранение земельной неустроенности у горских народов [7: 5].

Специальное постановление было утверждено, например, на заседании бюро Юго-Восточного краевого комитета РКП(б) в сентябре 1924 г. в отношении шапсугов. Предусматривалось не только скорейшее предоставление им наделов, но и в необходимых размерах сельскохозяйственных угодий «для выпаса скота». Наряду с этим уже в тот же промежуток времени предусматривались меры к «уничтожению кулачества» [7: 5]. Сохранявшаяся рознь на Северном Кавказе между горцами, казаками и иногородними объявлялась наследием предшествующего управления [9: 57]. Однако в немалой степени она являлась также следствием проводившейся советской пропаганды.

Несмотря на стабилизацию обстановки в стране, от терского казачества в Юго-Восточный крайком РКП(б) продолжали поступать жалобы «на грабежи горцев» [9: 141]. Внимание представителей власти обращалось на допущенную несправедливость, задавался вопрос: «…почему горцам оставили оружие, а у нас отобрали?» [9: 141]. Однако по случаю прибытия из Ростова-на-Дону, где располагался Юго-Восточный крайком РКП(б), командированных уполномоченных для изучения ситуации на местах, на собраниях находились казаки, сознававшиеся в том, что «все грабежи происходят» в ряде случаев «с участием наводчиков и помощников» из станиц [9: 141]. По всей видимости, в этом сказывался издавна существовавший на Северном Кавказе обычай «куначества», дружбы между жителями находившихся по соседству аулов и станиц.

На заседании бюро Юго-Восточного краевого комитета РКП(б) 18 сентября 1924 г. был заслушан и обсужден проект постановления, направленного на противодействие не прекращавшегося на Северном Кавказе бандитизма. Рекрутирование его происходило так же, как и у других народов России, из отщепенцев, не имевших сколько-нибудь широкой поддержки в народной среде. Осуждался бандитизм и в сельских обществах. С учетом этого в окончательной редакции постановления крайкома исключалась формулировка о фактической ответственности аульных ревкомов и сходов, на которых утверждались обязательные для исполнения приговоры [7: 14].

Части «ингушских бандитов» с надеждой на их обращение к мирному труду объявлялась амнистия. Руководству Дагестана предложено было пересмотреть формулировки в резолюциях, способные, как отмечалось представителями крайкома, «только усилить национальную рознь». Это касалось требований выселения чеченцев, ограничения для них «ношения оружия и возвращения ими награбленного имущества» [7: 14]. В экспроприациях уча-

стие, безусловно, принимали лишь отдельные их представители. Принцип коллективной ответственности, как видно, аппаратом крайкома и подразделениями государственной власти на местах категорически отвергался.

Дело о произошедшем «вооруженном столкновении сунженских казаков с ингушами» вверялось для разбора «выездной сессии суда во Владикавказе». В связи с поступившей просьбой Ингушского оргбюро на заседании Юго-Восточного краевого комитета РКП(б) 18 сентября 1924 г. была признана необходимость ее удовлетворить, «предложив прокуратуре закончить следствие… в срочном порядке» [7: 15]. При возникавших спорах из-за субъектных разграничений по этническому признаку создавались специальные комиссии, которым поручалось произвести «обследование на месте». Состав формировался смешанным. Помимо уполномоченного от края, в него включались и делегированные посланцы от споривших сторон. Такая антикризисная группа по постановлению Юго-Восточного бюро РКП(б) 18 сентября 1924 г. была образована при возникшем конфликте между ингушами и осетинами по поводу принадлежности селения Балты [7: 16].

Появлявшиеся очаги напряженности, таким образом, вызывали незамедлительную реакцию партийных инстанций и советских органов власти. Реагирование вместе с тем опиралось на тщательные разбирательства. В борьбу с преступностью горцы Северного Кавказа включалось по собственной инициативе, так как она представляла общую угрозу для всех. Разорение подвергавшихся нападению крестьянских хозяйств, независимо от того, каким этническим общностям они принадлежали, способствовало лишь усугублению ситуации с поступлением в оборот продуктов питания. 24 сентября 1924 г. было поддержано «ходатайство Карачая… перед Центром» о создании «отряда для борьбы с бандитизмом в количестве 50 человек». Организация подразделения была возложена на региональные органы Главного политического управления [7: 22].

9 октября 1924 г. на заседании бюро Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) была заслушана информация о «разработке мероприятий по улаживанию взаимоотношений между Автономными Областями Сунжи и Ингушетии». Выделялись следующие пункты: «1. Бандитизма. 2. Национальных взаимоотношений». В качестве мер противодействия в постановлении указано создание «смешанных охран по торговому тракту и местных полевых работ из селений наиболее заинтересованных». Предусматривались вместе с тем взаимные материальные компенсации на «каждый отдельный случай ограбления». Согласно принятого 9 октября 1924 г. на заседании бюро Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) постановления, «председателей Сельисполкомов» обязывали «под личную самую строгую ответственность… принимать след в том случае, когда он доведен до… села, станицы или аула» [8: 20].

Принятие решений по спорным случаям предоставлялось смешанным комиссиям. В зависимости «от бытовых особенностей соответствующей народности» ставились и способы «материальных взысканий с населения». Контроль возлагался на усмотрение ревкомов каждой области. На основе достигнутого соглашения сторон предусматривалось производить оценку ущерба и устанавливать объем компенсации. Причиной сохранявшейся на-

пряженности и возобновления конфликтов признавалось отсутствие «точных границ между Ингушетией и Сунжей», а также нерешенность «земельного спора между селениями Яндырка… Сагопш… Вознесенская, Ассинская… Нестеровская» и рядом других аулов и станиц Бамутского района [8: 20].

Однако усилия по устранению межэтнических конфликтов на Северном Кавказе давали иногда лишь ограниченные результаты. В «Докладной записке по результату совещания о бандитизме между Сунжей и Ингушетией» указано, что распространение межэтнических столкновений «наблюдается за период со дня объявления Автономии Округов» [8: 22]. Дестабилизирующим фактором, как видно, послужило их разграничение. Обострились земельные споры между жителями сопредельных ингушских аулов и казачьими станицами. Назывался в записке и «узкоместнический подход» при попытках устранения напряженности, допускавшийся партийными и советскими работниками с обеих сторон. Озлобление «пограничных казаков к ингушам» вызывалось возложенной на них обязанностью содержания «огромной самообороны» [8: 23], что ухудшало и без того непростое материальное положение.

Обострению «национального антагонизма» способствовали заявления экстремистских элементов «о присоединении Сунжи к Ингушетии» [8: 22]. В результате принимавшихся мер по линии партийных и советских органов напряженность ослабевала. Прекратились и вооруженные столкновения. Это рассматривалось в качестве «ослабления остроты», но не устранения «антагонизма» [8: 23–24]. Для его искоренения использовалась взаимная исторически установившаяся заинтересованность в экономическом сотрудничестве. При отсутствии в аулах и станицах промышленности поддержание его намечалось преимущественно с задействованием беспрепятственного обмена сельскохозяйственной продукцией. Тем не менее, выражалось и опасение, что «наличие Автономного казачьего округа» поспособствует обособлению его населения и дальнейшему возрождению традиционного уклада [8: 24].

В этом усматривалась опасность закрепления в его среде сепаратистских настроений и отчужденности от соседей иной этнической принадлежности. С противоположной стороны, напротив, активисты заявляли, что «острота земельного голода Ингушетии» может быть удовлетворена только «за счет Сунжи… без особого ущерба для нее» [8: 25]. У представителей крайкома существовал проект включения занимаемой казачьими станицами территории со всеми сельскохозяйственными угодьями «в состав какой-либо Нацобласти… по элементу экономического тяготения». Предполагалось, что такое объединение избавит сунженцев от «грабежей». Однако даже спустя месяц намеченные меры не были претворены [8: 25]. Это являлось показателем сложности обстановки и сохранявшихся сбоев в обеспечении функционирования вертикали власти.

Рассматриваемая докладная записка была подписана 4 ноября 1924 г. [8: 25]. На следующий день, 5 ноября, на заседании бюро Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) вновь заслушивался вопрос «О пограничном бандитизме между Ингушетией и Сунжей». По итогам обсуждения была декларирована необходимость «по улаживанию взаимоотношений» [8: 9]. Конкретные пункты в протоколе оказались не обозначены, так как оста-

лись, по всей видимости, прежними. 26 ноября 1924 г. после поступления сведений об обстановке в местностях соприкосновения поселений горцев и казаков Юго-Восточным крайком РКП(б) органам власти вменялось в обязанность «не позже месячного срока представить в комиссию в письменной форме все свои соображения о возможных и необходимых мероприятиях как общих, так и конкретно организационных», которые способствовали бы «урегулированию взаимоотношения населения соприкасающихся аулов и станиц» [9: 41].

Таким образом, заимствованный идеологами большевизма европейский опыт конструирования национальных государств с установленными для них границами при воплощении на Северном Кавказе приводил к трагическим развязкам. Такие же последствия возникали и на других бывших российских окраинах. При реализации советского проекта федеративного устройства взаимосвязанное евразийское континентальное пространство было переорганизовано. Но эта реальность также стала исторической, и с ней необходимо считаться.

Источники и литература

1. *Гозулов А.И.* Экономическая география Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1927.
2. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. В 3 т. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917). М., 2003.
3. *Лихницкий Н.* Колониальное развитие горских народов (Терек-колония) // Труды Кубанского педагогического института. Т. I (IV). Краснодар, 1930.
4. *Сорокин П.А.* Социология революции. М., 2008.
5. *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 4. Ноябрь 1917–1920. М., 1947.
6. *Тройно Ф.П.* Кавказская война и судьбы горских народов // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции г. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995.
7. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 20.
8. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 23.
9. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 25.
10. *Янчевский Н.Л.* Гражданская борьба на Северном Кавказе. Т. I. Ростов-на-Дону, 1927.

Х.Р. Степанян

Взаимоотношения Армении и диаспоры в 1918-1920 гг.

Несмотря на трудности, власти Республики Армения (1918-1920 гг.) считали одной из своих первоочередных задач оказание поддержки армянам диаспоры, одновременно разрабатывая и внедряя механизмы взаимодействия с армянскими общинами. Руководство Республики Армения предприняло ряд необходимых шагов для установления и развития связей с соотечественниками, находящимися за границей. Организация работы с диаспорой и беженцами в Армении осуществлялась через национальные советы, Совет по вопросам беженцев и министерства Республики Армения, на-

деленные соответствующими функциями (министерства иностранных дел, внутренних дел, продовольствия, попечительства и др.) [3: 44].

Особенно важную роль в развитии и укреплении отношений между Арменией и армянами зарубежья играли национальные советы. Города с многочисленным армянским населением находились в центре внимания правительства Республики Армения. Основными функциями национальных советов были урегулирование проблем местного армянского населения и обеспечение его нормальной связи с Арменией. В этом контексте особого внимания заслуживают национальные советы, действовавшие в Тифлисе, Баку, а также в крупных городах России с многочисленными армянскими общинами.

В республике также функционировал Совет беженцев, который занимался изучением проблем армянских беженцев, собирал информацию об их численности и потребностях, а также разрабатывал программы по решению их проблем. Например, согласно постановлению правительства от 28 августа 1918 года, Совет беженцев выделил 10 млн руб. для оказания помощи беженцам, находившимся в Грузии [9: 19].

В развитие связей с армянскими общинами также были вовлечены министерства Республики Армения. Основным органом, занимавшимся изучением и урегулированием вопросов, связанных с диаспорой и беженцами, было министерство иностранных дел Республики Армения [11: 112–114].

Посредством консульств, действовавших в Табризе, Тифлисе, Батуми, Сухуми, Баку, Ростове-на-Дону, Владикавказе, Екатеринодаре, Симферополе и других городах, власти Республики Армения собирали достоверную информацию об армянском населении этих стран и планировали организовать репатриацию армян. С целью повышения эффективности проводимой работы, согласно постановлению правительства от 27 августа 1920 г., в составе министерства иностранных дел был создан отдел общин. Перед ним была поставлена задача изучать армянские общины, содействовать укреплению связей между Республикой Армения и диаспорой, а также организовать использование материального и морального потенциала армянских колоний в интересах Армении [9: 546].

Власти Республики Армения поставили перед собой задачу всячески помогать беженцам и разработали соответствующие принципы. Первым и важнейшим принципом было глубокое изучение проблем беженцев. Для этого в армянские общины направлялись полномочные представители для сбора достоверной информации, выявления проблем, разработки эффективных программ их решения и составления соответствующих смет и расходов. Вторым важным принципом было предоставление помощи и продовольственного обеспечения беженцам. Помощь, выделяемая из средств правительства Республики Армения, была направлена в первую очередь на облегчение тяжелого положения беженцев.

В целом, шаги, предпринятые властями Республики Армения, свидетельствуют о том, что, несмотря на политические и экономические трудности, они придавали первостепенное значение поддержке армян, находящихся за пределами родины, и укреплению их связей с Арменией, тем самым обеспечивая национальную солидарность и единство.

Другим важным принципом было по возможности переселение беженцев в Республику Армения. В сложившихся тяжелых условиях власти Армении приняли решение организовать репатриацию, чтобы перевезти беженцев, сосредоточенных в регионе, в республику и оказать им надлежащую помощь. С этой целью они обратились с призывом к армянам всего мира, заявив, что «Армения – родина всего армянства» [3: 51].

Осознавая, что национальное воспитание является важнейшей основой сохранения армянской идентичности, правительство Республики Армения способствовало поддержке армянских образовательных учреждений за рубежом. На заседании 25 апреля 1919 г. было принято решение выделить 15 тыс. руб. находившейся в Тифлисе Александропольской гимназии и 3 тыс. руб. – действовавшей в том же городе Карсской женской гимназии. На заседании 19 декабря было принято решение о предоставлении 400 тыс. руб. армянским школам в Баку и Нухи. Кроме того, было решено выделить кредит в размере 1,5 млн руб. для поддержки армянских образовательных учреждений за пределами Республики Армения [3: 52].

Для организации репатриации армян планировалось создать в правительстве специальную структуру по вопросам переселения. В рамках программы предстояло заселить Баязет, Алашкерт, Басен, Хнус, Карин, Ерзнку, Ван и другие районы [2: 28-29].

Кроме того, необходимо было обеспечить физическое выживание беженцев, находившихся в России, особенно на Северном Кавказе и районах Черного моря, в процессе их возвращения, а также переместить в Армению армянское население, подвергавшееся преследованиям и насилию в Азербайджане. С этой целью было принято решение направить специальных представителей в Баку, Мосул, Багдад и Алеппо для организации возвращения армянских беженцев, нашедших там убежище [3: 55].

13 апреля 1919 г. правительство Республики Армения решило выделить кредит в размере 36,2 млн руб. для организации репатриации, а также предоставить беженцам после их обустройства в местах проживания 19 млн руб. в качестве пособий с условием возврата [9: 171].

Таким образом, власти Первой Республики Армения, осознавая важность проблемы беженцев, предприняли масштабные меры и, несмотря на ограниченные ресурсы страны и военное положение, стремились оказать максимальную поддержку беженцам, обеспечивая их возвращение и обустройство на родине. Одним из важнейших вопросов для армянской государственности было также сохранение армянской идентичности, что проявлялось в инициативах, направленных на развитие армянского образования.

Эти инициативы свидетельствуют о том, что, несмотря на короткий период своего существования, Первая Республика Армения прилагала огромные усилия для национального объединения, улучшения благосостояния беженцев и укрепления связей с диаспорой. Эти программы были не только попыткой преодолеть кризисную ситуацию, но и закладывали основу для будущего всеармянского государственного строительства.

Армяне диаспоры также старались поддержать восстановленную независимую государственность. После подавления Майского восстания 1920 г. правительство Республики Армения сосредоточилось на решении социально-э-

кономических задач: 1 июня министр финансов А. Гюлханданян представил законопроект об организации сбора средств за рубежом, принятый парламентом 5 июня под названием «Заем независимости» [7: 24]. Закон предусматривал государственный заем в размере 20 млн долларов сроком на 10 лет под 6% годовых, из которых 75% направлялись на восстановление промышленности и экономическое развитие страны. Организация займа была поручена бывшему премьер-министру А. Хатисяну, выехавшему за границу. Несмотря на внутриполитические разногласия, проект поддержали все армянские национальные партии, что стало историческим прецедентом национального единства [2: 643]. Программа была с воодушевлением принята как в Армении, так и в диаспоре: издавалась однодневная газета «Заем независимости», за короткое время было собрано около 45 млн руб. [8: 34]. Эчмиадзин выделил 1 млн руб. Католикос обратился к армянскому народу с призывом поддержать восстановление государства [1], а мусульманское население Ардагана пожертвовало 50 млн руб. [10: 289–290]. Отдельное значение имела экспедиция братьев Маилянов, изучившая экономические ресурсы Республики Армения и разработавшая программу организации репатриации с учетом условий приема, будущей занятости и предпочтений переселенцев по месту жительства. Для успешного осуществления программы А. Хатисян выступал с публичными лекциями в различных европейских городах, в Каире и Измире, представляя внутреннюю и внешнюю политическую ситуацию Республики Армения, проблемы населения, нужды сирот и многие другие насущные вопросы.

Армяне диаспоры из разных стран, включая Германию, Англию, Румынию, Персию, Канаду, США, Индию, отправляли в Республику Армения военную форму, медикаменты, канцелярские принадлежности, одежду, продукты питания и другие необходимые предметы [2: 448].

Крайне важен был также тот факт, что состоятельные люди составляли завещания в пользу Республики Армения. Так, братья Мелконяны, владельцы фабрик в Египте, приняв гражданство Армении, завещали стране все свое состояние – около 6 млн долларов [4]. Озабоченные вопросом строительства здания Национальной библиотеки Армении, они направили письмо руководителю армянской делегации А. Агароняну и главе Национальной делегации П. Нубару, сообщив, что, не имея наследников, хотели бы оставить все свое имущество армянскому народу.

В 1920 г. значительное пожертвование сделал и богатый предприниматель А. Мелик-Азарян, завещавший Армении свой дом в Тифлисе. Известный бакинский финансист А. Гукасян передал Республике Армения 8 млн руб., которые были переведены в государственную казну [5: 13–18]. Ставропольский банкир Попов завещал все свое состояние, 25 млн руб., Армянскому университету [5: 1–5]. К. Аспетян, переселившийся из города Харбина в Ахалцихе, завещал свою недвижимость в Харбине, оцененную примерно в 250 тыс. долларов США, с целью открытия ремесленного училища в Ереване [5: 6–8]. Богатый бакинец С. Аракелян завещал свое имущество Католикосату всех армян [5: 9–12]. Состоятельный армянин из Владикавказа М. Айобянц-Пилоянц завещал 10 тыс. руб. армянской школе своего родного города Нор-Баязет [6: 25].

Г. Гюльбенкян обещал построить в Армении крупные государственные здания, а Г. Меликян – Народный дом. Армянская партия Рамкавар в Египте

приняла решение передать Армении воздушный флот, состоявший из 50 самолетов. В рамках организованного Армянской революционной федерацией «Дашнакцутюн» в США сбора средств для армии было собрано более 0,5 млн долларов, на которые в Армению было отправлено большое количество продовольствия. Армянскому университету были переданы также несколько ценных библиотек [3: 66–67].

Особенно значимым был проект строительства железной дороги, инициированный группой богатых армян из Ростова-на-Дону и Москвы. Эта железная дорога должна была начинаться из Батума (или другого черноморского порта, который предполагалось передать Республике Армения) и проходить через долины рек Чорох и Ольты, соединяясь с железнодорожной линией Карс-Сарыкамыш. Затем она должна была пересечь эту линию, пройти вблизи месторождений соли в Кагзване и Кохбе и соединиться с железной дорогой Александрополь-Ереван на станции Сардарапат. Планировалось провести проектные работы в 1921–1923 гг., а всю железную дорогу построить в течение 4 лет [3: 66–67].

Однако в результате советизации Армении почти все проекты остались незавершенными. Тем не менее, очевидно, что власти Республики Армения приложили все возможные усилия для укрепления отношений с армянской диаспорой и направления её ресурсов на благо родины.

Таким образом, власти Республики Армения предприняли огромные усилия, чтобы задействовать потенциал армянской диаспоры для восстановления родины. Армянские общины за рубежом активно поддерживали Республику Армения, организовывая сборы средств, предоставляя материальную помощь и делая инвестиции. Богатые армяне осуществляли значительные пожертвования на развитие образования, армии, здравоохранения и инфраструктуры. Особое значение имел проект строительства железной дороги, который должен был связать Армению с черноморскими портами. Однако, несмотря на огромные усилия властей Республики Армения и консолидацию армянства ради независимой родины, после советизации 1920 г. все эти проекты были прекращены.

Источники и литература

1. Арач (Вперёд). 1920. 8 августа (на армян. яз.)
2. *Врацян С.* Республика Армения. Ереван, 1993 (на армян. яз.)
3. *Егиазарян А., Анаян М., Ованнисян А., Ованнисян Э., Овсепян М., Варданян Г.* Отношения Родина-Диаспора (с 1918 года по наше время). Ереван, 2017 (на армян. яз.)
4. Национальный архив Армении (далее – НАА). Ф. 178. Оп. 1. Д. 447.
5. НАА. Ф. 200. Оп. 1. Д. 2.
6. НАА. Ф. 200. Оп. 1. Д. 435.
7. НАА. Ф. 200. Оп. 1. Д. 588.
8. *Ованнисян Р.* Республика Армения. Т. III. От Лондона к Севру, февраль–август. Ереван, 2015 (на армян. яз.)
9. Протоколы заседаний правительства Республики Армения: 1918–1920 гг. Ереван, 2014 (на армян. яз.)
10. *Степанян Х., Мартиросян Л.* Закон о займе независимости Республики Армения в 1920 г. и исходящие из этого шаги в Армении и Грузии. Ереван, 2021 (на армян. яз.)
11. *Хатисян А.* Возникновение и развитие Республики Армения. Бейрут, 1968 (на армян. яз.)

А.А. Аганов

Переселение молокан из Закавказья в Сальский округ в 1926 г.: особенности и взаимодействие с властью (по материалам Государственного архива Ростовской области)

После победы в Гражданской войне перед большевиками стояла важная задача, заключавшаяся в восстановлении сельского хозяйства страны и его модернизации. Советские вожди ясно понимали, что для этого им необходимо перейти от индивидуальных крестьянских хозяйств к коллективным. В условиях проведения Новой экономической политики большевики путем проведения различных экспериментов пытались найти наиболее подходящие способы осуществления данной идеи. Помимо создания на селе коллективных хозяйств (в том числе с участием иностранцев), они решили привлечь к этому общины духовных христиан (духоборов, молокан и «новоизраильтян»), многие из которых находились за рубежом или проживали на территории советского Закавказья. В начале 1920-х гг. советские власти разрешили их переселение с территории Закавказья в сальские степи, где им выделили землю для занятия сельским хозяйством. Туда также приглашали и духовных христиан, проживавших в США и Канаде. В рамках переселения на территорию Западно-Коннозаводческого района Сальского округа Северо-Кавказского края переехало более 10 тыс. человек [1: 1]. В основном процесс переселения молокан был завершен в 1924 г. Несмотря на это, отдельные группы молокан из Закавказья стремились получить землю на территории Сальского округа и позже.

Цель настоящей работы – показать особенности переселения молокан из Закавказья на территорию Сальского округа в начале 1926 г. и их взаимоотношения с властью на основе неопубликованных архивных материалов, хранящихся в Государственном архиве Ростовской области. Процессу переселения духовных христиан на территорию РСФСР посвящены работы Е.Н. Даниловой и Н.В. Антоновой [3, 4], О.Ю. Редькиной [6], М.Ю. Крапивина, А.Я. Лейкина и А.Э. Далгатова [5]. Но данные исследователи не изучили поднимаемую нами проблему.

Во второй половине 1925 г. в Народный комиссариат земледелия (далее – НКЗ) РСФСР прибыли уполномоченные от групп молокан, проживавших в Закавказье: В.Г. Астахов из селения Красное Армянской ССР (ныне Чамбарак, Республика Армения) (2300 человек), И.С. Сосин из села Новоивановска Азербайджанской ССР (1500 человек) и А.М. Потапов из села Еленовка Армянской ССР (ныне Севан, Республика Армения) (1000 человек) [2: 131]. Они просили НКЗ РСФСР выделить им земли на территории Зимовниковского района Сальского округа. По приказу НКЗ РСФСР Северо-Кавказское краевое земельное управление (далее – Крайзу) дало распоряжение Сальскому окружному земельному управлению (далее – ОЗУ) предложить переселенцам участки земли «в дачах станиц Пригашунской (весьма вероятно, что речь идет о хуторе Гашун Зимовниковского района Ростовской области), Грабовской и Зимовниковской» [2: 131]. От данного варианта уполно-

моченные отказались, письменно подтвердив отказ. Они просили выделить участки земли на территории Западно-Коннозаводческого района. После этого Сальское ОЗУ решило передать данные участки гражданам Верхне-Николаевского и Романовского районов [2: 11–13]. Но уполномоченные данных групп молокан в конце 1925 г. снова отправились в Москву и посетили НКЗ РСФСР, заявив о своем согласии на предложенные ранее участки земли. НКЗ РСФСР решил удовлетворить просьбу уполномоченных. Член коллегии НКЗ РСФСР М.И. Лацис в телеграммах Северо-Кавказскому Крайзу, отправленных 30 и 31 декабря 1925 г., просил зарезервировать осмотренные ходоками молокан участки и провести землепользование [2: 11–13]. Центральные власти были заинтересованы в дополнительных группах переселенцев.

Получив данные распоряжения, Крайзу отправило письмо в Северо-Кавказское районное переселенческое управление (далее – РПУ) [2: 23]. В нем обращалось внимание на отправку уполномоченных от трех групп молокан (Астахова, Потапова и Сосина), с которыми управление должно было договориться «о времени и порядке переселения» [2: 23] по причине того, что выбранные ими места для будущего поселения находились в его подчинении. В другом письме от 2 января 1926 г. Северо-Кавказское Крайзу информировало переселенческое управление о том, что при осуществлении переселения молокан оно должно учитывать постановление III пленума Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета «о прекращении переселения» [2: 25]. В рамках данного постановления переселение было возможно лишь с разрешения краевого исполкома. В ответ 13 января 1926 г. Северо-Кавказское РПУ проинформировало Крайзу о том, что оно предоставило всю исчерпывающую информацию Астахову, Потапову и Сосину и начало работу над переселением представляемых ими групп молокан. О предварительных итогах переговоров Северо-Кавказское РПУ сообщило и в НКЗ РСФСР [2: 26]. Таким образом, краевые земельные органы власти выполнили распоряжение руководства и пошли на взаимодействие с уполномоченными.

В начале января 1926 г. Северо-Кавказское Крайзу направило ответ В.Г. Астахову и И.С. Сосину, а также А.М. Потапову. В письме Астахову Крайзу сообщало о том, что оно войдет в контакт с Сальским ОЗУ по вопросу о передаче группами осмотренных уполномоченными участков и земель на территории Зимовниковского района. В случае, если данные участки не были забронированы за другими группами, то Крайзу обещало зарезервировать их за ними. При этом оно обращало внимание на то, что данные участки «не обследованы и не устроены» [2: 14]. В связи с этим работы по земельному устройству должны были производиться за счет переселенцев в рамках договора с переселенческим управлением. В случае переселения молокане должны были соблюдать правила и «вести свое хозяйство по установленному плану» [2: 14], разработанному переселенческим управлением. При переселении уполномоченные должны были иметь с собой переселенческие свидетельства от местных земельных органов, семейно-имущественные списки с «подробной оценкой всего имущества» [2: 14], документы от сельсовета. В случае отправки уполномоченных от артелей, групп и товариществ они должны были иметь с собой доверенность и уполномочие. Точно такое же письмо было направлено А.М. Потапову [2: 15] и И.С. Сосину [2: 24].

Сальское ОЗУ на совещании 19 января 1926 г. приняло решение передать участки Северо-Кавказскому РПУ для проведения обследования и «земельно-хозяйственного устройства» в связи с тем, что они были «мало подготовлены для переселения и расселения» [2: 19]. Именно данные участки, находившиеся на территории «дач Зимовниковской, Пригашунской и Грабовской» [2: 33] были выбраны переселенцами. После обследования Сальское ОЗУ хотело направить туда весной 1926 г. уполномоченных от переселенцев. Получив согласие Сальского ОЗУ, РПУ просило у Крайзу санкцию на передачу участков для «устройства молокан» [2: 35].

При этом уполномоченный И.С. Сосин хотел [2: 31], чтобы переселенцам из его группы были переданы участки №№ 24, 37, 38 и 39. Но в ответ на данную просьбу заведующий РПУ 11 февраля 1926 г. сообщил ему, что данные участки могли быть переданы группе лишь при условии, что «они будут свободны» [2: 34], так как само управление не получило необходимой информации от земельных органов об их статусе. После этого РПУ пригласило уполномоченных И.И. Васильева и В.И. Косынского от группы молокан из селения Новоивановка с целью осмотра выбранных участков для будущего переселения [2: 37]. Несмотря на усиливавшуюся критику в адрес духовных христиан в стране, региональные земельные органы власти стремились выполнить стоящие перед ними задачи по освоению свободных участков земли.

24 февраля 1926 г. И.И. Васильев, В.И. Косынский и В.Г. Астахов подписали договор [2: 39–40] с Северо-Кавказским РПУ. Согласно договору, Северо-Кавказское РПУ брало на себя обязательство по проведению землеустроительных работ на выбранных переселенцами-молоканами участках. Число переселенцев, как было оговорено ранее, должно было составить 3800 человек [2: 39]. Землеустроительные работы должны были быть проведены в течение «полевого периода» [2: 39] 1926 г. За их проведение переселенцы платили Северо-Кавказскому РПУ 15 коп. за каждую десятину «удобной и неудобной земли» [2: 39]. Каждый переселенец получал по 6 десятин земли. Всего переселенцы получали 22 тыс. десятин земли, за землеустройство которых они должны были заплатить 3420 руб. [2: 39]. По утверждению договора с управлением, переселенцы обязывались внести до 20 марта 1926 г. в кассу Донского окруж-ного финансового отдела на счет РПУ 30% от указанной суммы (1026 руб.). После включения проведения работ на участках в план работ они должны были оплатить еще 30%. Оставшиеся 40% (1368 руб.) переселенцы должны были заплатить «перед предъявлением землеустроительного проекта» [2: 39]. В случае невыплаты данных сумм они должны были взыскиваться «принуди-тельно в административном порядке» [2: 39]. Невыплата средств освобожда-ла РПУ от выполнения работ в указанные в договоре сроки времени. Помимо этого, переселенцы обязывались взять на себя расходы натурой согласно ст. 177 Земельного кодекса РСФСР: «о предоставлении на время производства работ» [2: 39] отправленному РПУ техническому персоналу удобной кварти-ры для жилья и занятий с отоплением и освещением, материалов для работ и обустройства «межевых знаков» [2: 39], подвод для перевозки инструментов, материалов и переезда всего персонала РПУ, а также оплату труда рабочих.

Позже между РПУ и переселенцами было подписано дополнительное соглашение [2: 41]. По нему были изменены условия договора, касавшиеся

предоставления подвод, квартир, рабочих и материалов. Вместо этого переселенцы должны были заплатить дополнительно по 20 коп. с каждой десятины земли. Всего они обязывались [2: 41] заплатить 4500 руб. Первую половину данной суммы они должны были внести после утверждения основного договора и дополнительного соглашения не позднее 20 марта 1926 г. Вторую половину суммы они должны были выплатить после начала разбивки земли на участки – до 20 апреля 1926 г. Таким образом, земельные органы власти получали определенную материальную выгоду от переселенцев, предоставляя им определенные услуги.

Однако молокане хотели как можно скорее переехать на территорию Сальского округа. Уполномоченный от молокан села Красное В.Г. Астахов 24 февраля 1926 г. направил письмо в РПУ, в котором просил разрешения на перевозку из Армении в Сальский округ 300 рабочих, лошадей, быков и различного сельскохозяйственного инвентаря [2: 122]. Письмо с просьбой разрешить перевозку 200 рабочих, 30 быков, 20 лошадей и другого сельскохозяйственного инвентаря направили в тот же день уполномоченные от молокан села Ново-Ивановка И.И. Васильев и В.И. Косынский [2: 124]. В ответ на данную просьбу Астахова РПУ сообщило ему о том, что на участках еще не были проведены землеустроительные работы, которые планировалось завершить к июлю 1926 г. [2: 123] Такой же ответ был дан Васильеву и Косынскому [2: 125].

27 февраля 1926 г. сотрудник Северо-Кавказского РПУ Ковалев сообщил Потапову о сумме, которую должны были заплатить переселенцы за проведение землеустроительных работ. В случае внесения задатка, составляющего 2 тыс. руб., переселенцы должны были заплатить за землеустройство по 35 коп. за 1 десятину земли (из них 20 коп. шли на оплату труда сотрудников) [2: 18]. По неизвестным причинам Сальское ОЗУ в конце марта 1926 г. попыталось все же оспорить решение о передаче данных участков молоканам. Однако на заседании Северо-Кавказского краевого землеустроительного совещания 31 марта 1926 г. было принято решение оставить данные участки земли за молоканами [2: 131].

Но в конце апреля 1926 г. группы молокан отказались от участков в «Пригашунской и Грабовских дачах» [2: 133] после их осмотра, несмотря на то, что РПУ приступило к проведению землеустроительных работ. В качестве причины отказа они назвали «малую пригодность для зерноводческого участка» [2: 133]. При этом они просили дать им землю на участке рядом с местом проживания молокан и духоборов на территории Западно-Конно-заводческого района. Весьма вероятно, что они надеялись получить земли рядом с общинами своих единоверцев.

В результате РПУ было вынуждено искать новый участок для переселенцев. Из-за отсутствия необходимого количества земли управление могло расселить лишь 3000 переселенцев [2: 134]. Но уполномоченные групп не достигли своей итоговой цели, так как свободных земель на территории Западно-Коннозаводческого района просто не было. Свободные участки земли на территории района были переданы другим духовным христианам – членам движения «Новый Израиль», которые в 1926 г. начали возвращаться из Уругвая в Советский Союз [2: 135].

О возникшей ситуации Северо-Кавказское РПУ сообщило в НКЗ РСФСР. В результате вопрос о предоставлении земли группам молокан решался на протяжении всего оставшегося 1926 г. 8 октября 1926 г. НКЗ РСФСР отправил письмо Северо-Кавказскому Крайзу, в котором сообщал об отклонении просьбы уполномоченных о предоставлении им участка земли на территории Западно-Коннозаводческого района. Власти могли предоставить им только свободные земельные участки на территории Зимовниковского района [2: 138]. Эта информация была тут же доведена до уполномоченных групп [2: 137]. К сожалению, чем окончилась данная история, мы не знаем из-за отсутствия необходимых источников.

Таким образом, в начале 1926 г. несколько групп молокан из Закавказья предприняли попытку переселиться на свободные участки земли на территории Зимовниковского района Сальского округа. Поддержку им в данном вопросе оказывал НКЗ РСФСР, который дал распоряжение региональным земельным органам выделить для переселенцев выбранные ими участки. Последние пошли на встречу переселенцам, дав необходимые консультации и даже заключили договор с ними. Но в реальности данные группы молокан хотели переселиться к своим единоверцам в Западно-Коннозаводческий район Сальского округа. Но из-за отсутствия свободных участков на территории района власти были вынуждены им отказать.

Источники и литература

1. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 468.
2. ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 5. Д. 405.
3. *Данилова Е.Н.* Иммиграционная политика и создание трудовых коммун из иммигрантов и реэмигрантов в СССР в 1920-е годы // Вестник Московского университета. Серия. 8. История. 2002. № 1. С. 3–20.
4. *Данилова Е.Н., Антонова Н.В.* Трудовая иммиграция и реэмиграция духовных христиан в Советскую Россию в 1920-е гг. // Вестник Московского университета. Серия. 8. История. 2009. № 3. С. 14–31.
5. *Крапивин М.Ю., Лейкин А.Я., Далгатов А.Э.* Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917 – конец 1930-х годов). СПб., 2003.
6. *Редькина О.Ю.* Социокультурные и экономические проблемы реэмиграции духоборцев из Канады в Россию в 1917-м – 1920-х годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2006. №11. С. 31–41.

А.Х. Исмаилзаде

Вопросы энергоресурсов Азербайджана в исторической литературе

В современном мире владение энергетическими ресурсами выступает гарантом успешного развития государства. Развитые и развивающиеся страны также определяют обеспечение энергоресурсов устойчивым, надежным и безопасным способом как важный компонент своей национальной

безопасности. Запасы углеводородов являются одним из наиболее важнейших и стратегических видов сырья современности и служат залогом развития современной промышленности. Наряду с этими продуктами большое значение имеют альтернативные источники энергии, и ее роль с каждым днем возрастает. С этой точки зрения изучение вопроса транзита энергетических ресурсов Азербайджана на европейские рынки имеет не только важное экономическое, но и большое политическое и научное значение.

Различные аспекты проблемы были изучены как отечественными, так и зарубежными исследователями. М. Касымлы в своем научном труде на фоне карабахской проблемы анализирует инициативы Азербайджанской Республики по энергетической дипломатии и региональному сотрудничеству. В работе автор документально и аналитически обосновывает процесс превращения Азербайджана в независимого актора на международной арене [13]. В монографии К. Каримова всеобъемлюще анализируются запасы нефти и газа, геологическое строение, объемы добычи и экспорта, инфраструктура Азербайджана. Автор дает подробную информацию об истории разведки, технологическом развитии и существующих добывающих проектах энергетических ресурсов Азербайджана в бассейне Каспийского моря. Работа также обращает внимание на потенциальную роль Азербайджана в контексте мировых энергетических рынков и его стратегическое значение с точки зрения энергетической безопасности [12].

Предметом анализа М. Атакишиева стала новая нефтяная стратегия Азербайджана после обретения независимости и ее роль в экономическом развитии страны. Подписанный в 1994 г. «договор века» автор расценивает как поворотный момент в экономическом подъеме Азербайджана. В научной работе, охватывающей период 1990-х годов и начала XXI века, подчеркивается геополитическое значение таких проектов, как Южный газовый коридор и нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан, а также рассматриваются вопросы привлечения инвестиций в нефтяную промышленность и сотрудничества с международными компаниями. Работа представляет новую экономическую модель Азербайджана, опирающуюся на энергетический сектор и возможности этой модели для страны [6].

В монографии Э. Насырова рассматриваются фундаментальные вопросы нефтяной дипломатии независимого Азербайджанского государства, проанализированы основные параметры и значение нефтяных договоров, являющихся логическим завершением сложного переговорного процесса, а также продемонстрирован объективно-научный подход к проблемам, возникающим в связи со статусом Каспия и транспортировкой его углеводородных ресурсов. В книге также рассматривается участие турецкой компании TPAO (Türkiye Petrolleri Anonim Ortaklığı) в нефтяных контрактах Азербайджана, рост доли в «контракте века», а кроме того освещены другие важные вопросы по энергоресурсам [15].

Труды азербайджанского исследователя А. Гасанова играют ключевую роль в разъяснении многих вопросов этой темы. В работе, опубликованной в 2005 г., отражены этапы становления и развития системы международных отношений, характеристика, тенденции и основные акторы современной мировой политики, международные и региональные вопросы, в

том числе внешняя политика независимой Азербайджанской Республики. Анализируя Евразийскую политику Турции, исследователь отмечает, что восстановление «Великого Шелкового пути», создание транспортно-коммуникационного и энергетического коридора Запад-Восток доказали влияние Турции в регионе [11: 561]. Подчеркивая важность нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан для Турции, Азербайджана и Грузии, автор указывает, что этот нефтепровод не только оказал серьезное влияние на их энергетическую безопасность, но и улучшил их внутреннюю политическую и экономическую жизнь, принес им значительные политические дивиденды, экономическую выгоду и международную значимость [10: 662].

Особое значение имеют исследования турецких авторов по этой проблеме. Хотя комплексные исследования не проводились, многие моменты, связанные с темой, стали объектом изучения. Турецкие исследователи А. Гуль и А.Я. Гуль в совместной работе проанализировали трубопроводные маршруты на мировые рынки для поставки нефти Азербайджана и Казахстана, а также газа Туркменистана. Они обсудили возможности их реализации, интересы отдельных государств в этом направлении. В своем исследовании ученые пришли к выводу, что наиболее подходящим маршрутом для вывода нефти на мировой рынок является прокладка трубопровода через территорию Турции к терминалу Джейхан в Средиземном море. Отмечая, что транспортировка нефти через порт Джейхан выгодна во всех отношениях, исследователи также отметили ее особое значение для Турции и пришли к заключению, что в результате этого будет положен конец зависимости Турции от ближневосточной нефти, вместо платы за транспортировку импортируемой нефти будет взиматься плата за проезд, поскольку она проходит через ее территорию, и покупка нефти станет дешевле [9:74].

В своей научной работе О.Н. Арас, отметив важность нефти и природного газа как источника энергии, исследовал вопросы развития и современного состояния этой отрасли в Азербайджане, подписания нефтяных контрактов, статуса Каспия, транспортировки азербайджанской нефти. О.Н. Арас особо подчеркнул роль Баку-Джейхана как самого безопасного и важного маршрута. Анализируя важность нефтепровода для Турции и политики, проводимой в этом направлении, он показывает, что Турция намерена получить большие доходы от этого проекта, прилагая большие усилия для реализации трубопровода Баку-Джейхан. По мнению автора, более важным аспектом является увеличение геополитического значения Турции, получив контроль над экспортными путями [7: 219].

Турецкий исследователь А. Балчи в своем труде, посвященном турецкой внешней политике, изучает отношения Турции с Кавказом, в том числе Азербайджаном с 2002 по 2020 г. Он отмечает, что после экономического кризиса 2001 г. экономика Турции удовлетворяла две трети своих потребностей в энергии за счет импорта и в связи с этим нуждалась в относительно дешевом природном газе из Азербайджана. Кроме того, Турция, которая географически занимает позицию между странами-производителями энергии и странами-потребителями, хотела увеличить свою стратегическую мощь, став центром передачи энергии [8: 344].

Вопросы транзита энергоресурсов Азербайджана в Европу освещаются в научном труде М. Ганбарли. Автор отмечает, что Азербайджан выступает как основная транзитная страна в регионе [2]. С. Притчин подчеркивает благоприятное геополитическое положение Азербайджана, акцентируя внимание на разумной стратегии Азербайджанской Республики. Он делает выводы, что именно правильная стратегия президента превратила Азербайджан в транзитную страну для поставок энергоресурсов [5].

М. Волохонский также считает внешнюю политику Азербайджана в области энергетики успешной и признает, что Баку удалось укрепить свои позиции на огромном газовом рынке Европы [1]. Ш. Маммадли в своих трудах делает упор на значении проекта «Сарматия» – нефтяного коридора из Каспийского региона в Евразию. Исследователь приходит к заключению, что реализация проекта привела бы к созданию важной транспортной артерии в Европе [14: 4].

Р. Ибрагимов в своей статье исследует создание альтернативных маршрутов для поставок энергетических ресурсов Азербайджанской Республики в мировые рынки [3: 75–83]. Автор делает вывод, что создание нужной инфраструктуры предопределяет реализацию успешных проектов и сближает государства.

Подводя итоги, нужно отметить, что авторы подтверждают успехи Азербайджана по развитию электроэнергетической отрасли за последние годы. Попытки диверсификации источников электроэнергии приносят результаты, разрабатываются разные проекты по использованию возобновляемых источников энергии. Страна входит в число лидеров среди стран СНГ по уровню развития электроэнергетики.

Подводя итоги, нужно отметить, что авторы подтверждают успехи Азербайджана по развитию электроэнергетической отрасли за последние годы. Попытки диверсификации источников электроэнергии приносят результаты, разрабатываются разные проекты по использованию возобновляемых источников энергии. Страна входит в число лидеров среди стран СНГ по уровню развития электроэнергетики.

Источники и литература

1. *Волхонский М.* «Углеводородная стратегия» внешней политики Азербайджана: 2008–2015 гг. // Международная аналитика. 2016. Вып. 3 (17). С. 15–26.

2. *Ганбарли М.* Энергетическая политика Азербайджанской Республики как основа государственной безопасности // Политикус. 2019. Вып. 3. С. 5–9.

3. *Ибрагимов Р.* Транспорт энергетических ресурсов странами, лишёнными выхода к открытым морям (на примере Азербайджана) // Кавказ и глобализация. 2011. Т. 5. Вып. 1–2. С. 75–83.

4. *Маммадли Ш.* Сотрудничество Польши и Азербайджана в энергетическом проекте «Сарматия» // Polish journal of science. 2025. №86. Vol. 1. P. 54–59.

5. *Притчин С.* Энергетический сектор как ключевой фактор регионального лидерства Азербайджана // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4. № 2. С. 109–118.

6. *Atakişiyev M.* Azərbaycanın yeni neft siyasəti və iqtisadi yüksəlişi. Bakı, 2004.

7. *Aras O.N.* Azerbaycan'ın hazar ekonomisi ve stratejisi. İstanbul, 2001.

8. *Balcı A.* Türkiye dış politikası. 4.baskı. İstanbul, 2021.

9. *Gül A., Gül A.Y.* Avrasya boru hatları ve Türkiye. İstanbul, 1995.

10. *Həsənov Ə.* Azərbaycanın geosiyasəti. Bakı, 2015.
11. *Həsənov Ə.* Müasir beynəlxalq münasibətlər və Azərbaycanın xarici siyasəti. Bakı, 2005.
12. *Kərimov K.M.* Azərbaycanın neft-qaz potensialı. Bakı, 2012.
13. *Qasımlı M.* Azərbaycan Respublikasının xarici siyasəti (1991–2003). I Hissə. Bakı, 2015.
14. *Mammadli Sh.* Azerbaijan, Poland, and Ukraine cooperation in the international economic project «Sarmatia» // The Scientific Heritage. 2023. № 122. P. 20–25.
15. *Nəsirov E.* Azərbaycan nefti və beynəlxalq müqavilələr (1991–999). Bakı, 1999.

М.З. Адыгезалова

Ближневосточная политика США в современных исследованиях ученых Кавказского региона

Открытие обширных запасов нефти в начале XX в. положило начало значительному интересу США к Ближнему Востоку. Американские нефтяные компании сыграли решающую роль в освоении этих ресурсов, что привело к тесным связям с региональными правительствами. В период холодной войны Ближний Восток стал ареной геополитического соперничества между США и СССР. Вашингтон стремился укрепить собственные стратегические позиции в регионе, выстраивая партнерские отношения с локальными государствами и поддерживая политические силы, ориентированные на сотрудничество с Западом.

Внешняя политика США на Ближнем Востоке характеризуется многогранностью и взаимосвязанностью целей. Анализируя различные аспекты американского присутствия в регионе, специалисты в области международных отношений и политологии выделяют два фундаментальных направления: обеспечение энергетической безопасности и содействие региональной стабильности. Обеспечение доступа к ближневосточным нефтегазовым рынкам остается важнейшей задачей для США. Хотя в последние годы зависимость США от ближневосточных энергоресурсов снизилась, регион по-прежнему играет решающую роль на мировых энергетических рынках.

Борьба с терроризмом стала одним из главных направлений внешней политики США на Ближнем Востоке после терактов 11 сентября 2001 г. США осуществляют военные и контртеррористические операции, а также сотрудничают с региональными государствами в борьбе с террористическими группировками, такими как ИГИЛ и «Аль-Каида»[1].

Российские ведущие научно-исследовательские учреждения и аналитические центры концентрируют свои усилия на исследовании ближневосточной политики США в период холодной войны. Этот этап стал периодом наиболее выраженной конкуренции между СССР и США в рамках биполярной системы международных отношений [1; 3; 4; 5; 6; 12]. Исследования предлагают комплексный анализ ближневосточной политики США, сфокусированной на обеспечении национальных интересов. Первый опыт уча-

[1] Организации запрещены на территории Российской Федерации.

стия США в событиях на Ближнем Востоке относится к началу XIX в. После Второй мировой войны, утвердившись в статусе сверхдержавы, США стали активно отстаивать свои стратегические интересы на Ближнем Востоке, где они пересекались с интересами СССР. По мнению специалистов, стратегические интересы США на Ближнем Востоке были обусловлены динамикой холодной войны и растущей зависимостью от нефти [5: 74–75]. Некоторые исследователи полагают, что новый формат геополитического взаимодействия между двумя державами сформировался после ухода Великобритании из региона [9: 6]. Кроме того, ряд работ посвящен анализу политики США в отношении ведущих ближневосточных государств, в частности Египта, Израиля и Сирии, позволяя выявить внешнеполитические приоритеты Вашингтона [7: 28–30].

В последнее время российские исследователи уделяют повышенное внимание анализу вызовов, которые американская ближневосточная политика бросает существующему миропорядку. Особое значение в этом контексте приобретает изучение политики Китая в регионе и ответных мер, предпринимаемых Вашингтоном [11: 60–61]. Последние годы по мере эскалации конфликта на Ближнем Востоке роль России в регионе становится все более заметной. В связи с этим исследователи подробно анализируют стратегию России, в частности роль военно-технического сотрудничества в формировании устойчивого российского присутствия на Ближнем Востоке в контексте трансформации глобального баланса сил [12: 10–13].

Другим важным направлением российских исследований являются изменения региональной политики в странах Ближнего Востока после ухода России. После завершения холодной войны Россия существенно снизила свою вовлеченность в ближневосточные дела, что способствовало формированию однополярной структуры региональной безопасности с доминированием США [3: 195–196]. Активизация российского участия на Ближнем Востоке совпала с периодом изменения геополитической конфигурации и пересмотром формата отношений между Россией и западными партнерами. Иракская война 2003–2011 гг. актуализировала в российской научной литературе вопросы эффективности внешнеполитических решений США, структурные последствия которых продолжают оказывать влияние на развитие региона [4: 83–85].

Арабская весна 2011 г. и ее последствия для ближневосточной политики США и России представляет важное направление в российской историографии [6: 131–133]. Исследователи пристально изучают, как внешнеполитический курс двух держав меняется в зависимости от их взаимоотношений [10: 315–316]. Изменение отношений между США и Россией знаменовало собой поворотный момент в геополитическом ландшафте Ближнего Востока. После длительного периода геополитической конкуренции времен холодной войны отношения между Вашингтоном и Москвой приобрели многомерный характер, формируя для государств региона как новые задачи, так и возможности для развития. Согласно российской историографии, активизация присутствия России на Ближнем Востоке после начала участия в сирийском урегулировании в 2015 г. основывалась на принципах прагматизма, а не идеологической конъюнктуры. Выстраивая сбалансированные отношения со всеми ключевыми региональными игроками — включая Иран и Из-

раиль, Саудовскую Аравию и Катар, — Москва позиционирует себя как конструктивный посредник в обеспечении регионального диалога [11: 65–68].

В контексте данной проблемы исследователей Южного Кавказа в первую очередь занимают вопросы региональной безопасности, взаимоотношения стран Ближнего Востока с США в экономической и военной сферах, влияния региональных конфликтов на Южный Кавказ. Исследование данных вопросов традиционно осуществляется в контексте внешней политики государств Южного Кавказа, где также анализируется внешнеполитический курс США [2; 8; 13]. В рамках своих исследований азербайджанские и грузинские ученые уделяют первостепенное внимание изучению конкретно-исторических процессов, в то время как фундаментальные аспекты внешнеполитического курса США рассматриваются ими в меньшей степени.

Так, в недавно вышедшей монографии Д. Гасанлы «Иранский нефтяной кризис и Мосаддык в холодной войне, 1949–1953» представлен детальный анализ основного направления политики США в Иране. Автор, опираясь на обширный корпус архивных материалов, проливает свет на участие США в дестабилизации внутриполитической ситуации в Иране [13]. Д. Гасанлы утверждает, что свержение шаха и восстановление западного контроля над нефтяными ресурсами Ирана оставил горький осадок в сознании иранского общества. Этот осадок, сохранившийся в течение длительного времени, усилил антиамериканские настроения, которые привели к Исламской революции 1979 г. [13: 6–8].

В исследовании Ф. Шахбазова рассматривается геополитика Ближнего Востока через призму истории Сирии с 1946 по 2012 гг. Автор изучает конкретные цели ведущих стран в борьбе с международным терроризмом после теракта 2001 г. и геополитическую конфигурацию мира в целом. Исследователь определяет место и роль США в борьбе с международным терроризмом, анализируя политико-правовые основы, формы и механизмы осуществления их антитеррористического курса на Ближнем Востоке [14: 110–112].

События «арабской весны» 2011 г. существенно трансформировали внешнеполитические приоритеты США на Ближнем Востоке. Позиция администрации Б. Обамы в отношении Туниса и Египта на начальном этапе выражалась в поддержке демократических преобразований, однако по мере усложнения внутриполитической динамики Вашингтон был вынужден скорректировать свой подход, вернувшись к опоре на традиционные институты региональной стабильности. В 2020-е гг. на ближневосточной арене обозначилась тенденция к дальнейшей поляризации. Сохраняя статус одного из ключевых внешних акторов, США одновременно сталкиваются с возрастающей ролью Китая и России, а также с усилением влияния региональных держав, в первую очередь Ирана и Турции. Осмысление этих процессов требует от исследователей выработки более комплексного аналитического инструментария и углубленного изучения внешнеполитических стратегий как США, так и других ведущих участников региональной политики.

Источники и литература

1. *Арунова М.Р.* Афганская политика США в 1945–1999 гг. (краткий очерк). М., 2000.

2. *Гасанов А.* Современные международные отношения и внешняя политика Азербайджана. Баку, 2007.

3. *Звягельская И.Д.* Ближневосточный клинч: конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М., 2014.
4. *Колобов О.А.* Внешняя политика великих держав. Избранные труды. М. – Нижний Новгород, 2013.
5. *Корниенко Г.М.* «Холодная война». Свидетельство ее участника. М., 2001.
6. *Малышева Д.Б.* Ближний Восток между турбулентностью и развитием // Свободная мысль. 2018. № 5(1671). С. 131–140.
7. *Мамед-заде П.Н.* Египет – США: развитие отношений в начале XXI в. // Современный исламский Восток и страны Запада. М., 2004. С. 26–45.
8. *Мачавариани Г.Г.* Грузино-иранские отношения на современном этапе // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 1. С. 90–93.
9. *Пелипась М.Я.* Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. Томск, 2003.
10. *Уткин А.И.* Новый мировой порядок. М., 2006.
11. *Фролов А.* Основные узлы ближневосточной политики Соединенных Штатов // Обозреватель-Observer. 2024. № 3. С. 59-71.
12. *Юрченко В.П.* Военно-политическая составляющая отношений государств Ближнего Востока и Северной Африки с США и Западной Европой // Современный исламский Восток и страны Запада. М., 2004. С. 4–25.
13. *Hasanli J.* The Iranian Oil Crisis and Mossadegh in the Cold War, 1949-1953. London, 2026.
14. *Şahbazov F.* Suriya: 1946-2012. Bakı, 2013.

Ж.Д. Тарханова

Этнополитические конфликты на Южном Кавказе в контексте угроз терроризма и региональной безопасности

Вооруженные этнополитические конфликты на Южном Кавказе в постбиполярный период (нагорно-карабахский, грузино-абхазский и грузино-осетинский), переросшие в длительное противостояние, изменили не только геополитическую карту региона. Азербайджанская Республика и Республика Грузия, которые отстаивали территориальную целостность в границах бывших советских республик, выступили против права на самоопределение коренных народов в подконтрольных автономиях и пресекли процессы сецессии. После распада СССР локальные вооруженные столкновения переросли в полномасштабные военные действия при участии внешних сил, стремившихся к расширению и закреплению присутствия в регионе.

При посредничестве Российской Федерации острые фазы конфликтов были завершены соглашениями о прекращении огня, очаги противостояния локализованы. В первой половине 1990-х гг. было достигнуто прекращение вооруженного противоборства, однако неурегулированные территориальные противоречия провоцировали усугубление противостояния, которое приобрело латентный характер. Вооруженная эскалация в регионе с 1991 г. сформировала дополнительные факторы риска и угрозы региональной стабильности под влиянием внешних сил, среди которых активно проявились наемники и боевики запрещенных террористических и экстремистских организаций. Военные действия на Южном Кавказе представляли для

них возможности создания террористического подполья на перспективу, на последующие десятилетия вперед. Территория Южного Кавказа использовалась внерегиональными акторами в контексте геополитических, военных и торгово-экономических интересов, что привнесло дополнительные риски и угрозы, спровоцировало дестабилизацию в регионе [7: 2].

С середины 1990-х гг. до первой четверти XXI в. вооруженные столкновения периодически возобновлялись на территории Нагорно-Карабахской Республики, Республики Абхазия и Республики Южная Осетия, против которых были задействованы представители запрещенных террористических и экстремистских организаций. Угроза терроризма сформировала дополнительные риски эскалации этнополитических конфликтов, повлияла на их ход и динамику, создавала новые очаги нестабильности, в том числе в постконфликтный период. В конце XX в. – начале XXI в. территория Панкисского ущелья Грузии стала центром миграции террористов в Сирию и Ирак и обратно на Южный Кавказ [10]. Были сформированы локальные террористические ячейки, активность террористического подполья продолжалась на территории Грузии на протяжении десятилетий. В 2001 г. банды Р. Гелаева «с ведома руководства Грузии» вторглись в Абхазию через Кодорское ущелье и развязали вооруженные действия против Вооруженных Сил Абхазии [2]. Официальный Сухум заявил о прямой причастности руководства Грузии к нападению террористов на Абхазию. Практика использования наемников и террористов с целью решения территориальных споров и этнополитических конфликтов на Южном Кавказе выявила следующую тенденцию: подобные методы ведения вооруженной экспансии были направлены против непризнанных республик, провозгласивших в начале 1990-х гг. независимость от Азербайджана и Грузии. События 2001 г. в Абхазии продемонстрировали соответствующую политическую линию на обострение в зоне конфликтов.

Участие членов незаконных вооруженных формирований (далее – НВФ), террористических и экстремистских организаций в военных действиях в периоды острой фазы и постконфликтного урегулирования, особенно в карабахском и грузино-абхазском конфликтах, рассматривалось заинтересованными акторами как внешний ресурс, направленный против оппонента. Возникшие вследствие подобных деструктивных процессов и тенденций риски и угрозы использовались против молодых непризнанных республик и Российской Федерации – гаранта стабильности на Южном Кавказе. Указанные деструктивные факторы оказывали негативное влияние на процесс урегулирования противостояния и срывали инициативы по установлению долгосрочного мира, формирования взаимного доверия. В последующие годы террористическое подполье стало представлять угрозу национальной безопасности не только провозгласившим независимость бывшим советским автономиям – Нагорно-Карабахской Республике, Республике Абхазии и Республике Южной Осетии, но и создавало риски дестабилизации правительствам Азербайджана и Грузии, а также сопредельной Турции [1].

Формирование и эволюция деятельности террористических организаций стали оказывать влияние на динамику и трансформацию этнополитических конфликтов. Силы и ресурсы наемников и членов НВФ были востребованы конфликтующими сторонами и после подписания соглашений о прекращении

огня, а отдельные страны региона использовались международными террористическими организациями для достижения целей по дестабилизации обстановки в целом в регионе Большого Кавказа. Южный Кавказ, где произошли три вооруженных этнополитических конфликта, был превращен в плацдарм и перевалочную базу террористического подполья [13: 342].

Актуальность проблемы впервые была зафиксирована в период острой фазы карабахского конфликта в 1990-е гг. По оценке некоторых исследователей, в карабахском кризисе были задействованы силы и средства «националистического» и «международного» терроризма [4: 1294–1296]. Стороны конфликта выступали с взаимными обвинениями в использовании террористических организаций. Армянская сторона обвиняла противника в использовании наемников из Афганистана и, в целом, Ближнего Востока [8: 233]. В свою очередь, азербайджанская сторона фокусировалась на отрицании подобных нарративов и в ответ распространяла информацию об использовании противником отрядов курдских наемников из Рабочей партии Курдистана [15; 17]. Исследователи отмечали, что для армянской стороны был характерен «националистический терроризм» [4: 1294–1296; 1]; для азербайджанской – «международный терроризм» [4: 1292–1295; 5: 243; 265].

Подобные результаты исследований оспаривались в научных кругах Азербайджана [8: 1385–1386]. Магистральной линией были представлены утверждения о принципиальной позиции Азербайджана в борьбе с терроризмом, подчёркивался приоритет сотрудничества с внерегиональными игроками – НАТО и коллективным Западом [9]. Привлечение наемников и террористов к вооруженным действиям в период карабахского конфликта 1991–1994 гг. [1; 5: 243] создало опасные прецеденты. В 2020 г. они были актуализированы в ходе 44-дневной Второй карабахской войны [12; 16]. Процесс экспансии международных террористических сил на южнокавказском направлении перешел в активную фазу осенью 2020 г. [14: 88–89]. Об аналогичных деструктивных процессах официальные лица Нагорно-Карабахской Республики сообщали и после разморозки конфликта в 2022 г. [11].

Отметим, что угрозы и риски региональной безопасности создавались кроме вышеуказанных организаций также националистическими праворадикальными силами, сформированными на территории бывшего СССР, в частности, на Украине. В широкомасштабных военных действиях в Южной Осетии в ходе августовского кризиса 2008 г. на стороне Грузии были задействованы силы националистических вооруженных организаций Украины, в частности, «Украинская национальная ассамблея – Украинская народная самооборона» (УНА-УНСО; организация признана экстремистской (решение Верховного Суда РФ от 17 ноября 2014 г.) и «Правого сектора» (организация признана экстремистской (решение Верховного Суда РФ от 17 ноября 2014 г.), деятельность запрещена в России). Ранее опыт участия в вооруженных этнополитических конфликтах украинские националисты приобрели в Приднестровье в 1992 г. и на Южном Кавказе на стороне Грузии в ходе грузино-абхазского вооруженного конфликта 1992–1993 гг.

Этнополитические вооруженные конфликты, таким образом, спровоцировали дополнительные угрозы региональной безопасности, создали условия для проникновения в регион международных террористических организа-

ций, которые с 1990-х гг. укрепили позиции на Южном Кавказе. В свою очередь, экспансия террористических и экстремистских организаций в условиях этнополитических конфликтов привела к возникновению дополнительных очагов напряженности в регионе, провоцировала военное противостояние в непосредственной близости у южных границ России, угрожала безопасности непризнанных республик. Кроме того, одной из главных причин протекания подобных деструктивных процессов стали военные действия США и НАТО на Ближнем Востоке в начале XXI в., в частности, вторжение в Ирак в 2003 г. привело к расширению ареала деятельности международного терроризма, в том числе привело к его распространению на Южном Кавказе [14: 91].

Исследование проблемы выявило сохраняющуюся актуальность указанных рисков и угроз. Некоторые участники этнополитических конфликтов прибегали к привлечению сил международного, националистического терроризма, экстремистских организаций. По завершении острой фазы конфликтов террористы использовали Южный Кавказ в качестве плацдарма, перевалочной базы, создавали угрозы в первую очередь национальной безопасности непризнанных республик, а также Российской Федерации. Проблема использовалась враждующими сторонами также в качестве элемента и в информационных войнах [3].

Представляется справедливым отметить, что с учетом сохраняющихся разногласий и противоречий между сторонами этнополитических конфликтов, на динамику развития ситуации, конфигурацию сил по-прежнему будут оказывать влияние внешние игроки, инспирирующие деструктивные процессы, которые формируются под давлением международных террористических, экстремистских организаций, а также военно-политических блоков. Отдельным фактором, спровоцировавшим напряженность в зоне этнополитических конфликтов, стала политика НАТО, ориентированная на интеграцию в Евросоюз Азербайджана, Армении и Грузии, которая отказалась подписать меморандум о ненападении с Абхазией и Южной Осетией после грузино-осетинского конфликта в 2008 г. и признания их государственного суверенитета Российской Федерации.

Источники и литература

1. Азербайджанский экс-прокурор признал использование афганских наёмников против армян в карабахской войне // Еркрамас. 2010. 29 ноября. URL: https://yerkramas.org/article/11603/azerbajdzhanskij-eks--prokuror-priznal-ispolzovanie-afganskix-nayomnikov-protiv-armyan-v-karabaxskoj-vojne/ (дата обращения: 11.09.2026.).

2. *Алленова О.* Черный ангел // Коммерсантъ Власть. 2002. 7 октября. URL: https://www.kommersant.ru/doc/344604 (дата обращения: 19.06.2026).

3. Баку обвинил РИА Новости в «тиражировании» заявлений Карабаха // РИА Новости. 2022. 3 июня. URL: https://ria.ru/20220603/azerbaydzhan-1793064129.html (дата обращения: 14.04.2023).

4. *Гикашвили Г.* Региональная безопасность. Терроризм на Южном Кавказе // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. №. 5. С. 1295–1296.

5. *Демоян Г.П.* Внешняя политика Турции и Карабахский конфликт. Ереван, 2013.

6. *Дудайти А.К.* Большой Кавказ в мировой геополитике (состояние и перспективы развития политических процессов в кавказском районе) // Вестник Владикавказского научного центра. 2013. Т. 13. № 2. С. 2–14.

7. *Ибрагимов А.Г.* Угроза терроризма неактуальна для Азербайджана // Постсоветские исследования. Т.2. № 6 (2019). С. 1385–1386.

8. *Иманов С.* Азербайджан незаменим в борьбе с международным терроризмом – на Западе это понимают // Day.Az. 2018. 10 декабря.. URL: https://news.day.az/politics/1070602.html (дата обращения:14.06.2026).

9. *Марабян К.* Террористические организации и Грузия // Jnews.ge. 2018. 3 мая. URL: https://jnews.ge/?p=20310 (дата обращения: 14.06.2026).

10. Министр НКР Бегларян: из Карабаха на Украину могли быть переброшены боевики террористических группировок // Life. 2022. 3 июня. URL: https://life.ru/p/1499135 (дата обращения: 11.09.2026.)

11. Нарышкин заявил о переброске тысяч террористов в Нагорный Карабах // РИА Новости. 2020. 6 октября. URL: https://ria.ru/20201006/naryshkin-1578477893.html (дата обращения: 15.06.2026).

12. *Тарханова Ж.Д.* Проблемы террористической угрозы в Грузии в постбиполярный период по материалам региональных СМИ // Присоединение Алании-Осетии к России: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. К 250-летию вхождения Осетии в состав России. Владикавказ, 2023. С. 341–346.

13. *Тарханова Ж.Д.* Региональные СМИ об угрозах и вызовах международного терроризма на Южном Кавказе // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2023. № 3. С. 88–95.

14. Хикмет Гаджиев: Армения активно использует курдских террористов в Карабахе // Media.az. 2020. 2 октября. URL: https://media.az/politika/hikmet-gadzhiev-armeniya-aktivno-ispolzuet-kurdskih-terroristov-v-karabahe?ysclid=mtx85tuo52479604104 (дата обращения: 11.09.2026).

15. *Karadaş Y.* Hani ÖSO Suriye'nin Kuvayımilliye 'siydi? // Evrensel.net. 2020. Ekim, 2. URL: https: // www.evrensel.net/yazi/87261/hani-oso-suriyenin-kuvayimilliyesiydi (дата обращения: 14.06.2026).

16. *Rehimov R.* Presence of PKK terrorists in Upper Karabakh revealed // Anadolu Ajansı. 2020. October, 24. URL: https://www.aa.com.tr/en/azerbaijan-front-line/presence-of-pkk-terrorists-in-upper-karabakh-revealed/2017495 (дата обращения: 14.06.2026).

К.Р. Амбарцумян

Северокавказская диаспора: влияние истории на публичную дипломатию современной России

Одним из эффективных инструментов внешней политики современного государства является диаспоральная дипломатия. Иммиграция и консолидация этнических сообществ сформировали устойчивые группы, соединяющие государства исхода и принимающее государство. Существование диаспор сопровождается идентитарной раздвоенностью, так как связь с исторической родиной имеет устойчивость несмотря на активную интеграцию в новое социокультурное пространство. Субъектность диаспоры в международных отношениях набирает все большее значение в силу роста и активизации миграционных процессов, с одной стороны, и популярности публичной дипломатии среди средств внешней политики современного государства, с другой. Исследователи придают существенное значение политической и экономической силе диаспор. Кроме того, внимание уделяется диаспоральным связям

именно в сфере публичной дипломатии. В них видят альтернативный канал передачи важной для внешней политики информации. Использование данного ресурса предполагает реализацию стратегии мягкой силы [7: 162].

Северокавказская диаспора – сообщество, постоянно растущее вплоть до начала XXI в., например, на 2003 г. пришелся пик эмиграции чеченцев. В марте 2025 г. в Ставрополе на базе Северо-Кавказского федерального университета прошла конференция «Капитал будущего: Северокавказские диаспоры за рубежом как инструмент приумножения российского "Социального капитала"», организованная Советом по внешней и оборонной политике. По итогам проведенного мероприятия был сделан вывод о том, что России следует сформировать правовые и концептуальные основы диаспоральной дипломатии [3]. Однако возникает вопрос: насколько можно универсализировать российскую политику в отношении диаспор, когда речь идет о таком сложном конгломерате этносов, культур и исторической памяти как северокавказская диаспора? Попытки наладить отношения с этой диаспорой предпринимала еще Советская Россия в 1960-х гг. в надежде распространить свое влияние на Ближний Восток, так как регион стал одной из главных арен противостояния в холодной войне. Этот период отмечен визитами делегаций из Сирии, Иордании и Ливана в Кабардино-Балкарию; организуя их, Москва рассчитывала, что представители диаспоры после поездки станут агентами культурного влияния СССР в своих странах проживания [9: 592–593]. Можно утверждать, что работа с северокавказской диаспорой имеет сложную обусловленность как текущими геополитическими задачами государства, так и историческим прошлым.

Уже в начале XX в. северокавказская диаспора и миграции возникали в повестке двусторонних отношений Российской и Османской империй. Отдельные агентурные донесения отмечают факты приезда агентов из черкесов, чеченцев, представителей дагестанских народов, уехавших после 1865 и 1878 гг. Многие уже имели авторитет и состояние в Турции [5: 133]. Американский историк В. Хамед-Троянский описал мусульманское население, которое путешествовало и жило в Российской и Османской империях параллельно, используя термин «трансимперские мусульмане» [8]. Связи между уехавшими и оставшимися поддерживались, вплоть до посещений и активной переписки, что настораживало как Порту, так и российские власти.

Имперские власти рассматривали северокавказскую диаспору как дестабилизирующий фактор. Однако отношение эмигрантов к России не всегда носило исключительно негативный характер. Так, в 1908 г., на фоне взаимных подозрений Российской и Османской империй в подготовке к военному конфликту, по инициативе султана в приграничные территории была направлена комиссия для проверки обстановки. Комиссию возглавил военный агент П.И. Аверьянов. Русскую делегацию встретил командир бригады Хамидийской конницы полковник Сафар-бей, которому на момент описываемой поездки было 65 лет, хорошо говоривший по-русски, так как происходил «из черкес, из Кабарды, откуда его отец, служивший в конвое государя Александра II, переселился с Высочайшего разрешения». Аверьянов с симпатией описал Сафар-бея, который хорошо вспоминал Россию, показывал свою русскую библиотеку и рассказывал о службе своего отца,

делая упор на то, что они не бежали, а именно выехали в Турцию по Высочайшему разрешению [2: 183–184об].

Впоследствии Советское государство пресекло любые контакты северокавказцев с диаспорой, несмотря даже на положительные отношения с Турцией. Иностранным черкесам было отказано в праве на репатриацию, они не могли посещать историческую родину. Таким образом диаспора оказалась под влиянием арабской и турецкой культур, а Северный Кавказ стал частью большого советского проекта [8].

Репрезентация прошлого не является стихийным процессом – на нее существенное влияние оказывает политика, проводимая как в диаспоральных сообществах, так и на исторической родине. Кавказский регион обладает не только сложным историческим прошлым, но и противоречивым наследием его интерпретации в современном мемориальном дискурсе. В XX – начале XXI вв. сложились мемориальные каноны как в диаспоральных сообществах, так и среди северокавказских народов. При этом наблюдаются как точки соприкосновения, так и существенные расхождения. Показательным примером служит различное прочтение событий Первой мировой войны. Значительное число кавказцев турецкое командование направило на Кавказский фронт, где они воевали против Российской империи. В то же время со стороны России воевала Туземная (Дикая) дивизия, куда входили северокавказцы. Сейчас история Дикой дивизии – это активный элемент современной политики памяти и военно-патриотического воспитания молодежи российского Кавказа, что было невозможно представить в советский период.

Эмигрантское сообщество северокавказцев пополнилось после Гражданской войны в России, в том числе там оказались участники Дикой дивизии и представители Союза горцев (Горской республики). Кавказская война и мухаджирство, проживаемые как исторические травмы, дополнились установлением советской власти и упущением шанса получить свою государственность. Поиски общей истории и образа единого Кавказа в прошлом являлись средством противопоставления своей политической значимости Советской России.

Лидеры Горской республики эмигрировали, но на родине память о них осталась. В советский период обращение к этой теме в научном смысле или через коммеморацию было немыслимым. В 2018 г. в селении Агачаул (близ Махачкалы) был воздвигнут памятник турецким солдатам, погибшим за освобождение Порт-Петровска (Махачкалы) от войск Л. Бичерахова и англичан [1]. Лидеры Горской республики не располагали собственными силами для ведения войны и фактически опирались на дивизию под командованием Изет-паши. Памятник вызвал противоречивую и неоднозначную реакцию в соцсетях, так как фактически он поставлен солдатам противника России по Первой мировой войне. В надписи на памятнике турки называются «освободителями», войско Бичерахова – «оккупантами», а сама Махачкала указана под названием Анжи-Кала.

Проблематика вхождения Северного Кавказа в состав России и события Кавказской войны формируют локусы исторической памяти, которые приобретают различное смысловое наполнение в диаспоре и на исторической родине, что напрямую отражается на практиках коммеморации. Показательным примером является открытие 27 октября 2018 г. в Карачаевском районе монумента «Хасаука», посвященного 190-летию вхождения Карачая

в состав России. В ходе Хасаукинского сражения российские войска оттеснили ополчение карачаевцев. Затем состоялись переговоры и была достигнута договоренность в включении Карачая в состав России, о чем был подписан договор 24 октября (4 ноября) 1828 г.

В то же время для представителей зарубежной диаспоры символическое значение имеет иной объект памяти на территории Карачаево-Черкесской Республики. В октябре 2022 г. делегация черкесской диаспоры из Турции посетила памятник жертвам Кавказской войны в ауле Али-Бердуковский (Хабезский район). Он был установлен по частной инициативе в 1989 г. жителем аула Али-Бердуковский М. Хутовым. Изначально власти его убирали, срывали пластину с информацией о том, чему он посвящен. 31 марта 1994 г. президиум совета министров Карачаево-Черкесской Республики объявил 21 мая 1994 г. Днем памяти жертв Кавказской войны, днем траура. Сейчас на месте камня стоит новый мраморный памятник, к нему воздвигнута лестница, холм аккуратно огорожен.

Еще одним примером расхождения в коммеморативных практиках в диаспоре и на Северном Кавказе является празднование 250-летия добровольного вхождения Ингушетии в состав России в 2020 г. В марте 1770 г. у аула Ангушт при большом стечении народа 24 представителя самых влиятельных ингушских тейпов торжественно принесли присягу и приняли подданство Российской империи. Принимали присягу архимандрит Порфирий и капитан гусарского полка Дегостий, приехавшие из Кизляра – тогдашнего русского административного центра на Кавказе. В то же время ингушская диаспора во Франции уделяет особое внимание трагическим страницам национальной истории. Так, в 2024 г. в городе Сержи по инициативе Ингушской ассоциации, при поддержке соотечественников, проживающих в Европе, и содействии местной администрации, состоялось траурное мероприятие, приуроченное к 80-летию депортации ингушского и чеченского народов. Следует подчеркнуть, что память о депортации не предана забвению и на исторической родине – она занимает значимое место в мемориальной культуре северокавказских народов. Однако в данном случае речь идет о различиях в расстановке смысловых акцентов и приоритизации коммеморативных дат.

Формирование специфических коммеморативных практик, основанных на актуализации исторической травмы, началось уже в ранний постсоветский период. При этом отдельные трагические события нередко становились объектом политического переосмысления в контексте новых исторических вызовов. Показательным примером служит история одного из мемориалов депортации в Чечне, установленного в 1992 г. в период президентства Д. Дудаева. Основу памятника составили старинные надгробные камни, собранные со всей территории республики. В 2008 г. были предприняты попытки его демонтажа, мотивированные нежеланием ассоциировать память о трагедии с именем Дудаева. Эти действия вызвали негативную реакцию в обществе, и в 2014 г. камни были перенесены и интегрированы в иной мемориальный комплекс. Однако и в этом случае прослеживается стремление элиминировать символические маркеры дудаевского периода, а не поставить под сомнение сам факт депортации. Подобные случаи свидетельствуют о том, что на Северном Кавказе коммеморативные практики

тесно переплетены с актуальной политической конъюнктурой и процессами переформатирования исторической памяти. За пределами Северного Кавказа фигура Д. Дудаева также становится объектом коммеморации, однако с противоположным знаком. В 2021 г. в городе Корфез (пригород Стамбула) был открыт парк имени Дж. Дудаева. В церемонии, состоявшейся 11 декабря, приняли участие представители северокавказской диаспоры, а также чеченских диаспоральных общин из других европейских стран. В России данное событие вызвало резко негативную реакцию [6].

В массовом сознании диаспоральных сообществ преобладает интерес не к событиям общего кавказского прошлого, а к тем историческим эпизодам, которые имеют особую эмоциональную значимость для конкретного народа. Так, в 2024 г. представители осетинской общины в Турции, насчитывающей порядка 60 тыс. чел., посетили школу №1 в Беслане, что было приурочено к 20-летию террористического акта. Одновременно мемориальные мероприятия прошли и в других странах проживания осетинской диаспоры: в сентябре 2024 г. памятные акции состоялись в осетинском поселении Пойразлы (Турция) и в осетинской общине Кишинева [4].

В настоящее время концепция мемориальной дипломатии приобретает особую актуальность. В контексте взаимодействия с северокавказскими диаспорами она играет ключевую роль, поскольку историческая память диаспоральных сообществ и народов на исторической родине, с одной стороны, содержит объединяющие нарративы, на которые может опираться государственная политика, а с другой – включает в себя противоречивые аспекты, требующие деликатного и взвешенного подхода при выстраивании внешнеполитического диалога.

Источники и литература

1. В российском регионе объяснили установку памятника турецким солдатам // lenta.ru. 2018. 17 декабря. URL: https://lenta.ru/news/2018/12/17/pamyatnik/ (дата обращения: 21.07.2026)

2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 1.

3. Диаспоры как «капитал» будущего. Конференция СВОП в Ставрополе // Совет по внешней и оборонной политике. 2025. 2 апреля. URL: https://svop.ru/projects/obrazbudushhego/59547/?ysclid=msbgyya732634341937 (дата обращения: 21.07.2026).

4. За рубежом состоялись акции в память о жертвах теракта в Беслане // Русский мир. 2024. 4 сентября. URL: https://russkiymir.ru/news/328315/?ysclid=msbiojfo83755173924 (дата обращения: 21.07.2026)

5. *Кулиев Ф.* Религиозный фактор в геополитике России и Турции на Северном Кавказе // Кавказ и Глобализация. 2013. Вып. 1–2. Т. 7. С. 127–136.

6. «Мы, мягко говоря, не одобряем». Зачем в Турции чтят память о чеченских сепаратистах // Газета.Ru. 2021. 22 декабря. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/12/22/14344783.shtml?ysclid=msbhavmell887207835 (дата обращения: 21.07.2026)

7. *Торреальба А.А.* Три основных подхода диаспоральной дипломатии во внешней политике // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11. № 2. С. 154–169.

8. *Hamed-Troyansky V.* Letters from the Ottoman Empire: Migration from the Caucasus and Russia's Pan-Islamic Panic // Slavic Review. 2023. No. 82(2). P. 311–333.

9. *Hamed-Troyansky V.* Welcome, Not Welcome. The North Caucasian Diaspora's Attempted Return to Russia since the 1960s // Kritika Explorations in Russian and Eurasian History. 2023. Vol. 24. P. 585–610.

А.А. Тумов

Институциональный кризис трансграничных связей черкесской диаспоры и северокавказских республик в 2022-2025 гг.

Геополитические сдвиги 2020-х гг. привели к глубокой перестройке во взаимоотношениях Российской Федерации и зарубежных диаспор. В случае с черкесским сообществом это выразилось в кризисе единого информационного и институционального поля, которое складывалось на протяжении постсоветского периода. В данной статье анализируются причины и механизмы распада трансграничных связей между республиками Северного Кавказа и зарубежной диаспорой.

В исследовании применяется комплексный подход: неоинституциональный анализ используется для оценки структурных сдвигов, элементы конструктивизма – для изучения изменений в дискурсе, а методы цифровой этнографии – для анализа сетевых практик. Автор исходит из того, что наблюдаемый разрыв не сводится к упрощенной дихотомии «этнос против государства». Он стал следствием несовместимости стратегий адаптации к кризисным условиям: если Международная черкесская ассоциация (МЧА), базирующаяся в России, сделала ставку на институциональную лояльность, то ведущие организации диаспоры взяли курс на дистанцирование и защиту собственной политической субъектности.

На протяжении трех десятилетий доминирующей моделью взаимодействия зарубежных общин и северокавказских республик была поступательная интеграция. Ожидалось, что развитие культурно-образовательных связей и программы репатриации помогут консолидировать этническое сообщество в правовом поле. Однако в период с 2022 г. по 2025 г. эта модель столкнулась с серьезными ограничениями. Под влиянием внешнеполитических факторов черкесское транснациональное движение постепенно перешло от поиска точек соприкосновения с официальными структурами к курсу на институциональную и политическую автономизацию. В работе прослеживается хронология этого процесса, анализируются его предпосылки и последствия, а также рассматриваются новые сетевые механизмы, формируемые диаспорой.

Ключевым институциональным связующим звеном между исторической родиной и диаспорой долгое время оставалась МЧА, учрежденная в мае 1991 г. на волне национального возрождения. Ее основным партнером за рубежом выступала турецкая Федерация кавказских ассоциаций (КАФФЕД), объединяющая множество региональных черкесских обществ. Долгое время этот альянс поддерживал видимость единого национального пространства: МЧА содействовала в получении квот для студентов из Турции в вузах Нальчика и Майкопа, а диаспора, в свою очередь, старалась избегать излишней политизации вопросов исторической памяти.

Однако иллюзия монолитного единства начала рушиться задолго до 2022 г. С начала 2000-х гг. руководство МЧА взяло курс на деполитизацию, вытеснение несистемных активистов и интеграцию в аппарат официаль-

ной политики Москвы. На волне политизации черкесского вопроса во второй половине 2000-х гг. зарубежные и оппозиционные российские активисты обвиняли МЧА в игнорировании ключевых политических требований: признание геноцида, упрощение репатриации, восстановление исторических прав.

Первой значимой международной трещиной стала зимняя Олимпиада 2014 г. в Сочи. МЧА отказалась поддержать протесты других организаций против проведения игр в месте массовой гибели и изгнания черкесов [1: 37]. Вторым фактором стал сирийский кризис (2012–2015 гг.), когда МЧА пыталась сгладить углы, в то время как диаспора требовала активной эвакуации черкесов из зоны боевых действий [5]. Запрет на въезд в Россию для тогдашнего лидера КАФФЕД Яшара Асланкая в 2016 г. стал индикатором глубокого кризиса доверия [3].

События февраля 2022 г. стали триггером, переведшим скрытые противоречия в фазу открытого публичного конфликта. Геополитическая поляризация сделала невозможным сохранение прежнего статус-кво для диаспоры. Руководство МЧА безальтернативно солидаризировалось с внешнеполитическим курсом Российского государства. В ответ на это внутри турецкой КАФФЕД начались интенсивные дебаты, по итогам которых федерация фактически заморозила свое членство в МЧА, обвинив последнюю в утрате самостоятельности и превращении в инструмент реализации чуждой политической повестки.

Показательно, что этот разрыв вызвал цепную реакцию внутри самой Турции. КАФФЕД, пытаясь балансировать в сложных внутритурецких реалиях, подверглась критике снизу. В 2023 г. из состава федерации вышло одно из старейших обществ – Общество Кавказа в Кайсери (Kayseri Hase), обвинив руководство КАФФЕД в излишней мягкости, замалчивании антивоенных протестов и скрытом соглашательстве с российскими интересами на фоне репрессий против черкесских активистов на Кавказе. В январе 2024 г. к нему присоединилось Общество Кавказа в Стамбуле [4].

Еще один этап кризиса трансграничной «гуманитарной дипломатии» наглядно продемонстрировали события после землетрясения в Турции и Сирии 6 февраля 2023 г. Делегация МЧА прибыла в Турцию с собранными средствами. КАФФЕД предложила направить деньги на закупку жилых контейнеров по спискам нуждающихся. Однако МЧА категорически отвергла этот план. В ходе переговоров российская сторона приводила аргументы, которые КАФФЕД назвала «несовместимыми с разумом и ценностями черкесского народа» – в частности, МЧА заявляла, что правительство Турции якобы не нуждается в контейнерах, ссылалась на ограничительные меры, инициированные министром иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавровым в ответ на панельную дискуссию в Европарламенте и выражала опасения, что помощь уйдет проукраинским активистам.

В итоге 22 мая 2023 г. переговоры провалились. МЧА решила раздавать наличные средства через собственные каналы в обход турецкой федерации, а КАФФЕД выпустила официальное заявление, полностью сняв с себя ответственность за эти операции. Этот кейс доказал, что даже вопросы выживания стали заложниками непреодолимого политического отчуждения [2].

В то время как в руководстве черкесских организаций происходил разрыв, на микроуровне сформировались совершенно новые паттерны взаимодействия. Осенью 2022 г., на фоне мобилизации в России, диаспора в Турции и Грузии взяла на себя прагматичную роль «оператора спасения». В обход официальных институтов (таких как МЧА), в социальных сетях стихийно возникли неформальные сети взаимопомощи. Методы цифровой этнографии показывают эволюцию запросов в этих сетях: если в конце 2022 г. обсуждались способы пересечения границы, то к 2024–2025 гг. фокус сместился на вопросы легализации дипломов, открытия бизнеса и социальной адаптации релокантов.

Параллельно в Европе произошла радикализация политического крыла диаспоры. Новые структуры перешли к открытому лоббированию международного признания независимости и деколонизации. Успехом этого вектора стало официальное признание геноцида черкесов Верховной Радой Украины 9 января 2025 г. Ответом Российского государства стало включение этих зарубежных инициатив в списки террористов и экстремистов.

Таким образом, институциональный кризис 2022–2025 гг. знаменует собой завершение этапа попыток интеграции зарубежной черкесской диаспоры в российское политико-правовое поле через формальные структуры. Трансграничное пространство трансформировалось в систему автономных кластеров. Диаспоральные организации, дистанцировавшись от институтов на исторической родине, перешли к стратегии политической автономизации, сконцентрировав усилия на защите этнокультурной идентичности и международном лоббировании. В свою очередь, официальные институты северокавказских республик и МЧА полностью инкорпорировались в общефедеральную повестку, утратив возможность самостоятельной внешнеполитической активности. В долгосрочной перспективе макрополитические институциональные связи будут замещаться микроуровневыми сетями – неформальными культурными и гуманитарными контактами, функционирующими в цифровой среде вне прямого контроля как лоялистских, так и оппозиционных структур.

Источники и литература

1. *Боров А.Х.* «Черкесский вопрос» как историко-политический феномен / Научные доклады Центра социально-политических исследований КБНЦ РАН (№1). Нальчик, 2012.

2. В Адыгее прошло заседании исполкома Международной черкесской ассоциации // Адыгея Сегодня. 2023. 12 июля. URL: https://adigeatoday.ru/news/46748.html (дата обращения: 27.07.2026).

3. В поисках независимых черкесских организаций на Северном Кавказе // Адыгэ Хэку. 2017. 4 февраля. URL: https://aheku.net/news/diaspora/v-poiskax-nezavisimyix-cherkesskix-organizaczij-na-severnom-kavkaze (дата обращения: 27.07.2026).

4. Istanbul Caucasian Association Suspends Relations with KAFFED // Abkhaz World. 2024. 25 January. URL: https://abkhazworld.com/aw/diaspora/2676-ikkd-suspends-relations-with-kaffed (дата обращения: 27.07.2026).

5. *Tsibenko V.* "The War of Conferences" in Russia and Turkey: The Circassian Dimension // Asian Social Science. 2015. Vol. 11 (4). P. 78–87.

Е.М. Горюшина

От территориального к инфраструктурному измерению конфликта: TRIPP в системе региональной безопасности Южного Кавказа

Вторая карабахская война 2020 г. и установление контроля Азербайджана над Нагорным Карабахом в сентябре 2023 г. изменили территориальные условия армяно-азербайджанского конфликта. Политическое урегулирование осталось незавершенным. Спор сосредоточился вокруг межгосударственной границы и режима транспортного сообщения. Право доступа к маршруту стало напрямую зависеть от порядка пограничного контроля и управления инфраструктурой. Наиболее остро эта проблема проявилась в проекте «Путь Трампа к международному миру и процветанию» (Trump Route for International Peace and Prosperity, TRIPP).

Статья рассматривает влияние TRIPP на постконфликтную систему безопасности Южного Кавказа. Рабочая гипотеза состоит в том, что снижение риска силового давления вокруг коммуникаций сопровождается переносом противоречий в правовое и корпоративное регулирование. Спор о территории получает продолжение в спорах о концессионных правах и внешних гарантиях. Инфраструктура понимается как политический порядок, закрепленный в объектах и правилах их эксплуатации [1: 328–331]. Оценка миротворческого эффекта опирается на различие между прекращением прямого насилия и устойчивым урегулированием [12: 183–186].

Пункт 9 трехстороннего заявления России, Армении и Азербайджана от 9 ноября 2020 г. положил начало спору о будущем маршруте. Документ закрепил разблокирование связей и гарантии Армении для сообщения между западными районами Азербайджана и Нахичеванью. Контроль поручался пограничной службе ФСБ России [3], но при этом точный правовой режим сообщения определен не был. В официальном дискурсе Баку закрепилось понятие «Зангезурский коридор», связанное с беспрепятственным движением. Ереван связывал открытие дороги с сохранением армянской юрисдикции. Разное понимание режима контроля стало самостоятельной частью конфликта [2: 123–127].

Вашингтонская декларация от 8 августа 2025 г. изменила основу разблокирования. Армения и Азербайджан подтвердили открытие коммуникаций в рамках государственного суверенитета и юрисдикции. Разработка TRIPP на армянской территории была поручена Еревану и Вашингтону [4]. Российский пограничный механизм в этой схеме отсутствует. Внешняя поддержка проекта реализуется через участие государственной финансовой структуры США в корпоративном управлении. Военная составляющая договоренностей 2020 г. была заменена долгосрочным инвестиционным и регуляторным присутствием [1: 105–111; 5: 141–146].

В январе 2026 г. Армения и США опубликовали рамки реализации TRIPP. Межправительственное соглашение было подписано 1 июня в Вашингтоне и 4 июня в Ереване [6; 11]. К 1 августа оно не вступило в силу. 16 июля правительство Армении одобрило законопроект о ратификации и

направило соглашение в Конституционный суд. Следующим этапом станет рассмотрение в парламенте. Устав TRIPP Development Company (TDC) и акционерное соглашение еще не подписаны [7]. Их содержание фактически распределит корпоративные права; при этом юридическая стадия проекта началась до завершения его институционального оформления.

В июле специалисты AECOM совместно с правительством Армении обследовали предполагаемую площадку инфраструктуры в Сюнике [7]. Баку сообщил о сигналах из Вашингтона относительно начала работ осенью. Азербайджанская сторона также планирует довести собственную инфраструктуру до Зангилана к концу 2026 г. [10]. Эти сообщения подтверждают переход к инженерной подготовке, но при этом публикация результатов обследования пока отсутствует. Также не раскрыты трассировка и стоимость, равно как и сведения о финансировании и операторе.

Рамочное соглашение допускает развитие железнодорожной и автомобильной инфраструктуры. Его действие может быть распространено на энергетику и цифровые сети [11]. Такой охват повышает ценность проекта и увеличивает объем регулируемых отношений. Компания получит права на землю и влияние на тарифный режим. Следует уточнить, что энергетические объекты потребуют отдельного порядка доступа, а цифровая инфраструктура затронет хранение и передачу данных. TRIPP формирует долгосрочный режим связанности на Южном Кавказе, в котором технические решения приобретают политическое значение [1: 99–112].

TDC должна быть зарегистрирована в Армении. Дочерняя структура Международной финансовой корпорации развития США получит 74 % акций. Доля Армении составит 26 %. Исключительные права на использование земли и развитие проектов предоставляются на 49 лет. Продление возможно еще на 50 лет, после чего армянская доля возрастет до 49 % [11]. Конкретные участки будут определены позднее по результатам исследований. Соглашение допускает учет «политических соображений». Данная оговорка расширяет свободу усмотрения сторон и сохраняет неопределенность территориальных пределов проекта.

Соглашение закрепляет суверенитет Армении над территорией TRIPP. За государственными органами остаются пограничный и таможенный контроль. Правоохранительные решения и доступ к государственным информационным системам также принадлежат Армении. Практическое содержание этих полномочий зависит от корпоративных и концессионных документов. Армения обязуется за свой счет обеспечить права на землю и предоставить TDC исключительный режим работы. Для исполнения соглашения потребуется скорректировать правоприменительную практику в сфере акционерных обществ и государственных закупок. Отдельные отступления предусмотрены для государственно-частного партнерства [11]. При коллизии будет применяться межправительственное соглашение, а территориальная юрисдикция сохраняется в условиях заранее установленного ограничения регуляторной свободы.

Уже сейчас очевидно, что объем обязательств распределен неравномерно. Армения должна предоставить землю и разрешения. На нее возложена адаптация законодательства и заключение концессий. Американская

сторона связывает содействие финансированию с наличием средств и внутренними требованиями США. Соглашение освобождает от налогообложения в Армении часть операций с акциями и передачей прав [11]. Владение 26 % акций само по себе не определяет экономическую отдачу Еревана, поскольку ее реальный объем будет установлен коммерческими документами. Пока неизвестны тарифная модель и порядок распределения прибыли, при этом требования к участию армянских компаний в подрядных работах не опубликованы.

Частные операторы должны выполнять функции «фронт-офиса» на границе. Государственные решения будут приниматься армянским «бэк-офисом», который сохраняет контроль над базами данных [11]. Подобная схема ускоряет оформление грузов и разделяет функции обслуживания грузопотока и осуществления властных полномочий. Ее устойчивость зависит от точного распределения ответственности. Ошибка частного оператора может повлечь межгосударственный спор. Передача информации Азербайджану потребует ясного правового основания, а порядок остановки движения при инциденте также должен быть заранее закреплен. В постконфликтной среде Южного Кавказа качество этих процедур непосредственно влияет на всю региональную безопасность.

Соглашение также ограничивает урегулирование споров консультациями. Обязательный арбитраж в нем не предусмотрен [11]. Разногласия могут затронуть отношения государств и деятельность всего TDC. Отдельный уровень образуют концессионные договоры. Акционерное соглашение предполагается подчинить праву США и штата Нью-Йорк. Устав TDC будет регулироваться армянским правом. Применение двух правопорядков создает риск конкуренции юрисдикций. Важно подчеркнуть, что правовые последствия прекращения рамочного соглашения для действующих концессий пока тоже не определены.

Таким образом, Азербайджан устанавливает прямое транспортное сообщение с Нахичеванью и укрепляет свои позиции в рамках Транскаспийского международного транспортного маршрута (ТМТМ, или Срединный коридор). Для Армении согласованный маршрут TRIPP сопряжен с перспективой преодоления транспортной изоляции и реализацией проекта «Перекресток мира». Однако принцип взаимности зафиксирован лишь в общем виде: юридически обязывающие положения, гарантирующие Армении доступ к коммуникациям через территорию Азербайджана, пока отсутствуют. В отличие от этого, маршрут через Сюник обладает конкретными правовыми очертаниями. Следовательно, возможности Еревана напрямую обусловлены будущими договоренностями и общим состоянием двусторонних отношений. Подобная асимметрия превращает итоговое распределение выгод в предмет дальнейших переговоров.

Россия не представлена в структуре TDC. При этом железнодорожная сеть Армении остаётся в концессионном управлении дочерней компании ОАО «РЖД». В июле 2026 г. Ереван подтвердил сохранение действующего концессионного соглашения и продолжение консультаций с российской стороной [9]. Таким образом, договорное присутствие России в смежной инфраструктуре сохраняет важное значение для реализации маршрута TRIPP.

Турция, в свою очередь, заинтересована в обеспечении западного выхода транспортного коридора. В апреле армяно-турецкая рабочая группа провела обсуждение перспектив восстановления железнодорожной линии Карс – Гюмри [14]. Подготовка данной железной дороги формирует техническую основу для будущего сообщения, однако открытие границы остается предметом отдельного политического решения.

Иран оценивает проект TRIPP прежде всего через призму безопасности армяно-иранской границы и потенциального американского присутствия в Сюникской области. Тегеран официально признал сохранение армянской юрисдикции над маршрутом и отказ от экстерриториальной модели. Вместе с тем опасения относительно долгосрочной роли США сохраняются [8]. Следует отметить, что соглашение не предусматривает размещения американских вооруженных сил. Оно допускает привлечение частных охранных структур, действующих по армянской лицензии, а также сотрудничество с США в сфере модернизации пограничной безопасности [11]. Для Ирана решающее значение будут иметь состав операторов и регламент охраны. Формальное признание армянского суверенитета не решает проблему фактического военно-политического или коммерческого присутствия внешнего участника.

Проект TRIPP способен повысить экономическую цену эскалации, поскольку инвесторы заинтересованы в предсказуемом движении грузов и сохранности вложений. Ограниченное возобновление торговли уже продемонстрировало возможность налаживания хозяйственных связей до заключения полноценного мира [10]. Одна лишь физическая взаимосвязанность не порождает мира, ведь ее стабилизирующий потенциал раскрывается исключительно через формализованные и взаимопризнанные регламенты. Слабость нормативного фундамента означает, что любой операционный сбой способен трансформироваться в политический кризис – именно потому, что отсутствует согласованный механизм его деполитизации.

К августу 2026 г. текст мирного договора был парафирован, однако его подписание откладывалось. Азербайджан связывал завершение процесса с пересмотром конституционно-правовых формулировок в Армении [10]. В результате правовое оформление TRIPP опережает заключение общего мирного соглашения. На инфраструктурный проект фактически возлагается задача закрепить прекращение конфликта при отсутствии завершенной договорной основы. Такая последовательность создает уязвимость, поскольку устойчивость нового транспортного режима зависит от политических договоренностей, которые еще не получили обязательной юридической формы. В терминах Й. Галтунга TRIPP способствует сохранению «негативного мира», основанного на отсутствии прямого насилия, но не решает проблему институционального доверия между сторонами [12].

TRIPP переносит армяно-азербайджанский конфликт в сферу управления инфраструктурой. Риск силового установления режима сообщения снижается, однако спор о контроле сохраняется. Его содержание будет определяться решениями, которые пока не приняты. Акционерное соглашение должно установить соотношение полномочий внутри компании TDC. Концессионные договоры определят режим использования земли, распределение доходов и пределы участия армянских государственных органов. Наря-

ду с этим правила обмена данными и обеспечения безопасности покажут, насколько полно юрисдикция Армении будет действовать на территории маршрута. Стабилизирующий потенциал TRIPP зависит от завершения мирного договора, делимитации границы и юридического закрепления взаимного доступа к коммуникациям. Пока эти условия не выполнены, проект способен упорядочить отдельные последствия конфликта, но не устранить его политические основания. В этом состоит его главная институциональная проблема.

Источники и литература

1. *Давтян В.С., Горюшина Е.М.* Транспортная реконфигурация на Южном Кавказе: «Маршрут Трампа» как фактор влияния // Россия и новые государства Евразии. 2026. № 1. С. 99–112.

2. *Давтян В.С., Маргарян Н.И.* Транспортные коммуникации Южного Кавказа после войны в Нагорном Карабахе // Россия и новые государства Евразии. 2022. № 1. С. 123–135.

3. Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // Президент России. 2020. 10 ноября. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/64384 (дата обращения: 01.08.2026).

4. Подписана Совместная декларация относительно встречи Президента Азербайджана и премьер-министра Армении в Вашингтоне // Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев. 2025. 9 августа. URL: https://president.az/ru/articles/view/69572 (дата обращения: 01.08.2026).

5. *Растольцев С.В.* Проект «Маршрут Трампа»: проблемы и перспективы // Россия и новые государства Евразии. 2025. № 4. С. 134–150.

6. Совместное заявление о публикации рамок реализации проекта TRIPP // Министерство иностранных дел Республики Армения. 2026. 14 января. URL: https://www.mfa.am/ru/press-releases/2026/01/14/TRIPP/13721 (дата обращения: 01.08.2026).

7. AECOM Delegation Surveys Future TRIPP // Hetq. Site in Armenia investigative journalists. 2026. July 10. URL: https://hetq.am/en/article/182611 (дата обращения: 01.08.2026).

8. Armenia says it has respected Iran's red lines: Araghchi // Mehr News Agency. 2025. August 15. URL: https://en.mehrnews.com/news/235399/Armenia-says-it-has-respected-Iran-s-red-lines-Araghchi (дата обращения: 01.08.2026).

9. Armenia to restore key railway sections – Pashinyan // Public Radio of Armenia. 2026. July 2. URL: https://en.armradio.am/2026/07/02/armenia-to-restore-key-railway-sections-pashinyan (дата обращения: 01.08.2026).

10. Azerbaijan at «real peace» with Armenia but wants it to change constitution // Reuters. 2026. July, 16. URL: https://www.reuters.com/world/azerbaijan-real-peace-with-armenia-wants-it-change-constitution-2026-07-16/ (дата обращения: 01.08.2026).

11. Framework Agreement between the Republic of Armenia and the United States of America on Strategic Cooperation Concerning TRIPP // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Armenia. 2026. May 26. URL: https://www.mfa.am/en/press-releases/2026/05/26/TRIPP_Framework/13971 (дата обращения: 01.08.2026).

12. *Galtung J.* Violence, Peace, and Peace Research // Journal of Peace Research. 1969. Vol. 6. No. 3. P. 167–191.

13. *Larkin B.* The Politics and Poetics of Infrastructure // Annual Review of Anthropology. 2013. Vol. 42. P. 327–343.

14. Regarding the Türkiye – Armenia Joint Working Group on the Kars–Gyumri Railway // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Türkiye. 2026. April, 28. URL:

https://www.mfa.gov.tr/no_-78_-kars-gumru-demiryolunun-rehabilitasyonu-ve-faaliyete-gecirilmesi-amaciyla-olusturulan-turkiye-ile-ermenistan-arasindaki-ortak-calisma-grubunun-toplantisi-hk.en.mfa (дата обращения: 01.08.2026).

15. The Government launches the process of ratifying the framework agreement on the TRIPP Project // The Government of the Republic of Armenia. 2026. July, 16. URL: https://www.gov.am/en/news/item/10789/ (дата обращения: 01.08.2026).

А.Т. Сихарулидзе, Н.А. Скворцова

Дилемма Грузии между западным и тюркским мирами: декларируемая европейская интеграция и фактическая регионализация курса

В экспертном и академическом дискурсе внешняя политика Грузии после 2024 г. нередко интерпретируется через призму бинарной оппозиции «Европа – незападные центры силы». Однако применительно к турецкому направлению подобная дихотомия представляется упрощенной. Сохраняя статус кандидата на вступление в Европейский союз (далее – ЕС), Грузия одновременно наращивает торгово-экономическую и инфраструктурную связанность с Турцией и Азербайджаном. При этом ЕС и Турция функционируют не как равнозначные центры притяжения, а как качественно различные механизмы внешнего включения: европейское направление задает институционально-нормативную рамку, тогда как тюркско-региональное опирается на геоэкономические и инфраструктурные факторы. Обозначенная в заголовке дилемма рассматривается в настоящей статье как исследовательская гипотеза, требующая эмпирической верификации. Ключевой вопрос состоит в том, свидетельствует ли усиление связей Грузии с Турцией и Азербайджаном о регионализации ее внешнеполитического курса либо отражает функциональное разграничение институциональных и геоэкономических направлений взаимодействия.

Верификация данной гипотезы требует концептуального разграничения трех стратегий: переориентации (изменение иерархии политических обязательств), многовекторности (расширение круга партнеров без отказа от институциональных обязательств) и хеджирования (страхование внешнеполитических рисков) [6]. Эмпирическую базу анализа составляют три группы индикаторов: институциональный статус, торговля и прямые инвестиции, транспортно-энергетические проекты. Хронологический акцент сделан на периоде с 2024 г. по первую половину 2026 г., когда процесс вступления в ЕС остановился, а роль Турции в грузинской экономике и инфраструктуре сохранилась. Используются документы ЕС, Организации тюркских государств (далее – ОТГ), Министерства транспорта и инфраструктуры Турции, Национальной службы статистики Грузии, Всемирного банка и исследования грузинской внешней политики [1; 4; 5; 7; 8; 9].

Перед таким сопоставлением необходимо уточнить, что в статье понимается под «тюркским вектором». Речь идет о включении Грузии в региональные цепочки, которые соединяют Турцию, Азербайджан и Цен-

тральную Азию. Оно не обозначает этническую, конфессиональную или институциональную принадлежность Грузии к тюркскому миру. Такое разграничение важно, поскольку Грузии нет ни среди пяти государств-членов, ни среди наблюдателей ОТГ. Российское и китайское направления также влияют на внешнюю политику Грузии, но остаются за рамками статьи, поскольку ее задача – сопоставить именно европейский институциональный и турецко-региональный геоэкономический контуры.

С учетом этого разграничения европейское и турецкое направления следует рассматривать на разных уровнях. Институциональная связь Тбилиси с ЕС сохраняется. Соглашение об ассоциации было подписано в 2014 г.; заявка на членство подана в марте 2022 г.; а в декабре 2023 г. Грузия получила статус кандидата. Однако в июне 2024 г. ЕС указал, что курс грузинского правительства фактически остановил процесс вступления. 28 ноября 2024 г. премьер-министр И. Кобахидзе объявил, что Тбилиси не будет добиваться открытия переговоров до конца 2028 г. В ежегодной оценке за 2025 г. институты ЕС вновь констатировали, что процесс остается фактически остановленным. Кандидатский статус сохранился, но перестал сопровождаться движением к следующему этапу [1].

Остановка переговорного процесса не означает исчезновения западного направления. ЕС сохраняет позиции крупнейшего торгового партнера Грузии (рассматриваемого как единое целое), предоставляет около 85 млн евро грантовой помощи в год и связывает финансирование с реформами, верховенством права и защитой прав человека. Через Экономический и инвестиционный план в стране было мобилизовано 2,1 млрд евро государственных и частных вложений [1]. Западный вектор поэтому сохраняет институциональную глубину, но его доступность зависит от выполнения политических условий.

Сформировавшаяся ситуация не является ни полным разрывом, ни полноценной интеграцией. Брюссель формально не отозвал европейскую перспективу, а Тбилиси не аннулировал заявку на членство. Возникшая пауза привела к формированию специфического промежуточного состояния: при сохранении символической приверженности европейскому выбору практическая внешняя политика все больше переориентируется на партнеров, не выдвигающих сопоставимых требований к внутренним реформам.

Экономическая сторона этого промежуточного курса особенно заметна в отношениях с Турцией. В январе–июне 2026 г. она сохранила первое место среди торговых партнеров Грузии, если сравнивать отдельные государства: оборот составил 1 659,4 млн долларов, или 12,8 % внешней торговли. Структура обмена остается асимметричной: импорт из Турции достиг 1 392,3 млн долларов, экспорт из Грузии – 267,1 млн [4: 10]. Инвестиционная картина менее устойчива. По предварительным данным за первый квартал 2026 г., общий объем прямых иностранных инвестиций составил 271,2 млн долларов, однако Турция не вошла в десятку крупнейших инвесторов. Лидировали Великобритания, США и Нидерланды [5: 5–6]. Подобная диспропорция свидетельствует о том, что турецкое присутствие базируется преимущественно на торговле и инфраструктуре, а не на неизменно высоком месте в инвестиционном рейтинге.

При этом полугодовые показатели торговли и квартальные данные об инвестициях отражают лишь текущий срез отношений. Более долгосрочную взаимозависимость создает транспортная инфраструктура. Железная дорога Баку – Тбилиси – Карс соединяет грузинскую сеть с Турцией, а через Каспийское море – с Центральной Азией. Линия эксплуатировалась с 2017 г., а 2 июня 2026 г. в Ахалкалаки состоялась церемония ее полного официального открытия после завершения инфраструктурных работ на грузинском участке [8]. Во Всемирном банке этот маршрут рассматривают как часть Среднего коридора. Его дальнейшее развитие зависит уже не только от состояния путей, но и от согласованных тарифов, цифрового обмена данными, пограничных процедур и единого управления [7: 48–52, 62].

Транспортная взаимозависимость дополняется энергетической, построенной по сходной логике. Южнокавказский газопровод проходит через Азербайджан и Грузию к турецкой границе, далее соединяется с Трансанатолийским и Трансадриатическим газопроводами. Совокупная стоимость проектов Южного газового коридора оценивается примерно в 40 млрд долларов, а протяженность новых участков превышает 3 200 км [9]. Грузия не входит в тюркскую организацию, но ее территория встроена в общую систему поставок.

Совокупность транспортных и энергетических проектов демонстрирует, что турецкий вектор нельзя редуцировать исключительно к показателям двусторонней торговли. Оно закреплено в активах, срок службы которых измеряется десятилетиями: железных дорогах, трубопроводах, пограничных узлах и логистических центрах. Полное официальное открытие линии Баку – Тбилиси – Карс в июне 2026 г. не создало эту взаимозависимость заново, а завершило очередной этап ее инфраструктурного закрепления. Такая инфраструктура не предопределяет политическую лояльность, но повышает стоимость резкого изменения курса. Эти связи сложились задолго до 2024 г. Остановка европейского процесса сделала их политическое значение заметнее.

В сложившихся условиях западный и турецко-региональный векторы не являются ни равнозначными, ни строго взаимоисключающими. Западное направление задает правовой статус, язык реформ и внешнеполитическую легитимность. Турецко-региональное направление обеспечивает значительную часть товарного обмена и связывает Грузию с восточно-западной транспортно-энергетической системой. Поскольку проходящая через Турцию инфраструктура соединяет Грузию и с европейскими рынками, эти контуры не только расходятся, но и накладываются друг на друга. Политическая условность действует на одном уровне, коммерческие договоренности и инфраструктурная совместимость – на другом (см. таблицу 1).

Сведенные в таблице 1 различия также показывают, почему понятие «цивилизационный разворот» дает слабое объяснение. Оно объединяет идентичность, институты и инфраструктуру, хотя эти уровни не совпадают и не образуют жесткого противопоставления. На уровне самоопределения и официальной цели европейский курс не отменен. На уровне торговли и материальных сетей регионализация уже состоялась. На уровне ОТГ политической интеграции нет.

Таблица 1

Западное и турецко-региональное измерения внешней политики Грузии

Параметр	Западный вектор	Турецко-региональный вектор
Статус	Статус кандидата в ЕС сохраняется; процесс вступления фактически остановлен с 2024 г.	Грузия не является членом или наблюдателем ОТГ; сотрудничество идет в двустороннем и трехстороннем форматах.
Торговля и инвестиции	ЕС остается крупнейшим партнером как объединение государств и источником обусловленного реформами финансирования.	Турция – крупнейший партнер среди отдельных государств в январе–июне 2026 г.; в I квартале 2026 г. не вошла в десятку крупнейших источников прямых иностранных инвестиций.
Инфраструктура	Финансирование реформ, транспортных проектов и соединения энергосистем через Черное море.	Линия Баку – Тбилиси – Карс, Средний коридор и общая логистическая сеть с Азербайджаном и Турцией; 2 июня 2026 г. в Ахалкалаки состоялось полное официальное открытие линии.
Энергетика	ЕС выступает конечным рынком и участником проектов диверсификации поставок.	Южнокавказский, Трансанатолийский и Трансадриатический газопроводы образуют единую цепочку через Турцию.
Политическая логика	Доступ к следующему этапу интеграции зависит от внутренних реформ.	Экономическое сотрудничество не предполагает членства Грузии в тюркских институтах.

Составлено авторами по: [1; 4; 5; 7; 8; 9].

То же расхождение присутствует и в грузинской академической дискуссии. Его описывают через переход от «радикальной европейскости», при которой ориентация на Запад превращается из инструмента в самоцель, к «грузинофилии» – поиску более самостоятельного политического самосознания [2: 91–108; 3: 109–120]. Эта интерпретация лучше объясняет риторику суверенитета, чем тезис о вступлении Грузии в тюркский мир. Однако она не снимает вопрос о последствиях: многовекторность расширяет набор партнеров, но инфраструктурная зависимость может со временем сузить свободу маневра.

Результаты проведенного анализа не подтверждают тезис о взаимоисключающем характере выбора между западной и тюркско-региональной ориентацией. Обозначенная дилемма оказывается во многом мнимой: европейская институциональная направленность и региональная геоэкономическая

связанность сосуществуют, не формируя двух альтернативных внешнеполитических курсов. После приостановки переговорного процесса с ЕС в 2024 г. западное направление сохранило функции правовой и символической рамки, однако утратило монополию на определение практических возможностей. Сложившиеся ранее связи с Турцией не заместили европейский вектор, но приобрели больший удельный вес в геоэкономической конфигурации страны.

В этой связи корректнее говорить не о «тюркизации» внешней политики Грузии, а о расхождении между институциональной целью и геоэкономической практикой. Текущая ситуация в большей степени соответствует стратегии хеджирования, нежели изменению иерархии внешнеполитических приоритетов. Пока Тбилиси не претендует на членство в ОТГ и формально не отказывается от европейской перспективы, тезис о цивилизационной переориентации представляется преждевременным. Реальный сдвиг происходит на инфраструктурном уровне: транспортные и энергетические решения закрепляют региональную взаимозависимость быстрее, чем трансформируются официальные доктрины.

Кейс Грузии иллюстрирует характерное для эпохи фрагментации международного порядка расхождение между институциональной ориентацией малого государства и его фактической геоэкономической конфигурацией. В случае затягивания паузы в отношениях с ЕС именно материальная инерция инфраструктурных связей, а не формальная смена идентичности, будет определять пределы грузинской многовекторности.

Источники и литература

1. Грузия // Европейский совет, Совет Европейского союза. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/georgia/ (дата обращения: 31.07.2026).

2. *Сихарулидзе А.Т.* Грузия за пределами «радикальной европеизации»: нераскрытые направления внешней политики // Международная аналитика. 2020. Т. 11. № 2. С. 91–108.

3. *Сихарулидзе А.Т.* Развитие политического самосознания в Грузии // Россия и новые государства Евразии. 2024. № 3 (64). С. 109–121.

4. External merchandise trade of Georgia January-June-2026. 20.07.2026. URL: https://www.geostat.ge/media/81249/External-Merchandise-Trade-of-Georgia---January-June-2026.pdf (дата обращения: 31.07.2026).

5. Foreign direct investments Q1 2026. 09.06.2026. URL: https://www.geostat.ge/media/79831/Foreign-Direct-Investments---Q1-2026.pdf (дата обращения: 31.07.2026).

6. *Kakachia K., Lebanidze B., Kakabadze S.* Transactional hedging versus value-based hedging: how small frontline states balance between European integration and Russian influence // European Security. 2024. Vol. 33. No. 4. P. 594–614.

7. Middle Trade and Transport Corridor: Policies and Investments to Triple Freight Volumes and Halve Travel Time by 2030. Washington, 2023. URL: https://thedocs.worldbank.org/en/doc/6248f697aed4be0f770d319dcaa4ca52-0080062023/original/Middle-Trade-and-Transport-Corridor-World-Bank-FINAL.pdf (дата обращения: 31.07.2026).

8. Orta Koridor'a Bakü-Tiflis-Kars Desteği // T.C. Ulaştırma ve Altyapı Bakanlığı. 2026. Haziran, 2. URL: https://www.uab.gov.tr/haberler/orta-koridor-a-bakue-tiflis-kars-destegi/ (дата обращения: 31.07.2026).

9. The Southern Gas Corridor // TANAP. URL: https://www.tanap.com/en/southern-gas-corridor (дата обращения: 31.07.2026).

Н.В. Терещенко

К вопросу о статусе русского языка в отдельных странах Южного Кавказа

Ситуация со статусом русского языка в Азербайджане, Армении и Грузии динамичная, и в последние годы в некоторых государствах наблюдаются тенденции к усилению роли титульного языка, поэтому важно смотреть не только на буквы закона, но и на практику.

1. Статус русского языка в государстве

Азербайджан. В Конституции русский язык отдельного статуса не имеет. При этом статья 21 гарантирует свободное использование и развитие других языков, на которых говорит население. На практике русский сохраняет функциональную роль, но в последние годы идут дискуссии и отдельные шаги по усилению позиций азербайджанского языка (например, перевод преподавания отдельных предметов на государственный язык).

Армения. В Конституции статус русского языка прямо не закреплен. Однако Закон «О языке» (1993) гарантирует свободное использование языков национальных меньшинств. Более того: в 2002 г. Армения ратифицировала Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств. В рамках этого шага Национальное собрание специально определило, что к языкам меньшинств в стране относятся, в частности, русский, греческий, курдский, езидский и ассирийский.

Грузия. В Конституции статус русского языка также не закреплен. После вступления в Совет Европы Грузия взяла на себя обязательство ратифицировать Европейскую хартию, но пока этого не сделала. В законе «Об общем образовании» (2005) закреплено: граждане, для которых грузинский язык не является родным, имеют право получить полное общее образование на своём родном языке в соответствии с национальным учебным планом. При этом в общеобразовательном учреждении обязательно изучение государственного языка.

2. Права национальных (языковых) меньшинств на образование на родном языке

Во всех трех странах законодательство в той или иной форме гарантирует такое право, но с важными оговорками.

Азербайджан. Закон «Об образовании» (2009) устанавливает, что преподавание ведется на азербайджанском языке, но обучение на других языках возможно на основе государственных образовательных стандартов с учётом пожеланий граждан и учебных заведений. На практике это реализуется через существование русскоязычных школ и «русских секторов» в смешанных школах.

Армения. Согласно Закону «Об общем образовании», в общинах национальных меньшинств общее образование и воспитание могут организовы-

вать на родном языке – но при обязательном изучении армянского языка. Государство поддерживает создание таких классов и школ, разрабатывает учебные планы и печатает учебники.

Грузия. Как уже отмечено, закон «Об общем образовании» прямо предусматривает право на образование на родном языке для тех, для кого государственный язык не является родным. Однако на практике в последние годы усиливаются требования: негрузинские школы должны соответствовать общенациональной программе, и ряд предметов (история, география, общественные науки) в них предписано преподавать на грузинском языке.

3. Условия деятельности и финансирования русскоязычных образовательных организаций

Здесь картина тоже неоднородна.

Азербайджан. Русскоязычные школы и классы существуют. Финансирование в значительной степени идет из государственного бюджета. При этом в обществе и среди экспертов ведутся дискуссии: часть специалистов считает, что содержание таких структур за счет государства стратегически неоправданно, и предлагает применять к ним те же принципы, что и к обучению другим иностранным языкам (т.е. на платной основе).

Армения. Государство активно поддерживает создание и работу образовательных организаций и классов с обучением на языках меньшинств (включая русский): разрабатывает программы, обеспечивает учебниками, финансирует.

Грузия. Деятельность русскоязычных образовательных организаций также возможна, но их функционирование тесно связано с выполнением общенациональных требований (в первую очередь – преподавание ряда дисциплин на грузинском). Прямого государственного финансирования именно «русскоязычных» организаций как отдельной категории нет – поддержка идёт в рамках общих программ для образования на языках меньшинств.

Международно-правовые акты.

Ключевой документ здесь – Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств (1992). Армения ее ратифицировала, что налагает на страну дополнительные международные обязательства по защите и продвижению языков меньшинств, в том числе в сфере образования. Грузия и Азербайджан Хартию пока не ратифицировали. Также в целом для всех стран региона важны универсальные документы: Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция о правах ребёнка, а также Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (Совет Европы).

Вывод

В целом эти страны Южного Кавказа признают право на образование на языке меньшинств, включая русский, но реализация этого права часто сопряжена с условиями (обязательное изучение государственного языка, соответствие общенациональным стандартам). При этом в последние годы в некоторых государствах наблюдаются тенденции к усилению роли титульного языка, что влияет на практику.

Раздел 7. Идентичность, этнокультурное взаимодействие и проблемы сохранения историко-культурного наследия

Д.Э. Оздоев

Роль куначества в истории взаимоотношений вайнахских народов и терского казачества

История Северного Кавказа представляет собой уникальный пример многовекового сосуществования различных этносов, культур и религиозных традиций. В этом сложном полиэтничном пространстве особое место занимали взаимоотношения вайнахских народов – чеченцев и ингушей – с казачеством. Центральным элементом, скреплявшим эти отношения, выступало куначество (от тюрк. кунак, конак – гость) – социальный институт, выражавшийся во взаимных обязательствах двух мужчин (кунаков) в оказании друг другу гостеприимства. Человек, имеющий в чужих краях кунака, мог найти у него не только пищу и кров, но и материальную поддержку, помощь во всех делах, в поиске и наказании кровных врагов и т. д. Обычно кунаками становятся представители различных народов, а также соплеменники, живущие далеко друг от друга.

Цель настоящей работы – на основе анализа исторических источников, исследовательской литературы и личного наблюдения выявить позитивные аспекты куначеских отношений между вайнахами и казаками, показав их роль как фактора стабилизации межэтнических отношений в регионе. Актуальность темы обусловлена не только научным интересом, но и современными попытками использования традиционных институтов кавказских народов для гармонизации межнациональных отношений.

Первые поселения казаков появились на Северном Кавказе в XVI–XVII вв. Называли они себя гребенскими казаками (от слова гребни – горы). Позже в низовьях Терека сформировалось терское казачество. Государство было заинтересовано в переселении казаков на Кавказ для оттока населения из малоземельных центральных губерний на юг и для более прочного закрепления Кавказа за Россией.

В скором времени казаки вступили в тесные взаимоотношения с горцами, между ними возникли хозяйственные и культурные связи. Горские народа перенимали от русских некоторые орудия труда, приемы полеводства, опыт ведения хозяйства. Русские переселенцы также испытывали на себе влияние культур кавказских народов. Менялся облик жилья и одежды. В домах горцев появились русские печи, в домах казаков – настенные ковры,

приобретенные у горцев. Казачки стали носить горскую одежду, но платки продолжали завязывать по-русски. Казаки-мужчины стали также носить черкески и бурки. Культурные заимствования охватывали практически все сферы жизни. Языковой обмен был настолько интенсивным, что в словарном запасе обеих сторон появилось множество заимствований [1].

Но самым значимым во взаимоотношениях между народами было куначество. Следует отметить, что институт куначества сформировался в условиях горно-кавказской социальной структуры как механизм обеспечения безопасности и взаимопомощи в среде, где отсутствовали централизованные государственные структуры. Куначество предполагало наличие специального помещения – кунацкой, которая, по наблюдению М.О. Косвена, «представляла собой либо отдельное строение за оградой усадьбы, либо часть общего жилого дома, именовавшуюся мужской комнатой или помещением для приёма гостей» [7: 122]. Воспитательная и нравственная роль кунацких была исключительно велика. Как отмечают исследователи, «в труднопроходимых условиях горной местности кунацкие превращались в своеобразные информационные центры, в которых шел обмен последними новостями, популяризировались новые идеи, велись беседы на разные темы, пропагандировались нравственные ценности». Молодые люди, с раннего детства присутствуя в кунацкой, «узнавали мудрость национального этикета, учились обслуживать гостей, знакомились с народным творчеством» [3]. Таким образом, куначество выполняло важную образовательно-воспитательную функцию.

Особенностью куначеских отношений между вайнахами и казаками была их двусторонность и глубокое взаимопроникновение. Современники отмечали, что казаки, «живя между чеченцами, перероднились с ними и усвоили обычай, образ жизни, нравы горцев» [8: 52].

Особой формой куначеских отношений было аталычество, обычай передачи детей на воспитание в другую семью, которая часто была связана с семьёй кунака. Как отмечают исследователи, «межнациональное аталычество получило достаточно широкое распространение у казаков кавказского линейного войска, которые отдавали своих детей на воспитание в семьи кумыков, чеченцев, черкесов для обучения языку, традициям и обычаям». Этот институт функционировал в обе стороны. Исторические источники свидетельствуют, что «чеченцы посылали своих детей в русские станицы для обучения их русскому языку, а казаки гребенских станиц отправляли своих детей к горцам-кунакам для обучения их языку чеченскому». Известный дореволюционный чеченский этнограф Умалат Лаудаев изучал русский язык в станице гребенских казаков перед поступлением в Петербургский кадетский корпус [5].

Этнографические материалы фиксируют многочисленные случаи воспитания детей в казачьих семьях. По данным полевых исследований, «в станице Наурской бывало, что в семье казака воспитывался сирота-ногаец, калмык или горец. Повзрослев, такие лица получали все казачьи права, становились настоящими казаками и за них могли выйти замуж девушки-казачки» [8: 53]. В краеведческом музее станицы Екатериноградской сохранились документы и фотографии, свидетельствующие о том, что пред-

ставители горских народов, воспитанные в казачьих семьях, впоследствии занимали высокие должности, в том числе командовали национальными полками русской армии [1].

Узами дружбы многих горцев и казаков скрепило в XIX – начале XX вв. военное боевое братство. Генерал Эльберт Нальчиев, полковник Николай Альдиев, подполковник Герберт Ахриев, Шамиль Батыров и десятки других офицеров прошли школу военной науки именно в казачьих войсках.

Наиболее удивительным феноменом является сохранение и даже активизация куначеских отношений в период Кавказской войны (1817–1864), когда казачество по воле царского правительства оказалось втянуто в затяжной военный конфликт. Масштабы этого явления были столь значительны, что во второй половине XIX в. на казачьих сходах неоднократно ставился вопрос о его запрете. Попытки властей пресечь куначество свидетельствуют о том, что этот институт воспринимался как угроза военной дисциплине и имперской политике на Кавказе. Показательным примером сохранения куначеского долга служит трагическая история аула Дади-Юрт. 16 сентября 1819 г. казаки, верные кунаки чеченцев, жившие на левом берегу Терека, ночью прислали гонца с известием, что аул на рассвете будет уничтожен. Когда старейшины поблагодарили вестового и попросили его покинуть село, казак ответил: «Останусь с вами до последнего. Истинные казаки не бросают друзей в беде». На рассвете аул был сожжен, население уничтожено, вместе с ними погиб и казак» [4].

Куначество обеспечивало и продолжение экономических связей даже в условиях войны. Исследователь Х.А. Хизриев приводит данные о торговле лесоматериалами и изделиями из дерева между чеченцами и казаками на Моздокском меновом дворе в 1851 г., когда только за один год чеченцы продали товаров на сумму около 12 тыс. руб. Ассортимент включал доски, брусья, столбы, плетни, жерди, дрова, лодки, арбы и колеса. Этот факт свидетельствует, что «куначеские связи горцев и казаков не прерывались даже в условиях Кавказской войны» [9].

Куначество служило также каналом выкупа пленных и обмена информацией. Как отмечают исследователи, «несмотря на боевые действия, частично сохранялись былые куначеские связи, позволявшие, например, налаживать обмен и выкуп пленных». В фольклоре обеих сторон сформировался «уважительный образ кунака, соседа и даже противника» [10]. Институт куначества выступал важнейшим механизмом народной дипломатии, обеспечивавшим стабильность в регионе. Куначество «способствовало смягчению противостояния, налаживанию дружеских, толерантных отношений в регионе» и являлось «одной из важных форм народной дипломатии» [8: 54].

Куначество устанавливалось у горцев не только с казаками, но и с офицерами русской армии. Известный геодезист и топограф И.Ф. Бларамберг, служивший на Кавказе в 1830-е гг., отмечал, что русские «на пограничных с Кавказским хребтом районах, имеют кунаков среди черкесов, чеченцев и других народностей и поддерживают с ними дружеские отношения в мирное время» [2].

В советский период куначество не исчезло, а трансформировалось, вписавшись в новую систему общественных отношений. Несмотря на идеологическое давление и перемены в быту, в ряде кавказских республик куначеские

отношения продолжали существовать как личная традиция: люди по-прежнему поддерживали старых кунаков, помогали родственникам и соседям, сохраняли нормы гостеприимства. В некоторых семьях куначество даже передавалось по наследству: дети и внуки продолжали поддерживать связь с кунаками родителей. Так, в станице Слепцовской (ныне город Сунжа) в отношениях дружбы и куначества состояли соседи Штейниковы и Оздоевы.

В постсоветский период институт куначества переживает определенное возрождение как элемент государственной национальной политики на Северном Кавказе. С 2009 г. в Кабардино-Балкарии реализуется молодежный проект «Куначество», в рамках которого молодые люди разных национальностей живут в семьях представителей других этносов, знакомясь «изнутри» с обычаями и традициями народов.

В 2011 г. в Карачаево-Черкесии был объявлен год куначества, разработан «Кодекс кунака», заключены договоры об установлении куначеских связей между населёнными пунктами. Современные культурные проекты также активно используют эту традицию. В 2012 г. в Грозном стартовала программа «Кунаки», «пронизанная идеей о том, что казаки России и народы Кавказа за века совместной истории выработали традиции куначества, народной дипломатии, добрососедства, уважительного отношения к другому народу» [11].

Как подчеркивают современные исследователи, «традиции гостеприимства и куначества остаются органической частью культуры и быта народов Северного Кавказа. Они являются ядром менталитета и механизмом народной дипломатии, имеют неограниченные ресурсы в сфере межэтнических коммуникаций и сохранения доверия между народами» [6].

Институт куначества в истории взаимоотношений вайнахов и казачества представляет собой уникальный пример эффективного межкультурного взаимодействия, обеспечивавшего стабильность в одном из самых сложных в этническом отношении регионов России.

Источники и литература

1. *Ахмадова Т.Х.* Этнографический материал в повести Л.Н. Толстого «Казаки» // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 532–534.

2. *Бларамберг И.Ф.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М., 1999.

3. *Блейх Н.О.* Институт куначества – важный нравственно-этический императив в системе воспитания кавказских народов феодальной эпохи (XVI–XIX вв.) // Кавказский диалог. Сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции (20-24 ноября 2023 года). Невинномысск, 2023. С. 117–122.

4. *Гарсаев Л.М.* Россия и Чечня: этапы многовекового содружества // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2015. № 4. С. 49–53.

5. *Данилова Е.Н., Заседателева Л.Б.* Влияние традиций северокавказских народов на семью и семейный быт славянского населения Северного Кавказа // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2016. №. 20. С. 1–20. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-traditsiy-severokavkazskih-narodov-na-semyu-i-semeynyy-byt-slavyanskogo-naseleniya-severnogo-kavkaza#3#2. (дата обращения: 10.08.2026).

6. *Казиев Ш.М., Карпеев И.В.* Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М., 2003.

7. *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961.
8. *Мациевский Г.О.* Исторический опыт добрососедских отношений народов Кубани // Современные исследования социальных проблем. 2016. №3–2 (27). С. 52–68.
9. *Хизриев Х.А.* Торговля чеченцев с казаками лесоматериалами и изделиями из дерева в период Кавказской войны// Сборник научных трудов АН ЧР и КНИИ РАН, № 8. Грозный, 2019. С. 175–184.
10. *Хаидов И.* М. Русский фронтир на Тереке: опыт взаимодействия терских казаков и горцев Северо-Восточного Кавказа в XIX веке: дис… канд. ист. наук. Грозный, 2026.
11. Программа «Кунаки» в Грозном 29.02.2012: Ансамбль «Вайнах» и «Кубанский казачий хор» // Чеченская Республика Сегодня. 2012. 3 марта. URL: https://chechnyatoday.com/news/19286?ysclid=mtval6ogss137876351 (дата обращения: 12.08.2026).

М.-П.Б. Абдусаламов, С.М. Багаутдинов

Кумыкский язык как lingua franka в межнациональной коммуникации на Северном Кавказе: исторический аспект

Кумыкский язык – язык одного из коренных народов Дагестана, Чечни и Северной Осетии, относится к кипчакской группе тюркских языков. Однако обладает отдельными признаками, роднящими его с тюркскими языками огузской группы. По мнению советского лингвиста-тюрколога Н.А. Баскакова, кумыкский язык в своей основе имеет общие исторически отложившиеся булгарские, хазарские и главным образом позднейшие кипчакские (половецкие) черты [3: 272]. Он же отмечал, что кумыкский язык возник до прихода монголов в Европу в результате смешения кипчакских и огузских племен [3: 278]. Наиболее близки к кумыкскому языку карачаево-балкарский, крымско-татарский, крымчакский и караимские языки.

По данным различных авторов, кумыкский язык был официальным языком переписки народов Северного Кавказа с представителями российской администрации в XIX столетии, изучался в училищах и гимназиях Кизляра, Темир-Хан-Шуры, Владикавказа, Моздока, Ставрополя и других городов. В 1917–1918 гг. на национальных съездах народов Северного Кавказа кумыкский язык был принят в качестве официального языка.

Вызывает интерес протокол Первого съезда исследователей турецкого языка (1932 г.), где говорилось о Северном Кавказе: «Фактически, деревни (aullar), расположенные всего в нескольких минутах езды друг от друга и не понимающие друг друга, могут общаться только на комукском тюркском языке. Можно сказать, что комукский тюркский язык практически является общим официальным языком Северного Кавказа» [11: 67].

Необходимо отметить, что кумыкский язык выполнял в XVIII–XIX вв. роль lingua franka – языка межнационального общения среди народов северокавказского региона. Роль кумыкского языка в межнациональной коммуникации была обусловлено комплексом географических, исторических, политических и культурных факторов. Говоря о распространенности ку-

мыкского языка в регионе, надо отметить, что салатавские аварцы, кайтагские даргинцы, горские евреи, ингуши, чеченцы, кабардинцы находились в непосредственном соседстве с кумыкскими населенными пунктами. Эти же народы имели традиционные торгово-экономические и военно-политические связи с Кумыкской плоскостью, что, безусловно, способствовало как изучению, использованию языка для общения между собой, так и его распространению. Здесь важно подчеркнуть, что в экономике кумыков важную роль играла торговля. Благодаря своему выгодному географическому положению кумыки держали в своих руках торговлю региона. Через владения кумыкских правителей проходили важнейшие на Восточном Кавказе торговые пути, в частности Великий шелковый путь. Кумыкская равнина служила главной житницей для многих районов Дагестана – все это обусловило значительное развитие торговли, экономики [2: 12]. Исторически роль основных торговых центров на Кумыкской плоскости играли Тарки, Эндирей, Аксай, Костек, куда стекались торговые люди не только из всего Дагестана, но и из Ирана, Центральной России, Кабарды, Осетии и т.д. [1: 8]. Как справедливо отмечал выдающийся российский историк-тюрколог В.В. Трепавлов, «в силу такого существенного экономического значения Северного Дагестана именно кумыкский язык стал в то время lingua franca на Северо-Восточном Кавказе» [16: 669].

Широкую известность кумыкского языка также следует связывать с доминированием и влиянием на регион Тарковского шаухальства в XV–XVII вв. и Эндиреевского владения в XVII-XVIII вв. Очевидно, не зря турецкий путешественник и ученый-богослов Э. Челеби, посетивший Северный Кавказ в XVII в., свидетельствовал, что Дагестан «расположен у подножья горы Эльбрус и состоит из семи санджаков. Падишахов этих санджаков называют шамхал-ханами. Но хутба здесь читается и на дагестанского шамхала, который, однако, не владеет правом чеканить свою монету» [18: 95, 97]. Приведем замечания и шамхала Сурхая III, который в 1650-е гг. царскому правительству прямо заявлял: «…все Черкасы исстари дагестанские и шевкаловы» [4: 11].

Приведем сведения различных авторов, ярко иллюстрирующих, какую роль играл кумыкский язык в северокавказском регионе. Так, польский ученый и археолог Я. Потоцкий, проехавший почти всю Кавказскую линию от Кизляра до Тамани, сообщал: «Я также изучаю тюркский или кумыкский, на котором говорят от Терека до Дербента» [13: 53].

Политолог и историк Н.С. Трубецкой писал: «Кумыкский язык является “международным” и почти всего Северного Кавказа (от Каспийского моря до Кабарды включительно)» [17: 478]. Советский лингвист-тюрколог А.Н. Кононов подчеркивал, что кумыкский язык являлся древнейшим из тюркских языков Северного Кавказа и для этой части региона, равно как и азербайджанский язык для Закавказья, были своеобразными lingua franka [9: 49]. Следует привести и слова Т.Н. Макарова, письменного переводчика царского командования первой половины XIX в. на Кумыкской плоскости, а также в Ставрополе. Он указывал, что все племена на левом фланге Кавказской линии, кроме своего языка говорят и «по-кумыцки» [15: 4].

«Язык кумыков широко используется в межэтнических контактах», – свидетельствовал в своих мемуарах польский военный времен Кавказской

войны М. Гралевский [7: 88]. Говоря о периоде Кавказской войны, интересно отметить, что имам Шамиль разбирательство дел в своем имамате осуществлял на кумыкском языке. В источнике XIX в. по этому поводу содержится ценная информация: «Татарский язык почти всеобщий на Кавказе, имея преимущество, что на нем пишут не только племена Татарские, но и другие мухаммеданские народы Кавказа. До сих пор, особенно до возмущения в Дагестане и Чечне, все Горные племена считали необходимостию посылать детей своих учиться по-Татарски; даже имам Шамиль у себя чинил суд и расправу на Татарском (Кумыкском) языке» [14].

Венгерский ориенталист и путешественник XIX в. Арминий Вамбери утверждал, что «многие кавказские народы находятся под их (кумыков. – С.Б., М.-П.А.) влиянием и присвоили себе кумыкский язык и религиозным делам обучались у кумыков. Кумыкский язык понимают и частично говорят кабардинские жители гор: Балкара, Безенги, Чегема, Хулама и Урусбия. Также часть чеченцев и лезгин понимает этот язык, и если сегодня русские удивляются, что этот турецкий диалект еще не потерял своего значения, то сами русские являются здесь новичками, в то время как кумыки, принявшие ислам уже в раннем средневековье среди языческих играли роль культуртрегеров, мусульманских миссионеров» [19: 562].

Л. Лопатинский, исследователь XIX в., писал, что язык кумыков «служит языком международных отношений, хотя в последнее время русский язык начинает его замещать в этой роли, проникая все дальше и дальше в горные ущелья Кавказа» [12: 60].

В свете рассматриваемой нами проблемы представляют интерес предложения муллы Х. Утешева руководству Моздокского уездного училища по поводу преподавания кумыкского языка, содержащиеся во «Владикавказских епархиальных ведомостях» за 1910 г.: «В феврале 1852 г. учитель татарского языка и законоучитель мусульманского закона Моздокского уездного училища мулла Хаб. Утешев предлагал свои услуги по преподаванию ученикам общеупотребительных на Кавказе татарского и кумыкского языков за приличное вознаграждение. Начальство училищное отнеслось к этому предложению сочувственно, находя с своей стороны, что знание этих языков… распространенных между всеми племенами Кавказской губернии, облегчит занятие этими языками в семинарии и в случае нужды может даже заменить незнание калмыцкого языка» [5: 676]. По утверждению известного отечественного языковеда, историка-кавказоведа и этнографа А.Н. Генко: «Кумыки выступали, прежде всего, как носители высшей в материальном отношении культуры» [6: 753–754]. Стоит отметить, что влияние кумыкского языка отмечено в политической, географической, строительной, хозяйственно-бытовых сферах населения региона. Особенно примечательно использование слова «юрт» для обозначения жилья и населенных пунктов [11: 68].

Современный исследователь Г.М. Дерлугьян, затрагивая роль как кумыкского, так и татарского языков на Кавказе и за его пределами, писал: «Почти тысячу лет господствовавшие среди народов степи тюркские языки – кумыкский и татарский – служили, подобно суахили в Восточной Африке или французскому среди аристократии Европы, общей Lingua franka на многонациональном Северном Кавказе» [8: 27].

Думается, в заключение не будет лишним привести слова советского востоковеда, академика АН СССР Н.И. Конрада: «История каждого народа всегда связана с историей его соседей, связь эта, конечно, может быть различной и по характеру, и по интенсивности, и по масштабу, но она всегда существует. Поэтому в истории народов действуют факторы, создаваемые именно общностью исторической жизни» [10: 17]. Слова известного ученого справедливы и не потеряли своей актуальности в настоящее время. Различия в языках не являлись препятствием для контактов разных народов Кавказа. Многовековые тесные торгово-экономические, политические, культурные связи между народами региона облегчались посредством языка. В контексте сказанного в историческом прошлом кумыкский язык был *Lingua franka* в межэтнических контактах, как средство коммуникации на Северном Кавказе.

Разумеется, в рамках одной статьи невозможно охватить весь спектр вопросов, связанных с данной проблемой. Это далеко не полный перечень сведений некоторых авторов, подчеркивавших роль кумыкского языка как lingua franka на Северном Кавказе. Но и эти данные проливают свет в изучении обозначенной темы.

Источники и литература

1. *Абдусаламов М.-П.Б.* Роль торговых центров Кумыкии в торгово-экономических связях России с народами Северного Кавказа в XVIII в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. № 2. Т. 4. С. 7–15.

2. *Абдусаламов М.-П.Б.* Экономическое развитие кумыкских феодальных владений в XVIII – начале XIX в. // Омский научный вестник. 2012. № 3 (109). С. 11–15.

3. *Баскаков Н.А.* Введение в изучение тюркских языков. 2-е изд., испр. и доп. М., 1969.

4. *Буканова Р.Г., Абдусаламов М.-П.Б., Игдавлетов И.С., Багаутдинов С.М.* Тарковское шаухальство как форма возрождения кумыкской государственности в постордынский период // Былые годы. 2026. 21(1). С. 5–15.

5. Владикавказские епархиальные ведомости. Владикавказ, 1910. № 19.

6. *Генко А.Н.* Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов. Т. V. Ленинград, 1930. С.681–761.

7. *Гралевский М.* Кавказ. Мемуары о двенадцатилетней неволе. Тбилиси, 2023.

8. *Дерлугьян Г.М.* Адепт Бурдье на Кавказе: Эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М., 2010.

9. *Кононов А.Н.* Из истории кумыкского языкознания // Советская тюркология. Баку, 1982. № 1. С. 48–50.

10. *Конрад Н.И.* Запад и Восток. М., 1972.

11. Кумыкский архив: сборник статей и материалов. Вып. 2. Хасавюрт, 2026.

12. *Лопатинский Л.* Кое-что о кумыках и об их языке // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 17. Тифлис, 1893. Отд. III. С. 60–63.

13. Потоцкий Ян и его «Путешествие в Астраханские и Кавказские степи». Пятигорск, 2003.

14. Русский инвалид. Газета военная, политическая и литературная. СПб., 1853. 5 августа. № 168.

15. Татарская грамматика кавказского наречия. Тифлис, 1848.

16. *Трепавлов В.В.* Неизданные работы. М., 2024.

17. *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. М., 1999.

18. *Челеби Э.* Книга путешествия. Вып. 2. М., 1979.

19. *Vambery H.* Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig, 1885.

Д.Д. Сундуков

Социально-экономические условия формирования патриотического сознания казачества на Северном Кавказе (XVIII–XXI вв.)

В XVIII в. в истории казачества наступил этап, связанный с его системным вовлечением в государственное строительство Российской империи, в том числе на Северном Кавказе. Социально-экономические условия этого периода определялись несколькими взаимосвязанными факторами.

1. *Военной службой* как основой жизнедеятельности. Казачество было призвано выполнять широкий спектр военно-политических задач: охрану границ, участие в военных кампаниях и поддержание порядка на присоединенных территориях. Служба определяла не только правовой статус казаков, но и формировала систему ценностей, в которой долг перед государством, верность присяге и воинская доблесть выступали основополагающими ориентирами, что укрепляло лояльность к империи.

2. *Землевладением и хозяйственной деятельностью.* Наделение землей являлось одной из сословных привилегий и экономической основой казачьего благосостояния. Занятия земледелием, скотоводством, ремеслами обеспечивали прочную территориальную привязанность и становление локальной идентичности. Землевладение при этом выступало не только источником дохода, но и маркером сословной принадлежности, а защиту освоенных территорий определяло как продолжение государственной службы.

3. *Спецификой освоения новых территорий.* Миграция казачества на Северный Кавказ сопровождалась изменением социокультурной среды. Взаимодействие с местными народами, носившее неустойчивый характер (от военного противостояния до торгово-культурного обмена), способствовали формированию мозаичного сознания, в котором сочетались элементы как русской, так и кавказской традиций. Тем не менее, общая цель – служение государству в условиях расширяющейся империи – способствовала унификации и консолидации казачьей идентичности, базирующейся на лояльности к монарху и Отечеству.

4. *Институциональной политикой имперского центра.* Стратегия государства, направленная на привлечение и закрепление казачества на южных рубежах, предполагала системное включение казачества в административно-военную структуру региона. Предоставление сословных привилегий и земельных наделов, а также институциональная поддержка превращали казачество в инструмент расширения влияния, органично вписывая интересы казаков в логику государственного патриотизма.

Перечисленные факторы обусловили специфику патриотического сознания северокавказского казачества, которое проявлялось в лояльности к императорской власти, готовности к вооруженной защите рубежей, а также в формировании локальной идентичности, специфика которой состояла в сочетании привязанности к своей земле и своим традициям с обязательной государственной службой.

Советский период привел к радикальным изменениям социально-экономического положения казачества, что не могло не отразиться на генезисе его патриотического сознания [2]. В первые десятилетия советской власти казачество как сословие было фактически ликвидировано. Политические репрессии, раскулачивание и конфискация земельных наделов подорвали экономическую основу казачьих сообществ и привели к их социальной дезориентации. В этих условиях воспроизводство традиционного патриотического сознания в прежнем виде стало невозможным. Тем не менее, даже в период дезинтеграции сохранялись элементы преемственности, проявлявшиеся через сохранение народных традиций и исторической памяти.

С конца XX в. начался процесс возрождения казачества. Социально-экономические условия этого этапа характеризовались:

1. *Поиском новой идентичности:* возрождение казачества стало попыткой самоидентификации в новом политическом пространстве, осмысления собственной истории и роли в современном обществе.

2. *Формированием общественных объединений:* создание казачьих обществ, хуторов и станиц способствовало восстановлению социальной структуры и традиционных форм хозяйствования.

3. *Восстановлением традиционных видов деятельности:* постепенным возрождением земледелия, ремесел и деятельности, связанной с охраной общественного порядка.

4. *Государственной поддержкой:* государство предпринимало попытки интеграции казачьих объединений в систему публичного управления, однако наблюдалась определенная амбивалентность политики, обусловленная опасениями роста национализма [3] и сепаратизма.

Особенности патриотического сознания в постсоветский период включали:

- *национально-государственный патриотизм:* тесная взаимосвязь патриотического сознания с идеями укрепления российской государственности;
- *актуализацию исторической памяти:* активное обращение к героическому прошлому и возрождение исторических обрядов и обычаев, что способствовало укреплению национальной гордости и самосознания;
- *разнонаправленность:* наряду с общими тенденциями наблюдалась неоднородность в формировании патриотического сознания под воздействием региональных, социальных и идеологических факторов.

Современный этап характеризуется комплексом социально-экономических и социокультурных факторов, определяющих развитие патриотического сознания казачества на Северном Кавказе. Казачьи сообщества включаются в рыночные отношения, занимаясь сельским хозяйством, предпринимательством и культурно-досуговой деятельностью. Государственные программы зачастую направлены на поддержку казачьих регионов, что способствует улучшению социально-экономического положения. Интеграция казачества в образовательное и социокультурное пространство выступает важным фактором конструирования идентичности. Создание сети казачьих кадетских корпусов и реализация специализированных образовательных программ создают условия для передачи патриотических уста-

новок (казачество как часть российской государственности, вовлекаемая в деятельность по укреплению национальной безопасности и сохранению традиционных ценностей). Возрождение фольклорных фестивалей и исторических реконструкций обеспечивает актуализацию коллективной памяти и ее интеграцию в повседневное сознание молодежи. Указанные механизмы позволяют казачьим сообществам играть значительную роль в военно-патриотическом воспитании молодежи, формируя чувство долга, ответственности и готовности к служению Отечеству. Отдельную роль в этом процессе играет Русская православная церковь, способствуя укреплению духовных основ и традиционных ценностей.

На основе ретроспективного анализа социально-экономических факторов, обусловивших патриотическое сознание северокавказского казачества, можно говорить об их существенной трансформации на протяжении XVIII–XXI вв. Военная служба и землевладение в XVIII–XX вв. эволюционировали от этапов сословной ликвидации до периода возрождения, а в XXI в. казачество интегрируется в рыночную экономику и осваивает современное социокультурное пространство. Анализ радикальных изменений внешних условий позволил определить, что на протяжении длительного исторического периода сохраняется корреляция между материально-экономическим положением казачьих сообществ и спецификой их патриотического сознания.

Патриотизм казачьего населения в XVIII–XIX вв. был неразрывно связан с верностью монарху, служением государству и защитой собственных земель. В советский период, несмотря на разрушение традиционной сословной структуры, элементы патриотического сознания проявлялись через сохранение исторической памяти и народных традиций, а позднее трансформировались в национально-государственный патриотизм. В XXI в. патриотическое сознание казачества на Северном Кавказе продолжает развиваться под влиянием как возрождающихся традиций, так и новых социально-экономических реалий, тесно переплетаясь с идеями государственности, национальной безопасности и сохранения культурного наследия [1].

Следует отметить, что, несмотря на общие тенденции, процесс формирования патриотического сознания остается неоднородным и зависит от множества региональных, социальных и индивидуальных факторов. Дальнейшее изучение данного феномена требует комплексного подхода, учитывающего все многообразие социально-экономических и социокультурных детерминант, влияющих на казачество на Северном Кавказе.

Источники и литература

1. *Воденко К.В.* Возрождение и институционализация казачества на Юге России: этапы, особенности и современное состояние // Вестник Института социологии. 2023. № 3. С. 74–87.

2. *Лаптева Е.В., Рожкова Л.П.* К вопросу об истории российского казачества // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2011. № 4. С. 60–67.

3. *Мациевский Г.О.* Возрождение российского казачества в конце XX в.: основные источники и особенности // Вестник КрасГАУ. 2011. № 10. С. 209–216.

А.Ю. Моисеенко

Проблемы административной и социокультурной интеграции Кавказа в оценках российских военных деятелей XIX в.

Для Российской империи Кавказ являлся жизненно важным, но малоизученным пространством. Путь от военного присутствия к устойчивому управлению требовал не только ресурсов, но и знания того, кто живет за Кавказской кордонной (укрепленной) линией. Эти знания и представления изначально фиксировали военные деятели, с учетом их основной служебной целью и задачами.

В первой половине XIX в. Кавказ стал ключевым узлом имперской политики. Присоединение Грузии в 1801 г. сделало регион зоной стратегических интересов, но одновременно поставило перед империей вопрос, как интегрировать территории, где нет единой политической структуры, где десятки языков и диалектов соседствуют с разными религиозными традициями, а власть местных элит основана на обычаях, часто не связанных с законодательством Российской империи.

Это исследование обращается к тому, как понимали и оценивали этот процесс сами участники событий – российские офицеры, оставившие мемуары, записки и трактаты. В центре внимания три фигуры: Алексей Петрович Ермолов (1777–1861), чьи «Записки» фиксируют административный взгляд «сверху»; Фёдор Фёдорович Торнау (1810–1890), чей двухлетний плен позволил увидеть горское общество «изнутри»; и Ростислав Андреевич Фадеев (1824–1883), систематизировавший историю войны в официальном трактате. Избранные источники принадлежат к разным жанрам: служебные записки, военные мемуары с этнографическим уклоном и официальный военно-исторический трактат. Это определяет не только форму изложения, но и сами критерии оценки. А.П. Ермолов судит об успешности интеграции по управленческой эффективности, Ф.Ф. Торнау – по глубине понимания местных обычаев, Р.А. Фадеев – по соответствию геополитическим и стратегическим задачам. Сравнительный анализ требует не только фиксации фактических расхождений, но и учета жанровой природы текстов и идеологических установок их авторов. Для рассмотрения альтернативных подходов привлечены труды И.Ф. Бларамберга, В.А. Потто, Н.Н. Раевского и С.М. Броневского.

Ключевым событием в кавказской политике России стало назначение в 1816 г. главнокомандующим А.П. Ермолова. В 1820 г. корпус переименовали в Отдельный Кавказский, он руководил им до 1827 г. А.П. Ермолов получил исключительные полномочия, включавшие военное командование, гражданское управление и дипломатические функции. На момент назначения ему было 39 лет; он участвовал в Отечественной войне 1812 г. и при вступлении в Париж в 1814 г. командовал гвардией [4: 101]. В «Записках» по поводу Кавказа он признавался: »...всегда желал я чрезвычайно сего назначения» [3: 268]. С 1816 по 1827 гг. началась активная интеграция Кавказа, сочетавшая административные реформы и военные методы.

Административная политика А.П. Ермолова строилась на внедрении российских управленческих элементов с учетом местных традиций. В Кубинской провинции с присоединением Дербента и Баку ввели российское управление, но суд отправлялся «по закону и обычаям земли», а комендант собирал доходы в казну [3: 279–280]. В Грузии «вводился постепенно наш образ управления при действии собственных законов, составленных царем Вахтангом» [3: 272]. Российская администрация стремилась не к полной ломке местных институтов, а к их постепенному встраиванию в имперскую систему и политику.

Однако А.П. Ермолов был и идеологом силовой политики. В.А. Потто зафиксировал: «Принципом Ермолова было, что золото – не охрана от неприятеля, а приманка его, и он стал давать цену только железу... Хочу, – говорил он, – чтобы имя мое стерегло страхом наши границы... Снисхождение в глазах азиатов – знак слабости... Одна казнь сохранит сотни русских от гибели» [5: 13]. А.П. Ермолов сознательно отвергал компромиссы, делая ставку на страх. Эта установка – не просто личная жестокость, а осознанная стратегия, проистекавшая из убеждения, что на Кавказе другой язык не воспринимается. При этом А.П. Ермолов признавал, что «власть наша или мало признаваема была, или не с надлежащим уважением» [3: 279]. В Кабарде попытки интеграции местной элиты через суды и службу в армии не дали устойчивой лояльности: «…нарушение присяги сделалось действием обыкновенным», измены «возрождаются беспрерывно» [3: 283].

Особенно показателен его анализ собственных ошибок. В Кабарде правительство «допустило мусульманскую веру водвориться», а когда спохватилось, «меры насилия были необходимы и убеждению не давал места фанатизм». В результате «люди, прежде нам желавшие добра, охладели» [3: 283]. Коррумпированные священники уничтожили прежние суды, «князья и лучшие фамилии... лишились уважения в народе», и Россия «не могла иметь никакой партии в пользу нашу» [3: 283]. А.П. Ермолов фиксирует связь административных ошибок с радикализацией населения, но не делает из этого вывода о необходимости смены стратегии. В.А. Потто обобщает: Ермолов «первый выступил на настоящий путь отношений к кавказским народам – путь военный... Кавказ, – говорил он, – это огромная крепость... Надо штурмовать ее или овладеть траншеями» [5: 9]. Эта выражение показательно характеризует восприятие Кавказа как единого противника, где не делается различий между мирными и немирными, между союзниками и врагами. Административная интеграция у А.П. Ермолова совмещает гибкость и военные методы, однако сам автор признает, что даже «железо» не дает устойчивой лояльности – измены «возрождаются беспрерывно». Это противоречие остается неразрешенным, что делает «Записки» не столько руководством к действию, сколько документом фиксации имперской политики.

Офицер-разведчик Ф.Ф. Торнау прибыл на Кавказ в 1832 г. [4: 274]. Его двухлетний плен у горцев (183–1838 гг.) создал уникальную ситуацию: в отличие от А.П. Ермолова, наблюдавшего Кавказ с позиции главнокомандующего, и Р.А. Фадеева, подходившего к теме как военный историк, Ф.Ф. Торнау оказался внутри повседневной жизни горцев, став невольным, но внимательным этнографом [7].

Путь на Кавказ был тяжелым. Ф.Ф. Торнау вспоминает, что из Петербурга в Тифлис он добирался с середины марта до половины апреля из-за дурных дорог [6: 13]. Опасность «обращалась в действительность» по мере приближения к Кубани и Тереку [7: 14]. Эти реки были не только географическими, но и символическими границами между мирной жизнью и военной обстановкой – переход через них означал вступление в иное пространство, где имперские законы не действовали.

Ф.Ф. Торнау считал, что для «основательного усмирения горцев» нужно «подвигаться в горах шаг за шагом, не оставляя за собою непокоренного пространства», ориентируясь на «положительные результаты на будущее время», а не на «мгновенные успехи» [7: 177]. Это перекликается с тактическими рекомендациями А.П. Ермолова и Р.А. Фадеева, и не меняет основной стратегии интеграции Кавказа. Особое внимание Ф.Ф. Торнау уделяет языковой раздробленности: «Между горцами существует такое множество различных наречий, что мне всегда было возможно выдавать себя за человека, принадлежащего к племени, которого языка не понимали жители того места» [7: 180]. Это наблюдение, с одной стороны, фиксирует реальную фрагментацию горских обществ, с другой – показывает, как сам автор использовал эту фрагментацию в тактических целях. Горские общества были не только политически, но и лингвистически изолированы, что делало невозможным их единое сопротивление в рамках одной политической структуры.

Важное место в мемуарах занимает описание кровной мести (канлы): она «переходит по наследству от отца к сыну и распространяется на всю родню убийцы и убитого». Ф.Ф. Торнау различает шариат и адат: по шариату все мусульмане равны, адат признает сословные различия – «жизнь князя стоит дороже жизни дворянина». Поэтому «люди высшего звания предпочитают адат, а низшие стараются подвести дело под шариат» [7: 216]. Эта дифференциация показывает, что горское право было не архаичным хаосом, а сложной системой, где разные социальные группы имели различные правовые стратегии.

Наблюдения Ф.Ф. Торнау о социальных институтах горцев находят подтверждение в трудах других авторов. И.Ф. Бларамберг, офицер Генерального штаба [4: 33], также фиксировал обычай кровной мести, называя его «древним законом, который требует отмщения за пролитую кровь». При этом он отмечал, что этот закон служил «тормозом жестокости» в горском обществе, сдерживая безудержные страсти [1: 15]. Гостеприимство он называл «первой добродетелью» горцев, позволявшей безопасно пересечь весь Кавказ под защитой имени кунака [1:16].

Ф.Ф. Торнау описывает гостеприимство как фундаментальную норму: «Чужого человека принимают, не спрашивая, кто он, откуда и куда едет» [7: 191]. Это была не просто этикетная формальность, а механизм выживания в условиях постоянной военной угрозы и отсутствия централизованной власти. Особый интерес представляют наблюдения Ф.Ф. Торнау о религиозной гибкости абхазцев. В одном семействе могли быть христиане и мусульмане, и это «нисколько не вредило их родственному согласию». Турки «не успели совершенно уничтожить в них воспоминаний о христианской старине», а «абхазские магометане не отказывались ни от вина, ни от мяса» [7: 204]. И христиане, и мусульмане почитали священные леса и боялись духов

[7: 204]. Ислам сосуществовал с доисламскими культами и христианскими традициями.

Ф.Ф. Торнау показывает горцев как носителей развитых правовых институтов (адат, шариат, кровная месть), но при этом они лишены политической субъектности – их сопротивление описывается как стихийное, а не как осознанный политический выбор. Показательно, что за два года плена автор ни разу не фиксирует политический диалог с горцами; они для него – объект наблюдения, а не собеседник. Глубина этнографического описания парадоксально сочетается с отсутствием политической эмпатии. Ф.Ф. Торнау, подобно своему предшественнику, не задается вопросом о праве России на Кавказ – он лишь изучает ту среду, в которой действует.

Таким образом, Ф.Ф. Торнау дал наиболее детализированную картину горского общества, однако его знание не трансформируется в альтернативную политическую программу. Он повторяет ермоловский тезис о необходимости «шаг за шагом» продвигаться в горы, то есть остается в рамках военной парадигмы. Это расхождение между глубиной знания и консерватизмом выводов – ключевая особенность его мемуаров.

Генерал Р.А. Фадеев в 1860 г. по поручению наместника на Кавказе А.И. Барятинского создал «Шестьдесят лет Кавказской войны» [4: 286]. В отличие от А.П. Ермолова и Ф.Ф. Торнау, он дает не описание, а системное обобщение причин и итогов войны [8: 3]. Время написания труда – завершающий этап военных действий.

Центральное место Р.А. Фадеев отводит религии. Ислам, по его мнению, «проник во все их общественные поры и совершенно вытеснил народность», «окаменил» человека, не оставляя «места ни общественному, ни личному развитию» [8: 40]. Религия здесь предстает не просто как вероучение, а как тотальная система, определившая весь уклад горского общества. Из-за влияния ислама горцы, по мысли Р.А. Фадеева, нуждались во внешнем воздействии – Россия должна была выполнить цивилизационную миссию. Р.А. Фадеев показывает, как религия организовала сопротивление: когда войны отвлекли русские силы, «религиозный заговор... сбросил маску и увлек все население гор в беспощадную битву против христиан» [8: 51]. Мюридизм сплотил разрозненные общества в единую систему. Р.А. Фадеев, в отличие от Ф.Ф. Торнау, признакт за горцами способность к политической организации – но эта организация объясняется исключительно религиозным фактором, а не социальными или экономическими причинами. Помимо религии, Р.А. Фадеев отмечает культурную замкнутость: горцы «не заимствовали от окружающих ничего, кроме усовершенствований в оружии» [8: 45]. Эта изоляция делала интеграцию особенно трудной, требуя не просто административного, но культурного прорыва.

Р.А. Фадеев, как военный, признает воинскую доблесть горцев: «Адыги и лезгины брали голыми руками крепости... шли на картечь и штыки... заваливали ров и покрывали бруствер своими телами» [8: 49], поэтому он формулирует два пути войны: «…идти вперед – значит подвигаться постепенно, прочно занимая каждую долину, для чего нужно одно из двух: или большая сила, или большое время» [8: 50]. Это прагматическое признание сложности задачи, но и оно укладывается в сугубо военную логику.

Кавказ имел стратегическое и геополитическое значение, а экономический аспект носил второстепенный характер. Но геополитика брала верх: «Кавказская армия держит в своих руках ключ от Востока... историческая необходимость» [8: 40]. Россия «соприкасается непосредственно со всей массой мусульманской Азии» [8: 42]. Интеграция Кавказа – это не экономическая целесообразность, а геополитическая и стратегическая необходимость.

В отличие от А.П. Ермолова и Ф.Ф. Торнау, Р.А. Фадеев создает не описание, а доктрину. Особенность его труда заключается в том, что война представлена не как серия конфликтов с переменным успехом, а как исторически неизбежный процесс. Ислам у него выполняет роль универсального объяснения: он одновременно и причина сопротивления, и оправдание военных методов, и маркер цивилизационной несовместимости. Р.А. Фадеев представляет интеграцию как сложный процесс, где экономическая неоправданность сочетается с геополитической и стратегической необходимостью.

Важно отметить, что политика А.П. Ермолова не была единственной и безальтернативной. Н.Н. Раевский [4: 224] критиковал военные методы, сравнивая их с завоеванием Америки испанцами, и считал, что успех «зависит не от штыка, а от меновой торговли» [6: 397]. С.М. Броневский [4: 41] предлагал «особые административные меры» с учетом местных обычаев [2: 183]. Это свидетельствуют то, что в имперской элите существовали сторонники гибкого подхода, ориентированного на экономику и традиции.

Таким образом, рассматриваемые труды не просто дополняют друг друга, а конкурируют по способам репрезентации интеграции Кавказа. Каждый решает собственную задачу: А.П. Ермолов действовал сверху, Ф.Ф. Торнау легитимирует себя как человек, который попал в плен и видел жизнь горцев изнутри, Р.А. Фадеев конструирует историческую неизбежность. Труды российских путешественников XIX в. о Кавказе выполняла не столько аналитическую, сколько идеологическую функцию, превращая войну из исторической случайности в цивилизационную необходимость. Наиболее эмпирический текст (Ф.Ф. Торнау) оказался наименее влиятельным в процессе интеграции, а идеологическая работа Р.А. Фадеева наиболее отвечала требованиям политики Российской империи.

Источники и литература

1. *Бларамберг И.Ф.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М., 2010.

2. *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1. М., 1823.

3. *Ермолов А.П.* Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией. Ч. 1. М., 1865.

4. *Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С.* Военные кавказоведы Российской империи: биобиблиографический словарь. Ставрополь, 2021.

5. *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: в 5 т. Т. 1: От древнейших времен до Ермолова. 2-е изд. СПб., 1887.

6. *Раевский Н.Н.* Архив Раевских: в 5 т. Т. 3: Письма Н.Н. Раевского-младшего (1837–1839 гг.). СПб., 1910.

7. *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера. 1835–1838 года. Ч. 1–2. М., 1864.

8. *Фадеев Р.А.* Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860.

А.Д. Осмаев

Кавказская война и чеченцы в книге «Куринцы в Чечне и Дагестане»

Кавказская война (1817–1864) остается одним из наиболее сложных и дискуссионных событий российской истории. Современная историография все больше внимания уделяет не только реконструкции событийного ряда, но и анализу того, как конструировались образы войны и противника в различных видах дискурса – официальном, литературном, мемуарном. В этом контексте особую ценность представляют источники, созданные непосредственными участниками событий – офицерами Российской императорской армии. В современной российской историографии уделено значительное внимание анализу этих произведений [1; 2; 4; 5; 6; 7; 8].

Труд полковника Г.Н. Казбека «Куринцы в Чечне и Дагестане 1834–1861 г.» под редакцией генерал-майора артиллерии И.С. Чернявского – подробная полковая хроника, не просто свод фактов, но и рефлексивный текст, который показывает восприятие войны поколением кавказских офицеров. Его анализ позволяет выявить механизмы формирования имперского взгляда на Кавказ, стратегии легитимации колониальной экспансии и элементы критической саморефлексии внутри военного сообщества. Книга была издана в Тифлисе (в настоящее время – Тбилиси) в 1885 г. по инициативе и на средства бывших командиров полка, в первую очередь генерал-адъютанта М.И. Черткова [3: V]. Как подчеркивает составитель, она основана на материалах полкового архива, данных, добытых из тифлисских архивов, и устных рассказах ветеранов [3: V–VI]. В качестве источника использовались и материалы, собранные в 1860 г. полковым адъютантом поручиком И. Чернявским.

Важной особенностью книги является ее целевое назначение: она была задумана как серия «военных бесед» для офицеров полка, призванных служить «изучению истории кавказской войны и выработанных при этом тактических приемов» [3: VIII]. Это предопределило ее несколько дидактический, апологетический, но также и сугубо практический характер. В отличие от многих официальных историй, текст Казбека содержит элементы критического осмысления неудач российской стратегии.

Труд Г. Казбека принадлежит к распространенному в XIX в. жанру полковой истории, основной функцией которого было воспитание корпоративного духа, сохранение традиций и легитимация текущего статуса части через апелляцию к славному прошлому. Это объясняет подчеркивание «громкой славы» полка, которая «зародилась и выросла на Кавказе» [3: VII]. Однако автор выходит за узкие рамки панегирика, так как его основной задачей было извлечение уроков. Он прямо заявляет о желании «отметить положительный и отрицательный стороны важнейших эпизодов из жизни полка», чтобы понять, «в чем мы должны подражать старым куринцам... и что должно быть забыто и исправлено» [3: VI].

Книга «Куринцы в Чечне и Дагестане» представляет собой источник на стыке полковой истории, военно-исторического исследования и критиче-

ского памфлета. Сам Г. Казбек честно указывает на скудость источниковой базы, особенно для раннего периода, упоминая о «растерянном и растрепанном полковом архиве» [3: VII]. Это заставляет его критически подходить к материалу, что делает его исследователем, а не просто компилятором. Его методология – это попытка исторической реконструкции с четко выраженной прагматической целью: улучшить боевую подготовку офицеров будущего, используя ошибки и успехи прошлого.

Автор в предисловии приводит «генеалогию» полка, который первый раз был сформирован еще при Петре I во время Персидского похода и наряду с другими полками образовал Низовой корпус. В 1724 г. полк получил наименование Куринский по месту своей дислокации на р. Куре. История Куринского егерского полка, в котором насчитывалось пять батальонов началась 30 марта 1834 г. [3: 1]

Достаточно подробно описано участие подразделений полка в военных действиях в Чечне и Дагестане в начале и второй половине 1830-х гг., восстание в Чечне 1840 г., сражение на р. Валерик, движение к Чахкери, Ичкеринский поход 1842 г., строительство крепости Воздвиженской, Даргинский поход 1845 г., экспедиции в Чечню 1845–1849 гг., 1850-х гг., в том числе в Малую Чечню, Аргунское ущелье, штурм Ведено и т.д.

Автор предпринимает попытку дать систематизированное описание чеченского общества. Он отмечает неразработанность вопроса о происхождении чеченцев в науке его времени, ссылаясь на гипотезы, в том числе П.К. Услара [3: 17–18]. Для него важно подчеркнуть, что это народ без письменной истории и ясной генеалогии, что является общим местом колониального дискурса. При этом он приводит самоназвание чеченцев – «нахче» («народ») [3: 17]. Интересны суждения автора о терминах «мирный» и «немирный», «подвластные» по отношению к чеченцам. По его мнению, они назывались таковыми «только на бумаге и в донесениях пограничных русских властей» [3: 19].

Г. Казбек дает описание социального устройства, отмечая отсутствие сословной иерархии, наследственной власти и централизованного политического организма до прихода имама Шамиля [3: 19]. Он определяет этот строй как «идеально демократический» и «вполне патриархальный» [3: 19]. С одной стороны, это представлено как причина хаотичности и неспособности к организованному сопротивлению на раннем этапе. С другой – как источник неукротимого свободолюбия, делающего чеченца идеальным партизаном. Он пишет: «Всякий чеченец, с тех пор как он физически развился, уже перестает быть привязанным к дому. На добром коне, с винтовкой за плечом, он уходит из дома и в компании подобных себе бросался в жизнь, полную приключений и опасности» [3: 20]. Этот пассаж рисует образ романтического «благородного дикаря» – общее место для многих, кто тогда писал о Кавказе.

Г. Казбек отделяет религиозную форму мюридизма от его политического содержания. Он настаивает, что чеченцы были чужды «чисто религиозного фанатизма» [3: 22]. Ислам, по его мнению, стал мощной силой лишь тогда, когда был использован как идеология сопротивления. Таким образом, автор угадывает национально-освободительный характер движения, облеченный в религиозную риторику. Он рассматривает мюридизм не как причину, а как катализатор и инструмент консолидации.

Автор описывает Чечню как театр военных действий, подчеркивая природные факторы, определившие характер войны. Он выделяет ее ключевую особенность – сплошные, труднопроходимые леса, покрывавшие плоскость в 1830-е гг. [3: 16, 27]. Именно лес, а не горы, выступает главным тактическим фактором. «Войско, действующее в Чечне, должно было по преимуществу бороться в непроходимом лесу, который придавал особенный характер и его обитателю-чеченцу» [3: 17]. Он подробно описывает дороги (от крепости Грозной через Ханкальское ущелье вверх по Аргуну до с. Старые Атаги; из Грозной через Ханкальское ущелье и аулы Большой Чечень, Шали, Герменчук, Маюртуп и Ойсунгур; из Грозной через Ханкале или Алды в Урус-Мартан, поперек всех притоков Сунжи и оттуда к переправе Преградный Стан; от Николаевской станицы на Тереке, через Старый-Юрт и Горячеводск; из Грозной на кумыкскую плоскость через Горячеводск, Новый-Юрт, вдоль по Тереку, на Брагуны, к Амиръ-Аджи-Юрту). Арбное сообщение было только между Сунжей и Тереком, остальные села и хутора сообщались верховыми и вьючными путями; реки, подверженные внезапным разливам, создавали большие логистические проблемы для регулярных войск [3: 28–29].

Г. Казбек показывает трудный путь, который прошли русские войска от неумелых действий к выработке эффективной тактики. Он описывает начальный период (1834–1837 гг.), когда колонны «медленно и робко подходили к делу, открывали продолжительную и безцельную стрельбу залпами... и, истратив большое количество патронов, возвращались в штаб-квартиру» [3:11]. Затем были созданы «охотничьи команды» для действий в лесу, велась отработка «перекатных цепей», которые стали визитной карточкой кавказских частей [3: 12, 34–35]. Этот процесс подается как коллективное приобретение навыков, в котором полк играл активную роль.

Война со стороны чеченцев описывается как классическая партизанская: внезапные набеги, засады, изматывание противника, умелое использование местности, избегание открытых столкновений. Автор подчеркивает их мастерство в стрельбе и индивидуальном бою. С началом мюридизма тактика меняется – появляются элементы регулярной обороны.

Автор открыто и аргументированно критикует господствовавшую в 1830-е гг. стратегию карательных набегов, унаследованную от А.П. Ермолова. Он цитирует критические записки современников, с иронией описывавших такие экспедиции, когда войска, разграбив мирный аул по ошибке, возвращались с чувством выполненного долга: «Покорность ими изъявленная не стоит ни одного рубля, потому что усмирение их ничем не обеспечивается при наших экспедициях» [3: 33]. В качестве примера приводится крупный поход генерала А.А. Вельяминова, который, пройдя Чечню, «означил путь свой потоками крови и рядом сожженных аулов», но не оставил после себя ничего, кроме озлобления [3: 32–33]. Автор заключает: «Результаты всех этих набегов ныне нам вполне ясны, и история уже сделала им должный приговор – она назвала их не только бесполезными, но и вредными» [3: 32]. В числе причин неудач он называет не только неверную стратегию, но и неудовлетворительный состав офицерского корпуса на Кавказе в ранний период, отмечая пьянство, недостаток образования и моральные пороки

[3: 6, 28]. Он также указывает на пагубную практику отправки в кавказские полки «штрафованных» нижних чинов из внутренних губерний [3: 8, 30].

В тексте Г. Казбека четко прослеживается динамика восприятия чеченцев, которая напрямую связана с этапами войны. В начале повествования чеченец предстает как «ловкий разбойник», своего рода стихийная сила, угроза для станиц, но не системный противник. Это «юркая фигура», которая сражается и не видна, которую трудно поймать [3: 5, 25]. Русские солдаты в этот период – «новички-переселенцы», заброшенные в неведомую страну. Автор точно определяет 1840 г. как ключевой рубеж, когда Чечня поднялась в «поголовном возстании» [3: 25, 36]. С этого момента разрозненные партии превращаются в армию имамата, действующую по единому плану. Именно с этого времени, по его мнению, началась настоящая, ожесточенная война.

К концу периода чеченец уже закаленный, дисциплинированный и фанатично преданный своей цели воин, борьба с которым требует от русских войск невероятного напряжения сил и высочайшего воинского мастерства. Параллельно эволюционирует и образ куринца: из «робкого переселенца» он превращается в «гигантскую фигуру» 1850-х гг., идеального бойца для горно-лесистой войны [3: 5]. Таким образом, Г. Казбек рисует картину взаимной трансформации, где сильный противник закалил и противостоявшую ему армию.

Образ чеченцев в книге далек от примитивной демонизации. Это сложный, многогранный портрет, в котором сочетаются уважение к воинским качествам и свободолюбию противника с имперской уверенностью в цивилизаторской миссии России. Чеченец предстает не как дикарь, а как «благородный варвар», чьи природные данные усилила идеология мюридизма, которую автор определяет как политическую, а не сугубо религиозную.

Источник является ценным свидетельством внутренней рефлексии внутри российского офицерского корпуса. Редкая для своего времени откровенная критика «системы набегов» и анализ тактических ошибок командования показывают стремление извлечь практические уроки из трудного опыта. Эволюция образов как куринцев, так и их противников, прослеженная в книге, ярко иллюстрирует то, как затяжной конфликт менял обе стороны. Война была не только столкновением армий, но и взаимным болезненным процессом адаптации и трансформации.

Таким образом, несмотря на свою принадлежность к колониальному дискурсу, книга Г. Казбека выходит за его узкие рамки. Она является не только памятником русской военной мысли и полковой памяти, но и важным историческим свидетельством, позволяющим услышать голос непосредственного участника событий, пытающегося понять логику и смысл долгой и кровопролитной войны на Кавказе.

Источники и литература

1. *Дубровин А.В.* Кавказская война XIX века: полковые истории // Вопросы теории и методологии истории: Сборник научных трудов. Майкоп, 2011. С. 73–79.

2. *Дубровин А.В.* Самоидентификация российских офицеров, участвовавших в Кавказской войне (XIX в.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 1. С. 49–56.

3. *Казбек Г.Н.* Куринцы в Чечне и Дагестане. 1834–1861 г.: очерк истории 79-го пехотного Куринского его императорского высочества великого князя Павла Александровича полка. Тифлис, 1885.

4. *Колосовская Т.А.* Нарративные практики военных историописателей Кавказа второй половины XIX в. (по материалам полковых историй) // Региональный нарратив имперской провинции: современные методологические подходы и исследовательские практики: сборник научных статей. Ставрополь, 2016. С. 114–117.

5. *Колосовская Т.А.* Чечня в описаниях российских офицеров-исследователей 1830–1850-х гг. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2018. № 5(42). С. 59–64.

6. *Панченко А.М.* «Каждый из составителей истории полков находил в ней ценные для своего труда материалы». К 210-летию со дня основания библиотеки Генерального и Главного штаба // Военно-исторический журнал. 2021. № 11. С. 72–83.

7. *Чернов П.В.* Отдельный Кавказский Корпус как военная корпорация (по материалам полковых историй) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 6. С. 43–48.

8. *Чернов П.В.* Полковые истории и юбилейная кампания второй половины XIX – начала XX веков // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 7. С. 33–38.

А.Н. Еремеева

Дачи ученых на Черноморском побережье Кавказа: историко-культурная и мемориальная ценность[1]

Усадебное наследие Черноморского побережья Кавказа богато и разнообразно. Его изучение в контексте истории освоения региона (имеется ввиду российская территория побережья) перспективно как в научном отношении, так и в плане развития туристической отрасли [7].

Среди построек достойное место занимают дачи известных российских ученых. Представить полноценную реконструкцию географии такого рода дач и «профессорских уголков» пока не представляется возможным. В данной статье даны характеристики, главным образом, объектов культурного наследия регионального значения. Важным источниковым ресурсом стали разнообразные документы Архива управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края (далее – Архив УГООКН АКК). Отдельные акты государственной историко-культурной экспертизы опубликованы на официальном сайте администрации региона.

В Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации зарегистрировано «Здание дачи Ф.К. Трапезникова, 1902–1912 годы» (Сочи,

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» по теме «Эвристический потенциал документальных собраний органов государственной охраны объектов культурного наследия (на материалах Краснодарского края и Республики Адыгея)»

Центральный район, ул. Пирогова, 9, лит. С, С2). На дореволюционной открытке оно значится как «Дача профессора Трапезникова». Хозяин дачи – иркутский купец, доктор медицины, в 1891 г. защитивший диссертацию в Военно-медицинской академии на основе исследований, проведенных им в лаборатории И.И. Мечникова в Пастеровском институте. Двухэтажное кирпичное здание в стиле модерн с использованием элементов мавританского стиля ныне является частью санатория «Заполярье» [2].

На территории пансионата Московского государственного университета «Буревестник» (пос. Вишневка Лазаревского района) находится «Дом, в котором жил и работал один из основоположников русской экспериментальной психологии В.М. Бехтерев, 1904–1927 годы». Деревянное одноэтажное строение и сад появились на раскорчеванном от леса участке, полученным Бехтеревым в конце 1903 г. в урочище Макопсе. С 1977 г. строение находится под охраной государства; его реставрация произведена в 1982 г. [6]

Дачники нередко сочетали досуг с исследовательской и организаторской деятельностью, нацеленной на развитие Черноморского побережья. Одним из таких ученых был лейб-хирург, профессор Военно-медицинской академии Е.В. Павлов (1845–1916). Став дачником в Уч-Дере, Павлов включился в работу по обустройству Черноморского побережья как лечебной и рекреационной территории. Он возглавил созданное в 1911 г. в Санкт-Петербурге Общество изучения Черноморского побережья Кавказа, принял деятельное участие в организации в столице сельскохозяйственной и культурно-промышленной выставки «Русская Ривьера» (1913), представлял регион на I Всероссийском съезде по улучшению отечественных лечебных местностей (1915).

Фото дома и сада-огорода профессора Павлова, сделанные известным фотографом С. М. Прокудиным–Горским, тиражировались в печатных изданиях. В путеводителе по Кавказу Г. Москвича зафиксировано наличие «благоустроенной дачи (14 дес[ятин]) одного из культурных пионеров побережья… Е.В. Павлова, который ввел образцовую культуру и достойное подражания благоустройство, у которого имеется метеорологическая станция 2-го разряда» [12: 370]. В этом же издании указано, что туристы-велосипедисты могут устроиться на ночлег «не доезжая 22 верст до Сочи, на даче известного профессора-хирурга Е.В. Павлова» [12: 351–352]. Двухэтажное кирпичное здание дачи с круглой, трехэтажной башней и стрельчатыми окнами, в окружении других построек и парка, разбитого на участке, являлось архитектурной доминантой местности.

Ныне объект культурного наследия «Дом (дача) Павлова» (пос. Уч-Дере Лазаревского района, ул. Семашко, 25) – многоквартирный жилой дом, находящийся в муниципальной собственности. В Архиве УГООКН АКК имеется проект предмета охраны данного объекта 2022 г. с подробной исторической справкой, фотографиями разных лет, копией решения Краснодарского краевого совета народных депутатов от 10 июня 1992 г. о дополнении каталога памятников истории и культуры и включении в него, в частности, «Дома Павлова» [5: 31]. Авторы проекта констатируют запущенность объекта, но при этом сохранность конструкций и каменной облицовки, деревянного этажа, а также домика прислуги с пристройками и других построек усадьбы [5: 10].

В урочище Кадош, близ Туапсе, в конце XIX в. была построена дача еще одного «радетеля» Черноморского побережья – известного профессора-зоолога В.А. Вагнера (1849–1934). Неподалеку находился «Дом у скалы» его друга, художника-передвижника А.А. Киселева. Фотография дачи В.А. Вагнера, возглавлявшего в годы Первой мировой войны Туапсинский отдел Всероссийского общества для развития и усовершенствования русских лечебных местностей, помещена в журнале «Русская Ривьера» как иллюстрация обширной публикации ученого о состоянии и перспективах развития Туапсе [9: 7]. История дачи после смерти ее владельца пока не прослежена.

«Дача Н.П. Петрова (1836–1920), русского ученого, инженер-генерал-лейтенанта» на территории пансионата «Шепси», в с. Шепси Туапсинского района, получила статус объекта культурного наследия регионального значения в 2026 г. Н.П. Петров, внесший значительный вклад в развитие железнодорожного транспорта, приобрел недостроенный объект у своего учителя – профессора И.А. Вышнеградского. Дом из дикого камня с башней, достроенный в 1899 г., до нашего времени сохранил свой архитектурно-художественный образ, подлинное декоративное убранство. Хозяин принимал на даче друзей, среди которых – Д.И. Менделеев, С.Ю. Витте [1]. В настоящее время разрабатываются планы открытия на базе дачи дома-музея Н.П. Петрова.

Имя ботаника, почвоведа, географа А.Н. Краснова (1862–1915) было известно в научном сообществе благодаря публикациям результатов экспедиций по всему миру, преподавательской деятельности в Харьковском университете, просветительским начинаниям. В 1912 г. он основал Батумский ботанический сад. Тексты А.Н. Краснова отличались художественностью изложения.

«Дача А.Н. Краснова, ботанико-географа: дом жилой; флигель, начало XX» (Краснодарский край, Туапсинский район, п. Сосновый, дом отдыха «Сосновый») в 2002 г. была включена в Перечень выявленных объектов культурного наследия Краснодарского края. Однако эксперты пришли к выводу, что сохранившиеся постройки не связаны с именем А.Н. Краснова и не обладают исторической и архитектурно-эстетической ценностью, а потому не могут быть внесены в реестр памятников истории и культуры [3].

В издании Общества любителей изучения Кубанского края 1925 г. помещена информация о другой – сочинской даче Краснова: «Близ Хосты в Сочинском районе находится культурный участок, принадлежавший геоботанику А.Н. Краснову... На участке этом была собрана ценная коллекция субтропических иноземных растений. Долгое время участок был почти беспризорным; постройки его разрушались, растения немилосердно расхищались, увезен крупный экземпляр тридцатилетней саговой пальмы. Ныне участок передан в ведение местного музея краеведения. Музей делает этот участок показательным и предполагает здесь устроить место отдыха для экскурсантов» [13]. Современные исследователи установили, что А.Н. Краснов построил дом и разбил парк площадью 6 га, насчитывавший 200 видов экзотических растений в урочище Крутой Яр на мысе Видном (ныне территория санатория «Электроника» в Хостинском районе г. Сочи). Здесь ученый впервые применил принцип географического районирования. В советские годы на этой территории была госдача, где отдыхали видные военачальники и государ-

ственные деятели. В конце 1960-х гг. при строительстве пансионата «Электроника» дом был снесен, а парк частично вырублен [11: 181–182]. В 2018 г. на территории пансионата был установлен памятник А.Н. Краснову.

«Усадьба Федора Андреевича Щербины (1849–1936), кубанского историка и публициста: дом жилой; флигель с мезонином; винодельня с виноподвалом; сохранившаяся часть усадебного парка» (г. Геленджик, х. Джанхот) является объектом культурного наследия регионального значения. Ее актуальное состояние близко к аварийному. Именно здесь член-корреспондент Императорской академии наук, специалист по земской статистике работал над «Историей Кубанского казачьего войска». Ф.А. Щербина также инициировал многие начинания, способствовавшие экономическому и культурному развитию Черноморского побережья [10].

В пригороде Новороссийска на Пенайском берегу с 1904 г. располагалось имение «Павловка» выдающегося русского ученого психиатра П.И. Ковалевского (1849–1931). В летнее время ученый изучал природно-климатические условия местности. Итоги наблюдений, в том числе о перспективах Новороссийска как курортной местности, транслировались в лекциях и на страницах периодической печати. После революции 1917 г. имение в течение восьми десятилетий находилось в ведении министерства здравоохранения. Передача имущества юридическому институту Министерства внутренних дел России и значительные перестройки здания-памятника обусловили его перевод в категорию достопримечательного места [7].

История и современное состояние объекта культурного наследия регионального значения «Дача князя академика Б.Б. Голицына (1862–1916), русского физика и геофизика, одного из основоположников сейсмологии» (г. Новороссийск, ул. Сухумское шоссе, 37, лит. А), состоящего на государ-ственной охране с 16 мая 1979 г. согласно решения Краснодарского край-исполкома, отразилась в многочисленных документах Архива УГООКН АКК. Это акты технического осмотра здания, приема-передачи, планы ремонтно-реставрационных работ, приказы, официальные письма различных структур Министерства обороны СССР, управления государственной охраны объектов культурного наследия, департамента имущественных отношений администрации Краснодарского края, Краснодарской краевой организации охраны памятников архитектуры «Наследие» и др. Многие документы явля-ются проектами, впоследствии не утвержденными [4].

Здание, выполненное в псевдороманском стиле из бутового камня, облицованное песчаником, с трехэтажной башней на северо-западном фасаде, по окончании Гражданской войны стало эксплуатироваться как детская колония, позже – как одно из помещений Новороссийской биологической станции, затем (до середины 1970-х гг.) как жилой дом. Последние десятилетия объект находится в руинированном состоянии; полы, лестницы, потолки, электриче-ство, водопровод, канализация отсутствовали. Доступ к нему, ввиду нахожде-ния на режимной территории, затруднен. В 2023 г. был составлен акт государ-ственной историко-культурной экспертизы объекта, режимов использования земель и земельных участков и требований к градостроительным регламен-там в границах данных зон. Однако судьба дачи Б.Б. Голицына как памятника архитектуры и экскурсионного объекта все еще не решена.

Воссоздание роли и места ученых-дачников в освоении Черноморского побережья Кавказа, включение сохранившихся зданий и сооружений в туристические маршруты представляется важным, в том числе в плане популяризации достижений отечественной науки, закрепленной на уровне государственных решений в связи с объявлением в 2022 г. Десятилетия науки и технологий в Российской Федерации.

Источники и литература

1. Акт государственной историко-культурной экспертизы (далее ГИКЭ) выявленного объекта культурного наследия «Дача Н.П. Петрова (1836–1920), русского ученого, инженер-генерал-лейтенанта», начало XX в. (Краснодарский край, Туапсинский район, с. Шепси, пансионат «Шепси») в целях обоснования целесообразности включения в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ // URL: https://admkrai.krasnodar.ru/content/1367/show/798200/?ysclid=mo01u6kx3x594574387 (дата обращения 23.06. 2026)

2. Акт ГИКЭ проектов зон охраны объектов культурного наследия регионального значения, расположенных на территории Краснодарского края, г. Сочи, Центрального района: «Здание дачи Ф.К. Трапезникова», 1902–1912 годы (ул. Пирогова, 9, лит. С, С2); «Бюст И.П. Павлова», 1965 г. (ул. Пирогова, 10, у лечебного корпуса санатория «Заполярье»); «Бюст В.И. Ленина», 1967 г. (ул. Пирогова, 10, у корпуса № 5 санатория «Заполярье») // URL: https://admkrai.krasnodar.ru/upload/iblock/5bc/5bcea62d738e822b6236a6f3442fda8d.pdf?ysclid=mqgfad74dr97591171 (дата обращения 22.06. 2026)

3. Акт ГИКЭ «Дача А.Н. Краснова, ботанико-географа: дом жилой; флигель», начало XX (Краснодарский край, Туапсинский район, п. Сосновый, дом отдыха «Сосновый») в целях обоснования целесообразности включения в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ // URL: https://admkrai.krasnodar.ru/content/1367/show/798202/?ysclid=mo1io3g7hc9980122 (дата обращения 29.06. 2026)

4. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края (далее – Архив УГООКН АКК). № 2420.

5. Архив УГООКН АКК. № 5713.

6. *Бондарева В.Н.* Владимир Михайлович Бехтерев // URL: https://sochi-news.ru/index.php/vse-novosti/17-eto-interesno/892-vl (дата обращения 23.06. 2026)

7. *Бондарь В.В.* «Дача профессора Ковалевского» в Новороссийске: историко-культурная ценность, обретение охранного статуса, обстоятельства утраты // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальных интересов России: история и современность: к 80-летию начала Великой Отечественной войны: Материалы международной научно-практической конференции, Таганрог, 28–29 мая 2021 г. Краснодар, 2021. С. 565–570.

8. *Бондарь В.В., Рысин Ю.В.* Усадебное наследие в культурных ландшафтах Черноморского побережья Кавказа: проблемы изучения, сохранения и перспективы использования // Культурное наследие России. 2021. № 2(33). С. 81–87.

9. *Вагнер В.А.* Туапсе (под впечатлением Курортного Съезда) // Русская Ривьера. 1915. № 1–2. С. 5–11.

10. *Галутво Л.М.* Вклад Ф.А. Щербины в освоение Черноморья (к 175-летию со дня рождения) // Черноморско-средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: к 80-летию освобождения Крыма и Украины от нацистской оккупации и 110-летию начала Первой мировой войны: Материалы международной научно-практической конференции, Геленджик, 24–26 мая 2024 года. Краснодар, 2024. С. 584-589.

11. *Захарова Н.* Первые дома и дачи: Путеводитель в архитектуру Сочи. Екатеринбург, 2017.

12. *Москвич Г.Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. Изд. 20-е. СПб., 1913.
13. *Новиков-Головатый М.А.* Культурный участок профессора А.Н. Краснова // Известия Общества изучения любителей Кубанского края. Вып. 9. Краснодар, 1925. С. 223.

А.В. Баранов

Военная служба в территориальных частях Красной армии (1925–1929 гг.) в общественном мнении и активности казачества на Юге РСФСР

В 1924–1926 гг. большевистская партия и государство предприняли широкомасштабные реформы (курс «Лицом к деревне»), нацеленные на создание прочного союза власти со всем трудовым крестьянством. Важным компонентом реформ стало введение территориальной военной службы. Применительно к казачеству реформы означали частичное признание вины властей за «военный коммунизм», вовлечение многих казаков в государственное строительство, деятельность общественных организаций и военную службу.

Научная проблема начала изучаться в период «оттепели», когда появились работы Я.А. Перехова [10], а позже, в 1980-х гг., – Г.Л. Воскобойникова и Д.К. Прилепского [4]. Для периода «перестройки» характерна обобщающая монография И.Я. Куценко [8]. В постсоветский период монографии Н.С. Тарховой [17] и А.Ю. Безугольного [1] написаны на рассекреченных документах. Особенности восприятия казачеством военной реформы освещены в трудах А.П. Скорика и Р.Г. Тикиджьяна [15], О.В. Рвачёвой [12]. Но сохраняются малоизученные аспекты темы – прежде всего, общественное мнение казачества о территориальной военной реформе.

Цель статьи – определить восприятие казачеством Юга России военной службы в территориальных частях Красной армии (1925–1929 гг.). Источниковая основа исследования включает в себя информационные сводки и обзоры органов ОГПУ, письма казаков родственникам за рубеж, политические донесения военных комиссаров воинских частей, акты обследований территориальных воинских частей, стенограммы заседаний партийных органов. Документы отложились в фондах Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Ростовской области, Государственного архива Ставропольского края, Государственного архива новейшей истории Ставропольского края, Центра документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО) и Центра документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Также изучены информационные сводки и обзоры органов ОГПУ об общественных настроениях [16], политические донесения о настроениях призывников и военнослужащих территориальных формирований РККА [13].

К началу реформ, получивших на Юге РСФСР название «Лицом к станице» (осень 1924 г.), судя по стенограммам конференций и совещаний РКП(б),

аналитическим запискам и докладам, казаки сохраняли устойчивую уверенность в своем сословном единстве, отличающем их от остального населения. Казаки считали, что распространяемые органами власти лозунги «классовой борьбы» и «социального расслоения» – это измышления с целью разрушить единство казачества. Хотя приверженность казаков монархии была ослаблена за десятилетие войн и революций, идеал государства для казаков был в прошлом с его общинностью, православием, трудовой зажиточностью. Традиционны требования к местным чиновникам – деловитость, знание сельского хозяйства, жизненный опыт (даже 40-летних мужчин считали не созревшими для руководства). Характерна неприязнь казаков к большинству местных коммунистов – пришлым, не владевшим местным наречием, занятым бюрократическими отчетами и интригами вместо земледельческого труда. Казаки намеревались превратить станичные Советы в подобие станичного схода на дореволюционный лад. Земельные общества 1920-х гг. (бессословные общины) тоже ограничивали власть Советов, создавая элементы двоевластия и полиюридизма. Так продолжалось до начала коллективизации в 1928 г. Информационный отдел ЦК РКП(б) свидетельствовал в справке по казачьему вопросу: «Авторитет старых атаманов и командиров в массе еще непоколебим», часто звучали требования восстановить войско и даже избрать «батюшку царя» [6: 110].

Реформа началась осенью 1924 г. Поводом к ее проведению стала массовая фальсификация выборов в местные Советы, которая привела к снижению явки казаков и крестьян на выборы и росту недовольства политикой РКП(б). Поэтому Президиум ВЦИК РСФСР постановил провести повторные выборы в большинстве местностей в январе – феврале 1925 г., а в новой инструкции ВЦИК о выборах сужался круг лиц, лишаемых избирательных прав. Одновременно проводилась амнистия репатриантов, бывших участников белого и бело-зеленого движений, зажиточных слоев общества. В итоге выборы 1925 г. привели к появлению среди избранных председателей и секретарей станичных Советов, делегатов районных съездов Советов представителей оппозиции. На первых порах среди казаков преобладали завышенные ожидания отмены Конституции СССР и восстановления дореволюционного строя. Казаки выражали уверенность в новых уступках: «В прошлом году кинжалы разрешили, шашки разрешили, форма будет, значит, и автономия будет... Дон для донцов!» [5: 126]. Ивановский станичный Совет Кубанского округа дал наказ своим депутатам добиться от районного съезда Советов права казаков носить оружие. Рукописные газеты с призывом к РКП(б) не мешать выборам атаманов по дореволюционным правилам стали издаваться в станицах Вышестеблиевской и Екатериновской Кубанского округа [7: 7–29].

Апрельский (1925 г.) Пленум ЦК РКП(б) стал высшей точкой уступок власти казачеству. На его заседаниях специально рассматривался казачий вопрос на основании аналитических справок, подготовленных Информационным отделом ЦК РКП(б) и ОГПУ. Казаки по предложению заведующего Агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП(б) С.И. Сырцова и секретаря Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) А.И. Микояна получили право служить в территориальных частях РККА, занимать выборные и на-

значаемые должности, а в название местных Советов было добавлено слово «казачьих» [14: 58, 69, 74, 76, 80]. Было создано постоянное совещание при крайкоме РКП(б), которое высказалось за изучение истории и культуры казачества, возрождение его военно-патриотических традиций, вовлечение казаков в большевистскую партию [11: 349–351]. Территориальная военная служба проводилась по месту жительства призывников, путем их призыва на краткосрочные военные сборы и учения. Воинские части и подразделения обычно формировались из земляков. Система соответствовала историческим традициям казачества.

Политика власти в отношении казачества была конкретизирована в постановлении № 111 Северо-Кавказского крайисполкома от 26 августа 1925 г. «О работе Советов в бывших казачьих областях Северо-Кавказского края». Ставилась цель – закрепить сотрудничество всех слоев трудящихся. Первоочередной задачей было названо выдвижение на партийные, выборные и административные должности казаков – бедняков и середняков. Серьезный шаг власти навстречу казакам – создание комиссий содействия территориальной военной работе станичных Советов с участием «стариков». Устанавливалась квота обучения казаков в вузах, включая военную академию и военные училища, что должно было привести к «созданию новой интеллигенции». По решению местных Советов казакам теперь разрешалось носить войсковую форму и холодное оружие. Военнослужащие получили льготы в налогообложении, кредитовании, участии в кооперативных объединениях [9: 15–17].

По сведениям Северо-Кавказского крайисполкома, к августу 1925 г. среди «переменников» в крае казаки составляли 57,5%. По социальному положению 93% из них были хлеборобами (1,8% – зажиточные, 57% – середняки, 38,5% – бедняки и 2,5% батраки), только 5% – рабочие [6: 113].

Казаки первоначально встретили создание территориальных воинских частей с воодушевлением, поскольку эта служба соответствовала многовековому образу жизни и устоям быта. Наибольшее участие казаков, в том числе – служивших в белых армиях, было отмечено в кавалерийских частях, куда шли с особым рвением [3: 49–52; 20: 91]. Поскольку состав бойцов зависел от обладания личными верховыми лошадьми, облик переменников определяли середняки. Влияли на призыв и старики-казаки, привлеченные к работе в военных комиссиях Советов. В некоторых частях явочным порядком поощрялись дореволюционные воинские чины, песни, традиционная форма [8: 450]. Служба казаков сглаживала сословные и политические конфликты, способствовала признанию советской власти, особенно – со стороны молодежи, бедняцких и середняцких слоев. В приграничных с автономиями Северного Кавказа местностях территориальная военная служба казаков создавала защиту от уголовного и политического бандитизма, способствовала восприятию власти как равно близкой казачеству и горским народам.

Ситуация резко изменилась с 1927 г., когда по СССР прокатилась «военная тревога» и распространились слухи о скорой интервенции и высадке белых десантов. Осенью 1926 – в первом полугодии 1927 гг. были проведены аресты бывших репатриантов, нетрудовых элементов и участников повстанческих группировок, состоявших на специальном учете. Списки для арестов,

судя по документам Майкопского окружного отдела ОГПУ [18: 17–26], составлялись и одобрялись партийными органами заранее, еще в 1926 г. Часть из них расстреляли (яркий пример – судьба Х. Ермакова) [2: 66–83]. Вероятно, это повлияло на отказ эскадрона терармейцев участвовать в военном параде в честь 10-летия Октябрьской революции в г. Ростове-на-Дону.

Чрезвычайные хлебозаготовки и начавшаяся коллективизация (1928–1929 гг.) вызвали рост «хлеборобских настроений» в рядах РККА, чему больше других были подвержены именно территориальные воинские части. Призывники из середняцких и зажиточных слоев казачества обычно воспринимали меры властей как возврат к продразверстке. Проблему глубоко изучила Н.С. Тархова на материалах центральных архивов [13; 17]. Нами выявлены в фондах ЦДНИКК и ЦДНИРО политические донесения военных комиссаров воинских частей за май – июнь 1929 г., в которых достаточно детально характеризуются настроения казаков-терармейцев [19: 2–15]. Так, военный комиссар 27-го кавалерийского территориального полка 5-й Блиновской кавалерийской дивизии Сусликов в политдонесении от 18 мая 1929 г. отмечал: середняки считают, что кулаков надо наказывать налоговыми ставками, а не репрессиями; один «крепкий середняк» из станицы Пшехской доказывал, что землеустройство, контрактация урожая «ничего хорошего не дают, кроме кабалы» [19: 2–2об.]. Политрук 3-го эскадрона 27-го кавалерийского полка Молотов 23 мая 1929 г. излагал вопросы, которые казаки станицы Келермесской задавали на политических занятиях: почему ставки налогообложения не были одинаковы для бедных и богатых, почему наказывали бедняков, торговавших на рынке? На собрании новобранцев дважды отвергалась резолюция о поддержке политики властей. Некоторые «переменники» из станицы Ханской заявляли, что кампании ведутся для того, чтобы раскулачить зажиточную часть станичников, а не просто изъять хлеб [19: 9]. Военком 27-го территориального кавалерийского полка в политдонесении от 24 мая указывал, что крепкие середняки подверглись индивидуальному (повышенному) налогообложению в 130–200 пудов зерна, но заявляли, что хлеба у них нет. Обложенный на 200 пудов зерна Коннов заявил: «Теперь и служба на ум не пойдет» [19: 4].

Конечно, такие настроения поощрялись письмами родственников либо встречами с членами семей во время отпуска. Отмечен случай, когда в защиту кулачества высказался бедняк, коновод 1-го эскадрона 27-го кавалерийского полка Задира, потому что его жена была дочкой зажиточного середняка. В донесении военкома 27-го территориального кавалерийского полка Елагина от 26 мая приводились примеры того, что часть «переменников» была настроена политически: «вот она, продразверстка, наверно, волнения будут». Зажиточные жители станицы Рязанской не верили, что продадут их имущество и продолжали отстаивать свои права в станичном Совете, тем временем распродавая свое имущество соседям. Отец одного из «переменников»-середняков (по донесению Сусликова 28 мая 1929 г.) заявил: «вот я бил японцев, германцев и большевиков, и наверно, опять придется воевать» [19: 8об., 10]. Характерен слух, распространявшийся кулаком из станицы Белореченской: якобы С.М. Будённый разослал по войскам телеграмму с призывом прекратить хлебозаготовки [19: 11об.]. Подобные фантастические

намерения приписывались в слухах и другим известным политическим деятелям: Д.П. Жлобе, Л.Д. Троцкому. Судя по политдонесению политотдела 5-й кавалерийской Блиновской дивизии от 15 июня 1929 г., многие военнослужащие были недовольны несправедливой раскладкой налогообложения, завышенные нормы налогов, описи и конфискации имущества ударили по многим середнякам. Так, «переменник» – бедняк Гостев из станицы Бжедуховской заявил: «кто не кулак – и тот стал кулаком» [19: 15].

Но изученный комплекс политических донесений 1929 г. позволяет заключить, что основная часть бедняков и середняков, служивших в территориальных воинских частях, лояльно относилась к хлебозаготовкам и коллективизации, проявляя недовольство ситуативно и в отношении наиболее резких «перегибов», а не политической линии властей в целом.

Сделаем выводы. Восприятие казачеством военной службы в территориальных частях Красной армии (1925–1929 гг.) было противоречивым и динамично изменялось вследствие направленности аграрной политики власти. Имущественные слои казачества, а также его поколения и возрастные когорты проявляли различное отношение к военной реформе. Наиболее позитивно восприняли реформу молодые казаки, а также бедняцкие и середняцкие слои. Казаки стремились использовать территориальную военную службу в своих интересах, видя в ней средство возрождения дореволюционного общественного порядка (адаптация новых институтов под традиционные нормы и практики жизни). Например, характерны требования восстановить ношение традиционной военной формы и холодного оружия, создать комиссии с участием «стариков» в помощь проведению призыва, назначать дежурных («тыждневных») для поддержания общественного порядка в станицах и на хуторах.

Доказаны резкие различия между восприятием военного строительства в 1925–1926 гг. и позже. Первоначально казаки на Юге России поддерживали территориальную военную службу как близкую их историческим обычаям и усиливавшую влияние казачества. Но, убедившись в прочности власти и ее намерениях провести коллективизацию, зажиточные слои казаков перешли к резкой критике советской власти. Отчасти это отношение, особенно в 1928–1929 гг., распространилось и на зажиточную часть середняков. Основная часть бедняков и середняков, служивших в территориальных воинских частях, лояльно относилась к хлебозаготовкам и коллективизации, проявляя недовольство ситуативно и в отношении наиболее резких «перегибов», а не политической линии властей в целом.

Источники и литература

1. *Безугольный А.Ю.* «Источник дополнительной мощи Красной армии…»: Национальный вопрос в военном строительстве в СССР 1922–1945. М., 2016.

2. *Венков А.В.* Два ареста Харлампия Ермакова – прототипа главного героя романа «Тихий Дон» // Исторический вестник. 2020. Т. XXXIV. С. 66–83.

3. *Воскобойников Г.Л.* Казачество в Красной армии в 20-е–30-е гг. XX в. // Кубанское казачество: Три века исторического пути. Краснодар, 1996. С.49–52.

4. *Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К.* Казачество и социализм. Исторические очерки. Ростов-на-Дону, 1986.

5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 696.
6. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 224.
7. Кубанская станица на выборах в Советы. Март 1925 г. Краснодар, 1925.
8. *Куценко И.Я.* Кубанское казачество. Изд. 2-е. Краснодар, 1993.
9. О работе Советов в бывших казачьих областях Северо-Кавказского края: постановление № 111 Северо-Кавказского крайисполкома Советов от 26 августа 1925 г. // Известия Северо-Кавказского крайисполкома. 1925. № 15. С. 15–17.
10. *Перехов Я.А.* Политика Коммунистической партии по вовлечению казачества Дона и Кубани в социалистическое строительство (1920–1925 гг.): дис. … канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1966.
11. По вопросу о казачестве: Резолюция Пленума ЦК РКП(б) 23–30 апреля 1925 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК (1898–1986). Изд. 9-е, испр. и доп. М., 1984. Т. 3. С. 349–351.
12. *Рвачева О.В.* Военная служба донских казаков в территориально-милиционных частях в 1920-х гг. Фактор советизации казачества и форма проявления политической лояльности казаков // Клио. 2017. № 3 (123). С. 127–134.
13. Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг. В 2 кн. СПб., 2006.
14. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 2. Д. 179.
15. *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов-на-Дону, 2010.
16. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД: Документы и материалы. В 4 т. Т. 2. 1923–1929. М., 2000.
17. *Тархова Н.С.* Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 гг. М., 2010.
18. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 2816. Оп. 1. Д. 65.
19. ЦДНИКК. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 382.
20. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 7. Оп. 1. Д. 200.

Е.С. Богунова

Этнический фактор в повседневной жизни населения Северного Кавказа в годы перестройки: опыт анализа биографических интервью

Заметным явлением в гуманитарных и социальных науках конца XX в. стал биографический поворот, когда взгляд отдельного человека на происходящие общественные процессы стал важной дополняющей официальной версии истории, давал новые траектории для их понимания [1; 3; 6; 8].

Особую актуальность это имело для переломных этапов развития общества, когда изменения отражались на всех сторонах жизнедеятельности и затрагивали практически все население. Одним из таких этапов в истории России стал период перестройки (1985–1991 гг.), когда Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев начал масштабное реформирование советского общества, затронувшее экономику, политику, социальную сферу и другие

области. Важной составляющей перестройки стала политика гласности, определяемая ее создателями как непременное условие демократизации общества. В сферу общественного дискурса попали ранее закрытые темы, в том числе касающиеся сферы межнациональных отношений и происходившие в различные периоды развития страны.

Эти вопросы актуализировались и на многонациональном Северном Кавказе, что в свою очередь отразилось на формах и характере межнациональных отношений. В научной литературе достаточно большой объем публикаций посвящен анализу межэтнических противоречий и конфликтов в стране в рассматриваемый период [7; 9], а также повседневной жизни советских людей [2; 4; 5], однако вопросы места и роли этнического фактора в повседневной жизни населения Северного Кавказа в период перестройки практически не представлены в научных исследованиях.

Источниковой базой исследования послужила серия фокусированных биографических интервью, проведенных автором в рамках реализации проекта, связанного с изучением повседневной жизни советских людей в период перестройки. Было проведено 30 интервью, респонденты представлены разными социально-профессиональными и возрастными группами. Географические рамки исследования охватывают территорию Северо-Западного Кавказа.

Отдельно отметим, что целью биографических интервью было изучение повседневных практик населения региона в период перестройки, тема межнациональных отношений не выделялась, как отдельная и, соответственно, проявлялась только в контексте разных областей жизнедеятельности. В интервью выделились несколько основных направлений связанных с темой межэтнических взаимоотношений.

Миграционное. Период перестройки – начало серии межнациональных конфликтов на территории СССР и, соответственно, миграции с этих территорий в более безопасные места. Респонденты отмечают, что приток вынужденных переселенцев с территорий открытой и латентной конфликтности был для них пониманием того, что ситуация в стране изменилась. Хотя и этот период получил название «гласности», информация о конфликтах оставалась закрытой и о реальной ситуации люди получали именно из личных каналов. Вместе с тем, в обществе, оставались доминирующие установки на межнациональный мир и согласие, да и территория Северо-Западного Кавказа оставалась территорией относительной стабильности. Эти настроения нашли отражения и в интервью: «разговоры о том, что где-то есть конфликты между народами, были для нас, советских людей чем-то экстремальным», «мы верили в дружбу народов и в Советский Союз», «на нашем доме были огромные буквы – БРАТСТВО, и я действительно чувствовал, что все советские люди братья» (цит. здесь и далее по материалам авторских интервью).

Однако идеологические установки шли вразрез с реальной ситуацией, причем конфликтные ситуации четко маркировались как этнические: «армянские беженцы из Карабаха», «конфликт между турками-месхетинцами и узбеками». В большинстве своем респонденты отмечали всестороннюю помощь мигрантам, солидарность и соучастие. Сама ситуация воспринималась как временные и преодолимые трудности.

Другим направлением, четко проявившимся в биографических интервью, стал ***рост национального самосознания***. Респонденты отмечали происходившие изменения во взглядах людей, активизировавшиеся дискуссии об истории отдельных народов, ее вольная трактовка. В отдельных случаях это приводило к противопоставлению одних народов другим, что также шло вразрез с советской идеологией единой советской нации. Респонденты, характеризуя этот период, отмечают появление таких выражений как «наша земля», «здесь наша нация, а здесь ваша», «завоеватели», подчеркивая, что такие выражения все-же оставались редкостью.

Важным фактором, актуализирующим этническую проблематику, стал вопрос о реабилитации репрессированных народов. Закрытая ранее информация об этнических депортациях и их последствиях становится достоянием общественности, в условиях недостатка объективных источников вызывает большой общественный резонанс. В интервью отмечалось, что часть респондентов только тогда узнали о депортациях и репрессиях, хотя и взаимодействовали с представителями этих народов: «Я только в период гласности, в это время, когда были сняты запреты на обсуждение разных тем, узнал, что карачаевцев выселяли в сталинское время, а я с ними жил рядом, дружил, но этого не знал» (мужчина, 55 лет).

В рутине повседневных проблем среднестатистический советский человек узнавал новую информацию о межэтнических конфликтах, бедах народов, испытавших репрессии и депортации. Это меняло привычный мир, где обсуждение социально-политических проблем становится важной частью повседневных практик: «…у нас очень много было в классе крымских татар и начался такой крик на историчку, на учительницу, как их депортировали, как их в вагонах вывозили, как они в вагонах этих умирали по дороге в куда-то Среднюю Азию… когда они из Средней Азии уехали, им не разрешили вернуться в Крым. И поэтому они остались на нашей территории Краснодарского края, не доехав до Крыма, их не впустили в Крым» (женщина, 44 года).

Третье направление – ***экономическое***, респонденты отмечали, что катализатором межэтнических проблем стали проблемы в экономической сфере. Проблема дефицита в советском обществе имела особую актуальность, но в период перестройки эти проблемы усложнились, причины проблемы могли искать в большом количестве мигрантов, непропорциональном распределении и др. В повседневном дискурсе эти темы приобрели особую актуальность: «Когда возник дефицит, масла, колбасы, потом мыла, естественно свои своим помогали эти проблемы решать, по линии родственников или одной нации. Это, конечно воспринималось негативно»; «беженцы поприехали… начали строиться тут, покупать дома. То есть они уехали с большими деньгами оттуда. Отсюда причины конфликтов».

В целом, в повседневной жизни советского человека эпохи перестройки этнический фактор не был ярко выражен. Вместе с тем четко проявляется противоречие между декларируемыми установками на межнациональные дружбу и согласие и реальной ситуацией, в которой начинают происходить межэтнические конфликты, появляются вынужденные переселенцы, открывается правда о депортациях и репрессиях.

Таким образом, в период перестройки происходит коренное изменение повседневных структур и практик, что было следствием социально-политических преобразований, происходивших в обществе. Этнический фактор играет все большую роль в повседневной жизни, что было следствием политики гласности: растет этническое самосознания, идет миграция из зон открытой и латентной конфликтности. По мере ухудшения экономической ситуации растет внутриэтническая солидарность.

Рассмотрение межэтнического взаимодействия с данного ракурса позволяет по новому посмотреть на этот непростой этап в жизни страны глазами обычного человека и объяснить причины достижений и неудач перестройки, как на примере СССР, так и отдельных его регионов.

Источники и литература

1. (Авто)биография как объект социологического анализа. Материалы X чтений памяти В.Б. Голофаста, 3–5 апреля 2018 г. СПб., 2018.

2. *Здравомыслова О.М.* Перестройка и фактор Горбачева в общественном мнении 1985–1991 гг.: Западная Европа, США, СССР // Прорыв к свободе: О Перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). М., 2005. С. 342–361.

3. *Корытникова Н.В.* Нелинейный биографический анализ Б.З. Докторова // Социологический журнал. 2025. Т. 31. № 3. С. 164–181.

4. *Кром М.М.* Повседневность как предмет исторического исследования (вместо предисловия) // История повседневности: Сборник научных работ. СПб., 2003. С. 7–14.

5. *Орлов И.Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010.

6. *Островская Е.О.* Биографический нарратив в изучении религиозности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 22(4). С. 65–80.

7. *Ракачев В.Н., Ракачева Я.В.* Краснодарский край: этносоциальные и этнодемографические процессы (вторая половина 1980-х – начало 2000-х гг.). Краснодар, 2003.

8. *Рождественская Е.Ю., Семенова В.В.* Социальная память как объект социологического изучения // ИНТЕР. 2011. Т. 1. № 6. С. 27–48.

9. *Хоперская Л.Л.* Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе: Концепция этнической субъектности. Ростов-на-Дону, 1997.

Г.В. Чакветадзе

Взаимодействие культур Абхазии и Кавказа

Кавказ можно с полным основанием назвать уникальным местом для культурного диалога. Это не просто поэтичное описание, а реальное отражение многовековой и сложной истории региона. За тысячелетия на Кавказе переплетались обычаи, верования и культуры разных народов, и из этого взаимодействия рождались новые, самобытные явления.

Взаимодействие культур Абхазии и Кавказа – многогранный процесс, в ходе которого переплетаются различные этнические традиции и обычаи. Культурное взаимодействие проявляется в языковом обогащении народов региона, обменов традициями и обычаями, а также в совместных усилиях

по организации культурных мероприятий. Важную роль играет сохранение и развитие общего культурного наследия, которое способствует укреплению дружеских связей между народами региона. В то же время каждая культура сохраняет свою индивидуальность, обогащаясь за счет заимствований из соседних культур.

Кавказ всегда являлся перекрестком цивилизаций. Через его просторы проходили торговые пути, соединявшие Европу и Азию, а различные народы, мигрируя в эти земли, оставляли свой отпечаток на культуре. В результате происходил обмен не только товарами, но и идеями, технологиями, художественными традициями. Так, античные колонии на абхазском побережье (Диоскуриада и Питиунт) интегрировали эту территорию в культурное пространство Средиземноморья. Позже через Кавказ распространялись религии, технологии, художественные традиции. В итоге в культуре абхазов, адыгов, абазин, осетин, чеченцев, дагестанцев и других народов накопилось много общего – в языке, фольклоре, ремёслах, обрядах. Диалог шел веками.

Абхазия всегда входила в единое социокультурное пространство Северного Кавказа. Общественный деятель, автор и руководитель международного проекта «Кавказ – наш общий дом» Давид Дасаниа впервые в истории Абхазии в 1994 г. создал разветвленную корреспондентскую сеть, соединившую Сухум с Майкопом, Черкесском, Нальчиком, Владикавказом, Казанью и Уфой. Проект по объединению кавказских народов через СМИ начал реализовываться в 1996 г. В 2002 г., стремясь внести свой вклад в развитие межкультурного диалога на Кавказе, он основал международный образовательный проект, посвященный изучению истории кавказских народов. Этот проект стал важным шагом в формировании у молодого поколения чувства уважения к культурному разнообразию Кавказа.

Для плодотворного развития сотрудничества в области культуры между Россией и Абхазией в 2010 г. в Сухуме прошло заседание Координационного совета по культуре и искусству ассоциации «Северный Кавказ», на котором обсуждались вопросы по сохранению сети муниципальных учреждений культуры, ход подготовки XIII межрегионального фестиваля мастеров искусств «Мир Кавказа» в Ростове-на-Дону. В открытии заседания приняли участие президент Абхазии Сергей Багапш и первый вице-премьер Леонид Лакербая.

17 ноября 2017 г. в Сухуме был проведен Первый международный форум «Кавказ в контексте глобализации». Форум собрал представителей научного и аналитического сообществ России и Абхазии, деятелей культуры и образования, представителей политических кругов и бизнеса. Участников форума приветствовал президент Абхазии Рауль Хаджимба. По его словам, главной целью форума «является общность усилий по созданию единого культурно-информационного пространства, формирование толерантного общественного сознания на основе общих целей и знаний друг о друге». «Необходимо сближение позиций ученых по отношению к историческому прошлому народов», – считал президент Абхазии [1].

В 2020 г. в Парламенте Абхазии обсуждали тему взаимодействия с Северным Кавказом. Особо актуальной стала тема отношений с республиками Северного Кавказа из-за все более нарастающего влияния грузинской дипло-

матии в регионе. Комитет по межпарламентским связям совместно с историками и общественными деятелями пытался понять, почему в многовековых братских отношениях возникли барьеры и как их преодолеть. По словам участника встречи, депутата Астамура Логуа, многим государствам выгодно «рассорить» братские народы, но сильнее всего эту инициативу проявляет Грузия. С одной стороны это делается для того, чтобы испортить отношения Абхазии с Северным Кавказом, с другой – в противовес российской политике в регионе, считал парламентарий. Председатель Государственного комитета по репатриации Вадим Харазия считал, что для восстановления влияния и стабилизации отношений необходимо использовать инструменты народной дипломатии, в том числе с привлечением представителей интеллигенции, возобновлять и увеличивать количество встреч союзов писателей, культурных и научных конференций, финансировать издание и переиздание исторической и художественной литературы. «Необходимо здоровое взаимовлияние культуры и конкуренции. У нас не хватает потенциала и специалистов, а на Северном Кавказе есть люди, которые готовы участвовать в укреплении Абхазии во всех областях. Они будут делать это не потому, что материально заинтересованы, а потому что хотят, что абхазский проект состоялся. Сегодняшние технологии позволяют нам создать общее культурно-информационное пространство без чьей-то поддержки. Сегодня культурный капитал может быть коммерческим», – объяснил он [4].

В преддверии одного из самых важных праздников республики, символизирующих ее борьбу за свободу и государственность – Дня независимости в 2023 г. в Абхазию прибыла официальная делегация из Карачаево-Черкесии. «Поздравить братский абхазский народ и Президента Абхазии Аслана Бжания с праздником, а также принять участие в мероприятиях, приуроченных к 30-летию победы и независимости республики, приехали Спикер Парламента КЧР Александр Иванов и руководитель Администрации Главы и Правительства КЧР Мурат Озов. Президент Абхазии Аслан Бжания провел встречу с Главами Республик Адыгея и Кабардино-Балкария Муратом Кумпиловым и Казбеком Коковым, а также с официальной делегацией Карачаево-Черкесии. Подчеркну, мы – не просто соседи и друзья. У Карачаево-Черкесии и Абхазии особые отношения: нас объединяют общая история, схожесть культур и традиций, а также добрые взаимоотношения между нашими народами. Убежден, эти отношения будут только крепнуть на благо наших народов!», – написал в своем telegram-канале Глава Карачаево-Черкесской Республики Рашид Темрезов [3].

С 1 по 4 октября 2025 г. в Сухуме прошел XII Международный форум историков-кавказоведов «Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура, посвященный 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, 80-летию со дня рождения первого президента Абхазии академика В.Г. Ардзинба, 100-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии. Форум собрал ученых из 21 регионов России, а также 9 стран ближнего зарубежья (Армения, Азербайджан, Грузия, Беларусь, Казахстан, Узбекистан). Организаторами форума выступили Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа, Федеральный исследовательский центр Юэный научный центр Российской

академии наук (г. Ростов-на-Дону), Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь), ряд общественных организаций. В ходе форума на пленарных и секционных заседаниях, на круглых столах обсуждались актуальные проблемы исторического, политического, социально-экономического, культурного развития народов Кавказа и региональной безопасности.

В наши дни пространство диалога активно создают разные инициативы. 13 июня 2026 г. на исторической поляне Лыхнашта в селе Лыхны Гудаутского района прошел Первый форум культуры народов Кавказа «Лыхны» – масштабное культурное событие, объединившее представителей Абхазии и республик Северного Кавказа. Форум стал первым крупным проектом автономной некоммерческой организации «Абхазские сезоны», созданной для развития культурных инициатив в Республике Абхазия, и был реализован благодаря победе в конкурсе «Созидатели Абхазии» при поддержке Фонда президентских грантов (Россия). Местом проведения была выбрана Лыхнашта – легендарная поляна, которая на протяжении веков служила важнейшим общественным и духовным центром Абхазии. Здесь принимались судьбоносные решения, собирались народные сходы, укреплялось единство народа. Сегодня это пространство вновь стало местом встречи культур, традиций и поколений. Главная цель форума – сохранение и популяризация культурного наследия народов Кавказа, укрепление межрегиональных гуманитарных связей, поддержка творческих инициатив и развитие культурного диалога. Форум объединил творческие коллективы, мастеров народных промыслов, дизайнеров, художников, ученых, спортсменов и общественных деятелей.

Особую значимость форуму придало участие Президента Республики Абхазия Бадры Гунба, который лично участвовал в мероприятии и подчеркивал важность таких встреч для сохранения исторической памяти и братских отношений. Подобные события показывают: диалог работает, когда есть конкретные площадки для живого общения. В своем обращении Президент Республики Абхазия отметил: «Нынешний Форум народов Кавказа имеет особое значение. Он объединяет представителей разных народов, культур и традиций ради общих целей – сохранения исторической памяти, развития сотрудничества и укрепления братских отношений. Кавказ всегда был силён своим братством, взаимным уважением и готовностью прийти на помощь друг другу. Именно эти ценности помогали нашим народам преодолевать самые сложные испытания. И сегодня они остаются прочной основой для нашего общего будущего. Убежден, что нынешний форум станет важной площадкой для открытого диалога и выработки новых инициатив. Мы намерены сделать такие встречи доброй традицией и проводить их в дальнейшем, укрепляя связи между народами Кавказа и создавая новые возможности для сотрудничества» [2].

Яркой частью форума стали выступления известных творческих коллективов. Перед гостями выступил Государственный академический ансамбль танца «Вайнах» из Чеченской Республики – легендарный коллектив, более 80 лет сохраняющий и представляющий национальную хореографическую культуру чеченского народа. Свои лучшие номера представил народный ансамбль адыгского танца «Адыги» из Республики Адыгея, ставший одним из символов адыгской танцевальной традиции. В концертной программе приня-

ли участие Государственная хоровая капелла Республики Абхазия и возрожденный хор долгожителей «Нартаа», вновь продемонстрировавший уникальное звучание абхазского многоголосия и преемственность культурных традиций.

Особое место в программе форума занял образовательный лекторий. Перед слушателями выступила кандидат исторических наук, этнолог, научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований имени Д.И. Гулиа Асида Гумба с лекцией «Танец как культурный код Кавказа». Журналист и исследователь Адгур Гунба представил лекцию «Топонимика гор, охотничьи традиции и лесной язык абхазов», посвященную этнографическим особенностям традиционной культуры абхазского народа. Председатель Союза оружейников Республики Абхазия «Хнапы» Тимур Дзидзария рассказал гостям об истории абхазского оружейного ремесла, его эстетике и культурном значении. На протяжении всего форума работала масштабная выставочная зона. Гости посетили выставку народных ремесел и декоративно-прикладного творчества «Нити традиций», подготовленную Центром народной культуры Республики Адыгея.

Первый форум культуры народов Кавказа «Лыхны» стал пространством живого общения, обмена опытом и укрепления дружеских связей между народами Кавказа. Он подтвердил высокий общественный запрос на проекты, направленные на сохранение исторической памяти, поддержку традиционной культуры и развитие гуманитарного сотрудничества.

Сегодня диалог культур на Кавказе проходит проверку на прочность. Политические конфликты XX и начала XXI вв. оставили глубокие раны, нарушив многие традиционные связи. Однако именно в такие моменты проявляется жизнеспособность народной дипломатии. Международные научные конференции по кавказоведению, проходящие в Сухуме, собирают ученых со всего мира, возвращая региону статус академического центра.

Кавказ и Абхазия в этом контексте – территория контрастов: здесь вековой опыт диалога соседствует с современными вызовами, а стремление сохранить идентичность сочетается с готовностью к взаимообмену. Главная задача – находить баланс: не подавлять различия, а использовать их как ресурс для совместного развития.

В целом диалог культур между Абхазией и другими частями Кавказа – это живой, динамичный процесс. Он позволяет не только сохранять и развивать уникальное наследие каждого народа, но и строить мосты взаимопонимания, находить точки соприкосновения для совместного творчества и решения общих задач.

Источники и литература:

1. Абхазия укрепляет связи с Северным Кавказом для поддержки России – Хаджимба // EADaily. 2017. 17 ноября. URL: https://eadaily.com/ru/news/2017/11/17/abhaziya-ukreplyaet-svyazi-s-severnym-kavkazom-dlya-podderzhki-rossii-hadzhimba (Дата обращения 05.08.2026).

2. Бадра Гунба посетил Первый форум культуры народов Кавказа «Лыхны» // Апсадгьыл-инфо. 2026. 13 июня. URL: https://apsadgil.info/news/society/badra-gunba-posetil-pervyy-forum-kultury-narodov-kavkaza-lykhny-/?ysclid=mu8v0t3gq530464570 (Дата обращения 05.08.2026).

3. Рашид Темрезов: С Абхазией мы – не просто соседи и друзья, нас объединяют общая история, схожесть культур и традиций, а также добрые взаимоотношения между нашими народами // Архыз 24. 2023. 29 сентября. URL: https://arkhyz24.ru/rashid-temrezov-s-abkhaziey-my-ne-prosto-sosedi-i-druzya-nas-obedinyayut-obshchaya-istoriya-skhozhes/?ysclid=mu8ucpzls51356651 (Дата обращения 05.08.2026).

4. *Тхайцук Т.* Вернуть дружбу братьев: что мешает отношениям Абхазии и Северного Кавказа // Sputnik Абхазия. 2020. 25 июня. URL: https://sputnik-abkhazia.ru/20200625/Vernut-druzhbu-bratev-chto-meshaet-otnosheniyam-Abkhazii-i-Severnogo-Kavkaza-1030408988.html (Дата обращения 05.08.2026).

Т.Ф. Маслова

Интеграция вынужденных переселенцев в местное сообщество Ставропольского края на рубеже XX–XXI вв.: культурно-коммуникативный аспект

Социально-политический кризис, сопровождавший распад СССР, обусловил формирование масштабных потоков вынужденной миграции в Российскую Федерацию. Демографические исследования оценивают численность лиц, переселившихся из стран СНГ в данный период, примерно в 9 млн человек. В то же время официальная статистика свидетельствует, что с момента введения процедур регистрации вынужденных переселенцев (с 1 июля 1992 г.) и беженцев (с 20 марта 1993 г.) и до 2002 г. соответствующий правовой статус был предоставлен 643,5 тыс. мигрантов (264,9 тыс. семей) [7: 17].

Северный Кавказ занимал лидирующее место по масштабам и интенсивности притока вынужденных переселенцев. Исследователи отмечают, что «с 1990 по 2001 год коэффициент миграционного прироста в целом по России составил 21,4%, по Северо-Кавказскому региону – 45,3%. Наиболее значимым он был в Краснодарском крае – 111,3%, в Ставропольском крае – 95,4%; в Ростовской области – 51,5% [3: 211], что объясняется движением миграционных потоков из закавказских республик.

Анализ интеграционных процессов в локальных сообществах, принимающих вынужденных переселенцев, служит основой для понимания механизмов адаптации в условиях миграционной подвижности. Эти знания необходимы для выработки стратегий, минимизирующих негативные последствия вынужденной смены места жительства – будь то войны, безработица или экологические кризисы. Согласно прогнозу Росстата, миграционный прирост в 2011–2030 гг. составит 10,5 млн чел. по «высокому варианту» и 7 млн чел. – по «среднему», что существенно выше современных масштабов [2: 34].

Очевидно, что адаптация и интеграция мигрантов в новых сообществах представляет актуальную задачу науки и практики с точки зрения управления данными процессами. В.Э. Бойков справедливо отмечает: «В социологических исследованиях требуется не просто выявление степени адаптации мигрантов в регионах их прибытия, а систематическое изучение их социальной интеграции с местным населением без чего затруднительно предвидеть

последствия миграции на социальную среду и демографическую ситуацию и соответственно определить оптимальную миграционную политику» [4: 180].

Согласно результатам наших исследований, проведенных в Ставропольском крае опросными методами в 2000 г. (опрос в 3 районах и 10 городах Ставропольского края, объем выборки 1000 чел.) и в 2006 г. (опрос в 2 городах и 7 районах Ставропольского края, объем выборки 600 чел.), наиболее частыми причинами оставления мест проживания являются: военные действия и угроза для жизни (73 % опрошенных); неустойчивость социально-политической ситуации в прежнем месте жительства, обусловленная политикой самоопределения союзных республик (47,8 % респондентов).

Выбор нового места жительства определялся связями людей с территорией прибытия. Около 65,9 % опрошенных переселенцев либо родились здесь и/или имели родственников, либо учились в учебных заведениях, либо служили в рядах Советской армии на территории края. Моноэтничный состав миграционных потоков выражался в том, что их основу составляли русские, удельный вес которых в 1999 г. составил 77,3 % (в 2002 г. – 70,6 %) [6: 24]. То есть, определение нового, культурно близкого, места жительства, давало возможности «снятия» проблем социокультурных идентификаций. Но лишь частично, так как представление о «родине» формируется через противопоставление российской действительности жизни в бывших республиках [5: 197]. В этой ситуации исследовательский интерес представляют показатели социокультурной интеграции, отражающие внешние условия и способности достижения устойчивости и стабильности субъектов в новом сообществе, выравнивание своего положения с местными жителями [1: 16], а также культурно-коммуникативные способности взаимодействующих субъектов сообщества к преодолению социокультурных различий.

Характерно, что 87,0 % вынужденных переселенцев, опрошенных в 2000 г., утверждали, что традиции, обычаи, нормы поведения людей в крае, куда они прибыли, в той или иной мере отличаются от аналогичных характеристик той социокультурной среды, где они проживали прежде. Среди местных жителей указывают на это примерно такое же количество опрошенных (83,8 %). Тенденции восприятия мигрантами местных жителей говорят об имеющихся сложностях: 50,3 % опрошенных вынужденных переселенцев в 2000 г. и 60,1 % в 2006 г. подчеркивают: «…это живущие собственной жизнью люди». В то же время связи, возникающие в ходе межличностного, межгруппового взаимодействия, отражают отношения взаимной зависимости, общности, основанные на ценностях и целях, которые значимы для его участников.

В процессе социокультурной интеграции вынужденных переселенцев в местное сообщество преодоление культурных различий становится неизбежным на фоне того, что вынужденные переселенцы, жизнь которых проходила в разных странах СНГ, впитали элементы культуры доминирующего этноса того государства или региона, где они проживали долгое время. Это оказало влияние на формирование некоторых отличий в традициях, нормах поведения, языке, культурных стереотипах. Преодоление культурных различий становится неотъемлемой частью интеграции вынужденных переселенцев. Годы жизни в различных регионах бывшего СССР привели к аккультурации мигрантов: они переняли черты культуры доминирующих этносов

тех республик, где проживали. Это сформировало заметные расхождения в традициях, языковых привычках и поведенческих стереотипах, что создавало объективные трудности во взаимодействии с местным населением.

По данным опроса жителей Ставропольского края в 2007 г., 44,5 % респондентов считают, что взаимодействие местных жителей и мигрантов часто является источником неприятностей; 35 % считают, что «нет», 18,7 % затруднились ответить. Проблематика интеграционных процессов обусловлена бытовыми трудностями переселенцев, которые они не в состоянии преодолеть самостоятельно. К этому добавляются взаимное недопонимание между мигрантами и местными жителями, завышенные ожидания первых и недовольство вторых своим социальным положением – всё это формирует почву для латентных или открытых конфликтов.

В 2006 г., по данным опроса, только 20,5 % респондентов – мигрантов отметили, что им известны случаи конфликтов с местными жителями за последнее время, 51,0 % – ответили, что «нет» и 21,8 % затруднились ответить.

Контент-анализ ответов на открытые вопросы о причинах возникновения конфликтов, приводимых вынужденными переселенцами, выявил, что, наиболее частыми среди них являются: «личная неприязнь», «зависть», «неприязнь к переселенцам вообще», «ссоры детей» и другие. Анализ показывает, что в основе конфликтов лежат прежде всего психологические факторы – конкуренция и неприятие «чужого». Отдельные взаимодействия приобретают конфликтный характер. Тем не менее системная мигрантофобия, проявляющаяся в избегании контактов с переселенцами или массовых столкновениях, зафиксирована не была, что указывает на наличие потенциала для конструктивного взаимодействия. Ключевые сферы повседневного взаимодействия переселенцев с коренным населением выстраиваются в следующей последовательности (по мере убывания значимости): 1) трудовая деятельность (35,2 %); 2) досуг (21,5 %); 3) решение жилищных проблем (11,5 %); 4) воспитание и обучение детей (11,3 %); 5) ведение личного подсобного хозяйства (11,1 %); 6) общественная работа (7,2 %).

Сравнительный анализ ценностных ориентаций, определяющих стратегии поведения переселенцев и местных жителей, продемонстрировал их существенное совпадение. Семья и близкие отношения были названы главным источником психологической поддержки более чем 80 % респондентов обеих групп. Значимое место занимает и труд: 47,3 % переселенцев и 46,5 % местных жителей рассматривают работу не только как средство экономического выживания, но и как условие душевного благополучия.

На состояние и характер межгруппового взаимодействия во многом влияет сближение идентификационных приоритетов переселенцев и местных жителей. Согласно данным опроса, большинство респондентов обеих групп идентифицируют себя, прежде всего, как «человек», «русский», «родитель». При этом 71,2 % мигрантов относили себя к категории «беженец» или «переселенец», однако по результатам опроса 2006 г. доля таковых снизилась на 20 %.

Сравнительный анализ самоидентификаций переселенцев и местных жителей выявляет как различия, так и значимые точки соприкосновения. Несмотря на различия в текущем социальном статусе, общность этнокультурной принадлежности (идентификация как «русские»), а также совпаде-

ние базовых жизненных ценностей выступают мощным культурным ресурсом интеграции. Знание общего языка, разделение схожих культурных норм и моделей поведения существенно нивелируют межгрупповые различия, способствуя преодолению социальных барьеров и формированию устойчивых связей в локальном сообществе.

Источники и литература

1. *Маслова Т.Ф.* Социокультурная интеграция вынужденных переселенцев в местное сообщество на рубеже XX-XXI веков (на примере Ставропольского края): автореф. дис. ... д-р социол. наук. Ставрополь, 2009.

2. *Мукомель В.И.* Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. 2012. № 20 (1). С. 34–50.

3. *Николаев М.Н.* Миграция населения Ставропольского края на рубеже XXI века // Расселение, этнокультурная мозаика, геополитика и безопасность горных стран. М. – Ставрополь, 2001. С. 210–213.

4. Современные миграционные процессы: состояние. Проблемы. Опыт государственного и общественного регулирования. Ростов-на-Дону, 2008.

5. *Тарасенко А.В.* Россия – Родина глазами вынужденных русскоязычных мигрантов // Социально-политическая реальность и социодинамика современного российского общества: Материалы 52-й научно-методической конференции преподавателей и аспирантов СГУ «Университетская наука – региону». Ставрополь, 2007.

6. *Турун П.П.* Роль мигрантов в формировании сельского населения Ставропольского края. // Бюллетень социально-политических проблем Кавказа ЮНЦ РАН. 2006. Вып. 2.

7. *Юдина Т.Н.* Социология миграции. М., 2006.

В.Н. Ракачев, Я.В. Ракачева

Между Арменией и Россией: лиминальность этнической идентичности армянских мигрантов

Вопросы идентичности составляют сегодня одну из самых активно разрабатываемых проблем в рамках социально-гуманитарного знания. В условиях сложного, постоянно меняющегося мира индивиды и группы вынуждены многократно переосмысливать свое «Я». Как следствие, идентичность представляется не как фиксированный атрибут, а как динамический результат взаимодействия двух механизмов – внутреннего самоопределения и внешней социальной категоризации. Их пересечение формирует как ощущение собственной уникальности, так и чувство причастности к группе, задавая границы включения и исключения, которые, в свою очередь, конструируются и воспроизводятся через государственную политику и правовые нормы [1: 86].

Значимым фактором трансформации идентичности выступает миграция, которая в современных условиях все чаще приобретает транснациональные формы [4]. Поэтому механизмы формирования и трансформации идентичностей в условиях миграций требуют пристального внимания и постоянных исследований.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы на эмпирическом материале армянских мигрантов в южных регионах России проанализировать, как в условиях транснациональной миграции перестраиваются этноидентифицирующие маркеры, какие из них сохраняют устойчивость, а какие приобретают лиминальный характер, и как эта динамика связана с миграционными волнами и поколенческой принадлежностью.

Эмпирическую базу исследования, составили материалы, собранные с помощью глубинных слабостандартизированных интервью среди армянских мигрантов в регионах юга России (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область, Республика Адыгея) в 2021–2025 гг. (42 интервью), представляющих разные миграционные волны.

В качестве теоретической рамки мы используем подход Р. Брубейкера и Ф. Купера, предложивших рассматривать идентичность не как фиксированную субстанцию, а как процесс идентификации и категоризации [1], который в случае с мигрантами носят ситуативный и множественный характер. Это позволяет сосредоточиться на том, как и в каких контекстах мигранты активируют различные маркеры принадлежности.

Центральной для нашего анализа является концепция лиминальности как состояния пограничности, переходности, пребывания «между и между», когда индивид или группа уже утратили прежние четкие характеристики, но еще не обрели новых, которая восходит к работам А. ван Геннепа и В. Тернера [7; 8]. В применении к этнической идентичности мигрантов лиминальность означает, что традиционные этнодифференцирующие маркеры (язык, религия, представления о Родине) перестают быть однозначными и устойчивыми, становятся гибкими и ситуативными, «включаются» и «выключаются» в зависимости от контекста. При этом некоторые маркеры (в первую очередь происхождение и историческая память) восприниматься как незыблемые и самоочевидные, образуя устойчивое ядро идентичности.

Для интерпретации идентичности трансмигрантов мы также обращаемся к теории транснационализма (Н. Глик Шиллер, Л. Баш, К. Блан-Сзантон), которая рассматривает миграцию как формирование транснациональных социальных полей, где мигранты одновременно укоренены в нескольких национальных контекстах [3; 4]. Эта теория позволяет зафиксировать особое положение мигрантов последней волны, чья идентичность не сводится ни к армянской, ни к российской, а конструируется на пересечении двух пространств.

Устойчивое ядро идентичности: происхождение и историческая память. В идентичности армянских мигрантов есть ряд общих моментов: большинство из них, независимо от времени переселения, обладает целостной этнической идентичностью и считает себя этническими армянами. Этническая идентичность базируется на этнокультурной общности, однако такие элементы как происхождение, язык, традиции, обычаи и историческая память играют в самоидентификации мигрантов разную роль.

Наиболее устойчивым маркером выступает происхождение («кровь»). Именно оно фигурирует в высказываниях информантов как безусловная данность, не подлежащая пересмотру: *«Ну, все-таки я армянка, ну конечно, у нас в Армении есть такая пословица: «Кровь… вода… кровь водой не станет…», как-то вот так переводится, и конечно я считаю себя армянкой. Но*

мы живем в России, и естественно, мы говорим по-русски. Я армянка, конечно, ну и гражданин России» (женщина, 54 года)

Другим устойчивым маркером выступает травматическая коллективная память, связанная с геноцидом 1915 г. Можно утверждать, что этот фактор является основополагающим для поддержания устойчивой этнической идентичности практически всех групп армянских мигрантов. В отличие от языка или религии, историческая травма заметно меньше подвержена лиминальности – она транслируется через поколения и сохраняет свою консолидирующую силу даже при ослаблении других маркеров.

Лиминальные маркеры идентичности: язык, религия и образ Родины. В отличие от происхождения и исторической памяти, такие маркеры, как язык, религия и представления о Родине, демонстрируют ярко выраженную лиминальность, они находятся в переходном состоянии, утрачивая прежнюю однозначность и не обретая новой определенности.

Язык как идентификационный маркер принимает наиболее сложные и противоречивые формы. Многие информанты считают родным языком тот, на котором они думают, а в случае длительного проживания в России и хорошего владения русским языком склонны считать его либо единственным родным, либо вторым родным. В целом можно выделить три модели языкового сознания армянских мигранов: 1) армяноцентричная – родным считают армянский язык даже при полном невладении им; 2) русскоцентричная – родным считают русский язык, апеллируя к тому, что думают преимущественно на нем; 3) билингвальная – в качестве родных указывают оба языка, причем армянским могут также не владеть: «*Ну, конечно, свой родной – это армянский язык, но русский язык мне уже тоже как родной, потому что практически всегда дома мы говорим по-русски*» (мужчина, 56 лет); «*Оба языка как родные, так как обе страны я считаю родной.... Я когда общаюсь с русским человеком, включается русское мышление, а когда с армянином – армянско*е» (женщина, 48 лет)

Лиминальность языка проявляется в том, что он перестает быть жестким маркером этнической принадлежности: можно не владеть армянским, но продолжать считать себя армянином; можно владеть обоими языками, но переключать «языковое мышление» в зависимости от ситуации.

Религия как маркер идентификации также демонстрирует лиминальное состояние. Конфессиональная принадлежность (христианство) сохраняется как расширенный маркер, но теряет повседневную регулятивную силу и становится скорее символическим элементом.

Представления о Родине раздваиваются: Армения остается «исторической родиной», но Россия становится «родиной текущей жизни». Это порождает лиминальное состояние «между двух стран»: «*Я – россиянка, потому что гражданка, да. Ну, я еще и армянка и гражданка Армении. Ну, то есть я себя ощущаю, идентифицирую и как россиянку, и как армянку, которая проживает в России. И армянка, и россиянка*» (женщина, 48 лет)

Лиминальность и миграционные волны. Лиминальность усиливается в зависимости от миграционной волны. Мигранты ранних волн, давно проживающие в России, часто идентифицируют себя как «русских армян», армян «по крови», но ощущающих себя армянами «наполовину»: «*Ну, армя-*

нином, армянкой – это было когда-то, лет 20 назад, а сейчас нет… Ну как-то связь с Арменией … я не скажу, что она оборвалась, нет, просто когда живешь в России и соответственно семья в России, дети в России, как-то армянкой уже себя ощущаешь как бы наполовину. Вторая половина больше россиянка» (женщина, 60 лет).

Этот вариант этнического самоопределения отражается и в данных всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг., которые фиксируют появление двойных характеристик: русские армяне, русско-армяне, армяно-русские, а также множества других гибридных самоопределений (армяно-греки, армяно-грузины, армяно-татары, донские армяне, крымские армяне, черкесогаи и др.) [2].

Лиминальность создает также внутренние границы в самой армянской диаспоре. Мигранты более поздних волн, более тесно связанные с Арменией, воспринимают армян старой диаспоры как «обрусевших». Формируется оппозиция «мы – настоящие армяне» и «они – уже нет»: «*Вот у меня родственники есть … село Гай-Кодзор. Оно практически армянское село. Там у меня есть родственники армяне. Они если так можно сказать обрусевшие. … Они, многие из них даже языка не знают армянского. Они родились здесь и выросли. С начала 60-х годов переехали*» (мужчина, 35 лет).

С другой стороны, и в отношении трансмигрантов (мигрантов последней волны) наблюдается идентификация извне со стороны «старой» диаспоры по линии «мы – коренные армяне», а «они – армянские иммигранты». В основе этой оппозиции – статусный и классовый характер: представители старой диаспоры занимают более высокое положение в российском обществе, тогда как новые мигранты преимущественно заняты на низкоквалифицированной работе.

Поколенческая динамика лиминальности. Исследование выявило определенную закономерность в межпоколенческих трансформациях: уже в третьем поколении присвоение этнодифференцирующих маркеров существенно ослабляется. Третье поколение чаще принимает местную национальную идентичность. Ослабление этнодифференцирующих маркеров у них не означает утрату этничности, а указывает на формирование гибридной идентичности, в которой сочетаются элементы армянской и российской культур. При этом значимым фактором, замедляющим лиминальность выступает активное участие семьи в жизни локального армянского сообщества: чем активнее семья включена в сообщество, тем сильнее проявляются этнодифференцирующие маркеры и укрепляется этническая идентичность у новых поколений.

Транснациональная идентичность как особая форма лиминальности. Наиболее ярко лиминальность проявляется у мигрантов последней волны, осуществляющих циклическую трудовую миграцию между Арменией и югом России (трансмигрантов). У этой группы наряду с усилением этнодифференцирующих маркеров (как реакция на «чужую» среду) формируется транснациональная гибридная идентичность, совмещающая принадлежность к двум странам, двум культурам и двум языковым средам.

Трансмигранты находятся в перманентно лиминальном состоянии: они уже не «чистые» армяне (поскольку адаптируются к российским реали-

ям), но еще и не «русские армяне» (поскольку сохраняют прямые и интенсивные связи с Арменией). Эта двойная незавершенность и есть проявление лиминальности, которая в данном случае становится не временной фазой, а устойчивым способом существования.

В целом проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Этническая идентичность армянских мигрантов в России представляет собой асимметричную конструкцию, где происхождение («кровь») и травматическая историческая память выступают устойчивым ядром, тогда как язык, религия и образ Родины находятся в лиминальном, переходном состоянии. Лиминальность этих маркеров не означает их утрату, она указывает на их ситуативность, гибкость и контекстуальную включаемость. При этом лиминальность усиливается от более ранних миграционных волн к поздним и от старших поколений к младшим, однако активное участие в жизни армянского сообщества может замедлять этот процесс. Наиболее выражена лиминальность у трансмигрантов, чья циклическая миграция порождает перманентное состояние «между» (между Арменией и Россией, между армянской и русской культурой, между этническим и гражданским). При этом стоит подчеркнуть, что у армянских мигрантов подвижность, гибкость отдельных маркеров носит рефлексивное, конструктивное, а не ритуально-обязательное состояние [5: 353]. Это означает, что они не пассивно проходят этап неопределенности, а активно конструируют гибридную идентичность, сочетая эссенциалистское понимание «крови» с ситуативным использованием языка, религии и гражданской принадлежности. Иначе говоря, лиминальность в данном случае выступает не как кризис или патология, а как адаптивный механизм и конструктивный ресурс, который позволяет сохранить этническую идентичность при одновременной успешной интеграции в принимающее общество. Это не «потеря себя», а «пересборка» идентичности в новых условиях, позитивный исход лиминального состояния [6: 24].

Таким образом, лиминальность этнической идентичности армянских мигрантов может быть понята как продуктивный способ существования в условиях транснациональной миграции, где устойчивость «крови» сочетается с подвижностью языка, религии и представлений о Родине. Дальнейшие исследования могли бы углубить анализ того, как институциональные факторы (правовой статус, доступ к гражданству, политика интеграции) влияют на темп и глубину лиминальности, а также сравнить лиминальные процессы у армянских мигрантов с другими группами мигрантов в России.

Источники и литература

1. *Брубейкер Р., Купер Ф.* За пределами «идентичности» // Ab. Imperio. 2002. № 3. С. 61–115.

2. Всероссийская перепись населения РФ 2020 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom4.htm (дата обращения: 21.06.2023).

3. *Петров В.Н., Заславская М.И., Ракачев В.Н., Ракачева Я.В.* Социальная идентичность в условиях транснациональной миграции: теоретические конструкции социологического исследования // Вестник Адыгейского государственного университета. 2022. № 1. С. 112–121.

4. *Glick Schiller N., Basch L., Szanton Blanc C.* Transnationalism: a new analytic framework for understanding migration. In Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered. Neu York, 1992.
5. *Marotta V.* Rethinking liminality in refugee and migration studies // Ethnicities. 2025. Vol. 25. No. 3. P. 339–357.
6. *Tereshchenko O.* Liminality in migration // Skhid. 2024. Vol. 6. No. 3. P. 21–25.
7. *Turner V.* The Ritual Process: Structure and Anti-Structure. Chicago, 2008.
8. *Van Gennep* A. The Rites of Passage. Chicago, 1960.

Н.В. Касландзия, З.Х. Гучетль

Взаимные представления и историко-культурные образы в сознании абхазской и адыгской молодежи (на материалах социологического исследования)

Несмотря на глубокую историко-культурную близость, в постсоветский период абхазы и адыги приобрели различный политико-правовой статус. В этих условиях актуальным становится вопрос о том, как первое постсоветское поколение молодежи репрезентирует данное родство: сохраняет ли концепт «братского народа» содержательную значимость или он вытесняется медийными стереотипами на фоне дефицита реальных межэтнических контактов.

Теоретико-методологическую базу исследования составили концепции социальных стереотипов (У. Липпман) [1], социальной идентичности (А. Тэшфел, Дж. Тернер) [5] и коллективной памяти (М. Хальбвакс) [3]. Анализ проводился с учетом современных подходов к изучению этнической идентичности на постсоветском пространстве и работ, посвященных кавказской региональной идентичности [2; 4].

Исследование проводилось с применением двух взаимодополняющих методов сбора данных. Количественный компонент включал анкетирование выборки из 100 респондентов (по 50 представителей абхазской и адыгской молодежи в возрасте 18–30 лет). В каждой группе соблюден гендерный баланс (25/25). Основная часть выборки представлена студентами и лицами с высшим образованием. Для формирования качественного компонента исследования было проведено фокус-групповое обсуждение с участием 13 информантов. Группа состояла из 8 представителей абхазской национальности (один из которых постоянно проживает на территории Республики Адыгея) и 5 представителей адыгской национальности. Применение смешанной стратегии исследования позволило обеспечить взаимную верификацию данных и достичь более глубокого понимания изучаемых феноменов.

В ходе исследования было выявлено, что этническая идентификация носит многоуровневый характер. Данные анкетирования свидетельствуют о доминировании национальной идентичности («я абхаз» / «я адыг»; «я абхазка» / «я адыгейка») над региональной кавказской идентичностью в большинстве повседневных ситуаций. Вместе с тем материалы фокус-групп позволяют выявить более сложную ситуативную динамику, не фиксируе-

мую в рамках закрытых анкетных вопросов. Показательна в этом отношении позиция одного из абхазских информантов: «Национальность всегда при мне, в независимости от того, где я нахожусь, что касается понятия кавказец, то я его осознаю больше за пределами Абхазии». Адыг, участник фокус-группы, имеющий опыт проживания в центральной России, описал аналогичный механизм: в Адыгее он идентифицирует себя, прежде всего, как адыга, тогда как в Воронеже позиционировал себя как кавказца. Информант абхаз (проживающий в Адыгее) указал, что контакты с представителями Чеченской Республики, Дагестана, Карачаево-Черкесии усиливают чувство кавказской общности: «эти люди кажутся мне ментально близкими».

Таким образом, этническая идентичность исследованных групп носит двухуровневый характер: национальная идентичность выступает базовым, постоянно действующим самоопределением, а региональная кавказская идентичность – ситуативный «надэтнический зонтик», активируемый во внешних контекстах. Это соответствует логике теории социальной идентичности и согласуется с утверждением о том, что «кавказская идентичность представляет собой реально существующий феномен», поскольку «в культурной жизни региона все еще значима кавказская идентичность, ценностное отношение к ней сохраняется у многих представителей кавказских этносов» [4: 16].

Следующий аспект исследования связан с анализом исторической памяти и нарративных конструкций, выступающих ресурсом легитимации современного этнического самосознания. Ответы на вопрос о трех главных исторических личностях и событиях абхазской и адыгской истории позволяют выявить общие закономерности, а также различия в структуре коллективной памяти респондентов. В абхазской молодежной аудитории ядром исторической памяти выступает государственность. Среди чаще всего упоминаемых исторических деятелей фигурируют Леон II (основатель Абхазского царства), Нестор Лакоба (председатель ЦИКа и Совнаркома Абхазской АССР), Владислав Ардзинба (первый президент Республики Абхазия). Особо отмечается Дмитрий Гулиа – основоположник абхазской литературы, с именем которого связывают культурное возрождение народа на рубеже XIX–XX вв. Тремя ключевыми событиями абхазской истории, получившими наибольшее число упоминаний, стали Отечественная война народа Абхазии 1992–1993 гг., провозглашение Абхазского царства в VIII в. и принятие христианства в VI в.

Для адыгской образованной молодежи центральными событиями коллективной памяти являются Кавказская война (1817–1864 гг.), махаджирство (1860–1870-е гг.) и Канжальская битва (1708 г.). Кавказская война воспринимается не просто как важный исторический факт, а как «боль» (по выражению одной из информанток), что наполняет ее глубоким эмоциональным содержанием. Полученные данные согласуются с наблюдением о том, что в Адыгее «в наиболее остром виде переживаются трагические события прошлого, которые до сих пор существенно влияют на самоощущение и идентичность некоторой части населения» [2: 60].

Среди значимых деятелей адыгской истории респонденты не выделили явных лидеров, назвав разнородные фигуры: просветителей Жабаги Казаноко и Умара Берсея, военных лидеров времен Кавказской войны Тугужуко Кызбеча и Джамбулата Болотокова, революционера-большевика Мосу

Шовгенова, советского партийного и государственного деятеля Шахан-Гирея Хакурате, а также руководителей Адыгеи постсоветского периода Хазрета Совмен и Мурата Кумпилова. Одна из участниц фокус-группы особо отметила Героя Советского Союза Хусена Андрухаева.

Таким образом, коллективная память абхазской молодежи в значительной степени организована вокруг темы государственности и политической преемственности. В адыгской группе она характеризуется выраженной значимостью событий XIX в., прежде всего Кавказской войны и связанных с ней процессов, включая махаджирство, что усиливает роль событийного нарратива. При этом структура персоналий включает разнородные типы исторических деятелей, что указывает на многослойность и неоднородность исторической памяти.

При ответе на вопрос о сенсорных и символических маркерах идентичности участники фокус-группы продемонстрировали высокую степень рефлексивности. Адыгскими информантами в качестве ключевых маркеров были отмечены: джегу (народное игрище), адыгский танец «Кафа», песня «Есть у адыгов обычай такой» (слова К. Жане, музыка Г. Самоговой). Информант из Адыгеи подчеркнул первостепенную роль живой адыгской речи, отметив, что язык выступает не просто коммуникативным средством, но способом погружения в культурную среду.

В абхазской группе в качестве таких маркеров были названы: традиционное застолье с его строгой иерархией поведения в зависимости от возраста («недостаточно лишь одного абхаза – должно быть присутствие как минимум двух-трех старших»), хоровое пение (один из информантов выделил «песню о ранении»), нартский эпос, блюда национальной кухни (абыста, акуд), а также литературное наследие писателя М. Лакрба.

Наиболее эмоционально насыщенную дискуссию вызвал вопрос о роли родного языка. Нормативная формула «без языка нет народа» воспроизводилась неоднократно. Одна из абхазских информанток (мать четырехлетнего ребенка – носителя родного языка) констатировала: «Через родной язык передается мудрость народа». Другой участник описал радикальное различие в контактах с представителями абхазской диаспоры в Турции в зависимости от владения языком: «С теми, кто говорит на абхазском, ты сразу ощущаешь единство», тогда как незнание языка создает определенную дистанцию даже при совпадении этнического происхождения. Прозвучали и более нюансированные мнения. Некоторые информанты указывали, что язык, хотя и крайне важен, не является единственным критерием принадлежности к тому или иному этносу, не менее губительной для народов может быть потеря традиций, норм апсуара и адыгагэ. Один из абхазских участников опроса отметил: «Знание языка не делает тебя частью нации – важнее соответствовать нормам кодекса апсуара», подчеркнув при этом, что утрата языка неминуемо ведет к эрозии традиционной культуры.

Анализ реальной языковой практики выявляет существенные расхождения между декларируемыми установками и повседневным поведением респондентов. Участница фокус-группы из Адыгеи, выросшая в Красноярском крае, констатировала недостаточное владение родным языком, объясняя это географической удаленностью от языковой среды в детские годы и от-

сутствием целенаправленной языковой социализации в семье. Ее самооценка («если человек не владеет адыгейским языком, он не может считать себя полноценным адыгом») носила двойственный характер: с одной стороны, воспроизводилась жесткая нормативная формула, с другой – звучало личное переживание из-за несоответствия ей. Это подтверждается тезисом, который был озвучен другим участником дискуссии: «Вся наша философия кодируется в нашем языке, без него полностью ее ощущать и понять не получится».

Количественные данные существенно корректируют картину, полученную в ходе качественного этапа. При фокус-групповом обсуждении доминировала категоричная риторика, при этом в ходе анкетного опроса большинство респондентов расценивало знание родного языка как «важное, но не определяющее» условие национальной принадлежности. Подобные расхождения типичны для смешанных исследований и объясняются эффектом социальной желательности: в публичной дискуссии респонденты воспроизводят нормативно одобряемые позиции, тогда как анонимный формат стимулирует более дифференцированную и субъективно честную самооценку.

Эти данные свидетельствуют о структурном противоречии в языковой ситуации обоих этносов. Несмотря на широкое декларирование ценности родного языка, как адыги, так и абхазы сталкиваются с устойчивыми тенденциями языкового сдвига, особенно выраженными в городской среде. Этот процесс постепенно трансформирует нормативные установки в сторону большей гибкости, не отменяя, однако, эмоциональной значимости языка как маркера этнической идентичности.

Данные анкетирования выявили устойчивый набор черт, которые молодежь обеих групп приписывает собственному народу. В абхазской выборке лидирующие позиции заняли гостеприимство, уважение к старшим, смелость и сплоченность. Аналогичный кластер в адыгской выборке включает гостеприимство, уважение к старшим, верность традициям и чувство собственного достоинства.

Содержание автостереотипных черт у обоих народов практически идентично по своему ценностному содержанию: участники фокус-группового обсуждения неоднократно констатировали, что этические кодексы апсуара и адыгагъэ содержат «много сходных норм». Концептуально это сформулировал один из информантов: «апсуара и адыгагэ – это нас больше объединяет, потому что языки наши давно разошлись». Культурно-этическая общность осознается как более фундаментальная, нежели лингвистическое родство.

Гетеростереотипный образ носит, как правило, позитивную или нейтрально-позитивную окраску. Характерно, что участники фокус-группы при описании другого народа прибегали к тем же ценностным категориям, что и при описании собственного. Абхазский информант охарактеризовал адыгов как «очень свободолюбивых», «благородных» и «строго следующих традициям». Адыгские участники, в свою очередь, выделяли среди черт, присущих абхазам, «гостеприимство», «общительность» и доброжелательное отношение к адыгам.

Показательны конкретные нарративы, проявившиеся в ходе дискуссии. Участница фокус-группы из Адыгеи, посетившая вместе с друзьями Абхазию, рассказала о том, как незнакомый человек, узнав, что они адыги, пригласил их в гости. Для информантки этот эпизод стал подтверждением

особого абхазского гостеприимства: «Человек, занимающий высокий пост, просто позвал нас домой. Это меня очень поразило». Другой информант (абхаз, проживающий в Адыгее) привел слова своего друга-адыга, который побывал в Абхазии, о том, что у абхазов «гостеприимство – культ».

Данные анкетирования позволили установить иерархию источников информации о другом народе. Семья и рассказы родственников были названы среди трех наиболее значимых источников подавляющим большинством респондентов обеих групп. Следующую позицию заняли социальные сети. Личный опыт общения оказался лишь на третьей позиции. СМИ, школа и книги уступили им по значимости, что соответствует общим тенденциям медиапотребления молодежи в цифровую эпоху.

Характерно, что личный опыт непосредственного взаимодействия с представителями другого народа оказался у большинства участников минимальным. Это признавалось открыто как в анкетных комментариях («сложно сказать, так как мало встреч и общения»; «практически не контактирую»), так и в фокус-группе («с адыгами близко не общался»). Данное обстоятельство принципиально важно для интерпретации полученных стереотипных образов: их относительная позитивность объясняется не столько богатым положительным опытом взаимодействия, сколько действием культурного «кредита доверия», унаследованного из семейных нарративов об историческом братстве двух народов. Как замечает У. Липпман, «авторитеты являются мостиком в воображаемый мир, и их влияние тем сильнее, чем реже прямые контакты» [1: 216]. Именно так устроена передача межэтнических образов в исследуемых группах: образ другого народа транслируется через старшее поколение.

Особого внимания заслуживает роль событий Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг. в структуре межэтнических отношений. Участие добровольцев из Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии на стороне абхазов стало, по оценке участников фокус-группы, важнейшим событием, укрепившим образ «братского народа» и создавшим живую семейную память о единстве. Эта страница общей истории функционирует как доминирующий нарратив солидарности в обеих группах. Информант из Абхазии назвал песню «Адыгэ нысэ» в исполнении кабардинских добровольцев символическим маркером братской связи между абхазами и адыгами. Эти данные свидетельствуют о том, что общие культурные коды и исторический опыт взаимопомощи формируют устойчивый фундамент позитивных взаимных представлений.

Относительно путей сближения адыгской и абхазской молодежи участники обоих исследовательских форматов (анкетирования и фокус-группы) проявили единодушие. По результатам опроса наибольшую поддержку получили совместные молодежные форумы, образовательные обмены и поездки, а также распространение достоверной информации в социальных сетях. Фокус-групповое обсуждение конкретизировало механизмы межэтнического сближения, указав на необходимость создания устойчивых площадок для взаимодействия: совместных молодежных форумов, образовательных обменов, соревнований по национальным видам спорта, а также широкое распространение достоверной информации о соседних этносах в цифровой среде. Участники подчеркивали, что инициатива должна исходить от самих молодежных сообществ, а не навязываться административными ресурсами.

Полученный эмпирический материал подтверждает, что этническая идентичность носит ситуативный и многоуровневый характер. Кавказская идентичность функционирует как надстройка, которая актуализируется преимущественно при внешних контактах за пределами региона. Историческая память выступает смысловой опорой современного самосознания, однако ее структура у абхазской и адыгской молодежи различна, что обусловлено особенностями исторических траекторий и политического статуса обоих этносов. Объединяющим элементом остается символика солидарности, связанная с событиями Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг. Авто- и гетеростереотипы схожи и носят позитивный характер, однако остаются довольно размытыми из-за нехватки реального межэтнического общения. Результаты опроса демонстрируют значительный потенциал для укрепления межэтнического сотрудничества. Общие культурно-исторические корни, близость менталитета, позитивные взаимные представления создают благоприятную базу для развития диалога.

Проведенное исследование показало, что этническая идентичность в современных условиях не является статичной данностью, а представляет собой динамичный процесс, открытый для конструктивных изменений и трансграничных связей. Сохранение и развитие этих связей представляется не только важным фактором укрепления межэтнических отношений, но и необходимым условием культурного развития обоих народов в условиях глобализации и цифровой трансформации общества.

Список источников и литературы

1. *Липпман У.* Общественное мнение. М., 2004.
2. *Савин И.С.* Историческая память и российская идентичность на Северном Кавказе: особенности восприятия молодежи // Историческая память и российская идентичность на Северном Кавказе. М., 2017. С. 37–70.
3. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М., 2007.
4. *Шадже А.Ю., Жаде З.А., Куква Е.С., Ляушева С.А.* Российская идентичность на Северном Кавказе. М. Социально-гуманитарные знания. Майкоп, 2010.
5. *Tajfel H., Turner J.C.* An integrative theory of intergroup conflict // The Social Psychology of Intergroup Relations. Monterey, 1979. P. 33–47.

С.Н. Бредихин

Вторичная аккультурация синтонных аксиологем патриотизма при трансляции в русскоязычной сетевой коммуникации полиэтничного Северного Кавказа[1]

Северокавказский регион представляет собой сплав культур, характеризующихся не только этнонациональным и конфессиональным разнообразием, но и аккумулирующим концептуально-валёрные системы множества

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-28-20051, https://rscf.ru/project/26-28-20051/

сообществ. Традиционность паттернов синтоногенеза в коммуникативном и деятельностном пространствах оказывает существенное влияние на перевод моделей транскультурного взаимодействия из некооперативной двусторонней асимметричной в кооперативную двусторонне симметричную форму не только благодаря историко-культурным основаниям, но и экспликаторному потенциалу русского языка, служащему в качестве lingua franca всех российских полиэтничных регионов. Концентрация денотативных и коннотативных оценочных обертонов разноуровневых средств гармонизации оказывается возможной при вторичной аккультурации базовых аксиологем контактирующих лингвокультур в процессе перехода ингрупповых этнонационально маркированных пертинентностей в поликультурную, актуализируемую на общем пространстве интеракции релевантность [3].

Одной из наиболее важных топикальных областей мобилизации патриотических аксиологем является кризизная комментативная коммуникация. Логико-рациональная и аффективно-эмотивная форма актуализации патриотического объединения вне зависимости от социальных, этнонациональных, конфессиональных и т.д. различий в идентитарных пространствах участников сетевого взаимодействия способствует конвергенции этноспецифических аксиоцентрических компонентов когитемы «Единство».

– *Сейчас,* ***как никогда все сплотились****, с каждым днем убеждаюсь в этом, от этой очереди мурашки по коже, а сейчас прочитала, что банки готовы* ***помогать всем*** *пострадавшим от последних событий, и список банков очень большой,* ***никто неравнодушен*** *в этой ситуации* (https://t.me/chp_26stv/11473?comment=156787).

Вышеприведенный микроконтекст из одного из ставропольских Telegram-каналов демонстрирует прием прямой номинации ключевых аксиологических культурных концептов в конвергенции с общепатриотической нарративизацией. Сплочение полиэтнического сообщества отождествляется с присущей северокавказским народам максимизацией аффективного восприятия событий *неравнодушие*. Осуществляется трансляция импринта компонента «эмпатия» не только по отношению к представителям «круга своих» [4], но и в конситуативной контаминации статусно-институциональных и культурных идентификаций, вовлечении в ингруппу всех участников коммуникации, разделяющих ценностно-целевые основы кризисного позитивного реагирования. Коммуникативная фиксация на основе генерализующих отрицаний *никто, никогда* позволяет вывести на новый уровень патриотической консолидации *всех*, т.е. создать делиберативную область принятия решения о главенстве патриотического вектора в условиях сложной общезначимой социальной реальности. Культурный концепт *помощь* обездоленным, пострадавшим в процессе генерализации обретает интимизационные характеристики лингвокультурно маркированной ценности, иррадиирующей в языковое сознание представителей всех этнических общностей именно на основании понятности и симплификации интерпретации в русскоязычном представлении. На основе этого координирующие асиосферы и коллективизирующие культурные основы потенции русского языка превращают стандартный lingua franca в cultura excitarus.

Следует указать и на интраконфессиональную акцентуацию создания общего пространства релевантности патриотического нарратива. В случае преобладания и митигативных форм интенсификации религиозных аксиологем, тем более коррелирующих с ценностными доминантами иных этноконфессиональных групп, они интерпретируются не как конфликтогены, а как синтоны. Например, в следующей комментативной реакции осуществляется интенциональная конвергенция исламского прецедента в вербалике и христианского прецедента в визуальном кодировании.

– ***Пусть Аллах оберегает всех*** (https://t.me/chat_chp_kchr/472250?comment=472260).

Религиозная идентитарная доминанта сохранения и поддержки высшими силами теряет этноконфессиональную детерминанту и актуализирует генерализованный узел нравственной аксиологизации объединения. Вербальным компонентом генерализации служит определительное местоимение *все* в форме глубинного бенефициара в высказывании, в котором агентом воздействия выступает божество как таковое, т.е. поддержка объединяющей когитемы свыше. Визуализация в данном случае в тройственной репликации не просто формирует коммуникативную фиксацию проспективной поддержки, но и является интенционально создаваемой аллюзией к архетипу триумвирата физического, духовного и идеального, представленного во всех авраамических конфессиях. Кроме того, объединение на основе осознания общности ноэмы «патриа» не как территориального, но объединенного хоротического и диастемического целого прошлого, настоящего и будущего в Абсолюте. Таким образом, об этноконфессиональной специфичности визуально эксплицируемой нумерологемы *triúr* можно говорить только в рамках вариативного ингруппового наполнения в целом общезначимого релятивного пространства архетипа [1: 71–72].

Следующим ядерным механизмом аккультурации синтонных аксиологем патриотизма служит ретротопический вектор позитивизации в поликодовом комментарии. Ввиду объединяющих семантических элементов трансляции общей исторической памяти народов рассматриваемого полиэтничного региона наиболее эффективным ассоциатом следует признать СССР.

– ***Любимый СССР***❤❤, *какие же* ***добрые были люди***, *сколько* ***тепла в глазах*** (https://t.me/chat_chp_kchr/468741?comment=468821).

Прямая номинация в лексемах позитивной семантики при отсылке к общему советскому прошлому сопровождается интенсификацией бытового и бытийственного компонента как структурных компонентов патриотической объединяющей наррации. Утилитаризация *добрых людей, тепла в глазах* безотносительно к трансляции этнонациональных различий образует генерализованное релятивное пространство значимости общего прошлого, а экстраполируемость общечеловеческих аксиологических доминант в гипертекстуальном комментативном дискурсе конкретного полиэтничного региона образует интимизационно-идентификационную область ассоциирования контркоммуникантов со «своими». При этом следует отметить специфическую философско-антропологическую концептуальную метафоризацию *единства* на основе прошлого «в контексте ностальгии», ее маркированность амбивалентностью функционально-прагматической на-

грузки [5: 95], способной как к митигации и гармонизации потенциальных конфликтогенов в кризисном взаимодействии, так и к повышению рисков неприятия. Данные риски хеджируются визуальным компонентом ❤❤, не только подкрепляющим сферу позитивной интерпретации генерализованного содержания, но и создающим эмотивно-аффективные основания плотного сплава общественной жизни (социальной реальности поликультурного региона), исторической памяти (семантических компонентов по Э. Тульвингу) и намеренной коммеморации (трансляции основ единения на основе осознанного учета ценностно-ориентационных систем всех участников взаимодействия) [6].

Каждый из механизмов генерализации или интимизации синтонных аксиологем как общероссийского культурного, так и автохтонного этноспецифического характера используется в рамках патриотической дискурсивизации исключительно в целях вторичной или повторной аккультурации. Реинтенсификация и ревитализация отдельных элементов эпизодической и семантической памяти осуществляется на основании поликодового подкрепления и актуализации митигативных моделей создания «ликосохраняющих» комментативных реакций.

Ключевым условием формирования релевантного для большинства членов лингвокультурного сообщества пространства коммеморации является коммуникативная фиксация и рекуррентная трансляция базовых когитем, обеспечивающих высокую степень делиберативности, но при этом и сохранности позитивного вектора оценивания. Таким элементом когниоречевой мобилизации реципиентского сознания является когитема «единение».

Дискурсивно-модусный анализ трансляционного потенциала русского языка в его сетевой репрезентации устно-письменной формы взаимодействия как lingua franca et cultura excitarus позволяет утверждать, что формирование области внедрения в знаки транслирующей лингвокультуры элементов автохтонного синтоногенерирующего кода не только позволяет интегрировать его основные аксиологические обертоны в контактирующие сообщества, но и выстраивает полидискурсивную, мультимодальную транскультурную модель двусторонне симметричной коммуникации в сети как интенционального «по-нимания» и «в-живания» [3] в концептуально-валёрные системы контркоммуникантов – представителей иных этнонациональных сообществ. Грайсианские принципы кооперации в процессе создания синтонного «ликосохраняющего» формата общения мобилизуют когнитивные усилия всех участников взаимодействия в следовании максимам и субмаксимам по принятию модифицированных в когниоречевой аккультурации аксиологем, что является одним из наиболее значимых механизмов объединения полиэтничных сообществ России.

Источники и литература

1. *Бредихин С.Н.* Специфика «нумерологем» как когниопрагматического ядра архетипического дискурса // Когнитивные парадигмы языкового сознания и проблемы билингвизма в современной лингвистике: материалы III Международной научной конференции (Майкоп, 27–29 октября 2022 г.). Майкоп, 2022. С. 68–74.

2. *Бредихин С.Н., Аликаев Р.С.* Стратегии усмотрения и распредмечивания смысловых конструктов в аспекте понимания и вживания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2(47). С. 123–128.

3. *Бредихина Ю.И.* Пространство целеполагания как форма учета ценностных ориентаций в дискурсе социальной работы (пертинентность vs релевантность) // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 1. С. 168–174.

4. Социокультурные основы Российской идентичности молодежи Северного Кавказа: ценностные трансформации и сетевые репрезентации. Ставрополь, 2024.

5. *Марченко Т.В.* Лингвосемиотическая специфика референции к прецедентным высказываниям советской эпохи в современных поликодовых текстах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 13(894). С. 90–97.

6. *Maerker A., Sleight S., Sutcliffe A.* History, Memory and Public Life: The Past in the Present. London, 2018.

Е.А. Авдеев, С.М. Воробьев

Архетип современного подвига в структуре российского патриотического сознания северокавказской молодежи: образы героев СВО[1]

Современный Северный Кавказ – специфический пограничный макрорегион, южный форпост России, территория интенсивного этнокультурного и межконфессионального взаимодействия. В 1990-е – начале 2000-х гг. регион переживал глубокий системный кризис, сопровождавшийся затяжной экономической депрессией, признаками архаизации социальных отношений, всплесками этнонационального радикализма, религиозного экстремизма и целым рядом острых этнополитических конфликтов, имело место и вооруженное насилие. В настоящее время ситуация качественно изменилась к лучшему [4]. Несмотря на то, что темпы экономического развития субъектов Северо-Кавказского федерального округа в целом отстают от общероссийских показателей, социальная ситуация в регионе полностью стабилизировалась. Параллельно фиксируется устойчивое снижение популярности деструктивных, радикалистских и экстремистских идей в молодежной среде. Этнокультурные и конфессиональные идентичности сегодня рассматриваются абсолютным большинством населения не как противоречащие общероссийской идентичности, а как органично дополняющие ее элементы. В условиях современного обострения геополитической конфронтации в идентификационных процессах получают приоритет консолидирующие ценности гражданско-патриотической направленности, обусловливающие гражданское единство северокавказского сообщества [3]. В этой связи анализ представлений современной полиэтничной студенческой молодежи региона о героях специальной военной операции (далее – СВО), зафикси-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-28-20051, https://rscf.ru/project/26-28-20051/

рованных в ходе глубинных интервью, выступает репрезентативным маркером сформированности российского патриотического сознания, а также степени вовлеченности молодых людей в общероссийское социокультурное пространство и их включения в актуальную гражданско-патриотическую повестку.

Для анализа репрезентаций героев СВО в сознании молодежи Северного Кавказа применяется комплексный количественно-качественный дискурс-анализ в сочетании с нарративным анализом, для выявления сюжетных схем, по которым строились рассказы респондентов о подвигах. Были систематизированы упоминаний конкретных героев и их характеристик, рассчитана их частота, а также раскрыты устойчивые сюжетные паттерны, организующие общий нарратив подвига. Внутри каждой смысловой единицы (законченного высказывания о герое и его подвиге) выделялись отдельные смысловые коды. На этой основе была составлена следующая категориально-смысловая координатная сетка анализа: «***Тип героя***» (конкретные личности, совершившие воинские подвиги), «***Характер подвига***» (самопожертвование, стойкость и мужество, воинское мастерство), «***Аксиология героизма***» (морально-этические, профессиональные, лично-эмоциональные, культурно-исторические ценностные основания героического подвига). В соответствии с ней формировались одноименные тематические блоки для последующего заполнения аналитических таблиц. Была проведена процедура кодирования массива транскриптов с разбиением на смысловые единицы, объединением их в категориально-смысловые блоки и последующим выявлением нормативных схем, актуализирующихся в сознании респондентов в ходе вербальной репрезентации конкретного подвига.

В интервью приняли участие 30 респондентов – студентов ведущих вузов Северного Кавказа. Выборка включала юношей и девушек – представителей русских православных и северокавказских народов, исповедующих ислам. Данная структура выборки позволила отразить репрезентацию героев СВО и их подвигов в сознании именно полиэтничной студенческой молодежи. Такой подход учитывает специфику северокавказских студенческих сообществ, в рамках которых молодые люди различных национальностей совместно обучаются и выстраивают конструктивный межэтнический диалог на основе общих для всех российских традиционных ценностей и актуальной гражданско-патриотической повестки.

Транскрипты ответов молодых людей на вопрос «О каких героях СВО и их подвигах Вы знаете, кем Вы гордитесь, кто является для Вас примером и почему?» были ранжированы по степени содержательности и общей интенции ответа. Так, абсолютное большинство студентов (73,3%, 22 респондента) дали полные, развернутые ответы, содержащие имена героев и описание совершенных подвигов, ставших предметом их гордости, 10% (3 респондента) представили обобщенные ответы, не называя конкретных имен и примеров, а 16,7% (5 респондентов) указали, что не знают имен героев и совершенных ими подвигов. Эти результаты можно интерпретировать как показатели высокого уровня вовлеченности полиэтничной студенческой молодежи в гражданско-патриотическую повестку и глубокой интериоризации ими ценностей героизма.

При анализе содержания тематического блока «Тип героя» было зафиксировано 24 уникальных имени героев СВО. Так, для наибольшего числа интервьюированных молодых людей персонализированным героическим образом выступает Нурмагомед Энгельсович Гаджимагомедов (26,7%, 8 респондентов), другими примерами выступают Владимир Николаевич Козин с позывным «Коршун» (10,0%, 3 респондента), Никита Комаров (10,0%, 3 респондента), Алексей Вадимович Лёвкин (6,7%, 2 респондента), Тимофей Александрович Матвеев (6,7%, 2 респондента), Максим Владимирович Песковой (6,7%, 2 респондента) и Александр Александрович Прохоренко (6,7%, 2 респондента). Герой России старший лейтенант А.А. Прохоренко героически погиб в 2016 г. при исполнении воинского долга в Сирии, вызвав огонь на себя после того, как оказался в окружении врагов. Его образ наряду с российскими военнослужащими, совершившими подвиги в ходе СВО, запечатлелся в сознании студентов как персонифицированный образ мужества, жертвенности и героизма. Также в ответах респондентов прозвучали имена одного из самых молодых Героев России Сергея Романовича Ярашева, Александра Сергеевича Досягаева, Евгения Евгеньевича Поддубного, Дамира Рашидовича Гилемханова, Дмитрия Сергеевича Литвинова и легендарного командира батальона «Сомали» Донецкой Народной Республики, погибшего еще до начала СВО, Михаила Сергеевича Толстых – позывной «Гиви» (3,3%, по 1 респонденту).

Анализ географической и этнокультурной привязки упоминаемых имен демонстрирует баланс между региональной гордостью и общегражданским сознанием. Больше всего респондентов вспоминали первого Героя СВО, уроженца Дагестана Н.Э. Гаджимагомедова (26,7%), а также уроженца Ставропольского края Н. Комарова (10,0%). Это говорит о ярко выраженном региональном измерении патриотического сознания. С другой стороны, студенты часто приводили в пример бойцов-героев, не связанных с Северным Кавказом (В.Н. Козина из Татарстана, А.А. Прохоренко из Оренбурга, Т.А. Матвеева с Дальнего Востока и других). Это свидетельствует о высоком уровне вовлеченности молодых людей в общероссийскую гражданско-патриотическую повестку и проективном отражении в структурах их патриотического сознания общероссийского нарратива. В нем сочетаются воедино многочисленные народы и регионы, представители которых воюют и совершают подвиги плечом к плечу.

Нарративный анализ материалов тематического блока «Характер подвига» позволил выделить три его устойчивых архетипа, бытующих в сознании молодежи. Доминирующим является архетип «***Самопожертвование***» (33,3% упоминаний) – образ героя, который в критический момент осознанно пожертвовал собственной жизнью во имя Родины и для спасения боевых товарищей. Далее следует «***Воинское мастерство***» (23,3% упоминаний) – профессионализм и смекалка, приведшие к выполнению боевой задачи без потерь (либо с минимальными потерями) – и замыкает героическую триаду архетип «***Стойкость и мужество***» (16,7% упоминаний) – проявление незаурядных волевых качеств и силы духа при столкновении с превосходящими силами противника (см. табл. 1). Такое распределение неслучайно. Героизм традиционно ассоциируется с высшим проявлением доблести,

мужества, альтруизма и служения обществу. Собственная жизнь как высшая ценность личности приносится на алтарь Родины и ближних – во имя сохранения многих других жизней и их счастья. Такое видение своего счастья и будущего в счастье и благе других, полностью преодолевающее свойственный человеку эгоизм и страх, вызывало и вызывает неподдельное восхищение и благоговение, являясь высшим критерием нравственного совершенства героя, живущего в памяти народа.

Таблица 1

Архетипы подвига в сознании молодежи, (N = 30)

Архетип	Характер подвига	Персоналии	Упоминания, %[1]
Самопожертвование	Осознанное самопожертвование во имя Родины и для спасения боевых товарищей	Н.Э. Гаджимагомедов, А.А. Прохоренко, М.В. Песковой, Д.Р. Гилемханов	33,3
Воинское мастерство	Профессионализм и смекалка, выполнение боевой задачи без потерь	А.В. Лёвкин, Т.А. Матвеев, Д.С. Литвинов, Е.Е. Поддубный	23,3
Стойкость и мужество	Проявление незаурядных волевых качеств и силы духа при столкновении с превосходящими силами противника	С.Р. Ярашев, В.Н. Козин, Н. Комаров, А.С. Досягаев, М.С. Толстых	16,7

Анализ тематического блока «Аксиология героизма» выявил корреляцию со сложившимися в сознании респондентов архетипами подвига. Преобладает морально-этическое основание (46,7%), вербализованное такими характерными маркерами, как «*жертвенность*», «*верность долгу*», «*нравственная цельность*» и «*человеческий дух сильнее инстинкта выживания*». Оно эксплицирует архетип «Самопожертвование» и подводит под него прочный морально-этический фундамент. Далее следует профессиональное основание (13,3%, маркеры: «*тактическая смекалка*», «*мастерство*», «*профессионализм*»), лично-эмоциональное (6,7%, маркеры: «*земляк*», «*брат*», «*молодой парень, как я*») и культурно-историческое (3,3%, маркеры: «*преемственность с героями Великой Отечественной войны*» и «*защита Родины*») (см. таблицу 2). Высокий удельный вес морально-этической составляющей и отсылки респондентов к лично-эмоциональному основанию отражают северокавказскую этнокультурную специфику. Маркеры «*земляк*» и «*брат*» апеллируют к традиционным институтам соседства, братства и солидарности. Подвиг земляка репрезентируется в сознании молодежи и как предмет для гордости, и как личный императив быть достойным «своих» героев. Можно предположить, что в сознании новых поколений проявляют себя

* Здесь и далее суммы процентов не равны 100%, так как один ответ может содержать несколько кодов; расчет от общей выборки (N=30).

укоренившиеся в культуре правила и ценности боевой доблести и воинской чести, исторически характерные как для горцев, так и для русского казачьего населения региона. Они служат одним из традиционных оснований современного российского патриотизма, легитимизируя служение Отечеству через призму долга не только перед страной, но и перед родом, семьей и памятью предков.

Таблица 2

Ценностные основания героизма, (N = 30)

Основание героизма	Характерные маркеры	Доля в ответах, %
Морально-этическое	«Жертвенность», «верность долгу», «нравственная цельность», «человеческий дух сильнее инстинкта выживания»	46,7
Профессиональное	«Тактическая смекалка», «мастерство», «профессионализм»	13,3
Лично-эмоциональное	«земляк», «брат», «Молодой парень, как я»	6,7
Культурно-историческое	«Преемственность с героями Великой Отечественной войны», «защита Родины»	3,3

Проведенный нарративный анализ транскриптов ответов респондентов на поставленный вопрос также позволил выделить три устойчивые когнитивные сюжетные схемы, через которые конструируется рассказ о подвиге: «окружение → сопротивление → самопожертвование» (30,0% от общей выборки); «тяжелая боевая ситуация → профессионализм и хладнокровие → победа» (13,3%); «столкновение с превосходящими силами врага → стойкость → выполнение боевой задачи» (10,0%). Данные нарративы подкрепляются как медийными репрезентациями реальных подвигов, совершаемых нашими бойцами на полях СВО, так и корпусом литературы, фильмами, бытующими в социальной памяти сюжетами и семейными историями. Такие схемы выступают своего рода категориальной сетью патриотического сознания, позволяя группировать новые факты в уже сформированные нарративные матрицы. Это, в свою очередь, расширяет и «оживляет» их новым содержательным материалом.

На основе комплексного количественно-качественного дискурс-анализа и нарративного анализа транскриптов интервью респондентов – северокавказских студентов – может быть сделан ряд выводов об особенностях, региональной специфике и гражданско-патриотической общности репрезентации образов героев СВО, а также о представлениях об архетипе подвига в структуре российского патриотического сознания (при этом следует учитывать ограничения исследования связанные с небольшим объемом выборки и качественным характером анализа):

– образ героя СВО и связанный с ним многоаспектный нарратив подвига (сочетающий в себе жертвенность, стойкость, воинское мастерство и волю к победе) в сознании полиэтничной молодежи Северного Кавказа выступает не искусственным медийным конструктом, а живым элементом ценностно-смысловой структуры российского патриотического сознания абсолютного большинства интервьюируемых молодых людей;
– зафиксировано сочетание и взаимное дополнение регионального патриотического контекста (наиболее упоминаемым героем стал уроженец Дагестана Н. Э. Гаджимагомедов (26,7%), также респонденты вспоминали родившегося на Ставрополье Н. Комарова (10,0%)) и общероссийской гражданско-патриотической повестки (в ответах фигурировали имена героев, связанных с самыми различными субъектами Российской Федерации). Это свидетельствует об органичном синтезе локальных сюжетов в рамках единого российского гражданско-патриотического нарратива;
– выявлено преобладание традиционного, опирающегося на исторические культурные ценности, понимания героического жертвенного акта во имя Родины и ближних (33,3%) и связанной с ним нарративной схемы «окружение → сопротивление → самопожертвование» (30,0%). Это можно интерпретировать как результат интериоризации новыми поколениями традиционных морально-этических принципов, в рамках которых благо общества и сохранение жизней ближних безоговорочно превалируют над индивидуальным эгоизмом;
– в ходе интервью зафиксирована доля молодых людей, не включенных в актуальную гражданско-патриотическую повестку. Наличие среди студенчества подобной группы, демонстрирующей слабую интериоризацию патриотических ценностей и ориентацию на индивидуализм, соотносится с результатами других эмпирических исследований северокавказской молодежи [1; 2]. Факторами, катализирующими подобные риски, выступают перманентные информационные атаки и новые вызовы (в том числе социально-экономического характера), вызванные обострением геополитического противостояния.

Источники и литература

1. *Авдеев Е.А., Бакланов И.С., Воробьев С.М.* Героико-патриотические ценности студенческой молодежи Ставрополья: единство, вариативность и риски аксиологической устойчивости // Теория и практика общественного развития. 2026. № 5(217). С. 17–25.

2. *Авдеев Е.А., Воробьев С.М.* Основы патриотизма студенческой молодежи в условиях противостояния России и Запада на Украине // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20, № 2. С. 167–185.

3. *Гриценко Г.* Д. Патриотизм как ценностная основа идентификационных процессов в полиэтничном обществе (на примере Северо-Кавказского федерального округа) // Общественные науки и современность. 2026. № 1. С. 67–76.

4. Национальная политика СССР и ее влияние на современную этнополитическую ситуацию в представлениях молодежи Северного Кавказа. Ставрополь, 2022.

Т.В. Марченко

Политика памяти и осмысление языкового многообразия Кавказа в оптике мифологем «Вавилонская башня» и «Общий дом»

На протяжении всего процесса исторического развития языковое многообразие Кавказа как объект метафоризации выступало основанием взаимодействия образов «смешения» и «единства». Современные геополитические условия актуализируют вопросы сохранения «культурных кодов общества как основы цивилизационной и исторической преемственности» [9: 101]. В статье рассматриваются две полярные модели репрезентации языкового многообразия Кавказа – «Вавилонская башня» и «Общий дом» – как интерпретативные рамки и инструменты политики памяти. На материале институционально разноплановых дискурсивных пространств (медийное, научное и политическое) анализируется мифологометафорическое осмысление многоязычия на Северном Кавказе и его влияние на межкультурный диалог и современную языковую политику. Особое внимание уделено рефлексии советского опыта языкового строительства (кириллизация, создание младописьменных языков), который служит точкой бифуркации в оценке кавказского лингвокультурного пространства.

Соотношение между фактическим многоязычием Кавказа и его концептуализацией в публичном пространстве может порождать как противоречия, следствием которых выступает коммуникативный барьер, так и ресурс для диалога. Цель статьи состоит в выявлении того, как две конвенционально конкурирующие мифологемы («Вавилонская башня» и «Общий дом») конструируют коллективную память о языковой политике и определяют границы межкультурного диалога в современном контексте.

Методология исследования опирается на концепцию «мест памяти» (П. Нора), в фокусе которой находятся символические формы и системы, «кристаллизующие» прошлое, целенаправленно структурирующие и воссоздающие память, формирующие коллективную идентичность и поддерживаемые общественными институтами. В лингвокультурологическом плане методологической основой является интерпретация базовых метафор как способов осмысления мира и инструментов структурирования действительности (Дж. Лакофф, М. Джонсон). Материалом исследования явились тексты федеральных и региональных медиа, выступления политиков и научные работы по кавказоведению. Основными исследовательскими процедурами выступили общенаучный методологический инструментарий, дискурс- и контент-анализ.

Как отмечает В.И. Карасик, обладая понятийными, образными и ценностными характеристиками, миф может рассматриваться как концепт, а также как сюжетный мотив, так как семиотически он связан с его развитием и интертекстуально соотносится с ключевыми точками в нарративах [6: 281–283]. Мифологема, трактуемая нами, вслед за М.Л. Ковшовой и Д.Б. Гудковым [7: 104], как знак «языка» культуры и единица мифологического

сознания, актуализируемая вербальными и невербальными символами, фиксирует некий свод принципов, определенное устройство, диспозицию и причинно-следственные связи положения вещей. Мифологемы выступают концептуальными детерминантами развития нарративов, дискурсообразования и поведенческих паттернов. Они могут быть выбраны социумом бессознательно или интенционально введены в фокус общественного внимания с последующей трансформацией в идеологемы. Коннотативное означаемое, формирующее ядро мифологемы, очерчивает совокупность ассоциативных представлений об этом знаке, закрепленных в обществе. Мифологемы как общие каноны описания порядка вещей регулируют различные виды и типы метафорических переносов [10: 161], то есть задают ассоциативный репертуар и коннотативные значения знаков разной семиотической природы. В свою очередь, память, носителями которой являются социальные группы, эмоциональна, субъективна и подвижна. Актуальные социальные и политические запросы предопределяют конструирование единого национального нарратива. Динамика этого нарратива и воздействие внешних факторов детерминируют необходимость перманентного мониторинга чувствительных аспектов и коррекции мифологометафорического фокуса.

В контексте многоязычия мифологема «Вавилонская башня» имеет прежде всего этиологическое значение, воплощая через интерпретацию коммуникативного потенциала и универсальности вербальной системы образы коллективного бессознательного, связанные с языковым разнообразием. Коннотативно мифологема имплицирует хрупкость и уязвимость единства людей, важность духовной основы в человеческой деятельности и обреченность этой деятельности в случае отказа от нравственных принципов, трудности взаимодействия в условиях высокого сосредоточения лингвокультур.

Прагматика актуализации мифологемы «Вавилонская башня» в современном кавказоведческом и медийном нарративах сфокусирована на дидактическом и назидательном аспектах, особое место отдается русскому языку как универсальному коммуникативному посреднику. Так, например, на сайте Русского географического общества в материале от 3 августа 2023 г., озаглавленном «Кавказский Вавилон: 10 неожиданных находок высокогорного Дагестана», представлен проект «Путешествия с РГО» по Дагестану: «Существовал ли на самом деле прообраз этой башни – доподлинно не известно, однако место, где постоянно проживает более сотни народов, вполне реально найти. Это Дагестан, который за свою многонациональность называют кавказским Вавилоном. <…> Тут в православном храме запросто может находиться музей ковров, повсюду, где бы вы ни шли, будут попадаться молельные комнаты для верующих, а жители соседних аулов могут не понимать языков друг друга и общаться между собой на русском» [3]. В заголовочном комплексе автор тесно переплетает идеи прообраза Вавилонской башни, редуцируя отрицательные коннотативные семы уточнением основания, позволяющего называть Дагестан «кавказским Вавилоном», и отмечая отсутствие проблем взаимопонимания благодаря использованию русского языка.

Реминисценции к мифологеме прослеживаются в материалах, затрагивающих вопросы сохранения памяти и мифотворческой традиции. В статье с элементами интервью от 30 января 2026 г. Ф. Гаджибекова и М. Дибирова рассказывают о судьбе спектакля заслуженного артиста Российской Федерации и Республики Дагестан М.Х. Оздоева по легенде «Восемь братьев», непосредственно связанной с мифом о Вавилонском столпотворении и посвященной происхождению народов Кавказа. Режиссер спектакля усматривает корреляцию значимости языка не только для обеспечения коммуникации, но и для сохранения памяти об «общем деле» и важных исторических вехах: «Вот такая легенда. Поучительная история о людях, не нашедших общий язык, а затем вовсе забывших и его, и общее дело, которое их объединяло. Легенды, охватывающие все народы Кавказа и Закавказья, у нас почему-то не очень распространены. А ведь истории народов уходят! Исторические документы исчезают, камни меняют, надписи, переписывают историю» [2]. Как следует из процитированного комментария, М.Х. Оздоев наделяет равной степенью релевантности сохранение памятников фольклорного творчества, архитектурного наследия, исторической документалистики и иных культурных артефактов. Все это в совокупности позволяет сохранить истории народов.

В научной литературе, посвященной исследованию языкового и культурного многообразия народов Северного Кавказа, прослеживается метафорика, восходящая как к мифологеме «Вавилонская башня», например, «российский Вавилон» [8: 158], так и более комплексным образам – «богатый и сложный этнический и языковой мир» [12: 7] или «гора языков» [8: 158]. Метафорика горного массива, на котором сосредоточено большое количество языков, широко представлена в медийных текстах. Например, серия заметок о Северном Кавказе на информационном ресурсе «Первая Асекеевская интернет-газета» содержит статью, в которой метафора актуализируется непосредственно в заглавии: «Как Северный Кавказ сохранил “гору языков”». Отмечая, что национально-территориальные автономии в регионе наделены широкими полномочиями для сохранения и защиты своего наследия, автор отдельно фокусируется на языковом аспекте: «…а местные языки закреплены в законе как государственные наряду с русским. Такая глубокая культурная и управленческая автономия служит надежным щитом, благодаря которому древняя «гора языков» продолжает жить и развиваться» [5].

Как пишет А.И. Темирболатова, в советскую эпоху языковая политика государства «была направлена на подъем культуры, осуществление равных возможностей в процессе коммуникации народов много- национального государства» [12: 9]. Этот период развития государства отмечен языковым строительством 1920–1930-х гг., а именно созданием младописьменных языков на латинской, а затем кириллической основе. Технологический аспект «сборки» общего культурного пространства актуализировался в характерных метафорах того времени: «языковое строительство», «ликвидация неграмотности на родном языке», «расцвет наций» и др. Последующая кириллизация в 1938–1940 гг. служила цели создания единой графической основы и стала в совокупности с другими общественно культурными ини-

циативами той общей для всего представленного языкового многообразия точкой отсчета для трансляции двух взаимодополняющих мифологем «Общий дом» и «Цветущий сад». Нарратив многоязычия сфокусировался на концепте богатства и взаимного обогащения культур в противовес их разобщению.

Как показывает контент-анализ, на настоящий момент мифологема «Общий дом» является доминантной в дискурсивных пространствах разной степени институциональности. Ключевая идея мифологемы, отраженная во фразе «Кавказ – наш общий дом», приобрела свойства устойчивого выражения, имиджевого и стратегического слогана. Лаконичность, емкость и положительный ассоциативный ряд во многом способствовали закреплению этой фразы и использованию в названии светских и межконфессиональных культурных мероприятий разного уровня, выступлениях должностных лиц и медийных материалах. Приведем лишь несколько примеров: Ежегодный молодежный межконфессиональный форум Ставропольского края «Кавказ – наш общий дом» (проводился в семнадцатый раз в 2026 г.) [1], Межвузовский фестиваль национальных культур «Кавказ – наш общий дом» в Краснодарском крае [11], фестиваль «Кавказ – наш общий дом» в Иноземцевской детской школе искусств [13]. Значительная роль в продвижении и закреплении слогана отведена образовательным организациям разного уровня, работа которых непосредственным образом связана с инкультурацией и формированием мировоззренческих и духовно-нравственных приоритетов молодежи как одной из самых активных социальных групп.

В медийных материалах подчеркивается исторический характер выражения, даются отсылки к известным личностям, которые его использовали. Так, например, в обзорной статье о сотрудничестве северо-осетинского журнала «Мах дуг» и кабардино-балкарского журнала «Минги-тау», озаглавленной «Кавказ – наш общий дом», содержится краткий пересказ встречи сотрудников двух редакций и упоминаются слова известного советского и осетинского поэта, драматурга и публициста Н.Г. Джусоева: «Сотрудники журнала “Минги-тау” очень радушно приветствовали коллег, среди которых была сестра Нафи Клавдия Григорьевна Джусоева. Встреча была наполнена радостью и теплом. <…> В своем выступлении Клавдия Григорьевна рассказала, как Нафи всегда подчеркивал, что Кавказ – наш общий дом» [4].

Проведенный анализ выявил, что мифологемы «Вавилонская башня» и «Общий дом» прослеживаются в формировании идеологических нарративов, выбор каждой из них реализует политику памяти и модифицирует развитие межкультурный диалог в современных условиях. Советское наследие кириллизации и создания младописьменных языков служит важной вехой в истории многоязычия на Северном Кавказе, по-разному преломляясь в дискурсивной репрезентации мифологометафорических моделей «Вавилонская башня» и «Общий дом», демонстрируя амбивалентную направленность на осях принятия – отторжения, ретроспективной ностальгической идеализации – критического анализа в актуальных условиях, анахроничного представления – перспективного интерпретативного образа.

Гармоничный диалог культур неразрывно связан с рефлексивной работой с мифологемами как трансляторами глубинных образов, регулирующими репертуар метафорических употреблений. Развитие образов с акцентом на ценность многообразия, неизбежность и неизменную продуктивность взаимодействия также возможно в варианте перехода к более сложным знакам культуры, имплицирующим единство в многообразии (например, «полифонический организм» или «живая мозаика»).

Источники и литература

1. В Ставрополе состоялся межконфессиональный форум «Кавказ – наш общий дом» // Федеральное агентство по делам национальностей. 2026. 24 апреля. URL: https://fadn.gov.ru/press-centr/news/v-stavropole-sostoyalsya-mezhkonfessionalnyij-forum-%C2%ABkavkaz-%E2%80%94-nash-obshhij-dom%C2%BB?ysclid=mrxw5piejo231011930 (дата обращения: 20.07.2026).

2. *Гаджибекова Ф., Дибирова М.* Легенда о происхождении народов // Журнал Дагестан. 2026. 30 января. URL: https://dagjur.com/legenda-o-proishozhdenii-narodov/?ysclid=mrvp0naykh398996470 (дата обращения: 20.07.2026).

3. *Гопиус Ю.* Кавказский Вавилон: 10 неожиданных находок высокогорного Дагестана // Русское географическое общество. 2023. 3 августа. URL: https://rgo.ru/activity/redaction/articles/kavkazskiy-vavilon-10-neozhidannykh-nakhodok-vysokogornogo-dagestana/?ysclid=mrvosf1bft175819737 (дата обращения: 20.07.2026).

4. *Кабисова З.* Кавказ – наш общий дом // Северная Осетия. Республиканская ежедневная газета. 2025. 29 апреля. URL: https://sevosetia.ru/society/tpost/z673zrtc61-kavkaz-nash-obschii-dom (дата обращения: 20.07.2026).

5. Как Северный Кавказ сохранил «гору языков». (Серия заметок о Северном Кавказе) // Первая Асекеевская интернет-газета. 2026. 22 июня. URL: https://askorr.ru/2026/06/22/kak-severnyj-kavkaz-sohranil-goru-yazykov-seriya-zametok-o-severnom-kavkaze/?ysclid=mrvtdtaggn30870688 (дата обращения: 20.07.2026).

6. *Карасик В.И.* Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М., 2019.

7. *Ковшова М.Л., Гудков Д.Б.* Словарь лингвокультурологических терминов. М., 2018.

8. *Кучукова З.А., Бауаев К.К.* Северный Кавказ: гора языков и язык гор // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2022. № 2 (19). С. 158–174.

9. *Марченко Т.В.* Национальная и этнокультурная идентичность через призму визуальной прецедентности // Диалог культур. Культура диалога: ценности многополярного мира. Материалы V международной научно-практической конференции. М., 2026. С. 100–104.

10. *Маслова В.А.* Связь мифа и языка // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 159–163.

11. *Пастарнак В.А.* Межвузовский фестиваль национальных культур «Кавказ – наш общий дом» // Кубанский государственный аграрный университет. 2014. 10 апреля. URL: https://kubsau.ru/events/news/mezhvuzovskiy-festival-natsionalnykh-kultur-kavkaz-nash-obshchiy-dom/ (дата обращения: 20.07.2026).

12. *Темирболатова А.И.* Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе (на материале рукописей архивного фонда Р-1260 ГАСК – «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С.М. Кирова» (1926–1937)). Ставрополь, 2012.

13. Фестиваль «Кавказ – наш общий дом» // Культура.РФ. URL: https://www.culture.ru/events/5042580/kavkaz-nash-obshii-dom (дата обращения: 20.07.2026).

Г.Д. Гриценко

Культурное взаимодействие – пространство для межнациональной консолидации полиэтничного общества[1]

Обострение информационной войны после 2022 г., неотъемлемой частью которой стала «отмена русской культуры» на Западе, подтвердило миссию культуры в обществе, сотрудничество людей, а не конфликт между ними, уважение к народу, а не ненависть. Ненависть, как известно [7], уничтожает способность критически мыслить, вытесняет разумное восприятие объективного мира, пробуждает «злокачественную агрессию», которая чревата «деструктивными» последствиями [10]. Ненависть пропитывает своим ядом идеологически значимые слова и высказывания, такие как: «права человека», «свобода», «справедливость», «независимость», ставя их на «службу» массовой манипуляции [6: 26].

Именно поэтому в любые времена, тем более в самые трудные и суровые, фундаментальным «мостом» взаимопонимания [5] между народами остается культура. В условиях проведения специальной военной операции важное место в укреплении единства и сплоченности народов России также отводится культуре. Особенно такой подход значим для полиэтничного сообщества, которым является северокавказское. Известно, трудные времена могут быть фактором как единения, консолидации и сплоченности, так и размежевания, противоречий и конфликтов. Консолидирующий аспект проблемы целесообразно рассмотреть на примере культурной политики Республика Северной Осетии – Алании, направленной на активизацию культурного взаимодействия людей с разными этническими и религиозными ориентирами.

В качестве эмпирической базы исследования использовались публикации о культурных мероприятиях в региональной ежедневной газете «Северная Осетия» (с 12 января по 20 июля 2026 г.). Приоритетным методом был избран контент-анализ. Выделено 123 публикации, в которых раскрывается культурное взаимодействие народов России.

Одним из проявлений культурного кода является театральное искусство. Гастроли национальных театров – это возможность не только показать особенности этнической культуры, но и укрепить мосты дружбы. Кроме того, через театральное искусство зритель может познакомиться с историей другого народа, понять его боль и чаяния, порадоваться его достижениям и успехам.

Самым ярким театральным событием в республике стал 3-й Всероссийский театральный фестиваль «Вахтангов. Путь домой», прошедший во Владикавказе с 6 по 12 июля 2026 г. Особого внимания заслуживает церемония открытия в формате парада, посвященного Году единства народов России, в котором приняли участие как артисты уличных театров из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Ростова-на-Дону, участники Второй Междуна-

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гос. регистрации 125011200140-3.

родной школы кукольников им. С. Образцова, так и представители национально-культурных обществ Северной Осетии в этнических костюмах [1].

Примерами взаимного обогащения культур могут служить, например, спектакль «Проходили мимо» театра клоунады «Микос», в котором актеры мастерски использовали владикавказский ретротрамвай; или гастрономический спектакль-променад «Булгаков. Начало» Ассоциации экскурсоводов и гидов-переводчиков Республики Северная Осетия – Алания; или постановка студентами факультета искусств Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова по мотивам пьесы А.П. Чехова «Предложение» на осетинском языке.

Отличительной чертой фестиваля стало разнообразие проводимых мероприятий, главной идеей которых – единение, консолидация людей разных этнокультурных, этноконфессиональных традиций.

Это – спектакли, знакомившие зрителя с театральной культурой разных регионов: «Чехов-GALA» (Российский академический молодежный театр, Москва), «Играем Шекспира» (Театр им. С. Образцова, Москва), «Записки юного врача» (Марийский национальный театр драмы, Йошкар-Ола), «От Некрасова до Некрасова» (Театр драмы им. Ф. Волкова, Ярославль), «Горсть земли» (Национальный театр им. И. Цея, Майкоп), «Сотворившая чудо» (Русский академический театр им. Е. Вахтангова, Владикавказ) [3].

Это – использование самых разнообразных жанров, нетрадиционных форм представлений для актуализации интереса к идеям, реализуемым в постановах. Так, Российский театр драмы им. Ф. Волкова представил русский фолк-рок мюзикл по творчеству Н. Некрасова «От Некрасова до Некрасова». Благодаря столь оригинальному жанру удалось придать его знаменитым строкам («Есть женщины в русских селеньях…», «Идет-гудет зеленый шум…», «То бурлаки идут бечевой…», «Мороз-воевода дозором обходит владенья свои…» и др.) абсолютно новое звучание – показать все многообразие, всю ширь, которые вмещает в себя русская душа, русский человек, что актуально в Год единства народов России. Кроме того, по оценкам экспертов, в спектакле «Некрасов перестает быть просто школьным заданием и предстает перед зрителем живым человеком – страдающим, любящим, пылающим творческим огнем» [4].

Это – различные образовательные семинары-дискуссии, лекции-диалоги, где обсуждались особенности театральной культуры театров, представляющих разные регионов России. Например, одна из лекций была посвящена уроженцу Владикавказа, народному артисту СССР Рубену Симонову, чья роль в развитии театрального искусства Владикавказа и России так же значима, как и роль Вахтангова [8].

Фестиваль, по мнению экспертов, стал не просто праздником для всех любителей театрального искусства, поразившим зрителей жанровым многообразием и богатством талантов, но «символом единения народов нашей страны, точкой притяжения, которая объединяет вокруг себя сотни людей самых разных национальностей» [2]. Фестиваль был ярким и необычным, наполненным различными эмоциями, но главное, с точки зрения культурологов, – он заставил людей задуматься о том, как важно через культуру сохранять единство нашей многонациональной страны [9]. Именно устанав-

ливаемые культурные связи между различными российскими регионами дают новый виток развитию сплоченности полиэтничного общества, формированию межэтнического согласия и межконфессионального мира. Социальная практика показывает, что наиболее эффективные меры по укреплению единства российского общества в условиях информационной войны, направленной на культивирование русофобии, ненависти к России и ее народам, лежат именно в сфере культуры благодаря возможности использовать такие ее жанры, которые способны актуализировать потребность человека в консолидации, мире и согласии, независимо от его этноконфессиональных ориентаций.

Источники и литература

1. *Бунтури Т.* Ах, карнавал, удивительный мир! // Северная Осетия. Республиканская ежедневная газета. 2026. 7 июля. URL: https://sevosetia.ru/culture/tpost/gxnl56vth1-ah-karnaval-udivitelnii-mir (дата обращения: 21.07.2026).

2. *Бунтури Т.* Спасибо за праздник! И до новых встреч! // Северная Осетия. Республиканская ежедневная газета. 2026. 14 июля. URL: https://sevosetia.ru/culture/tpost/hdpo7zorb1-spasibo-za-prazdnik-i-do-novih-vstrech (дата обращения: 21.07.2026).

3. *Бунтури Т.* Театр больших эмоций // Северная Осетия. Республиканская ежедневная газета. 2026. 8 июля. URL: https://sevosetia.ru/culture/tpost/0fge5fjy01-teatr-bolshih-emotsii (дата обращения: 21.07.2026).

4. *Бунтури Т.* «Я лиру посвятил народу своему…» // Северная Осетия. Республиканская ежедневная газета. 2026. 8 июля. URL: https://sevosetia.ru/culture/tpost/oekzsmuyo1-ya-liru-posvyatil-narodu-svoemu (дата обращения: 21.07.2026).

5. *Карасик В.И.* Языковые мосты понимания. М., 2019.

6. *Клемперер В.* LTI. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М., 1998.

7. *Купина Н.А.* Отмена русской культуры: идеологический маховик в действии // Политическая лингвистика. 2022. № 5 (95). С. 82-90.

8. *Курбанова М.* Возрождение, становление, оттепель… // Северная Осетия. Республиканская ежедневная газета. 2026. 9 июля. URL: https://sevosetia.ru/culture/tpost/l85dg3sms1-vozrozhdenie-stanovlenie-ottepel (дата обращения: 21.07.2026).

9. *Мамиева Л.* Горсть земли // Северная Осетия. Республиканская ежедневная газета. 2026. 13 июля. URL: https://sevosetia.ru/culture/tpost/xellv4itj1-gorst-zemli (дата обращения: 21.07.2026).

10. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 2004.

Наши авторы

Абазов Алексей Хасанович – д-р ист. наук, доц. (Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», г. Нальчик)

Аббаслы Хадиджа Исмаил кызы– канд. ист. наук (Азербайджанский государственный экономический университет, г. Баку, Азербайджанская Республика)

Абдусаламов Магомед-Паша Балашович – д-р ист. наук, доц. (Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала)

Авдеев Евгений Александрович – канд. филос. наук, доц. (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Аганов Андрей Анатольевич – канд. ист. наук (Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону)

Адыгезалова Малейка Заир кызы – аспирант (Институт истории и этнологии им. А.А. Бакиханова Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджанская Республика)

Аккиева Светлана Исмаиловна – д-р ист. наук (Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального научного центра «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», г. Нальчик)

Акопян Виктор Завенович – канд. филос. наук, доц. (Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск)

Акопян Завен Викторович (Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск)

Амбарцумян Каринэ Размиковна – д-р. ист. наук, доц. (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Анищенко Елена Александровна (Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик)

Апанащенко Ольга Владимировна (Луганский государственный университет им. В. Даля, г. Луганск)

Аракчиев Даниил Зейнуллаевич (Таллинская гуманитарная гимназия, г. Таллин)

Бабенко Виталий Александрович (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Багаева Елена Михайловна – канд. ист. наук, доц. (Военная академия защиты информации им. генерала армии С.М. Штеменко, г. Краснодар)

Багаутдинов Сапиюлла Магомедович – независимый исследователь (г. Махачкала)

Базиль Дмитрий Вадимович (Ставропольский государственный педагогический институт, г. Ставрополь)

Баранов Андрей Владимирович – д-р ист. наук, д-р полит. наук, проф. (Кубанский государственный университет, г. Краснодар)

Башмаков Игорь Станиславович – канд. филос. наук, доц. (Кубанский государственный университет, г. Краснодар)

Бегуев Сулейман Ахятьевич (Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, г. Грозный)

Бобровников Владимир Олегович – канд. ист. наук, проф. (Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва)

Боголюбов Александр Александрович – доктор гуманитарных наук в области новейшей истории (г. Пятигорск)

Богунова Екатерина Сергеевна – аспирант (Кубанский государственный университет)

Бредихин Сергей Николаевич – д-р филол. наук, проф. (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Бугаев Абдулла Махмудович – канд. ист. наук, доц. (Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской республики, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, г. Грозный)

Булыгина Тамара Александровна – д-р ист. наук, проф. (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Вартумян Арушан Арушанович – д-р полит. наук, проф. (Пятигорский институт (филиал) Северо-Кавказского федерального университета, г. Пятигорск)

Венков Андрей Вадимович – д-р ист. наук, проф. (Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону)

Вирт Николай Федорович – канд. ист. наук (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Воробьев Сергей Михайлович – канд. полит. наук, доц. (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Гапуров Шахрудин Айдиевич – д-р ист. наук, проф. (Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, г. Грозный)

Герман Роман Эдуардович – канд. ист. наук, доц. (Ставропольский филиал Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Ставрополь)

Гречкина Жанна Васильевна – канд. пед. наук, доц. (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Гончарова Татьяна Евгеньевна (Институт языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, г. Сыктывкар)

Горюшина Евгения Михайловна – канд. полит. наук (Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, г. Москва, Центр прикладной аналитики международных и региональных процессов Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону)

Гриценко Галина Дмитриевна – д-р филос. наук, проф. (Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону)

Григорян Геворг Арутюнович – независимый исследователь (х. Северо-Восточные сады Майкопского района Республики Адыгея)

Гучетль Зухра Хачмафовна – канд. соц. наук (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, г. Майкоп)

Дворцова Татьяна Алексеевна – канд. полит. наук (Северо-Кавказский социальный институт, г. Ставрополь)

Джумагулова Айгуль Темерхановна – канд. ист. наук, доц. (Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск)

Дириванкина Мария Сергеевна – канд. ист. наук (Кубанский государственный университет, г. Краснодар)

Дудайти Альберт Константинович – д-р ист. наук, проф. (Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ)

Ефремов Юрий Васильевич (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Еремеева Анна Натановна – д-р ист. наук, проф. (Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, г. Краснодар)

Жеребцов Игорь Любомирович – д-р ист. наук (Институт языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, г. Сыктывкар)

Журтова Анжела Ариковна – канд. ист. наук, доц. (Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», г. Нальчик)

Исмаилзаде Азер Хикмет оглы (Институт истории и этнологии им. А.А. Бакиханова Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджанская Республика)

Исмаилова Жаля Муса кызы – канд. ист. наук (Бакинский евразийский университет, г. Баку, Азербайджанская Республика)

Казанба Инга Оникоевна (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, г. Сухум, Республика Абхазия)

Карташева Ольга Александровна – канд. ист. наук (Пятигорский институт (филиал) Северо-Кавказского федерального университета, г. Пятигорск)

Касландзия Наала Валерьевна – д-р ист. наук (Абхазский государственный университет, г. Сухум, Республика Абхазия)

Кидирниязов Даниял Сайдахмедович – д-р ист. наук, проф. (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Махачкала)

Киенко Владимир Романович (Ставропольский государственный педагогический институт, г. Ставрополь)

Киут Астанда Омаровна (Абхазский государственный университет, г. Сухум, Республика Абхазия)

Клочков Олег Борисович – канд. ист. наук, доц. (филиал Кубанского государственного университета, г. Славянск-на-Кубани)

Клычников Юрий Юрьевич – д-р ист. наук, проф. (Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск)

Колесникова Марина Евгеньевна – д-р ист. наук, проф. (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Колосовская Татьяна Александровна – д-р ист. наук, доц. (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Коровин Никита Александрович (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Костин Кирилл Дмитриевич (Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ)

Красовицкая Тамара Юсуфовна – д-р ист. наук, проф. (Институт российской истории Российской академии наук, г. Москва)

Кратова Наталья Васильевна – канд. ист. наук, доц. (Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова, г. Черкесск)

Кринко Евгений Федорович – д-р ист. наук, доц. (Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону)

Крючков Игорь Владимирович – д-р ист. наук, проф. (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Кузьминов Петр Абрамович – д-р ист. наук, проф. (Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик)

Курмансеитова Аминат Хасановна – канд. ист. наук (Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова, г. Черкесск)

Кулик Павел Андреевич (филиал Кубанского государственного университета, г. Славянск-на-Кубани)

Кускарова Ольга Ивановна – канд. соц. наук (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, г. Майкоп)

Ламосова Наталья Вячеславовна – канд. пед. наук (Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II, г. Санкт-Петербург)

Лепилкина Ольга Ивановна – д-р филол. наук, проф. (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Леусян Ольга Алексеевна – независимый исследователь (г. Череповец)

Лиджиева Ирина Владимировна – д-р ист. наук (Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону)

Линец Сергей Иванович – д-р ист. наук, проф. (Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону)

Магамадов Супьян Султанович – канд. ист. наук (Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской республики, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, г. Грозный)

Мамсиров Хамитби Борисович – д-р ист. наук, проф. (Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик)

Манышев Сергей Борисович – канд. ист. наук (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва)

Матвеев Владимир Александрович – д-р ист. наук, доц. (Институт истории и международных отношений Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону)

Матвеева Наталья Сергеевна – канд. ист. наук, доц. (Российская государственная библиотека, г. Москва)

Матиев Тимур Хусенович – д-р ист. наук, доц. (Ингушский государственный университет, г. Магас)

Марченко Татьяна Владимировна – д-р филол. наук, доц. (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Маслова Татьяна Федоровна – д-р соц. наук, доц. (Ставропольский государственный педагогический институт, г. Ставрополь)

Махов Инал Расулович – аспирант (Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик)

Медвенский Николай Игоревич (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, г. Сухум, Республика Абхазия)

Моисеенко Алина Юрьевна (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Мусаева Салихат Ибрагимовна – д-р ист. наук, проф. (Дагестанский государственный университет, г. Махачкала)

Муха Матвей Дмитриевич (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва)

Муханов Вадим Михайлович – канд. ист. наук (Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, г. Москва)

Николаенко Николай Дмитриевич – канд. ист. наук, доц. (Пятигорский государственный университет, Пятигорск)

Нуридова Аэлита Ховажиевна – канд. ист. наук (Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, г. Грозный)

Оборский Евгений Юрьевич – канд. ист. наук (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Оздоев Джамбулат Эдалгиреевич (Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, г. Магас)

Озова Фатима Анатольевна – д-р ист. наук, доц. (Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова, Черкесск)

Овсепян Арарат Саргисович (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Осмаев Аббаз Догиевич – д-р ист. наук, доц. (Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, Комплексный научно-исследовательский институт Российской академии наук, г. Грозный)

Панарин Андрей Анатольевич – д-р ист. наук, проф. (Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир)

Панарина Елена Владимировна – д-р ист. наук, доц. (Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир)

Печалов Анастас Константинович – канд. ист. наук (Ставропольский институт кооперации (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права, г. Ставрополь)

Печалова Лариса Викторовна – д-р ист. наук (Ставропольский институт кооперации (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права, г. Ставрополь)

Птицын Андрей Николаевич – канд. ист. наук, доц. (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Прокопенко Юрий Анатольевич – д-р ист. наук, доц. (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Ракачев Вадим Николаевич – д-р ист. наук, доц. (Кубанский государственный университет, г. Краснодар)

Ракачева Ярослава Владимировна – канд. ист. наук, доц. (Кубанский государственный университет, г. Краснодар)

Рева Илья Николаевич (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Рыкун Галина Николаевна – д-р ист. наук, проф. (Пятигорский институт (филиал) Северо-Кавказского федерального университета, г. Пятигорск)

Рябиков Александр Николаевич – канд. ист. наук, доц. (филиал Кубанского государственного университета, г. Славянск-на-Кубани)

Салакая Сослан Шотаевич – д-р ист. наук (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, г. Сухум, Республика Абхазия)

Салакая Елена Сослановна (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, г. Сухум, Республика Абхазия)

Самохин Михаил Михайлович (Пятигорская епархия Русской православной церкви, г. Пятигорск)

Сихарулидзе Арчил Теймуразович (Научно-исследовательский институт SIKHA foundation, г. Тбилиси, Грузия)

Скворцова Нино Автандиловна (Научно-исследовательский институт SIKHA foundation, г. Тбилиси, Грузия)

Скорик Александр Павлович – д-р ист. наук, д-р филос. наук, проф. (Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, г. Новочеркасск)

Соловьева Наталья Георгиевна – канд. ист. наук (Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова, г. Черкесск)

Состин Дмитрий Игоревич – канд. ист. наук, доц. (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставропольский филиал Российского технологического университета (МИРЭА), г. Ставрополь)

Степанян Хачатур Ростомович – д-р ист. наук, проф. (Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна, Ереван, Республика Армения)

Стрекалова Елена Николаевна – канд. ист. наук, доц. (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Сулаберидзе Юрий Семенович – канд. ист. наук (Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили, г. Тбилиси, Грузия)

Султанбеков Рабадан Магомедович – канд. ист. наук, доц. (Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, г. Махачкала)

Сундуков Даниил Дмитриевич (Луганский государственный университет им. В. Даля, г. Луганск)

Тарханова Жанна Давидовна (Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ)

Татаринов Игорь Евгеньевич – канд. ист. наук, доц. (Луганский государственный университет им. В. Даля, г. Луганск)

Текеев Ильяс Расулович (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Текеева Лариса Кичиевна – канд. ист. наук, доц. (Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, г. Карачаевск, Карачаево-Черкесская Республика)

Терещенко Николай Викторович – канд. юрид. наук, доц. (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Терещенко Елена Анатольевна – канд. юрид. наук, доц. (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Ткаченко Дмитрий Сергеевич – д-р ист. наук, проф. (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Труфанова Виктория Максимовна (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Туаева Берта Владимировна – д-р ист. наук, проф. (Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ)

Тубаев Мухамед Асланович (Фонд сохранения культурного и природного наследия, г. Нальчик)

Тумов Аскер Асланбекович – канд. ист. наук (Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону)

Фаузер Виктор Вильгельмович – д-р экон. наук, проф. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Федерального исследовательского центра Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, г. Сыктывкар)

Фаузер Галина Николаевна (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Федерального исследовательского центра Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, г. Сыктывкар)

Федина Ирина Михайловна – д-р ист. наук, доц. (Кубанский государственный университет, г. Краснодар)

Фоменко Владимир Александрович – канд. ист. наук, доц. (Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального научного центра «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», г. Нальчик)

Харитонов Илья Михайлович (Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве, г. Ставрополь)

Хатуев Ислам Заутдинович – канд. ист. наук, доц. (Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, г. Грозный)

Хатухов Аубекир Михайлович – канд. биол. наук (г. Нальчик)

Хашба Астанда Шалвовна – канд. ист. наук (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, г. Сухум, Республика Абхазия)

Хуако Мариет Асфаровна (Кубанский государственный университет, г. Краснодар)

Хубулова Светлана Алексеевна – д-р ист. наук, проф. (филиал Ставропольского государственного педагогического института, г. Ессентуки)

Чакветадзе Гульнара Владимировна – канд. ист. наук (Пограничное управление Службы государственной безопасности Республики Абхазия, г. Гудаута, Республика Абхазия)

Чекалов Петр Константинович – д-р филол. наук, профессор (Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова, г. Черкесск)

Чотчаев Дахир Джансохович (Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, г. Черкесск)

Шавлохов Георгий Казбекович (Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ)

Шебзухова Татьяна Александровна – д-р ист. наук, проф. (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Шурдумов Артур Асланович (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Эльбуздукаева Тамара Умаровна – д-р ист. наук, доц. (Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный)

Эмирханов Исмаил Асланович – канд. ист. наук, доц. (Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, г. Махачкала)

Эфендиева Айнура Салех (Сумгаитский государственный университет, г. Сумгаит, Азербайджанская Республика)

Научное издание

НАРОДЫ КАВКАЗА В XVIII–XXI ВВ.: ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

Материалы XIII Международного форума
историков-кавказоведов
(г. Ставрополь–Пятигорск, 12–13 октября 2023 г.)

Статьи публикуются в авторской редакции.

Компьютерная верстка *Е. А. Солоненко*
Дизайн обложки: *А. В. Коржов*

Подписано в печать 30.09.2026.
Бумага офсетная. Формат 60 × 84 1/16. Тираж 500 экз.
Усл. печ. л. 31,39. Уч.-изд. л. 44,39. Заказ № 10603.

Издательство Южного федерального университета

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса ЮФУ.
344090, г. Ростов-на-Дону, пр-т Стачки, 200/1, тел. (863) 243-41-66.